

3 А

31

857

С. А. КОВПАК

Воспоминания.
очерки.
статьи

С. А. КОВПАК

*Воспоминания,
очерки,
статьи*

Киев
Издательство политической
литературы Украины
1987

63.3(2)722.5я44
К56

Составитель сборника
и автор вступительной статьи
доктор исторических наук
В. А. Замлинский

Рецензент:
кандидат исторических наук
И. Я. Жученко

На фронтиспise:
портрет С. А. Ковпака
работы художника
А. А. Шовкуненко

3A 31857

Слово о народном герое

Есть люди, как звезды. Всею своею жизнью, высокими помыслами и делами они зажигают и ведут за собой других. В этом славном созвездии видное место принадлежит Сидору Артемьевичу Ковпаку — советскому государственному деятелю, одному из организаторов партизанского движения на Украине в годы Великой Отечественной войны, дважды Герою Советского Союза.

Сидор Артемьевич Ковпак родился в бедняцкой семье 26 мая 1887 года в слободе Котельва нынешнего Котельевского района Полтавской области. Заметив смешленость и любознательность сына, отец, несмотря на бедность, определил его учиться в церковноприходскую школу. Небольшой надел земли не мог прокормить многодетную семью, состоявшую из двенадцати человек, и в одиннадцать лет Сидор Ковпак был вынужден оставить школу и пойти работать «мальчиком» на побегушках у местного богатея, торговца железоскобяными товарами, «за харчи». Тогда же он впервые познакомился с нелегальной литературой, дальнейшее знакомство с которой продолжил в армии, куда был призван в 1909 году и определен рядовым в Асландузский резервный батальон, вскоре реорганизованный в 186-й Асландузский полк, расквартированный в Саратове. Здесь он прослужил до 1912 года, познав весь курс солдатской «науки», которую полагалось пройти солдату в царской армии. У каждого из «учителей», начиная от фельдфебеля и выше, был свой «метод» обучения, который в основном сводился к ругани и побоям. Эта «наука» и зародила в молодом Сидоре неукротимое стремление к справедливости и правде.

Отслужив положенный срок, Сидор решил не возвращаться домой в Котельву, а попытать счастья в Саратове. Однако получить работу здесь было не так-то просто. Пришлось Сидору Артемьевичу Ковпаку работать и крючником на волжском берегу, и чернорабочим в Саратовском трамвайном депо, и молотобойцем в кузнице.

Здесь, в Саратове, Ковпака и застала первая мировая империалистическая война. Он был мобилизован и отправлен в Асландузский полк.

Уже в первом бою в районе Люблина наскоро укомплектованная и плохо вооруженная 47-я пехотная дивизия, в составе которой находился Асландузский полк, понесла большие потери. В строю осталось лишь 120 солдат да несколько офицеров. Примерно такой же урон понесли и другие полки, в связи с чем 47-я дивизия вскоре была снята с передовой и отведена на переформирование. Пополнив ряды новобранцами, дивизию снова бросили на передовую. Учитывая грамотность Сидора Ковпака, лихость в бою, недюжинную сметку и сноровку, его перевели в разведку. Не раз приходилось Ковпаку ходить по тылам врага в поисках «языков», участвовать в боях, изо дня в день подвергаться смертельной опасности. В 1916 году в составе полка С. А. Ковпак принимал участие в Брусиловском прорыве, где прославился как отважный разведчик и был дважды награжден Георгиевским крестом.

Тогда же, в конце 1916 года, он впервые услышал слово «большевик». Вспомнивая об этом, Сидор Артемьевич напишет потом: «Чутьем и разумом солдаты поняли, что правда только у большевиков. Из всех партий только они говорили: «Долой войну! Земля — крестьянам, фабрики — рабочим!» Эти лозунги как нельзя лучше выражали сокровенные думы и заветные мечты каждого из нас. Дорогие народу слова большевистской правды выслушивались с особым вниманием. Большевистские листовки и газеты зачитывались буквально до дыр».

Бывалый солдат-фронтовик проникся революционными настроениями и стал на сторону большевиков. В 1917 году солдаты избрали Сидора Артемьевича в полковой комитет, по решению которого Асландузский полк не выполнил приказа правительства Керенского о наступлении, и командование фронта отвело полк в резерв. Вскоре солдаты полка разошлись по домам.

В 1918 году С. А. Ковпак вернулся в родную Котельву, где принимал активное участие в борьбе за власть Советов, возглавлял земельную комиссию по распределению помещичьих земель среди крестьян-бедняков.

В период гражданской войны С. А. Ковпак стал во главе Котелевского партизанского отряда. Под его командованием партизаны вместе с частями Красной Армии проводили боевые действия против австро-немецких оккупантов и денкинцев. В мае 1919 года партизанский отряд влился в действующую Красную Армию. В составе 25-й (Чапаевской) дивизии С. А. Ковпак принимал участие в разгроме белогвардейских войск под Гурьевом, а также в боях против войск Врангеля под Перекопом и в Крыму.

В 1921—1925 годах Сидор Артемьевич работал помощником, а затем военным комиссаром в Большом Токмаке (ныне г. Токмак), Генгическе, Кривом Роге, Павлограде. С 1926 года он на хозяйственной и советской работе. На первых выборах в местные

Советы, после принятия Конституции СССР 1936 года, С. А. Ковпак был избран депутатом Путивльского городского Совета, а на его первой сессии — председателем исполкома. На этой должности Сидора Артемьевича и застала Великая Отечественная война.

В июле 1941 года в Путивле для борьбы в тылу врага был сформирован партизанский отряд, командиром которого Путивльский райком КП(б)У утвердил С. А. Ковпака. Райком партии учитывал при этом и партизанский опыт Ковпака в гражданскую войну, и его службу в Красной Армии под началом таких ведущих военных деятелей, как Чапаев и Пархоменко, и его личные качества, умение сплотить людей и повести их за собой.

После соответствующей подготовки 8 сентября 1941 года С. А. Ковпак отправил в лес первых бойцов сформированного партизанского отряда, а 10 сентября в Путивль ворвались фашистские войска. Вскоре в лесу к отряду присоединились красноармейцы-окруженцы, и его численность возросла до 42 бойцов, 36 из них имели оружие. 27 сентября в Путивльский отряд влилась группа партийного и советского актива из Конотопа. Первые боевые действия против гитлеровских оккупантов партизанский отряд начал в районе села Сафоновка. В середине октября в Спадщанский лес прибыл партизанский отряд под командованием С. В. Руднева.

Уже первые действия партизан под командованием Ковпака и Руднева показали: чтобы по-настоящему сражаться с врагом, обладающим большой силой и коварством, нужны и значительные мобильные партизанские силы. На встрече двух командиров 18 октября 1941 года в Спадщанском лесу С. А. Ковпак высказал С. В. Рудневу мысль о необходимости объединения. «Обстановка в районе требует от нас смелых и активных действий,— говорил С. А. Ковпак.— Необходимо подбодрить людей, собрать тех, кто разбрелся по лесам, и доказать всем: есть грозная сила против фашистов! А это легче будет сделать, когда мы откажемся от своего первоначального плана и будем действовать не маленькими группами, а объединившись в один Путивльский отряд...»

22 октября 1941 года вышел приказ № 22, в котором указывалось: «С целью эффективности боевых действий с противником объединить партизанские отряды Ковпака, Руднева, Кириленко и Харьковской командира Воронцова в один отряд»¹.

Это было начало создания новых форм организации партизанских сил, которые потом выросли в партизанские соединения, сыгравшие наряду с партизанскими бригадами и частями значительную роль в борьбе партизан в тылу фашистских войск.

К концу октября 1941 года был окончательно сформирован объединенный Путивльский партизанский отряд. Его командиром стал Сидор Артемьевич Ковпак, комиссаром — Семен Васильевич Руднев, член партии с марта 1917 года, участник штурма Зимнего

¹ Партийный архив Института истории партии при ЦК Компартии Украины. Ф. 63. Оп. 1. Д. 15. (Далее: ПА ИИП при ЦК Компартии Украины).

дворца, а во время гражданской войны и после нее — партийно-политический работник Красной Армии. Начальником штаба стал Григорий Яковлевич Базыма — директор сельской школы, имевший опыт штабной работы еще со времен гражданской войны. В отряде насчитывалось около 70 бойцов, столько же было винтовок, преимущественно трофейных, и один ручной пулемет. С такими силами и с таким вооружением объединенный партизанский отряд под командованием С. А. Ковпака начал активные действия против фашистских оккупантов.

19 октября 1941 года в Спадшанский лес прорвались фашистские танки. Завязался бой, в результате которого партизаны захватили три танка. Потеряв большое количество солдат и боевой техники, враг вынужден был отступить и возвратиться в Путивль. Эта первая победа стала переломным моментом в боевой деятельности партизанского отряда.

Первого декабря 1941 года около трех тысяч гитлеровцев при поддержке артиллерии и минометов начали наступление на Спадшанский лес. Имея большой боевой опыт, Ковпак понимал, как много значит успех этого боя для подъема боевого духа бойцов и сплочения отряда, и поэтому делал все, чтобы выиграть его. Неравный бой длился целый день и окончился победой партизан. Вдохновленные примером командира и комиссара, сражавшихся вместе со всеми, партизаны ни на шаг не отступили от занятой ими позиции. Все атаки врага в этом бою были отбиты. Противник потерял около 200 солдат и офицеров, а партизаны добыли трофеи — 5 пулеметов и 20 винтовок.

В этих первых боях большую роль сыграли боевой опыт командира отряда С. А. Ковпака, его незаурядный военный талант, мужество и храбрость, сочетавшиеся с глубоким пониманием партизанской тактики, с трезвым расчетом и умением ориентироваться в самой сложной обстановке. После этого боя ковпаковцы выиграли сотни боев, прошли тысячи километров по тылам врага, нанеся ему большой урон. Но фундамент будущих боевых успехов был заложен именно в первых тяжелых боях горсткой храбрых патриотов, бесстрашно сражавшихся с намного превосходившими силами противника, вооруженного танками, артиллерией и самолетами.

Так как дальше оставаться в Спадшанском лесу было опасно, С. А. Ковпак и С. В. Руднев изменили тактику: отряд стал подвижным и во время рейдов наносил врагу сокрушительные удары. Рейдовая тактика стала новым шагом в развитии партизанской борьбы.

Во время рейда Ковпак был особенно требовательным к партизанам, твердо зная из собственного опыта, что успех боя иногда зависит и от незначительных, своевременно не учтенных «мелочей». Вот так описывал он в своих мемуарах «От Путивля до Карпат» выработанную во время рейдов партизанскую тактику:

«За время маневренных действий у нас постепенно выработались свои железные законы партизанского марша: выступать в поход с наступлением темноты, а при дневном свете отдыхать в лесу

или в глухих селах; знать все, что делается далеко впереди и по сторонам; не идти долго в одном направлении, прямым дорогам предпочитать окольные, не бояться сделать крюк или петлю; проходя мимо крупных гарнизонов врага, прикрываться от них заслонами; небольшие гарнизоны, заставы, засады уничтожать без остатка; ни под каким видом не нарушить в движении строй, никому не выходить из его рядов; всегда быть готовым к тому, чтобы через две минуты после появления врага походная колонна могла занять круговую оборону и открыть огонь на поражение из всех видов оружия; одни пушки выезжают на поражение из всех временем бьют прямо с дороги; главные силы идут глухими проселками, тропами, дорогами, которые известны только местным жителям, а диверсионные группы выходят на большаки и железнодорожные линии, закрывают их для противника — подрывают мосты, рельсы, провода, пускают под откос эшелоны. Там, где идет ночью партизанская колонна, — тишина, а далеко вокруг все гремит и пылает. Вступаешь в село — подымай народ на борьбу, используй для этого всё — листовки, радио, агитаторов, вооружай местных партизан, учи их своему опыту, чтобы завтра, когда будешь далеко, позади тебя не затухало пламя пожаров, не умолкал грохот взрывов. Ни в коем случае не говори: «мы — путивляне», «мы — шалыгинцы», «мы — глуховцы», забудь названия своих районов. Никто не знает, куда мы идем, и никто не должен знать, откуда мы пришли. Весь народ воюет. И мы только струйка в грозном потоке народа».

Такой была народная академия тактики и стратегии партизанской борьбы, которая отработывалась на базе партизанского отряда С. А. Ковпака.

В декабре 1941 — январе 1942 года Путивльский отряд осуществил боевой рейд в Хинельские, а в марте — в Брянские леса. Там он увеличился до 500 человек и вооружился отечественным и трофейным оружием. Это был первый рейд ковпаковцев.

Второй рейд, на родную Сумщину, начался 15 мая и продолжался до 24 июля 1942 года. За это время партизаны провели несколько боев с превосходившими силами гитлеровцев. В этих боях противник потерял около полутора тысяч человек. Рейд был знаменателен тем, что в ночь на 27 мая отряд вошел в Путивль. Родной город встретил освободителей слезами радости и благодарности. В те дни советское радио передало Указ о награждении партизан. За успешное проведение боевых операций по уничтожению вражеских гарнизонов, боевой техники противника, подрыву железнодорожных сооружений Сидору Артемьевичу Ковпаку Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 18 мая 1942 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

В этих боевых походах закладывалась и отработывалась рейдовая тактика партизан как один из важнейших способов партизанской борьбы с целью уничтожения живой силы противника, разрушения его коммуникаций и т. д. С. А. Ковпак был организатором

ром и душой партизанских рейдов. В решении всех задач, возникших во время рейдов перед партизанским отрядом, С. А. Ковпак постоянно опирался на партийную организацию и комиссара С. В. Руднева. Он всегда подчеркивал: «У хорошего командира и комиссар хороший! Это железный закон. Иначе не бывает! Да и не может иначе быть здесь, в тылу врага!»¹. В этом весь Ковпак, партизанский командир, коммунист.

Размах партизанской борьбы, повышение ее эффективности, укрепление взаимодействия партизан с подпольщиками и поступающими частями Красной Армии требовали централизации руководства партизанским движением, усиления партийного руководства всенародной борьбой во вражеском тылу. В связи с этим 30 мая 1942 года постановлением Государственного Комитета Обороны был создан Центральный штаб партизанского движения, а также республиканские и областные штабы. Украинский штаб партизанского движения (УШПД), ставший военно-оперативным органом ЦК КП(б)У, возглавил Т. А. Строкач. На Украине под руководством подпольных обкомов партии развернули работу областные штабы партизанского движения.

Огромное значение для дальнейшего развития партизанской борьбы имело совещание командиров и комиссаров наиболее значительных партизанских формирований Украины, Белоруссии, Орловской и Смоленской областей, оккупированных врагом, которое было проведено в Москве Центральным Комитетом ВКП(б) в августе 1942 года. С. А. Ковпак был вызван на это совещание, где стал его наиболее активным участником. Его соображения относительно дальнейшего развития партизанской войны, ее форм и методов были учтены руководителями партии и Советского правительства в последующих руководящих документах по партизанскому движению. 5 сентября 1942 года был издан приказ Наркома обороны Союза ССР «О задачах партизанского движения».

На совещании был решен вопрос о рейдах партизанских соединений под командованием С. А. Ковпака, А. Н. Сабурова, А. Ф. Федорова на Правобережную Украину.

2 октября 1942 года по решению Политбюро ЦК ВКП(б) был создан нелегальный ЦК КП(б)У, на который возлагалась задача возглавить партизанское движение на Украине и превратить его во всенародное движение против немецких оккупантов.

В нелегальный ЦК, утвержденный в количестве 17 человек, вошли руководители ряда подпольных обкомов партии, командиры и комиссары крупных партизанских соединений, некоторые члены ЦК КП(б)У — В. А. Бегма, А. И. Гаевой, М. С. Гречуха, А. Н. Зленко, П. Х. Куманек, Л. Р. Корниец, Д. С. Коротченко, С. В. Руднев, А. Н. Сабуров, В. Т. Сергиенко, И. К. Сыромолотный, М. С. Спивак, В. Ф. Старченко, Т. А. Строкач, А. Ф. Федоров, Я. А. Хоменко. Учитывая активное участие С. А. Ковпака в развитии партизанского движения, Центральный Комитет

¹ *Кизя Лука*. Сидір Ковпак: Біоґр. повість. К., 1972. С. 103.

ВКП(б) утвердил также его членом нелегального ЦК КП(б)У.

Большое значение для дальнейшего развития партизанской борьбы на Украине имел рейд партизанских соединений под командованием С. А. Ковпака и А. Н. Сабурова в западные области республики, который они совершили согласно приказу ГКО. Обоснование этого решения определялось следующим образом: «Враг из далекого тыла перебрасывает свои резервы, боевую технику, горючее и боеприпасы на фронт и вывозит из нашей страны в глубину Германии награбленное имущество и хлеб. Районы Житомирской, Ровенской и Киевской областей, которые расположены в правобережной части Украины, с наиболее развитой сетью железных и шоссежных дорог, с многочисленными переправами через реки являются стратегически важными»¹.

26 октября 1942 года, выполняя решение партии, соединения С. А. Ковпака и А. Н. Сабурова двумя параллельными колоннами вышли на Правобережную Украину. Пройдя сотни километров, форсировав с боями Десну, Днепр и Припять, проведя десятки боев с оккупантами, ковпаковцы уже в ноябре вышли в район Олевска на Житомирщине.

С каждым днем борьбы соединения партизанских отрядов под командованием С. А. Ковпака приобретало опыт активных боевых действий в тылу врага. К лучшим образцам партизанского искусства относится прославленная операция, вошедшая в историю под названием «Сарненский крест», выполненная 3—9 декабря 1942 года во время рейда на Правобережную Украину: партизаны взорвали одновременно 5 мостов на железнодорожных магистралях Сарненского узла и завершили поход разгромом вражеского гарнизона в Лельчицах. Движение поездов было прекращено на 15 суток. После партизанской операции гитлеровцы так и не смогли использовать крупный железнодорожный узел Сарны на полную мощность.

Оценивая рейды партизанских соединений С. А. Ковпака и А. Н. Сабурова в западные области Украины, ЦК КП(б)У отмечал, что они «оказали огромное влияние на местное население, еще более укрепили его веру в победу Красной Армии, в силу советских партизан»².

С. А. Ковпак и С. В. Руднев проявили в этом рейде большое военное мастерство. Им первым среди партизанских командиров были присвоены высокие генеральские звания.

Выполняя задания ЦК ВКП(б) по дальнейшему развитию партизанского движения на Украине, нелегальный ЦК КП(б)У 7 апреля 1943 года рассмотрел оперативный план боевых действий на осенне-летний период и решил передислоцировать несколько больших партизанских соединений в западную и юго-западную части

¹ ПА ИИП при ЦК Компартии Украины. Ф. 65. Т. 1. Л. 250—251.

² ПА ИИП при ЦК Компартии Украины. Ф. 1. Оп. 189. Д. 40. Л. 76.

Украины с целью развертывания всенародной борьбы в Волынской, Львовской, Дрогобычской, Станиславской, Черновицкой областях, а также «для организации местных партизанских формирований и совместных боевых и диверсионных действий на железнодорожных коммуникациях и нефтепромыслах»¹.

И не случайно партия поручила выполнение этого ответственного задания соединению партизанских отрядов во главе с С. А. Ковпаком и С. В. Рудневым. К выходу в Карпатский рейд соединение насчитывало около 2000 партизан, в том числе 390 коммунистов и около 500 комсомольцев. Это была большая интернациональная боевая семья. Почти 70 процентов соединения составляли украинцы и русские, 30 — представители других национальностей СССР. На вооружении было 130 пулеметов, 380 автоматов, 9 орудий, 30 минометов, 30 противотанковых ружей, винтовки и другое оружие.

За время рейда партизаны с боями прошли около двух тысяч километров, уничтожили и ранили более 3800 гитлеровцев, взорвали 19 воинских эшелонов, 52 моста, вывели из строя электростанции и нефтепромыслы вблизи Биткова и Яблунова.

Карпатский рейд всколыхнул народные массы. Вести о героях-ковпаковцах передавались из уст в уста не только в Прикарпатье и по всей Украине, а также в Белоруссии и Молдавии. Всюду, где проходило соединение, местные жители помогали партизанам едой, одеждой, прятали раненых, давали лошадей, вели разведку. Так, крестьяне с. Тишица Березновского района на Ровенщине обеспечили ковпаковцев продуктами и фуражом. Жители с. Рафаловка предупредили С. А. Ковпака о том, что в соединении засланы фашистские агенты с заданием установить маршрут рейда²; жители поселка Млинов на Ровенщине сообщили о дислокации фашистских войск, что позволило отрядам обойти врага. Немало крестьян с. Берестя Дубровицкого района присоединилось к партизанам³. Жители прикарпатских сел Тростяницы, Ильинцы, Рудники, Бучачки и других были надежными проводниками ковпаковцев.

Активную помощь соединению оказали группы коммунистического подполья Заболотовского, Косовского, Яремчанского, Надворнянского, Богородчанского, Бурштынского, Галицкого районов Станиславской области. «Трудно описать атмосферу народного ликования при нашей встрече с вырванными из долгой неволи карпатскими братьями и сестрами,— вспоминал С. А. Ковпак.— Эти встречи запомнились мне на всю жизнь. В эти дни много гуцульской молодежи влилось в наше соединение. Мы продвигались вперед, и каждая новая боевая операция приносила нам радость победы. Нужно было видеть, с каким ожесточением дрались эти

¹ ПА ИИП при ЦК Компартии Украины. Ф. 1. Оп. 189. Д. 40. Л. 76.

² Історія міст і сіл УРСР: Ровенська обл. К., 1973. С. 166—167.

³ Там же. С. 288.

молодые партизаны — дети горных краев, истосковавшиеся по воле! Они дрались с особой энергией, ибо знали, что каждый уничтоженный в Карпатах гитлеровец — это десятки спасенных от гибели живых людей» (Ковпак С. А. Партизанскими тропами).

Соединение С. А. Ковпака прошло почти по всем западным областям Украины. Только на Станиславщине оно побывало в 518 населенных пунктах¹. Здесь партизаны встретились с тысячами людей, которые пополнили огромную армию советских патриотов.

Рейд соединения под командованием С. А. Ковпака в Карпаты нанес удар по разбойничьему плану онемечивания Прикарпатья, разработанному под руководством Гиммлера. По этому плану предусматривалось вывезти половину населения Галиции и Люблинщины на принудительные работы в Германию, а на освобожденных землях поселить фольксдойчей из Боснии, Хорватии и Бессарабии. Гитлеровцы уже начали осуществление своего замысла. 28 ноября 1942 г. были выселены первые группы местных жителей. Началась подготовка к вывозу населения всего Прикарпатья. Однако рейд соединения напугал оккупантов, и Ганс Франк вынужден был признать, что «сейчас там (в Галиции.— В. З.) условия неблагоприятны для переселения»².

Партизаны парализовали работу административного аппарата «дистрикта Галиция», срывали планы грабежа территории, добычи нефти, нарушали железнодорожное движение. В течение всего времени, пока соединение под командованием С. А. Ковпака совершало рейд по территории Галиции, Ганс Франк и его чиновники ежедневно заседали, пытаясь спасти положение.

Так, на заседании 22 июля 1943 г. фашистский руководитель управления железных дорог А. Гертейз докладывал, что «во Львовском районе партизаны взорвали мосты на главных путях», а это нарушило функционирование железной дороги. Здесь же руководитель полиции и СД генерал-губернаторства Биркамф вынужден был признать: «Чем ближе решающий момент войны, тем большие усилия прилагает враг, чтобы с помощью деятельности партизан сорвать наше снабжение и коммуникации... Борьба эта все время заостряется. Процесс этот отмечается не только в генерал-губернаторстве, но и на всем Востоке и вообще на всех оккупированных территориях»³. Биркамф признавал, что «армия в генерал-губернаторстве не такая уж и сильная, чтобы справиться с каждой вооруженной бандой (партизанами.— В. З.), которая врывается на эту территорию». На совещании 23 июля Франк жаловался на то, что в связи с появлением партизан С. А. Ковпака его очень беспокоит положение в дистриктах «Люблин» и «Галиция». Генеральный директор нефтепромысла Гроссе на заседании 23 июля докладывал, что промысел нефти на всей территории

¹ Чернов О. ...I став світанок днем. Ужгород, 1972. С. 89.

² См.: Okupacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka. 1939—1945. Warszawa, 1972. Т. 2. С. 20.

³ Там же. С. 178—180.

генерал-губернаторства поражен активным саботажем. Он отмечал, что во время своего похода по Восточной Галиции соединение Ковпака причинило большие разрушения, сжигая вышки и мастерские, взрывая оборудование¹.

Рейд в Карпаты способствовал также дальнейшему развитию антифашистской борьбы в Польше, в частности в Люблинском и Краковском воеводствах. Губернатор дистрикта «Люблин» Култ жаловался на совещании 22 сентября 1944 г., что с того времени, когда часть полицейских сил была послана в Галицию для борьбы с партизанами под командованием С. А. Ковпака, на Люблинщине резко возросла боевая активность местных партизанских отрядов².

Этот рейд стал одной из выдающихся операций советских патриотов в годы Великой Отечественной войны. Осуществленный во время Курской битвы, он имел большое морально-политическое значение. Сея сумятицу и тревогу в тылу врага, соединение оттягивало на себя значительные вражеские силы, разрушало железнодорожные пути, задерживало переброску фашистских войск на фронт. Кроме того, рейд имел большое влияние на развитие партизанской борьбы в западных областях Украины: на вооруженную борьбу с врагом поднялись новые тысячи советских патриотов.

В рапорте Верховному Главнокомандующему генерал-майор С. А. Ковпак писал:

«Сообщаю коротко результаты четырехмесячного боевого рейда.

Партизаны пронесли знамя Советской власти там, где в течение 2 лет не ступала партизанская нога. За 4 месяца с боями пройдено 4000 километров, по несколько раз форсированы реки Случь, Горынь, Збруч, Днестр, Прут и др. Занимались города: Скалат, Солотвин, Большовцы, Яблунов, Делятин, Городница и много крупных населенных пунктов.

По всей Восточной Галиции, от Тернополя до Карпат, нарушена нормальная работа транспорта, выведено из строя крупное сельское хозяйство, фольварки и лигеншафты, сорван сбор немцами налогов с молока, мяса и других продуктов. Нанесен удар по нефтяным промыслам».

Затем Ковпак перечисляет уничтоженное в Галиции. В длинный список помимо разрушенных нефтепромыслов вошли следующие объекты: железнодорожные мосты — 14, длиной 1166 погонных метров, мосты на шоссежных дорогах — 38, длиной 2369 погонных метров, пущено под откос эшелонов — 19, лесопильные заводы — 2, электростанции — 3, узлы связи — 20, спиртозаводы — 2, молочарни и сепараторы — 341, маслозавод — 1, фольварки и лигеншафты — 82, склады продовольственные и обмундирования — 51, вырезано 108 километров телеграфных и телефонных проводов

¹ См.: Okupacja i ruch oporu w dzienniku Hansa Franka. Т. 2. S. 183.

² Там же. С. 213.

на 245 направлениях, роздано населению большое количество захваченного у гитлеровцев продовольствия, скота и одежды.

Далее: «После взрыва мостов на железной дороге Тернополь — Проскуров и прекращения движения на ней на 20 суток противник бросил крупные силы мотопехоты, танки и штурмовую авиацию против партизан.

Продвижение от Збруча до Карпат проводилось с непрерывными боями.

Моторизованные полки противника, забегаая вперед, преграждали нам путь, вынуждая принимать бои в невыгодных для нас условиях. Обходя противника и стараясь сократить время рейда, партизаны проходили по 50—60 километров в день, принимая бои с превосходящими силами противника.

В Карпатах противник задался целью полностью уничтожить отряд. Им были брошены свезенные из Кракова, Парижа, Норвегии специальные эсэсовские полицейские горные полки 4, 6, 13, 24 и 26-й, а также 274-й горно-стрелковый полк и 5 батальонов разных национальностей.

Боясь нашего прохода в Венгрию и далее в Югославию, (противник) на небольшом только участке границы в 20 километров поставил заслонами 3 венгерских горно-стрелковых полка.

С 12 июля до 14 сентября наша часть, находясь вдали от Родины, не имея возможности получить оружие, боеприпасы и отправить раненых, вела ежедневный поединок с противником.

Противник изматывал нас авиацией, морил голодом в горах, измышлял провокации, пробовал травить ОВ (отравляющими веществами), но так и не смог нанести нам смертельного удара, несмотря на численное и техническое превосходство...

Особенно ожесточенные бои вели мы с противником в с. Поляница, на горах Шевка и Сенечка, в г. Делятине и под г. Станиславом.

Выход соединения из Карпат был осуществлен давидовским маневром кутузовских партизан, то есть враспыленную, группами, действовавшими одновременно в разных направлениях. Этим маневром противник был дезориентирован, так как сгруппировал свои части в кулак.

Влиянием партизан был охвачен громадный район действий. В Станиславской, Тернопольской, части Львовской и Каменец-Подольской областях почти нет села, где не прошли бы партизаны. Они зажигали в сердцах угнетенного фашизмом украинского и польского населения искру надежды, вызывая протест; срывали мероприятия немецких властей, уничтожали немецких служаков. Влияние наше проникло в Венгрию и Закарпатскую Украину.

В боях наше соединение понесло серьезные потери: в горах нами уничтожено все тяжелое вооружение отряда — пушки, станковые пулеметы и минометы. В боях за Родину пали смертью храбрых 228 бойцов и командиров, ранено свыше 150 человек, без вести пропало 200 человек. Но все же противник не разбил отряд, который забрался в самое логово его и целил в самое

уязвимое место — нефть. Отряд вышел еще более крепким и сильным из боев.

В Галиции вспахана почва для широкого партизанского движения».

За осуществление Карпатского рейда Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1944 года Сидор Артемьевич был награжден второй медалью «Золотая Звезда».

В декабре 1943 года С. А. Ковпак в связи с болезнью отбыл в Киев на лечение. 23 февраля 1944 г. соединение было преобразовано в Первую Украинскую партизанскую дивизию имени дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака. Первому полку дивизии было присвоено имя Героя Советского Союза генерал-майора С. В. Руднева, героически погибшего во время Карпатского рейда. Под командованием П. П. Вершигоры дивизия совершила еще два рейда по тылам противника в западных областях Украины и Белоруссии, а также на территории Польши.

5 января 1944 года С. А. Ковпак приступил к исполнению своих новых обязанностей. Он был назначен членом Верховного Суда Украинской ССР. Работа оказалась сложной и ответственной. Верховный Суд — это высшая судебная инстанция республики. Абсолютное и точное соблюдение закона — суть работы Верховного Суда. Ковпак как член Верховного Суда должен был стоять на его стороне. И хотя Сидор Артемьевич никогда не учился юридическим наукам, нехватку юридических знаний он восполнил огромным жизненным опытом, практическим чутьем, великолепным знанием людей. К тому же, работая, он учился. Его домашний кабинет был заполнен справочниками, энциклопедиями, кодексами и прочей специальной литературой.

В это время С. А. Ковпак вел большую общественную работу. Он стал душой и организатором в Киеве республиканской выставки «Партизаны Украины в борьбе против немецко-фашистских захватчиков» и других важнейших мероприятий. Он писал воспоминания, которые вышли в 1945 году под названием «От Путивля до Карпат», выступал перед трудящимися.

В 1946 году народ оказал высокое доверие С. А. Ковпаку, избрав его депутатом Верховного Совета УССР, а в 1947 году — депутатом Верховного Совета СССР. В марте этого же года С. А. Ковпак единогласно был избран заместителем Председателя Президиума Верховного Совета республики. На этом посту он работал в течение 20 лет. Делегаты XVI—XXIII съездов Коммунистической партии Украины избирали его членом ЦК Компартии Украины. Он был депутатом Верховного Совета Союза ССР II—VII созывов и II—VII созывов Верховного Совета УССР. Слава не изменила его характера и отношения к работе и людям. Он до конца своих дней оставался чутким, скромным и простым человеком.

11 декабря 1967 года после тяжелой болезни Сидор Артемьевич Ковпак скончался. Коммунистическая партия и Советское государство высоко оценили большие заслуги С. А. Ковпака перед

Родиной. Он был награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Суворова I степени, Богдана Хмельницкого I степени и многими медалями, а также орденами и медалями братских стран: Польши, Венгрии, Чехословакии.

Это был человек железной воли, высокой организованности и необычайной выдержки; он обладал редким умением спланировать людей. Его отличали огромная работоспособность и энергия, доброжелательность и в то же время требовательность к людям, что инисало исключительное уважение к нему самых широких народных масс как к яркой выдающейся личности, бойцу ленинской партии, одному из талантливейших и легендарных организаторов и руководителей партизанского движения.

Жизненный путь С. А. Ковпака является примером преданности делу Коммунистической партии и Советской Родине. Советские люди отдают ему — сыну социалистической Родины, коммунисту, солдату, труженнику, легендарному партизанскому командиру, государственному деятелю — дань искреннего, глубокого уважения и благодарной памяти. Его именем названы улицы в городах, пионерские отряды в школах. На родине народного героя, в Котельве на Полтавщине, установлен его бюст, а в Путивле поставлен памятник.

* * *

Литературное наследие С. А. Ковпака составляет как отдельные книги, так и статьи, очерки, выступления.

Еще в 1945 году впервые увидела свет книга воспоминаний С. А. Ковпака «От Путивля до Карпат», которая потом была многократно переиздана. В 1949 году им была написана книга «Молоді месники», а в 1956 году — «Геронческие дела осовиахи-мовцев».

Продолжая работу по освещению геронческих дел партизан возглавляемого им соединения, в 1964 году С. А. Ковпак издал новую книгу — «Из дневника партизанских походов», а в следующем, 1965-м, — «Партизанскими тропами».

С. А. Ковпак активно выступал в советской прессе. В многочисленных статьях и очерках он писал не только о борьбе советских людей на временно оккупированной территории, но и о послевоенном возрождении родной Украины, а также братских республик СССР, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов, о силе и мужестве советских людей, величии их духа, преданности делу великого Ленина. Интересовали его и послевоенные судьбы партизан. Активно и страстно выступал С. А. Ковпак за мир, за разоружение. Гневно клеймил он в своих выступлениях в прессе, на многочисленных встречах, митингах проски поджигателей войны, призывая народы энергично бороться за мир во всем мире.

Настоящее издание содержит работы С. А. Ковпака, раскрывающие историю организации и развития партизанского движения на временно оккупированной территории Украины в годы

Великой Отечественной войны, ведущую роль Коммунистической партии, героические дела партизан и подпольщиков в борьбе против фашистских оккупантов. Этой же проблематике посвящены и включенные в книгу статьи и очерки, которые являются, по сути, продолжением партизанских мемуаров С. А. Ковпака.

Собранные в одной книге работы С. А. Ковпака, посвященные партизанской тематике, рисуют широкую и яркую картину героизма советских людей, проявленного ими в борьбе против фашизма, их высокого советского патриотизма, беззаветной преданности Советской власти и Коммунистической партии.

В. А. ЗАМЛИНСКИЙ,
доктор исторических наук

Воспоминания

1

От Путивля до Карпат

Наш городок

До Великой Отечественной войны я работал председателем исполкома городского Совета в Путивле. Это небольшой городок, расположенный вдали от железной дороги, на берегу Сейма, на шести холмах — отрогах Среднерусской возвышенности, разделенных глубокими оврагами.

К северу от Путивля — больше леса. Когда-то они сливались с Брянским лесным массивом, а теперь лежат перед ним, как оторвавшиеся от берега острова. К югу местность открытая, ровная: обширная пойма Сейма — богатейшие луга, торфяные разработки, хлебные и свекловичные поля — степная равнина.

Больше двадцати километров едешь со станции в Путивль, и город все время на виду. Издали отдельных холмов, вытянувшихся по берегу, не видно — все шесть сливаются в одну гору. На вершине ее блещет древний Молченский монастырь. Других зданий не видно — их скрывают сады. Поэтому издали Путивль похож на огромное гнездо, в котором сидит какая-то гигантская белая птица.

Город тонет в тени старых кленов, вязов, акаций, каштанов и фруктовых садов. Улицы широкие, на окраинах позарастали травой. Дома в большинстве одноэтажные, с крылечками, ставнями, резными карнизами. Почти все двухэтажные здания — новые, каменные. Это, по преимуществу, школы, техникумы, детские дома. Промышленных предприятий в Путивле немного, а учебных заведений — как в крупном городе. Осенью в Путивль съезжается масса учащихся из окружающих сел. Летом к нам приезжают на отдых москвичи, ленинградцы, киевляне.

Город наш старинный. В центре его — Городище, здесь еще сохранился земляной вал времен князя Игоря, когда Путивль стоял на рубеже Киевской Руси и защищал ее от набегов степняков-кочевников. Теперь на этом валу растет сирень, стоят скамеечки. Внизу, под кручей, — родниковый

ключ Путника. Когда-то Путника была речкой, впадала в Сейм. По ее имени и назван был город.

Монастырь — на соседнем холме. Это уже памятник более близкой к нам эпохи, когда поднялась Москва и мимо Путивля лег путь на Москву из Киева. Несколько веков простоял Молченский монастырь высоко над рекой. Монастырская ограда проходит вокруг холма пизовым берегом и яром. Местами толстая кирпичная стена сохранилась во всю свою былую высоту, а местами почти сравнялась с землей, и в сильную грязь люди ходят по остаткам стены, как по тротуару.

Любят свой городок путивляне. Надо побывать у нас весной, когда цветут яблоневые и вишневые сады, чтобы увидеть его красоту. Кажется, что крыши домов плывут в облаках. А какой вид с Городища, со старинного вала, на котором когда-то плакала по князю Игорю Ярославна! Отсюда даль видна, как с самолета, на юг, восток, запад в ясную погоду — километров на тридцать. Внизу — два русла реки: новое — чистое, широкое, и старое — тинистое, заросшее айром, резаком. На берегу стада гусей белеют, как залежавшийся снег, дальше — луга, между стогами сена блестят зеркала озер — рыболовные и охотничьи угодья.

Так выглядел Путивль, один из тысяч районных центров нашей страны, откуда в Великую Отечественную войну мы начали свой партизанский поход. Много областей Украины, России и Белоруссии прошли мы с боями по тылам врага от Путивля до Карпатских гор, но где бы ни были, как бы трудно ни приходилось нам в борьбе с врагом, а вспомнишь свой городок — и вся наша мирная жизнь вспоминается: что мы сделали за годы Советской власти, что не успели доделать — война помешала, что надо еще сделать, что только в планах было, о чем мечтали. Были тяжелые дни, когда мы сидели в лесу возле своего городка, и он казался нам далеким-далеким. А вот стал приближаться день Победы — сразу приблизился к нам наш городок, хотя в те дни мы уходили все дальше и дальше от него.

* * *

Когда началась война, мне уже шел пятьдесят пятый год. Дети называли меня дедом. Но какое это имело тогда значение!

Военным человеком я не считал себя, но воевать мне приходилось. В первую мировую войну был рядовым солдатом, связистом, потом разведчиком, в гражданскую в командиры вышел, командовал партизанским отрядом бывших солдат-фронтовиков. В мае 1919-го года мой отряд влился в ряды Красной Армии. В составе 25-й Чапаевской дивизии воевал я на Восточном фронте, был в походе с Пархоменко, принимал участие в разгроме Врангеля.

— Так что, Сидор Артемьевич, если придется путивлянам уйти в лес, будешь командовать, — сказали мне в райкоме партии.

Это было в июле 1941 года. В кабинете секретаря Путивльско-

го райкома партии собрался партийный актив. Все мы не один год работали в Путивле и не раз уже собирались здесь.

Тихий наш городок. Выйдешь на крыльцо вечером и слышишь выстрелы охотников, доносящиеся из-за реки. А жизнь в Путивле шла не тихо — в погу за жизнью всей страны. Когда мы обсуждали свои текущие дела в райкоме партии, то чувствовали связь, которая объединяет в одно целое и большие, шумные советские города, центры индустрии, и такие сельские районы, как наш Путивльский. Ведь какой бы вопрос ни стоял у нас на повестке дня, большой или маленький, посевная кампания или колхозное пчеловодство, от того, правильно мы решили его или нет, всегда в какой-то мере зависело выполнение общесоюзных планов.

Иной раз мы крепко спорили. Каждый болел за свой участок работы, за дело, которое ему поручила партия, у каждого были свои особые заботы. Один был убежден, что сейчас все решает баббит,— это, мол, самое узкое место в подготовке тракторного парка, как бы из-за баббита нам не провалиться с уборочной. Другой так был поглощен заготовкой материала для ремонта жилищного фонда, что казалось, баббит для него — пустой звук. Послушаешь третьего и подумаешь: а этого сейчас ничего на свете не занимает, кроме школьных учебников и оборудования для вновь открываемых в районе школ. Обо мне говорили, посмеиваясь над моей страстью к древонасаждениям: «У Ковпака одна забота — деревьев побольше посадить в городе».

Но на каком бы участке мы ни работали, каким бы специальным делом ни занимались, все мы прежде всего были солдатами одной армии — великой армии большевиков, людьми, выращенными и воспитанными партией, людьми, привыкшими смотреть на свое дело с государственной точки зрения.

В памятный июльский день, когда мы, собравшись в кабинете секретаря райкома, думали о задачах, поставленных перед нами партией, каждый из нас как-то особенно почувствовал, что Советское государство — это мы сами, что это та могучая сила, которая сплачивает всех нас воедино, направляет к общей цели. Все наши заботы слились в одну великую заботу — тревогу за судьбу Отчизны. Над Советской Родиной нависла смертельная опасность. Гибель угрожает всему, что создано трудом нашего народа, добыто ценою крови лучших людей, к чему устремлены все наши помыслы, что всем нам дороже жизни. Варварские полчища фашистских захватчиков топчут наши поля. В дыму и огне наша земля — горят города и села, горит Украина.

Мы, мирные советские люди, сразу стали солдатами. Мы пришли в райком партии по телефонному вызову секретаря, как на призывной пункт. Никто не выступал, не произносил речей. Все было совершенно ясно. Партия призывает нас, большевиков, возглавить народ, поднимающийся на борьбу с врагом, чтобы бить его не только на фронте, но и в тылу. Мы знали: борьба будет небывало жестокой и тяжелой — не на жизнь, а на смерть, но мы не сомневались, что победа останется за нами.

Партийный актив выслушал короткое сообщение о том, что по решению ЦК КП(б)У всюду формируются партизанские группы, проводится военная подготовка будущих партизан, в лесах закладываются для них базы с запасами продовольствия, оружия, взрывчатки. А потом все вернулись к своим обычным делам. Райком сосредоточил все силы партийного актива на уборке, молотье и вывозе хлеба. Как всегда в страдную пору, в районных учреждениях мало осталось работников — все выехали в колхозы, на поля и тока.

Вскоре часть будущих партизан отправилась в Сумы, на курсы минеров, созданные обкомом партии. Несколько человек, оставшихся в Путивле, занялись подготовкой партизанских лесных баз. Для партизанской группы, командиром которой был назначен я, закладывалась база в Спадщанском лесу.

С Городища, если смотреть на запад, виден этот большой темнеющий издали лесной массив. По преданию, во времена монголо-татарского нашествия многие жители Путивля ушли в этот лес. Он начинается у Сейма от села Спадщина и тянется вдоль болота Жилень на север по прямой километров на восемь — до болотистого берега речки Клевень, которая огибает лес с севера и двумя рукавами впадает в Сейм. Вся восточная опушка леса в мысиках, заливчиках, здесь много отдельных рощиц, выползших в поле, между ними — хутора и села.

С востока на запад Спадщанский лес тянется километров на пять, становится все более болотистым, пока не переходит в открытое болото.

К северо-востоку от Путивля, у села Новая Слобода, лежит другой большой лесной массив, покрывающий гряды высот над поймой Сейма. В старое время этот лес назывался Монастырским, потому что на одном из его холмов, самом высоком, стоял Софроневский монастырь. Огромные, в два обхвата, дубы укрывают развалины этого древнейшего монастыря. Из зелени вековых дубов выглядывает полуобвалившаяся колокольня.

В этом лесу закладывалась база для другой партизанской группы путивлян, возглавляемой Семеном Васильевичем Рудневым.

Я родился в большом селе Котельва на Полтавщине. Местность там открытая, леса росли по реке Ворскле, а с другой стороны ветер наносил на поля песок. Помню первый митинг при Советской власти весной 1918 года. Под набат колоколов семи церквей собрались крестьяне на площадь перед зданием бывшей волостной управы. Я тогда только что вернулся с германской войны, вместе со своими товарищами-фронтовиками устанавливал в селе Советскую власть, был начальником штаба обороны села и председателем земельной комиссии. Митинг мы создали, чтобы народ утвердил раздел помещичьей земли и программу дальнейших действий. Первый пункт этой программы гласил: «Посадить на песках семьдесят пять десятин сосен». Вся земля стала нашей, и мы хотели защитить ее от песков — бедствия нашего края.

Лес всегда вызывал у меня такие же мысли, как хлебные поля, фруктовые сады, стада скота,— мысли о мирном труде, благополучии народа. С тех пор как установилась Советская власть, мне ни разу не приходилось смотреть на наши леса с военной точки зрения. Мог ли я подумать, что в том же лесу, в который путивляне ходили за орехами, грибами, ягодами, мне придется воевать, что он будет нам защитой от гитлеровских танков, как в старину защищал путивлян от татарской конницы?

Уже отвезли в лес продовольствие, зарыли в ямы, а все как-то не совсем еще верилось, что мы всерьез собираемся стать лесными жителями. Фронт между тем приближался к Путивлю. В первых числах сентября многие из нас проснулись со своими семьями. Жена моя, уезжая из города, спросила меня:

— Когда же мы, Сидор, встретимся и где?

— Где? — удивился я ее вопросу. — Конечно, в Путивле.

На вопрос «когда» нетрудно было ответить — после того, как разгромим врага. О том, что мы можем вовсе не встретиться, в тот момент я не подумал. Только потом, когда подвола, на которой уезжала жена, скрылась в потоке подвола, двигавшихся через Путивль, мне пришла в голову мысль, что, может быть, я уже не увижу больше своей жены, но я поторопился отогнать эту мысль, уверить себя, что мы еще проживем вместе.

Моя партизанская группа ушла в Спадщанский лес за несколько дней до вступления немецко-фашистских войск в Путивль. Она следила за сохранностью нашей продовольственной базы и за тем, чтобы в лес не проникли вражеские парашютисты, которых немецкая авиация сбрасывала в окрестных местах.

Мне, как председателю городского Совета, пришлось оставаться в Путивле до последней возможности. Я покинул его, когда вражеские разведчики перешли по мосту Сейм и вышли на окраину города. Это было 10 сентября под вечер.

Погода стояла уже осенняя. Мрачно было в поле. Облака плыли низко, клубились, как дым, и моросил мелкий дождик. Я шел напрямик к лесу, сжимая в кармане рукоятку браунинга. Ноги вязли в расплывающейся земле. Неподалеку рвались мины. Путивль был затянут мглой.

Перед этим все дни были солнечные, и мне показалось, что я иду совсем незнакомой местностью. Вспомнилось, как я возвращался с фронта в свою родную Котельву, в которой не был десять лет, с тех пор как ушел из отцовского дома на заработки. При подходе к селу (это было ночью, в туман) мне почудилось, что впереди на дороге стоит кучка каких-то людей. Тогда на Украине шла гражданская война, кое-где власть захватили сторонники буржуазно-националистической Центральной рады. Я подумал, не их ли застава стоит, и решил, как бывалый разведчик, подползти, посмотреть, что это за люди. Подползаю и вижу, что ночной туман обманул меня: мост какой-то с перилами, а не люди. Раньше моста тут не было. Подполз я к нему вплотную, поднялся, оглядываюсь и не узнаю родную местность. До самого села дошел и все

думал, что заблудился. Даже отцовскую хату не сразу узнал. Простоял у калитки, пока рассветать не стало. Боялся, что по ошибке в чужую хату попаду, к гайдамакам. Они разоружали фронтовиков, а нам оружие нужно было — Советскую власть установить.

Многое пережитое вспомнилось мне в тот осенний вечер, когда я пробирался из оставленного нашими войсками города в Спадщанский лес. И вдруг мне показалось, что где-то грянула песня. Все наши праздничные вечера в Путивле обыкновенно начинались исполнением школьниками советских и старых народных русских и украинских песен. У нас было несколько соревновавшихся между собой школьных хоров, их выступления часто транслировались местным радиовещанием. И вот как будто из Путивля сквозь муть дождя до меня донеслась песня. Хор пел:

Широка страна моя родная...

Всегда эта песня звучала как гимн торжества советского человека, наполняя нас бодростью, а тут сердце сжималось от тоски — слова долетали издалека глухо, неразборчиво.

Вместе со мной из Путивля вышла в Спадщанский лес группа тозарищей, прибывших в наши края из Белоруссии. Дальше в глубь страны они не захотели ехать — решили остаться вместе с нами в тылу врага для партизанской борьбы. Попав под минометный обстрел, мы разбрелись по полю, а как стемнело, совсем потеряли друг друга из виду. Вероятно, пел кто-то из этих товарищей, и мне просто показалось, что поют дети.

В хоре средней школы № 3 была одна особенно звонкоголосая певунья — маленькая девчущка с огромной копной черных волос. Мы прозвали ее Чернушкой. Она иногда пела и соло. Ее любимая песня была:

Улетают герои-пилоты
В океан голубой высоты,
И на крыльях несут самолеты
Пионерские наши мечты.

Шагая под дождем, в грязь, по полю, чтобы заглушить тоску, я вполголоса повторяю про себя слова этой песни:

Побеждая полярные дали,
Мы вернемся к родным берегам...

Хозяева Спадщанского леса

Не только городской житель, редко бывающий в Спадщанском лесу, но и колхозники из близлежащих сел и хуторов боятся заблудиться в лабиринте переплетающихся дорог и тропинок этого старого леса. Разнообразен Спадщанский лес, и в то же время в нем так много мест, совершенно похожих одно на другое, что порой человеку, идущему даже по прямой дороге, кажется, что он кружит, возвращается туда, где уже был.

Высокий, заросший травой дубняк вдруг сменяется молодым, усталым хвоей сосняком или растущим в болотистой низинке березнячком. А поднимешься на высоту — и опять такой же соснячок или дубняк, и за ним выше уже белеют березы, там снова болото, и поди разбери, то ли это болото, которое ты проходил, то ли новое: такая же круглая опушка и такой же просвечивающийся насквозь березняк. Дальше начинается чаща, где даже солнечным днем темно и сыро. И вдруг появляется светлое редколесье, поляна или вырубка, одни только пни, обросшие высоким густым папоротником и цветами, а там заросль орешника, ольшаника и снова чаща, из которой, кажется, только что выбрался.

Когда я ездил в лес на базу, приметой у меня были молодые сосенки: возле них, как мне помнилось, телега, на которой везли продовольствие, свернула с дороги. Несколько раз мне казалось, что я находил эти примеченные мною сосенки, но возле них я не обнаруживал никаких следов. Это меня пугало. Я шел дальше, опять встречал как будто те же сосенки, но никаких следов поблизости не находил. Дождь смыл в лесу все следы.

Иногда глухо доносился гул артиллерии, где-то ухали бомбы, а в лесу — мирная тишина; на дорогах ни души, зайцы бегают, шныряют лисички. Только в дубняке порывы ветра доносили стук, как будто кто-то с воздуха камешками осыпал лес. Это падали желудки.

Долго блуждал я по лесу. Думал уже, не разбрелся ли мой партизаны. Да нет — народ, кажется, подобрался надежный. Вот если немецкая разведка пробралась в лес... Вряд ли, стрельба была бы. Но что все-таки делать, если не найду своих? Посижу на пеньке в раздумье и снова пойду искать следы.

Проблуждал ночь, день, а на следующую ночь пошел на ближайший хутор. Постучался в хату одного знакомого колхозника, стал осторожно выспрашивать у него, не видал ли он кого-нибудь в лесу, не слышал ли, есть там кто-нибудь или нет. Нет, никого не видел, ничего не слышал, говорит, что страшно из хаты выйти — вдруг на немцев нарвешься. Смотрит на меня удивленно — чего это я брожу по почам возле леса и не убегаю от немцев, но не спрашивает ничего, понимает, должно быть, что все равно правды я не смогу сказать. Неприятно было таиться от своих, разговаривать так с человеком, с которым привык говорить по душам, но на первых порах приходилось это делать. И не только потому, что надо было соблюдать конспирацию, — люди невольно прощупывали друг друга: ну как-то ты теперь намерен жить, что собираешься делать, можно ли на тебя положиться или струсил? Поговорил я с этим колхозником, почувствовал, что он тоже приглядывается ко мне, как и я к нему, попросил немного картошки на дорогу и вернулся в лес.

Вторую ночь провел я в глухой лесной чаще. Испек на костре несколько картофелин, подремал возле угольков, а утром опять пошел следы своих искать. Странно было, что так долго не встре-

чаю никого в лесу — ни наших путивлян, ни белорусов — как в воду все канули, но все-таки не покидала уверенность, что найду своих, и чем дальше искал их, тем эта уверенность была крепче. Думал: раз я их ищу, то и они меня ищут, не могут наши люди потеряться — обязательно будут искать друг друга, пока не найдут. По себе это чувствовал. Как хотелось хоть кого-нибудь из своих увидеть поскорее в лесу! Казалось, вот-вот сейчас обогну кусты и увижу...

На третий день вечером я услышал позади себя осторожные шаги. Они становились все быстрее: кто-то молча догонял меня. Это могли быть гитлеровцы, могли быть и наши. Я не понимал, почему меня не окликают, положил руку в карман на пистолет и решил идти дальше, не оглядываясь, как человек, которому нечего бояться встречи с кем бы то ни было. Одет я был так, что вполне мог сойти за лесника.

Два человека быстро подошли ко мне справа и слева. Оба — красноармейцы, и видно, что не первый день в лесу, — давно не брились, лица словно мохом обросли. Я молчу, поглядываю то на одного, то другого. Идем вместе. Они спрашивают, куда дорога ведет, жалуются на погоду и тому подобное. Чувствую, что приставляются. Потом один вдруг задает вопрос уже совсем другим тоном:

— Кто вы такой?

Я вижу, что в руке у него появился наган. Отвечаю, пристально глядя в глаза ему:

— Хозяин здешних мест.

— Это что же, оккупантами поставлены? — вскрикивает он злобно и тычет в меня наганом.

Я тоже вскипел, забыл про конспирацию. Останавливаюсь и, едва сдерживая себя, говорю угрожающе тихо:

— Да будет вам известно, что ни фашисты, ни их ставленники хозяевами на нашей земле никогда не будут... Понятно?

Боец растерялся, говорит:

— Понятно.

— Ну, а если понятно, извольте убрать вашу пушку. У меня тоже есть такая штука, так я же не сую ее вам под нос.

Я вынул из кармана браунинг и показал его.

— Да, это тоже пушка, — смущенно засмеялся боец. — Но все-таки, папаша, кто же вы будете?

— Командир партизанского отряда, — сказал я.

— А чего же вы один ходите? Мы уже давно следим за вами. Где же ваши люди?

Второй боец, помоложе, шел молча, а этот опять стал строго допрашивать меня.

Трудно было мне ответить на вопрос, где мои люди. В это время на дорогу вышло еще несколько красноармейцев. Я обрадовался, что в лесу, наконец, появляются люди, и сказал:

— Да вот хотя бы вы все — вон сколько вас тут! Довольно шататься по лесу, идем со мной воевать.

Это подействовало на них — поверили, что командир. И я тоже убедился, что люди свои — красноармейцы, выходили из окружения и застряли здесь: лес понравился — решили партизанить.

На мое предложение воевать вместе они не торопились ответить — хотели сначала убедиться, что у нас действительно заложена в лесу продовольственная база. Ребята изголодательно заложены тогда, кажется, только о том, где бы достать поесть. Когда же я сказал, какие продукты зарыты у нас в яме — сухари, варенье и прочее, — у ребят глаза разгорелись, они повеселели, всю махорку, которая у меня еще в кيسете была, выкурили.

Я продолжал блуждать по лесу уже в большой компании. На ночь мы расположились, голодные, в каком-то заброшенном лесном сарае. Красноармейцы опять стали недоверчиво поглядывать на меня, рядом со мной уселся дежурный с наганом в руке. Невесело было на душе; думал, что если завтра не найду базы — погибну; ребята решат, что предатель, убьют. С этой мыслью я заснул.

Утром сквозь сон слышу знакомые голоса. Наконец-то я встретился со своими путивлянами.

— У-ух, все пятки отбил, шатаюсь по лесу! — опускаясь на сено, смеялся Алексей Ильич Корнев, получивший у нас впоследствии кличку Дед Мороз.

Он и верно похож на Деда Мороза: волосы на голове, борода — пышные, белоснежные, а лицо розовое, как у новорожденного.

— Чего же вы шатались? — спрашиваю его.

— Да тебя же шукали!

— А почему же я нигде ваших следов не приметил?

— Какие могут быть следы! — засмеялся Алексей Ильич. — Ты же сам наказывал нам не оставлять следов. Ну, я как старый партизан и велел своим хлопцам строго следовать твоему наказу: на дорогу и носа не высовывали. Все чаще лазили, болотищами — лешне да и только.

Алексей Ильич — старик грузный, здоровьем не очень крепкий. Трудно, думал я, будет ему в лесу, но, вижу, что характеру своему не изменил — по-прежнему у него каждое слово со смехом. Приятно было увидеть старика в лесу. Семь лет я проработал с ним в Путивле бок о бок. Он коренной путивлянин, рабочий, мастеровой человек: в детстве с баткой-каменщиком ходил на заработки, к отцовскому ремеслу приучался, потом сам сезонничал на штукатурных работах. В годы гражданской войны, когда Щорс неподалеку от Путивля собирал в лесах украинских партизан, Алексей Ильич тоже ушел партизанить, был разведчиком, воевал с немцами, гайдамаками; вернувшись в Путивль, безвыездно работал в родном городе на разных советских и хозяйственных должностях. Чем ему только не приходилось заниматься! Перед войной он заведовал в Путивле инкубатором — цыплят выводил для всех колхозов района. В лесу я решил назначить его своим помощником по хозяйственным делам.

Кончилось мое одинокое скитание, поиски людей. Все люди нашлись, собрались возле нашей базы. Вместе с красноармейцами-окруженцами, которые согласились воевать под моим командованием, в отряд было зачислено сорок человек.

22 сентября 1941 года в приказе № 1 я объявил личный состав отряда. Все люди были разбиты на две боевые группы. В одну группу вошли путивляне, люди штатские и в большинстве немолды, советские и партийные работники, колхозный актив, а также присоединившиеся к нам белорусские товарищи, среди которых были люди всяких профессий, но только не военной, в основном интеллигенция.

Другая группа состояла из красноармейцев.

* * *

Первая наша землянка была построена в таких делях, что, казалось, отойди от нее на несколько десятков шагов, и, пожалуй, не найдешь. Сиди смирно, и никакая немецкая ищейка не пронюхает тебя в этой берлоге. Но мы пришли в лес не для того, чтобы скрываться от немцев, а для того, чтобы уничтожать их, не давать врагу ни минуты покоя. Мы были здесь хозяевами и хозяевами должны были остаться.

В Спадщанском лесу стояло вразброс далеко один от другого несколько домиков, в которых жили лесники. Мы выбрали наиболее подходящий для своего штаба, тот, что стоял в самом центре леса, на главной дороге, пересекающей его с юга на север, от Спадщины до Старой Шарповки. В направлениях, откуда могли появиться гитлеровцы, были выдвинуты к опушкам заставы. Таким образом, мы устанавливали партизанский контроль над всем лесом.

Только наш штаб обосновался в центральном домике лесника, как мы услышали взрыв, раздавшийся в нескольких километрах, где-то за Новой Шарповкой. Послали разведчиков выяснить, что там происходит. Оказалось, подорвался на mine чей-то бык. У меня мелькнула мысль: а нет ли там еще мин, нельзя ли нам их использовать? Для начала мины нам нужны были больше всего — завезти в лес взрывчатку мы не успели.

По следам разведчиков отправили минеров. Возвращаются и докладывают, что обнаружили минное поле — вероятно, оставленное при отходе советскими войсками. Вот это подарок! Фашисты еще не успели разминировать его, надо сделать это раньше их, немедленно же! Но как? Наши минеры говорят, что мины там какой-то незнакомой системы, страшно подступиться к ним — взорвешься.

Начальник штаба отряда Николай Михайлович Курс — из группы белорусов, директор средней школы — решил рискнуть. Перед уходом в лес он побывал на нескольких заплатах по миному делу, организованных в Сумах обкомом партии, и поэтому тоже считал себя минером. У всех наших минеров была двух-трехдневная подготовка.

Рядом с обнаруженным нами минным полем шла дорога, по

которой непрерывно шныряли вражеские автомашины и мотоциклы. Ночью отрывать и изучать незнакомые мины было нельзя — время осеннее, темнота непроглядная. Курсу пришлось работать днем. Он ночью пробрался через дорогу на минное поле, замаскировался там и, дождавшись рассвета, под носом у проезжающих оккупантов стал раскрывать секрет минного механизма. Долго ждали мы, прислушиваясь, не раздастся ли взрыв. Очень боялись, что наш начальник штаба взорвется. Но он вернулся торжествующим. Принес с собой мину и сейчас же начал объяснять нам, в чем секрет ее механизма, как надо с ней обращаться. Под руководством Курса за опасную работу взялись наши бойцы. Они перетащили с поля в лес все до одной мины, а потом начали минировать дороги на основных путях движения противника.

Старшим минером был у нас Григорий Михайлович Юхновец, в мирное время работник Барановичского обкома партии. Каждую ночь этот мешковатый на первый взгляд человек выходил со своими людьми из леса. А днем то с одной, то с другой стороны до нас доносились взрывы, они извещали партизанский штаб о результатах смелой работы Григория Михайловича.

Надо сказать, что шум, поднятый минерами, отрицательно действовал на некоторых партизан. В отряде кое-кто начал поговаривать, что мы, пожалуй, действуем слишком дерзко, что надо быть поосторожнее, что эти взрывы, следующие один за другим, серьезно всполошат захватчиков, обозлят их, что у немцев в Путивле большие силы, много техники, они могут устроить сплошное прочесывание леса, и тогда мы погибнем. Посоветовавшись с наиболее надежными товарищами, командование решило, что с подобного рода разговорами надо сразу покончить.

Я собрал весь отряд, выстроил возле штаба и сказал, что если кто-нибудь пришел к нам в лес, надеясь здесь отсидеться, и его нервы не выдерживают шума, кто хочет жить тихо, мирно, думает пчелу в лесу разводить, грибы и орехи собирать, — так он не в тот лес пришел. Пусть лучше скорее уходит, ему у нас нечего делать.

— Ну, кто желает вернуться домой? Выходи.

Конечно, ни один не вышел.

Разве мог кто-нибудь перед лицом своих товарищей сознаться, что он трусил? Но надо было все-таки предупредить, что трусов мы не потерпим, кто послабее духом, должен взять себя в руки. Я напомнил задачи, поставленные перед нами партией, и сказал, что шум, поднятый минерами, — это только начало, что нас должны услышать далеко от Спидшанского леса и что не мы будем дрожать от этого шума, а немцы.

В те же дни в лесу появился какой-то неизвестный человек. Наши разведчики несколько раз слышали его осторожные шаги, хруст валежника, видели мелькавшую вдаль фигуру, но поймать этого человека не могли — он исчезал в лесной чаще, как призрак. Тогда мы решили посадить в засаду нескольких бойцов, и вскоре они схватили повадлившегося в лес таинственного незнакомца. На допросе в штабе он сознался, что подослан немецким командова-

нием, чтобы установить месторасположение нашего отряда и его силы.

Это был человек из Путивля, но никто из нас раньше его не знал — незаметно жил.

На следующий день, 29 сентября, мы впервые вышли из леса для открытого нападения на врага. Не все партизаны имели винтовки, пулемет у нас был один, да и тот с учебного пункта Осоавиахима, и никто не мог с уверенностью сказать, годен ли этот пулемет для боя. Поэтому решено было, пока не добудем оружия, действовать из засад мелкими группами.

Узнав, что оккупанты начали заготовку продуктов в соседних с Путивлем селениях, мы выслали засаду в село Сафоновку. В полдень из Путивля в это село прикатила машина с немецкими заготовителями. Партизаны встретили их огнем. Убить никого не удалось, только двоих ранили, но этого оказалось достаточно, чтобы немцы бросили свою машину на дороге и разбежались.

Вскоре из Путивля прибыло в село несколько грузовиков с солдатами. Партизаны к этому времени уже отошли в лес. Искать партизан в лесу гитлеровцы не решились: проехали до леса и вернулись назад.

* * *

Больше месяца прошло, прежде чем гитлеровцы предприняли первую серьезную попытку проникнуть в Спадшанский лес и разгромить партизан. А мы между тем все громче давали знать о своем существовании, хозяйничали уже не только в лесу или ночью на дорогах, но и днем в селах, далеко отстоящих от леса. Правда, пока существенный урон противнику нанесли только минеры. Они работали уже на обоих берегах Сейма, выходили на дорогу Конотоп — Кролевец. В первых числах октября здесь на партизанских минах взорвались две легковые машины какого-то крупного немецкого штаба. В числе убитых было два генерала. В тот же день на левом берегу Сейма, у хутора Хижки, взлетела на воздух грузовая машина. На правобережье, на большаках, ведущих из Путивля в Глухов и Рыльск, редко проходил день, когда бы не раздавались взрывы. До середины октября на этих дорогах было подорвано десять грузовиков с боеприпасами и живой силой. Мы добыли тут несколько винтовок, автоматов и много патронов.

Неподалеку от нас в лесах действовали другие группы партизан. Эти группы так же, как и наша, были оставлены парторганизациями для развертывания партизанской борьбы. Еще в конце сентября, когда мы только осваивались в Спадшанском лесу, кто-то из наших бойцов заметил в трущобе у болота Жилень дымок. Возле костра сидело несколько вооруженных людей в гражданской одежде. Оказалось — партизаны Конотопского района, пробравшиеся сюда через болото.

Конотопские товарищи пришли в лес, когда нас еще тут не бы-

ло. Группа их состояла всего из шести человек. Наши бойцы почти две недели ходили рядом с ними и не подозревали, что они тут, хотя знали про существование конотопской группы. Мы быстро договорились с этими товарищами, они вошли в наш отряд на правах самостоятельного подразделения.

Вскоре нам удалось установить связь с партизанской группой, возглавляемой парторганизацией села Воргол. Эта группа в составе пяти человек во главе с председателем колхоза и партторгом обитала в лесном урочище Марица — в нескольких километрах севернее Спадщанского леса. Ушли люди — колхозный актив во главе с председателем колхоза — из своего села, соорудили землянку, завезли из села запас продовольствия и начали действовать — выходили на дорогу, обстреливали из засад немецкие автомашины и мотоциклов.

С командиром этой группы я встретился ночью в селе Воргол в хате одной колхозницы, к которой часто заглядывали наши разведчики, — они и установили через эту женщину связь с воргольскими партизанами. Мы поговорили, и на следующий день воргольцы переместились в Спадщанский лес, влились в состав нашего отряда. В числе их были и беспартийные товарищи — патриоты, присоединившиеся к коммунистам-подпольщикам после прихода немцев. Через воргольцев я связался с партизанами Глуховского района, обосновавшимися в том же лесу Марица. Где-то недалеко от Марицы базировался партизанский отряд партийной организации Шалыгинского района.

Перед выходом в лес предполагалось действовать небольшими группами, но началась борьба, и мы увидели, что гитлеровцы всюду расставляют гарнизоны, для борьбы с которыми нужны большие силы. Руководители партизанских групп стали подумывать, что хорошо бы нам объединиться — тогда мы сможем не только минировать дороги, взрывать мосты, но и громить вражеские гарнизоны.

К нам должен был прийти председатель Путивльского райисполкома Иван Иванович Высоцкий, оставшийся в районе на нелегальной партийной работе в качестве связного обкома партии. Как выяснилось позже, он на пути в Спадщанский лес наступил на мину, тяжело раненный попал в руки фашистов и был ими зверски убит.

Из-за нелепой случайности мы потеряли прекрасного товарища и оказались оторванными от подпольного центра, руководившего в области партизанской борьбой. Мы не имели даже представления о том, что происходит на фронте. Радиостанции тогда у нас не было, а фронт отодвинулся уже далеко от Путивля.

Надо было во что бы то ни стало установить связь с командованием Красной Армии, а через него — с Центральным Комитетом КП(б)У. Мы чувствовали, что, действуя сами по себе, вступая, не имея контакта с соседними отрядами, большого дела не сделаем, будем только булабочные уколы наносить противнику. Решено было послать кого-нибудь через фронт. Выбор пал на

Алексея Ильича Коренева — Деда Мороза. В годы гражданской войны он исходил все дороги и тропинки на Сумщине. Тяжело было идти старику, но он не стал отказываться. Прощаясь, пошутыл: — Не бойтесь за меня, хлопцы, через фронт свиным шляхом пройду.

Существует в наших краях такая легенда. Когда-то в старину человек из Путивля купил в Рыльске свинью. Прожила у него свинья сколько-то времени и пошла со своими поросятами обратно в Рыльск, к старому хозяину. Шла она, обходя села и леса, чтобы люди ее не поймали и звери не задрали. Протоптала дорогу по полям и лугам. Дорога плохая, в грязь по ней не проедешь, не пройдешь, словом, — свиной шлях.

Встреча с «усачами»

Как я уже говорил, в противоположной, юго-восточной части Путивльского района, в Новослободском лесу, базировалась партизанская группа путивлян под командой Семена Васильевича Руднева.

Кто из путивлян не знал Рудневых! Это была большая семья, родом из деревни Мойсеевки¹, Путивльского уезда. Отец Семена Васильевича до революции не имел ни клочка земли, батрачил на помещика. У него было пять сыновей и семь дочерей. Сыновья мальчишками уезжали на заработки. Семен уехал из отцовского дома, когда ему шел пятнадцатый год, к старшему брату, работающему в Петрограде на Русско-Балтийском заводе.

В Петроград он приехал в самом начале первой мировой войны, поступил на завод учеником, а к концу войны был уже красногвардейцем, вместе с братом участвовал в подавлении корниловского мятежа, в штурме Зимнего дворца.

Еще юношей Руднев вступил в Коммунистическую партию, всю гражданскую войну он — партийно-политический работник Красной Армии на Южном и Юго-Западном фронтах. Был ранен.

После разгрома белогвардейцев и интервентов Семен Васильевич работал инструктором политотдела Донецкой трудовой армии, окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина и около десяти лет прослужил в пограничных войсках, был комиссаром части, награжден орденом Красной Звезды. Перед войной Семен Васильевич вернулся в родной Путивль и стал работать председателем райсовета Осоавиахима.

Активнейшим помощником Руднева по общественной линии в Осоавиахиме был Григорий Яковлевич Базыма.

Григорий Яковлевич также до войны был одним из самых уважаемых людей в Путивле — лучший учитель в районе, делегат Первого Всесоюзного съезда учителей. Его знали во многих селах района. В одном селе он в раннем детстве пас общественный скот

¹ Теперь — с. Руднево.

вместе со своим отцом, в другом — работал на маслобойке у кулака, топил печь, на которой поджаривалось конопляное семя, а в третьем — зимой учился, а летом батрачил у помещика на прополке свеклы, в четвертом — восемнадцатилетним пареньком, окончившим только трехклассное училище, начал учительствовать в школе ликвидации неграмотности.

В селе Стрельниках перед школой растет два могучих тополя. Эти деревья посадил Григорий Яковлевич в первый год своей учительской работы. Он проучительствовал тут около двадцати лет, отсюда на германскую войну ушел, сюда вернулся, провоевав до конца гражданской войны. Здесь он организовал колхоз и сам работал в нем, пока не наладилось коллективное хозяйство. Последние годы перед Отечественной войной он был директором средней школы в Путивле.

Григорий Яковлевич ушел в Новослободской лес вместе с Рудневым в качестве начальника его штаба. С ним было человек двадцать путивлян, в том числе сын Руднева — семнадцатилетний комсомолец Радик, школьник, перешедший в десятый класс.

Больше месяца мы ничего не знали о судьбе этого отряда. Посылать связных туда было очень рискованно, так как Новослободской лес долго находился почти на линии фронта, вокруг него было полно гитлеровских войск. Но вот фронт отодвинулся дальше на восток. Мы собирались уже послать кого-нибудь в Новую Слободу, чтобы выяснить, есть ли там в лесу наши люди, как вдруг мне сообщают, что дозорные встретили связных Руднева. Их привели в штаб. Они заявили, что Руднев ищет нас и уже идет со всеми своими людьми в Спадщанский лес.

На следующий день произошла встреча с «усачами», как называли себя бойцы Руднева, многие из которых в подражание своему командиру отрастили усы. У Семена Васильевича усы были действительно завидные: большие, черные, пышные. Он очень строго следил за своим внешним видом, и жизнь в лесу не заставила его изменить этой привычке, воспитанной армией. Даже белый подворотничок у гимнастерки был у него, как обычно, безупречно чист. Бази́ма рядом с Рудневым выглядел, как старый гриб, отсыревший на дожде, а ведь Григорий Яковлевич тоже был человек с военной закаской. На занятиях в Осоавиахиме, в воензированных походах, которые он часто проводил со своими школьниками, бывший прапорщик умел показать строевую выправку.

Решив перебазироваться из Новослободского в Спадщанский лес, Руднев и Бази́ма не знали, застанут ли нас тут. Немецкие провокаторы распространили уже слух, что отряд Ковпака разбит, а сам он пойман и повешен в Путивле. Тем более радостной была наша встреча.

Командованием обоих отрядов собралось в домике лесника на совещание, чтобы обсудить положение и решить, что делать дальше.

Обстановка в районе складывалась тяжелая. Оккупанты во всех селах поставили виселицы. Они говорили населению: «Это

партизан вешать», — и хватали и вешали кого попало. Люди боялись выйти за околицу села — фашисты сейчас же схватят, объявят, что партизан, и повесят или расстреляют. Стоило им найти на дворе затоптанную патронную гильзу, и расстреливалась вся семья, проживавшая в доме. В Путивле со двора тюрьмы ежедневно выезжала подвода, нагруженная лопатами, и по всему городу поднимался крик, плач, женщины бились в истерике. Все знали: раз повезли лопаты, значит, будут рыть за городом ров для расстрела, будет происходить очередная «разгрузка» тюрьмы.

Кто-то пустил слух, что гитлеровцы привезли в Путивль тысячу собак-ищеск для выслеживания партизан. У кого нервы послабее, на того это подействовало.

Григорий Яковлевич рассказывал, как он встретил в лесу одного знакомого четырнадцатилетнего паренька из села Харивки, сироту, воспитанника колхоза. Мальчуган при встрече кинулся было наутек, но Базыма успел его окликнуть по имени:

— Коля, ты?

Тот остановился в нерешительности.

— Ты чего здесь околачиваешься?

— Огиркив шукаю, — говорит. — Дид хворый, просил соленых огиркив.

— Какой дид? У тебя ж нет никакого деда!

— Да то не мой дид, то председатель Хопилин Яков.

— А что за огирки в лесу? Чего ты брешешь, Колька?

— Ей-богу, не брешу! Я ж не в лесу огирки шукаю, я до хутора иду.

— А дед где?

— Со мной.

— Да где же он?

— В лесу.

— И что же вы делаете в лесу?

Парень запутался и, уже не зная, что сказать, спрашивает:

— А вы, дядя, партизан?

— Может быть, и партизан.

Обрадовался:

— Ну и мы партизаны.

— Кто это — мы?

— Я и дид. Нас двое партизан из Харивки. Да дид чего-то захворал. Вот просит соленых огиркив. Не придумаю, що мне с ним делать.

Этого хлопчика и деда, председателя харивского колхоза, Руднев взял в свой отряд и привел в Спадщанский лес. Случай этот характерный для тех дней, когда люди, убежавшие от немцев в леса, бродили в одиночестве или маленькими группками, думали, с чего начинать и хватит ли сил для борьбы с врагом. Мы по-беседовали и единодушно пришли к выводу, что обстановка в районе требует от нас смелых, активных действий. Надо подбодрить людей, собрать тех, кто разбрелся по лесам, показать всем, что есть грозная сила против фашистов. А это легче будет сделать,

если мы откажемся от своего первоначального плана и будем действовать не маленькими группами, а объединимся в один Путивльский отряд.

— Ну что ж, Сидор Артемович, ты командуй, а я, по старой армейской привычке, буду комиссаром,— заявил в заключение Руднев.

С этим все согласились. Интересно, что бойцы стали называть Руднева комиссаром раньше, чем было объявлено о его назначении в приказе. Начальником штаба объединенного отряда назначили Базыму, имевшего опыт штабной работы в гражданскую войну: он был тогда помощником начальника штаба красноармейского полка. Подсчитали свои силы: сто двадцать бойцов, сто семь винтовок разных систем, десять автоматов и три ручных пулемета.

Бой с танками врага

Через день в нашем лесном домике состоялось второе совещание. К нам пришли представители партизан Глуховского и Шалыгинского районов. И до них донесся шум, поднятый нашими минерами, и они решили, что надо установить с нами связь. После совещания мы собирались вместе пообедать. Был приготовлен студень. Блюдо с ним стояло на дворе. Вдруг в лесу раздался крик:

— Танки!

Нас было в это время в штабе и около него человек двадцать. Остальные стояли в заставах на опушке леса, далеко.

Когда мы выскочили из домика, уже был слышен рев моторов. Танки подходили по главной дороге со стороны Путивля. Их было два: тяжелый и средний. Первым показался большой. На повороте, не останавливаясь, он открыл огонь из пушки и пулеметов. В лесу он выглядел особенно огромным. Дорога не вмещала эту громадину. Он мчался на нас, ломая деревья. Второй танк шел следом.

Кругом оглушительный грохот, треск, огонь, но незаметно было, чтоб народ испугался. Партизаны рассыпались по лесу и дружно подняли пальбу. Танки промчались мимо с закрытыми люками. Однако гитлеровцам удалось поджечь наш домик зажигательными снарядами. Тушить пожар не было времени. Хорошо еще, что мы успели спасти имущество штаба.

Танки направлялись в сторону наших землянок. Я приказал Курсу бежать с минерами и заминировать выход из леса, а сам с Рудневым, Базымой и другими партизанами кинулся вслед за танками. Мы пробирались вдоль дороги. Здесь был густой кустарник, мелколесье, а дальше — болото. Я надеялся, что танки далеко не уйдут, завязнут. И действительно, вскоре рев моторов затих.

Рассыпавшись цепью, мы приближаемся к танкам. Лес вокруг редкий, молодой, преимущественно кусты на болотных кочках.

Танки стоят на дороге борт к борту. У танка, который поменьше, открыт верхний люк. Один немец высунулся, ведет наблюдение, другие возятся у гусениц.

Метким выстрелом Руднев снял наблюдателя. Тот, как мешок, сполз с люка. Наши оживились. Кто-то, обрадовавшись, закричал «ура». Все стали палить по танку — кто из винтовки, кто из пистолета. А я такие команды отдаю, будто у меня тут в лесу и артиллерия, и минометы, и пехотинцев не меньше батальона:

— Батарея, огонь!

— Минометы, огонь!

— Первая рота — влево, вторая рота — вправо. Заходи назад, окружай, приготовь гранаты!

Не думал я врага этим напугать — хотел своих людей подбодрить криком, но гитлеровцы испугались. Большой танк загудел, стал разворачиваться и, подминая кусты, помчался назад по дороге. Что бы это такое значило? Второй, поменьше который, остался. Люк открыт. Никого не видно.

Осторожно подбираемся ближе, кидаем в люк гранаты, выжидаем, потом бежим к танку. Он стоит, уткнувшись в пень. У него повреждена гусеница, но повреждение это пустяковое — один «палец» выскочил. Экипажа нет. Значит, танкисты пересели в большой танк и удрали. Словом, победа, и еще какая! Первый бой — у нас ни царапинки и захвачен почти исправный танк. Все в большом возбуждении, хотят сразу залезть в машину, но некуда — там уже полно. Кто-то поворачивает башню — хочет стрелять из пушки по удравшим фашистам.

Вдруг неподалеку в лесу, в той стороне, куда умчался большой танк, раздался сильный взрыв. Догадываюсь: танк взорвался на нашей mine. Радости нет предела. В воздух летят шапки.

— Ура!

За первым взрывом последовали другие, не такие сильные, но частые и все — в одном месте. Похоже было на беглую стрельбу из орудий. Народ затих: что за стрельба? Мы прислушались, а потом, по моему знаку, все сразу кинулись в сторону взрывов.

Издали на дороге видно было большое пламя. Развороченная взрывом темная громада пылала, как костер. Башня была сорвана, лежала в стороне. В танке рвались снаряды и патроны.

Наши военные товарищи, составлявшие отдельную группу, подошли к месту боя после того, как все уже было закончено. Они не сразу поняли, что здесь произошло. Им стали наперебой рассказывать. Один считал самым важным рассказать, кто первым услышал шум моторов. Другому больше всего понравилось, что я командовал: «Батарея, огонь!» Третьему не терпелось рассказать, как здорово вспыхнул подорвавшийся на mine танк, когда ребята, быстро подскочив к нему, облили его горючей жидкостью. А харивский Коля уверял всех, что ему нисколько не было страшно.

— Дидам, может, и страшно было, а мне — нисколько не страшно, — говорил он. — Танк палит из пушки и пулеметов, а я бегу за ним прямо по дороге — интересно!

Когда затихли взрывы и потухло пламя, мы нашли внутри танка девять обуглившихся трупов. Экипажи обеих машин, пропавших в Спадшанский лес, сгорели заживо.

Словом, мы имели полное основание быть довольными и возвращались к домику лесника в прекрасном настроении. Жаль только, что домика не было — сгорел дотла. Зато студень, стоявший на дворе, сохранился. Это очень обрадовало всех, так как страшно хотелось есть.

Никогда, кажется, я ничего не ел с таким аппетитом, как в тот день наш партизанский студень. Впрочем, тогда все казалось замечательным, даже землянка, в которой мы расположились на ночь, хотя в ней по колено стояла дождевая вода. Пришлось навалить на земляной пол толстый слой сена.

Долго наши люди не спали в ту ночь — все вспоминали, что пережили в лесу до этого дня. Радик Руднев стал рассказывать, как он возвращался из разведки. Это было в Новослободском лесу, в первый или во второй день после того, как группа Руднева обосновалась там. Радик ходил в разведку вместе со своим школьным учителем Павлом Степановичем Пятышкиным. Возвращались ночью, заблудились и стали во весь голос кричать пароль:

— Сова! Сова!

Партизанам, оставшимся у шалаша, и в голову не могло прийти, что это их разведчики на весь лес выкрикивают пароль. Они решили, что преданы, — вскочили, встали у шалаша кучкой, с оружием наизготовку и ждут молча. А разведчики все ходят по лесу и орут:

— Сова! Сова!

Крик раз удаляется, то приближается. В конце концов заблудившиеся разведчики набрали на своих — в темноте уперлись прямо в дула винтовок. Хорошо, что Руднев по голосу узнал сына.

— Эх ты, учитель! — напустился Семен Васильевич на Пятышкина. — Пароль на ухо говорят, а вы на весь лес орете.

— Испугались, товарищ командир, место совсем забыли, — сознался Пятышкин.

Вспоминая об этом, Радик говорил отцу:

— Здорово же ты, папа, на нас тогда рассердился! Ругаешь нас, а мы с Павлом Степановичем радуемся про себя, что все-таки наши своих — не одни.

Теперь всем легко было признаться, что первое время чувствовали себя в лесу плохо. Казалось, что все страхи уже остались позади — чего нам бояться, если даже танки не страшны!

Партизанская крепость

Как ни велики были возбуждение, радость, задор, вызванные первым успехом в бою, но мы хорошо понимали, что если не хотим немедленно же уходить из Спадчанского леса куда-нибудь подальше от Путивля, то надо быть готовыми к тому, что вражеское командование в Путивле завтра же соберет все силы, чтобы нас уничтожить. Можно ли было ожидать, что гитлеровцы

примирятся с исчезновением в лесу двух танков, что их не взволнует судьба пропавших экипажей этих машин?

О том, чтобы уйти подальше от родного города, мы тогда еще и думать не хотели. Сейчас же после боя с танками отряд стал готовиться к обороне. Прежде всего я приказал дополнительно поставить мины на всех лесных дорогах и тщательно проверить те, которые были поставлены раньше.

С нашими силами строить оборону на опушке леса, тянущегося в одну сторону на восемь километров, а в другую — на пять, не представлялось никакой возможности. На опушку были выставлены только дозоры. Оборону мы решили занять в глубине леса, на высотах.

На другой день фашисты двинулись в наступление. К Спадшанскому лесу подошли шесть танков и четырнадцать автомашин с пехотой. Это было утром. Только боец, прибежавший из дозора, доложил мне, что немецкие танки и пехота остановились в поле перед лесом, как противник открыл огонь из орудий. Мы решили пока не отвечать. Притаились. Стреляли оккупанты наобум, так как не знали точно, где мы находимся. Потом разбились на две группы и рванулись вперед со страшным шумом: танки, пехота — все стреляют.

И в этот день наши минеры торжествовали. Одна группа, не успев углубиться в лес, отскочила назад: передовой танк подорвался на mine. Такая же участь постигла и вторую группу: ей тоже пришлось вытаскивать на буксире танк, подорвавшийся на mine.

Отойдя от леса на почтительное расстояние, немцы подняли по нему пальбу из всех видов оружия. Со стороны, вероятно, это было очень странное зрелище: по лесу палят из пушек, строчат из пулеметов, бьют из автоматов, а лес молчит, как будто в нем ни одной живой души нет. Наши дозоры отошли с опушки. Притаившись, мы ждали, пока гитлеровцы успокоятся. Конечно, чувствовали себя не очень весело, хотя шуток и издевок по адресу карателей слышалось много. Мы думали, что немцы, придя в себя, опять ринутся в лес.

К полудню стрельба прекратилась. Несколько минут продолжалась жуткая тишина, все мы стояли, прислушиваясь. Наконец примчался дозорный.

— Немцы укатили назад, в Путивль! — прокричал он издали.

Так и не узнали фашисты о судьбе своих танков, прорвавшихся накануне в нашу лесную крепость.

Страх перед Спадшанским лесом стал у оккупантов еще больше. То, что происходило в нем, оставалось тайной, раскрыть которую гитлеровцы не могли. Они по-прежнему не знали ни месторасположения отряда, ни сил его. Они, по существу, ничего не знали о нас, а мы знали о каждом их шаге.

Наши разведчики были постоянными гостями в Путивле. Часто ходил в город Радик Руднев. Он поддерживал связь со своими школьными товарищами, которые через него передавали нам разные разведывательные сведения. Ходил в Путивль и харивский

Коля — целые дни шнырял по городу. Привяжется к немецким солдатам, прикинется дурачком и проберется с ними в казарму. Он все мечтал автомат у них выкрасть. Это ему не удавалось, а патроны часто добывал. Один раз принес их полный подол рубахи и еще горевал, что по дороге много растерял: бежал, споткнулся, рассыпал, а подобрать не сумел — побоялся, что заметят, начнут стрелять.

Появились у нас и разведчицы — колхозницы из соседних сел. Они ездили на базар и передавали нам все, что слышали там. Так мы, например, узнали, что, вернувшись в Путивль после второй неудачной попытки проникнуть в Спадщанский лес, оккупанты предлагали больше денег тому, кто вытащит из леса трупы погибших танкистов. Но желающих заработать на этом не нашлось.

* * *

С запада Спадщанский лес прикрыт болотом Жилень. Это — огромное, почти непроходимое пространство в междуречье Сейма и Клевени. У восточной опушки леса, среди выползших в поле рощиц, много хуторов и сел, которые тоже служили нам своеобразным прикрытием от врага. О появлении карателей с этой стороны нас заблаговременно оповещали колхозники. Мы чувствовали себя в лесу надежно и постепенно обживались в нем. Землянки нашего отряда, разбитого уже на восемь боевых групп, раскинулись на большой площади. К двум самым отдаленным группам — к заставам, выдвинутым к опушке, — мы протянули от штаба телефонный провод. Позывными были названия этих застав — «Сосна» и «Остров». Вслед за телефоном в штабе появился электрический свет. В качестве двигателя был использован мотор одной немецкой автомашины, подорвавшейся на нашей mine. Эту машину после небольшого ремонта, производившегося на дороге, партизаны пригнали в лес. Они промчались на ней через четыре села, в которых была немецкая полиция.

Неподалеку от штабной землянки мы поставили на позиции брошенный врагами в лесу танк. В отряде было несколько трактористов. Они быстро отремонтировали танк. Теперь нам не хватало только артиллерии.

Окрыленные первыми успехами, мы решили, что артиллерия у нас, конечно, тоже появится. Поэтому одновременно с объявлением в приказе состава танкового экипажа я объявил состав артиллерийской батареи.

Новоявленные артиллеристы были озадачены:

— А где же пушки?

— Танк добыли, добудем и пушки, — заявил Руднев.

Вокруг штаба выросло все больше землянок. Выделилась в отдельное подразделение хозяйственная часть, хозяйственники построили общую для отряда землянку — кухню. Стали подумывать, что хорошо бы и баню поставить тут. Баня своя у нас была,

но далеко — в нескольких километрах, в поселке лесосплава. К зиме решили перетащить баню в лес.

Устраивались мы надолго, основательно. Хозяйственной части приказано было приступить к созданию неприкосновенного продовольственного запаса, к изготовлению деревянных ящиков для зерна и рытью погребов для картофеля и капусты. Зерно и овощи мы перехватывали у оккупантов на их заготовительных базах в ближайших селах. Как только узнавали, что они где-нибудь что-нибудь «заготавливают», отправлялись туда и с помощью колхозников все захваченное немцами вывозили в лес.

Скоро в ближайших селах и хуторах мы стали уже полными хозяевами — немецкая полиция сбежала оттуда. Наши агитаторы открыто проводили сельские собрания и митинги. Для работы с населением была выделена специальная группа партизан во главе с бывшим работником Путивльского райкома партии Яковом Григорьевичем Паниным.

Опять, как до прихода немцев, когда я появлялся в селе, ребятишки, мои старые друзья, оповещали о моем появлении веселым криком:

— Дед пришел!

Молодежь нашего отряда очень быстро перезнакомилась с девушками-колхозницами. На опушке леса возле «Острова» и «Сосны» появились парочки, начались гуляния с гармошкой, песнями.

Колхозники стали проситься в отряд. На первых порах мы требовали, чтобы добровольцы подавали письменные заявления. После тщательного разбора этих заявлений за принятыми в отряд людьми посылались разведчики.

Без наших проводников в расположение отряда никто со стороны пройти уже не мог. Лес охранялся заставами и дозорами — на опушках, часовыми — на дорогах. Чтобы пройти в лес, надо было знать партизанский пароль. Это было какое-нибудь число, и менялось оно ежедневно.

* * *

На попытки оккупантов проникнуть в Спасский лес мы ответили сильным ударом: одновременно взлетели в воздух четыре охранявшихся немцами моста: два в Путивльском районе и два — в Конотопском. Охрана мостов была снята боевыми группами, которые потом, выдвинувшись в сторону гарнизонов противника, прикрывали подрывников.

Это была первая крупная диверсионная операция нашего отряда. Руководил ею Руднев. Он ходил с минерами на все операции.

На следующий день после взрывов сеймских мостов на нашей mine подорвался немецкий тягач, перевозивший платформу с танком. Это произошло на дороге Путивль — Рыльск. Надо было послать туда людей, чтобы снять вооружение, забрать снаряды и уничтожить этот танк, пока немцы не вывезли его. Руднев, толь-

ко что вернувшийся с Сейма, побрился у пенька и опять с новой группой бойцов пошел на операцию. И Радик, не разлучавшийся с отцом, пошел с группой.

Семен Васильевич часу не мог отдохнуть. Иной раз придет, снимет сапоги, ляжет на нары рядом с сыном, выкурит несколько папирос и, смотришь, уже обувается. Встает тихонько, чтобы не разбудить сына, но только встанет, и Радик вскакивает.

— Ты куда, папа?

— Спи, спи! Я только на «Остров» загляну.

— Ох, и беспокойный этот «Остров»! — вздохнет Радик, одеваясь. Ему смертельно хочется спать, но без отца он не останется.

Перед приходом гитлеровцев в Путивль семья Руднева — жена и младший сын — перебралась на хутор к знакомым. Семен Васильевич не успел их эвакуировать и говорил мне, что не может простить себе этой оплошности. Он очень беспокоился за семью, но старался не показывать своего волнения, а в руках себя этот человек умел держать. Недаром его любимым выражением было «армейская привычка»: это он должен сделать по «армейской привычке», этого он не может переносить по «армейской привычке», а это, мол, само собой разумеется, по «армейской привычке».

На первых порах армейские привычки комиссара, его требовательность не очень-то пришлись по душе кой-кому из новых людей, присоединившихся к нам в лесу. Как-то вызываем «Остров», но оттуда никто не отвечает. Оказалось, что все «островитяне» ушли на гулянье с девушками. На заставе никого не осталось. Семену Васильевичу пришлось очень серьезно напомнить этим людям о дисциплине. И вот некоторые партизаны стали поговаривать, что Ковпак-де хотя и ругается, но дед добрый, а комиссар нам не подходит — любит закручивать по своей «армейской привычке». Было среди новых бойцов несколько, что называется, отчаянных парней: в боевом деле — орлы, а в жизни — бесшабашные головы. Они не раз поднимали шум: мы — партизаны, обойдемся без комиссара.

Семен Васильевич говорил мне, посмеиваясь:

— Вольно жить решили. Старенькие представления о партизанах: раз партизаном стал, значит, можно забыть армейские порядки. Но ничего — я им напомию, как у них в полку было.

Он стал заглядывать в землянки «островитян» чаще, чем в другие. Однажды кто-то услышал, как «островитяне» угрожали Рудневу, если он не оставит их в покое. Семен Васильевич сейчас же пошел на «Остров». На этот раз он запретил Радика идти с ним.

— Крепко придется поговорить, — сказал Семен Васильевич.

Перед уходом он снял пистолет и положил его в землянке на столик. Я спросил:

— Ты чего безоружным идешь?

Базыма заволновался:

— С огнем играешь, Семен Васильевич!

Руднев усмехнулся:

— Неужели вы думаете, что они могут убить? В гражданскую войну, может быть, я бы и побоялся, а теперь, будьте спокойны... Люди ведь хоть немного, но в армии послужили, да и Советская власть уже не первый год!

Вернулся Семен Васильевич с «Острова» нескоро, но довольный разговором с бойцами.

— Свои ребята. Только очень горячие,— сказал он.

Разговор у него с ними сначала был громким, а кончился на задушевных нотах. Людям совестно стало: они ему угрожали, а он вот пришел к ним с полным доверием, не взял с собой оружия. Семен Васильевич умел разговаривать с людьми. В отряде его любили все больше и больше.

Я уже говорил, что наши путивляне даже во внешности старались подражать Семену Васильевичу. Например, пошла у нас мода на усы. Эта мода охватила весь отряд, началось соревнование — у кого усы больше, у кого пышнее.

Или вот песни. Была у комиссара одна песня, которую он чаще всего пел. Выйдет вечером из землянки, шинель внакидку, сядет на пенек вместе с Радиком, обнимет его и затянет:

В чистом поле, поле, под ракитой,
Где клубится по ночам туман,
Там лежит, лежит зарытый,
Там схоронен красный партизан...

И слышишь: у одной землянки подхватили, у другой — и по всему лесу пошла песня:

Я сама героя провожала
В дальний путь, на славные дела,
Босвую саблю подавала,
Вороного конника вела.

Эта песня стала любимой у путивлян. Была у нас еще одна песня, которую часто запевали бойцы в глуши Снадшанского леса, — песня о маленьком партизане, по прозвищу Ежик. Эта песня в Путивле исполнялась школьным хором в сопровождении декламации. Декламировала всегда девочка Чернушка.

В лесу песня о Ежике исполнялась тоже с декламацией. Только декламировала не девочка, а лихой усач-минер.

Сидят бойцы на бревнах у землянки. Поют тихо-тихо, и чувствуется, что мыслями они далеко отсюда. Люди семейные, а семьи-то ведь у большинства в эвакуации — далеко. Тревожно на сердце. Как-то там, на востоке, дети живут? Увидишь ли их еще?

Только один куплет этой песни исполнялся в полный голос:

Налетели, ударили громом,
Ярче молний блеснули клинки...

Вот тут уже песня гремела вовсю и настроение менялось.

Наши помощники

Все-таки наши путивльские партизаны при всем боевом задоре были глубоко мирными людьми. Базыма, например, обратил внимание на лесные высоты, на которых мы потом построили свою оборону, не столько как начальник штаба, сколько как учитель географии. Его очень заинтересовал вопрос о происхождении этих высоток. Песчаная почва и волнообразная форма их привела его к мысли о древних дюнах, и он очень сожалел, что в мирное время упустил из виду организовать сюда экскурсию школьников.

— Вот кончится война, тогда я с ребятами налягу на экскурсию,— говорил Григорий Яковлевич.

Война только началась, а человек уже мечтал о том, что будет делать в мирное время. Не только Базыма, многие из нас, путивлян, живя в землянках, в глуши леса, думали об этом же.

С уходом в лес не так уж все изменилось у каждого из нас, как это можно было подумывать, глядя со стороны. Внешне все в жизни пошло по-другому, и человек как будто совсем изменился, но в душе он остался таким же, каким был до войны, только еще сильнее полюбил дело, к которому его приобщал советский социалистический строй.

Конечно, появились у нас совсем новые заботы. Несколько лет я работал в Путивле начальником дорожного отдела — строил, ремонтировал дороги, мосты, а теперь разрушал их. Но когда я делал это, меня не оставляла мысль, что дорога здесь грунтовая, а местность болотистая; осенью на машине трудно проехать — в будущем нужно будет поставить вопрос о прокладке шоссе; или, думал я, грузоподъемность этого моста уже недостаточна, пора бы увеличить; или вот беседка на сельских дорогах: одну беседку поставили возле паромы, а почему бы не поставить на каждом километре — едет колхозник в город на велосипеде, захватил его дождь — есть где укрыться, отдохнуть.

Не выходили из головы мысли о начатой кампании по ремонту домов в Путивле — уже порядочно было сделано, а сколько еще предстояло! И о своем любимом детище — городском парке на берегу Сейма. Перед войной мы в Путивле только-только занялись благоустройством, стали думать о красоте, удобствах...

Иной раз у меня бывало такое чувство, что я по-прежнему председатель исполкома горсовета, что моя штабная землянка в лесу — это мой временный кабинет.

Нам ведь приходилось не только воевать, но и работать с населением, решать с ним массу разных вопросов. Прежде всего надо было заручиться в каждом селе хорошими помощниками.

В селе Спадщина, в первой же хате от леса, жила колхозница-активистка Екатерина Соловьева, моя старая знакомая. За малейшее содействие партизанам оккупанты вешали, а вот эта женщина получала от нас задания и виду не показывала, что ей угрожает смертная казнь. Она бралась за дело так, как будто и

гитлеровцев нет и речь идет о самом обыкновенном задании сельсовета.

Бывало, раздается в лесу голос женщины. Она громко зовет заблудившуюся корову. И партизаны уже знают, что идет Екатерина Соловьева с подарками от колхозников и новостями. Кличка коровы заменяла ей пароль. Через Соловьеву мы установили связь с другими колхозницами, которые стали тоже нашими помощниками: выпекали хлеб, заготавливали сухари, ходили в город, передавали письма, добывали нужные сведения, помогали нам переправлять через фронт военнослужащих, оставшихся в окружении.

А каких помощников нашли партизаны среди сельских медиков! В селе Воргол у нас был свой врач — Дина Маевская, молодая девушка-спортсменка. За год до войны она окончила медицинский институт, в Ворголе заведовала врачебным участком. Когда немцы стали подходить к Путивлю, Дина, хотя она была беспартийной, присоединилась к группе сельских коммунистов, оставшихся для подпольной работы. В Ворголе и соседних с ним селах застряли раненые красноармейцы. Эвакуировать этих раненых не успели, и Дина взяла их на свое попечение. Она разъезжала по колхозам своего участка, перевязывала раненых, укрывала их у надежных людей; в селе Яцыно организовала в хате одного колхозника настоящий госпиталь. Но мало было выделить людей — надо еще позаботиться об их дальнейшей судьбе: Дина и это взяла на себя. Выздоровливающих она отправляла в лес к партизанам или с помощью партизан переправляла через линию фронта, пока фронт не отодвинулся далеко от Путивля. Попутно она вела разведку для нас.

В селе Новая Слобода таким же делом занимались связанные с нами фельдшерицы Галя Борисенко и Матрена Бобина. Вскоре все эти смелые девушки пришли в Спадчанский лес, вступили в наш отряд. Так организовалась у нас санчасть. Начальником ее мы назначили Дину. Ей удалось перетащить в лес со своего врачебного участка медикаменты, перевязочный материал и весь имевшийся там инструментарий для скорой помощи.

Хорошо помогали нам и сельские учителя, особенно те, которых Базыма и Пятыхкин лично знали по совместной педагогической и общественной работе. Мы провели с учителями в селах несколько нелегальных собраний. Одно из них было посвящено преподаванию истории.

Путивляне издавна гордятся тем, что их город упомянут в «Слове о полку Игореве». Городской вал, сохранившийся со времен знаменитого похода Игоря Святославича, — излюбленное место прогулок нашей молодежи. В путивльском музее собрано много экспонатов, напоминающих о славном прошлом нашего города, о совместной борьбе русского и украинского народов за родную землю.

Гитлеровцы пытались заставить народ забыть о его героическом прошлом. Начали они с того, что запретили в школах пре-

подавание истории. Мы потолковали с учителями и попросили их подумать, как бы восстановить уроки истории. Первой на наше предложение откликнулась молодая учительница из села Яцыно — Вера Силина. Подумав, она решила, что лучше всего связать преподавание истории с уроками грамматики. Придя на урок, она дала ученикам для грамматического разбора предложение, в которое входило слова «Союз Советских Социалистических Республик».

— Надо было видеть, — радостно рассказывала она потом, — как загорелись глазенки у детей, когда они услышали эти слова.

Так, подбирая для грамматического разбора предложения, в которые входили особенно дорогие народу слова, Вера Силина незаметно втягивала учеников в беседы о Родине. И такие нелегальные уроки истории стали любимыми у детей. Запуганные фашистским террором, виселицами и расстрелами, разучившиеся уже было громко разговаривать, дети после этих уроков ожили, почувствовали себя снова советскими школьниками.

Чем активнее мы действовали, тем больше становилось людей, которые нам помогали, и тем смелее они действовали.

Вскоре в Яцыно у нас уже было много помощников. Здесь при школе возникла тесно связанная с нашим отрядом подпольная комсомольская организация. Молодые подпольщики регулярно доставляли нам сведения о передвижениях немецко-фашистских войск по району.

Праздничные подарки

Алексей Ильич вернулся из Харькова, как настоящий Дед Мороз, к празднику; мы готовились к встрече 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

— Только, хлопцы, не гневайтесь, — сказал он, — подарков я вам не принес.

Мы ждали с Большой земли рацию. Алексею Ильичу не удалось ее получить, но советское командование, с которым он установил связь в Харькове, взяло наши координаты и обещало, что рация будет сброшена нам с самолета. Хорошо уже было то, что на Большой земле узнали о нашем существовании в Спадщанском лесу.

Вернулся Дед Мороз, и в землянке сразу как-то уютнее стало. Какая бы погода не была — Алексей Ильич в валенках, а то и в овчинной шубе. Выпьет несколько кружек горячего чаю и еще к печке подсаживается поближе, пока не взмокнет так, что пот с него сыплется градом.

— Эх, в баньку бы с дороги! Попарить старые кости, — вздыхает он.

Вот, кстати, и новое дело старику нашлось: поручили ему перевести баню с лесоплава в расположение наших землянок. Ему все по плечу — мастеровой человек. Чему он только не научил наших

людей в лесу! Сапоги должны быть смазаны — это закон. Приходилось самим гнать деготь. Кто сведущ в этом деле? Алексей Ильич. Или вот стирка белья — щелок надо было вываривать из золы. И тут Дед Мороз поучит. Рядом с землянкой — муравьиная куча. Кто знает, что эта куча — лучший санпропускник? А Алексей Ильич, как только увидел, что люди стали почесываться, объявил приказ по землянкам:

— Снимайте на ночь белье, суйте в муравейник.

Весело рассказывал нам Алексей Ильич о том, как он через фронт переходил. Рассказывает, а у самого слезы от смеха и трясетя весь.

С ним шла группа красноармейцев-окруженцев, у которых он был проводником. В одном месте «свиним шляхом» пельзя было пройти. Пришлось выйти на большак. Бойцы усомнились, спрашивают: «Куда, дед, ведешь? Видишь, как дорога наезжена немецкими машинами?» А Дед Мороз показывает на поля. Время было уборки картофеля — на полях полно народу. Говорит: «Свой народ — не выдаст». Пошли они по большаку, а как только увидят машину с гитлеровцами, рассыпятся по полю и делают вид, что картошку выбирают. Колхозницы благодарят: «Спасибо, товарищи, за помощь». А мужчины смеются: «Попутчики, значит. Мы такие же копальщики, как и вы: в одну сторону пробираемся». Тогда много людей пробиралось к фронту картофельными полями.

После возвращения Алексея Ильича мы провели во всех селах и хуторах вокруг Спасского леса праздничные митинги, рассказали правду о положении на фронте — то, что узнали от Деда Мороза. Население приободрилось. Ведь оккупанты объявили уже, что и Москва взята ими.

Порадовал народ нас в эти дни своим вниманием, заботой. В селе Стрельниках, где Базыма учительствовал много лет, после проведенного партизанским агитатором митинга колхозники выгрузили из амбара все зерно на подводы, выгнали со скотного двора телят и отправили нам целый обоз подарков. Мы отказывались, говорили, что у нас всего хватает, но колхозники настаивали:

— Пожалуйста, возьмите, а то фашисты заберут.

В канун праздника встретили наши дозоры в лесу хлопчика лет тринадцати. Ведет вола. Спрашивают его:

— Ты куда это, малый, с волом?

— Народ послал до вас делегатом!

— Какой народ?

— Новошарповские колхозники. Завтра же праздник Октябрьской революции. Вот вам и отрядили в подарок вола. Вы, дяденька, его зарежьте — и будет к празднику мясо до борща. Он, вол-то, хороший, жирный.

В это время в штаб пришли летчики, лечившиеся в санчасти отряда. Они просили помочь им перебраться через линию фронта.

С ними случилась неприятная история. В первых числах октября недалеко от Путивля завязался ожесточенный воздушный бой, во время которого, несмотря на превосходящие силы врага, совет-

ские истребители сбили четыре фашистских самолета. Однако две наши машины, окутанные пламенем, тоже врезались в землю.

Раненые пилоты выбросились на парашютах. Их захватили гитлеровцы и поместили в больницу, поставив охрану. На гуманизм варваров нечего было рассчитывать. Безусловно, у гитлеровцев были какие-то свои планы, ничего хорошего не предвещавшие летчикам после их выздоровления.

Мы решили их спасти. Поручили участнику гражданской войны путивлянину Василию Петровичу Докунину выкрасть этих ребят из больницы и перевезти на квартиру к нашему верному человеку — Григорию Ивановичу Полтавцеву, который с помощью разведки переправил пилотов Калинина Николая Михайловича и Воскресенского Михаила Григорьевича к нам в отряд.

Как только летчики начали выздоравливать, они все чаще и настойчивее просили скорее переправить их через линию фронта: не терпелось ребятам снова подняться в воздух. Но с этим надо было немного подождать.

Приближается зима

Спустя несколько дней после Октябрьских праздников наши разведчики заметили на восточной опушке колонну гитлеровской пехоты,двигающуюся по дороге от Путивля на север, мимо леса, — человек семьдесят с автоматами и ручными пулеметами. Я сейчас же послал на северную опушку в кустарниковые заросли к Старой Шарповке группу в тридцать человек. С ней пошел Руднев.

Вскоре более многочисленная колонна противника стала приближаться к южной опушке леса. И на карту не надо было смотреть, чтобы разгадать замысел немцев. Ясно было, что северная колонна послана с целью выманить нас из леса, оторвать от основной позиции, от базы, чтобы потом ударить нам в тыл. Я решил так: пусть они хитрят, а мы будем придерживаться своего плана. Прежде всего — не разбрасываться: сначала помогу Рудневу быстрее разгромить меньшую колонну, а потом уже вместе повернем для отражения атаки с юга.

У северной опушки, подходя к Старой Шарповке, оккупанты развернулись. Я выдвинулся со своей группой вперед и обстрелял их из танка орудийным огнем. Немцы стали уклоняться от опушки, где их поджидал Руднев. Видя, что противник уходит, Семен Васильевич разбил своих бойцов на две группы. Он хотел отрезать противнику путь вперед, одновременно зайти ему в тыл и прижать к реке Клевень. Но гитлеровцы, попав под огонь танка, очень быстро проскочили через Старую Шарповку: когда партизаны вышли к ветряку на западной окраине села, те были уже на лугу за рекой. Поспешность, с которой они отошли за Клевень, подтверждала мою догадку: они действительно хотели выманить нас из леса. Это им не удалось. Руднев преследовал их ружейно-пулемет-

ным огнем, а я сейчас же повернул танк, чтобы ударить по наступающим с южной опушки.

Тем временем фашисты оттеснили нашу заставу и частью сил прорвались к землянкам. Оттуда доносились выстрелы и разрывы гранат.

С танком напрямик лесом не пройдешь, нужно было кружить по дорогам между болотами. Бойцы одни, без танка, быстрее могли добраться до землянок. Я приказал им бежать туда, а сам повел танк. Дорога узкая — наскочили на толстое дерево. Вперед нельзя, и назад танк не идет. Водитель заглушил мотор. Пушкарь говорит:

— Теперь прочно стали на позицию.

Позиция оказалась подходящей: стоим на высотке, впереди лес довольно редкий — обстрел хороший.

Подоспели мы как раз вовремя. Со стороны землянок прямо на танк бежали гитлеровцы. Первая мысль была, что это атака, но нет, что-то не похоже — бегут беспорядочно и танка, видимо, не замечают.

Оказалось, что у землянок фашистам дали уже жару, хотя там оставались только больные. Одну из землянок каратели окружили. В ней было три бойца, в числе их разведчик Попов Василий Фомич, партизан гражданской войны. Снаружи кричат: «Сдавайся!» Изнутри никто не отвечает. Немцы бросили гранату в дымовую трубу. Но партизаны укрылись досками от нар. Решив, вероятно, что в землянке никого живых нет, фашисты подошли к окошечку, чтобы заглянуть во внутрь. В этот момент Попов дал по ним очередь из автомата — убил офицера и нескольких солдат. Остальные отбежали от землянки и попали под огонь посланных мной бойцов.

Потом уже в панике гитлеровцы бросились в нашу сторону, где мы их встретили огнем из танка. Они шарахнулись в сторону и заметались, не зная, как выскочить из этого проклятого леса: здесь болото — утонешь, там чаща — не пройдешь, а тут словно изпод земли на высотке вдруг танк появился и бьет прямо в упор. Словом, настоящая чертовщина, дай бог ноги унести!

В этом бою противник потерял около двадцати солдат и одного офицера, а мы опять обошлись без потерь, только устали и вспотели сильно, бегая взад и вперед по лесу. Но в том, что мы могли маневрировать в лесу, не боясь потерять ориентировку, и было, собственно говоря, наше главное тактическое преимущество над противником, который двигался в лесу, как слепой.

* * *

Нет такой карты Спадщанского леса, да и представить ее нельзя, по которой мог бы работать мой начальник штаба. На его обязанности лежало определение мест для постов, засад, секретов, выбор позиций обороны на всякий возможный вариант наступления противника. Для этого надо было не только каждую высоту, болотце, опушку, каждое дерево изучить, но и

знать, откуда какой сектор обстрела и наблюдения. Григорий Яковлевич Базыма предпочитал карте работу прямо на местности.

Вот, к примеру, увидел он оригинальную березу. Из земли один пенек торчит, а из него три ствола растут: два по бокам, один сзади, и все с выгибом, как будто кто-то сидел на стволах, когда они прорастали. Готовое кресло, к тому же и мягкое: пенек весь во мху. Впереди что-то вроде просеки — полосочка редкого леса, небольшой просвет. Чем не замечательный пост! Сидеть удобно, маскировка готовая, и наблюдение исключительное. И сколько таких мест, подготовленных для нас самой природой, нашел Григорий Яковлевич в Спадщанском лесу!

Ходит он по лесу не торопясь, поглядывает по сторонам, точно грибы собирает. И по виду-то он больше на грибника похож, чем на начальника штаба. Из города пришел в лес в плаще. Планшетку с собой захватил — кажется, она у него со времен первой мировой войны, — а теплого ничего не взял. Первые дни все ежился, у костра грелся. Потом поменял у какого-то знакомого колхозника свой городской плащ на теплую фуфайку — обрадовался, а когда по утрам подмораживать начало, сшил себе из одеяла не то пальто, не то халат, вернее просто мешок с дыркой для головы. И чувствовал себя прекрасно, целые дни пропадал в лесу.

Но вот покой Григория Яковлевича был нарушен. Я поручил ему подготовить карты севера Сумщины вплоть до Брянских лесов. Он сразу понял, зачем это нужно, и начал подолгу засиживаться над картами. Придет в землянку, наденет очки, разложит на столшке одноверстку и сидит над ней молча, свертывая одну цигарку за другой. И Руднев все чаще подходит к нему. Прикурит и долго стоит, тоже косится на карту.

И на столе уже не только карты Путивльского района, а и карты прилегающих к нему с севера районов, которые до сих пор не раскладывались. От Спадщанского леса взгляд Григория Яковлевича медленно поднимается выше — за Клевень, за Вишневые горы, к лесам Марица, Кочубейщина, Довжик, еще выше, за Глухов, к Хинельским лесам. И Руднев косится туда же. И самого меня начинает тянуть к карте. Также встаю, надеваю очки, заглядываю через плечо Григория Яковлевича, и тоже взгляд мой невольно поднимается от Спадщины к северу, туда, где на карте всего больше зеленых пятен, где они сливаются в одно сплошное зеленое поле: к южной зоне Брянских лесов.

И все-таки мы готовились к зимовке в Спадщанском лесу. Беспокоила мысль, что с приходом зимы наша жизнь значительно усложнится. По болоту Жилень, которое до сих пор надежно прикрывало нас с запада, зимой можно будет не только пройти, а даже проехать, замерзнут все лесные болотца вокруг землянок. Когда опадут листья на деревьях — лес поредет, и если летом можно было пройти в двух шагах от землянки и ничего не заметить, то зимой ее будет видно от одной дороги к другой.

Немецкое командование готовилось к новому наступлению на Спадщанский лес, как к серьезной военной операции. Вот почему

приходилось подумывать об огромных лесах, лежащих к северу от Глухова, за Севском, Середина-Будой, вспомнить старые партизанские гнездовья, где в годы гражданской войны украинские партизаны собирались для борьбы против немецких оккупантов.

Но разговоров об уходе на север пока у нас не было. Мы продолжали готовиться к зимовке в Спадщанском лесу.

На север

Морозы, предвещавшие для нас бои, начались сразу сильные, болото Жилень быстро замерзло. Гитлеровцы зашвелились, и не только в Путивле. Наши разведчики, ездившие на базары под видом крестьян, и колхозники, являвшиеся нашими разведчиками, стали сообщать о движении автомашин с отрядами противника в сторону Путивля из Бурыни, Конотопа, Кролевца, Глухова, Шалыгина. То в одном, то в другом селе — с юга, запада, севера и востока от Спадщанского леса, все ближе к нему — появлялись войска оккупантов и полиция, стянутые из соседних районов. В Октябрьские праздники мы задумали провести в одном из сел вблизи Спадщанского леса районную учительскую конференцию. Агитационная группа под руководством Панипа уже вела подготовку к конференции, втянула в это дело сельских учителей, налаживала связь с другими учителями из отдаленных сел, с городскими педагогами, намечала уже место и срок созыва конференции. Эту работу, которой мы придавали очень большое значение, пришлось прекратить. Положение стало настолько острым, что о созыве конференции не могло быть и речи. Вражеское кольцо вокруг Спадщанского леса быстро замыкалось. Из леса уже трудно было выходить. В лесах и хуторах, где мы недавно открыто проводили собрания и митинги, откуда колхозники на подводах привозили нам продовольствие, появились каратели.

Выпал снег. Теперь в лесу уже не пройдешь, как осенью, когда дождь за тобой следы смывает. Противнику не надо было теперь искать предателей-проводников: от опушки по нашим следам они могли выйти прямо к расположению отряда.

Из-за этих следов, на которые мы невольно стали обращать внимание, обжитый уже лес сразу показался другим. Да он и действительно был уже не тот: как будто жили мы под крышей, а теперь оказались под открытым небом.

Некоторые партизаны, поторопившиеся с наступлением морозов обменять у колхозников свои сапоги на валенки, стали подумывать, не прогадали ли. Командиры поглядывали на карты, а бойцы — на обувку. У тех и у других мысль одна: все-таки, должно быть, предстоит далекий поход, придется уходить на север.

Во всяком случае, без отчаянной борьбы никто из путивлян не хотел покидать свое лесное гнездо, свой район, где не только у Руднева, а у многих оставались семьи, близкие, где колхозники смотрели на нас как на своих защитников.

Вскоре после Октябрьского праздника наша разведчица, подерживавшая связь с семьей Руднева, сообщила, что его жена Домникия Даниловна решила перебраться с младшим сыном, семилетним Юриком, в Спадщанский лес, так как на хуторе нельзя больше жить — гитлеровцы уже, кажется, напали на ее след. В назначенный день мы встретили Домникию Даниловну на опушке леса у стога сена. Она прошла километров двадцать пять по глухим дорогам, прячась от немцев, неся на руках заболевшего сына. Семен Васильевич не знал, что ему делать. Обстановка складывалась такая, что взять семью в отряд он не решался, опасно было и отсылать ее назад. Долго стоял он с женой у стога в печальном размышлении. Оба боялись друг за друга, обоим хотелось быть вместе в эти тяжелые дни, но надо было подумать и о ребенке. В конце концов Семен Васильевич решил поместить семью у одной знакомой старушки-колхозницы, жившей в Новой Шарповке у самого леса. С неделю пробыла тут Домникия Даниловна, каждый день встречаясь на опушке леса, у колхозных сараев, с Семеном Васильевичем и Радиком.

Между тем кольцо вражеских войск вокруг Спадщанского леса все стягивалось и стягивалось. В Новой Шарповке, несмотря на все принятые нами меры конспирации, многие догадались, кто такая эта впервые появившаяся в деревне женщина с мальчиком, узнали о ее встречах с Рудневым. И тут оставаться дольше стало очень рискованно. Пришлось Семену Васильевичу искать для семьи другое пристанище. В Мойсеевке, родной деревне Рудневых, это в другом конце района, — скрывался бежавший из немецкого плена брат Семена Васильевича. В эту деревню и отправил Руднев свою семью из Новой Шарповки, когда гитлеровцы стали приближаться к Спадщанскому лесу.

Далеко по дороге провожал он с Радиком Домникию Даниловну и младшего сына. Все никак расстаться не могли. Обнимутся уже, попрощаются и опять идут вместе. А потом расстались и издали долго махали руками друг другу, стоя на дороге.

Прошло несколько дней после этого, и немецко-фашистские войска появились во всех деревнях, прилегающих к Спадщанскому лесу. В операции участвовало около трех тысяч гитлеровцев. В нашем отряде к этому времени было семьдесят три бойца. Такое неравенство сил не очень пугало нас. Мы были уверены, что и на этот раз устоим, что страх у фашистов перед Спадщанским лесом еще достаточно велик и при всей своей многочисленности они будут действовать в лесу по-прежнему трусливо. Продержаться бы еще немного, думали мы, и нам сбросят обещанную рацию — ведь координаты наши известны, расположение наше отмечено на карте, а тогда, установив регулярную связь с Большой землей, мы будем знать, что делать дальше. Самое главное — получить рацию. Мы ждали ее со дня на день, прислушивались к шуму пролетающих над лесом самолетов: не свой ли, советский, красноразветный, не нас ли ищет, чтобы сбросить рацию? А где он нас найдет, если

мы уйдем отсюда? Покружится и улетит назад — не искать же с воздуха наши следы по лесам!

1 декабря оккупанты пошли в наступление. Наша тактика заключалась в том, чтобы заманить противника поглубже в лес и здесь наносить по нему удары, не распыляя сил отряда. Круговая оборона была построена вокруг наших баз-землянок. В центре был танк. Он так и остался на той высоте, где застрял в последнем бою, когда наскочил на дерево.

По окружности оборона отряда занимала около двух километров. В некоторых местах, где было много труднопроходимых оврагов, бойцы окопались на расстоянии ста и больше метров друг от друга, только чтобы поддерживать между собою зрительную связь. Большинство бойцов было собрано на нескольких наиболее опасных участках. На левом фланге расположились боевые группы общей численностью в тридцать три бойца под командой Рудисва. Противоположную сторону обороны, лицом к Жилени, заняли боевые группы, которыми руководил Базыма, — тридцать бойцов. Там был и Курс с минометом, и Дед Мороз, засевший с несколькими разведчиками в засаде. Танк должен был прикрывать землянки и поддерживать огнем все группы.

Бой начался около десяти часов утра.

И на этот раз танк, хотя он был уже неподвижный, сослужил нам очень хорошую службу. Высота, на которой он стоял среди редкого леса, оказалась неприступной крепостью. Со стороны Новой Шарповки каратели подходили к ней так близко, что были видны лица солдат. Танк встречал врагов огнем, они рассыпались, отбегали, собирались, снова шли в атаку и опять отступали, оставляя убитых, которых наш танкист-пушкарь, высовываясь после стрельбы из люка, подсчитывал про себя, тыкая пальцем в воздух. Не помню его фамилии — такая, тыкая пальцем в воздух. Все звали его по имени, Абрам, или просто Пушкарь.

Один раз гитлеровцы уже чуть было не подобрались к самому танку, их отделяло от него несколько десятков шагов, несколько деревьев. Но танкисты по моей команде вовремя повернули башню, а Абрам двумя или тремя снарядами раскидал по лесу приближавшихся фашистов. Их было человек семьдесят.

Я не отходил от танка, все время подавал команды Пушкарю, корректировал его стрельбу. У меня не выходила из головы мысль: «Танк — наша крепость, если немцы прорвутся здесь, все пропало».

Рядом со мной во время боя была медсестра Галя Борисенко. От огня противника мы с ней укрывались за деревьями, я — за одним, она — за другим. Я танком командовал, а Галя — мною.

— Да станьте вы за то дерево — потолще все-таки... Сидор Артемович, да не высовывайтесь... Залезайте лучше в танк. Дина сказала, что я за вас отвечаю, так что извольте подчиняться...

Конечно, танковая броня более надежное укрытие, чем дерево, но в танке — может, это с непривычки — я ничего не видел и не слышал, как будто меня наглухо колпаком накрывали, а стоя возле него, я не только наблюдал все подступы к высоте, но по вы-

стрелам и голосам, хорошо разносившимся по лесу, ясно представлял себе все, что происходит, мог в любую минуту направить огонь туда, где он больше всего был нужен. Башня танка непрерывно вращалась. Абрам так хорошо знал свой лес, что по звуку стрелял, как по видимой цели. Один крупнокалиберный пулемет фашистов, бивший со стороны Жилени на участке Базымы, замолк после нескольких выстрелов нашего Пушкаря.

В этом бою по всему кругу обороны партизаны дрались, не сходя с места, если не считать коротких контратак. Гитлеровцы пытались прорваться к землянкам со всех сторон. Они проникли в лес и через урочище Жилень, воспользовавшись тем, что болото замерзло. Тут у них действовала даже кавалерия. От нее отбивался Дед Мороз со своими разведчиками.

Граничащий с Жиленью участок леса зимой оказался самым уязвимым. Боевые группы Базымы с трудом отражали атаки наступавшей здесь под прикрытием станковых пулеметов пехоты противника и его кавалерии, пытавшейся прорваться к нам в тыл. В критический момент на помощь Базыме подоспел Руднев, только что отбивший атаку на своем участке. Увидев комиссара, который бежал прямо на немцев и на ходу стрелял, бойцы поднялись и с криком «ура!» устремились за ним. Первыми поднялись бойцы группы Карпенко — те самые, которые кричали, что в партизанском отряде ни к чему армейские привычки, что они не желают знать комиссара. Теперь эти люди готовы были голову положить за Руднева, идти за ним в огонь и в воду.

— Еще до того как немцы начали атаку, всем нам было ясно: если не выдержим, все погибнет, погибнет отряд. Бой продолжался до темна. Народ наш выдержал.

Каратели отступили, ушли на ночь из леса, даже не подобрав трупов — их было сотни полторы. Мы захватили пять пулеметов и миномет с несколькими минами. Но за день у нас были израсходованы почти все боеприпасы, и это заставило меня сейчас же после боя задать Алексею Ильичу вопрос, который давно был в мыслях:

— Знаешь, Ильич, путь в Брянские леса?

Ильич сразу меня понял.

— Значит, все-таки в поход?

— В поход, Ильич.

— Что ж, добре. Проведу хлопцев по старым партизанским тропкам.

Итак, из Путивльского района нам пришлось уйти. Я приказал снять с танка вооружение и заминировать его. Все, что не могли взять с собою, зарыли в землю. Сахар, наваренное нам колхозниками варенье и небольшое количество сухарей выдали бойцам на руки.

В приказе, объявленном по отряду, говорилось:

«Дабы сохранить людской состав отряда для дальнейшей борьбы с немецкими захватчиками, считать целесообразным 1/XII 1941 г. в 24.00 оставить Спадщанский лес и выйти в рейд в направлении Брянских лесов».

Я писал о выходе в рейд, чтобы сказать этим, что мы еще вернемся в свое родное гнездо, что уходим ненадолго, не предполагая, конечно, какой смысл приобретет для нас в будущем это слово «рейд».

Присяга партизан

Перед уходом из Спадщанского леса путивляне хоронили трех бойцов: Ильина, Челядина и Воробьева. Недолго они воевали, но мы никогда не забудем этих первых павших в бою партизан. Место для их могилы выбрали недалеко от землянок, в глухой чаще, чтобы враги не нашли могилы и не осквернили ее. Земля уже промерзла, рыли с трудом, торопились. За ночь надо было выйти из лесу и скрытно проскочить между хуторами, в которых расположился после боя противник, намеревавшийся утром возобновить наступление.

Перед могилой собрались все наши семьдесят бойцов и командиров с оружием, гранатными сумками, заплечными мешками. Тут же стояли две запряженные в подводы лошади — наш обоз.

Было темно, люди стояли молча, и вдруг раздался голос:

— Товарищи! Поклянемся!

Кто говорит, не видно, только по голосу узнали: Руднев.

Все придвинулись к могиле, сбились вокруг нее тесным кругом.

Что было тогда у людей на душе, все сказали они в клятве, которую произнесли, повторяя слова комиссара. Высказали всю накипевшую злость, всю ненависть к захватчикам — за погибших товарищей, за то, что приходится уходить из родного района, за семьи, оставшиеся в селах. За все клялись мы отомстить — и за то, что, может быть, завтра прилетит с Большой земли самолет и не найдет нас в Спадщанском лесу.

Ночью отряд выступил в поход. Вперед пошли три разведчика, за ними двинулся во главе с Рудневым и Дедом Морозом строй бойцов. Я шел замыкающим рядом с санями, на которых везли раненых, пулеметы и миномет.

В предыдущем бою осколок мины задел мне ногу. Ранка была пустяковая, и я сначала не обратил на нее внимания, но сапог натер ранку, она воспалилась и стала мучить. Когда двинулись в поход, я крепился-крепился, но потом не выдержал: присел на сани. Наш врач Дина, дожимавшая меня в землянке марганцевыми ванночками и притирками, теперь выполняла роль связного. Только она одна имела в походе верховую лошадь — маленькую шустрюю лошадку — и, поддерживая связь между мною и комиссаром, все время носилась вдоль растянувшегося строя.

Против северной опушки леса по реке Клевени гитлеровцы расположили свои заставы, предполагая, что если мы попытаемся вырваться из окружения, то можем сделать это только здесь, чтобы, проскочив через речную низину, выйти сразу в леса урочищ Вишневые горы, Марица и Кочубейщина.

Мы же решили прорываться на восток открытой местностью.

Путь наш пролегал между Новой Шарповкой и Кардашами на село Стрельники, и оттуда уже он сворачивал на север, за Клевень.

Отряд проходил между хуторами, в которых заночевали после боя фашисты. Надо было проскользнуть тихо-тихо в нескольких сотнях метров от них. Сначала мы пробирались от перелеска к перелеску, а потом вышли в чистое поле. Ночь была темная, но мы все-таки боялись, что немцы заметят нас. Иногда на самом опасном месте колонна останавливалась. Дина, подъезжая ко мне на своей лошадке, по грудь зарывавшейся в снег, докладывала вполголоса, что передние выбились из сил — снег метровой глубины.

— Вперед! Вперед! — торопил я.

К утру Дед Мороз вывел отряд за Клевень.

Чтобы стянуть к Спадшанскому лесу три тысячи солдат и офицеров, оккупанты вынуждены были оставить без гарнизонов несколько районов. К северу от Клевени путь оказался совершенно свободным. Оставшиеся кое-где небольшие группы противника разбегались при нашем появлении. Только в одном селе несколько не успевших удрать немецких прислужников попытались оказать сопротивление. Они были уничтожены.

Вступая в села, бойцы с ожесточением рубили приготовленные извергами виселицы. Руднев с Папиным собирали колхозников, проводили митинги, говорили народу, что мы скоро вернемся, чтобы нас ждали, не выполняли немецких поставок, зарывали хлеб в землю.

Поход продолжался четыре дня. За это время мы прошли маршем сто шестьдесят километров, пересекли Путивльский, Шалыгинский, Червоный (бывший Эсманский) районы Сумщины и вышли в Севский район Орловской области. Отряд остановился в селе Хвошовке, на опушке Хинельских лесов.

Этот лесной массив лежит к югу от Хутора-Михайловского¹, за которым начинаются уже Брянские леса, и тянется он широкой полосой с запада на восток, от Новгорода-Северского к Севску. Нам представилось выгодным обосноваться именно здесь: мы не отрывались от своего района, имели возможность всегда вернуться в него, и в то же время у нас был надежный тыл — Брянские леса.

Хорошей базой для отряда мог служить лесокосбинат, расположенный в тридцать пятом квадрате лесного массива. С целью разведки туда было послано несколько бойцов во главе с Дедом Морозом. Вернувшись, Алексей Ильич сообщил, что в поселке лесокосбината живет какой-то странный народ. Большинство занимается сапожным делом, но видно, что люди все нездешние, пришлые, должно быть, скрываются от оккупантов. Узнать от них ничего нельзя, к новым людям относятся с подозрением, боятся, не подосланы ли полицией. Вблизи поселка — землянки, построены недавно, пустые: говорят, что в этих землянках жили какие-то партизаны, но где они сейчас, никто не знает или не хотят

¹ Теперь — г. Дружба.

говорить. В одном доме нашли человека, спрятавшегося в чулане. Хозяйка долго не хотела открывать этот чулан, а когда ее убедили, что бояться нечего, крикнула что-то через дверь.

Дверь распахнулась. На пороге стоял испуганный человек с пистолетом в руке. Видно было, что он решил не дать живым в руки врага. Дед Мороз вступил с ним в переговоры — кто такой, чего прячется. Долго они прощупывали друг друга, не выпуская из рук оружия, пока оба поняли, что люди свои. Этот человек, сидевший в чулане с пистолетом в руке, оказался командиром партизанского отряда. Он только будто бы в лес собирался уходить, но толком объяснить, где его отряд, не мог — разбрелись куда-то люди и все.

— Не пойму, что за партизаны, чего они так поховались. Неясная обстановка,— сказал Алексей Ильич.

Отряд двинулся в глубь леса, и 8 декабря мы заняли лесокмбинат. В поселке было много свободных домов. Тут расположились штаб, хозчасть, санчасть, разведка и одна боевая группа. Остальные группы разместились в лесу, в пустовавших землянках.

Поговорили с людьми, жившими в поселке, со всеми этими «сапожниками». Как мы и думали, это были частью военнослужащие, попавшие в окружение, пробиравшиеся откуда-то издалека и застрявшие здесь, частью партизаны, которым надоело сидеть в лесу, ничего не делая. Мы поставили перед ними вопрос прямо: «Что же вы, дорогие товарищи, всю войну будете сапожничать?» Люди откровенно сознались: «А что делать, если нет даже патронов? То ли пробираться через фронт — так где он, фронт, неизвестно, — то ли в лес уходить к партизанам. А что толку в лесу сидеть? Мы сидели в землянках, а потом сами же в поселок вернулись». Спрашивают нас: «Нет ли у вас, товарищи, радио? Не знаете ли, что на фронте происходит?» Чувствовалось по всему, что страшно оторвались эти люди от жизни, а услышали бы голос с Большой земли, сразу забросили бы сапожные колодки и взялись бы за настоящее дело.

Радио у нас не было, но, поговорив с Рудневым, мы нашли способ встряхнуть этих людей.

На исходе был третий месяц существования Путивльского отряда. Эту дату предполагалось ознаменовать принятием присяги. Сейчас это было как нельзя более кстати. Надо только сделать все, решили мы, чтобы наша клятва Родине была произнесена в торжественной обстановке, по-армейски и на виду у всех собравшихся в поселке.

11 декабря я отдал приказ о приведении к присяге бойцов и командиров отряда.

Боевые группы выстроились возле штаба. После команды: «Смирно, под знамя!» — знаменосцы пронесли перед фронтом боевых групп знамя отряда и остановились с ним у стола, на котором лежал текст присяги, составленный нами.

Я обратился к бойцам и командирам с короткой речью. Подвел итоги трехмесячной борьбы и сказал, что, когда мы уходили из Путивля, каждый из нас в душе поклялся бороться, не считаясь ни

с чем, до полной победы; недавно мы повторили эту клятву над могилой своих товарищей, павших смертью храбрых, а сегодня поклянемся еще раз здесь, в Хинельских лесах, дадим святую воинскую клятву Большой земле, партии, по призыву которой мы поднялись на борьбу с врагом. И я первым прочел текст присяги: «...Как партизан клянусь перед всем советским народом, перед партией и правительством, что буду бороться за освобождение моей Родины от ига фашизма до полного уничтожения его».

Выступил с речью и Руднев, потом все в порядке старшинства читали присягу и подписывались на обороте листа. Я поздравлял каждого присягавшего. Все это, как и следовало ожидать, произвело большое впечатление не только на принимавших присягу, но и на окружавших нас людей.

В тот же день, идя по поселку, я заглянул в один, другой дом. Спрашиваю: «Ну, как дела? Не возьметесь ли шить сапоги для нашего отряда?» — «Нет,— говорят,— довольно посапожничали, хватит, надо воевать».

* * *

Регулярных немецких войск в районе Хинельских лесов было мало — в селах стояли только небольшие смешанные немецко-полицейские группы. После занятия лесокомбината отряд приступил к их уничтожению. За несколько дней были очищены от полиции все окрестные села. Во время этой операции партизаны захватили на немецких базах много оружия, боеприпасов, лошадей, обмундирования и продовольствия. Часть продовольствия сейчас же была роздана населению. На паровой мельнице лесокомбината начался помол зерна, в пекарне — круглосуточная выпечка хлеба и заготовка сухарей.

Мы и здесь почувствовали себя хозяевами. Одного только нам доставало: не знали, что происходит на Большой земле. И вот однажды приходит в штаб какой-то человек и сообщает под секретом, что у него радиоприемник; он ежедневно слушает Москву, — в Москве все в порядке, наступление немцев как будто приостановлено. Человек этот назвался учителем, сказал, что живет неподалеку, около леса. Где у него радиоприемник, я не стал спрашивать — не до того было. Шутка ли сказать — Москву слушает! Да и он сам, вероятно, не хотел говорить, где находится приемник. Я сразу отнесся с доверием к этому человеку, решил, что он свой. Так оно и оказалось. Это был один из подпольщиков, оставленных здесь местной парторганизацией. Он обещал регулярно передавать нам сводки Совинформбюро, которые записывал от руки.

Условились, что я буду посылать в лес в указанное место к определенному часу кого-нибудь из партизан и посланный будет записывать сводку, которую продиктует ему учитель.

В тот же день боец, посланный в лес, принес сводку Совинформбюро. Это было событие, которое стало вехой в становлении нашего отряда.

Руднев начал читать сводку вслух, но все три деда — я, Базыма и Алексей Ильич — надели очки; ладно, он прочтет, а потом мы сами будем читать. Каждому хотелось собственными глазами увидеть дорожные слова из Москвы. Я боялся, что бумажку захватят, буквы совсем сотрутся, ничего не разберешь. Поэтому велел достать чернила и переписать сводку. Переписывать принялись все, кто только ни прибегал в штаб, услышав, что там читают сводку Совинформбюро. Дождался наконец наш народ весточки из Москвы!

В дальнейшем был установлен порядок: как только приносят из лесу сводку, сразу все, у кого хороший почерк, переписывают ее и несут в партизанские землянки и окрестные села.

13 декабря боец, посланный в лес за сводкой, принес сообщение Совинформбюро о разгроме гитлеровцев под Москвой! Вот это был праздник! Все бойцы и командиры тотчас засели за переписывание сводки. В домах поселка, в лесу, в землянках — все писали карандашами и чернилами, писали на чем попало — на листках из тетрадей, из блокнотов, на страницах, вырванных из книг, на обрывках старых газет. Панин бегал, собирал написанные от руки листовки и отправлял в села агитаторов.

Как раз в это время у нас окончательно оформилась и партизанская организация отряда. Панин был выбран секретарем партбюро. По профессии он каменщик, в годы пятилеток работал на стройках. Там и выдвинулся, был взят на профработу, потом переброшен на партийную. Спокойный человек и очень скромный — из тех людей, которые горы сворачивают, но не шумят об этом. Ему всегда казалось, что он должен делать больше, чем делает, и если я или Руднев заговаривали о том, кому бы поручить то или иное дело — все равно какое: боевое, политическое или хозяйственное, — Панин убеждал, что это дело надо поручить ему, и мотивировка у него обычно была такая:

— Я свободнее всех.

Не знаю, почему ему казалось, что он загружен меньше, чем другие. На этом основании он даже выговорил себе право в качестве «общественной нагрузки» варить суп для товарищей, с которыми жил вместе при штабе. Стряпней он занимался с такой же добросовестностью, как и любым делом.

Отряды объединяются

Совсем по-другому стало в Хинельских лесах, когда народ узнал о победе, одержанной Красной Армией под Москвой. Время было выюжное, от морозов деревья трещали, а в лесах началось оживление.

Кто-то обнаружил под снегом несколько патронов и вспомнил, что осенью здесь дралась во вражеском окружении красноармейская часть. Десятки людей сейчас же вооружились лопатами, переворочили горы снега, и оказалось, что в Хинельских лесах целые

россыпи патронов. На золотую жилу не так бы ринулся народ, как на эти россыпи. Патроны были для нас дороже золота.

Много пота пролили путивляне, пополняя свои искинные боезапасы. Сколько километров прошли бойцы глубоким снегом с лопатами в руках, собирая в карман по одному патрону! За несколько дней целые гектары были расчищены от снега.

Отряд начал быстро расти. Прежний порядок приема новых бойцов оказался уже непригодным, и мы больше не требовали от добровольцев письменных заявлений, зачисляли их по-армейски, приказом, целыми группами, хотя по-прежнему со строгим отбором. До того, как подписать приказ о зачислении новых бойцов, я беседовал с каждым из них и предупреждал: «Подумай, не будет ли тебе трудно у нас». Чтобы люди, вступавшие в отряд, были готовы ко всему, я откровенно говорил им о всех трудностях нашей партизанской жизни.

Обстановка подсказывала, что теперь надо создавать более крупную боевую единицу, способную не только совершать диверсии, но и громить войсковые гарнизоны противника, вести бой на их уничтожение. В то же время не хотелось, чтобы отряд хоть сколько-нибудь потерял маневренность из-за того, что слишком разросся.

В Хинельских лесах мы уже были не одни. Возродился поднятый нами Севский партизанский отряд Хохлова. Начал активно действовать организованный путивлянами из бывших военнослужащих отряд под командованием капитана Гудзенко. Не пропал даром наши усилия и по организации партизанской борьбы в Ямпольском районе: здесь начал действовать Ямпольский отряд под руководством партийного активиста Гнибеды.

Неподалеку, в Барановском лесу, базировался небольшой отряд партизан Эсманского района. С их командиром и комиссаром мы познакомились в селе Комаровка. В этом селе предполагалось встретить Новый год. Мы прибыли туда, чтобы подготовиться к празднику, но пришлось заниматься другим делом. Эсманцы сообщили нам, что гитлеровцы выслали против них карателей, собираются уничтожить отряд.

Мы решили помочь своим соседям и прежде всего вместе с их разведкой послали свою в село Уланово, где расположились каратели перед походом в Барановский лес.

После часового боя каратели были разгромлены. Тут же совместно с эсманцами был разработан план общей операции по разгрому вражеского гарнизона в районном центре Эсмань. Налет мы произвели в ночь на 1 января. Новый год нам хорошо помог. Гитлеровцы на встрече его перепились, и мы, не потеряв ни одного человека, уничтожили в Эсмань фашистскую комендатуру, районную полицию и узел связи.

Мы пришли к выводу, что наша тактика должна строиться на взаимодействии самостоятельных групп и отрядов, подчиненных одному штабу. Объединяя таким путем вокруг себя партизан соседних районов, Путивльский отряд мог оставаться сравнительно

небольшим, легкоманевренным и в то же время имел возможность проводить крупные операции. Поэтому, если к нам приходило несколько партизан из одного района, из них создавалась новая боевая группа, а когда эта группа вырастала до размеров отряда, мы выделяли ее как самостоятельную боевую единицу, связанную с Путивльским отрядом только оперативным подчинением ему. Так постепенно сложилось наше партизанское соединение, называвшееся сначала Путивльским объединенным отрядом, а потом — Группой партизанских отрядов Сумской области.

* * *

После нашего ухода из Спадщанского леса вражеское командование в Путивле объявило, что партизаны уничтожены. Оккупанты осмелели, стали безудержно грабить население и зверски с ним расправляться. По особым спискам, составленным полицией, фашисты забирали людей, связывали их, грузили на машины, увозили и уничтожали. Мы решили, что надо напомнить о себе в Путивле.

Оставив под надежной защитой базу в Хинельских лесах, наш Путивльский объединенный отряд направился в поход, чтобы, как говорилось в приказе, передислоцироваться в Путивльский район.

Предполагалось выйти в восточную часть района, граничащую с Курской областью, к Новослободскому лесу, где до соединения с нами базировался Руднев.

Встретив на пути сильные заслоны противника, мы изменили маршрут — решили пройти в Путивльский район с другой стороны, западнее. Повернув на север, отряд сделал большую дугу, прошел по краю Курской и Орловской областей и 10 января вступил в Путивльский район через Глуховский. По пути партизаны очистили от врага десять сел и уничтожили несколько линий связи.

Отряд расположился в селе Кагань, на реке Клевень. Отсюда до Спадщанского леса было не больше пятнадцати километров. Но теперь этот лес уже мало интересовал нас. Все изменилось: и размах наших действий, и наша тактика. Обосновываться здесь или где-нибудь в другом месте мы не собирались. Достаточно было того, что имелась тыловая база в Хинельских лесах, а за ними еще более глубокая база — Брянские леса, куда в случае нужды можно было на время уйти.

Прекрасным местом для зимовки в Путивльском районе представлялся нам Новослободской лес, где на высокой круче над торфяным болотом стоял старинный монастырь, обнесенный каменной оградой. Черемушкин, Мычко, Казачонок, ходившие туда в разведку, нашли монастырь пустым, встретили в нем одного только лесника, никуда не выходившего из лесу с тех пор, как пришли оккупанты. Соблазнительно было прожить эту на редкость морозную зиму в теплых домах, окруженных, как крепость, стеной, а кроме того, лесом и болотом. Но обосновываться в Софроньевском монастыре — значило обречь себя на окружение, на оборонительные

бой. И мы решили не отказываться от широкой свободы маневра.

Когда отряд вышел на реку Клевень, гитлеровцы из ближайших деревень бежали в большое село Воргол. Ночью мы были уже тут. Я избрал своим командным пунктом крыльцо одного дома на окраине Воргола, и партизаны несколькими группами пошли на прочистку села. Проводниками были воргольские партизаны, в числе их наш врач Дина Маевская.

На следующий день мы начали проводить в селах собрания колхозников. Это была вторая разъяснительная кампания, проведенная нами в Путивльском районе за время оккупации. Она продолжалась около недели. Агитаторами работали все. Каждый проводил собрание в селе, где его лучше знало население. Мне, например, пришлось выступать перед колхозниками в селе Ховзовка. В 1939 году я был выбран от этого села депутатом в райсовет. Многие наши агитаторы тоже выступали перед своими избирателями.

— Несмотря на оккупацию района, деятельность Советской власти в районе продолжается, — говорили мы. — Депутаты выполняют наказ народа.

На всех этих собраниях стояло два вопроса: положение на фронте, сообщение о разгроме фашистов под Москвой и задачи колхозников временно оккупированных районов в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками.

Наше возвращение в Путивльский район само по себе убеждало колхозников, что оккупанты не так уж сильны, как думали некоторые.

Прошла неделя, прежде чем гитлеровцы, находившиеся в Путивле, решились на борьбу с нами. Для борьбы с «вновь проявившимися партизанами Ковпака», как оповещено было в городе, немецко-фашистское командование выделило батальон с тремя орудиями. Но в ночь на 18 января наш отряд ушел из Путивльского района и на другой день был за лесом Кочубейщина, под Глуховом.

В это время к нам чуть не ежедневно присоединялись десятки новых бойцов.

Есть в Слоутских лесах небольшое село Гута. Мы пробыли в нем в конце января всего несколько дней, но это село стало для нас родным. Здесь нас встретили одни только деды и сразу расхвастались:

— А у нас, товарищи, тоже есть свои хлопцы!

Своими хлопцами на Украине тогда называли партизан.

Спрашиваю:

— Где же они?

Шепчут на ухо:

— В лесу, недалече тут. Да мы зараз покличем тебе ихнего командира. Может, слышал — товарищ Кульбака?

На другой день после нашего прихода в Гуту здесь был небольшой бой. Подошел отряд оккупантов, около ста человек. Партизаны рассыпались цепью по окраине деревни. Завязалась пере-

стрелка. Я стоял на крыльце. Вдруг вижу, из хаты деды выскакивают. Один, другой, третий... у кого берданка, у кого старая шомполка.

— Куда? — кричу.

Они бегут, руками машут, показывают в поле: немцы, мол, наступают, сейчас мы им жару дадим! Босвые деды! Едва уговорил их, что не следует зря соваться под огонь, без них справимся. Да помощи и не требовалось: потеряв убитыми с десятков солдат и офицеров, гитлеровцы отступили.

После боя приводят к нам гутовские деды своего партизана-командира. Одет по-граждански, на пиджаке медаль «За отвагу» — участник войны с белофиннами в 1939—1940 годах. Оказалось, что это Петр Леонтьевич Кульбака, работник глуховского райпотребсоюза, оставленный партийной организацией в районе для создания партизанского отряда. Мы с ним уже встречались. Он приходил к нам в Спадшапский лес на то самое совещание, которое было прервано появлением в лесу вражеских танков. Потом он куда-то исчез со своим отрядом. Только теперь мы узнали, что глуховцы, действовавшие сначала рядом с нами, в урочище Марица, решили одни пробиваться в Брянские леса. Это им не удалось. Они попали в окружение и едва выбрались из него лесными тропками. После этого они осели в Слоутских лесах, выстроили здесь землянки и, как выразился Кульбака, «крепко закопсирисвались» — выходили из лесу, только когда снег заметал следы.

— Отряд маленький — всего двадцать четыре бойца. Далеко не высунешься! — пожаловался Кульбака. — Поддержку бы иметь, тогда совсем другое дело. Без поддержки, одни, что мы можем сделать! — сказал он.

Предложили глуховцам присоединиться к нам. Они посоветовались и дали свое согласие действовать совместно. Один из глуховцев показал нам пожелтевшую от сырости газету «Правда» от 7 ноября 1941 года. Она была найдена в лесу, вероятно, ее сбросили с самолета. Она висела на дереве, притрушенная снегом. Глуховцы хранили ее как свое боевое знамя.

Позднее, летом или осенью сорок второго года, нам пришлось еще раз проходить через село Гуту. Подходим к нему и диву даемся: что такое, где Гута? Местность как будто та же, а Гуты нет. Остались от села только угольки, да и угольков из бурьяна не видно. Сожгли оккупанты село дотла. Где деды? О судьбе Гуты и ее жителей узнали в соседнем селе:

— В Гуте все заживо сгорело. Каратели никого не выпускали из горящих домов, держали под обстрелом все окна и двери.

Много еще пришлось видеть на Украине пустырей и пожарниц на месте сел, сожженных гитлеровцами, но милая Гута нам особенно запомнилась.

Парад в Дубовичах

Путивльский отряд все больше обрастал небольшими партизанскими группами. Мы называли их «дочерними отрядами». Формально они не входили в Путивльский отряд, но действовали совместно с ним, по общему плану. Через два-три дня после присоединения к нам Глуховской партизанской группы, 1 февраля, когда мы стояли в селе Новоселице, из леса Кочубейщина к нам пришла группа партизан Шалыгинского района — тринадцать товарищей. И эта группа была присоединена к Путивльскому отряду, так же как и Глуховская, как еще раньше Конотопская. В течение февраля в Путивльский отряд влились еще две небольшие группы партизан. Теперь наше партизанское соединение, выросшее с декабря в несколько раз, насчитывало в своих рядах уже больше полутысячи бойцов.

Гитлеровское командование бросило на борьбу с нами регулярные части оккупационного венгерского корпуса. В середине февраля мадьяры-хортисты начали выгружаться из эшелонов на ближайших железнодорожных станциях. Они сосредотачивались в Путивле, Глухове и Кролевце. Противник опять пытался зажать нас в кольцо. Мы ничем не были связаны, имели полную свободу маневра, могли уйти в любом направлении, могли вернуться в Хмельские леса, но мы чувствовали себя достаточно сильными, чтобы разгромить пытающегося окружить нас врага, и решили принять бой.

Когда молодой командир одной партизанской группы, Войцехович, вернувшись из разведки, прибежал ко мне и доложил, что мадьяры уже в пятнадцати километрах от нас, что они расквашиваются по хуторам вокруг нашей стоянки, я сказал ему:

— Иди, сынок, отдыхай спокойно.

Это было вечером, накануне Дня Красной Армии, который мы решили отпраздновать получше — хотелось показать всем, что и в тылу врага наши люди живут по революционным традициям, почитают советские праздники. На этот день у нас был назначен парад в селе Дубовичах Глуховского района — парадный смотр партизанских сил. Чтобы ввести противника в заблуждение относительно численности отряда и его расположения, мы объявили, что в параде примут участие не все партизаны, а только представители частей, входящих в наше соединение, и что бойцы придут из далеких лесных урочищ.

Вокруг Дубовичей — большие Слоутские леса. Партизаны прибывали в село на парад в разное время, с разных сторон лесными дорогами — пешком, на лыжах, верхом, на санях. Строгой нормы представительства, конечно, не было. На параде побывать хотелось всем, и большинство боевых групп выслало в качестве своих представителей всех свободных от нарядов бойцов. Так что, когда на улице Дубовичей выстроились стрелки, автоматчики, пулеметчики, минометчики, лыжники и кавалеристы — «представители всех частей соединения», как мне громогласно доложено было в рапорте,

с упоминанием о том, что «охрана обеспечена», — у присутствующих на параде зрителей должно было создаться впечатление о значительных партизанских силах.

В это время вражеские отряды подходили уже к селу Тулиголово, а от Тулиголово до Дубовичей лесом — несколько километров. О том, что враг недалеко, что, может быть, уже сегодня он будет здесь, знали все, и с утра колхозники — по всему видно было — не очень-то верили, что мы к параду готовимся, думали — к бою. А когда увидели, что верно — для парада строятся партизаны, на улице сразу началось гулянье.

Много колхозников и колхозниц приняли участие в нашем празднике, проходившем на улице при тридцатипятиградусном морозе сначала под музыку партизанского оркестра, состоявшего из четырех баянов и одной скрипки, а потом, когда у школы был установлен появившийся откуда-то радиоприемник, — под музыку, передававшуюся из Москвы.

Услышали по радио музыку из Москвы — об оккупантах и думать забыли. В селе так весело стало, будто Советская власть ни на один день не уходила отсюда. Кто-то вдруг крикнул:

— Тише! Приказ Верховного Главнокомандующего...

Как выразить, что значили для наших людей, съехавшихся из лесов в Дубовичи на праздник Красной Армии, донесшиеся из Москвы слова приказа и приветствия: «Да здравствуют партизаны и партизанки!»?

Многие ли знают, что есть на северной Сумщине, в Глуховском районе на Украине, такое село Дубовичи? А нам, когда мы слушали в Дубовичах голос московского диктора, передававшего приказ Верховного Главнокомандующего, представлялись на карте советской земли только два пункта — Москва и Дубовичи.

Вся страна, весь советский народ празднует День Красной Армии, разгромившей врага под Москвой, и мы здесь, в лесах Сумщины, не забыты: партия обращается к нам, приветствует нас. Красная Армия на фронтах и мы в тылу врага — одно неразрывное целое. Красная Армия наливается новыми силами, и наши силы растут вместе с ней. Сколько было нас, когда мы декабрьской ночью 1941-го вырвались из окружения и ушли из Спадшанского леса «в дальний путь, на славные дела», как поется в нашей партизанской песне, а сейчас сколько! Мы боролись с врагом маленькими группами. Каждая сидела в своем лесу — у Путивля, Глухова, Шальгина, Кролевца, Конотопа, и каждый думал: где же другие товарищи, что они делают, почему не дают о себе знать?

Мы не видели друг друга, но всех нас, своих сыновей, видела наша мать, Советская Родина, и она подала нам голос с Большой земли, собрала нас здесь всех воедино: украинцев, русских, белорусов... Красная Армия наступает, и мы, маленькая частица ее, здесь, в тылу врага, тоже берем инициативу в свои руки. Одна кровь у нас с Красной Армией, одна мать — Отчизна.

Должно быть, и враг слышал громкое «ура», которое не раз прокатывалось по селу и отзывалось в лесу четким эхом. Во время

парада мимо трибун проходили автоматчики, мчались лыжники, конники, проезжали тачанки с пулеметами и минометами. После каждого выступления играл оркестр. Баянисты, чтобы не замерзнуть, играли попеременно: двое на улице, двое в школе. А скрипачу, так как он был один, пришлось играть на морозе без смены.

Бой в селе Веселом

Хортисты подошли к Дубовичам на другой день с разных сторон двумя колоннами. Каждая колонна по своей численности была равна всему Путивльскому отряду. Попав под пулеметный огонь наших застав, обе колонны быстро отступили. Вероятно, слухи о партизанском параде дошли до мадьяр, и окруженное лесом село показалось им ловушкой.

Чтобы вынудить врага к бою, мы стали искать открытую позицию и остановили свой выбор на селе Веселом Шалыгинского района.

Это село лежит между Шалыгином и Путивлем в небольшой котловине, в центре которой — маленькая высотка. Местность вокруг открытая: лес есть только к северу, в отдалении от села. Располагаясь здесь, мы получали то, что было для нас тогда главным: хорошие условия для ведения огня. Каратели издалека должны были наступать под обстрелом, идя по глубокой снежной целине.

Решив дать мадьярам бой в Веселом, мы предполагали, что противник проявит упорство, что его очень соблазнит возможность сразу покончить со всем нашим отрядом, запертым в котловине села, и он будет наступать, невзирая на тяжелые потери, введет в дело все свои резервы.

Немецко-фашистское командование, как мы знали из перехваченных документов противника, внушало мадьярам, что партизан нечего бояться — среди них, мол, совсем нет людей, как следует обученных военному делу, большинство не умеет даже владеть оружием. В одном документе было прямо сказано, что «партизаны высокой ценности не имеют». Однако в секретных приказах противника, которые тоже попадали в руки партизан, наши силы всегда преувеличивались. В приказе генерала Блаумана, которому после нашего парада в Дубовичах было поручено в течение трех дней уничтожить партизан, указывалось, что у нас есть на вооружении артиллерия — три дальнобойных орудия, о чем мы тогда только мечтали. Из этого же приказа было видно, что противник готовится к операции против нас по всем правилам, как к большому бою. Вот мы и решили дать ему бой по всем правилам, перемолоть как можно больше вражеских сил, показать мадьярам, что представляют собой советские партизаны.

Из Дубовичей мы вышли с большим обозом — до ста саней; шли полями, лесами, в сильную вьюгу, пробивали дорогу в глубоком снегу. 26 февраля, разгромив вражескую группу, пытавшуюся

оказать нам сопротивление, отряд вступил в село Веселое. Следующий день мы занимались тем, что очищали от полиции окружающие села, пополняли при этом свои боеприпасы, вели разведку. За день наши группы очистили от врага около двадцати сел. К вечеру стало известно, что противник подтягивает к Веселому войска из Путивля и Глухова. Мы поняли, что он намеревается окружить нас. Численность мадьяр определялась в полторы тысячи солдат с минометами и артиллерией — более чем трехкратное превосходство. Сейчас же был отдан приказ занять круговую оборону, выставить наблюдательные посты и быть готовыми в любой момент вступить в бой.

Основным в нашем замысле была организация засады с сильными огневыми средствами в лесу у дороги, идущей из Шалыгина, откуда, судя по сосредоточению сил противника, надо было ожидать главного удара. В засаду была послана группа конотопцев под командованием их районного прокурора Качемазова, усиленная группой путивлян во главе с бывшим военнослужащим, командиром взвода Цимбалом. Это были проверенные люди, и вооружили мы их хорошо — дали миномет и несколько пулеметов. Комиссаром засады был назначен Канавец, председатель Конотопского райисполкома. Засаде приказано было не обнаруживать себя до решающего момента боя, чтобы при подходе вражеских резервов уничтожить их книжальным огнем во фланг.

Большое значение придавали мы также обороне хутора Байдарова, что неподалеку от восточной окраины Веселого. Из этого хутора очень хорошо обстреливались подступы к селу. Здесь была поставлена группа Павловского, отчаянно храброго человека, партизана гражданской войны. В первые месяцы фашистского наступления Павловский партизанил в низовьях Днепра, а потом, после разгрома их отряда, пробрался на родину, в Путивльский район. Он вступил в наш отряд перед боем в Веселом.

Этот бой, который предстояло провести в условиях, отличающихся от фронтовых, по существу, только тем, что мы не имели соседей ни справа, ни слева, был для нашего народа первым серьезным экзаменом на воинскую зрелость и прежде всего — на стойкость. На параде в Дубовичах мы показали себя как воинская часть, созданная народом в тылу врага, а сейчас мы должны были показать в бою свое умение и доблесть солдата. Семен Васильевич постоянно старался внушить бойцам, что на оккупированной захватчиками территории партизан — представитель Красной Армии.

Помню разговор на крыльце утром после бессонной, напряженной ночи. Только что затихла стрельба, доносившаяся со стороны Шалыгина. Мы терялись в догадках, кто и с кем там сражается, — все наши группы были уже собраны в Веселом. Оказалось (это мы установили потом из дневника одного гитлеровца), что мадырский батальон, двигавшийся к Веселому, встретил у Шалыгина немцев, и так как после нашего парада и немцам и мадырям всюду чудились партизаны, они со страху приняли в темноте друг друга за партизан. «Завязался бой. Ошибка выяснилась только к утру.

В 8.00 пошли дальше на Веселое, где много партизан», — писал автор этого дневника.

Было градусов 25 ниже нуля. Солнце, поднимавшееся в морозном тумане, пылало, как костер в снежном поле. Мы с Рудневым поглядывали на село, на шалыгинскую дорогу, на путивльскую, на лес, на поле, прислушивались. Неприятная тишина. Знаешь, что противник надвигается на нас со всех сторон, а слышишь только, как снег поскрипывает под ногами проходящих рядом по улице бойцов. Подходит Дед Мороз — в шубе, валенках, меховой ушанке, весь в инее, с заледеневшими усами и бородой, кряхтя, поднимается на крыльцо и говорит:

— Мороз нам на руку сегодня... Все хорошо, только вот мин мало — пятнадцать штук на миномет.

Я молчу. Семен Васильевич предлагает:

— Пойдем в хату. Хозяйка пшеничных блинов напекла. Выпьем по чарке. — И тихо, как будто сам себе, говорит: — Да, боеприпасов маловато. — А потом вдруг громко: — Дело будет сегодня жаркое. Это нам не Дубовичи, не парад. Сегодня, товарищи, решается судьба отряда. Быть нам или не быть, победить или умереть с честью.

Хозяйка усиленно угощала нас блинами с салом и сметаной, но, кажется, только Дед Мороз и Радик, у которых никогда не пропадал аппетит — у одного, должно быть, по старости, у другого по молодости, — отдали честь угощению. Мы прислушивались, не началась ли стрельба, и курили одну сигарку за другой. Наконец длинная пулеметная очередь всех разом подняла на ноги.

— Ну, товарищи дорогое, драться будем так, чтобы потом песни пели про село Веселое, — сказал Семен Васильевич, затягивая пояс, на котором по бокам в кожаных сумках висели автоматные диски.

Я остался на крыльце хаты — обычное местонахождение моего командного пункта, когда бой шел в селе. Комиссар и начальник штаба побежали на свои места, как было условлено. Распарившись после чарки и блинов, Дед Мороз, вытирая с лица пот, затрусил к миномету: как только у нас появились минометы — он объявил себя минометчиком — все-таки меньше беготни старику.

Противник шел в атаку цепями и вел беспорядочный огонь. Мадьяры спускались по склону поля к южной окраине села. Руднев, взявший на себя руководство отражением атаки, приказал бойцам выбирать цели и не спускать с них глаз, но не стрелять, пока противник не подойдет к нашей обороне на сто метров. Это решало все: сумеют ли люди, в большинстве не имевшие армейской выучки, совладать с собой, не стрелять, ждать команды, когда бегущие на них вражеские солдаты уже так близко.

С крыльца, на котором я стоял, видны были все цепи и группы противника. В атаку на южную окраину села шло до трехсот мадяр. Партизаны, укрывшись в глубоких снежных окопах и постройках, ничем не выдавали себя. Село выглядело безлюдным, точно все население покинуло его или вымерло.

По сведениям, добытым нашими разведчиками, мы еще ночью раскрыли группировку войск противника и тем самым его замысел: атакой с юга сковать наши силы и тогда ударить с севера. Поэтому, отражая атаку с юга, мы не ослабляли нашей круговой обороны: партизанские группы на северной окраине стояли наготове к отражению атаки главных сил противника, которые ходили со стороны Шалыгина. Они с минуты на минуту ожидали появления противника перед собой, в то время как за спиной их уже шел бой.

Когда группы партизан на южной околице открыли огонь с дистанции в сто метров (кое-кто подпустил противника и на пятьдесят метров), снежное поле стало чернеть от убитых и раненых. Выскакивая из своих укрытий, взбираясь на крыши домов и сараев, наши бойцы на выбор расстреливали бегущих и ползущих назад фашистов. Некоторые партизаны сейчас же кинулись подбирать брошенные врагом пулеметы и винтовки. Перед этим боем отряд вступило много новых людей, и не все они еще успели вооружиться. Вот люди и торопились добыть себе вооружение.

Бой начался около десяти часов утра. Спустя час против северной окраины Весслого развернулся отряд мадьяр до пятисот человек. Противник, наступая цепями, загибал свои фланги, чтобы окружить село. В бой вступили все группы, за исключением сидевшей в засаде.

Руднев руководил огнем пулеметчиков, указывал им цели ракетами, появляясь при этом, чтобы лучше видеть противника, на самых открытых местах, под пулями. В этом отношении с ним вечная беда была. В бою он вел себя так, как будто один за все отвечает, где бы что ни произошло. Всегда приходилось бояться за него. Но тут уже ничего нельзя было поделать: личный пример такого опытного военного, как Руднев, очень много значил для партизан. Сам он учил бойцов зря не высовываться, сердился, если кто-нибудь бравировал своей храбростью, а вот в трудный момент ходил под пулями во весь рост, чтобы подбодрить людей.

До сих пор ему везло, а в этом бою он получил тяжелую рану: пуля вошла под левым ухом и вышла под правым, челюсть, небо, язык — все разбито. Секретарь партбюро Панин и Радик несли его по селу с лицом, залитым кровью. Разнеслась весть, что комиссар убит. Но он был в полном сознании — не выпускал из рук автомата. Его положили в хате санчасти, переполненной уже ранеными бойцами. Дина и ее помощницы с трудом остановили кровь, бившую из раны фонтаном. Когда они перевязывали Семена Васильевича, он потерял сознание и выронил автомат. Радик решил, что отец умер, схватил его автомат и, как сумасшедший, убежал из хаты. Я столкнулся с ним на дворе, где партизаны вели огневой бой с группой мадьяр, прорвавшихся в село и стрелявших уже из-под молотилок, которые стояли на задворках хаты санчасти.

— Папа убит! — в отчаянии крикнул мне мальчик и, метнувшись в сторону, стал бить из автомата.

Семен Васильевич лежал на соломе у печки. Он был в залитой кровью шинели, в шапке-кубанке, с забинтованным лицом. Когда я вошел, к нему вернулось сознание — заблестели глаза, и он зашарил рукой вокруг себя: искал автомат. Диня сказала, что автомат взял Радик, и положила у ног Семена Васильевича его парабеллум: ведь враг был в 150—200 метрах от хаты санчасти.

Из рта его брызгала кровь, он хрипел, хотел о чем-то спросить меня и не мог.

— Лежи, Семен Васильевич, спокойно, все в порядке, — сказал я, торопясь на свой командный пункт.

Он терпел, должно быть, адскую боль, но видно было, что его больше мучило то, что в решающий момент боя ему приходилось лежать в хате. Для такого человека, как он, это было невыносимо. Партизаны понимали состояние комиссара, всем хотелось сделать что-нибудь такое, чтобы он меньше волновался. При малейшей возможности люди прибегали к нему, сообщали, что все в порядке, оборона держится крепко, а он махал рукой, отсылая на линию огня.

До конца боя не оставляло наших людей это беспокойство за комиссара, и люди дралась, не щадя себя.

Когда я вышел из санчасти, мадьяры, пробравшиеся к молотилкам, были уже перебиты. Наши смельчаки под огнем противника подползали к этим молотилкам, чтобы завладеть автоматами и патронами убитых.

Тяжелее всех приходилось группе Павловского, оборонявшейся на хуторе, который противник торопился взять, так как этот хутор занимает господствующую над селом местность. Павловский был дважды ранен, командовал лежа, переползал с одного места на другое, подальше от огня, охватывавшего одну постройку за другой. Хутор горел. Самое страшное было то, что его бойцы расходовали последние патроны. В записке, переданной мне связным, Павловский сообщал, что осталось по двенадцать патронов на бойца, а мы не могли ему ничего дать — патроны были на исходе у всех. Я ответил запиской: «Держитесь, товарищ Павловский, заставьте противника залечь, морозьте его на снегу».

В центре мадьяры шли тремя цепями, одна за другой, все на виду у нас. Под огнем партизан, стрелявших из снежных окопов, домов, сараев, они залегли, рассыпались, как галки по снегу, перед селом. За постройками, плетнями, садиками нас не было видно. Мадьярам приходилось стрелять по всей площади села, наугад, а партизаны били их на выбор.

Несмотря на огромные потери, которые нес противник, он не отходил, вероятно, боялся выпустить нас из Веселого и ждал подкрепления.

Мороз и днем не ослабевал. Гитлеровцы, лежавшие на открытом скате, обдуваемом ледяным ветром, замерзали на наших глазах. Когда стрельба затихала, четко слышно было, как они стучали каблуками, стараясь согреть ноги.

В третьем часу дня со стороны леса начала подтягиваться еще одна группа мадьяр, тоже человек пятьсот. Противник опять со всех сторон надвигался на село, торопился покончить с нами, пока еще светло. Патронов у нас почти уже не было. Дед Мороз выпустил из миномета последнюю мину. Оставалась одна надежда на посланную в лес засаду. Наши люди давно уже спрашивали меня, почему засада все еще не дает о себе знать, сидит в лесу без дела, когда нам так трудно приходится, тревожились — не случилось ли чего с ней. А Кочемазов и Цимбал просто ждали моего сигнала. Мы с Рудневым еще перед боем договорились, что засада должна быть последней гирей, брошенной нами на чашу весов. И вот настало время бросить эту гирию. Я дал сигнал, когда вновь прибывшая группа мадьяр слезла с саней, построилась в колонны и весь сапный обоз противника сгрудился возле леса. Момент был очень удачный для введения в бой засады. Она ударила сразу из всех своих пулеметов и минометов во фланг развертывавшихся для наступления колонии противника и по его обозу. Лавина саней и беспорядочная масса мадьярской пехоты кинулись от леса в поле. Огонь партизан из засады валил бегущих.

Это решило исход боя. Паника, поднявшаяся в тылу атакующих цепей, вызвала в них замешательство, они опять залегли. А мороз к вечеру стал крепчать, замерзавшие на снегу мадьяры все сильнее стучали каблуками.

Все произошло так, как мы предполагали, обсуждая свой план с Рудневым и Базымой. Не думали мы только, что мадьяры пригрозят нашу засаду за десант Красной Армии, выброшенный им в тыл с самолетов. А оказалось, что на этот счет у них даже сомнений не было... «Когда батальоны стали отходить от Веселого, русские самолеты высадили в тылу у нас десант», — писал в своем дневнике тот самый мадьярский офицер, который со своим батальоном по пути в Веселое ночью с перепугу сражался с немцами, приняв их за партизан.

— Это все после парада в Дубовичах, — смеялись партизаны. Бойцы, целый день просидевшие в лесу под боком у врага, были очень горды тем, что противник принял их за красноармейский десант. Они стали после этого в шутку называть себя парашютистами.

К ночи бой затих. Мы выиграли его. Противник откатился от Веселого, потеряв убитыми и замерзшими более шестисот человек. У нас погибло всего одиннадцать товарищей. Но что будет завтра? Мы окружены врагом, к утру он подтянет свои резервы и снова пойдет в наступление, а у нас все боеприпасы израсходованы. Надо уходить ночью, пайти какую-нибудь лазейку во вражеском кольце.

Бойцы, посланные мною на разведку выходов из села, вернулись с колхозницей. Кажется, это была жена одного из наших бойцов. Она взялась проводить нас оврагами мимо застав, расставленных противником по дорогам.

— Только скорее, пока поземка сильная, она заметет ваши следы, — сказала эта женщина.

Снова в Хинельских лесах

В полночь наш санный обоз вытянулся из села Веселого. Бойцы шли группками за санями, чтобы не обморозиться, все время приплясывали, потирали на ходу руки, лица. Ночь была звездная, но отряд оторвался от противника незамеченным.

Проводница шла рядом со мной, так закутанная в платок, что нельзя было разглядеть ее лицо. Не знаю, молодая это была женщина или пожилая, не знаю и фамилии ее. Прощаясь, я хотел узнать, кто она такая.

— А зачем вам моя фамилия? Больно любопытные,— засмеялась она и помахала рукой.— Счастливый путь, товарищи!

Мы шли на север, по направлению к своей тыловой базе, в Хинельские леса. Отпустив проводника, двигались не торопясь, так как везли на санях раненых, останавливались на дневки в селах, проводили, по обыкновению, собрания колхозников. По пути слышали доносившиеся со стороны Веселого разрывы авиабомб. Как выяснилось потом, немецкая авиация, вызванная паническими радиogramмами мадьяр о советских воздушных десантах, бомбила своих же союзников.

Отряд проходил недалеко от Мойсеевки, где скрывались от гитлеровцев жена и младший сын Руднева. При виде Семена Васильевича, молча лежавшего под овчиной на санях, рядом с которыми шагал неразлучный с отцом Радик, нельзя было не подумать о том, как он, вероятно, беспокоится комиссар за судьбу своей семьи, как он обрадовался бы, увидев ее!

Не помню уже, кто первый предложил послать за семьей Руднева сани с пулеметным расчетом. Сейчас кажется, что мысль об этом возникла сразу у всех. В качестве проводника на санях с пулеметчиками отправился Радик. Ночью они заскочили в село, подняли с постели Домникию Даниловну и Юрика, велели захватить самое необходимое из одежды и садиться в сани. К утру пулеметчики благополучно доставили семью комиссара в село Бруски, где мы остановились на дневку.

Это была большая радость для всех путивлян. Домникин Даниловне сейчас же был вручен карабин, и партизаны стали называть ее «наша мамаша». Семилетнего Юрика бойцы одарили немецкими и венгерскими крестами и всеми видами оружия, какое только можно сделать перочинным ножом из куска дерева. Радик немедленно решил создать семейный пулеметный расчет: он будет первым номером, мать — вторым, Юрик — третьим, и тут же, у постели раненого отца, начал обучать своих помощников подавать в пулемет ленту.

Семен Васильевич сильно ослабел. Он ничего не мог есть, питался одним молоком и то с трудом глотал его. Бойцы опасались, что наши медработники-девушки недостаточно опытны, чтобы оказать нужную помощь комиссару, и на каждой дневке в селах расспрашивали население, нет ли поблизости хорошего хирурга. Кто-то сказал, что есть замечательный хирург, местная знамени-

тость, в Хуторе-Михайловском. Это — большая железнодорожная станция. Там стоял вражеский гарнизон. Но партизанам так хотелось, чтобы Семен Васильевич скорее встал на ноги, чтобы Домникия Даниловна не убивалась, глядя на него, что сейчас же нашли смельчаки, решившие во что бы то ни стало выкрасть хирурга у гитлеровцев. И выкрали.

Мы были в это время уже в Хинельских лесах, расположились километрах в двадцати пяти от Хутора-Михайловского. Партизаны подошли к местечку ночью. Одна группа заняла оборону на окраине его, а другая пошла на операцию — впереди несколько разведчиков, за ними отделение автоматчиков, за автоматчиками рота с пулеметами. Бесшумно уничтожив вражеские посты, партизаны ворвались в центр Хутора-Михайловского и разбудили спящее местечко стрельбой по железнодорожной станции и комендантскому управлению. Подняла стрельбу и группа, оставленная в резерве. Проснувшись, фашисты заметались в панике. Боевого порядка они не сумели принять, стреляли без толку в разные стороны. Тем временем наши разведчики разыскали квартиру хирурга, попросили его скорее одеться, да потеплее, так как дорога к больному предстоит дальняя, посадили на сани и увезли.

Руководил этим делом учитель Пятышкин, самый мирный и по своему характеру и по внешнему виду человек, — небольшого роста, длинноволосый, с улыбочатым лицом. Он часто вспоминал своих бывших учеников, от которых в первые месяцы войны получал письма с фронта, и, тихонько посмеиваясь, говорил:

— Сам глубоко штатский человек, а сколько из моих учеников военных людей вышло!

Хирург, которого привезли партизаны, по дороге чуть не помер от страха, но когда увидел, как партизаны обеспокоены состоянием здоровья своего комиссара, быстро пришел в себя. Наш врач Дина Маевская была, кажется, немного обижена тем, что мы усомнились в ее врачебном опыте, поглядывала сначала на выкраденного хирурга не очень доверчиво, но после того как тот, осмотрев Руднева, заявил, что лечение ведется правильно и комиссар скоро выздоровеет, она тоже признала авторитет этой знаменитости из Хутора-Михайловского. В ту же ночь хирург был в полной сохранности доставлен обратно на свою квартиру.

Руднев действительно оправился от тяжелого ранения очень быстро. Спустя несколько недель он уже опять был молодцом, но голос к нему возвращался медленно. Семен Васильевич долгое время мог разговаривать только шепотом. Все советовали ему есть побольше сырых яиц. Каждый, кто приходил к комиссару, приносил с собой одно, два, три яйца. Домникия Даниловна махала руками, кричала:

— Хватит, хватит яиц!

Она не знала уже, куда девать их, а партизаны все совали и совали в руки ей яйца и обижались, если она отказывалась брать.

В Хинельские леса мы вернулись в конце первой декады марта. Как изменилась здесь обстановка с декабря, когда мы первый раз пришли в Хинельские леса из-под Путивля! Тогда здесь была глушь, люди жили в лесу, как барсуки в своих норах, боялись выглянуть на свет, а сейчас — это большой, шумный лагерь, целый партизанский район.

Партизанские группы, оставленные нами тут в декабре, к нашему возвращению выросли в крупные отряды, насчитывавшие по нескольку сот бойцов. Здесь действовали Эсманский, Севский, Первый Ворошиловский, Ямпольский отряды и отряд военнослужащих. Командиры их съезжались на совещания, подготавливали совместные операции, поддерживали связь с орловскими партизанами, базировавшимися в южной зоне Брянских лесов.

Встревоженное этим гитлеровское командование готовилось к крупной операции против Хинельского партизанского района. Мы появились тут как раз в те дни, когда противник сосредоточивал мадыарские войска севернее Хинельских лесов. Он хотел, прежде чем начать наступление, преградить нам путь в Брянские леса, и с этой целью расставлял заслоны и засады.

Одна наша группа, выйдя из лесу, сразу же наткнулась у села на засаду противника. Группу вел на операцию помощник начальника нашего объединенного штаба Николай Михайлович Курс. Этого коммуниста, бывшего директора средней школы, бойцы называли «профессором миинного дела». Вот уж полюбил человек работу минера! Достаточно лежало на нем и штабных обязанностей, но отправляются минеры на операцию — Николая Михайловича не удержишь в штабе. А вернется — опять возится с минами: то сам изучает какую-нибудь новую систему, то объясняет людям секрет изученного им механизма. Базыма часто с опаской поглядывал на своего помощника, когда тот рядом с ним ковырялся в mine, и, вздыхая, говорил:

— Ой, чуёт мое сердце, взорвешь ты нас всех, Николай Михайлович, весь штаб полетит на воздух.

Руднев смеялся:

— У Николая Михайловича одна забота: куда бы еще сунуть мину. Взрывчатка лимитирует, а то бы он насовал!

Все знали, что он мстит фашистам за Родину, за кровь и страдания народа, за жену, которая осталась где-то в Белоруссии. Курс думал, что его жена погибла. Впоследствии выяснилось, что она спаслась — ушла в партизанский отряд и так же бесстрашно боролась с врагом, как и ее муж. Но когда мы получили об этом известие, Курса уже не было в живых. Он был убит при первых выстрелах вражеской засады, на которую натолкнулась его группа.

После этого в Хинельских лесах начались тяжелые бои — противник пошел в наступление. Мы успели заблаговременно занять оборону. 20 марта два батальона мадыар четыре раза бросались в атаку и каждый раз, понеся потери, откатывались назад. Ночью

захваченные нами пленные показали, что противник подтягивает крупные силы, артиллерию, минометы, что в каждый батальон мадьяр влилось по сто немцев, которым приказано идти позади мадьярских цепей и расстреливать тех, кто побежит назад. Узнав об этом, я решил перенести оборону дальше в лес. На том месте, где мы оборонялись накануне, были оставлены только небольшие заслоны, которые получили приказание при появлении противника бежать в глубь леса.

Утром противник начал наступление тремя цепями. Позади шли немцы. Преследуя партизан, которые делали вид, что убегают, задние цепи влились в передние, и все три цепи вместе попали под шквальный огонь с дистанции в пятьдесят — шестьдесят метров. Оставив в лесу около двухсот трупов, хортисты и гнавшие их в бой эсэсовцы бежали назад с одинаковым проворством.

Днем появилась вражеская авиация. Несколько бомбардировщиков сбросили на нас бомбы, и противник опять начал наступление. Ударом во фланг мы отразили еще одну атаку, после чего решили прорываться в Брянские леса. Так как все дороги были перехвачены немецкими заставами, наши отряды двинулись снежной целиной. Для прокладывания дороги в голову колонны было выделено несколько саней, запряженных самыми сильными лошадьми. За ночь партизаны обошли линию вражеских застав. Выйдя в тыл наступающих войск противника, мы пошли напрямик к Брянским лесам.

Партизанская столица

На большой поляне у южной опушки Брянских лесов есть село Старая Гута. Много Гут и Старых и Новых прошли мы на своем партизанском пути на Украине, но это лесное село мы всюду вспоминали с каким-то особенно теплым чувством. Партизанская столица — так называли Старую Гуту ее жители. Народ здесь был исключительно смелый, ничего не боялся, жил, как при Советской власти, немцев ни во что не ставил. Старогутовцы прямо сказали нам, как только мы пришли в их село:

— Одна у нас судьба с вами, товарищи партизаны, бояться нам нечего. В случае чего в лес уйдем — народ мы лесной.

Леса здесь огромные, не то что на Сумщине; их не окружишь, как Спадшанский лес. К северу от Старой Гуты они тянутся далеко за Брянск. Десятки километров можно пройти по ним, не видя просвета, а за тем их краем — фронт, Большая земля, Москва. Ближе к Большой земле и народ чувствовал себя увереннее.

В Старой Гуте мы получили долгожданную рацию. 11 апреля нам сбросили здесь с самолета на парашютах трех радистов с походной радиостанцией.

«Москва прилетела в Старую Гуту, — говорили с гордостью жители, — значит, знают в Москве, что есть в Брянских лесах такое село Старая Гута и что там стоят партизаны».

В Старой Гуте сводки Совинформбюро, получавшиеся теперь регулярно, уже не переписывались от руки, а печатались на типографском станке, захваченном при разгроме одного из гарнизонов противника. Панин организовал настоящую типографию, ежедневно выпускавшую листовки. Были тут организованы и оружейная мастерская и даже портняжная, перешивавшая трофейное обмундирование на красноармейский лад. Действительно, настоящая партизанская столица.

Здесь мы впервые встретились с представителями орловских партизан и договорились с ними о созыве совещания всех командиров и комиссаров отрядов, действовавших в Брянских лесах. Мы хотели обменяться опытом. Ясно было, что борьба предстоит упорная и долгая, что мы всерьез должны стать военными людьми и нам надо как следует учиться воевать.

Сначала основным для нас было изучение оружия. На вооружение отряда поступало то, что партизаны захватывали у противника; это было оружие самых разнообразных систем, зачастую никому из нас не известных. Каких только винтовок, пулеметов, автоматов, пистолетов ни насобирали гитлеровцы по всей Европе! И нам приходилось все это оружие изучать, и, конечно, без всяких наставлений и руководств.

Еще в Спашанском лесу вопрос об изучении оружия у нас был поставлен так: у тебя пока только винтовка, но ты должен добыть себе автомат или пулемет и сразу же обратить это трофейное оружие против врага — значит, изволь предварительно изучить его. Каким образом? А вот у твоего товарища трофейный автомат — он научит тебя владеть этим оружием. Появился в отряде новый пулемет — изучайте его все. Захватили миномет — каждый готовься стать минометчиком.

Новое трофейное оружие изучали сперва несколько человек, а потом каждый из них, в свою очередь, обучал группу бойцов. Так, вначале у нас было всего четверо или пятеро, знавших минометное дело, — они прошли курсы минометчиков, организованные для партизан обкомом партни. А вскоре уже любой боец сам мог обучать этому делу новых людей, приходивших в отряд. Точно так же все стали автоматчиками еще тогда, когда на весь отряд было не больше десятка трофейных автоматов.

Свободного времени для учебы не было — совмещали ее с выполнением боевых заданий, с несением караульной службы. Назначаются на пост или в секрет три бойца: автоматчик и два стрелка — один стрелок ведет наблюдение, а другой, резервный, рядом где-нибудь в кустах сидит с автоматчиком и изучает с его помощью автомат.

Пройдешь иной раз по землянкам, постам, заставам, и кажется — не партизанский отряд в лесу стоит, а осоавиахимовцы здесь учебным лагерем расположились: всюду — где вокруг пенька, где под деревом — группами занимаются партизаны сборкой и разборкой оружия, изучают взаимодействие частей пулемета, автомата. Молодежь все быстрее схватывала, и не только городская, но и

сельская — привыкла уже в колхозах к технике. Строишь, какой-нибудь связист или разведчик-подросток объясняет, показывает, а усахи и бородачи внимательно его слушают.

В Брянских лесах Руднев, к этому времени уже оправившийся от ранения, установил порядок — производить разбор каждой проведенной нами боевой операции. Возле штаба собирались командиры, приходили и рядовые бойцы — никому не запрещалось присутствовать. Я, Руднев или Базыма начинали с того, что вызывали какого-нибудь командира и спрашивали: «Ты имел задачу выйти со своей группой к такому-то пункту, а вышел куда? Почему неточно выполнил приказ?» Он оправдывается, объясняет опоздание тем, к примеру, что ночь была очень темная и группа потеряла ориентировку. Тут вот и начинается разбор: «А почему вы потеряли ориентировку, когда все другие группы вышли точно к назначенным пунктам?»

Рудневу и Базыме очень пригодился их опыт осоавиахимовской работы. По сути дела, они ее в партизанских отрядах продолжали, и отчасти даже с теми же людьми, приспособляя прежний учебный опыт к лесным условиям. Вообще в партизанской борьбе нам пригодилось очень многое из того, к чему приучила прежняя работа в мирных условиях советской жизни.

Вспоминаю партизан гражданской войны. Тогда говорили: вот это бывший солдат, фронтовик — его, конечно, надо командиром назначить. Я сам вот так стал командиром. А теперь у нас вполне достаточно было людей, которые могли командовать. Армейские привычки обнаруживались даже у тех, которые вовсе не служили в армии. Если товарищ был хорошим председателем колхоза, сельсовета или бригадиром, его быстро можно было сделать хорошим партизанским командиром. Существовавшее вначале разделение бойцов на «военных» и «невоенных» быстро исчезло. К тому времени, когда мы расположились в Старой Гуте, все путивляне стали военными. Это и на их внешнем виде сказалось.

Руднев и Базыма — до чего разные по характеру люди! Об одном говорили «орел», а о другом «душа-человек». Посмотришь на Семена Васильевича — ну прямо только что из города человек приехал, а посмотришь на Григория Яковлевича и подумаешь: «А этот, наверное, никогда из лесу не выходил, оброс как — ужас!» И вдруг вижу — Григорий Яковлевич щеки начал подбривать, усики, бородку подстригать. У меня самого в Спадщанском лесу лицо так заросло, что люди пугались. Прошло это время. Теперь не побреешься денька два — и кто-нибудь, намыливая у пенька товарища, уже приглашает:

— Товарищ командир, не хотите побриться?

С мылом очень трудно было, но для бритья у каждого имелся обмылок.

Неподалеку от нас, в селе Красная Слобода, находился штаб партизанского соединения Сабурова. Красная Слобода, расположенная в глубине Брянских лесов, представляла собой в то время такую же партизанскую столицу, какой была наша Старая Гута. Много было тогда таких «столиц» в лесных районах Украины, Белоруссии и России.

Вскоре после того как мы обосновались в Старой Гуте, я получил приглашение на партизанское совещание в Красную Слободу, где командиры украинских партизанских отрядов обсуждали планы общих действий. После совещания все партизанские отряды, действовавшие от Новгорода-Северского до Суземки, начали активные операции против немцев и мадяр, блокировавших этот участок южного края Брянских лесов. Образовался почти сплошной партизанский фронт протяженным приблизительно в сто пятьдесят километров.

Теперь мы действовали уже с артиллерией. Наша батарея, о существовании которой долгое время напоминал только объявленный мною в Спадщанском лесу приказ, обзавелась, наконец, материальной частью. Батарейцы добыли две 45-миллиметровые пушки. Правда, пушки эти были не совсем обычные: их собирали из разбитых орудий — там станину нашли, там ствол. В лесах валялось много подбитых и подорванных пушек. Сначала мы с досадой поглядывали на них — ни одной годной для стрельбы! А потом кому-то пришла в голову простая мысль, что целое состоит из частей, значит, надо только все части собрать и соединить. И дело вышло — мастера нашлись.

Весь апрель шли бои на нашем партизанском фронте. Сумские отряды громили вражеские гарнизоны в селах Середино-Будского района, не допуская создания противником заградительной зоны между Хисельскими и Брянскими лесами. Середино-Будский район был для нас воротами из Брянских лесов на родину Украину. За эти ворота партизаны вели ожесточенную борьбу с конца марта до начала мая и не позволили врагу закрыть их. Основными опорными пунктами противника были здесь села Жихов, Пигаревка, Чернацкое и Середино-Буда, расположенные приблизительно на одной линии с запада на восток, километрах в семи-восьми друг от друга. Местность вокруг них открытая, леса в этом районе лежат только островками. Ни к одному из этих сел нельзя было подойти лесом. Для скрытности подхода и внезапности удара мы пользовались темными почвами. Боевые группы выходили из леса с наступлением темноты и наносили удар по противнику в середине ночи.

В селе Жихове стоял гарнизоном батальон 51-го мадыарского полка. Операция против него была проведена совместно с Ворошиловским отрядом 3 апреля. Это был наш первый наступательный бой. В три часа ночи с расстояния в несколько сот метров от села был открыт огонь из 45-миллиметровых пушек и минометов.

Разведчик Саша Стариков пробрался с ротным минометом в самое село. Выпустит мину, отбежит в сторонку, даст очередь из автомата, перетащит миномет на другое место и опять выпустит мину. Разбуженные стрельбой хортисты выскакивали из хат, не обувшись и не одевшись, как ошалелые, кидались из стороны в сторону. Все пути отступления были перехвачены партизанами. Бегущих из села мадьяр мы встретили ружейно-пулеметным огнем с дистанции в сто — сто пятьдесят метров. Противник потерял здесь только убитыми сто девяносто семь человек, из них четырнадцать офицеров. А сколько мы изловили потом оккупантов, бегавших по лесу в одном нижнем белье!

Вслед за уничтожением жиховского гарнизона противника последовали такие же ночные удары по опорным пунктам гитлеровцев в Чернацком и Пигаревке.

При налете на Чернацкое мы допустили оплошность. Это село находится в трех километрах от районного центра Середина-Буда, где противник имел многочисленный гарнизон. Нам надо было организовать на дороге из Чернацкого в Середина-Буду засаду или выставить тут заслон. Этого не было сделано, и, когда партизаны атаковали Чернацкое, вражеский гарнизон, пользуясь темнотой, ускользнул из села в Середина-Буду, поднял там на ноги всех гитлеровцев, и партизаны вынуждены были отступить. Все-таки и здесь наши объединенные отряды уничтожили около сотни вражеских солдат и офицеров.

Потом мы каждую ночь посылали к Чернацкому группы автоматчиков и пулеметчиков, задача которых состояла в том, чтобы не давать врагу покоя. Они подбирались вплотную к расположению противника, открывали ураганный огонь, а как только вражеский гарнизон принимал боевой порядок, уходили в лес, и гитлеровцы падали в пустоту.

28 апреля наше соединение совместно с Первым отрядом имени Ворошилова совершило налет на вражеский гарнизон в Пигаревке. Тут партизаны открыли огонь только после того, как заняли все выходы из села. Наши артиллеристы и минометчики выпустили всего по пять снарядов и мин, и этого вполне хватило — хортисты замесались в панике. Многие из них не успели схватиться за оружие. Только небольшой части гарнизона удалось вырваться из кольца, опрокинув наши заслоны.

Утром, когда Пигаревка была уже в руках партизан, мы насчитали в селе около трехсот вражеских трупов. Нам достались богатые трофеи. На долю нашего соединения пришлось двенадцать пулеметов, свыше двухсот тысяч патронов и много разного военного имущества — лошади, седла, рация, две кухни, большой запас маскировочных халатов.

Мы простояли в Старой Гуте около двух месяцев. Противник не раз бомбил нас с воздуха, обстреливал из дальнобойной артиллерии, но наступать на партизанскую столицу долго не решался. Только в конце апреля он сделал попытку прорваться к Старой Гуте. Перед этим гитлеровцы предприняли боевую разведку —

хотели установить расположение наших застав, их силы и огневые средства. Партизанские заставы, защищавшие подступы к Старой Гуте, стояли в селах и хуторах на опушке леса. Противнику не удалось раскрыть систему нашей обороны. Как только мы узнали о его приготовлениях, заставы были передвинуты в другие пункты.

Не принесла врагу успеха и подлая хитрость, к которой он прибегнул, чтобы заранее выявить наши огневые средства. Гитлеровцы гнали впереди себя группу местных жителей. Они надели на них белые халаты, но вооружить побоялись даже для вида — вместо винтовок дали палки. Эти палки помогли партизанам раскрыть обман. Притаившись за хатами, они пропустили наших людей, дали им знак молча идти дальше, а затем с короткой дистанции срезали огнем вражеские цепи.

С такими же результатами, как эта разведка, закончилось для противника и долго подготавливавшееся им наступление на Старую Гуту. Бой был жестокий, партизанские отряды немного отошли в глубь леса, но потом перешли в контратаку, и враг побежал, оставив на поле боя до восьмидесяти убитых, три миномета, два пулемета и одну полковую пушку. После этого у гитлеровцев вовсе отпала охота приближаться к партизанской столице.

Немецкое командование вынуждено было признать, что венгерские солдаты «потеряли чувство полноценности», как выразался автор одного перехваченного нами документа — инструкции № 555 по 108-й мадыарской пехотной дивизии. Для поднятия упавшего духа солдат инструкция предлагала следующий хитроумный метод: «В первую очередь нужно солдатам ставить такую задачу, которая наверняка будет иметь успех, например: «Перед нашей линией обороны находятся группы домов или часть леса, где наверняка нет противника. Мы ставим солдатам задачу осмотреть этот лес или эти дома». Другими словами: «Будьте осторожны, не нарвитесь на партизан, осматривайте только те леса, где их наверняка нет».

По родным местам

Май 1942 года. Первомайский митинг мы провели вместе с населением Старой Гуты, и уже на следующий день отряды начали собираться в новый поход. Теперь мы шли в родные места — Путивльский район, где многие из нас до войны жили, работали, учились. Мы шли выполнять задание, которое было поставлено перед нами командованием Красной Армии — дезорганизовать движение на железнодорожной магистрали Конотоп — Ворожба — Курск и на параллельных ей шоссеиных путях. Все эти коммуникации приобрели в то время особо важное значение.

После нескольких ожесточенных боев в апреле система обороны противника в Средне-Будском районе была нарушена, и выход из Брянских лесов не представлял для нас трудности. На нашем пути был только один мадыарский гарнизон в селе Каменке.

Это село находится в нескольких километрах от Хутора-Михайловского, в котором тогда противник сосредоточил много войск. Вступить здесь в бой не имело смысла, надо было проскользнуть мимо незаметно. С этой целью при подходе к селу я выслал нескольких разведчиков и приказал им обойти село и обстрелять его гарнизон с противоположной нашему движению стороны.

Обстрелянные нашими разведчиками хортисты прибегнули к своему обычному способу освещения местности при ночных палетах партизан — они подожгли дома на окраинах. Из Хутора-Михайловского сейчас же был выслан на помощь хортистам отряд немцев. Так как этот отряд подошел с той стороны, откуда незадолго до того стреляли наши разведчики, мадьяры приняли немцев за партизан и открыли по ним огонь. Немцы же решили, что село уже занято партизанами, и начали наступление. Завязалась очередная ночная бой между немцами и мадьярами. Пока они разобрались, что колотят друг друга, партизанское соединение со всем своим обозом спокойно прошло мимо Каменки на юг.

Мы шли к Путивлю прямой дорогой через Хинсельские и Слоутские леса, через села, в которых уже бывали зимой несколько раз. В пути нас обстреливали издали отряды противника, но они быстро рассеивались партизанскими группами, которые высылались нами вперед. Движение отрядов не приостанавливалось. Только на дневке в Хинсельских лесах пришлось вступить в бой с пытавшимся атаковать нас батальоном противника. Потеряв пятьдесят человек убитыми, этот батальон разбежался по лесу.

Весь марш, включая дневки, продолжался десять дней. Возврат по пути железнодорожный мост на перегоне Ямполь — Маков и гужевой мост на дороге Глухов — Маков, партизанское соединение вышло в Путивльский район и остановилось в лесу Марица, рядом с урочищем Вишневые горы. Здесь была высотка, курган, где накануне войны Базыма со своими учениками производил раскопки в поисках старинного оружия и утвари. Этот самый курган, господствующий над низиной Клевени, стал моим командным пунктом.

Во всех селах по ту сторону Клевени — в Старой Шарповке, Черепове, Стрельниках — стояли заслонами, прикрывая Путивль, вражеские гарнизоны. В Спащанском лесу, зажато клином в междуречье Сейма и Клевени, работало несколько вражеских батальонов. Они заготавливали лес для строительства двух больших мостов. С командного пункта видно было все: наши родные, такие знакомые села, лес, ветряки, дороги, по которым сновали немецкие машины; на горизонте виднелись колокольни старинных путивльских церквей.

Странное чувство охватило нас, путивляян, когда мы собрались на командном пункте. Бинокли держим в руках, но никто в них не смотрит, никому они не нужны. Внизу под нами, в селах, за болотистой низиной Клевени, — противник. С ним ночью предстоит бой, но народ смотрит не сюда, а дальше, за вражеские позиции, туда, где над поймой Сейма темнеет Путивль. Смотришь на город —

и вспоминаешь мирные дни. Одни колокольни торчат на горизонте, а видишь все так, словно по улице идешь. Кажется, вот райком партии: возле него — запыленная машина; кто-то из области приехал, видимо, на заседание бюро. Вот большое здание райисполкома: у подъезда несколько брочек; на втором этаже все окна настезь, кто-то на подоконнике сидит спиной к улице — должно быть, совещание в кабинете у председателя. А вот горсовет: у дверей толпа женщин — меня, вероятно, ожидают. Вспоминаешь и думаешь: когда это было, сколько времени прошло с тех пор.

Я, Руднев, Базыма, Панин, Корнев — на командном пункте, а рядом с нами, в лесу, сотни людей. И сотни глаз из-за деревьев смотрят вверх сел, лежащих внизу, у Клевени, как будто нет им никакого дела до противника. Кто-то влез на ветвистый старый дуб и смотрит туда же. Что он видит на горизонте? Едва заметную зубчатую полосу, а у него, наверное, вся жизнь перед глазами. Все, что ему дорого, все, за что он воюет, все, что дала ему Советская власть, — все там, в Путивле.

Мадьярские гарнизоны, прикрывавшие Путивль, растянулись по фронту на двадцать километров. Мы предприняли наступление сразу по всему участку, одновременно с четырех сторон. В наступление пошли ночью. Моросил дождь, тьма была непроглядная. В Стрельниках мадьяры услышали вдруг, что в Вязенке поднялась стрельба, выскочили из хат, побежали на восточную окраину, установили пулеметы в направлении Вязенки, а партизаны уже у них в селе — перешли через мост с запада. В Яцыно — тоже стрельба. Яцынский гарнизон, атаковавший нас из-за Клевени, отошел, отстреливаясь, к Старой Шарповке, а там тоже бой — и в Старой Шарповке уже партизаны.

К утру все окружающие села были очищены от противника, только в Старой Шарповке мадьяры еще сопротивлялись, пока одна наша группа, обойдя село, не проникла с запада в Спадчанский лес и не ударила им в тыл.

Триста семьдесят ртупов солдат и офицеров оставили оккупанты в селах на Клевени при бегстве оттуда.

Начиная это наступление, командование объединенного отряда ставило задание очистить от врага населенные пункты по Клевени. В них предполагалось остановиться с тем, чтобы обеспечить проведение диверсий на железнодорожной магистрали. Брать Путивль мы не думали, но успешные действия в Вязенке, Стрельниках, Старой Шарповке и Яцыно, а также данные разведки свидетельствовали, что у нас есть возможность достичь еще больших успехов — овладеть и Путивлем. Это имело немаловажное значение в то тяжелое для нашей Родины время.

Партизаны взяли Путивль! Это — не шутка. Значит, советских людей поработить невозможно, потому что они даже на оккупированной территории восстанавливают Советскую власть. Пусть это почувствует враг. Кроме того, нам было известно, что в городе есть большие продовольственные склады и склады боеприпасов. Нам и то и другое очень было необходимо.

Наутро дороги в Путивль были свободны. Все вражеские заставы удрали. В городе началась паника. Она еще больше усилилась, когда в город из сел прибыли остатки разгромленных гарнизонов, солдаты, работавшие на лесозаготовке, полицаи и старосты. Немцы решили, что на них идет целая армия, и к вечеру в городе не осталось ни одного оккупанта. Все — кто на машинах, кто на лошадях, а кто и пешком — бежали за Сейм, в Бурынский район. Некоторые в панике «форсировали» Сейм вплавь и прибежали в Бурынью голышом. Мы потом на берегу нашли много военного оборудования.

На другой день немецкая авиация бомбила Путивль, хотя там была только наша разведка, заскочившая в город на трофейных велосипедах. Наши боевые группы вступили в Путивль ночью. Штаб расположен в помещении райкома партии. На окраинах города были выставлены заставы, на улицах начали курсировать пешие и конные партизанские патрули.

С утра приступили к вывозке складов, на которых оказалось много масла, яиц, табака, соли, зерна, награбленных гитлеровцами по селам. Часть продуктов мы раздали голодающему населению города.

Серые, исхудавшие лица жителей свидетельствовали о тяжелой жизни под сапогом оккупантов. Все население города радостно встретило партизан, каждый хотел чем-то помочь.

Я шел улицами Путивля, и странно — он казался мне каким-то чужим. Внешне он остался таким же красивым, как прежде: те же прямые, широкие улицы, все в зелени, знакомые дома, сады, так же пышно цвела сирень на старинном валу, как всегда в это время, и вид отсюда на Сейм, на его огромную пойму, был такой же красивый. Но все же Путивль изменился. В сквере нет памятника Ленину — один пустой пьедестал, и город представился мне таким же пустым, как этот пьедестал, хотя по улицам ходило немало людей.

Зашел по пути в Красведческий музей. Оказалось, что музей и при немцах был открыт, но в залах его остались только чучела птиц, разные скелеты и куски минералов.

В районной библиотеке на полках не осталось ни одной советской книги. Мы думали, что их уничтожили немцы. Нет, все книги в сохранности. Только не на полках лежат они, а в мешках, которые расставаны библиотекарем по душникам бездействовавшего калориферного отопления.

В соседнем здании когда-то помещался парткабинет. Там пусто — полный разгром. Кажется, ничего не уцелело. Нет, оборудование в сохранности. Немцы выкинули его на двор, стали жечь как дрова, но кто-то украдкой перетащил его в темный чуланчик, забил дверь и завалил ее разным хламом.

Кто это сделал? Беспартийный патриот-библиотекарь. Должно быть, думал о себе, что не из храброго десятка. А ведь как рисковал он, делая все это!..

Вот приходит в штаб пожилой человек, освобожденный парти-

запами из тюрьмы вместе со всеми заключенными. На лице только в глазах жизнь, трясется весь, говорит так, что трудно понять. Он просидел в тюрьме несколько недель. За что? Сам не знает.

Каждый день этот человек видел в окно, как из сарая выносили лопаты, клали их на телеги, покрывали сеном и увозили со двора, потом на дворе начинали приготавливать веревки, которыми связывали заключенных перед тем, как вывозить из тюрьмы на расстрел. Вывозили небольшими партиями, сколько могли погрузить на одну машину. Отвезут за город, ко рву, и возвращаются за новой партией, и так целый день.

Целый день, пока не вернется во двор телега с лопатами, человек ждет своей очереди. И вся тюрьма ждет. К концу дня у людей в глазах уже темно, все расплывается, и руки, как тряпки, висят. Но если сегодня очередь не дошла, то завтра ведь опять то же самое начнется, опять с утра смотри в окно — не выносят ли из сарая лопаты.

Хотелось собрать всех горожан, поговорить с ними, подбодрить людей, как это делали мы в каждом селе, но на этот раз не успели. Только вывезли последний воз с трофейным оружием и боеприпасами, как немецкие танки вдруг захрохотали на улицах.

Разгром и паническое бегство гарнизонов из Путивля и опорных пунктов, прикрывавших его, встревожили фашистское командование. Оно поняло, что партизаны нацеливаются на железнодорожную магистраль, которая имела в те дни громадное значение. Поэтому немецкое командование задержало на станции Путивль несколько эшелонов войск, ехавших на фронт, и как можно скорее двинуло эти силы на уничтожение нашего соединения.

Мы вынуждены были оставить родной город. Выходили из Путивля садами, огородами в разных направлениях, разбившись на маленькие группки.

К вечеру все собрались в Спадщанском лесу на северо-запад от Путивля. Не было только Радика. В Путивле он отпросился у отца к своим товарищам по школе. У Радика возникла идея создать в отряде боевую команду из друзей. Вот он и хотел поговорить об этом с ребятами.

Семен Васильевич и Домникия Даниловна всю ночь не находили себе места, думали, что Радик не успел выбраться из города и попал в руки немцев. Но утром он явился — приехал с заставы на подводе. Своих товарищей ему не удалось привести: немецкие танки ворвались в город раньше, чем он успел собрать ребят. До полуночи Радик пролежал в канаве на окраине города. Он и здесь не терял времени даром — все время наблюдал за передвижением немцев и принес нам ценные сведения о силах и расположении вражеского отряда, занявшего Путивль...

Лагерь объединенных отрядов раскинулся на большом пространстве по обоим берегам Клевени, на стыке Путивльского, Конотопского, Глуховского и Шалыгинского районов. Путивльский отряд расположился в Спадщанском лесу, Конотопский — в лесу

Займа, Глуховский — в лесу Довжик, Шалыгинский — в лесу Марица, Кролевецкий занимал село Литвиновичи.

Расположение каждого из отрядов как бы тяготело к своему району, к селам, из которых пришли бойцы, в которых у многих из них были десятки родичей и знакомых — партизанских помощников. Благодаря им наше влияние распространилось далеко за пределы дислокации отрядов.

Наш объединенный штаб обосновался под прикрытием Путивльского отряда в северо-западном углу Спадшанского леса, у речки Звань, одного из рукавов Клевени. Несколько наскоро сложенных шалашей, покрытых зелеными ветками, походная радиостанция, связывавшая этот уголок леса с Большой землей, крошечный столик, на котором в ясные дни Базыма работал на лужайке под ветвистым деревом, — вот как выглядел наш штаб, управлявший боевой деятельностью пяти отрядов. А эти отряды уже наносили врагу довольно чувствительные удары. Мы наглухо закрыли немецкому автотранспорту все дороги, проходившие по северной Сумщине в сторону фронта. Наши подрывники начали проводить систематические диверсии на железной дороге Конотоп — Ворожба.

Пытаясь разгромить нас, гитлеровцы провели несколько операций. Однажды в лес ворвались восемь танков, четыре броневика и тридцать автомашин с пехотой. Двум немецким танкам и небольшому пехотному десанту удалось проникнуть к усадьбе лесника. Но потеряв тридцать человек, каратели не решились идти дальше. На следующий день они снова углубились в лес, но, потеряв два танка и около полсотни солдат, повернули обратно.

Через несколько дней гитлеровцы еще раз атаковали нас. После артиллерийской подготовки из стотридцатидвухмиллиметровых пушек десятков танков в сопровождении автоматчиков вошел в лес с севера со стороны Старой Шарповки. Наткнувшись на болото, танки остановились и открыли огонь по расположению нашего отряда. Под прикрытием их огня вражеские автомашины с пехотой все дальше углублялись в лес, взяв курс на наш штаб. Противник хотел отрезать штаб и путивлян от других отрядов, расположенных за Клевенью. Но в решающую минуту боя фашисты испугались, что им в тыл могут ударить другие партизанские отряды, и отступили в Путивль.

Потерпев ряд неудач, оккупанты на некоторое время утихли. Мы, наоборот, расширили свою деятельность. Почти вся часть Сумской области, лежащая к северу от Сейма, оказалась под контролем партизанского соединения. Немецкие гарнизоны оставались только в районных центрах, где они, занимая, по сути, круговую оборону, были блокированы. Воспользовавшись временным затишьем, все отряды — Глуховский, Конотопский, Кролевецкий, Путивльский и Шалыгинский — начали активно действовать. Партизанские группы «кочевали» по своим районам, наши агитаторы проникали в села, отстоявшие на десятки километров от расположения отрядов.

Все дороги северной части Сумщины в сторону фронта были закрыты для вражеского автотранспорта. Партизанские подрывники через пойму Сейма выходили на железную дорогу Конотоп — Ворожба. В первых числах июня здесь один за другим были взорваны три вражеских эшелона. Движение на этой магистрали прекратилось на восемь дней.

В Спадщанском лесу стало тихо, каждый хотел использовать передышку для заслуженного отдыха. Бойцы приводили себя в порядок, набирались сил и знаний. На речке Звань возле штаба появились рыболовы. Возле комиссара важно сидели с удочками его воспитанники — юные бойцы. Нужно сказать, что у нас в отряде было много подростков, пареньков пятнадцатипятишестнадцатипяти лет. Мы, старые партизаны, относились к ним как к своим внукам. И они нас дедками называли. Дружная это была компания. Все хлопцы — земляки. Один другого тянул в отряд. И в отряде все они держались вместе, на отдыхе всегда собирались кучкой. Выполняли они у нас обязанности и разведчиков и связных.

Были у нас два Лени: Ленья Чететкин и Ленья Забелин, оба комсомольцы. В одном ночном бою наш расчет трофейных пулеметов остался без патронов. Вдруг возле пулеметчиков как из-под земли появляется Ленья Чететкин. Ведет на поводу выюнную лошадь:

— Вот вам патроны.

— Откуда?

— Трофей.

Оказывается, Ленья под покровом темной ночи прошмыгнул через цепи немцев в занятое ими село, увидел лошадь, которая стояла у изгороди, нагруженная двумя ящиками патронов, взял ее за повод и привел к своим, опять пройдя через цепи противника.

Или вот их товарищ — семиклассник Володя Шишов. Как его было не принять в отряд, когда этот хлопец имел свой «арсенал». Он постоянно выкрадывал у немцев боеприпасы и оружие и прятал их в яме. Приволок он с собой целый мешок патронов и несколько винтовок. Мы зачислили его в отряд связным, дали коня. Вместо седла, которого не было, он привязал подушку. Во время боя вихрем носился по лесу. Пух так и летел вокруг — сучья деревьев подушку не жалели.

За старшего в этой юной компании был Радик. Он с раннего детства жил среди военных, привык к армейским порядкам и считал своим комсомольским долгом во всем помогать отцу.

В школе Радик увлекался математикой, а в лесу во время отдыха — шахматами. Его постоянным партнером был Иван Григорьевич Архипов, в прошлом учитель, а в партизанском отряде — разведчик. Этот высокий, сутулый боец, первым из наших партизан одевшийся с ног до головы в трофейное обмундирование, был страстным шахматистом. Он вечно таскал за поясом шахматную доску и мог играть с невозмутимым спокойствием в любой обстановке: перед боем и сразу же после него.

Под Литвиновичами

Затишье продолжалось недолго. Диверсионные действия партизан на железнодорожной магистрали Копотоп — Ворожба — Курск серьезно обеспокоили оккупантов, которые, готовясь к большому наступлению летом 1942 года, перебрасывали по этой дороге на восток свои резервы.

Курская магистраль с каждым днем приобретала все большее значение для противника, и поэтому против партизанских отрядов северной Сумщины, действовавших на этой магистрали, враг бросил несколько полков регулярных войск, усиленных танками и артиллерией.

Фашистские части начали наступление на объединенные партизанские отряды, расположенные в Спадщанском лесу, одновременно с двух направлений: с северо-запада, со стороны Кролевца, и с юго-востока — от Путивля.

20 июня завязались ожесточенные бои. Три вражеских пехотных полка, поддерживаемые танками, раз за разом бросались в атаку, стараясь окружить наши отряды и прижать их к болотистым берегам Клевени. Запылала подоженная оккупантами села на правом берегу речки. Путивльский отряд был зажат в северо-западном углу Спадщанского леса вместе с объединенным штабом.

Остался один выход из леса — болотами через Клевень и охваченное пламенем село Литвиновичи. Этот выход героически защищал Кролевецкий отряд и группа путивлян под командованием моего помощника Павловского, уроженца Литвиновичей.

Наша судьба зависела от стойкости партизан, оборонявших Литвиновичи. Они должны были продержаться, пока мы построим через Клевень мост и переправим свои обозы с ранеными, боеприпасами и продовольствием.

Правду говоря, трудное это было задание. Утомленные боем и переходами люди в темноте рубили лес и на себе перетаскивали бревна и жерди к месту строительства. Партизаны совершенно обессилели, но не бросали работы. Наконец мост был готов, началась переправа. Коня вязли в болоте на подходе к мосту, подводы приходилось передвигать вручную. А впереди полыхало зарево пожара и доносилась канонада боя. Это горели Литвиновичи, через которые мы должны были проскочить. Там кипел жестокий бой.

Объединенный штаб стоял в эту ночь на лесной поляне под тенистыми ветвями лип и дубов. Это было очень красивое место, в воздухе стоял душистый аромат. Но все это мы заметили только тогда, когда обозы были переправлены по шаткому мосту, а пехота двинулась дальше на Литвиновичи.

Подойдя к селу, мы увидели пожарную вышку. Вокруг нее бушевало пламя — горели соседние дома. В свете пламени на вышке виднелась тоненькая фигурка девушки.

Спрашиваю: кто такая, что она там делает?

Мне сказали, что это местная комсомолка Таня Быкова ведет наблюдение. Юная патриотка, недавно поступившая в отряд, по заданию командира группы, которая прикрывала Литвиновича, следила с пожарной вышки за врагом и указывала цели партизанским минометчикам и артиллеристам.

В этом бою Таня погибла смертью храбрых. Но ее образ, стройная девичья фигура на вышке в клубах дыма и пламени надолго запомнились бойцам. Прошло много времени, а партизаны, вспоминая события той страшной ночи, говорили:

— Помнишь, в ту ночь, когда Таня на вышке стояла...

К утру, оторвавшись от противника, все отряды собрались в лесу Марица. Двухдневный бой, форсирование речки и утомительный ночной марш давали себя знать. Бойцы валялись с ног от усталости. Стоило кому-нибудь сесть, как он сразу же засыпал. Отряд нуждался в отдыхе.

Путь на север, в Брянские леса, теперь был открыт, но мы не имели права оставлять этот район: нельзя было отходить от Курской магистрали. Оккупанты восстановили железнодорожное полотно, которое мы разрушили в начале июня, и по нему один за другим шли на Курск вражеские поезда.

Из леса Марица мы двинулись на юго-восток, по направлению железнодорожной магистрали, чтобы все-таки выполнить свое задание — помешать врагу перебрасывать резервы и боеприпасы к фронту.

26 июня Путивльский отряд и объединенный штаб заняли в Новослободском лесу бывший Софроновский монастырь, расположенный километрах в двадцати от Ворожбы. Место очень удобное для обороны. Выбирая его, командование соединения учитывало, что здесь, в случае наступления противника, можно будет малыми силами нанести ему большой урон. Другие отряды остановились в лесу немного поодаль по обе стороны железнодорожной магистрали Ворожба — Хутор-Михайловский. Расстояние между ними было определено такое, что у врага не хватило бы сил окружить сразу все отряды. Если бы какой-либо из отрядов был окружен, другие могли бы быстро прийти ему на выручку.

После такого расположения сил группы подрывников сразу же вышли на работу. Начало своей деятельности в районе Ворожбы они ознаменовали одновременным ударом по трем переправам противника на речке Сейм: высадили в воздух железнодорожный мост возле станции Теткино и паромные переправы возле села Пересыпки на пути Путивль — Бурьинь и возле села Кориж.

Только что оторвавшись от противника, мы снова навлекли его на себя, но в создавшейся обстановке это было неизбежно. Без тяжелых оборонительных боев нельзя было держать под ударом вражеские коммуникации. Поэтому-то мы и выбрали для расположения своих баз Новослободской лес, тянувшийся полосой на расстоянии семи километров по высокому берегу обширного торфяного болота в долине Сейма. Когда въезжаешь в него по шоссе из Новой Слободы, дорога, вьющаяся среди зеленых зарослей,

круто поднимается на изрезанную оврагами гору, к бывшему монастырю, стоящему в самой высокой части леса. Монастырскую гору с трех сторон огибают торфяники, так что монастырь, по сути, полуокружен болотом. В ясные дни местность отсюда просматривается на десятки километров, даже станцию Ворожбу видно на горизонте за Сеймом. У ограды монастыря растут вековые дубы в два-три обхвата. Дальше, по дороге на Липово, местность понижается, лес становится моложе и гуще, среди дубов появляются клен, ольха, потом начинаются сплошные заросли орешника и осоки.

До войны все бывшие монастырские дома и огромный фруктовый сад, площадью около десяти гектаров, принадлежали нашей даче. Это был шумный детский городок. Он так и назывался — Городок. Когда мы пришли сюда, в Городке было пусто, двор зарос травой, в церковных развалинах шелестели змеи. Нас встретил лесник Георгий Иванович Замула, скромный и самоотверженный патриот. Он остался в монастыре будто бы потому, что не мог расстаться с лесом, а на самом деле Георгий Иванович выполнял задание нашего командования. Партизанские разведчики, часто навещавшие его, могли в любое время пробыть в безопасности у радушного хозяина и достать нужные сведения.

Оккупанты не решались заглядывать в эти места. Далеко по всей округе распространился слух, нарочно пущенный нашими бойцами, что в монастырь подземными ходами из тайных лесных пещер могут в любую минуту пробраться партизаны. В монастыре действительно были подземные сооружения, или, как их называли в народе, — пещеры, но ими, конечно, не пользовались. В свое время эти пещерные лабиринты соединяли монастырь со скитом, построенным монахами в лесной чаще.

Прибыв в Новослободской лес, мы прежде всего исследовали подземное хозяйство монастыря и установили, что пещеры полностью пригодны для укрытия людей во время бомбардировки, особенно раненых и больных. Нас они прежде всего интересовали именно с этой стороны, хотя наши разведчики, ходившие в далекую разведку, тоже ночевали там в ненастье. Больше всего интересовались пещерами дети соседних сел. Их привлекал сюда монастырский сад. Кстати, от этих детей, считавших себя партизанами, Замула узнавал все, что происходит в районе. Сам он никогда не выходил из монастыря.

Кое-кого из этих «пещерных партизан» пришлось принять в отряд — они оказались сыновьями наших бойцов. Вспоминаю интересный случай. Не успели мы расположиться лагерем в Новослободском лесу, как один из обитателей монастырских пещер явился к нам. Вижу, шныряет по шалашам какой-то веснушчатый мальчуган лет четырнадцати. На голове непомерно большая фуражка, видно отцовская, сползает на самый нос. Паренек кого-то ищет. Спрашиваю:

— Чего тебе?

— Батьку шукаю.

— А ты кто такой?

— Иван Иванович Черняк.

— Что же ты, Иван Иванович, тоже в партизаны собрался?

— Чего мне собираться. Мы с Замулой давно уже здесь в лесу базируемся, — обиделся паренек.

Появление Ивана Ивановича и его важность развеселили бойцов. С того времени всех подростков в отряде стали величать по имени и отчеству, и они сами себя тоже так величали.

Взорвав мосты на Сейме в районе Ворожбы, наши группы подрытников с боевым прикрытием ушли на главную железнодорожную магистраль, а основные силы Путивльского отряда, оставаясь на месте, отвлекали войска противника на себя.

Оккупанты снова всполошились. На этот раз они решили покончить с нами. Уже 3 июля все села вокруг Новослободского леса были забиты вражескими войсками. Противник стянул против партизан три стрелковых полка с тремя батареями семидесятипятимиллиметровых пушек, несколькими батареями минометов и десятком танкеток.

Кольцо вражеского окружения оказалось таким плотным, что связные, посланные нами ночью через болото в соседние отряды, вернулись назад, нигде не сумев проскочить. Связные из других отрядов тоже не могли пробраться к нам. Рация на близком расстоянии не работала. Пробиваться всем отрядом мы тоже не могли, так как диверсионные группы, посланные на выполнение оперативного задания, должны были возвратиться лишь через несколько дней. Положение было очень тяжелое, почти безвыходное — как никогда до этого.

Вражеские части, заняв вокруг леса все населенные пункты и разбросанные по болоту рабочие поселки, стерегли все проходы днем и ночью. Мы послали еще несколько пар связных. Лишь одной из них удалось пройти. Ночью разведчики пробрались по топкому болоту под водой с камышовой трубкой во рту.

Было ясно, что одному Путивльскому отряду из окружения не выйти. Мы могли это сделать только с помощью других отрядов соединения, которые должны были оттянуть на себя часть сил противника. Такие общие действия дали бы возможность диверсионным группам выполнить приказ — вывести из строя станцию Ворожба и железнодорожную магистраль Копотоп — Курск. Но противник учел и этот вариант и выставил против всех отрядов сильные заслоны. Мы видели танки и бронемашинны далеко на возвышенности, на север от Новой Слободы и за болотом. Они не принимали участия в наступлении, но больше всего тревожили нас.

8 июля с утра под прикрытием сильного минометного и артиллерийского огня противник ворвался в лес и начал быстро продвигаться вдоль центральной лесной дороги к монастырю.

Группа Карпенко, занимавшая оборону на опушке, сразу же оказалась в тылу противника. Отрезана была от штаба и группа Коренева. Окружив эти группы в мелколесье и кустарниковых

зарослях, фашисты быстро приближались к месторасположению штаба. В резерве у нас была лишь одна группа под командованием Пятышкина. Штаб прикрывали комендантский взвод и несколько десятков бойцов во главе с Базымой. Они окопались возле самого штаба. Вскоре пришлось ввести в бой резервную группу Пятышкина, которая задержала врага на центральной лесной дорожке. С этой группой был и комиссар соединения Семен Васильевич Руднев.

Штаб находился за глубокой промоиной, заросшей молодым дубняком. Эту рощу немцы простреляли насквозь. За штабом, в чаще столетних дубов, стояли обозы с боеприпасами и ранеными. Чтобы знать о положении на линии огня, раненые собрались около штаба.

Был отдан приказ создать последний резерв — всех раненых вывести на линию огня. Командиром этого резерва был назначен Павловский, лечившийся в партизанском госпитале. Через несколько минут медсестра доложила, что приказ выполнен.

Противник пытался захватить нас на горе и уничтожить минометным и артиллерийским огнем. Из Новой Слободы и со стороны многочисленных поселков торфяников по монастырю били минометы и артиллерия. Фашисты, очевидно, думали, что партизанские резервы и штаб расположены в монастырских строениях. Вскоре, разбитая снарядами, обрушилась колокольня, забросав весь двор кирпичом и мусором.

Вражеское кольцо соединилось. Каждый видел, что выхода нет. В эти тяжелые минуты особенно ярко раскрылись высокие моральные качества наших советских людей.

Все, от покрытого сединой и закаленного в боях воина до пятнадцатилетнего подростка, думали лишь об одном — как подороже отдать свою жизнь. Назвать особо отличившихся в этом бою невозможно — все бились как герои, любящие народ и Отчизну больше своей жизни...

Враг рвался к штабу. Стараясь обойти нас низом и ударить во фланг, два батальона гитлеровцев прокрались дорогой, проходящей под монастырской кручей над болотом вплоть до пещер. Еще немного, и их маневр мог увенчаться успехом.

Поняв, чем это угрожает, партизаны с возгласами «ура!» ударили в центр немецкой колонны. В несколько минут партизаны короткими очередями из автоматов, штыками и прикладами отбросили противника. Замешательство и паника охватили вражеские ряды, и гитлеровцы ударились в бегство. Они оставили на поле боя две сорокамиллиметровые пушки, один крупнокалиберный пулемет, четыре ручных пулемета, много боеприпасов и две кухни с готовой едой. Большая группа фашистов была загнана в болото. Оттуда не вышел ни один. Во время этого славного рукопашного боя погибло несколько наших бойцов, среди них и лесник Замула — скромный, мужественный человек, каких так много на советской земле.

Бой не утихал, а помощи не было. Однако мы верили, что

наши друзья все же выполняют приказ штаба и придут на помощь Путивльскому отряду. Ведь основной принцип партизанской войны — все за одного и один за всех — знал каждый партизан.

Целый день в порезанном оврагами лесу длилась яростная борьба. Когда не хватало патронов, завязывалась рукопашная.

С приходом темноты все группы, бившиеся на отдельных участках, получили приказ возвратиться к штабу. Последним пришел со своей группой Дед Мороз. Весь отряд собрался на монастырской горе. Люди валились с ног от усталости. Три дня они почти ничего не ели, не пили и не отдыхали. Мы могли бы еще продержаться, но патроны кончились, и это было самое ужасное.

Что делать завтра, если за ночь другие отряды не смогут нам помочь прорваться? Я знал, что этот вопрос волнует всех, но вслух его никто не ставил. В это трудное время люди рассуждали про себя так: раз мне тяжело, значит, и всем тяжело, — о чем же спрашивать?

В эти же дни, когда мы бились в Новослободском лесу, фашисты рвались к Дону и Волге. И вот нам удалось оттянуть на себя несколько полков пехоты с артиллерией и танками, вывести из строя на несколько дней железнодорожную магистраль. Значение всего этого понимали все, и сознание того, что долг выполнен, поддерживало каждого в это трудное время.

Поздно вечером, когда весь отряд собрался на монастырской горе, мы слышали за болотом, в тылу врага, ружейно-пулеметную стрельбу. И прежде чем поняли, что это пришли к нам на помощь наши товарищи, вдруг услышали пение. Стрельбу слышно отчетливо, а пение — едва-едва, как будто стреляли близко, а пели где-то очень далеко. Что-то в этом пении мне сразу напомнило годы гражданской войны — Царицын, Каховку, Перекоп. Я уловил родной мотив «Интернационала»:

Это есть наш последний
И решительный бой...

Иногда кажется: все, что происходит с тобой сейчас, ты уже переживал когда-то давно, много лет назад. Такое вот чувство охватило меня, когда я услышал это пение. Как будто бы идет грозный девятнадцатый год, а я — красноармеец. Меня только что приняли в партию большевиков. Ночная атака, и мы с пеннем «Интернационала» идем на врага...

То, что произошло позже, похоже на сказку. А дело было так. С легким оружием Конотопский партизанский отряд в полночь, прямо с марша, с пеннем «Интернационала» пошел в атаку. Этот смелый маневр поддержала артиллерия с Монастырской горы.

В кольце окружения была пробита брешь, через которую мы и проскочили под покровом ночи.

Рассвет застал нас уже далеко от места битвы, по ту сторону болота, на тропинках, заросших лозняком. С низины нам хорошо было видно, как на освещенной утренней зарей возвышенности, возле Новой Слободы, какая-то вражеская часть развешивала

цепи для наступления на лес и монастырь. Артиллерийский гул звучно раскатывался над болотом. Это вражеская артиллерия проводила артподготовку по местам, откуда мы несколько часов назад счастливо выбрались.

Но вот со стороны Новой Слободы мы вдруг снова услышали ружейно-пулеметную стрельбу и увидели отступающего противника. Это наши отряды — Глуховский под командованием Кульбаки и Шалыгинский под командованием Матющенко — тоже пришли нам на помощь, ударили по врагу с противоположной стороны Новослободского леса.

Значительно позже мы узнали, как немцы говорили про эту операцию: «Да разве партизан уничтожишь! Они ведь по земле не ходят — все под землей. У них подземные ходы от самой Москвы до этих лесов».

Отсутствие боеприпасов не давало нам возможности вести дальше борьбу в этом районе. Мы решили снова идти в Брянские леса, на границу Украины и России. Подрывники соединения, пока мы отвлекали на себя внимание врага, выполнили свое задание — пустили под откос в районе Ворожбы еще два воинских эшелона.

Мы их ждали в лесу, в урочище «Кумова яма», километрах в пятнадцати от Новой Слободы. Здесь мы узнали о страшных злодеяниях, которые совершили гитлеровцы в Новой Слободе и окрестных селах.

Обнаружив, что партизаны исчезли да еще и прихватили с собой трофеи — артиллерию, которую гитлеровцы, отступая, бросили, фашисты вернулись в село и, чтобы отомстить, начали уничтожать жителей. Они, словно бешеные псы, бегали по дворам и хатам, стреляли направо и налево, швыряли в жилища гранаты, штыками кололи людей. В течение какого-нибудь получаса они замучили и убили свыше семисот человек, преимущественно стариков, женщин и детей. Потом они переписали жертвы в доказательство того, что будто бы партизаны все уничтожены и отряд Ковпака больше не существует.

Наши разведчики, побывавшие в Новой Слободе, сообщили, что в селе осталось много тяжелораненых, которым удалось вылезти из заваленных трупами хат в огороды и овраги.

Нужно было оказать им помощь. В Новую Слободу под охраной автоматчиков вошли наши медсестры во главе с Галей Борисенко. Мы, конечно, берегли медперсонал, особенно девушек, и не брали их на очень опасные операции. Но после того как они собственными глазами увидели горы расстрелянных и заколотых штыками женщин и детей, никого нельзя было удержать. Галя даже плакала, если ее не брали в бой.

Поездка в Москву

Из Путивльского района наши объединенные отряды возвращались в Брянские леса старым маршрутом, отбрасывая с пути мелкие группировки противника. Натыкаясь на сильные заслоны, встречавшие нас артиллерийским огнем, мы сворачивали в сторону, делали петлю и снова выходили на прежний маршрут.

24 июля отряды вступили в южную зону Брянских лесов, немало западнее Старой Гуты. Наша партизанская столица была занята батальоном 47-го мадыарского полка. Несколько дней мы отдыхали в лесу в близком соседстве с мадыарами, не подозревавшими о нашем возвращении. В ночь на 29 июля старогутовский гарнизон противника был наголову разгромлен. Партизаны уничтожили при этом более двухсот солдат и офицеров.

Пусто было в Старой Гуте, когда мы вступили в нее. Зайдешь в знакомую хату — ни души, кругом никаких признаков жизни, только следы мадыарского постоя. На огородах полное запустение, одни заросли лопуха и репейника; на картофельных посадках таковой бурьян, что и ботвы не видно. Все погнибло, одни подсолнух кое-где пробился из сорняка. Было время уборки. Хлеба на полях перезревали.

Где народ, куда девался?

Спасаясь от гитлеровцев, вся Старая Гута вместе со скотом ушла в леса. Забился народ в лесные тущобы, питается ягодой и молоком, ждет, пока вернутся «колпачки», как называли нас здесь, в Брянских лесах. «Ковпак» не выговаривали, говорили «товарищ Колпак», отсюда и пошло «колпачки».

Весть о том, что «колпачки» уже вернулись и прогнали фашистов из Старой Гуты, тотчас разнеслась по лесу. Возле партизанских шалашей залаяли выбежавшие вдруг из чащи собаки, за ними появились люди, старые и малые, тащившие на себе узлы и мешки со всяким домашним скарбом.

Большое окруженное лесами село заново начинало жить. Партизаны, чем могли, помогали своим старым друзьям, все лето прятаясь от немцев, вместе с ними убирали перестоявшееся хлеба, косили луга, копали картофель.

Нередко урожай приходилось убирать с боем. Неподдалеку от Старой Гуты было большое картофельное поле. По одну сторону его проходила наша оборона, по другую — стояли мадыары. Партизаны ползут с мешками — мадыары открывают огонь, мадыары ползут, чтобы картофеля накопать, — партизаны поднимают стрельбу. Каждую ночь тут бой шел, пока все поле не было перекопано.

Многие колхозники пришли из леса больными. Больше всего народ страдал от цинги. Где получить медицинскую помощь? Только у партизан. И люди стали ходить в нашу санчасть, как в свою колхозную амбулаторию. Сначала из Старой Гуты, а потом и издали приходили. На подводах привозили тяжелоболь-

ных, разыскивали в лесу партизанского доктора. У шалаша сап-части всегда толпился народ, в очереди стояли женщины и дети. Наши медработники никому не отказывали в помощи. Дина в экстренных случаях тут же у шалаша делала операции. Потребовалось много медикаментов, а у нас и для партизан самого необходимого не было. Передали об этом по радио на Большую землю. Думали, что сбросят с парашютом, а нам ответили, что вышлют самолет.

Самолет из Москвы!

В самом деле, через несколько дней на поляне в стороне от нашего лагеря приземлился самолет, направленный специально к нам. Мало кто видел его, но несколько дней в Старой Гуте только и было разговоров, что об этом первом самолете, доставившем нам медикаменты с Большой земли. Больных в сапчасть еще больше стало приходить. Каждому хотелось получить какой-нибудь целебный порошок из Москвы. Москва, Москва родная!

А какая радость была для всех, когда наши радисты установили в селе репродуктор и ожившая Старая Гута услышала Москву. Артистка какая-нибудь песенку поет в Москве, а люди здесь слушают ее и плачут. Запомнилась мне одна женщина. Стоит у репродуктора с девочкой на руках, слушает передачу из Москвы и слезы рукой вытирает. Девочка маленькая еще, ничего не понимает, а тоже кулачком глазки трет.

* * *

На много километров по опушке леса раскинулись вокруг Старой Гуты шалашные лагеря наших объединенных отрядов. В мае из Старой Гуты ушло в рейд на Сумщину около семисот пятидесяти человек, а в августе, когда мы вернулись в Брянские леса, в отрядах уже насчитывалось больше тысячи трехсот бойцов.

Приближалась годовщина Путивльского отряда. Мы могли с гордостью смотреть на проделанный нами тяжелый, полный лишений путь. Вытяни в одну прямую, запутавшуюся в клубок на карте Сумщины линию наших боевых маршрутов, и она протянется не на одну тысячу километров. За год борьбы в тылу фашистов отряд провел двадцать оборонительных и наступательных боев, уничтожил около четырех тысяч фашистов.

Но время было такое, что оглянешься назад, а думаешь о том, что впредь, какую сводку примет ночью радист с Большой земли. Захватчики были у Воропежа, на Кубани, рвались к Сталинграду. Тут хочешь не хочешь, а берешь не карту Сумщины, а другую, где Волга, Кавказ. Что значит наш маленький островок со столицей Старая Гута, когда в опасности вся Большая земля? Правда, на Сумщине и в Брянских лесах партизанских островков было уже много, и они сливались друг с другом, но съедутся командиры — и смотришь, карты-то вынимают из полевых сумок не своих районов, а всей Европейской части СССР: школьные, же-

лезнодорожные, административные, какие кому удалось раздобыть. Вот возьмешь такую карту и измеряешь расстояние от Старой Гуты до Волги.

* * *

В один из таких тревожных дней — это было во второй половине августа 1942 года — я получил радиogramму с вызовом на совещание командиров партизанских отрядов в Москву.

Понятно, в каком состоянии я был, когда прощался с товарищами, окружившими подводу, на которой мне предстояло добираться до аэродрома орловских партизан, чтобы оттуда вылететь в Москву.

Все просили передать горячий партизанский привет Москве, ее героическим защитникам, отправить из Москвы письма от еще своим близким. Карманы моего пиджака были набиты посланиями разведчиков, минеров, минометчиков, артиллеристов, женщин-медиков, подростков-связистов. Я обещал выполнить все просьбы и поручения, а сам все еще не верил, что полечу в Москву, что на самом деле буду ходить по ее улицам, вот точно так же, как сейчас хожу по лесу, что увижу хотя бы издали Кремль. Я никак не мог представить себя идущим по тротуару в Москве, а тут мне кричат что-то о новых станциях метро, которого я вообще не видел, — в Москве я не был с 1931 года.

Пробираясь глухими лесными дорогами к аэродрому — до него было около ста километров, — я нет-нет да и подумывал, какое это будет огорчение, если полет почему-либо не состоится, если придется вернуться назад, не побывав в Москве. Но стоило мне только увидеть стоящий в лесу на аэродроме огромный пассажирский самолет, как Москва стала казаться совсем уже не такой далекой. Все пассажиры — партизанские командиры, улетающие в Москву, — как и я, получили радиogramмы. Большинство добиралось до аэродрома на лошадях, издалека. То, что нужно было еще пролететь над территорией, занятой врагом, пересечь линию фронта, как будто не имело уже никакого значения. Раз столько людей получили радиogramмы и самолет прилетел, значит, дело надежное, в Москве мы будем.

Не успела машина набрать высоту, как у нас начались деловые разговоры о том, что прежде всего надо будет сделать, прилетев в Москву, какие вопросы решить; на что можно рассчитывать, на что нельзя. Например, если будет идти речь об оружии, что следует просить, а о чем не стоит и заикаться, учитывая тяжелую обстановку на фронте под Сталинградом, где, по-видимому, начались решающие бои.

Мы еще не могли, конечно, представить себе, какие битвы развернутся на фронтах, но уже один тот факт, что нас вызывают в Москву на совещание, что в такой момент мы летим из враже-

ского тыла в родную Москву, внушал уверенность в прочности положения на Большой земле. Уже забывалось то время, когда мы сидели в Спадщанском лесу, как моряки, выброшенные бурей на необитаемый остров. Потеря связи с Москвой была, пожалуй, самым тяжелым из всего, что нам пришлось испытать в тылу врага. Не враг страшен был, а сознание, что Москва стала очень далекой. Когда мы говорили «Москва» или «Большая земля», в этих словах было все, что сплывало нас, разбросанных по лесам среди врагов, в одно целое, что давало нам силы.

Нас очень ободряли успехи, которые мы, партизаны, одерживали в неравных боях с врагом, но еще большее значение в поднятии боевого духа наших людей имело быстрое восстановление связи с Москвой. Нас воодушевляла уже одна мысль, что о нашем существовании, о нашей борьбе узнали в Москве, в Кремле, что там есть наша оперативная карта с нанесенными на ней рейдами соединения, которую мы послали пару месяцев назад по требованию Центрального штаба партизанского движения. Это была первая нить, вновь связывающая нас с Москвой.

В Хинельских лесах мы стали получать сводки Совинформбюро. Сначала получали их, как я уже рассказывал, из вторых рук, нам приносили их из лесу, записанные карандашом на клочках бумаги. Иногда в этих записях не все можно было понять, но как дороги были для нас несколько слов, принятых из Москвы таинственным радистом! Из этих первых полученных нами в лесу сводок Совинформбюро мы узнали о разгроме немецко-фашистских захватчиков под Москвой. И сейчас, когда вспоминаешь о Хинельских лесах, декабре сорок первого года, кажется, что тогда не было ничего более важного, чем переписывание этих сводок, которые мы старались как можно скорее и в возможно большем количестве экземпляров распространить среди населения. Нить, связавшая нас с Москвой, протянулась дальше, в парод, и она делалась все крепче и крепче.

Затем мы сами услышали знакомый голос московского диктора, голос Москвы, приказ Верховного Главнокомандующего, слова, обращенные к нам, партизанам. Потом из Москвы прилетел самолет, сбросивший нам рацию и радистов,— связь с Большой землей стала регулярной. Потребовались медикаменты, мы запросили Москву, и она прислала нам самолет с медикаментами. И вот, наконец, я сам лечу в Москву. Все опять на своем месте, крепко, надежно.

Линию фронта мы пересекли ночью на высоте три тысячи метров. С земли по нас стреляли, видны были вспышки огня, металлись лучи прожекторов, но среди пассажиров вызвал некоторое оживление только один зенитный разрыв, давший себя почувствовать довольно сильно. Экипаж в отместку немцам высыпал вниз, на их головы, ящик мелких бомб; мы заспорили, на каком расстоянии от хвоста самолета разорвался снаряд — в двадцати, пятидесяти или ста метрах,— а потом снова разговор перешел на деловые темы. Между прочим, много говорили о соли — из-за отсут-

ствия ее очень страдали все отряды,— о возможности получения соли из Москвы, о помощи колхозникам, болевшим цингой.

Под нами была уже Большая земля, тылы Брянского фронта. Но и та земля, что лежала позади, временно оккупированная немцами, тоже оставалась советской землей, и мы летели в Москву как ее представители.

Вероятно, в эту ночь не один наш самолет под огнем немецких зениток летел в Москву из оккупированных районов. Может быть, летели и из Белоруссии, откуда-нибудь из Полесья и со Смоленщины, из-под Новгорода, Пскова, Старой Руссы. Разрежь советскую землю на тысячи кусочков, и Москва, как магнит, притянет их к себе, сольет в одно неразрывное целое. Вот мысли, которые тогда владели нами.

В то время, как мы летели в Москву, никто еще не знал, состоится у нас встреча с руководителями партии и правительства или нет, но мысль о вероятности этой встречи не оставляла нас всю дорогу и на самолете и потом на автомашинах, доставивших нас из штаба Брянского фронта прямо в гостиницу «Москва».

Вскоре по приезде — это было 31 августа — нас предупредили по телефону, чтобы мы никуда не уходили из своих номеров, ждали вызова в Кремль. И вот нас вызвали.

На приеме в Кремле нас собралось человек двадцать — командиров партизанских соединений и отрядов: русских, украинцев, белорусов. С одними я часто встречался в тылу врага — наши отряды действовали бок о бок, с другими установил связь незадолго до полета в Москву — на партизанском совещании в Брянских лесах, с некоторыми познакомился уже в самолете, а до того знал их только по партизанским кличкам да по народной славе. Но вот сели мы, партизаны, за длинный стол в кремлевском кабинете. И руководители партии и правительства заговорили с нами. Все это было так просто, словно мы уже не раз собирались тут и все хорошо знали друг друга. И в то же время знакомые лица выглядели как-то необычно.

Мы думали, что прием будет очень короткий — ведь такое тяжелое время. Но Сталин не торопился. Он долго расспрашивал нас о наших партизанских делах. Иногда, задав вопрос, прерывал беседу, вставал из-за стола, подходил к телефонам, отдавал приказания.

Вернувшись к столу, Сталин повторял вопрос. Он спрашивал то одного, то другого. На некоторых вопросах он останавливал наше внимание, другие задавал попутно, мимоходом.

На обращенный ко мне вопрос, как мы вооружены, обмундированы, какой у нас источник пополнения боеприпасами, я ответил:

— Один источник, товарищ Сталин,— за счет противника, трофеи.

— Ничего,— сказал Сталин,— теперь мы поможем отечественным вооруженным.

А затем спросил меня, почему наш отряд стал рейдирующим.

Я попытался рассказать о тех выгодах маневренных действий, в которых мы убедились на своем опыте борьбы на Сумщине. Выслушав меня, Сталин сказал, что если все это так, если рейды оправдывают себя, то не можем ли мы совершить рейд на правый берег Днепра. Почувствовав, что я затрудняюсь сразу ответить, Сталин сказал:

— Подумайте, — и стал задавать вопросы другим.

О выходе на Правобережную Украину у нас никогда не заходила речь. Мы не смели мечтать об этом, пока фронт был на Волге. Сталин назвал наш отряд рейдирующим. В этом вся суть нашей тактики. Но мы совершали рейды из одного района в другой. А тут предстояло пройти несколько областей, форсировать Десну, Днепр. Масштабы совсем другие. Ну и что же, подумал я. Разве операции, которые мы предпринимали из Хинельских лесов, из Старой Гуты, по своим масштабам не превосходили все, что мы делали на первых порах? Разве летний рейд в Путивле не оставил по своему размаху далеко позади зимний рейд из Хвошоваки? Масштабы наших операций непрерывно расширяются. Сначала мы не выходили из пределов района, потом рейдировали уже по всей северной части Сумской области, а теперь уже вышли из пределов Сумщины. Все преимущество нашей маневренной тактики в том, что мы все время держим инициативу в своих руках, всегда можем нанести удар врагу в самое больное место.

Сталин, разговаривавший в это время с другими, мельком взглянул на меня и сразу, должно быть, по моему виду понял, что я могу уже ответить и жду, когда он обратится ко мне. Повернувшись ко мне, Сталин сказал:

— Пожалуйста, я слушаю вас, товарищ Ковпак.

— Думаю, товарищ Сталин, — сказал я, — что выйти на правый берег Днепра мы можем.

Напротив меня сидел командир другого украинского партизанского соединения — Сабуров. Еще до вылета в Москву мы с ним толковали о совместном рейде. Он сказал Сталину, что тоже хотел бы пойти со своими отрядами на правый берег Днепра.

— А что вам для этого нужно? — внимательно глядя на нас, спросил Сталин.

Мы ответили, что больше всего нам нужны будут пушки, автомааты, противотанковые ружья.

— Все будет, — сказал Сталин и приказал нам тут же составить заявку на все, что требуется для рейда на Правобережье.

Я написал заявку и, подсчитав количество самолето-вылетов, необходимых для того, чтобы перебросить все, что я прошу, ужаснулся — цифра мне показалась огромной: сто самолето-вылетов. «Разве можно сейчас просить столько?» — подумал я и переписал свою заявку, урезав ее наполовину.

И все-таки, передавая свою заявку Сталину, я боялся, что он скажет: «Да, размахнулись вы, товарищ Ковпак». Произошло

совсем по-другому. Взглянув на поданную мной бумагу, Сталин спросил:

— Разве это вас обеспечит?

А когда я сказал, что не решился просить большего, Сталин вернул мне заявку и приказал составить заново.

— Мы можем дать все, что нужно,— сказал он.

Пересоставляя заявку, я подумал, что было бы очень хорошо получить для бойцов сапоги, но решил, что это уже чересчур, и вместо сапог попросил ботинки. Сталин, прочитав новую заявку, тотчас вычеркнул ботинки... «Ну вот, а я еще хотел сапоги просить». Но не успел я выругать себя, как над зачеркнутым словом «ботинки» рукой Сталина было написано «сапоги».

На прощанье, напутствуя нас, Сталин сказал:

— Главное, товарищи, крепче держите связь с народом.— И, улыбнувшись, провел рукой и показал на всех нас, сидящих у стола: — Пока вы наш второй фронт.

Много толковали мы тогда о том, что, конечно, не случайно назвали нас, партизан, вторым фронтом. Нам стало ясно, что на союзников особенно рассчитывать не приходится. Что ж, пришли мы к выводу, у советского народа хватит сил разгромить врага без чужой помощи. Американцы и англичане не торопятся открывать второй фронт в Западной Европе — так мы сами откроем его. Один фронт у нас на Волге, а второй, партизанский, будет за Днепром, во вражеском тылу.

Возвращаясь на самолетах обратно через фронт в Брянские леса, мы были твердо убеждены, что приближаются дни коренного перелома в ходе войны. Приказ на выход в рейд, который мы с Сабуровым прочли под расписку перед вылетом из Москвы, не оставлял на этот счет никакого сомнения.

Нам было приказано выйти в районы Житомирской и Киевской областей. В приказе говорилось, что эти районы, расположенные на Правобережной Украине, с разветвленной сетью железных и шоссейных дорог, с многочисленными переправами через реки, являются в данный момент важнейшими стратегическими объектами. Наша задача состоит в диверсионной работе на этих путях подвоза из Германии живой силы и техники к Волге и предгорьям Кавказа, где происходили тогда решающие бои. Одновременно нам ставилась задача по разведке укреплений, возводимых гитлеровцами на правом берегу Днепра, и тут же указывалось, что этот господствующий берег, несомненно, будет скоро представлять собой плацдарм ожесточенных боев.

Приказ был совершенно секретный. По некоторым вскользь брошенным намекам можно было догадаться, что этот партизанский рейд связывается с какой-то большой, очень скрытно подготовливающейся операцией Красной Армии, что как ни тяжело сейчас на фронте, а надо ждать радостных событий и они произойдут скоро.

Вернувшись в Старую Гуту, я прежде всего рассказал о совещании Рудневу. Только комиссару можно было сообщить пол-

ностью содержание секретного приказа. Мы заперлись с Семеном Васильевичем в трофейном венгерском санитарном фургоне, стоявшем в лесу рядом со штабным шалашом на случай, если кому нужно уединиться, чтобы поработать спокойно.

— Вот,— сказал я, постучав пальцем по карте в районе между речья Волги и Дона,— вот куда мы смотрели. А вот куда нацеливает нас Центральный Комитет,— я очертил пальцем указанные в приказе районы Правобережной Украины.

Наверное, у меня так блестяли тогда глаза, что Семен Васильевич и без слов мог понять, что это означает. Он молча посмотрел на меня.

— Понял? — спросил я.

— Кажется,— ответил Семен Васильевич,— ты хочешь сказать, что мы идем на правый берег Днепра.

— Да, туда идут пока только наши отряды и Сабурова.

Я сказал это так, что Семен Васильевич сразу понял, что означает «пока». Вообще нам не надо было много слов, чтобы понять друг друга.

В дальний путь, на славные дела...

Я прилетел из Москвы с таким чувством, как будто вся наша прошлая борьба, весь ее опыт вдруг приобрели какое-то новое, не предвиденное нами значение, новый, большой смысл. И в то же время мне казалось, что все, что мы делали до сих пор,— только подготовка к тому, что нам еще предстоит.

Действительно, что показал нам собственный опыт?

Труднее всего нам приходилось в оборонительных боях, которые навязывал нам противник. Только в этих боях он мог использовать свое превосходство в численности и технике. Наибольших успехов мы достигали, когда пользовались свободой маневра. Все наши расчеты и планы с момента выхода из Спадчанского леса всегда строились на стремительности марша, скрытности подхода, внезапности нападения. Находясь в движении, маневрируя, имея возможность в любой момент изменить маршрут, мы были неуловимы для врага. Не успевая сосредоточить силы для удара, он уже терял наш след. Даже когда ему удавалось окружить нас превосходящими силами, благодаря своей подвижности мы выскальзывали из кольца.

Насколько же возрастут эти преимущества, когда мы выйдем из ограниченного пространства нескольких смежных районов, по которым мы до сих пор петляли вокруг своих родных сел, когда вырвемся на широкий простор Украины!

Чем больше думали мы, изучая по карте маршрут предстоящего рейда, тем яснее становился нам смысл собственного опыта. Новый приказ Главного Командования Красной Армии как будто сразу осветил нам и предстоящее и прошедшее.

Дело, конечно, не только в рейдах — тактика могла быть и другой: приемов борьбы много. Главное — крепче держать связь

с народом, — помнили мы эти слова. И, действительно, чему мы прежде всего обязаны своими успехами? Разве наша тактика имела бы такой успех, не располагай мы поддержкой народа? Наша борьба — частица всенародной борьбы. В этом наша сила. Разве мы могли бы выйти из Спадщанского леса и свободно маневрировать по всей северной Сумщине, если бы действовали сами по себе, без связи с оставшимися в районах представителями партийных организаций, если бы в селах нас не встречали, как родных сыновей, если бы в каждом колхозе, где останавливались на дневку, не находили десятки и сотни помощников? И, с другой стороны, достаточно было нам пройти через село, чтобы в этом селе народ уже почувствовал себя увереннее, чтобы сопротивление его оккупантам стало активнее, смелее. Там, где во время нашей стоянки создавалась небольшая партизанская группа, к нашему возвращению она вырастала в крупный отряд. Если мы проходили через какое-нибудь село два или три раза, это село называло себя партизанским, туда уже больше ни один предатель не осмеливался показываться: мы были для народа представителями Советской власти, Красной Армии.

Сейчас нам предстоит пройти через несколько областей Украины, сотни сел, проникнуть в глубокий тыл противника, раздуть пламя народной борьбы в районах, где немецко-фашистские захватчики хозяйничают второй год. Мы идем туда как посланцы Советской власти, посланцы Красной Армии, вестники скорого освобождения.

Как не подумать было, какое это произведет впечатление на народ на Правобережье, когда там появятся наши отряды. Немцы кричат, что они разгромили Красную Армию на Волге, вышли на Кавказ, а мы вдруг появляемся на Днестре, на Припяти, появляемся вооруженные, как регулярная часть Красной Армии.

* * *

Сейчас же после возвращения из Москвы у Старой Гуты была подготовлена посадочная площадка для транспортных самолетов, и вскоре на нашем партизанском аэродроме началась выгрузка доставленного нам воздушным путем через фронт оружия и боеприпасов.

Самую большую радость доставили нам 76-миллиметровые пушки. Теперь мы могли ответить оккупантам, безнаказанно разрушавшим нашу славную Старую Гуту. Больно было смотреть, как жители этого села, уходившие на время обстрела в лес, возвращаясь, находили на месте своих хат груды догоравших бревен. Батарея, стрелявшая по Старой Гуте, стояла в глубоком тылу фашистов. Мы пробовали бить по ним из своих пушечек, но безуспешно. Одна только мысль и утешала: скоро и у нас будет настоящая артиллерия! Посмотришь на небо, прислушиваясь, не шумит ли самолет, и подумаешь: пушки летят. И вот действительно прилетели. Их ожидали на аэродроме заранее выделенные в ба-

тарею люди с лошадьми. Одни бойцы выгружают пушки, а другие уже волнуются, кричат:

— А передки где?

Доставили и передки. Ничего не забыла Москва. Даже сбрую для запряжки прислали, па что я не рассчитывал — приказал приготовить самим.

Так как командиром батареи пришлось назначить человека еще нового в отряде, майора Анисимова, который бежал из конопского лагеря военнопленных, то комиссаром к батарейцам мы послали одного из самых авторитетных у нас людей — старейшего партизана, Алексея Ильича Коренева. Похаживает наш Дед Мороз возле орудий и смеивается, вспоминая, как в гражданскую войну партизаны стреляли из самодельных пушек.

— Два пальца вправо — огонь по гадам. Два пальца влево — огонь по гадам!

Я встревожился: если наши артиллеристы будут стрелять таким дедовским способом, ненадолго нам хватит присланных из Москвы снарядов.

Пересчитали мы все снаряды и стали думать, как их поэкономнее расходовать; когда их еще пришлют и пришлют ли. Решили, что в партизанских условиях артиллеристы должны стрелять исключительно прямой наводкой и не стесняться подтаскивать пушки к самому противнику, бить в упор, чтобы ни один снаряд не пропал даром.

— Может быть, это покажется кому-нибудь невозможным, артиллеристы имеют привычку стрелять издалека,— сказал я Алексею Ильичу,— но ты старый большевик и, значит, обязан следить, чтобы выполнялись партизанские требования.

Так и был подобран весь личный состав батареи. Кроме умения стрелять и смелости, наш батареец должен был обладать еще и большой физической силой. Ведь на лошадях не подвезешь пушку к противнику, чтобы бить по нему в упор,— надо ночью подтащить ее на руках.

Командиром одного из орудий был назначен Давид Ильич Бакрадзе, сержант, по специальности инженер-механик. Он бежал из немецкого плена. Партизаны полюбили его прежде всего за доброту и искренность. Всем было приятно, что среди нас, украинцев, белорусов, русских, появился человек грузинской национальности. Понравился он и тем, что обладал поистине богатырской силой. До него самым сильным человеком среди наших партизан считался Кульбака, командир глуховцев. Узнав об этом, Бакрадзе сейчас же своим громовым басом вызвал Кульбаку на поединок, сказал, что поборет его одной рукой, и действительно вмиг положил на обе лопатки к всеобщему восторгу партизан. Когда Бакрадзе получил назначение в батарею, артиллеристы, смеясь, говорили:

— Теперь нам и коней не треба. Давид-грузин на руках перетаскивает все пушки.

Еще больше полюбили партизаны Бакрадзе, узнав его побли-

же. В богатырском теле жил богатырский дух. Боевой приказ был для него святая святых. У него была страсть к точности, он делал все, как по чертежу.

Вместе с пушками и снарядами прибыли на наш аэродром противотанковые ружья, автоматы, патроны, медикаменты, обмундирование.

Среди этих посылок были и пачки с литературой, листовки. Для выполнения нашей задачи это оружие было не менее необходимо, чем пушки. На партийных собраниях вопрос ставился так: в рейде каждый боец должен быть агитатором и пропагандистом — ведь там, куда мы идем, народ второй год не слышал правдивого советского слова.

* * *

Всем не терпелось испробовать пушки в бою, ударить по немцам, запиравшим нам выход из леса. Прежде всего хотелось ударить по этой проклятой батарее, варварски обстреливавшей Старую Гуту со стороны хутора Лукашенковского. Как только артиллерия была доставлена с аэродрома, мы тотчас вывезли пушки на передовые заставы и в первую же почь начали наступление на противника, занимавшего здесь укрепленную оборону с системой опорных пунктов, дзотов и других фортификационных сооружений.

Я пошел сам с батареей, чтобы на практике окончательно, раз навсегда договориться с артиллеристами, как следует экономить снаряды.

— После трех снарядов там ничего не должно остаться, — говорил я, показывая на цель.

Артиллеристы быстро поняли, как надо действовать, и постарались, пользуясь темнотой, подтащить свои пушки к немецким дзотам на такое расстояние, чтобы ни один снаряд не пропал даром.

Впервые приходилось нам наступать на укрепленную оборону противника, преодолевать заграждения, штурмовать дзоты. Противник оказывал сильное сопротивление, но когда загремели наши пушки, партизан ничто уже не могло удержать. Мы выбили немцев из хутора Подслы и продвинулись за ночь километров на пять. Фашистам пришлось убрать свою батарею, стоявшую на позициях у хутора Лукашенковского, отодвинуть ее подальше. Теперь вражеский огонь уже не досягал Старой Гуты.

Подготовка к рейду на правый берег Днепра была завершена пробным выходом. Члены комиссии, проверявшей готовность к походу, придирались к каждой мелочи, которая могла бы помешать в пути, затруднить или демаскировать движение колонны, например: сильно стучат колеса, с повозок маловат. Чтобы взять с собой побольше боеприпасов, с повозок снимали все, без чего можно обойтись в пути. Бойцы, ничем так не дорожившие, как боеприпасами, готовые все выбросить из карманов, чтобы только взять

с собой побольше патронов, на этот раз особенно постарались: при прощании старогутовцы получили от нас на память много подарков — партизаны раздаривали все, что имели.

Некоторым бойцам и командирам перед выходом в рейд пришлось расстаться со своими семьями. К этому времени в нашем обозе собралось уже немало партизанских семей. Одни сами бежали к нам, других вывезли наши люди, когда отряды проходили неподалеку от родных сел. Семьи обременяли нас, загружали обоз, но нельзя было отказать в приюте женщинам и детям, за которыми охотились гитлеровские палачи, и партизаны возили их с собой. Теперь решено было отправить семьи вместе с тяжело-ранеными в Москву. Мы посадили их на те самые самолеты, которые доставили нам вооружение, и пожелали счастливого пути.

Проводил свою семью и Руднев — жену и младшего сына, а старший, Радик, остался в отряде. Радик провожал мать и младшего братишку пешком несколько километров. Вернулся он расстроенный, колота по голове Зевко, которого нес на руках, так как тот все порывался бежать за Домникой Даниловной. Эта овчарка очень привязалась к жене Руднева, после ее отъезда собака заскучала и вскоре куда-то исчезла.

В ночь на 26 октября 1942 года партизанское соединение вышло на ступило в рейд на Правобережье. Много старогутовцев вышло на дорогу, по которой бесшумно двигалась лесом партизанская колонна. Долго стояли люди, провожая наших хлопцев «в дальний путь, на славные дела», как поется в нашей любимой песне.

На несколько километров растянулась колонна. Впереди — конная разведка с квартирными, на некотором расстоянии — головная походная застава. Затем — авангард. За ним — несколько порожних подвод для сбора трофеев. Следом за трофейными подводами — рота боковых заслонов, чтобы при переходе железных и шоссейных дорог прикрывать колонну с обеих сторон. Авангард замыкается ротой маяков. Эта рота выставляет на перекрестках бойцов, которые указывают направление движения.

В голове основных сил — батарея и все тяжелое вооружение — минометы, крупнокалиберные пулеметы, бронебойки. Затем — штаб на верховых конях с группой связанных от всех подразделений, подводы радистов, хозчасть, санчасть с госпиталем на колесах и все остальные роты, за исключением двух, которые составляют арьергард и движутся далеко позади. Арьергардные, так же как и авангардные, роты усилены 45-миллиметровыми орудиями и бронесбойками. Такое построение на марше давало возможность в любой момент занять круговую оборону.

Укрепленная линия противника, блокировавшего Брянские леса, была преодолена без боя. Под покровом темноты партизанская колонна в полной тишине прошла мимо разгромленных в последнем бою опорных пунктов противника, и к утру мы были уже далеко от Старой Гуты.

Десна, Днепр, Припять

Выходя в рейд, командиры и политработники больше всего были озабочены поддержанием строгой дисциплины марша. Мы добивались, чтобы ночью колонны не видно было и не слышно. С курением, с разговорами на марше велась беспощадная борьба.

Первые две ночи марша прошли в такой тишине, что отойдешь от дороги на несколько десятков шагов — и уже ничего не слышно, хотя по дороге двигаются сотни повозок.

Днем отдых в лесу, варка пищи, ночью — скрытый марш, стремительный бросок на сорок — пятьдесят километров.

На третью ночь тишина была нарушена — противник попал на наш след, и мы двигались дальше уже с «треском и шумом», как говорили партизаны, то есть подрывали мосты, водокачки, стрелки на железнодорожных путях, уничтожали склады противника и его охрану.

Первый удар во время рейда был нанесен на станции Ямполь. Три партизанские роты под командой Цимбала, разгромив немецкий гарнизон станции, вывели из строя все ее дорожное хозяйство, взорвали все вагоны, стоявшие на путях, подожгли тысячи тонн заготовленного оккупантами сена. После этого оккупанты, собрав несколько гарнизонов из соседних районов, пытались атаковать партизанское соединение, остановившееся на дневку в лесу у села Червона Дубрава. Противник был отброшен нашими заставами.

Дальше маршрут рейда проходил неподалеку от Кролевца. Мы миновали его, не задерживаясь, а чтобы немецкий гарнизон Кролевца не вздумал напасть на нас сзади, я приказал артиллеристам припугнуть его. Они развернули орудия, встали на позиции и ударили изо всех стволов. Огонь был прицельный, так как наши разведчики перед этим уже побывали в городе и знали, где расположен вражеский гарнизон. Несколько разведчиков было послано в Кролевец для проверки точности попадания снарядов. Они удостоверили, что наши батареи не промахнулись. Огневой палет артиллерии произвел на оккупантов в Кролевце сильное впечатление. Пока они там метались в панике, мы беспрепятственно двигались на запад и вступили в Черниговскую область.

Однажды по пути из Старой Гуты на отдаленную партизанскую заставу, пробираясь лесом на коне, я натолкнулся на людей, расположившихся табором на берегу небольшой лесной речки.

Только я остановился здесь, чтобы напонть коня, как ко мне подошли несколько женщин и, назвав меня по фамилии, стали просить, чтобы я выступил у них в таборе, сделал народу доклад. Соблюдая необходимую во вражеском тылу конспирацию, я никогда не называл своей фамилии незнакомым людям.

— Обознались, бабы, — моя фамилия вовсе не Ковпак, а Сидоренко.

Женщины засмеялись:

— То не важно: Ковпак или Сидоренко,— и потащили меня к себе в табор.

Пришлось мне подняться на телегу, выкаченную на середину табора, и выступить перед народом.

— Я, товарищи, не отказываюсь сделать доклад,— сказал я,— но убедительно прошу вас поверить, что я вовсе не Ковпак.

Слышу, бабы захихикали, и вдруг одна закричала:

— Да брось ты прикидываться... Мы ж тебя як облупленного знаем, Сидор Артемович. Глянь — свои же люди все.

Я стал всматриваться в окружающие меня лица и не удержался, сам засмеялся, куда ни глянешь — все знакомый народ.

Многих из этих женщин я знал, когда они еще в селах жили, по своим хатам. Одни выпекали для наших партизан хлеб и на глазах у захватчиков возили его в лес; наверху воза — сено, а внизу — буханки. Иных я не раз встречал в партизанском лагере — они приносили записки от подпольщиков: где сколько полиции, где новый немецкий гарнизон, сколько солдат, орудий, танков, где склады боеприпасов, какие эшелоны идут по железной дороге. У той я сам как-то на первых порах в клуне прятался, и она тайком, огородами, по одному приводила ко мне нужных людей, а та, что стоит рядом с ней и хохочет, прошлой зимой весь отряд спасла от окружения — провела партизан оврагами по пояс в снегу между немецкими заставами, и гитлеровцы потом метались из стороны в сторону — не могли понять, куда исчезли партизаны, не провалился же весь отряд в сугробы. А ребятишки, что на деревья позабирались, свесились вниз и кричали: «Мы ж тебя, дед, еще издалека признали». Так это же те самые хлопцы, что патроны в лесу собирали из-под снега или выкрадывали их у немцев и приносили в подолах рубах, когда в отряде не оставалось боеприпасов, а надо было готовиться к бою.

Как приятно было подумать, что из сотен этих людей, собравшихся в лесу, нет, наверное, ни одного, который когда-нибудь чем-нибудь да не помог нам, партизанам.

Это было на родной Сумщине. Но теперь мы вступили в районы, где нас никто не знал, куда не проникали даже наши дальние разведчики. Как-то встретит нас народ здесь?

У Коропа нам предстояло переправиться через Десну. Противник тут уже подготовился к встрече партизан. Наша разведка донесла, что на подходах к мосту немцы создали линию полевой обороны. Задумав дать нам здесь бой, немецкое командование для усиления обороны сняло охрану моста, посадило ее в окопы. Нам пришла мысль воспользоваться этим, чтобы захватить мост без боя. Решили спросить у жителей, нельзя ли как-нибудь выйти к мосту, миновав вражеские окопы.

В соседнем с городом селе Вольное первая же женщина, которой был задан этот вопрос, сама вызвалась проводить нас к мосту обходной дорогой.

— А артиллерия пройдет? — спросили ее.

— И танки пройдут,— ответила она.

Мы не стали говорить, что у нас нет танков,— пусть пронесется слух, что мы идем с танками: больше паники будет среди оккупантов.

Она провела нас к мосту берегом реки. Рядом немцы, вот-вот они могли обнаружить двигавшуюся в темпоте колонну и открыть огонь, а эта смелая женщина шла впереди колонны совершенно спокойно, как будто на базар. Я спросил ее фамилию. Она ответила мне точно так же, как та колхозница, которая выводила нас оврагами после боя в селе Веселом, а когда я, наставляя, стал говорить, что она заслуживает того, чтобы ей была объявлена благодарность в приказе, проводница сказала смеясь:

— Придет время, и, может быть, встретимся, тогда узнаем друг друга и поблагодарим, а пока я не спрашиваю вашей фамилии и вы не спрашиваете моей.

Я вспомнил тогда случай в Брянском лесу, неудачную попытку выдать себя за другого и подумал, не посмеивается ли эта женщина над нашей партизанской конспирацией, которая, по правде сказать, бывала иногда довольно наивной.

У меня осталось впечатление, что эта простая украинская колхозница прошла уже хорошую школу нелегальной работы, что это настоящая подпольщица¹. И сколько таких безмянных помощников и помощниц пашли мы на своем пути через оккупированные немцами районы Украины!

Не потому ли, думается мне, в самые тяжелые дни на душе иной раз бывало так легко, светло, свободно, как в мирное время, в хороший летний вечер, когда возвращаешься из поездки по району и райисполкомовский рысак мчит тебя на линейке по наезженной дороге среди массивов пшеницы, обещающей обильный урожай, и, вспоминая разговоры с колхозниками, забываешь о всяких мелких неурядицах, неувязках, недочетах и думаешь: с таким народом горы можно свернуть!

Прощаясь с отважной проводницей, наш веселый разведчик Миша Черемушкин пошутил:

— Гражданка, не знаю, как вас по имени, вы нас очень хорошо провели под носом у немцев, за это вам спасибо,— но, может быть, вы знаете и дорогу в Берлин?

Женщина не растерялась, ответила хлопцу в тон:

— Как не знать — знаю! Подыметесь вверх от берега, дойдете до шляха, возьмете влево, и этот шлях вас прямо до Берлина доведет.

Сотни подвод партизанского обоза бесшумно прошли в тылу немцев, которые, сидя в окопах, поджидали нас с противоположной стороны. Они узнали о нашей переправе через Десну, когда, пропустив последнюю подводу, наши подрывники взорвали мост. Чтобы затруднить немцам преследование, мы разослали по берегу

¹ После освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков помощник начальника штаба нашего соединения Герой Советского Союза В. А. Войцехович ездил в село Вольное, чтобы узнать имя этой колхозницы. Ее зовут Александра Кондратьевна Прохоренко.

несколько групп бойцов, и они уничтожили на реке все паромы и лодки в радиусе пятнадцати километров.

Черниговскую область партизанское соединение прошло без боев. Здесь, так же, как и на Сумщине, были целые районы, контрролируемые партизанами, партизанские столицы, как Старая Гута, села, заросшие бурьяном пожарища, из которых все жители ушли в леса.

Все черниговские партизаны, с которыми мы встретились, называли себя щорсовцами. Тогда в народе мало кто знал подлинное имя ныне дважды Героя Советского Союза Алексея Федоровича Федорова — секретаря Черниговского подпольного обкома партии, оставшегося в своей области на подпольной работе и, как Щорс в свое время, собравшего вокруг себя тысячи партизан. Щорс в своем соединении тоже собирался в рейд на Пра-И Федоров со своим соединением тоже двигались из Брянских вобережье. В том же направлении уже двигались из Брянских лесов отряды Александра Николаевича Сабурова. Не одни мы шли по заданию Главного Командования Красной Армии. Вместе с нами передвигались на запад большие партизанские массы. 7 ноября наши отряды вышли на берег Днепра, к месту впадения в него реки Сож, и остановились в лесу против города Лосва.

Здесь мы услышали по радио передачу, посвященную 25-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Надо было видеть, как загорелись глаза у наших хлопцев, как все многозначительно переглядывались, когда эти слова разнеслись по отрядам, готовившимся к переправе через Днепр. Предчувствие радостных событий у меня было уже в Москве после приема в Кремле. Тогда мы поняли, что самое тяжелое осталось позади. Когда я вернулся в Брянские леса, мое настроение сразу передалось всем, хотя ничего определенного сказать людям я не мог. И вот вдруг в далеком пути до нас донеслись из Москвы эти слова. Я подумал: вот ведь партия говорит сейчас уже открыто всему народу то, на что нам тогда в Кремле только намекалось. Все мы поняли услышанную радиопередачу так: «Смело, товарищи, шагайте через Днепр, не оглядывайтесь назад, не беспокойтесь — все в порядке, будьте уверены, что все идет так, как предполагалось».

Как не вспомнить было в этот день прошлогодние Октябрьские праздники, проведенные в глуши Спадщанского леса под родным Путивлем. Тогда нас было несколько десятков бойцов, мы жили в землянках, как в волчьих норах, ставили вокруг мины, на которых иногда сами же подрывались. Когда к нам приходили люди, бродившие в лесных дебрях в одиночку, мы говорили им, что нечего падать духом — надо бороться, а сами спрашивали себя: что будем делать завтра, если каратели опять начнут прочесывать лес — патронов больше нет, израсходованы последние, взрывчатка тоже на исходе, фронт отодвигается все дальше на восток. Принимая решения на первые боевые задачи, я говорил, посмеиваясь над своей неопытностью в таких делах:

— Партизанская тактика еще не разработана, прежде чем задачу решить, треба хорошенько головой об сосну постучать.

Нет, просто не верилось уже, что это было всего год назад. Мы думали тогда о Москве, о Красной Армии, как о чем-то далеком-далеком, а сейчас вот идем на запад как частица Красной Армии, как ее разведка, как посланцы народа.

Мысль, что мы посланцы народа — под этим лозунгом проходил наш рейд на Правобережье,— подняла людей в собственных глазах, некоторых просто узнать нельзя было — люди изменились и внешне и внутренне.

Еще перед выходом из Брянских лесов партизанские группы были переименованы в роты, отряды — в батальоны, а названия подразделений заменены порядковыми номерами. Это было сделано с целью маскировки и дезинформации противника: до сих пор отряды наши назывались по районам своих формирований, что позволяло противнику сразу определять, с кем он имеет дело. Но очень многие партизаны поняли смысл переименования иначе. Они увидели в этом признание своих заслуг, признание за партизаном права считать себя воином Красной Армии.

Коротким был наш праздничный митинг в лесу, на котором я зачитал приветственную телеграмму, полученную нами в тот день по радио из Москвы.

Одним желанием горели все: скорее перейти через Днепр, скорее выйти в районы, куда направило нас Верховное Командование, приступить к выполнению его заданий.

Никаких средств переправы, кроме нескольких рыбацких лодок, найденных в прибрежных деревнях, мы не имели. Курсировавший тут паром оккупанты угнали к правому берегу, в город. Поэтому решили, как только стемнеет, рота автоматчиков переправится на правый берег вплавь, захватит паром и обеспечит переправу отрядов.

Через два часа мне доложили разведчики:

— Товарищ командир, переправа готова.

— Где паром? — спросил я.

— Тут, у берега, пригнали его.

Мне все-таки не верилось, подозрительно было, что ребята так быстро справились с заданием. Послал конных на берег проверить. Прискакали назад, докладывают то же самое:

— Паром пришвартован к левому берегу.

Автоматчики переправились на правый берег в полночь; к двум часам захваченный врасплох вражеский гарнизон Лоева был уничтожен, в три часа началась переправа отрядов.

Мы торопились перебраться через Днепр, так как на реке появилось уже «сало», но переправочных средств было мало, и пришлось задержаться в Лоеве на трое суток. Артиллерия и обозы переправлялись на пароме, бойцы — на лодках, а лошади — вплавь.

Наше появление на правом берегу Днепра явилось для гитлеровцев неожиданностью. Вблизи Лоева сколько-нибудь крупных сил у них не оказалось. Противнику пришлось наскоро собирать мелкие гарнизоны, и только на другой день, когда переправа шла

уже полным ходом, к Лоеву подошел отряд оккупантов, человек двести на автомашинах с несколькими броневиками. Наша передовая застава, выдвинутая за город, отбросила противника. Передовая продолжалась безостановочно. Одни роты переправлялись, другие прикрывали их. На третий день враги пытались атаковать переправу силами батальона, но были рассеяны огнем нашей артиллерии, переправившейся в Лоев вслед за первыми ротами.

Жители города, не понимавшие, откуда вдруг появилась такая масса партизан, да еще с пушками, сначала робко выглядывали из окон, но быстро ожили. Как гитлеровцы ни запугивали народ, ни дурили людям головы, но затрепетал красный флаг, поднятый на пожарной вышке, грянула гармонь, пустились партизанские деды в пляс, я тоже не удержался — и праздничное веселье разлилось по всему городу.

В Лоеве у оккупантов были склады. Мы созвали к ним население, стали раздавать продовольствие, промтовары, давали каждому столько, сколько он мог унести, и не отказывали, если человек приходил второй раз.

Одновременно с нами к Днепру подошло партизанское соединение Сабурова, которое тоже переправлялось на тот берег.

Зима уже набирала силы, морозило все крепче. Мы опасались, что еще день, другой — и Днепр прихватит ледком, тогда на лодках не поплывешь, а между тем гитлеровцы уже надвигались со всех сторон.

Бывает так: нависают тучи, черные, грозовые, воздух становится невероятно тяжелым, давит на сердце, дышать трудно, ждешь — сейчас разразится страшная гроза, но нет — ветер уносит тучи, кружит их, и только вдали погромыхивает, молнии блещут. Вроде этого было и в Лоеве. Думали мы — не пустят нас захватчики на Правобережье без сильного боя, ударит гром; но гроза так и не собралась. Погромыхало, посверкало вокруг, на заставах, и этим обошлось.

Вечером 10 ноября наше партизанское соединение, сосредоточившись на правом берегу Днепра, двинулось дальше по маршруту своего рейда. По-прежнему неподалеку от нас шел со своими отрядами Сабуров.

Наш путь лежал через Полесье в район Олевска, откуда мы должны были нанести удар по важнейшему на Правобережье железнодорожному узлу — Сарны. Для того чтобы войти в этот район, предстояло переправиться еще через Припять.

Быстрота продвижения имела сейчас решающее значение. Выход крупной партизанской массы на правый берег Днепра заставил немецких оккупантов забить тревогу. Надо было проскочить через Припять раньше, чем гитлеровцы сумеют сосредоточить против нас крупные силы.

Мы вышли к Припяти 18 ноября. По пути взорвали мост на железной дороге Гомель — Калинковичи, уничтожили путевое хозяйство станции Демехи и несколько тысяч метров телефонной связи.

Припять уже замерзла, но ледяной покров был еще очень неустойчивым, толщиной всего в 5—10 сантиметров. У села Юревичи, куда отряды вышли для переправы, лед лежал между промоинами полосой от одного берега к другому, как наплавной мост. Местные жители сказали, что пока еще никто не решался переезжать реку по льду. Неподдалеку в большой, во всю ширину реки, промоине стоял паром. Мы стали переправлять на нем артиллерию, а людей и обозы решили попытаться переправить по льду.

Спустили на лед одну подводу, и проба показала, что если переправа будет проходить в полном порядке, с соблюдением дистанции между бойцами и подводами в 10—15 метров, то лед может выдержать. Но выдержат ли люди, сохранят ли необходимую дистанцию? Это требовало большого хладнокровия, так как противник уже наседавал на арьергард.

Путьльський отряд переправился по тонкому колеблющемуся ледяному мосту без каких-либо осложнений. Потом положение ухудшилось — вода выступила из промоин и начала растекаться по льду. К тому же батальон противника, прибывший на автомашинах в район переправы, пошел в наступление. Гитлеровцы атаковали Глуховский отряд, стоявший заставой в поселке Большие Водовичи. Однако порядок переправы не был нарушен, положенная дистанция по-прежнему строго соблюдалась. В то время как часть Глуховского отряда переправлялась, остальные группы огнем из пулеметов и минометов заставили противника залечь. Кролевцкий отряд, ожидавший своей очереди на переправу, пошел в контратаку и ударом во фланг обратил врага в бегство.

Последние группы партизан форсировали Припять ночью по льду, залитому водой. Все обошлось благополучно, если не считать маленькой неприятности с волами, которых никак нельзя было заставить соблюдать необходимую дистанцию. Несколько сгрудившихся животных провалилось в воду. Но это произошло недалеко от берега, и волы все-таки выбрались на сушу.

В Полесье о партизанах складывались легенды. Наша переправа через Припять тоже вскоре стала легендой. Эту легенду о чудесном ледовом мосте мы слышали потом не раз. Старики рассказывали, будто бы дело было летом. Фашисты большими силами, с танками навалились на партизан, прижали их к Припяти и хотели потопить. Партизаны задумались, как им переправиться на тот берег; не было у них ни лодки, ни плотов, а река широкая, глубокая. И вдруг смотрят они и не верят своим глазам: солнце печет, жара, а на Припяти лед появился, с одного берега на другой — ледяная дорога идет. Попробовали ступить — лед крепкий, как в самые лютые морозы, не трещит, не гнется. Перешли партизаны на тот берег, и когда последний боец ступил на землю, ледовый мост тотчас растаял, будто и не было его.

В глуши Полесья

Мы вышли в рейд из Брянских лесов на Правобережье с мыслью, подсказанной приказом Верховного Командования, что недалеко уже то время, когда наступит коренной перелом в ходе войны. Всех нас очень воодушевляло сознание того, что в выполнении замысла Командования и мы, украинские партизаны, должны будем сыграть свою роль. И вот это время наступило.

Как раз в те дни, когда партизанское соединение вышло в район Олевска, на границу Украины и Белоруссии, и подрывники отправились к Сарнам для взрыва железнодорожных мостов на реках Горынь и Случь, наши радисты приняли весть из Москвы о переходе Красной Армии в решительное наступление на берегах Волги. Наш удар в глубоком тылу противника по его важнейшим коммуникациям нанесен одновременно с ударом Красной Армии на решающем участке фронта.

Опять Григорий Яковлевич Базыма со своим помощником Васей Войцеховичем раскладывают в штабе карту, на которой Волга, Дон; опять мы собираемся вокруг этой карты, старинки надевают очки и ищут населенные пункты, названные в последней сводке. Но думы у нас уже совсем другие. Раньше нас все тревожило, что фронт далеко, мы все измеряли расстояния до него, а сейчас смотришь на те же пункты, на Волгу, Дон и думаешь: какие масштабы! Вот ведь и там, и здесь, в Полесье, на фронте и в глубоком вражеском тылу, борьба идет по одному плану — как все накрепко связано в один узел!

Да, наступает праздник и на нашей улице, радостно на душе. Далеко ушли мы от своей базы, а чувства оторванности не было у нас теперь и в помине. Казалось, что расстояния не имеют уже значения.

Когда партизанское соединение перешло Припять, гитлеровские войска, разбросанные в Полесье небольшими гарнизонами по местечкам, окруженным труднопроходимыми лесами и болотами, начали рыть окопы и приспособлять для обороны все каменные здания.

Опорным пунктом оккупантов в этом глухом районе Полесья был город Лельчицы на берегу реки Уборть. При нашем приближении в Лельчицах поднялась суматоха: спешно приспособлялись к обороне каменные здания центральной части города, строились оборонительные сооружения в парке, все немецкие прислужники перебирались с окраин поближе к немецкой комендатуре.

Штаб нашего соединения остановился в селе Стодольчи. Это село было захвачено нами с ходу. Сбежавшая полиция оставила здесь в полной сохранности узел связи. Телефонистки сидели на своих местах. Я решил воспользоваться этим и приказал связать меня с немецкой комендатурой в Лельчицах. Потребовал коменданта, но его не оказалось. Со мной разговаривал какой-то офицер, довольно прилично изъяснявшийся по-русски. Этот волк уже напаялил на себя овечью шкуру и научился блеять.

— Что вы хотите? — спросил он, когда я сказал, что с ним разговаривает командир части Красной Армии, действующей в тылу немцев.

— Хочу, чтобы и духа вашего не оставалось на советской земле, — ответил я.

— Да, собственно говоря, я и сам не прочь поехать домой, — сказал он.

— В чем же дело?

— Да, видите ли, у меня есть начальник, и разговаривать с ним на эту тему совершенно невозможно — он фашист.

— А вы кто такой?

— Я просто немецкий офицер.

— Приказываю гарнизону сложить оружие, в противном случае все вы без различия будете уничтожены.

— Хорошо, я передам ваш ультиматум моему начальнику.

Район Лельчиц, окруженный лесами и болотами, которые подходили с севера к магистрали Ковель — Киев и к железнодорожному узлу Сарны, был для нас очень удобен как база для действий на вражеских коммуникациях. Поэтому, несмотря на то, что оккупанты в Лельчицах уже успели подготовиться к обороне и, следовательно, рассчитывать на внезапность нападения, что всегда было для нас вернейшим залогом успеха, тут уже не приходилось, мы все же решили во что бы то ни стало уничтожить лельчицкий гарнизон.

В ночь на 26 ноября партизанские роты подошли лесами к Лельчицам с разных сторон и, быстро заняв окраины, окружили гитлеровцев, засевших в каменных домах центра города и в парке, где были вырыты окопы и сооружен дот. Вот когда пришлось поработать нашим артиллеристам! И поработали они на славу. Под прикрытием ночи батареи подтащили свои пушки на 80—100 метров и на рассвете открыли огонь прямой наводкой. Окопы в парке взяли под обстрел минометчики. Несколько часов продолжался ожесточенный бой. Фашисты, поняв, что им не уйти, сопротивлялись бешено.

В разгар этого боя была смертельно ранена в живот комсомолка Маруся Медведь, полная, красная восемнадцатилетняя девушка. Она вступила в отряд еще в Спидшанском лесу. Сначала Маруся воевала рядовым бойцом, потом ее взяли на курсы медсестер, организованные при санчасти соединения. Любили эту девушку партизаны — смелая была: участвовала во всех боях своей роты, перевязывала раненых под огнем, не торопясь, не волнуясь, как будто пули не могли ее задеть. И вот бойцы принесли Марусю на руках к моему командному пункту, находившемуся на окраине Лельчиц. Тут же был и медпункт. Дина, осмотрев рану, не могла скрыть, что состояние Маруси безнадежное. Она умирала в страшных муках.

Только стало известно об этом в ротах, штурмовавших вражеские укрепления, как разнеслась весть о том, что смертельно ранена в бою другая наша медсестра Тамара Литвиненко, тоже

храбрая и красивая девушка из Путивльского района, высокая, гибкая, как лозинка, со светлыми ласковыми глазами. Ну, тут даже бойцов нельзя было удержать — стали мстить за наших девушек. Был уничтожен весь вражеский гарнизон, вся полиция, сбежавшая из соседних сел, — несколько сот человек. Спасся, кажется, только один начальник гарнизона, под каким-то предлогом укативший из города сразу после того, как ему стал известен наш ультиматум.

Утром над Лельчицами появились немецкие самолеты, и вскоре со стороны Овруча показались автомашины с вражескими подкреплениями. Опоздали эти подкрепления: партизаны полностью овладели городом и успели подготовиться к встрече со свежими силами противника. Вражеская колонна была разгромлена раньше, чем она подошла к Лельчицам. После этого мы занялись раздачей населению продовольствия, лежавшего на немецких складах. У гитлеровцев имелись в городе большие запасы зерна и картофеля.

Уничтожив лельчицкий гарнизон, мы тем самым очистили от оккупантов большой район Полесья. В этом районе до нас действовало много разрозненных партизанских групп. Как только мы пришли сюда, они стали объединяться, и вскоре тут появилась целая партизанская бригада.

27 ноября партизанское соединение расположилось в полесских селах Глушкевичи, Милашевичи, Прибыловичи. Это — в лесах между Лельчицами и Олевском, вблизи железной дороги Сарны — Коростень, на границе Белоруссии и Украины. Отсюда группы наших подрывников нанесли удар по сарненскому железнодорожному узлу. Было взорвано девять больших железнодорожных мостов на участках Сарны — Луцинец, Сарны — Ковель, Сарны — Ровно, Сарны — Коростень, то есть нарушено движение на всех дорогах, скрещивающихся в Сарнах. Работа сарненского железнодорожного узла была полностью парализована на полтора месяца.

Эта операция получила у нас название «Сарненский крест». Все мосты были взорваны одновременно пятью ударными группами, выступившими из Глушкевичей в ночь на 30 ноября. У каждого моста происходило одно и то же. Наши группы появлялись внезапно и бросались на штурм с возгласами: «За Родину!» Немецкая охрана нигде не успела открыть огонь. Партизаны уничтожили ее, не потеряв при этом ни одного человека.

После взрывов мостов подрывники развесили на уцелевших звеньях огромные кормовые тыквы: взрывчатых веществ не хватило — пришлось схитрить. Как и рассчитывали партизаны, немцы решили, что тыквы не зря повешены, что внутри их, несомненно, находятся адские машины. Потом об этих тыквах ходили легенды. Крестьяне рассказывали нам, что специальная техническая комиссия немцев больше недели ломала себе голову, пытаясь разгадать секрет механизма скрытых в тыквах мин. И подойти к ним боялись, издали все разглядывали в бинокль, расстрелять

не решались: как бы не взлетело в воздух и то, что уцелело от моста.

Штаб партизанского соединения все это время стоял в Глушкевичах. Это большое село с нашим приходом после разгрома немецкого гарнизона в Лельчицах стало центром целого партизанского района. Глушкевичи были связаны телефоном со всеми селами, в которых стояли наши отряды. Отсюда принятые партизанской радиостанцией сводки Совинформбюро, сообщения о победах Красной Армии под Сталинградом распространялись по всему южному Полесью. Эти сводки, как боевой клич, поднимали народ на борьбу с захватчиками.

Жители соседних сел Боровое, Шугалей, Рубеж постановили на общих собраниях закрыть для движения врага все дороги и сейчас же приступили в своем районе к разборке мостов и устройству завалов. Польское население Будки-Войткевицке еще до нашего вступления в эту деревню вынесло на собрании решение произвести сбор мяса, картофеля и фуража для партизан.

В Глушкевичах к нам пришел небольшой партизанский отряд из села Ельск. На наших глазах этот отряд, насчитывавший несколько десятков бойцов, вырос до 200 человек. Мы вооружили его, подучили и отправили обратно в свой район для самостоятельной работы.

Непрерывно росли и ряды наших батальонов. Одна группа добровольцев в несколько десятков человек подошла к нашему штабу строем под командой.

— Прибыло пополнение, — отрапортовал мне командир.

Взрывы железнодорожных мостов вокруг Сарн всполошили немцев, но они не могли сразу ответить ударом на удар: не было вблизи достаточно сил для этого. Прошло около месяца, прежде чем немецкое командование подготовилось к операции против нас.

22 декабря, сконцентрировав в районе села Хочин крупные силы отборных частей СС и жандармерии, немцы повели наступление на Глушкевичи. Наступало пять батальонов двумя группировками, с запада и юго-востока. После ожесточенного боя, продолжавшегося непрерывно день и ночь, нам пришлось оторваться от противника.

На «Сарненский крест» мы израсходовали весь запас взрывчатки, да и прочие боеприпасы были на исходе. Надо было искать подходящее место для аэродрома, чтобы принять самолеты из Москвы. Мы решили уходить на север, в самую глушь Полесья, в гнездовья белорусских партизан.

Избранный нами маршрут проходил через село Букча, Туровского района. Это село оказалось занято батальоном немцев. Мы рассчитывали прорваться через Букчу, опрокинув немецкий гарнизон внезапным ударом с ходу, — не удалось. Передовые роты партизан на подступах к селу были встречены ураганным огнем из домов, в которых гитлеровцы уже успели укрепиться. Партизанам, третьи сутки не имевшим ни минуты отдыха (бой, потом ночной

марш), чтобы пробить себе дорогу через село, пришлось каждый дом брать штурмом, выбивать из него врагов пушками.

Кровопролитие в Букче было сильное. Партизаны сходились с противником врукопашную. Разгорячившись, я скинул с плеч свою длиннополую на меху шубу. Ее подхватил один командир. Он тут же был тяжело ранен. Когда его понесли в санчасть, по ротам разнеслась весть, что это меня несут: шуба была приметная, единственная в отряде, трофейная. Потом многие удивлялись, чего это я во время боя в Букче ходил по улице. Надо было, чтобы люди видели, что командир жив.

Двадцать часов вели мы в Букче бой, пока не прорвались через село, разгромив немецкий гарнизон. Из Букчи двинулись на село Тонеж. Немцы еще раз попытались преградить нам дорогу на север. Из Турова наперерез партизанам двигался сборный батальон врага. Он спешил на помощь своим в Букчу, но опоздал. Мы столкнулись с ним на подходе к селу Тонеж и коротким ударом частью перебили, частью рассеяли.

Опять на нашем пути оказалась Припять. В ноябре мы подошли к ней с севера, теперь подходили с юга. Сколько уже петель сделали мы на Украине — это еще одна.

Январь наступал, лед на реке был крепкий, по все-таки под тяжестью нашего обоза местами начал проламываться. Хорошо, что бойцы запаслись жердями и веревками — было за что ухватиться, когда проваливались в полынью. За людей я не боялся — закалились: выкупался хлопец, вылез из-под льда и только скромно просит сто граммов, чтобы чуточку согреться.

Я велел выдавать в таких случаях спирт, и некоторые любители, по правде говоря, ухитрялись получать несколько раз по сто граммов: выпьют, разохотятся и опять проваливаются под лед — теперь уже нарочно, чтобы еще больше «согреться».

Очень беспокоились мы за свою артиллерию — боялись, что пойдет под лед, а тут уж спирт не поможет. Пушки не раз выручали нас в рейде. С ними мы всюду чувствовали себя увереннее, и народ при виде пушек с уважением говорил о нас:

— Вот это партизаны — с пушками!

Стоим мы с комиссаром на берегу, смотрим, как тянут по льду пушки, — глаз с них не сводим. Кто-то прибегает, что-то говорит, я что-то отвечаю, а сам думаю: «Ну, еще немного, и тогда уже не страшно».

Редко когда я так волновался. Обошлось счастливо, без каких-либо потерь. Переправились через Припять и пошли дальше на север, лесными дорогами, к большому озеру Червонное, по-старинному — Князь-озеро. Это один из самых глухих уголков Полесья. Въедешь в деревню — беспорядочно разбросанные хаты, не поймешь — где тут улица, дворов нет, вместо них навесы для скота, а вокруг кустарник по болоту, дальше девственные леса, все завалено снегом, зима, а туман — как осенью.

Оккупанты не решились проникать в эти болотисто-лесные трущобы. Мы пришли сюда, к белорусам, как к себе домой. Все до-

роги контролировались партизанскими патрулями, каждое село было базой какого-нибудь отряда. Верующие молились в церквях за ниспослание победы Красной Армии, тут же после богослужения собирались продукты для партизан.

В этих деревнях ходило много легенд: и старинных, переживших, должно быть, не одно поколение, о затонувших на озере островах и княжеских замках, в которых томилась чудесные красавицы, и новых, сложенных уже во время войны...

* * *

В первых числах января 1943 года штаб соединения остановился в селе Ляховичи на берегу озера Червоного. Здесь произошла братская встреча партизан Белоруссии с партизанами Украины, было проведено совещание командования группы отрядов Сумской области с командирами белорусских отрядов.

И мы, и они сразу обратили внимание, что тактика у нас разная. В белорусском Полесье большинство партизан можно было назвать оседлыми. Здешняя природа — труднопроходимые, а местами вовсе непроходимые болота и леса, — очень благоприятствовала созданию крепкой обороны. Белорусские партизаны умело воспользовались этим, усилили естественные заграждения минными и превратили свои лесные базы в неприступные крепости. Без проводников из местных партизан в этих лесах нельзя было и шагу ступить — сейчас же наскочишь на мины. Они были понатыканы тут всюду — все гати, дороги заминированы.

Наши подрывники, отправившиеся на свою очередную операцию, вернулись разочарованными. Радик, ходивший с ними, сказал отцу:

— Ну и жизнь настала! Некуда мины сунуть. На железной дороге полно нашей братвы, и все суют мины. Поезда вовсе перестали ходить.

Да, тактика у нас и у белорусов была разная, и напрасно было спорить, какая из них лучше. И та и другая имели свои преимущества. Непрерывно передвигаясь, мы наносили удары сегодня тут, завтра там, а белорусские партизаны выполняли свою задачу на месте — непрерывно держали под ударом важнейшие коммуникации противника.

Когда я передал белорусам привет от партизанского командования, они сразу поняли, что появление наше здесь, в Полесье, не случайно. Все вскочили, обступили меня, стали расспрашивать о нашей встрече в Кремле.

Товарищи-белорусы очень заинтересовались, как мы прошли от Путивля аж до Князь-озера. Такой далекий поход был для них новинкой. Мы поделились с ними опытом своей маневренной тактики, а они рассказали нам о действиях подрывных групп на вражеских коммуникациях, о беспощадной рельсовой войне, — опытом, который в дальнейшем нам очень пригодился.

Около месяца простояли наши отряды в Ляховичах и соседних с ними деревнях на озере Червоном.

Хата, в которой устроились радисты со своей станцией, стала чем-то вроде клуба. Тут к определенному часу собирались наши и белорусские партизаны, местные колхозники за последними новостями с Большой земли, тут можно было узнать и все партизанские новости Полесья.

Вокруг озера загорелись костры ледового аэродрома. В одну ночь мы приняли на лед шесть самолетов из Москвы. Люди, сыпавшие из села на берег, чуть не прыгали от радости, когда большие транспортные машины, подлетая во тьме к горящим кострам, вдруг включали сильные прожекторы, на виду у народа одна за другой шли на посадку и, подруливая, выстраивались на льду в ряд.

В Ляховичах появились люди в синих комбинезонах и меховых унтах — пилоты, бортмеханики, штурманы, стрелки-радисты. Вокруг них на улице и в хатах на «беседках» всегда толпился народ, жаждавший узнать, как живет, как выглядит Москва. Прилетели к нам корреспонденты центральных газет, кинооператоры, фоторепортеры, мы стали получать свежие помера «Правды». На санной дороге по озеру шло непрерывное движение транспорта. С аэродрома перевозились в Ляховичи доставленные самолетами боеприпасы: патроны, снаряды, взрывчатка; из Ляховичей на аэродром прибывали для отправки в Москву раненые и больные.

Немецкая авиация обнаружила партизанский аэродром. Над озером Червоным закружились звенья «юнкерсов». Они сбрасывали бомбы на лед и прибрежные деревни, но к этому времени уже достаточно пополнили свои боезапасы. Кстати сказать, пополнились и наши продовольственные запасы. Обратившись к местным рыбакам, мы с их помощью организовали подледный рыбный промысел. Бойцы возили рыбу с озера целыми обозами. Весь месяц, пока мы стояли в Ляховичах, рыбные блюда, самые разнообразные, не сходили с нашего стола, и в поход было заготовлено по несколько килограммов на человека сушеной, соленой и копченой рыбы.

Незадолго до выступления наших отрядов с озера Червоного к нам прилетел депутат Верховного Совета СССР Василий Андреевич Бегма. Для нас это было большим праздником. Он привез с собой ордена и медали и в Ляховичах перед строем всех отрядов вручил их награжденным партизанам.

В старейшем отряде соединения — Путивльском — больше полновинны бойцов и командиров получили ордена.

Вот как получала орден Красной Звезды наш главный врач Дина Маевская. За несколько дней до этого она заболела. Поставив себе диагноз — грипп, Дина продолжала работать в санчасти, ездила на своей Малютке по селам, оказывала медицинскую помощь населению (больных тут в это время было много — свирепствовал сыпной тиф). Температура, подскочившая до сорока, заставила ее слечь как раз в тот день, когда в санчасть привезли

для операции одного раненого, надо было ампутировать руку. Все уже приготовлено для операции — вымыт пол, посреди комнаты поставлен чистый стол, и раненого уже внесли на носилках, а Дина, единственный наш хирург, лежит в постели больная. Оказалось, что у нее не грипп, а сыпной тиф уже пятый день. Что делать? Раненый был в очень тяжелом состоянии, отложить операцию — значило погубить человека. И Дине пришлось подняться на ноги, надеть халат и с сорокаградусной температурой приступить к операции. Раненый был спасен, а наш молодой хирург, выполнив свой долг, едва дошла до постели, как потеряла сознание.

Когда Дина пришла в себя, возле нее стояли Бегма, Руднев и я. Бегма протянул ей коробочку с орденом. Она с удивлением смотрит на нее, не понимает, что это, зачем ей дают какую-то коробочку, — не берет ее. Я поздравляю с наградой, и меня не понимает, смотрит мутными глазами. Тогда Семен Васильевич вынул из коробочки орден и положил ей на грудь.

Тиф дал осложнение на легкие, и перед выступлением в поход мы отправили Дину на самолете в Москву. Прощаясь с нами, она вспомнила и о своей Малютке — замечательной, горячей, как огонь, маленькой грациозной лошадке, и подарила ее Раднику, который часто восхищался этой лошадкой и в восторге говорил, что Дина на своей Малютке похожа сразу на все скульптуры древних. Он же получил в наследство от Дины тысячу патронов ППД и стал самым богатым человеком в отряде.

Много раз бывало так, что бой еще идет, а у некоторых бойцов уже нет патронов. Поэтому в Ляховичах каждый старался набить патронами все свои сумки и карманы. Особенно жадничали наши юнцы-связные. Патроны тут нам несколько раз сбрасывали с самолетов на грузовых парашютах. Пока бойцы хозроты подбегут к ним по снегу, связные подскочат на конях, расшнуруют мешок, набьют карманы патронами, опять зашнуруют, и не заметно, что взято, а пересчитаешь, десятка пачек не хватает в каждом мешке. Вожак в этих набегах на парашютные мешки был Валька-трубач. Он появился в отряде, когда мы еще были в Брянских лесах.

Незадолго до выхода в рейд к нам прибыла из Москвы на двух самолетах группа специалистов-подрывников. При встрече этой группы москвичей, ожидавшей на аэродроме подвод, я заметил мальчика лет тринадцати. Он сидел на мешке с сухарями, держал автомат и распевал во весь голос:

Алло! Алло! Барон,
Какие сводки...

Я спросил, откуда взялся этот певец, неужели тоже прилетел из Москвы? Один из москвичей смущенно сознался, что мальчик — его брат, но как он попал на самолет, неизвестно: парня обнаружили среди мешков уже в воздухе.

— Как же ты ухитрился? — спросил я этого мальчугана.

— Подумаешь,— усмехнулся он.— До войны сам в авиации служил.

Оказалось, что он — воспитанник авиационной части, был в команде музыкантов трубачом, в начале войны его отправили в детдом, не доехал — удрал с дороги, устроился воспитанником на санпоезд. В санпоезде не понравилось — «какой интерес по тылам ездить», добрался до фронта и сбежал в батарею, пробыл там месяца два — «надоело с командиром на дереве торчать, а в разведку командир не отпускает». Захотелось в кавалерию, но и в кавалерии тоже скучно стало — «надоело коней скребти». Вот и решил парень побывать еще в партизанах, воспользовался случаем — кавалерийская часть стояла под Москвой по соседству с аэродромом, с которого вылетал его брат.

Руднев начал воспитание этого юнца с того, что велел отобрать у него автомат и дать ему винтовку. Автоматы у нас выдавались только отличившимся бойцам.

— Не заслужил еще,— сказал Семен Васильевич.— Для кого война — горе народное, а для тебя, вижу,— баловство,— добавил он, покачав головой.

Потом выяснилось, что автомат Валька-трубач приобрел нечестным путем — просто выкрал из партии, погруженной на самолет. Мы хотели отправить этого парня обратно в Москву, но брат упрямился оставить.

— Ну, как понравилось тебе на Малой земле? — спросил я у него спустя несколько дней после того, как он появился у нас.

— Понравилось. Главное, что свободно, милиционеров нет,— заявил он.

Трудно было взять в руки озорника. Кричишь на него — стоит, опустит голову, отпустишь — и минуты не пройдет, слышишь, распевает уже: «Сердцу без любви не легко, где же ты, моя Сулико». Только Руднева побавался. Семен Васильевич не столько словами на него действовал, сколько взглядом, посмотрит грустно, покачает головой и вздохнет. После этого Валька-трубач долго ходил молча.

На просторах Украины

За время стоянки на озере Червонном высылавшиеся отсюда в дальние разведки небольшие группы партизан побывали в Ровенской, Житомирской и Киевской областях. Разведчики сообщили, что Сарненский железнодорожный узел уже восстановлен немцами и через Коростень на Киев опять непрерывно идут к фронту воинские эшелоны. Надо было повторить удар по этой вражеской коммуникации.

Мы решили на этот раз взрывать мосты поближе к Киеву, где противник меньше всего ожидал партизанского удара. Был составлен план рейда, и 2 февраля партизанское соединение выступило из Ляховичей, взяв направление на запад. Предстояло выйти

из болотисто-лесной глуши Полесья на простор полей, пересечь по дуге все три изученные нашей разведкой области Украины и выйти к селу Блудча Иванковского района Киевской области. Это село, расположенное на берегу реки Тетерев, километрах в восьмидесяти от Киева, мы избрали исходным пунктом для проведения намеченных операций.

Было время снегопадов и выюг. Все батальоны выехали на крестьянских санях. В пешем строю двигался только авангард. Колонна растянулась километров на восемь. И такой массе надо было переходить линии железных дорог! Дороги тут были под сильной охраной, и охрана могла получить подкрепление из гарнизонов ближайших крупных станций раньше, чем многоверстная партизанская колонна мигнет железнодорожный переезд. Приходилось прорываться с боем, блокируя гарнизоны станций, прикрываясь артиллерией, ставя ее на позиции у переездов, чтобы в случае подхода эшелонов с войсками противника сейчас же встретить их огнем.

Вот как было, когда после нескольких переходов лесными дорогами Полесья в западном направлении соединение, повернув на юг, в Ровенскую область, подошло ночью к железной дороге Писк — Луинец. Одни подразделения вели бой, а другие под обстрелом противника форсировали дорогу. Вдоль полотна светился поток транссирующих пуль. Крестьянские лошади испуганно шаркались, пятились. Чтобы предотвратить затор, поставили у въезда на полотно несколько партизан с кнутами. Они подстегивали упавшихся лошадей. Если лошадь падала раненая или убитая, тотчас вместе с санями стаскивали под откос. Некоторые роты пересекли железную дорогу на галопе.

С выходом из лесов Полесья на просторы Украины в целях маскировки мы то и дело меняли направление, петляли, сбивали противника с толку, заставляли его кидаться из стороны в сторону. Конечно, если бы захватчики были полными хозяевами на оккупированной территории, в конце концов им бы, наверное, удалось поймать нас в мешок. Но недаром советские люди, говоря о районах, оккупированных немцами, всегда прибавляли слово «временно». Именно временно, и не только потому, что мы никогда не сомневались в скором изгнании фашистов с советской земли, но и потому, что по-настоящему они никогда не были хозяевами положения на захваченной ими территории.

Партизанские базы, заложенные партийными организациями, всюду давали себя знать. Всюду посеянные партией семена партизанского движения попали на тучную почву. А почва эта — наш народ-боец. Одна воля подымала всех на борьбу, единым было руководство, но в разных местах по-разному, в соответствии с местными условиями и задачами, разворачивалось партизанское движение.

В Ровенской, Житомирской и Киевской областях, куда мы пришли весной 1943 года, действовали преимущественно мелкие партизанские отряды и группы. Под руководством местных подполь-

ных партийных организаций они составляли сплошную сеть боевых ячеек, которые занимались одновременно и диверсионной, и разведывательной, и агитационной работой, имели своих агентов и помощников в каждом селе.

Благодаря этому мы и тут, так же как у себя на Сумщине, знали все, что фашисты намеревались предпринять против нас, и всегда могли вовремя изменить маршрут или прибегнуть к другим контрмерам. Когда мы вступили в Ровенскую область, разведчики, уходящие далеко вперед, сообщили, что немцы собираются устроить в одном селе засаду. В село это сейчас же была послана наша рота. Партизаны разошлись по хатам, смеялись с жителями. Вскоре в село вкатилась колонна автомашин с вражескими солдатами. Они были встречены огнем автоматов и пулеметов. Стреляли из всех окон. Тут не уцелел ни один гитлеровец.

19 февраля партизанское соединение достигло местечка Большой Стыды — оккупационного центра Ровенской области, расположенного в треугольнике железных дорог. Отсюда было выслано в разные стороны несколько партизанских групп для подрывной работы сообща с местными партизанами на коммуникациях противника. Мы шли на юг, потом повернули на восток в направлении Житомирской области.

Леса редели. Хвойные сменились лиственными. Простора было все больше и больше. Утром, стоя на косогоре у въезда в село, можно было увидеть всю колонну, растянувшуюся лентой по дороге, уходящей в даль снежного поля. Села, в которых мы останавливались на дневки, были уже совсем не те, что в Полесье, — белые мазанки, сады, тополя, ивовые плетни.

Впервые здесь народ видел такую мощную партизанскую колонну. Люди своим глазам не верили. Пушки в шестиконной упряжке, крупнокалиберные минометы. Неужели это партизаны? Да не Красная ли это Армия уже вернулась?

Партизанские батальоны вступали в села с песней, сложеной партизаном Рудем, погибшим в Брянских лесах перед выходом в рейд:

Идем, не сгибаясь, в железном строю,
За счастье народа, за землю свою.
Чтоб снова на ней, на земле на родной,
Стояли хлеба золотою степой.
Чтоб яблони снова дымилась в цвету,
Чтоб вольная песня неслась в высоту, —
О мать Украина, родная земля!
Мы вражеской кровью напьем поля,
За все твои раны врагу отомстим,
Живому отсюда уйти не дадим.

А какая радость была, когда наши радисты, поймав волну станции, на которой работало украинское радиовещание, устанавливали репродуктор, и партизаны вместе с колхозниками слушали выступления членов правительства Украины и Центрального Комитета КП(б)У!

В день праздника Красной Армии командование соединения

получило в подарок от местных жителей и партизан тачанку в упряжке тройки карих рысаков с одинаковыми звездами на лбу, с нарядной сбруей, на которой медные бляхи сверкали, как золотые. Эта тачанка стала моим походным штабом. По каким только дорогам Украины не привелось ей мчаться, через сколько рек переправляться по льду, на паромках, плотках, по наплавным мостам и вброд!

Началась распутица. В селах нас встречали уже с букетами весенних цветов. Дальше ехать на санях было нельзя, оставили их колхозникам, боеприпасы и продовольствие перегрузили на возки. Часть бойцов села верхом на освобожденных лошадях. На дневках всадники ковали в сельских кузницах стремяна, оборудовали седла-самоделки. Так создавался наш эскадрон, впоследствии выросший до состава дивизиона, командиром которого был назначен бывший бухгалтер Ленкин, получивший у партизан прозвище Усач. По размерам усов он перещеголял всех наших усачей. Этот бухгалтер оказался прирожденным кавалеристом, несравненным по лихости командиром. И бойцы эскадрона подобрались под стать своему командиру. Были среди них живописные фигуры, одним видом наводившие панику на немцев. Например, Леша-кавалерист, получивший это прозвище еще будучи связным штаба. Надо было видеть его, как он скакал, обгоняя колонну: конь невероятных размеров, вроде битюга, с оторванным хвостом, пойдет галопом — земля гудит, на всаднике огромная соломенная шляпа, весь он оплетен ремнями, увешан сумками, планшетками, фляжками, биноклями. Все трофейное, только чуб свой, казачий...

И вот удивительно: несмотря на всю пестроту одежды, вооружения и снаряжения, придававшую нашей колонне очень живописный вид, не только немцы, но и свои люди, даже советские офицеры, выбравшиеся из окружения или бежавшие из плена, приходя к нам, сначала не верили, что мы партизаны, принимали нас за парашютно-десантную дивизию. Они представляли партизан по старинке, по временам гражданской войны, и их, вероятно, вводили в заблуждение строгая дисциплина марша, наше тяжелое вооружение, пушки, минометы и то, что мы крепко связаны с Большой землей.

Приближаясь к железной дороге Киев — Коростень, мы запросили по радио Москву, нельзя ли получить взрывчатку, запас которой уже нуждался в пополнении. Москва взяла наши координаты и условные знаки. Продолжая марш, мы все время прислушивались к воздуху. Над нами часто шумели моторы немецких транспортных самолетов. Опасаясь партизан, фашисты летали на большой высоте. Все-таки одну транспортную машину врага удалось сбить ружейно-пулеметным огнем. Большой трехмоторный самолет на наших глазах упал в лес. Весь штаб помчался на конях к месту его падения. При ударе о землю самолет загорелся. Мы нашли его на небольшой поляне. Партизаны кинулись внутрь охваченной пламенем машины, чтобы спасти из огня все ценное.

Ценного для нас там оказалось очень много: самолет был нагружен документами какого-то крупного немецкого штаба. Партизаны вынули из машины огромный ворох бумаг. Весь этот архив мы впоследствии переслали на Большую землю.

Вскоре мы услышали ночью шум советского авиатора. Зажгли костры. Самолет, покружив над нами, стал сбрасывать грузовые парашюты. Специальная команда партизан, стоя у костров, подхватывала падающие подчас прямо в огонь грузы огромной взрывной силы и укладывала их на подводы. Вслед за этим самолетом той же ночью прилетели еще два «москвича». Мы получили не только тол, но и свежие московские газеты.

Теперь центральная «Правда» на Малой земле была не таким уже событием, как раньше. Мы иногда читали ее теперь на второй день после выхода в свет. Бывало, на дневке в какой-нибудь роще, под каждым деревом сидит кучка партизан, и в каждой кучке белест развернутая газета, а у штаба суета — старики торопятся подобрать себе по глазам трофейные очки — свои потеряли, а без очков не могут прочесть газету.

Месяц продолжался наш поход с озера Червоного. Мы шли открытыми, густонаселенными местами, взрывая по пути мосты, громя станции, гарнизоны, склады, и все-таки выход партизанского соединения под Киев оказался для вражеского командования полной неожиданностью. Должно быть, такая дерзость казалась немцам просто невероятной. Они всполошились, когда мы были уже в 80—100 километрах от Киева.

На открытой местности под Коростенем, когда партизанская колонна переходила железную дорогу Коростень — Житомир, гитлеровцы напали на наш след. Отсюда несколько вражеских батальонов шли за нами по пятам. Стали надвигаться гитлеровцы и со стороны Киева, появилась вражеская авиация.

8 марта на виду противника, начавшего уже пускаться на нас, партизанские батальоны под прикрытием группы автоматчиков переправились через разлившуюся в весеннем половодье реку Тетерев. Переправа проходила по узкой полоске льда, задержавшейся на крутом повороте русла. Потом эта ледяная перемычка была взорвана.

Вступив в село Кодра, окруженное лесом, партизанские батальоны заняли оборону, выдвинули на лесные дороги заставы. Решено было дать здесь оккупантам бой, «чтобы не наступали нам на хвост», как говорили у нас. Передовой батальон гитлеровцев, натолкнувшись на партизанскую заставу, развернулся в лесу. Застава, отступая, заманила его к селу, прямо на наши станковые пулеметы. Весь этот батальон полег тут под книжальным пулеметным огнем. Второй вражеский батальон, двигавшийся вслед за первым лесной дорогой, был застигнут на марше ротой автоматчиков Карпенко, посланной в обход, и почти весь был уничтожен, прежде чем успел развернуться.

Мы потеряли в этом бою несколько человек, в числе их связного Володю Шишова, шестнадцатилетнего комсомольца, на которо-

го возлагали много надежд — у него были все данные, чтобы стать хорошим командиром. Этот энергичный паренек, явившийся в отряд вооруженным, с большим запасом патронов, сразу же поставил себе целью добыть в бою автомат и добыл его первым из связных ребят. Мы прочли Володю в ротные командиры. Он был любимцем комиссара. Семен Васильевич часто подолгу разговаривал с ним, как с сыном. Оба они — и Радик и Володя — по заданию комиссара присматривали за такими ребятами, как Валька-трубач, чтобы не набедокурили, старались держать их в свободное время кучкой, в чем Володе очень помогал его патефон, пока эта музыка, к великому огорчению всех, не была потеряна при переходе с боем железной дороги.

В начале боя у села Кодра дежурный по штабу послал Володю в одну из рот. Он долго не возвращался. Тогда в эту же роту был послан второй связной — Валька-трубач. И тот пропал. После боя их нашли возле села. Валька, выбиваясь из последних сил, волоком тащил из лесу своего товарища, не подававшего никаких признаков жизни. Как выяснилось потом, по пути в роту Володя наскочил в лесу на заблудившихся немцев и вступил с ними в бой. Когда же на помощь к нему прибежал Валька, из этих немцев в живых остался только один. Ребята решили взять его живьем, привести в штаб «языка» и увлеклись охотой. Кончилось дело тем, что немец почти в упор полоснул очередью из автомата по Володе. Три пули пробили ему грудь. Пока Валька тащил его лесом, он истек кровью. Спасти Володю не удалось. Он пришел в сознание, но ненадолго. Это было на другой день, когда мы уже двигались дальше ускоренным маршем к железной дороге Киев — Коростень.

Возле повозки, на которой везли Володю, шли кучкой все его молодые друзья. Они шли, опустив головы, как за гробом, а Володя и не думал, что ему недолго осталось жить. Придя в себя, он сразу забеспокоился, не хотят ли его эвакуировать на Большую землю, сказал, что все равно вернется в отряд, а потом вдруг попросил сметаны. Несколько ребят вскочили на коней, помчались на какой-то хутор. Они вернулись с крышкой сметаны, но Володя опять уже был без сознания и вскоре умер.

На похоронах Володи Шишова выступил с речью Руднев. В речи комиссара были горькие слова по адресу некоторых наших бойцов-подростков, злоупотреблявших тем, что мы относились к ним как к своим родным внукам и прощали им озорство, подчас и такое, за которое надо было бы строго наказывать. Валька-трубач зарыдал, наверное, первый раз в жизни. Ему особенно горько было потому, что теперь он считал себя другом Володи.

Под Киевом

10 марта, пройдя ночью железную дорогу Киев — Коростень, все партизанское соединение вышло к селу Блудча, на исходные позиции для намеченной операции под Киевом.

Бежавшая из села немецкая полиция не сумела предупредить по телефону свос начальство в районе о приближении партизан. Здешний телефонный аппарат в помещении старосты был на одном проводе с аппаратами соседних сел. Мы не преминули воспользоваться этим и долго слушали телефонные разговоры полпользоваться этим и долго слушали телефонные разговоры полпцать, не подозревавших, что в Блидче партизаны. Благодаря этому мы, не выходя из села, были в курсе всего, что предпринималось немцами в связи с появлением в Иванковском районе партизан.

Вызывают из Иванкова:

— Блидча, Блидча, Блидча. Что за черт!

Блидча не отвечает. Отзывается голос из другого села:

— Иванков, кто это у телефона?

— Я — начальник полиции. А вы кто?

— Из Коленцов полицай. В Блидче, должно быть, староста загулял.

— Это бы еще ничего. Мне думается, что там что-то другое.

— Думаете, партизаны?

— Надо выяснить, что там. Пошлите кого-нибудь с веревкой и топором, как будто в лес по дрова. Пусть он посмотрит, что делается в Блидче.

Я сейчас же приказал выслать несколько бойцов в лес в направлении села Коленцы, и вскоре они привели одетого в крестьянское платье полицейского с топором и веревками. Тот сознался, что его послали в Блидчу для разведки.

Продолжаем подслушивать телефонные разговоры. Иванков вызывает Коленцы.

— Ну как, послал в Блидчу?

— Послал, но еще не вернулся.

— Пошлите кого-нибудь на подводе. Положите мешка два картошки, как будто знакомой тетке везет.

— Хорошо, сделаем. А у вас что слышно?

— Войска прибывают из Киева. Машина за машиной. С пушками и минометами.

Снова посылаю несколько бойцов в направлении села Коленцы. Возвращаются на подводе с картофелем, привозят второго немецкого разведчика. Допрашиваем его и одновременно готовим гитлеровцам встречу. Один батальон располагается в километре от села, окапывается. Батарея встает на позицию. Две роты уходят в лес, чтобы с появлением противника ударить ему во фланг и тыл. Все дороги берутся под наблюдение.

Между тем Иванков опять вызывает Коленцы.

— Ну что, никто не вернулся из Блидчи?

— Послал еще одного, но ни того, ни другого нет. А у вас что нового?

— Все улицы войсками забиты.

На следующий день противник подошел к Блидче. Наступало около двух батальонов фашистов. Их встретил ураганным огнем батальон шалыгинцев под командой Матюшенко. С тыла ударили

автоматчики сержанта Карпенко. Противник заметался и попал в подготовленную нами ловушку. Партизаны вышибли врага из леса на открытое поле, под огонь пулеметов, прижали к реке. Ошалевшие от страха гитлеровцы бросали оружие и кидались в широко разлившийся Тетерев, карабкались на пльвущие льдины, но партизанские пули настигали их и там. Весь берег был завален вражескими трупами, много трупов течение унесло на льдинах.

Перебравшись через реку, немало фашистов засело в кустах и ямах поймы, которая местами была подо льдом и водой. Я вызвал «охотников», и несколько бойцов поплыли на двух лодках вылавливать их. Вскочили в лодку и два наших подростка: связной Валька-трубач и разведчик Миша Семенистый, поклявшися на могиле Володи Шишова отомстить врагу за смерть товарища. С высокого берега хорошо было видно, как проходила «охота». Партизаны, подбираясь с разных сторон к залегшим беглецам, разбивали прикладами лед и шли по пояс, по грудь в воде. Валька-трубач и Миша Семенистый шли прямо на пулеметчика: один спереди, а другой с тыла, и оба во все горло кричали: «Сдавайся!» Пулеметчик растерялся и поднял руки. После этого и остальные сдались. Чтобы пленные не разбежались, юные партизаны прибегли к старому надежному способу: обрезали у них на штанах все пуговицы и отобрали пояса. Поохотали люди, когда под конвоем двух парнишек с автоматами по селу шла толпа пленных, обеими руками поддерживавших штаны.

Уничтожив в Блудче брошенные против нас войска, мы приступили к выполнению своей основной задачи. В Блудче остались только штаб, обозы и небольшое прикрытие, все боевые роты разошлись в разные стороны по обыкновению веером, для диверсионной работы на коммуникациях противника. Риск для штаба и обозов был, конечно, большой, но мы рассчитывали, что взрывы, которые должны были последовать в разных местах на большом расстоянии друг от друга, отвлекут противника от Блудчи.

Так и случилось. Фашисты не знали, куда кинуться. Запылал большой деревянный мост у Иванкова на реке Тетерев, сгорел дотла. Это было дело группы шалыгинцев под командой Матющенко. Полетели в воду мосты на реках Ирпень и Здвиж, еще ближе к Киеву,— там действовали группы путивлян во главе с Пяташкным.

Главный удар был направлен на станцию Тетерев. Гитлеровцы держали здесь сильный гарнизон, охранявший железнодорожный мост. Все подступы к нему прикрывались дзотами, проволочными заграждениями, минными полями. Пришлось штурмовать этот мост, предварительно заминировав железную дорогу с обеих сторон станции, чтобы немцы не могли быстро подбросить сюда подкрепления. Местные партизаны дали проводников, и две наши боевые группы — глуховцы под командой Кульбаки и кролевчане во главе с Кудрявцевым — под общим руководством моего помощника Павловского и секретаря партийной комиссии соединения Панина ночью скрытно вышли к мосту. Дружным ударом с севе-

ро-востока и юго-запада вражеская оборона моста была уничтожена. На рассвете железнодорожный мост взлетел в воздух. рядом немцы строили через Тетерев деревянный мост. Этот мост тоже был подожжен.

Под Киевом свое дело мы сделали. Боевые роты вернулись в Блудчу. Теперь предстояло выполнить вторую часть задачи, поставленной Верховным Командованием: произвести разведку немецких укреплений на Правобережье. Приказ УШПР, полученный по радио, нацеливал нас для выполнения этой задачи в район нижнего течения Припяти. Приходилось торопиться. Фашисты, придя в себя, со всех сторон надвигались на Блудчу крупными силами. Они рассчитывали прижать нас к широко разлившейся реке и устроить тут партизанам кровавое побоище.

Чтобы ускользнуть из Блудчи, нам нужно было за несколько часов соорудить наплавной мост и переправиться со всем своим обозом на тот берег. Материалы для постройки моста были: на берегу лежали груды бревен, приготовленных к сплаву. Но когда я сказал нашим саперам, в какой срок должен быть построен мост, они сначала подумали, что я шучу, потом стали почесывать затылки.

— Это невозможно, — говорят.

Много раз мы уже бывали в таком положении, когда приходилось делать невозможное, и делали. Почему гитлеровцы всегда оставались в дураках? Потому, что они определяли наши силы по количеству бойцов отряда, а у нас был счет совсем другого рода. Пошли мы с Рудневым к колхозникам и сказали:

— Дорогие товарищи, нужно за пару часов построить мост, без помощи народа у нас ничего не выйдет.

И народ помог нам. На постройку моста сбежалось все население от мала до велика, и оккупанты опять остались в дураках. Когда они подошли к Блудче, мы были уже на том берегу. С помощью местного населения, плотогонов, наши саперы успели не только построить мост, но и разобрать его после переправы. Не знаю, догадались ли оккупанты, в чем дело, или решили, что тут кроется какая-то дьявольская хитрость партизан.

Впоследствии выяснилось: вражеское командование по данным своей разведки считало, что в нашем партизанском объединении, когда оно действовало на Правобережье, было свыше пятнадцати тысяч бойцов. На самом деле было около двух тысяч.

Раньше некоторые у нас считали, что главное — это пушки. Тогда часто можно было услышать разговоры: «Были бы у нас пушки, ну и дали бы мы немцам жару!» Теперь мы имели свою артиллерию. Но если выстояли против почти в десять раз превосходящего врага, то это не только потому, что у нас были пушки, но — и это главное — потому, что мы свято выполняли наказ партии — крепко держали связь с народом.

Бой на Припяти

Наши дальние разведчики, посланные вперед на Припять, вернувшись, сообщили, что оккупанты готовятся к открытию навигации и, по всему видно, придают ей большое значение. Мы посмотрели на карту и поняли, в чем дело: по Припяти идет водный путь в Германию. Мосты взорваны, сообщение на важнейшей железнодорожной магистрали прервано. Надо прервать и водное сообщение, закрыть гитлеровцам все пути, решили мы.

К открытию навигации партизанское соединение было уже на Припяти — мы поторопились. Построив паромы, партизаны переправились на левый берег. Штаб расположился в Аревичах, а батальоны в других прибрежных селах Хойницкого района. Тут вскоре и произошла первая наша встреча с немецкими водниками.

Караван судов — пять барж на буксире парохода под охраной бронекатера, — плывший из Чернобыля на Мозырь, открывая навигацию, оказался под прицелом партизанских пушек, стоявших на берегу в лозняке. Внезапным артиллерийским огнем пароход и баржи были подожжены, а затем потоплены. Ускользнул только бронекатер.

Это было 6 апреля.

На следующий день немцы выслали против появившихся на Припяти партизан целую флотилию: два бронированных парохода и четыре бронекатера. Наша разведка обнаружила эту флотилию, когда она была еще далеко от Аревичей. Мы успели хорошо подготовиться к ее встрече. В стороне от села, вниз и вверх по реке, были выдвинуты засады с бронебойками и пулеметами, между ними, в центре, расположились штурмовые роты с пушками.

При подходе к Аревичам, еще километрах в пяти от села, фашисты начали пулеметный и артиллерийский обстрел обоих берегов. Берега молчали. Пароходы и катера, непрерывно ведя огонь, медленно прошли мимо засады, хорошо замаскировавшейся у самой воды. Когда флотилия вошла в клещи, по судам с дистанции в несколько десятков метров ударили пушки и пулеметы штурмовых рот. Пулеметный ливень согнал команды пароходов и катеров с палуб в трюмы. Первыми выстрелами из пушек было сбито управление головного парохода. Он завихлял по реке и сел на мель. Другой пароход подошел к его борту, вероятно, чтобы взять на буксир, но никто из команды не осмелился высунуться на палубу. Несколько минут оба парохода стояли посреди реки борт к борту под огнем пушек. Сначала загорелся первый, севший на мель. Второй стал отшвартовываться от него и в этот момент тоже загорелся. Охваченный пламенем, он поплыл вниз по реке. Течение сносило его в нашу сторону. Как только пароход пришло к берегу, на его палубе уже были партизаны. Немцы, засевшие в трюме, отчаянно отбивались. Ведя на горящем пароходе рукопашную схватку, партизаны одновременно спасали спаряды — перетаскивали их на берег.

С головным пароходом, севшим на мель, пришлось повозиться дольше. Течение повернуло его носом к берегу, так что снаряды плохо ложились, скользили по бортовой броне. Артиллеристы решили переменить позицию. Тут несколько горячих голов не утерпело: вскочили в лодки и поплыли к пароходу, заходя к корме. Немцы открыли по ним огонь, но высовываться боялись, стреляли через иллюминаторы, вслепую, вдоль бортов. Поднявшись на палубу, партизаны стали прошивать ее огнем из стоявшего тут же немецкого крупнокалиберного пулемета. Немцы из трюма тоже ответили пальбой сквозь палубу. Артиллеристы тем временем, переменяя позицию, возобновили обстрел парохода. Партизаны вернулись на берег. По палубе повалил дым.

Вдур на берегу услышали, что кто-то кричит из клубов дыма:

— Хлопцы! Берите трошки пониже, а то ще и меня зацепите. С берега спрашивают:

— Хто це там гукає?

— А це ж я, хлопцы, Мишка Демин!

— А чего ты там крутишься, як бис у пекле?

— Фрицев стерегу, щоб не втекли.

Оказалось, что один из наших бойцов остался на горящем пароходе, ни за что не хотел уходить — боялся, что немцы как-нибудь улизнут, если он не будет сторожить их на палубе с ав-томатом.

Артиллеристы кричат ему:

— Тикай, бис!..

А он одно заладил:

— Не бойтесь, хлопцы, тилько берите трошки пониже.

Так он и сторожил немцев на горящем пароходе под артиллерийским обстрелом, пока пламя не проникло в трюм, о чем мы узнали по страшному визгу, донесшемуся оттуда.

— Теперь вже не втекут! — услышали на берегу радостный голос Демина. Он выпрыгнул из клубов дыма и поплыл к берегу, когда пароход уже начал тонуть.

Вся флотилия, зажата в клещи, была уничтожена. Только трем немцам из ее команды удалось выбраться на берег и скрыться в кустах. Но и они недалеко ушли.

С нашим приходом на Припять, особенно после разгрома вражеской флотилии, все окрестные села стали партизанскими, и здесь народ поднялся на борьбу; все, и старики, и дети, осмелели!

Когда мне кто-то с огорченным сообщил, что трем немцам удалось удрать с парохода, я сказал:

— Не беспокойтесь, никуда они не денутся, народ не упустит.

Так и случилось.

На другой день прибегает к нам девочка из села Молочки и кричит:

— Дяденьки партизаны, у нас немцы!

Это и были те самые. Блуждали по лесам и болотам, наголодавшись, пришли ночью в село и в первой попавшейся хате по-

требовали еды. Хозяин хаты, улучив минутку, шепнул дочке, что бы бежала к нам. Я тотчас послал в Молочки группу бойцов, но они опоздали. Дело было так. Один из этих немцев, жадно схватив принесенную хозяйном кринку молока, выронил автомат. Колхозник воспользовался случаем — подхватил автомат и дал очередь. Двое упали замертво, но третий успел еще бросить гранату, которая, разорвавшись, ранила хозяйна хаты. Этого смелого колхозника, Кравченко Виктора Петровича, партизаны привезли из Молочек в Аревичи, откуда он вскоре был отправлен на самолете в Москву для излечения.

Аревичи с нашим приходом стали такой же партизанской столицей, какой в Брянских лесах была Старая Гута, а на озере Червоном — Ляховичи. В первые же дни стоянки в Аревичах мы оборудовали неподалеку от села аэродром, сообщили об этом в Москву и только успели зажечь костры, как к нам пожаловал уже самолет с Большой земли. Воздушное сообщение с Москвой опять налажилось. К нам прилетали киномеханики, лекторы. Партизаны увидели в Аревичах новые советские фильмы «Суворов», «Разгром немцев под Москвой», прослушали доклад о международном положении, прочтенный лектором ЦК КП(б)У Кухаренко Лидией Ивановной. А тут еще летчики привезли мне и Рудневу генеральскую форму — нам было присвоено звание генерал-майора. Среди бойцов начались разговоры:

— Ну, теперь мы не просто партизаны, а действительно вроде как партизанская часть Красной Армии.

Партизанам нравилось, что нас часто принимают за красноармейскую часть, и они были очень довольны, когда я, скинув свою трофейную мадьярскую шубу, похожую на бабий салоп, и деревенскую мягкую шапку, появился среди них в генеральской фуражке и кителе с погонами.

Во время рейда мы не раз получали указания, боевые приказы из Москвы, радиogramмы. Приказы были секретные, часто даже мои ближайшие помощники не были осведомлены о том, куда ведет наш маршрут, но все знали, что нас направляют к цели, руководят нами, заботятся о нас Центральный Комитет партии, Советское правительство.

Прилетает самолет, и из него выходит Демьян Сергеевич Коротченко. Он прибыл в Аревичи с группой работников ЦК партии и ЦК комсомола Украины.

Сначала мы никак не могли освоиться с мыслью, что среди нас, в тылу у гитлеровцев, секретарь Центрального Комитета КП(б)У. Радовались, думали: вот какое значение придает нашим действиям партия! И боялись за Демьяна Сергеевича: как бы немцы не узнали, не подослали какого-нибудь мерзавца-предателя. А потом так привыкли видеть его в расположении партизанских рот, расхаживающего с автоматом или беседующего с бойцами у костра, что казалось, всегда он был с нами, старейший партизан. Обращаясь к нему, все говорили: «Товарищ Демьян», но фамилии не называли.

Вспомнишь Аревичи, заседание партбюро нашего соединения, разбиравшего в присутствии секретаря ЦК КП(б)У заявления бойцов о приеме в партию, и подумаешь: где это было, неужели на территории, оккупированной немцами, глубоко в тылу врага?

Не такая уже глушь Аревичи — неподалеку железные дороги Овруч — Мозырь, Овруч — Чернигов, а мы простояли здесь больше месяца, ведя разведку правого берега Днепра, но гитлеровцы не решались наступать на нас. Только с самолетов поглядывали, из-за облаков, на партизанские села да бомбы время от времени бросали на них.

Мы были тут не одни. Рядом с нами действовало в междуречье Днепра, Десны и Припяти несколько крупных партизанских отрядов. В Аревичах мы встретились с прославленным командиром черниговских партизан Алексеем Федоровичем Федоровым. Тогда он тоже рейдировал в этих местах и заехал к нам, чтобы договориться о взаимодействии. Мы договорились и вскоре нанесли совместный удар по вражескому гарнизону города Брагина. Удар был крепкий. Немцы потеряли в Брагине больше четырехсот человек и все свои склады.

Можно было двигаться дальше: задание выполнено, боеприпасы пополнены. Мы прощались с ранеными, нуждавшимися в госпитальном лечении. Как обычно, они отправлялись в Москву с обратными рейсами самолетов, прибывавших на наш аэродром с грузом.

Печальными были всегда эти проводы. Вот сняли с подводы и несут лугом к самолету шестнадцатилетнего бойца Петю.

— Первый раз лечу на самолете — интересно, а неохота, хлопцы, лететь от вас, — говорит он плача.

Этот тихий, покладистый мальчик, на котором отыгрывались многие наши связные, заставляя его дежурить вместо себя, был ранен в бою при захвате железнодорожного моста на реке Тетерев. Пете ампутировали ногу, но он все-таки думал, что может остаться со своими боевыми товарищами. Нельзя было оставить его — операция прошла неудачно, рана загноилась. Наши юные бойцы, провожая его на самолет, несли огромную бутылку меда — подарок Пете от командования отряда. А со следующим самолетом с такой же бутылкой меда пришлось отправить в Москву и Вальку-трубача. Он был ранен в Букче и тоже в ногу. Сначала он не обращал внимания на рану, уверял, что пустяковая, ходил прихрамывая, по-прежнему распевал «Сулико», пока не началось воспаление надкостницы. Улетая, Валька-трубач обещал «скоро-скоро вернуться к своим дедам», но мы уже больше не увидели этого пострела. В Москве Валька-трубач присоединился к чехословацким партизанам, улетавшим к себе на родину для борьбы в тылу врага. Там, в горах Чехословакии, он и закончил благополучно войну уже пятнадцатилетним юношей.

Дальние разведчики

Еще в Брянских лесах, перед выходом в рейд на Правобережье, к нам прибыл из Москвы Петро Петрович Вершигора, получивший у партизан прозвище Борода. Пышная, окладистая борода Петра сразу обратила на себя внимание, потому что она очень не подходила к его круглощечному, как у юноши, лицу, к глазам, поблескивавшим всегда мягкой, как будто застенчивой улыбкой. Так как Петро никогда не расставался с лейкой, партизаны сначала думали, что он прибыл к нам в качестве фотокорреспондента.

Кто бы к нам не являлся и какие бы документы ни предъявлял, первое время он неизбежно чувствовал, что за ним пристально наблюдают сотни глаз. Прежде чем принять нового человека в свою боевую семью, партизаны должны были узнать и, конечно, не по бумагам, а по делам, что это за человек. Требования же, которые и командиры и бойцы предъявляли к своим товарищам, повышались с каждым днем нашей борьбы. Не все приходившие к нам оставались с нами. Один оказывался слаб духом, трусоват, просто говоря, а другой и смелый, отчаянный даже, но с душой, загаженной корыстными интересами.

Петро Петрович удивительно быстро вошел в нашу семью, сразу расположил к себе партизан.

Можно было подумать, что он вернулся в отряд после короткой отлучки и сейчас ходит с фотоаппаратом и поглядывает, все ли так, как было до его отъезда, не появились ли новые люди или вообще что-нибудь новое, что следует заснять на пленку. Но он прибыл к нам вовсе не для того, чтобы фотографировать партизан для московских газет, как думал кое-кто сначала. Этот бородач, бывший кинорежиссер, спустившийся в Брянские леса на парашюте, уже нашел на войне свое боевое место, как нашли его многие советские люди, никогда раньше не воевавшие и не предполагавшие в себе никаких воинских способностей.

Петро Вершигора оказался талантливым разведчиком, человеком исключительной наблюдательности, большой выдержки и самообладания. Вскоре он стал моим помощником по разведке. Мне не пришлось, как говорится, вводить его в курс дела. Не успели мы с ним как следует познакомиться, как он уже ориентировался в обстановке и знал людей не хуже меня.

Под руководством Вершигоры работала группа дальних разведчиков. Что это были за люди и как они работали? Вот один из них — Иван Григорьевич Архипов, получивший у партизан известность под прозвищем «Халка-шапка».

Однажды, переодевшись в форму немецкого офицера, он влетел на мотоцикле с коляской в одно село. Из помещения старосты выбежало несколько полнцейских, выстроились перед начальством. Халка-шапка объявил им, что производит смотр полнции, скомандовал «направо», «налево», «кругом», «положить оружие»,

«пять шагов назад», собрал оружие в коляску, дал очередь из автомата и умчался.

Иной раз, уйдя в разведку, Архинов пропадал неделями. Его считали уже погибшим, и вдруг ночью на оклик часового: «Кто идет?» — за деревьями раздавался ответ:

— Все убито.

Это был пароль Архипова, все партизаны его знали. Он произносил эти слова особым, неповторимым гробовым голосом, доносившимся как будто из-под земли.

Наши партизаны слышали в селах разговоры о том, будто я сам в целях разведки хожу по базарам, торгуя лопатами, скипидаром. Конечно, это легенда, но наши разведчики действительно частенько торговали на базарах. Где только на Украине не появлялся Архинов с вязанкой лаптей на плече!

Был такой случай. Возвращаясь из разведки, Архинов решил пройти через село, занятое немцами, которые в это время готовились к наступлению против партизан. Он мог пройти и минуя село, но так было намного ближе, а Архинов торопился доставить нам добытые сведения о противнике и хотел заодно еще раз уточнить численность немцев, прибывших в село. На краю села была ветряная мельница. Он зашел на мельницу, вывалялся весь в муке и отправился дальше посреди улицы, мимо немецких солдат. Те сначала смотрели на него, разинув рты, а потом, решив, что это мельник идет с работы, стали потешаться над ним. На улице это мельник идет с работы, стали потешаться над ним. На улице поднялся такой хохот, что и солдаты, шнырявшие по хатам, сбегались посмотреть, что случилось. Архинов мог пересчитать их всех до одного.

Вид человека, с ног до головы вывалявшегося в муке, развеселил немцев, и ни одному из них не пришло в голову, что это партизан. Добродушно отшучиваясь, он свободно прошел через село.

Много таких советских интеллигентов, как Архинов, людей самых мирных профессий, оказались способными на самые трудные боевые дела, требующие, как можно было бы думать, специальной выучки, длительной тренировки. С большим успехом в группе дальних разведчиков работали наши партизанки, проникавшие с помощью местных жителей всюду, вплоть до немецких комендатур и штабов воинских частей.

Среди них была учительница Александра Карповна Демидчик, молодая женщина со строгим взглядом. Она появилась в отряде уже во время нашего рейда, где-то на Правобережье. До этого она долго работала во вражеском тылу в одиночку, не имея связи ни с какой организацией, на собственный страх и риск. Это была очень своеобразная подпольная работа, которую с первых же дней фашистской оккупации проводили многие наши сельские интеллигенты, оставшиеся в занятых врагом районах.

После прихода оккупантов Александра Карповна продолжала работать в школе, внешне как будто подчинилась всем требованиям нового начальства, а на самом деле учила детей тому, чему она учила их и при Советской власти. Она смело читала на уро-

ках выдержки из сочинений Ленина, будучи совершенно уверена, что дети не выдадут ее.

Вскоре после появления у нас Карповны (так называли партизаны разведчицу) штаб соединения поручил ей одно необычное и очень рискованное дело. Неподдалеку от Аревичей, в городе Хойники, стояла гарнизонная словацкая часть под командованием подполковника Гусара Йозефа. Из этой части к нам пришел перебежчик-солдат. От него мы узнали, что словаки не хотят воевать с партизанами и командир их тоже будто бы настроен к нам дружелюбно. Мы решили попытаться склонить этих насильно мобилизованных людей к совместной с нами борьбе против немцев, написали письмо к словацкому подполковнику. Карпова взялась лично передать его адресату.

Эта отважная женщина направилась прямо в штаб словацкой части. Явившись туда в изящном шелковом платье, она легко добилась аудиенции у подполковника. Разговор происходил с глазу на глаз. Ознакомившись с письмом, словацкий офицер спросил разведчицу:

— А что вы скажете, если я сейчас же прикажу вас расстрелять?

— Что ж, я готова к этому, я знала, на что иду,— ответила Александра Карповна.

Он был поражен ее спокойствием и спросил:

— Что вас заставило идти на смерть?

— Ненависть к фашистам, которые хотят поработить мою Родину.

— Мы, словаки, тоже ненавидим фашистов,— сказал подполковник.— Я вас не выдам, но, к сожалению, предложение вашего командования принять не могу. Если мы перейдем на сторону Красной Армии, немцы немедленно расстреляют наши семьи. Мы уже предупреждены об этом. Пока я могу обещать только, что в случае, если наша часть принуждена будет выступить против партизан, солдаты будут стрелять вверх.

Прощаясь с разведчицей, словацкий офицер предупредил, что гитлеровское командование концентрирует крупные силы с целью прижать партизан к устью Припяти и потопить их здесь.

Это подтверждалось сообщениями, которые мы получали из разных мест. Оккупанты замыслили против нас крупную операцию с привлечением полевых войск. Случайно мы узнали, что план этой операции назван гитлеровцами «мокрый мешок». Из этого нетрудно было понять, взглянув на карту, что противник намеревался зажать партизан в треугольнике Днепра и Припяти.

* * *

Вечером 7 мая мы выступили из Аревичей на север, вверх по течению Припяти, в знакомые уже места Полесья, где в прошлом году нас застала зима. Первые ночные марши прошли спокойно, можно было даже поспать на повозке, если на

дневке не успел отдохнуть. Только вот дожди мешали. Но пора была весенняя, и бойцы, промокнув до нитки, не жаловались на погоду. Выглянет солнце, согреет, и радуется боец блеску молодой листвы, буйному цветению лесов, лугов. Казалось, можно забыть даже, что война идет.

Ничто не предвещало скорой встречи с врагом. Разведчики докладывали, что путь свободен. Одна старушка-колхозница, у которой наши люди спросили, нет ли в селе немецкой полиции или войск, ответила: «Ни полиции, ни войск немецких нет, есть только «наши хлопцы»,— так тут для конспирации называли партизан. А между тем враг надвигался, и вскоре мы оказались в плотном кольце нескольких полевых дивизий, снятых гитлеровцами с фронта для того, чтобы уничтожить партизан в «мокром мешке».

На нашем пути лежала железная дорога Гомель — Калшиковичи. В ночь на 20 мая мы подошли к этой дороге на перегоне Нахов — Голевицы и встретили здесь укрепленную оборону противника. По всей линии были настроены дзоты, вырыты окопы, протянуты проволочные заграждения, у переездов лес был вырублен на 200—300 метров, на лесных дорогах, ведущих к переездам, устроены завалы.

Как всегда, при подходе к железной дороге мы выслали вперед подрывников, чтобы заминировать путь справа и слева от намеченного нами места перехода. Противник встретил наших подрывников сильным огнем, и им не удалось установить мины. И все-таки мы пошли на прорыв вражеской обороны.

В полночь партизанские батальоны завязали бой. Три роты прорвались через железную дорогу, но потом к немцам подошел поезд с подкреплением и нам пришлось отойти, а прорвавшимся — прорываться назад. Несколько небольших групп отстало, и они нагоняли нас по следам.

Решено было перейти на правый берег Припяти, в южное Полесье. Я с одним батальоном выступил вперед для постройки переправы через Припять и захвата плацдарма на правом берегу. Остальные батальоны и батарея под общим руководством Руднева заняли оборону для прикрытия переправы. Силы прикрытия были разбиты на две группы, по два батальона в каждой. Командование группой, занявшей оборону западнее села Тульговичи, принял молодой помощник начальника нашего штаба Вася Войцехович. Руднев сказал ему в напутствие:

— Ну, сынок, надеемся на тебя, держись!

Семен Васильевич со своим военным образованием и армейским опытом лучше чем кто-либо из партизан понимал всю серьезность угрожавшей нам опасности и на этот раз, всегда такой сдержанный, не мог скрыть тревоги. Он очень боялся за прибывших к нам посланцев партии во главе с товарищем Коротченко.

Утром 17 мая партизаны были атакованы у Тульговичей с земли и с воздуха.

Войцехович занимал оборону впереди села. Партизаны отрыли здесь окопы полного профиля. Целый день они отбивали оче-

сточенные атаки вражеской пехоты, наступавшей при поддержке десяти танков и нескольких бомбардировщиков. В это время батальон, посланный на Припять, вторые сутки без отдыха скрытыми путями подвозил лесоматериал к месту переправы и вел разведку правого берега. Оказалось, что все правобережье Припяти от устья до Мозыря занято противником, во всех селах стоят фашистские гарнизоны.

Вот что такое был «мокрый мешок»! Теперь всем стало ясно, в каком положении мы очутились. Не только командиры и политработники, каждый боец сказал себе: «Ну, теперь стой!». И стояли у Тульговичей, несмотря ни на что.

Артиллеристы и бронебойщики расстреливали танки и бронемашинны противника чуть ли не в упор. К концу дня, потеряв убитыми свыше трехсот человек, оставив на поле боя четыре подбитых танка, танкетку и бронемашину, немцы прекратили атаки.

Вторая группа прикрывала переправу со стороны Хойников. Тут немцам пришлось наступать по заминированной нами дороге. Чтобы очистить себе путь, они решили послать вперед местное население — пусть женщины и дети подрываются на минах. Мы узнали об этом гнусном замысле от одного деда, прибежавшего в ночь перед боем на командный пункт Руднева. Семен Васильевич сейчас же вызвал к себе минеров.

— Какие мины поставили на дороге? — спросил он.

— Всяких натыкали, — ответили минеры.

— До утра снять все противопехотные, оставить только противотанковые, — приказал комиссар.

Минеры замыслили: им казалось, что это невозможно сделать: темно, а мины поставлены как попало — подорвешься. Комиссар повторил приказание.

— Другого выхода нет, надо идти на риск, чтобы спасти женщин и детей, — сказал он.

Как ни трудно было выполнить приказ, но минеры выполнили его. К утру, когда гитлеровцы выгнали на дорогу крестьян, все противопехотные мины были сняты с дороги. Толпа прошла, не пострадав, а фашисты были сметены огнем нашей обороны.

Вечером разведчики донесли, что противник перебрасывает свои силы к Припяти. Ясно было, что немцы намереваются ударить в тыл нашего прикрытия, чтобы отрезать его от переправы.

Часть партизанских рот сейчас же была снята с обороны и послана на постройку моста. Одновременно несколько рот передового батальона, переправившись на лодках через Припять, захватили плацдармы на правом берегу. В 9 часов вечера из Тульговичей двинулись к реке последние подразделения. Осталось только пятнадцать конников. Рассыпавшись по всей опустевшей линии обороны, они время от времени освещали местность ракетами, чтобы противник не догадался об уходе партизан.

В два часа ночи основные силы партизанского соединения сосредоточились у переправы. Мост не был готов еще и наполовину. За строительство взялись все. Заткнувши полы шинели за пояс,

вышел на берег и товарищ Коротченко с группой прибывших с ним работников ЦК партии и ЦК комсомола Украины. Около полутора тысяч бойцов и командиров всю ночь работали по полю в холодной воде, стаскивая бревна в реку и связывая их проволокой в плоты.

К утру весь мост длиной в 240 метров был готов у левого берега. Стали разворачивать его поперек Припяти. Сначала течение и ветер, дувший по течению, помогали нам. Но как только мост, развернувшись, стал поперек реки, тросы натянулись, и течение, усиленное ветром, разорвало связки плотов сразу в двух местах. Вся работа чуть было не пропала. Казалось, что весь мост сейчас сорвется с тросов и река разнесет его в клочья. Но люди бросились на мост, в лодки, и спустя несколько минут разорвавшиеся плоты были вновь связаны. Для большей прочности мост скрепили заранее заготовленными рельсами узкоколейки.

В шесть часов утра началась переправа. Весь груз пришлось переносить на руках, так как даже под пустой повозкой мост погружался в воду на 20—45 сантиметров. Труднее всего было с 76-миллиметровыми пушками. Я приказал командиру батареи Анисимову переправлять их на руках. Когда комиссар батареи Корнеев,— «папаша», как называли его батарейцы,— тащил со своими людьми по мосту первую пушку, мост ушел под воду больше чем на полметра. Течение сбивало людей с ног. Они срывались с моста, плыли, цеплялись друг за друга и снова под командой «папаша» тянули пушку по глубоко опустившемуся в воду мосту.

Завязался бой на правом берегу. Противник пошел в атаку на партизанские роты, оборонявшие занятый плацдарм. В самый разгар переправы немцы начали обстреливать ее из пулемета. Опасный был момент, но артиллеристы группы прикрытия метким выстрелом уничтожили этот пулемет и переправа продолжалась.

Поднялась стрельба и за нашей спиной на левом берегу. В районе Тульговичей забухала вражеская артиллерия, открывшая огонь по месту нашей вчерашней обороны. Введенные в заблуждение ракетами, которыми наши кавалеристы всю ночь освещали местность под Тульговичами, немцы долго обстреливали покинутые партизанами позиции. Наконец противник обнаружил, что стреляет по пустому месту, и бросился к реке. Поздно было: партизанские батальоны со всем обозом и скотом уже переправились через Припять и разрушили за собой мост.

Сосредоточившись на небольшом плацдарме, стойко оборонявшемся передовыми ротами, все три батальона ударили одновременно в разных направлениях, веером. Противник был опрокинут, ворота в южное Полесье открыты.

Немцы потеряли на Припяти не меньше тысячи человек убитыми, восемь танков и три бронемашин. Так закончилась попытка гитлеровцев загнать партизан в «мокрый мешок».

За время наших рейдов не раз бывало так: кругом враг,— нет

ни выхода, ни просвета, ни пройдет несколько дней — и мы уже сами ищем врага.

20 мая. Проливной дождь, льет он днем и ночью, на дороге слякоть. Уставшие люди засыпают на ходу, даже богатыри ослабели — давно уже обходятся без хлеба, соли, едят один суп, к тому же и картофеля не стало. Отощавшие от бескормицы лошади падают, и не каждую удается поднять, а надо идти, идти, скорее идти, чтобы оторваться от противника. Враг не только позади, но и впереди. Разведчики докладывают, что на переездах железной дороги Овруч — Мозырь, которой нам никак не миновать, немцы расставляют заслоны. Все равно надо идти, прорываться с боем. За железной дорогой топкая болотистая речка Словеница. Моста через нее нет. Придется сооружать. Мы с комиссаром выезжаем из колонны, останавливаемся на обочине дороги под вековым дубом.

— Слава вам, герои!

— Вперед, вперед, хоть понемножку, но вперед!

— Вечная память павшим!

Много наших дорогих товарищей, замечательных людей, осталось на Припяти.

Прошла неделя, а как за это время все изменилось! Памятный праздничный день — 28 мая. Встреча на берегу реки Уборть с руководителями партизанских соединений Украины, действовавших в Полесье.

Секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко созывает совещание на небольшой лесной поляне среди вековых дубов. Присутствуют Сабуров, Маликов, Федоров, Дружинин, Бегма, Мельник, я, Руднев и другие. Среди нас пять генералов. Все в полной форме, при орденах и медалях.

Мы выступаем с докладами об итогах своей партизанской деятельности за первое полугодие 1943 года. За каждым докладчиком стоят тысячи бойцов. Их не видно, они стоят в лесах поотрядно, но как не почувствовать их присутствия, когда все мы так связаны воедино руководством партии. Я докладываю о выходе нашего соединения из окружения и думаю: какое же это окружение, ведь если немцы нас окружили, то и сами они были окружены. Вот кольцо, в котором они мечутся, — отряды Сабурова, Федорова, Бегмы, Мельника...

На Карпаты!

После того, что было на Припяти, дубовая роща у села Милашевичи, где мы остановились на отдых в первых числах июня, показалась нам исключительно красивым и мирным уголком, хотя все села в окрестности были сожжены оккупантами, уцелели только дымоходы. Это — в Лельчицком районе, неподалеку от села Глушкевичи, места нашей стоянки в декабре прошлого года, когда мы взрывали железнодорожные мосты под

Сарнами. Мало осталось людей в сожженных селах, но не забыл тут народ песню про то:

Как хлопцы шагали и в дождь, и в пургу
На страх и на лютую гибель врагу,
Как били его богатырской рукой
За древним Путивлем, за Сеймом-рекой.

Эта песня, сложенная путивльским партизаном Рудем, стала нашим боевым маршем. Народ услышал ее здесь во время декабрьской стоянки соединения в Лельчицком районе, и, когда мы вернулись, девушки встретили нас нашей же песней. Запомнили ее, запала, значит, она им в сердце!

Как далеко разнеслись песни путивлян!

Если считать все петли, которые мы делали в пути, чтобы обмануть противника, сбить его с наших следов, обойти сильный гарнизон, появиться там, где враг меньше всего ждет, если учесть все отклонения от основного маршрута, выходы на боевые операции, с начала рейда пройдено больше 6400 километров. Партизанскую песню, родившуюся в Брянских лесах, слышал народ под Черниговом, Пинском, Сарнами, Ровно, Житомиром, Киевом, Мозырем. И всюду, где днем раздавалась эта песня, ночью враг испытывал на себе силу партизанского удара.

За время рейда нашим соединением уничтожено 14 железнодорожных и 28 гужевых мостов, пушено под откос 14 эшелонов, потоплено 15 речных судов, разгромлено 6 станций, 7 узлов связи, истреблено больше 6 тысяч гитлеровцев.

Коротким был отдых партизан у села Милашевичи. Только расположились здесь в дубовой роще, как опять к нам начали прилетать с Большой земли самолеты с боеприпасами, взрывчаткой, медикаментами, литературой. Надо было готовиться к походу, еще более трудному и далекому походу.

Конечно, и на этот раз, готовясь к новому походу, никто из партизан, кроме командования соединения, не знал, куда мы пойдём. Знали только, что предстоит выполнить очень почетную задачу, проникнуть в еще более глубокий тыл врага, в районы, где он чувствует себя смелее, где опасность для нас во много раз возрастает.

Каждый вечер возле штаба у костра вокруг товарища Коротченко собирались партизаны, пели песни, беседовали. Каких только вопросов не задавали бойцы товарищу Коротченко, но я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь спросил:

— А куда, товарищ Демьян, мы пойдем теперь, в какие края?

Никогда не спрашивать, куда, зачем идем, полностью полагаться на командование стало у нашего народа законом, и я не помню, чтобы кто-нибудь его нарушил, хотя, казалось бы, у бойцов не раз должен был возникнуть вопрос: почему мы вдруг сворачиваем в сторону, возвращаемся назад, делаем такую петлю?

Когда партизанская колонна неожиданно изменяла маршрут, бойцы обычно запевали:

Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!

На общем партийном собрании Руднев, говоря о предстоящем походе, только намекнул, что, возможно, нам придется побывать там, где зреет виноград, и сейчас же перешел к деловым вопросам подготовки рейда. Это собрание, происходившее в дубовой роще у села Милашевичи, было самое многочисленное из всех партийных собраний, которые проводились у нас до того в тылу врага. На нем присутствовало несколько сот человек, из них больше половины — коммунисты, принятые в партию за время партизанской борьбы.

Предстоял трудный поход, но после общего партийного собрания, партийно-комсомольских собраний в батальонах, после митинга всего соединения настроение у бойцов и командиров было праздничное. Многие партизаны только что получили ордена и медали. Их вручал начальник Украинского штаба партизанского движения генерал-майор Строкач, прилетевший к нам на самолете в эти дни.

Все наши мысли были обращены к Родине. Когда вручались награды, каждый из нас думал: о нас заботятся Родина, партия, правительство, пославшие нас в дальний и славный путь; в каком бы глубоком тылу противника мы не очутились, всюду партия ведет нас, следит за каждым нашим шагом, всюду мы будем чувствовать ее заботу и руководство.

Перед выходом в рейд на Правобережье Днестра мы были предупреждены, что эти районы, хотя они еще и находятся в глубоком тылу врага, скоро станут плацдармом ожесточенных боев. Тогда Красная Армия держала фронт у Сталинграда. За время нашего рейда советские войска, громя врага, прошли от Волги до Курска и Харькова. По всему было видно: еще один удар Красной Армии — и советские войска шагнут на разведанный нами приднепровский плацдарм.

Радостно было думать, что наши удары нацеливаются с такой меткостью, что мы, украинские партизаны, в тылу врага и Красная Армия на фронте действуем как одно целое, что нас ведет к победе Коммунистическая партия.

Перед выступлением в поход на Карпаты с обратными рейсами самолетов была отправлена на Большую землю новая партия раненых и больных партизан. Пришлось нам проводить в Москву и Деда Мороза. Как ни крепился старик, но здоровье все-таки сдало. После переправы через Припять его разбил такой ревматизм, что он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. Артиллеристы везли своего «папашу» до Милашевичей на подводе и кормили его с ложки.

Не хотелось Алексею Ильичу покидать отряд. Прощаясь, он со слезами на глазах говорил своим боевым друзьям:

— Только бы вылечили меня в Москве, а как встану на ноги, найду, где бы вы не были.

12 июня партизанское соединение, после напутствия, полученного от товарища Коротченко, выступило в Карпатский рейд. Почти два месяца пробыл с нами Демьян Сергеевич, неся тяготы, лишения и опасности партизанской жизни наравне со всеми бойцами и командирами. Теперь он получил новое задание Центрального Комитета партии и должен был расстаться с нами.

— Какой чудесный народ! — сказал он мне, прощаясь.

Провожая колонну, он стоял на берегу реки с группой товарищей из Центрального Комитета Коммунистической партии (большевиков) Украины, ЦК ЛКСМУ и Украинского штаба партизанского движения, которые оставались с ним.

Нельзя забыть этот волнующий вечер в глубоком тылу врага: слышны песни уходящих вдаль рот, шелканье леск, треск киноаппаратов; крепкие объятия, поцелун.

— Счастливого пути!

— Прощайте, товарищи!

— Привет Родине!

Просхали последние повозки, прошли люди, Семен Васильевич проскакал в голову колонны, а Коротченко и его товарищи все еще стояли на берегу Убурти. Они долго махали нам фуражками и автоматами.

Нам предстояло пройти три области: Ровенскую, Тернопольскую, Станиславскую¹, форсировать несколько больших рек, пересечь до десятка железных дорог. Как совершить такой марш скрытно, не обнаружив себя?

За время маневренных действий у нас постепенно выработались свои железные законы партизанского марша: выступать в поход с наступлением темноты, а при дневном свете отдыхать в лесу или в глухих селах; знать все, что делается далеко впереди и по сторонам; не идти долго в одном направлении; прямым дорогам предпочитать окольные; не бояться сделать круг или петлю; проходя мимо крупных гарнизонов врага, прикрываться от них заслонами; небольшие гарнизоны, заставы, засады уничтожать без остатка; ни под каким видом не нарушать в движении строй, никому не выходить из рядов, всегда быть готовыми к тому, чтобы через две минуты после появления врага походная колонна могла занять круговую оборону и открыть огонь из всех видов оружия: одни пушки выезжают на позиции, другие тем временем бьют прямо с дороги; главные силы идут глухими проселками, тропками, которые известны только местным жителям, а диверсионные группы выходят на большаки и железнодорожные линии, закрывают их для противника, подрывают мосты, рельсы, провода, пускают под откос эшелоны.

Там, где идет ночью партизанская колонна, — тишина, а далеко вокруг все гремит и пылает. Вступаешь в село, поднимай народ на борьбу, используй для этого все: листовки, радио, беседы агитаторов. Вооружай местных партизан, учи их своему опыту, чтобы

¹ Теперь — Ивано-Франковская область.

завтра, когда будешь далеко, позади тебя не затухало пламя пожаров, не умолкал грохот взрывов. Ни в коем случае не говори: «Мы — путивляне», «Мы — шалыгинцы», «Мы — глуховцы», забудь название своих районов. Никто не знает, куда мы идем, и никто не должен знать, откуда мы пришли. Весь народ воюет. И мы — только струйка в грозном потоке. Пусть враг попробует найти нас.

Мы очень опасались перехода железнодорожной магистрали Ковель — Ровно. Это была первая железная дорога, которую нам нужно было перейти, выйдя из лесов Полесья. Поезда курсировали через каждые пять минут, а для того, чтобы наша колонна пересекла дорогу, требовалось около часа. Нечего и пытаться было проскользнуть бесшумно. Семен Васильевич лично подбирал подрывников из самых смелых людей, лично инструктировал их. Послал две группы: одну на запад от переезда, другую — на восток. Задача: к 11 часам вечера заминировать оба пути, если придется — всем умереть, но не пропустить к переезду ни одного поезда.

Только проследовали два встречных эшелона, как колонна подошла к переезду. Боковые заслоны встали на свои места, и обоз пошел через дорогу рысью. Когда на линию вышел наш штаб, на западе зашумел поезд. Он взорвался на mine, заложенной метрах в пятистах от переезда. Почти одновременно ударила пушка бокового заслона и раздался залп бронебоек. Поезд остановился под шквалом огня из всех видов оружия. Вскоре мы услышали более отдаленный взрыв на западе, — второй эшелон подорвался на mine. Прошло еще несколько минут — двойной взрыв на востоке.

Сорок пять минут продолжалось форсирование дороги, вся колонна прошла без заминки, а по обе стороны переезда все это время шла бешеная пальба и грохотали взрывы мин. Всего было подорвано пять эшелонов, один из них с войсками, он состоял из шести десятков вагонов.

Мы прошли недалеко от Ровно, обогнули его с севера лесами и, повернув на юг, двинулись открытыми полевыми дорогами, делая по пятьдесят километров за ночной переход.

К 5 июля партизанское соединение вышло в Тернопольскую область. Тут до нашего прихода партизан было немного, и немцы без особого страха разъезжали по дорогам. Мы как с неба свалились им на голову всей своей двухтысячной массой с пушками. По Прикарпатья пронесся слух, что советские самолеты сбросили парашютный десант. И тотчас пронеслась другая весть: бесследно исчезли немецкие коменданты Тернополя и Львова. Они мчались куда-то на легковых машинах, и обе их машины были подбиты нами. Уже потом мы узнали, кто был убит на этих случайно залетевших к нам машинах.

В поисках исчезнувшего начальства по дорогам замесались на грузовиках отряды жандармерии. Один такой отряд наскочил на наших партизан у города Скалата. Мы стояли тут на дневке, расположившись на опушке леса. Решив, что перед ними неболь-

шой отряд советских десантников, жандармы развернулись в цепи и пошли в «психическую» атаку. Мы подпустили этих молодчиков на такое расстояние, что видно было, как сразу изменилось выражение их лиц, когда вдруг ожила вся опушка леса и из-за деревьев выскочил эскадрон во главе с Ленкиным. Жандармов как ветев выскочил эскадрон во главе с Ленкиным, на которых они приказом сдуло. Остались только автомашины, на которых они приказали в Скалат.

В этом городе мы выпустили из тюрьмы несколько сот осужденных на смерть евреев. Те из них, которые могли держать в руках оружие, вступили в наши батальоны, остальные разошлись по лесам. Трофеи тут достались нам богатейшие. С собой мы взяли только ничтожную долю захваченного, главным образом нуфактуры было взято по пять метров на человека, а населению роздано во много раз больше. Партизаны, разбиравшие склады, совали мануфактуру кипами в руки всем прохожим.

Много было роздано в городе и консервов. С этими консервами вышло недоразумение. Обнаружив на одном складе тысячи жестяных банок, партизаны решили, что в банках взрывчатка, обработавшись, стали вывозить их, но тут выяснилось, что в банках маринованная селедка. Люди страшно досадовали, что не взрывчатка.

После нашего налета на Скалат оккупанты поняли, что дело серьезное, и начали стягивать против нас воинские части. Мы торопились вырваться в горы, к своей цели — дрогобычской нефти. Но пошли дожди, глинистая земля раскисла, и наши обозы застряли в липкой грязи. Даже незапряженная лошадь не могла двигаться. Три дня, почти не переставая, лил дождь. Мы стояли в эти дни в лесу под Гусятином. За время нашей вынужденной стоянки немцы заняли войсками все окружающие лес села.

На четвертый день, 12 июля, дождь перестал и мы, как только стемнело, пошли на прорыв у села Раштовцы. В этом селе было до полутысячи немцев. Один наш батальон атаковал их, завязал с противником бой в селе, а колонна с обозами тем временем проходила по дороге в пятистах метрах севернее села. Несмотря на грязь, мы прошли за ночь около пятидесяти километров. Батальон, штурмовавший село, догнал нас в пути, но помощник комбата Подоляко, командовавший группой заслона, медсестра Наталья Подурема и боец Евгений Колодник не вернулись из боя — пали смертью героев.

Теперь все решала быстрота движения. Надо было переправиться через Днестр и подойти к нефтяным вышкам раньше, чем гитлеровцы организуют их оборону и смогут сосредоточить крупные силы против прорвавшихся в горы партизан.

Разведчики соединения под командой Гаркунова, успевшие уже побывать под Львовом, сообщали, что захватчики подняли на ноги все свои гарнизоны в близлежащих городах, что горно-стрелковые полки, следующие из Норвегии на Восточный фронт, задержаны в пути и уже выгружаются из эшелонов. Нашей разведкой был

перехвачен документ, из которого мы узнали, что немецкое командование выделило пятьсот автомашин для переброски войск в горы.

В поисках удобной переправы мы двигались вдоль Днестра стремительным маршем, делая за переход до шестидесяти километров. «Теперь промедление — смерти подобно», — говорили командиры бойцам.

Немецкое командование стягивало к переправе через Днестр 4-й, 13-й эсэсовские полки и отряды жандармерии. Но партизаны опередили врага.

В ночь на 15 июля кавалерия Ленкина скрытно подошла к мосту у села Сивки, севернее Галича. С криком «ура» появившиеся из тьмы конники лавой обрушились на ошеломленную охрану, и она была перерублена, прежде чем успела открыть огонь. К утру партизанское соединение было уже на том берегу Днестра.

Исходным пунктом для удара по нефтяным промыслам мы избрали Черный лес, что к западу от города Станислава, у подножья Карпат. Чтобы войти в этот лес, надо было форсировать еще Ломницу. Это была первая встретившаяся на нашем пути горная река с быстрым течением. Мы подошли к ней 16 июля. Гитлеровцы к этому времени успели уже выставить у каждого возможного места переправы по батальону пехоты.

Всего против нас тут было выставлено до трех тысяч пехотинцев с артиллерией и танками. Опять противник пытался зажать партизан в кольцо, перехватить их и уничтожить на пути в горы. Мостов через Ломницу не было, а броды тут глубокие, и немцы охраняли их, сидя на берегу в окопах. Мы сосредоточились для атаки в лесу, который противник бомбил и обстреливал с самолетов.

Главное — найти броды помельче и поудобнее для форсирования реки с боем. С помощью местных жителей мы нашли их между селами Медыня и Блюдники. Здесь я собрал в кулак все наши пушки и минометы. Чтобы распылить внимание врага, партизанские группы вышли к реке фронтом в двадцать пять километров. Противнику всюду пришлось быть настороже.

В ночь на 17 июля партизанские пушки и минометчики обрушили огонь своих орудий на вражеский берег. Сейчас же началась переправа. Одни роты переходили реку, а другие сковывали боем немецкие гарнизоны на флангах — в Медыне и Блюдниках.

Бурный поток горной реки валил людей с ног. Приходилось идти цепочкой, держась за руки, помогать друг другу преодолевать течение. Выбравшись на берег, промокшие до нитки бойцы бросались в атаку с «Песней о Родине». Грозно поднималась эта песня во тьме ночи, в грохоте боя:

Широка страна моя родная...

Как это звучало мощно, когда сотни людей, идя в атаку, вкладывали в слова песни всю гордость за свою Родину, всю любовь свою к ней!

От Москвы до самых до окраин,
С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин
Необъятной Родины своей...

В нашем обозе имелось несколько подвод, принадлежавших партийному хозяйству Паинна (сам он всегда ходил пешком — был слабого здоровья, хотел закалить себя ходьбой). Все богатство его хозяйства состояло в походной типографии, присланной нам из Москвы, когда мы были на озере Червоном. В типографии работал один человек — наборщик Федор Галагудин, он же и печатник. При подъеме на Карпаты Галагудин был тяжело ранен. С раздробленной ногой лежал он на повозке и под диктовку Паинна набирал листовки, которые тут же, у повозки, разбирались местным населением и бойцами партизанской разведки. На десятки километров от оси нашего движения распространяли разведчики-агитаторы листовки нашей партийной организации.

Да, и здесь, в Карпатах, как и в Путивле, в Глухове, Шалыги-не, Кролевце, мы были на своей земле, были хозяевами этой земли. Тысячи километров прошли мы по дорогам Украины, разжигая пламя партизанской борьбы, пламя народной мести, и враг был бессилён остановить грозное движение наших непрерывно растущих колонн. «Не смог фронт задержать нас ни на Днестре, ни на Припяти, ни на Днестре — не задержит и здесь. Пусть хоть сто тысяч чертей выставят против нас немцы, но мы пробьем себе дорогу к нефтяным промыслам», — говорили партизаны.

Стремительной атакой оборона немцев на Ломнице между селами Медышей и Блюдниками была прорвана. Вражеские батальоны, стоявшие в соседних селах, не смогли прийти на помощь атакованным, сами они с минуты на минуту ждали нападения партизан.

Переправа была закончена благополучно. Не повезло только овцам. Мы гнали с собой в Карпаты для продовольствия большую отару овец. На Ломнице много их было унесено быстрым течением.

Мы продолжали марш к Черному лесу. На подходах к нему, когда наши подрывники взрывали мост на дороге Станислав — Калуш, над хвостом колонны закружились немецкие самолеты. Они давно уже охотились за нами. Наконец попали на след партизан. На радостях один немецкий разведчик подлетел к мосту на небольшой высоте. Как раз в этот момент раздался взрыв. Воздушная волна отшвырнула самолет в сторону, как щепку.

Партизанские батальоны быстро втягивались в лес, над ними пронзительно выли мессеры с желтыми крестами на фюзеляжах, пикировали к самым деревьям, точно пытаясь разглядеть, что делается в чаще. А партизаны посмеивались:

— Теперь нищи-свищи, господин мессершмитт!

По горным тропам

Закончился поход степными просторами, отгремели схватки на водных рубежах и у железнодорожных переездов. На коротком отдыхе в Черном лесу, вокруг костров, разведенных в ямах, все думали об одном: «Что ждет нас в горах, на крутых лесистых склонах, в ущельях Карпат?»

Командование отрядов знало, что собирается гроза: со всех сторон к горам подтягивались эсэсовские и горно-стрелковые полки гитлеровцев. У противника было огромное преимущество — автомашины, шоссейные дороги. Пользуясь этим, немцы все время опережали нас и выставляли на нашем пути заслоны. На границе Чехословакии, в Закарпатской Украине, до которой горными дорогами оставалось всего несколько десятков километров, сосредоточивались венгерские полки. Упустив нас на речных переправах, враг надеялся теперь захлестнуть партизанское соединение в горах огромной петлей.

Перед выходом из Черного леса, у дороги к нефтяным промыслам, нас подстерегал 4-й эсэсовский полк, расположившийся в селе Росильна. В ночь на 19 июля 1943 года, когда мы двинулись к вершинам Карпат, я приказал двум нашим командирам — Бакрадзе и Матющенко — атаковать этот полк.

Этих командиров партизаны особенно ценили. Искусству воевать они учились уже на наших глазах, в партизанском соединении.

Федор Данилович Матющенко — уже пожилой человек с большим опытом руководящей работы — до войны был председателем колхоза. У нас он первое время был комиссаром Шалыгинского отряда. Потом, подучившись, сам стал командовать, отличился в бою у села Блудчи. Это он загнал немцев в Тетерев, топил их в реке, как щенят.

Инженер Давид Ильич Бакрадзе за время рейда на Правобережье Днестра прошел путь от рядового бойца-артиллериста до командира батальона.

Посылая Бакрадзе в Росильну, я дал ему две роты путивлян и приказал ворваться в село с запада.

— Старайтесь произвести впечатление, что вас по крайней мере втрое больше. Гоните фашистов на северо-восточную окраину, там их встретит Матющенко.

Бакрадзе не надо было учить, как произвести на врага «сильное впечатление». Снять немецкую охрану без выстрела, под покровом ночи внезапно ворваться в село, устроить «тарарам» — это он любил больше всего, так же как хитрый Матющенко любил наводить на врага страх видимостью окружения.

На этот раз Бакрадзе особенно повезло. В Росильне стояли на огневых позициях две немецкие батареи, обращенные стволами к дороге, по которой двигалась наша колонна. Когда в селе началась артиллерийская пальба, я приказал бойцам залечь в кювет, решив, что немцы бьют по колонне. Проходит несколько минут.

Артиллерийский огонь достигает ураганной силы, но в нашу сторону снаряды не летят. Оказалось, что стреляли из орудий не немцы, а бойцы Бакрадзе. Они без выстрела захватили обе батареи и, повернув стволы, стали бить по немцам из их же пушек. На батареях было около тысячи снарядов. Бакрадзе торопился израсходовать весь этот боезапас.

Пока в Росильне происходило уничтожение эсэсовцев (Бакрадзе гнал немцев на Матющенко, а Матющенко гнал их обратно на Бакрадзе), главные силы партизанского соединения со всем нашим обозом спокойно прошли стороной на село Маняву.

От Манявы начался подъем к промыслам Биткув и Яблунув. Он оказался куда трудней, чем мы думали. Дорога вилась по лесистому склону крутизной до сорока пяти градусов. С нами было более трехсот подвод с грузом. Скоро все лошади стали мокрыми, в мыле. Пришлось тащить на руках и повозки, и груз, и пулеметы, и орудия. Одна лошадь выбьется из сил, поскользнется, упадет, и вся колонна останавливается. Объехать повозку нельзя: дорога очень узкая, по существу, и не дорога даже, а тропа, и по обе стороны ее — крутые подъемы, лес, камни, поваленные бурей деревья.

Конные связные с трудом пробирались вдоль колонны, когда она двигалась по этой дороге. Только пятнадцатилетний Иван Черняк, раздобывший где-то шустрюю конячку ростом с осла, носился на ней в толчее обоза, как по полю, вихрем.

Гитлеровцы, несмотря на всю суматоху, которую они подняли в окрестностях, вернее из-за нее, прозевали наш выход в горы и обнаружили нас на склонах Карпат уже с воздуха. Обнаружить нас было нетрудно, так как в горах почного времени нам стало не хватать, приходилось продолжать движение и днем.

Пронеслись над дорогой воздушные разведчики, и вскоре начались налеты штурмовиков. Собьем ружейно-пулеметным огнем одну машину, грохнется она где-нибудь в горах, — остальные отвяжутся, но ненадолго. Только успеем оттащить в сторону убитых лошадей, расчистить дорогу от искрошенных повозок, как опять режут самолеты, рвутся бомбы. Людям есть где укрыться: кругом лес, вековые деревья, а обоз все время под бомбами и огнем немецких штурмовиков. Чтобы спасти лошадей, стали при появлении авиации выпрыгивать их и втаскивать по крутым склонам в лес.

Так вот и двигались, шаг за шагом, к вершинам Карпат, острыми зубцами закрывавшим горизонт. Поминутно выпрыгали и запрягали лошадей, с лопатами и топорами в руках прокладывали себе путь по заваленной расщепленными деревьями, усыпанной расколотыми камнями, изрытой бомбами узкой дорожке да время от времени хоронили под гранитными глыбами кого-нибудь из боевых товарищей, павших при очередном налете фашистской авиации.

На горизонте появились десятки вышек. Прикарпатская нефть! В ночь на 20 июля все наши батальоны выслали под прикры-

нием автоматчиков группы подрывников для уничтожения нефтяных промыслов.

Пламя пожаров озарило склоны Карпатских гор. Партизаны любят ночь, тишину, но тут и ночью было светло, как днем, а от горящей нефти стоял кругом такой треск, воздух так дрожал, что не было слышно гула моторов немецких самолетов, не дававших нам покоя даже ночью.

Враг метался с места на место, но помешать нам не смог. Мы напали одновременно на все нефтяные участки. Спасибо нашим неизвестным друзьям-помощникам, рабочим и инженерам-нефтяникам: незаметными горными тропами проводили они партизан к вышкам и силовым установкам. Один из наших здешних друзей показал, где проходят трубы подземного нефтепровода Биткув — Яблунув. Много горючего выпустили партизаны с его помощью из этого нефтепровода в горную речку Быстрицу. Он был поляк; инженер. Фамилии его, как и многих других наших помощников, к сожалению, не удалось узнать. Сделав свое дело, он исчез так же таинственно, как и появился в лесу среди партизан.

Несколько дней подряд бушевали пожары на нефтяных промыслах Биткува и Яблунова. Днем диверсионные группы партизан укрывались в лесах, но как только наступала ночь, в горах снова вспыхивали столбы огня, окрестность оглашалась треском горящей нефти. Утром, уже солнце взойдет, а склоны гор еще закрыты черными тучами дыма.

Мы стояли на высоте 936. Перед нами были Карпаты во всей их дикой красе: лесистые склоны хребта, голые каменные вершины, точно гигантские лысоголовые чудо-звери залегли тут и окаменели, ущелья, заполненные туманом, утонувшие в тумане долины, тучи — не поймешь, то ли это еще дым пожара клубится, то ли это облака сели на гору. Мрак. Утро кажется сумерками, и вдруг на небе появится маленькое голубое озерцо, быстро растет, выплывет на него солнце, озарит вершины, все умытое дождем заблещет, засверкает на несколько минут и вмиг погаснет — опять мрак, дождь-ливень, громовые раскаты, полыханье молний.

К дождю мы уже привыкли в походах, одежда по несколько дней не просыхала, но таких грозowych ливней, как в Карпатах, никто из нас не представлял себе. Это был не дождь, а водопад. Сверху лил поток воды, и вниз вода катилась таким же шумным потоком. Хорошо еще, что это продолжалось недолго.

— Ну вот, друг мой, и Карпаты,— говорил Семен Васильевич сыну.

Помню, как он стоял тогда с Радиком под деревом и смотрел вниз, на долину, озабоченный тем, что спуск очень крутой, места под углом в семьдесят градусов. У этого дерева Семен Васильевич вскоре и заснул, прислонившись к нему плечом, опустив голову. Он не раз засыпал так в лесу после нескольких суток без сна. Семен Васильевич часто подолгу не спал и не ел. Только это и выдавало его состояние. Да разве вот еще дневник, который он начал вести перед походом на Карпаты. Сядет в уединении на

пенек, вытащит из сумки тетрадку, и все знают, что комиссар чем-то взволнован. Он всегда брался за дневник, когда его что-нибудь волнует.

Недалеко уже было до границы Чехословакии. В связи с этим Семен Васильевич созвал собрание. Необычайный вопрос обсуждался на этом собрании, происходившем высоко в горах на лесной поляне, под грохот взрывов, в отсвете пожаров.

Почти за год до этого к нам в Брянские леса пришла из 47-го венгерского полка более 30 солдат с винтовками и двумя пулеметами. Хорошие это были люди. На нашу сторону их привели ненависть к фашизму и желание как можно скорее освободить свою любимую Венгрию от гитлеровской коричневой чумы — диктатуры Хорти.

Среди этих венгерских солдат был один офицер — Габор Туровцы, разделявший идеи Коммунистической партии. Он беззаветно любил свою родину, свой народ и мечтал увидеть их свободными и счастливыми. Габор взволнованно рассказал нам о геронческом прошлом Венгрии, о том, что венгерские солдаты не хотят воевать против русских, что многие допризывники укрываются, не желая попасть на фронт, а уже призванные в армию убегают домой.

Партизанам было интересно узнать историю многострадального венгерского народа, о том, что Венгрия была присоединена к Берлинскому пакту и стала сателлитом гитлеровской Германии и как 27 июня 1941 года клика Хорти втянула страну в войну против Советского Союза.

— Венгерские войска вместе с немецкими оккупантами совершают зверские преступления и насилия на временно захваченной советской земле, — с возмущением говорил Габор. — Правительство Хорти дорого заплатит народу за свою человеконенавистническую политику...

По заданию нашего штаба Габор часто ходил в рискованные и сложные разведки, выполнял их всегда добросовестно и в срок; на его счету было несколько высаженных в воздух эшелонов с живой силой и техникой врага.

Когда наше соединение, выполняя приказ Главного командования Красной Армии, вышло в рейд на Правобережье Днепра и в западные области Украины, с нами пошла и вся группа Габора Туровцы.

Венгерские товарищи принимали участие почти во всех боях, проводимых тогда нашим соединением. Особенно отличились своей смелостью и отвагой венгры-саперы из первой саперной роты. При форсировании многочисленных речек, встречавшихся на нашем пути, они не раз в чрезвычайно трудных условиях, под сильным огнем противника вместе с другими партизанами быстро наводили переправы.

В походе на Правобережье Габор был командиром одного из отделений соединения. Однажды, когда мы уже подходили к Днепру, он пошел на задание и не вернулся. Это была тяжелая потеря

для бойцов соединения, так как за время пребывания у нас его все полюбили. Не было в соединении ни одного партизана, который бы не знал этого жизнерадостного, образованного и обаятельного офицера. Мы все убеждены, что Габор ни при каких обстоятельствах не мог перейти на сторону врага. Очевидно, попав в трудные условия, он погиб смертью героя¹.

В эти ответственные дни наши венгерские товарищи — Лукаш Ференц, Мракович Кальман, Мариман Томас, Иван Козун, Иван Драгун, Василь Догей, Андрей Гомада и Юрко Горба — прошедшие хорошую десятимесячную партизанскую школу, решили пойти на родину, в венгерские села и города, и там организовать партизанские отряды, поднимать свой народ на борьбу с фашистскими захватчиками.

Этот вопрос и стоял на собрании. Собственно говоря, это было не собрание, а просто дружеские проводы товарищей по борьбе. Высказали свои пожелания, дали советы, снабдили оружием, продовольствием и крепко пожали на прощанье руки.

Тепло простившись и поблагодарив советских партизан за то, что научили партизанскому делу, венгерские товарищи двинулись на территорию Венгрии.

За время рейдов на просторах Украины мы привыкли к полной свободе маневра, к тому, что всегда могли свернуть с дороги в любую сторону, к стремительным маршам. С огромным обозом, гуртом скота мы делали на равнине до шестидесяти километров за ночной переход. Иное дело в горах, где нам пришлось двигаться тропами, по крутым склонам и узким лощинам рек. Здесь с нечеловеческими усилиями мы продвигались за ночь на пять-шесть километров. Противник, конечно, воспользовался этим. Гитлеровцы заперли все выходы из гор и начали сжимать кольцо окружения. Теперь они были совершенно уверены, что мы попались в ловушку. В Надворной нас караулил 6-й эсэсовский полк, в Яремче — 26-й, в Печенежине — 347-й горно-стрелковый.

Выполнив свою главную задачу — с 19 по 24 июля была возвращена сорок одна нефтяная вышка, мы вышли в лощину реки Гилицы. Немецкие и венгерско-хортистские войска заняли уже все высоты, господствующие над этой лощиной, укрепили их, рыли в камешном грунте окопы.

Враг держался оборонительной тактики. Он рассчитывал нас измотать, заставить израсходовать все боеприпасы, а тем временем стянуть вокруг кольцо такой плотности, чтобы ни один человек не мог вырваться из него. Гитлеровское командование, как показывали пленные, отдало приказ во что бы то ни стало захватить меня и Руднева живыми.

¹ Установлено, что Габор Туровцы, выполняя боевое задание, был захвачен врагами. Гитлеровцы выдали его венгерскому оккупационному командованию. После двухнедельных пыток хортистский военный трибунал присудил мужественного героя-антифашиста к расстрелу.
28 ноября 1942 года он был расстрелян.

Ведя борьбу за высоту, за более выгодное положение в горах, партизаны прорывали одно кольцо врага и опять оказывались в кольце. Все выше и выше поднимались мы в горы. Чтобы свободнее маневрировать, все повозки были переделаны на двуколки, потом пришлось отказаться и от них, перейти на выюки, раненых нести на носилках.

Все сколько-нибудь проезжие дороги были под наблюдением вражеской авиации. Мы пробирались со своим тяжелым вооружением, пушками и минометами по тропинкам, известным только местным горцам-гуцулам. Они давали нам проводников — смелых охотников. С их помощью мы проходили иногда и без троп, пробирались через лесные завалы, дремучие леса, в зарослях гигантского папоротника, где ноги то вязнут во мху, то скользят по мокрым камням. Здесь впервые прогремела новая походная песня, сложенная партизаном-поэтом Платоном Воронько, командиром группы минеров:

По высоким лесистым отрогам,
Там, где Быстрица, злая река,
По звериным тропам и дорогам
Пробирался отряд Ковпака.

Не раз приходилось потуже затягивать ремень: воды и соли в горах сколько угодно, но с продовольствием было плохо. Нас выручали пастухи, пасшие скот на горных пастбищах и тут же в огромных котлах варившие сыр из овечьего молока. Немцы отдали приказ старостам под страхом смертной казни согнать весь скот в долины. Но жители все-таки нашли возможность помогать нам. То и дело партизаны ловили «заблудившихся» коров: их пригоняли в наше расположение пастухи-гуцулы.

После нескольких дней изнурительного марша в горах мы сбоем пробивались к селу Полянице, что в двух километрах от чехословацкой границы. И тут опять оказалось, что все господствующие высоты заняты противником.

Немецкая авиация не давала нам возможности выводить лошадей на пастбище, и они так ослабли, что бесполезно было уже запрягать их. Мы поняли, что с пушками и минометами нам не вырваться из гор. С тяжелым сердцем пришлось отдать приказ: «Артбатарею и батареям минометов израсходовать весь боезапас по противнику и уничтожить материальную часть».

Дали в тот день жару гитлеровцам наши пушкарки и минометчики! Немецкая артиллерия, пытавшаяся было отвечать, быстро замолкла.

Когда весь боезапас был расстрелян, бойцы и командиры привязали к орудиям толовые шашки, подожгли бикфордовы шнуры, отошли в сторону и сняли головные уборы. На душе было такое чувство, будто мы хоронили своих лучших друзей. У многих на глазах навернулись слезы. После взрыва несколько минут стояла полная тишина, потом я услышал, как кто-то негромко сказал:

— Ничего, товарищи, все равно они уже износились по давности их действия.

И кто-то другой отозвался сердито:

— Тоже, утешитель!

Был у нас обычай: бойцу, вернувшемуся из боя без оружия, вручалась палка, и он назначался погонщиком скота. Для наших людей это было самым тяжелым наказанием. Ничего так не ценил партизан, как оружие и боеприпасы, это была его святая святых. В трудном положении, когда приходилось решать, что бросить: шинель или часть патронов, не задумываясь, расставались с шинелью, хотя бы и стужа была. А тут вот пушки, минометы бросили, сами взорвали их. Можно было заплакать.

Оставшись налегке, мы решили ночью вывести батальоны из боя и идти напрямик горными ущельями. Отход прикрывал кавэскадрон Ленкина. Спешенные кавалеристы забралась на несколько высоток, стали бить из пулеметов и одновременно стрелять из всех своих ракетниц. Масса ракет, взлетевших к вершинам гор, перепугала противника больше, чем пулеметный огонь. Он вообразил, что партизаны предпринимают атаку, и перешел к обороне. Всю ночь Ленкин пугал гитлеровцев ракетами, а наши батальоны тем временем спокойно уходили в горы.

Утром мы находились уже далеко от места боя, в каком-то лесистом ущелье. Думали, что оторвались от противника, но его авиация опять выследила нас на походе. Двое суток, преследуемые самолетами, шли партизаны без дорог, с ранеными на носилках, с тяжелым грузом на спине, карабкались день и ночь среди каменных глыб, продирались лесной чащей, двигались к горе Шевка. А с другой стороны к этой горе спешил 26-й эсэсовский полк. Мы пришли первыми.

Ночью 31 июля шатавшиеся от усталости и скудного питания бойцы поднялись на безлесную вершину горы. Тут мы нашли полуобвалившиеся, поросшие травой окопы, отрытые русскими солдатами еще в первую мировую войну. Я сам был одним из тех солдат, которым пришлось тогда рыть окопы в каменистом грунте Карпат. Кажется, даже на той самой лысой горе Шевке воевал, из этих же окопов выползал на разведку. Где-то тут, возможно тоже на Шевке, погиб в ту войну брат нашего начальника штаба Базымы. Словом, было что вспомнить нам на вершине Шевки, но нас занимало в ту ночь только одно — то, что мы выиграли высоту. Это казалось нам самым главным: очень надоело быть все время под наблюдением и обстрелом врага, занимавшего вокруг нас все господствующие высоты. Теперь мы были наверху, а немцы внизу.

Утром эсэсовцы пошли в атаку, поднимаясь по крутому склону, перебегая от куста к кусту. Мы встретили их огнем из окопов.

Два дня продолжался жаркий бой на Шевке. При поддержке девяти бомбардировщиков противник предпринимал атаки с запада, с северо-запада и юга. Но каждый раз мы сбрасывали его к подножью горы.

Позиции были у нас удобные для боя с пехотой, но вражеская авиация сильно досаждала, да и нельзя было задерживаться

долго на одном месте: навлекли бы на себя еще больше войск противника. Мы оставались без боеприпасов, продовольствия и воды — бойцы уже собирали из дождевых луж последние капли; дожди как назло прекратились, а к источникам не подобрешься, они выше — у немцев.

Ночью мы спустились с горы в лес и перебрались на соседнюю гору Вовтарув и так удачно, что немцы даже не заметили этого, хотя они всюду подстерегали нас.

3 августа на этой горе партизаны вдоволь посмеялись, наблюдая, как гитлеровские летчики колотили бомбами опустевшую Шевку.

Больше всего нам нужен был отдых. Уже не только кони, мало их осталось у нас, но и люди выбились из последних сил. Чтобы убедиться в этом, стоило только глянуть на Семена Васильевича. Не узнаешь нашего комиссара — тоже зарос весь, как и все, а если уж и он не находил минуты побриться, это о многом говорило. В каких переделках ни приходилось бывать, но чтобы Семен Васильевич не побрился — такого дня не бывало до Карпат.

Дали людям на отдых несколько часов, о большем никто мечтать не мог.

Сколько вражеских колец уже прорвали партизаны и все-таки были еще в кольце. Вокруг горы Вовтарув стояли крупные вражеские гарнизоны в Надворной, Пасечной, Яремче, Зеленой и Делятине. Где прорываться? Где немцы не ждут удара? Мы приняли дерзкое решение: спуститься в долину реки Прут, к Делятину, главному опорному пункту оккупантов в этом районе Карпат.

Разведчики сообщили, что в Делятине у немцев осталось не больше трехсот солдат. Могли ли немцы думать, что мы рискнем появиться у Делятина? Это — узел нескольких железных и шоссе-ных дорог. Противнику нужно было только два-три часа, чтобы перебросить сюда крупные воинские силы. Да, риск был большой, но и успех сулил нам многое: во-первых, мы сразу выходили на простор, снова приобретали свободу маневра, а во-вторых, — и это было тоже очень важно для нас, — у немцев в городе имелись склады боеприпасов и продовольствия.

Перед выступлением я отдал приказ: всему личному составу усвоить, что поставленную боевую задачу надо выполнять до тех пор, пока в подразделениях есть хотя бы один человек, способный драться, все стремления должны быть только вперед.

Семен Васильевич разъяснил этот приказ по-своему, чтобы до людей дошел не только смысл его, но и цель, к которой мы стремились. Он говорил с коня, пропуская мимо колонну, когда она спускалась с горы в долину Прута. Много раз он уже обращался к бойцам так вот, на походе, с коня, стоявшего на обочине дороги, бросая короткие призывы. Иногда это были только намеки на то, куда мы идем. Они обычно звучали, как слова песни. Когда мы с Полесья двинулись в поход, он бросил призыв, который говорил, что наш маршрут ведет на юг.

— Вперед! Туда, где зреет виноград!

Теперь надо было вырваться из горных теснин, чтобы вернуться назад в Полесье, но об этом тоже нельзя было сказать открыто, и Семен Васильевич бросал с коня проходящим мимо ротам: — Вперед! Туда, где дубовой листвою шумит восток!

С первых дней нашей тяжелой неравной борьбы в горах вести, которые мы получали по радио с Большой земли, были одна другой радостнее. На Карпатах мы узнали о разгроме немцев на Курской дуге. Когда наша колонна спускалась с гор и шла на прорыв у Делятина, партизаны забывали об усталости и голоде при мысли, что Красная Армия приближается к нашим родным районам Сумщины, что не сегодня-завтра она будет в Путивле, Глухове, Шалыгине.

Мы шли навстречу наступающей Красной Армии. Так и понимали бойцы своего комиссара: «Туда, где дубовой листвою шумит восток».

Довольно было этого намека, чтобы потерявшие силы люди воспрянули духом.

Каким громким и дружным «ура» ответил бы наш народ комиссару, не будь отдан приказ двигаться молча, чтобы не обнаружить себя преждевременно. Пропустив всю колонну, Руднев галопом поскакал в голову ее. И вот его призыв раздался в авангарде, который развернулся в боевой порядок для атаки уже у самого Делятина. Раскаты «ура» прокатились по долине.

После того как мы ушли ночью с горы Шевки, немецкое командование объявило, что партизаны разгромлены. Тем более неожиданым было наше появление у Делятина. Мы почти без боя овладели Делятином, если не брать во внимание незначительное сопротивление распыленных групп противника.

Бой начался по ту сторону Делятина. Еще ночью по шоссе из города Коломыя подошло около сотни немецких автомашин с солдатами, спешившими на помощь уже разгромленному нами гарнизону. Наш заслон встретил их огнем из бронебоек. Немцы, бросив на дороге десятки загоревшихся машин, отошли, заняли высоты и ожидали рассвета, чтобы атаковать нас. Разорванное партизанами кольцо вновь оказалось сомкнутым. Позади был только что взорванный мост, а впереди — два полка немцев.

У наших бойцов существовала примета: если я хожу с автоматом — значит, держи ушки на макушке, а если мой автомат лежит на тачанке — все в порядке, хотя и бой идет. Иной раз они даже бегали посмотреть, где автомат командира: в руках у него или на тачанке. Наступили дни, когда я с автоматом не расставался и во время сна.

Мы пытались прорваться на север или восток, роты бросались в атаки, вступали в рукопашные схватки, но сил наших не хватало, и при всем своем стремлении вперед партизаны вынуждены были отходить к Пруту. А к немцам все время подкатывали на машинах подкрепления.

В этом встречном бою, разыгравшемся на шоссе и возле него, на сопках, среди горящих автомашин, на которых рвались боепри-

пасы, нельзя было разобраться, где немцы, где партизаны, кто кого атакует — все перемешалось. Одна группа бойцов во главе с комиссаром далеко вырвалась вперед и была отрезана немцами. Мы не смогли прийти к ней на помощь. Эта группа куда-то исчезла, рассыпалась, потерялась за сопками.

Семен Васильевич с самого начала боя был в передовых ротах, поднимал их в атаку. Я узнал о том, что он оторвался от нас, когда уже было поздно: приходилось выходить из боя, возвращаться в горы, иначе все партизанское соединение полегло бы тут — немцы подтягивали артиллерию, подходили танки.

Неподалеку от Делятина уцелел один мост. Под прикрытием заслона наши батальоны отходили к нему. За Прут удалось уйти, и мост за собой взорвали, но разве оторвешься от противника, который преследует на автомашинах и самолетах, если приходится весь груз нести на себе — лошадой уже не было даже для раненых.

После двух дней тяжелых боев у Делятина, у Ославы Белой, у Ославы Черной стало ясно, что всем соединением нам не прорваться. Тогда решено было разбиться на группы. Это произошло на горе Кобылица, где мы отдыхали, укрываясь в густом орешнике, покрывавшем всю гору. Условившись о месте сбора, наши группы разошлись в разные стороны и под покровом темноты легко проскользнули в стыках немецких частей, успевших уже окружить и гору Кобылица.

Партизанское соединение в это время насчитывало в своих рядах тысячу четыреста бойцов, включая около двухсот раненых. Можно представить себе, как ошеломлены были немцы, когда вся эта людская масса вдруг бесследно исчезла, словно ее проглотила гора.

Немцам не оставалось ничего больше, как объявить, что отряд Ковпака окончательно уничтожен, что — «удалось бежать только Ковпаку с небольшой группой». Листовки с этим «экстренным сообщением» разбрасывались с самолетов по всем селам у Карпат. В листовках объявлялось также о денежной награде тому, кто поймает меня живым, подробно описывалась моя внешность, одежда, особые приметы, например усы, которых у меня вовсе не было. Наоборот, в качестве примет Руднева в этих же листовках фигурировала борода, и по описаниям ее можно было думать, что немцы видели мою бороду. Очень позабавило партизан, что немцы, как выяснилось из их объявлений, почему-то решили, что по национальности я — цыган. Бойцы говорили: «Это же примета комиссара». Брюнет Семен Васильевич все-таки, конечно, больше был похож на цыгана, чем я.

Развеселили немецкие листовки и местных жителей. Крестьяне говорили: «Сами бачили его, сами мирылы, чего ж сами не схопылы».

Самое забавное было то, что иной раз в деревнях эти листовки читались и комментировались в моем присутствии.

Судьба Руднева долго оставалась неизвестной. После боя у

Делятина удалось только установить, что его, тяжелораненого, вынесли несколько бойцов и медсестра Галя Борисенко. Но куда они делись, никто не знал. Разведчики, которых мы посылали потом на поиски, вернулись ни с чем. Местные жители говорили разное. Одни заявляли, что видели нескольких партизан, среди них высокую девушку, и что эти партизаны несли куда-то раненого товарища. Другие утверждали, что партизаны эти несли не раненого, а убитого и что они похоронили его где-то вот тут, но где, точно указать не могли. Некоторые говорили, что они сами похоронили какого-то черноусого партизана, может быть, и Руднева. Много тогда карпатские крестьяне нарыли могил.

Наши бойцы и командиры никак не хотели примириться с мыслью, что не увидят больше своего любимого комиссара.

— У меня такое чувство, что Семен Васильевич не погиб,— говорил его помощник по комсомолу Миша Андросов.— Вот посмотрите, посмотрите, что жив,— убеждал он всех.

А потом проникли к нам слухи, что в Карпатах начал действовать партизанский отряд, и все решили, что Руднев жив и продолжает воевать.

И вдруг кто-то из разведчиков принес весть, что в одно село заходила группа партизан и командир этой группы, судя по описаниям крестьян, Руднев: стройный, красивый, черноусый, черноокий, как цыган. Этому слуху все охотно поверили, он породил легенды о новом партизанском отряде, который собрал Руднев на Карпатах после Делятинского боя. Блуждая в горах, наши бойцы все надеялись напасть на следы этого легендарного отряда. К сожалению, надежды не оправдались. Впоследствии выяснилось, что Руднев вместе с Галей и другими бойцами, которые вынесли его раненым из окружения, погибли в неравном бою с врагом.

После войны прах Руднева был найден в братской могиле под Делятином. Он был похоронен местным населением. Могила перенесена в Яремчу, над ней воздвигнут памятник.

Погиб при выходе с Карпат и сын Семена Васильевича — Радик. Он был ранен в схватке, происходившей на кукурузном поле около села Слободки Гвоздецкого района Станиславской области. После боя партизаны не нашли Радика. Позже мы узнали, что, будучи ранен, он отполз в овраг, заросший густым лозняком, и потерял сознание. На другой день крестьянин села Слободки Алексей Яковлевич Кифяк нашел его здесь и перенес в свою хату. Радик был в очень тяжелом состоянии.

Кифяк и его односельчане сделали все, чтобы спасти жизнь юного бойца. В семье Кифяка было девять детей, но он не побоялся скрывать у себя и лечить партизана. Ему помогал комсомолец Гриша Никифорчук, работавший в местной подпольной группе. Не было нужных лекарств. Гриша пошел за ними в город. Но не удалось спасти Радика, он умер от заражения крови. Кифяк похоронил его в своем саду.

После войны прах Радика перенесен в Яремчу, он похоронен в одной могиле с отцом.

Разойдясь в разных направлениях, наши группы, чтобы сбить немцев со следа, долго петляли в горах и предгорьях Карпат. В августе партизаны исходили Станиславскую, Тернопольскую области, побывали в Каменец-Подольской и Львовской областях. Оккупанты по-прежнему всюду держали усиленные гарнизоны, патрулировали все дороги, кидали в поисках нас из области в область отряды эсэсовцев на машинах.

Гитлеровцы искали «главные силы» партизан. Но и тут, на Карпатах, как и всюду, нашими главными силами был народ. Если партизану нужно было на время скрыться, он мог сделать это в любом селе. Сколько раненых устроили мы в крестьянских дворах!

В одном селе жители устроили в лесу для наших раненых бойцов настоящий подпольный госпиталь. Чтобы немцы не обнаружили этот госпиталь, они переносили его с места на место.

Как много значила для нас тогда эта самоотверженная трогательная любовь народа! Мы чувствовали ее на каждом шагу. Бывало, сидит группа партизан в глухом лесу вокруг костра, проходит мимо гуцул с вязанкой хвороста, остановится, поговорит, пожелает счастья, а спустя час-другой, смотришь, возвращается с мешком картофеля и просит извинить его, что «куш» бедный — больше ничего нет.

Много раз за два года борьбы в тылу врага наши бойцы и командиры выдерживали тяжелые испытания, но самым тяжелым испытанием был этот поход разрозненных групп.

Под моим командованием осталось всего около двухсот бойцов. Это была группа, вооруженная лучше, чем другие, ядро ее составляла рота автоматчиков. Наша задача заключалась в том, чтобы, отвлекая противника на себя, облегчить возможность другим группам вырваться из Карпат.

Рядовые бойцы, не звавшие замысла командования, сначала были очень удручены тем, что им снова пришлось взять направление в глубь гор. Голодные люди рвались на равнину, к хлебу, а их вели туда, где, кроме опостылевших уже лесных ягод, не было ничего годного для питания.

Опять мы поднимались все выше и выше. Внизу по склонам вились дороги, и мы видели сверху немецкие колонны, мечущиеся в поисках партизан. Кто-то случайно скovyрнул большой камень, он покатился вниз, сбивая и увлекая за собой другие, и — загрохотало, загремело. Тысячи камней обрушились на захватчиков горным обвалом. Каменная лавина завалила несколько машин. Немцы открыли по горе пальбу из всех видов оружия. С тех пор мы стали ходить осторожнее.

Противник занимал все горные проходы, на каждой лесной тропинке нас подстерегали засады. В первый же день, натолкнувшись на засаду, погиб в бою командир роты автоматчиков Карпенко — тот самый молодой сержант, который с таким недоверием допрашивал меня в Спадщанском лесу, когда мы впервые встретились с ним.

Стычки с противником происходили ежедневно, и наша группа быстро редела. После одной стычки мы обнаружили, что среди нас нет начальника штаба Базымы с несколькими бойцами. Положение становилось отчаянным. Опухавшие от голода, оборванные, полубосые люди шли все дальше, в горы, не зная куда, питались одними ягодами, которые заменяли и хлеб и воду. Ночью, сбившись в кучки, дрожали от холода, костров не зажигали, чтобы не выдать себя противнику.

Вспоминали мы в эти дни, как шумно было в горах, когда тут действовало все наше соединение, когда горели нефтяные промыслы. Теперь вокруг нас была жуткая тишина: ни шороха, ни крика птицы. Куда исчезли все пернатые, или они не залетают на такие высоты? Хоть какую-нибудь самую махонькую бы птичку увидеть!

Первое время до нас изредка доносились из долин крики пастухов, а потом и их не стало слышно. Мы встречали пустые загоны, пустые сыроварни, пустые охотничьи домики — оккупанты сожгли с гор всех пастухов и охотников.

Люди падали, обессиленные голодом. Мне пришлось приказать зарезать последнего боевого коня в нашей группе — другие были уже съедены.

И все-таки иногда еще слышались песни. Наш поэт-минер Платон Воронько, после того как Базыма отбил от группы, заменял моего начальника штаба. За неимением карты он изучал местность с помощью местного населения. Случалось, надолго пропадал. Бойцы говорили: «Нет уже нашего чудо-человека», а он вдруг появлялся из-за кустов в своей гуцульской шляпе, с автоматом в руке и, как обычно, после очередной диверсии читал только что сложенные стихи или песни.

До конца августа мы маневрировали в Карпатах. Радисты день и ночь не снимали наушников. Связь с Большой землей не прерывалась. Большая земля знала о нашем тяжелом положении. А вот с другими своими группами, бродившими где-то рядом, связь не всегда была: наши радиостанции плохо работали на большом расстоянии. Только Москва поддерживала в нас чувство локтя.

В горах мы встретились с ротой Тютерева — рачительного и боевого командира. Эта встреча была для нас особенно радостной, потому что его рота состояла сплошь из путивлян, из наших старейших бойцов, с которыми я прошел от Путивля до Карпат.

Счастливо миновав вражеские заслоны, мы вышли на богатую хлебом равнину и взяли направление прямо на север, к сборному пункту соединения — хутору Конотоп, в район Олевск — Сарны, в леса Полесья.

Пока мы были в горах, фронт приблизился к Днепру. Так называемый «Восточный вал» немецко-фашистских захватчиков на Днестре трещал уже под ударами Красной Армии. Гитлеровцам пришлось большую часть своих полевых войск, которые стерегли нас у Карпат, использовать для залатывания фронтовых дыр и

прорех. Мы же шли широким всеором. Общий фронт движения достигал двухсот километров.

Наиболее крупной группой командовал мой помощник по разведке Вершигора. Эта группа прорвалась с горы Дил в Черный лес под Станиславом, откуда мы поднимались к прикарпатским нефтяным промыслам. Немцы, обнаружив, что здесь опять появились партизаны, окружили лес и стали подвозить артиллерию. Но когда немецкая артиллерия открыла огонь по партизанской стоянке, там уже никого не было. Враг подстерегал Вершигору на глухих дорогах, ведущих в горы, а Вершигора вывел своих бойцов из леса прямо к городу и провел их ночью по окраинам его, огородам. Чтобы сбить немцев со следа, партизаны переходили дороги, пятясь задом. Враг вновь обнаружил Вершигору уже на Днестре. Переправив всю свою группу на пароме, Вершигора сейчас же разослал бойцов по селам за конями. Пока немцы переправлялись через реку, все партизаны были уже на конях. Немцы увидели только пыль, поднятую умчавшейся конницей. Двигаясь равниной, группа много раз попадала в окружение и прорывалась вперед с боем. У Шепетовки она была зажата среди нескольких высот, занятых немцами. Партизаны спешились, бросили коней и ночью перебрались через болото по поясу в грязи.

По пути с Карпат группа Вершигоры обростала бойцами, оторвавшимися от других групп. Когда мы встретились с ней — это произошло 23 сентября у местечка Городницы Житомирской области, — под командованием Вершигоры было до четырехсот бойцов. Через несколько дней нас нагнала группа в составе около двухсот бойцов, которых выводил из гор Матющенко. Этот хитрый командир, действовавший всегда по принципу семь раз отмерь — один раз отрежь, не торопился выходить на равнину. Он маневрировал в горах, пока не нашел места, где можно было незаметно выскочить из Карпат, потом долго маневрировал в районе Черного леса, все искал место, где выгоднее перебраться через Днестр; выжидал удобный момент.

Немцы усиленно патрулировали берег Днестра, но Матющенко и тут проскользнул незаметно — на одной лодке по очереди перебросил всех своих бойцов.

1 октября мы были уже на сборном пункте в Полесье. Раньше нас пришла сюда с Карпат группа Кудрявцева. Почти одновременно подошли группы Павловского и Кульбаки. Вслед за нами подошли мелкие группы оставшихся.

Многие пришли с тяжелыми ранами. Чего стоило им добраться до места сбора! Была у нас чудная девушка, медсестра, которую все звали по имени — Миля. В бою под Делятином пулеметная очередь разорвала ей всю грудь, легкие были прострелены. При отходе к Пруту бойцы нашли ее под кустом. Стоя на коленях, вся в крови, девушка просила пистолет, чтобы застрелиться. «Все равно не жить мне, дорогие мои, дайте!» — просила она. Ее принесли в горы умирающей.

Месяц странствовала она в горах, сперва ее носили, потом са-

ма стала ходить, голодала, как и все, карабкалась по кручам, падала от слабости, обрывалась, скатывалась на крутых спусках, обдиралась о камни. Товарищи, которые тоже едва шли, поднимали ее на ноги, и она снова брела с ними. У нее кровь изо рта струйкой течет, а она идет. И почти вылечилась, пока добралась до сборного пункта, тут только расплакалась, прощаясь с товарищами, когда ей велено было садиться в самолет. Мы послали Милю долечиваться на Большую землю.

Вернулся и потерявшийся в горах наш начальник штаба. Базама пробился с двумя бойцами. Сначала их было пятеро. За Днестром они отбили в одном селе у немецкой полиции тачанку с парой бойких коней и помчались вдогонку за нами. На пути двое пали в стычке с полицией, кони были убиты. Базама вывалился из тачанки тяжело раненный в голову. С ним остались бойцы Денис Сенченко и Петр Бычков. Один отбивался, другой тащил канавой потерявшего сознание Базыму. Потом они прошли несколько сот километров лесами, оврагами, болотами, неся раненого командира и мешок со штабными документами, книгами приказов и киноплёнкой, заснятой погибшим при выходе с Карпат кинооператором Вакаром.

Григорию Яковлевичу легче было расстаться с жизнью, чем с этим мешком. Еще в Спадщанском лесу он старательно работал над каждым приказом по отряду, как над документом большой исторической важности. Бывало, бой идет, дождь льет или снег сыплет, а Григорий Яковлевич сидит на пеньке, накрывшись плащом с головой, и строчит в своей записной книжке черновик приказа. Потом уже в землянке или шалаше аккуратно, по-учительски переписывает приказ в книгу. Иной раз рассердишься даже:

— Да брось ты свою писанину, ложись спать!

Григорий Яковлевич только улыбнется:

— Эту писанину историки будут изучать.

К середине сентября на сборный пункт подошли последние отставшие группки. С Карпат вернулась основная масса нашего соединения. Пришел даже шестидесятилетний боец Корней Федорович Черняк, которого мы считали погибшим в горах. Это наш путивльский колхозник, член партии с 1917 года. Он выходил с моей группой, нес питание для рации и пропал без вести после одной стычки с карателями. Кто мог думать, что старик, оставшись один, выберется из гор, переплывет Прут, Днестр, обойдет все немецкие заставы и посты? Сколько их стояло на пути — ведь надо пройти километров шестьсот. И вот этот старый коммунист дошел. Он до того исхудал, что, казалось, одна борода осталась, а винтовки не бросил и притащил на плечах весь груз — питание для рации.

Некоторые бойцы пришли на хутор Конотоп, неся по два и по три автомата: один свой, остальные — товарищей, павших в бою.

Привели себя люди в порядок: помылись в бане (по заведенному у нас обычаю оборудование каждой партизанской стоянки начиналось с постройки бани), обстиралась, починили одежду,

обувь, и всем после этого захотелось сфотографироваться. Ни- когда у нас не было столько желающих запечатлеть себя на фото- снимке, конечно, в полном боевом снаряжении, как после возвра- щения с Карпат. Это и понятно: люди чувствовали себя так, как будто они вторую жизнь начинают. И все хотели сняться с то- варищами — соратниками по походу.

Много групповых снимков было сделано нашими партизански- ми фотографами на хуторе Конотоп. Вот один из них. Григорий Яковлевич Базыма сидит на пеньке, голова его перевязана, но более бодрый, подтянутым я никогда не видел своего начальника штаба. Партизанская жизнь сделала его таким же по-настоящему военным человеком, каким раньше среди нас был только Руднев. По бокам Базымы стоят его спасители — Сениченко и Бычков, с автоматами в руках. Какие орлы! Смотришь на этот снимок и думаешь: видно, что поклялись люди в дружбе на всю жизнь; ни перед чем не отступят, из любой беды выручат друг друга.

Сфотографирован был и единственный конь, вернувшийся с Карпат, наш славный Орлик. Как голодали партизаны в горах, много коней пришлось съесть, но на эту маленькую гнедую ло- шадку с гривой, подстриженной ежиком, подарок одного путивль- ского колхоза, ни у кого не поднялась рука. Тысячи километров прошел Орлик с нами. Это был конь комиссара, потом он достал- ся командиру роты Пятышкину. В горах раненный в ногу Пятыш- ки не сходил с Орлика. Ночью в лесной чаще бойцы идут гусь- ком, держась за плечо друг друга, чтобы не растеряться. Орлик идет позади и никогда не собьется с пути даже без повода. Чудо- конь и по выносливости и по уму. Когда партизаны скрывались в горах, он ни разу не заржал, точно знал, что нельзя: немцы услышат. Взбираясь на кручу, Орлик, как человек, карабкался на коленях.

В Карпатах Орлик долго питался одними листьями деревьев, стал от истощения слепнуть, но никто не замечал этого, пока он совсем не ослеп. Последние сотни километров этот чудо-конь шел слепой, как собака, вынюхивая следы.

— В музей бы поставить этого коня! — говорили бойцы.

* * *

В южном Полесье по соседству с нашим местом сбора базировалось крупное соединение ровенских партизан под командованием знакомого уже нам В. А. Бегмы. Это соединение за короткое время выросло в сильный боевой коллектив, имевший на своем счету тысячи убитых оккупантов, сотни пущенных под откос паровозов и вагонов, много уничтоженных машин, мос- тов и др.

Неподалеку от нас действовало соединение А. Н. Сабурова, с которым мы одновременно вышли в рейд на правый берег Дис- пра из Брянских лесов и не раз встречались во время наших похо- дов. Здесь мы опять установили связь и с белорусскими партиза-

нами. Их лагеря были в нескольких десятках километров от нас.

В этом партизанском краю, имевшем свой аэродром, на который прибывали самолеты из Москвы, наши бойцы почувствовали себя так, как будто они уже вернулись домой. Хутор, где расположился штаб соединения, назывался так же, как соседний с Путивлем город, — Конотоп.

— Теперь до Путивля остался один переход, а на машине час езды, — шутили путивляне.

И действительно, что теперь значило несколько сот километров, которые все еще отделяли нас от Путивля, если Красная Армия вступила уже в Полесье и наша Малая земля вот-вот должна была снова стать Большой землей.

Хутор Конотоп — это несколько домиков, стоящих на лесной поляне. В хуторских домках, кроме штаба соединения, разместилась разведка, связь, здесь же была оборудована баня. Партизанские роты, располагаясь вокруг хутора, в лесу, заняли район радиусом в пятнадцать километров.

Время было уже холодное: поздняя осень. Я приказал устроиться основательно, чтобы как следует отдохнуть и отпраздновать наступавшую 26-ю годовщину Октябрьской революции. Бойцы постарались. Наш народ любил обосноваться на стоянке похозяйски. А после похода на Карпаты всем, как никогда, хотелось хотя бы несколько дней пожить уютно.

За какую-нибудь неделю в лесу вокруг хутора выросло несколько благоустроенных партизанских поселков. Строили, соревнуясь взвод со взводом: у кого будет лучшая землянка; так что все землянки получились на редкость основательные, удобные, просторные. Некоторые роты, показавшие особое рвение в благоустройстве, проложили в своих поселках даже дорожки, посыпали их желтым песком, поставили вдоль дорожек скамейки. Потом, когда соединение оставляло этот район, все землянки были переданы населению, потерпевшему от пожара и других зол войны.

Для украшения, а заодно и маскировки избранной для Октябрьских торжеств поляны было заготовлено много возов словых и сосновых веток. Их расставили аллеей от штаба, помещавшегося в домике у самого леса, до трибуны, сооруженной посреди поляны, и вокруг трибуны большим пышным венком.

Третий раз встречали мы Октябрьские праздники в тылу врага. Эта последняя встреча в лесу была двойным торжеством: в Октябрьские дни мы узнали об освобождении Красной Армией Киева, услышали донесшиеся до нас по радио залпы московского салюта.

Для коллективного слушания доклада, посвященного 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, партизаны пригласили к своей радиоустановке всех окрестных крестьян. Густая толпа заполнила поляну вокруг трибуны.

С этой трибуны я огласил итог двадцати шести месяцев борьбы в тылу врага. Пройдено с боями свыше 10 тысяч километров по областям Украины, России и Белоруссии; истреблены тысячи

фашистов, пущено под откос 62 железнодорожных эшелона, взорвано 256 мостов, уничтожены десятки складов с продовольствием, обмундированием и боеприпасами, два нефтепромысла, свыше 200 километров телеграфных и телефонных проводов, 50 узлов связи, до 500 автомашин, 20 танков и броневиков.

Пройденный нами путь от Путивля до Карпат и возвращение с Карпат очень живо изобразил выступавший на вечере самодеятельности партизанский шумовой оркестр под управлением мощника командира одной из наших рот, большого затыльника Гриши Дорофеева; десятка два музыкантов, выскочив на импровизированную сцену с пилами, топорами, ухватами, печными зажимками и бутылками, прекрасно передавали грохот взрывов, поднимавших в воздух мосты, треск летящих под откос эшелонов, шум горящей в горах нефти, любимые песни и боевые марши партизан. До позднего вечера не умолкал громовой трезвой небывалого оркестра и дружный хохот нескольких тысяч людей, собравшихся на лесной поляне.

Отгуляли мы праздник и стали думать о том, как бы получше встретить Красную Армию, освободившую столицу нашей родной Украины. Всем хотелось встретить армию-освободительницу с «партизанским треском и шумом», как говорили бойцы. И вот возникла идея завершить поход на Карпаты ударом по главной коммуникации противника на Украине.

Основной путь отступления немцев от Киева шел через Коростень. Наша разведка установила, что железная дорога Коростень — Сарны забита вражескими эшелонами с военным имуществом и ценностями, награбленными на Украине. Решено было вывести из строя эту дорогу. О своем плане мы доложили по радио Украинскому штабу партизанского движения и на следующий день получили ответную радиограмму, одобряющую наше решение.

Эту операцию мы провели совместно с подпольной большевистской организацией города Олевска и местным партизанским отрядом.

На путях станции Олевск стояло более трехсот вагонов с авиабомбами, порохом и горючим. Можно представить, что случилось, когда вспыхнули пробитые зажигательными пулями цистерны с горючим и поднялись в воздух вагоны с порохом. Партизанским ротам пришлось отойти от станции на изрядное расстояние, чтобы уберечься от ливня осколков и сыпавшегося около тысячи тонн авиабомб. Полностью была выведена из строя и соседняя станция Сновидовичи.

После этого мы около месяца, до подхода войск Красной Армии, держали дорогу в своих руках и вели на ней бой, не позволяя немцам восстанавливать разрушенное путевое хозяйство. В это же время партизаны готовили Красной Армии пополнение.

Во время Октябрьских торжеств я заметил, что среди наших

гостей-колхозников есть еще люди, способные носить оружие, и у меня тогда уже возникла мысль объявить в тылу врага призыв в Красную Армию. Никаких полномочий на это я не имел. Поэтому, прежде чем объявить призыв, я решил узнать, как отнесется к этому население. Разведчики, посланные с этой целью в окрестные села, вернулись и доложили коротко:

— Объявляйте призыв, товарищ командир, — пойдут с охотой.

«Колн так, обойдусь и без полномочий», — подумал я и написал приказ о мобилизации в Красную Армию призывных возрастов — от 19 до 43 лет в зоне действия нашего партизанского соединения — Олевском и Ракитнянском районах.

Успех призыва превзошел все мои ожидания. Призывники являлись на сборный пункт, в хутор Млинок, строем. Призывали не только из сел партизанского района, но и с территории, находившейся еще под властью гитлеровцев. Некоторым приходилось прорываться через усиленно патрулируемую гитлеровцами железную дорогу.

Приемочная комиссия, выделенная партизанским штабом, работала несколько дней. После медицинского осмотра было принято в Красную Армию 1500 призывников. Хутор Млинок стал учебным пунктом. Занятия тут проходили около месяца. Партизаны обучали призывников владеть винтовкой, автоматом, пулеметом, гранатой, после чего отправляли их на подводах большой колонной с красными флагами в военкомат города Овруч.

Считалось, что мы еще находимся в тылу врага, но фронт противника на нашем направлении был разорван, и партизаны свободно переезжали через передовую, которая существовала только на карте. Я тоже поехал через фронт на лошадях.

Меня отозвали в Киев в распоряжение ЦК КП(б)У. Командование партизанским соединением принял мой помощник Вершигора. Партизанам предстояли еще боевые дела: соединение готовилось к новому дальнему походу.

Я сехал через Овруч вслед за первой партией призывников. Мой тарантас сопровождала группа конников во главе с Ленкиным. В стороне от дороги лежали спаленные немцами села, слышался отдаленный грохот орудий. Снега было мало, колеса тарактели по мерзлой земле. Я не знал, что мне предстоит, война еще продолжалась. Возникли всякие предположения, но не приходило в голову, что меня вызывают уже для мирной работы.

Послесловие

В Спадщанском лесу, неподалеку от наших партизанских землянок, на травянистой поляне рос и, должно быть, долго еще будет расти один приметный дуб: круглая макушка его поднимается над лесом, как зеленый купол. Зимой 1941 года, уходя из Спадщанского леса в поход на север, мы зарыли в ста метрах на восток от этого дуба-великана, возле двух зауряд-

ных дубков, растущих в тесном соседстве, деревянный ящик с несколькими жестяными банками и большим глиняным кувшином. В них были сложены разные документы нашей мирной жизни: паспорта, профсоюзные билеты, метрики, учебные свидетельства и дипломы.

Когда путивльские партизаны вернулись к мирной жизни, кто из них не искал этого клада! Много раз ездили в Спадщанский лес с железными шупами и Григорий Яковлевич Базыма, который, вернувшись в Путивль, работал секретарем райкома партии, и Дед Мороз — Алексей Ильич Корнев, ставший председателем Путивльского райисполкома. Найти приметный дуб-великан не трудно было, но поляна, на которой он рос, исчезла: ее покрыла поросль молодого дубняка. Пройдешь сто метров на восток и начнешь плутать. Вот, кажется, они, эти два растущих рядом дуба, возле которых был зарыт ящик, но сколько ни тычь тут шупом, ничего похожего на ящик не нащупаешь. Видно, не здесь надо искать его. Может быть, возле тех деревьев? Там тоже два дубка растут рядом. Но чуть подалее еще точно такая же зеленая пара. Изменился лес, не узнать его.

Отправились на поиски потерянного клада путивльские пионеры и комсомольцы. Вдоль и поперек исходили ребята Спадщанский лес, изучили все места наших боев с немецко-фашистскими захватчиками, обшарили все давно обвалившиеся и заросшие кустарником партизанские землянки, подобрали все остатки подорванных немецких танков, пробитые пулями каски, заржавевшие гильзы, привели в порядок могилы павших бойцов, но клада нашего не нашли.

Стали прибывать в Путивль экскурсии школьников из разных городов Советского Союза, даже из Москвы. Понравилась ребятам походы по нашим местам. Всем хотелось найти партизанский клад в Спадщанском лесу, а он все гнил и гнил в земле под порослью молодого дубняка.

Только летом 1948 года одной группе комсомольцев, приехавшей в Спадщанский лес из Киева, повезло. Много земли они перерыли в лесу, пока нашли клад. Деревянный ящик давно уже сгнил, а жестяные банки и глиняный кувшин трудно было вытащить, так их цепко оплели корни молодых дубков. Корни проникли даже сквозь воловью кожу, которой было замотано горлышко кувшина, вросли в него, сплелись внутри в один клубок...

Много таких кладов в тылу врага зарыли путивляне по лесам Украины, России, Белоруссии.

Давно уже кончилась война, а сколько еще кладов не найдено! И в Новослободском лесу, и в междуречье Днепра и Припяти, и на горе Дил, и во многих других местах от Путивля до Карпат. Ищем их и мы, бывшие партизаны, ищут их и школьники, совершающие походы по нашим боевым маршрутам.

Приятно, выйдя из машины, пройти по дороге, на которую когда-то мы выходили из леса только ночью, чтобы поставить мины. Оглядываешься: вот этот лес, мы сидели там в шалаше, при-

слушиваясь, не идет ли кто-нибудь, не трещит ли сушняк под сапогом оккупанта; вот новый мост, построенный на месте взорванного нами — это была одна из первых наших диверсий в тылу врага. Как радовались мы тогда, что удалось взорвать мост, а теперь еще больше радуешься: новый мост гораздо лучше старого. Вот партизанское село, которое гитлеровцы спалили дотла, оно давно уже вновь отстроилось; на берегу реки, возле нового моста, белеет здание гидростанции, которого раньше тут не было. Вот зеленой стеной стоит конопля: там было болото, через него партизаны перебирались по пояс в грязи. А вот огромное поле кукурузы, которую здесь начали сеять уже после войны; вот вытягивается из леса колонна, доносится песня — знакомый мотив. Это ребята, школьники, идут по нашим маршрутам, с нашими песнями, ищут наши клады.

1945—1962 гг.

Из дневника партизанских походов

Воспоминания о прошлом

Давно минули дни моей безрадостной юности, но и сейчас не забываются нужда и бесправие, которые мне довелось изведать в те годы.

Слобода Котельва, где я родился в 1887 году, расположена на Полтавщине, крае живописном, не раз воспетом поэтами. Как и ряд других сел центральной части Левобережной Украины, слобода была заселена дальними потомками запорожских казаков. В их быту и нравах, в звучании фамилий сохранились, да и теперь еще не стерлись приметы времен борьбы казачьей вольницы с польской шляхтой, турецкими янычарами и алчными степняками.

В Котельве насчитывалось несколько тысяч дворов. Издали ее безошибочно можно было узнать по куполам семи церквей, возвышавшихся над прибрежными вербами. А вокруг них — крестьянские хатки, утопавшие в зелени садов. Глядя на эту ласкавшую взор картину, стороннему наблюдателю трудно было представить, что обитателям беленьких хаток нужда сопутствует от рождения и до дня кончины.

Семья наша была большая: дед, бабушка, отец с матерью да нас пять братьев и три сестры. Едоков, как говорится, хоть отбавляй. На всех детей имелась одна пара старых «чобит», поэтому зимой мы редко гуляли на улице. Долгими вечерами и дети и взрослые любили слушать рассказы нашего деда Дмитра. Прожил он на свете сто пять лет и знал много занятных историй. Изведав сизмальства удел безземельного крепостного, он попал в рекруты, служил в Санкт-Петербурге, участвовал в баталиях против горцев Шамиля на Кавказе, защищал Севастополь. Затаив дыхание, слушала детвора воспоминания старого вонна, проникнутые любовью к родной стороне.

Когда подрос, меня послали в церковно-приходскую школу. Помещалась она в церковной сторожке

кс. Во всю длину комнаты стояли столы. С одной стороны сидели ученики первого года обучения, с другой — третьего, а посередине — второго. Учил нас поп, крутой и жестокий, который, кстати сказать, ведал всем обучением на селе. Стогло кому-нибудь заезваться или созорничать, как страшная, поросшая рыжей шерстью поповская рука отпускала звонкую затрещину или хватала свою жертву за ухо.

Учился я хорошо. Поп советовал отцу послать меня в двухклассную школу. Окончив ее, учащийся получал право сдавать экзамены на народного учителя. Отец, конечно, не мог этого сделать. Семью засадала нужда, и мне, одиннадцатилетнему мальчугану, пришлось служить за «харчи» в магазине Фесака — торговца железоскобяными товарами.

Нелегко приходилось «мальчику на побегушках». Да еще хозяин то и дело проверял, так сказать, «на честность». Будто без умысла обронит пятнадцати или двадцатикопеечные монеты, а сам следит: возьму я их себе или нет. Найденное я отдавал своему «кормильцу» или его жене. Трудился добросовестно: мыл полы в магазине, выполнял черную работу по хозяйству. Мое прилежание нравилось хозяину, и после года службы он «раздобрился» — разрешил посещать школу. Учиться и работать было трудно. Хозяин душу выматывал из своих батраков. Отпуская в школу, всегда укорял: «Я тебя осчастливил, учу. Так что ты, «студент», должен благодарить хозяина». Работал я по тринадцать-четыре часа в сутки, на учебу выкраивал три-четыре часа, а остаток времени отдыхал. Жажда знаний и крепкое от природы здоровье помогли перебороть постоянную усталость, недосыпание и другие тяготы жизни. Через два года успешно закончил школу.

И по службе продвинулся: назначил меня Фесак приказчиком. Немного легче стало, а главное — появилась возможность встречаться с интересными людьми. Большинство покупателей были рабочие-строители. Они и натолкнули меня на мысль о самообразовании. Один рабочий дал мне брошюру «Попы и полиция». Начал я ее читать, вижу, штука такая, что если хозяин узнает — по головке не погладит. Спрятал. Вечером взял книжку домой. Уселся читать. Вдруг заходят во двор урядник и два стражника. Что делать? Куда спрятать книжку? Сунул ее под ведро с водой.

Ввалились пьяные «гости» в хату, один пошатнулся и опрокинул ведро. Крамольную брошюру обнаружили. Попало мне здорово, и хотя отец убеждал урядника, что книжку кто-то подбросил, все равно я был зачислен в разряд подозрительных.

В 1909 году меня призвали на действительную военную службу, или, как тогда говорили в народе, «забрили в солдаты». Был рядовым, нижним чином 12-й роты 186-го пехотного Асландузского полка, расквартированного в городе Саратове.

Свое название и георгиевское знамя полк получил еще в начале прошлого века за участие в сражении у Асландуза, где русские войска вместе с азербайджанцами наголову разбили полчища персидского шаха, пытавшегося поработить народы Закавказья.

Служба в полку была очень трудной. Особенно выматывала муштра. Как сейчас вижу перед собой ротного командира — капитана Парамонова. Старый холостяк, в расположение роты он являлся ни свет ни заря и всегда присутствовал на подъеме. Как только кашевар заканчивал свои нехитрые приготовления, денщик подносил Парамонову два котелка: один с супом или борщом, другой с кашей. Капитан опоражнивал их дочиста и приступал к «физкультуре». Возьмет, бывало, винтовку за кончик штыка и поднимает на вытянутой руке вверх. Силен был ротный, и солдаты побаивались его огромных кулаков, хотя пускал он их в ход реже, чем другие офицеры.

Ненавистен нам был другой офицер — командир полуроты штабс-капитан Вюрц. Худой, белобрысый, желчный, он до умопомрачения изводил своих подчиненных «уроками словесности». На этих уроках Вюрц усаживал всю роту несколькими ровными рядами. Равнение каждого ряда проверял туго натянутым шиуром. При малейшей оплошности виноватого ставил в угол комнаты «под ружье», и тот по команде «смирно» с винтовкой «на плечо» при полной походной выкладке стоял до окончания занятий.

Штабс-капитан подходил к доске, рисовал мелом квадрат, а в нем — что-то похожее на запятую, перевернутую вверх хвостиком. Нарисует такое, обернется и, указывая на доску, спрашивает по очереди у каждого:

— Что это?

Никто из нас, конечно, не обладал достаточной фантазией, чтобы отгадать значение вюрцевского квадрата, и каждый, как правило, получал зуботычину. После подобного «разъяснения» Вюрц командовал: «Садись!» Солдаты снова замирали, держа руки на коленях. Вюрц же обращался к нам с такой речью:

— Для того чтобы ответить на какой-либо вопрос, нужно иметь на плечах голову, а не чурбан. Я нарисовал собачью будку и в ней собаку. Вон даже хвост виден...

На этом урок «словесности» заканчивается, начинались строевые занятия. На плацу штабс-капитан был непревзойденным мучителем. Он гонял нас так, что гимнастерки взмокали до нитки, точно под проливным дождем.

Доставалось нам и от «наставлений» фельдфебеля Шмелева, типичного держиморды с тупым, опухшим от пьянства лицом. Он терпеть не мог грамотных солдат. Изо дня в день мелочными, оскорбляющими достоинство человека придирками «господин» фельдфебель доводил людей до иступления. В устах нижних чинов он признавал только четыре слова: «так точно» и «никак нет».

Не было отдыха солдатам и в праздничные дни. С утра молебн, потом всевозможные проверки, а если кому посчастливится получить увольнение в город, то и там бедняга натерпится. Бывало, идет солдат, особенно из молодых, засмотрится и не заметит старшего офицера, не станет «во фронт». За это его прямо на улице так отхлещут по физиономии, что небо с овчинку покажется.

Запретным для солдата был городской парк. При входе в него висела табличка: «Солдатам и собакам вход воспрещен».

В 1912 году меня демобилизовали. К этому времени я сполна овладел солдатской «наукой» и хорошо познал, что значит «царева служба».

Возвращаться в Котельву не хотелось, решил остаться в Саратове. В городе было полно безработных. Ходил целый месяц на большие и малые предприятия, на все пристани. Работы не было.

Однажды в порту набрал на группу грузчиков. Разговорились. Они предложили остаться в артели. Согласился. Однако вскоре понял, что долго здесь не выдержу. Грузчики были люди хорошие, работящие, но совершенно опустившиеся. Они потеряли главное — цель в жизни. Ни у кого из них не было ни семьи, ни дома, они влачили жалкое и тягостное существование люмпен-пролетариев, типичных представителей горьковского «дна»: работали нечеловечески много, спали и ели прямо на берегу. Одежда на каждом была ветхая, едва прикрывавшая тело.

Хозяин-кабатчик держал грузчиков в долговой кабале и охотно отпускал им продукты в кредит. После каждой разгрузки или погрузки производились расчеты. Кабатчик предварительно старался спить грузчиков и, когда они пьянели, подсчитывал заработанное так ловко, что артель всегда оставалась у него в долгу.

Проработал я в артели два месяца и ушел. Удалось устроиться чернорабочим в Саратовское трамвайное депо. Работа там была ночная, а стало быть, днем предоставлялась возможность еще поискать какую-нибудь работу на стороне. Познакомился с кузнецом-ремесленником, и он предложил пойти к нему молотобойцем.

Кузница находилась недалеко от излюбленных мест воскресных прогулок саратовской знати. В обычные дни у нас не всегда была работа, а когда и случалась, все равно зарабатывали мало. Лучше обстояло дело по воскресеньям. Каждую субботу мы, три молотобойца и кузнец, тщательно прибирали кузницу, всю территорию вокруг посыпали свежим песком. Часам к одиннадцати дня на живописном берегу Волги появлялась хорошо одетая публика. Изнеженные баре были сами непрочь посмотреть, как работают кузнецы, и показать нас своим домочадцам и гостям. Вот тут-то наш хозяин и хвастал своим «талантам». Как только барская компания подходила поближе, кузнец выхватывал из горна раскаленный добела кусок металла, и мы по его команде начинали выстукивать полупудовыми молотами барыню, гопака, польку. Этими «фокусами» за один воскресный день зарабатывали больше, чем за всю неделю.

В Саратове меня застала империалистическая война 1914 года. Я был мобилизован в первый же день и отправлен в тот же Асландузский полк. А на четырнадцатый день войны мы уже вступили в бой в районе Люблина.

В этом первом сражении противник изрядно потрепал нас. В строю осталось 120 солдат да несколько офицеров. Кстати,

штабс-капитан Вюрц погиб при первых же выстрелах, получив пулю в спину. Очевидно, с ним рассчитался один из его «крестников» за свои выбитые зубы.

Значительный урон понесли и другие полки 47-й дивизии, в состав которой входил Асландузский полк. Поэтому дивизию отвели в район Ивановской крепости для переформирования. Меня, как грамотного, зачислили в команду полковой связи, а несколько позднее — в разведку, где я прослужил всю войну.

Много раз приходилось ходить по тылам врага в поисках «языков», определять дислокацию частей противника, участвовать в тяжелых боях, мерзнуть в стужу, изнывать от жажды в летний зной. Изо дня в день вращаясь в этом круговороте жестоких испытаний, солдаты все отчетливее начинали понимать истинные причины мучений народа. На войне особенно быстро формируется сознание человека. Ежедневно и ежечасно подвергаясь смертельной опасности, люди невольно задумывались над вопросами: «Для чего гибнут тысячи, а миллионы становятся калекami? Почему жены должны оставаться вдовами, а дети — сиротами? Кто несет народу горе?»

В первый период войны очень многие воевали, «не щадя живота своего, за веру, царя и отечество». Я тоже служил добросовестно.

Прояснились солдатские умы, а в том числе и мой, после прорыва наступления в 1916 году на Юго-Западном фронте. Прорвав оборону противника на протяжении более четырехсот километров по фронту, русские войска неудержимым потоком устремились вперед. За два месяца боев было убито и ранено свыше миллиона солдат и офицеров противника, 450 тысяч взято в плен, захвачено около 600 орудий, 1800 пулеметов. Осуществив этот грандиозный прорыв, русские войска помешали немцам разгромить французов и англичан на Западном фронте и оттянули на себя все вражеские резервы. Даже нам, рядовым солдатам, было понятно, что еще один-другой такой нажим — и противник капитулирует.

Однако получилось совсем не так. Царские генералы не сумели закрепить и развить добытые большой кровью успехи. Не были подтянуты резервы, не подвезены боеприпасы и продовольствие. Враг получил возможность перегруппировать свои силы, и наше наступление захлебнулось. Подойдя в Карпатах к Келиманскому перевалу, мы остановились. У солдат передовых частей не хватало боеприпасов, они голодали, были кое-как одеты и обуты, однако больше двух недель отбивали яростные атаки врага.

Каково же было наше возмущение, когда при отступлении мы увидели на тыловых базах большие запасы муки, масла, консервов и других продуктов, боеприпасы, вооружение и обмундирование.

Нам строжайше запрещалось уничтожать при отступлении военные склады и выводить из строя железнодорожные станции. Офицеры объясняли это тем, что, дескать, можно расшифровать противнику пути отступления своих частей и их местонахождение.

В районе Черновиц¹ наша разведгруппа прикрывала отступление 47-й дивизии. На станции солдаты нашли в пакгаузах много обмундирования, конской сбруи, продовольствия. Там же, неподалеку от железнодорожного узла, обнаружили большие склады снарядов разных калибров, ручных гранат, винтовочных патронов. Зачем же оставлять все это врагу! Я был старшим группы и под свою ответственность приказал все уничтожить. Но как только мы вернулись в полк, начались допросы. Командование разыскало виновников «диверсий». Оказывается, на других железнодорожных станциях солдаты арьергардных частей поступили так же, как и мы. На общих построениях офицеры уговаривали солдат выдать «преступников», ссылаясь при этом на приказ верховного главнокомандующего об их розыске.

— Что же это получается: или сам верховный немцам продался, или в ставке у него сидят изменники,— возмущались солдаты.

Нам, не искушенным в политике, стало яснее, что в серьезных неудачах армии и страданиях народа виноват прогнивший царский строй. И когда до нас дошла весть о Февральской революции, о свержении царя, в полках началось брожение, появилось много разных агитаторов. Были тут и меньшевики, и эсеры, и анархисты... Кто только нас не агитировал! На чьей же стороне правда?

Чутьем и разумом солдаты поняли, что правда только на стороне большевиков. Из всех партий только они говорили: «Долой войну! Земля — крестьянам, фабрики — рабочим!» Эти лозунги как нельзя лучше выражали сокровенные думы и заветные мечты каждого из нас. Дорогие народу слова большевистской правды выслушивались с особым вниманием. Большевистские листовки и газеты зачитывались буквально до дыр.

Однажды, незадолго до Октябрьской революции, в небольшой деревушке командование полка устроило молебен. Полковой по приказу прочитал очередную проповедь о том, как должно сражаться русское воинство. Солдаты полковой разведки и полковой пулеметной команды пришли на молебен с оружием и красными повязками на руках. Командир полка, возмущенный этой дерзкой выходкой, подбежал к нам и набросился на меня, как на старшего:

— Что это такое? Что за маскарад?

— Это не маскарад. Мы требуем, гражданин полковник: долой войну! — сказал и, признаваясь, испугался. «Влип — думаю. — Мало того, что «долой войну» перед всем полком выкрикнул, еще и полковника не высокоблагородием, а гражданином назвал. Теперь подведут под трибунал...»

Но случилось совсем другое. Полковник побагровел, как-то странно зашулся и боком, боком попятился от нас. Солдаты сперва посмеялись, а потом грозно грянули:

¹ Теперь — г. Черновцы.

— Долой войну!

— Да здравствует революция!

Ряды смешались, стихийно возник митинг. Офицеры, меньшевистские и эсеровские агитаторы поносили Ленина, называли его немецким шпионом, всячески уговаривали продолжать войну «до победного конца». Но мы поняли, где правда. «Они за войну, ругают Ленина, — рассуждали солдаты, — а Ленин, наоборот, хочет покончить с войной... Значит, наш он, Ленин-то, народный, солдатский вождь, и идти надо за ним, за Лениным...»

В нашем полку смело и целеустремленно действовала подпольная большевистская организация. Под ее руководством солдаты создали свой первый полковой комитет. В его состав избрали и меня.

Полковые комитеты и солдатские собрания дивизии приняли решение — не выполнять приказы Керенского, в наступление не идти, а полкам отходить с передовой в район станции Окинца. Как ни усердствовало меньшевистско-эсеровское офицерье, солдаты точно выполняли указания своих комитетов.

В Окинце мы захватили много оружия, боеприпасов, обмундирования и продовольствия. На железнодорожной станции стихийно возник митинг. Фронтовики требовали немедленной отправки домой. На платформу, служившую трибуной, влез какой-то подполковник и начал уговаривать подчиниться приказу Керенского — вернуться на передовую и продолжать войну. Народ разгорячился. Не выдержал и я, взобрался на платформу, отеснил подполковника и сказал первую в своей жизни речь, призывая солдат самим кончать войну.

Не сумев убедить солдат вернуться на передовую, правительство Керенского, поддержанное российской контрреволюцией, приступило к подготовке кровавой расправы с непокорными полками. По приказу Временного правительства против нас были брошены вызванные из Румынии и Бессарабии воинские части, женские батальоны смерти, гайдамаки, а также бронепоезда.

После четырехдневных неравных боев с карателями солдатские комитеты дивизии приняли решение: уничтожить тяжелое вооружение, склады с военным имуществом и боеприпасами, раздать дивизионные деньги солдатам и мелкими группами разойтись по домам. Эта сложная операция была выполнена блестяще. Солдаты из своей среды выдвинули руководителей групп, которые вывели людей из кольца окружения. В одну ночь целая дивизия будто растаяла. Окинца опустела.

Путь нам предстоял далекий и нелегкий. Повсюду рыскали гайдамаки, пытаясь изловить организаторов мятежей. Солдаты группы, в которой шел я, вздохнули с облегчением, лишь когда переправились на левый берег Днепра где-то в районе Черкасс.

В пути мы услышали весть об Октябрьской революции, первых декретах Советской власти о мире и земле. Узнали, что в Харькове состоялся первый съезд Советов рабочих, крестьянских

и солдатских депутатов Украины, который постановил присоединиться к революционным рабочим и крестьянам России и следовать за ними по пути, указанному Лениным, самим брать власть в свои руки, отбирать у буржуев и помещиков фабрики, заводы, землю. Дошла до нас весть и о вооруженном восстании в Киеве против Центральной Рады.

По дороге от Черкасс в Котельву набрали на какой-то партизанский отряд. Возглавлял его здоровенный бесшабашный матрос. Остались в отряде, думали вместе бороться за Советскую власть, а присмотревшись, увидели — тут совсем не то: пьют, хулиганят, дерутся... В общем ясно — анархисты, с ними не по пути. Пробыли четыре дня и пошли дальше, но уже не группой, а по одному, по два-три человека.

В Котельву я пришел ночью и, никем не замеченный, спрятался в хате у отца. Время было тревожное. Гайдамаки, поддерживаемые кулачем, убивали людей без разбора. Чуть что не так, и — к стенке.

Мои родные узнали, что в Котельву вернулось с фронта около двухсот человек. Все они, как и я, прятались. Надо было организовывать партизанский отряд из солдат-фронтовиков и устанавливать советскую власть в Котельве. Отец и брат Алексей помогли мне связаться с односельчанами-фронтовиками: Бородаем, Тягнырядно, Гнилосыром, Шевченко, Радченко, Кошубой, Салашным, Гришко и некоторыми другими.

В клуе у отца мы провели свое первое совещание. Выработали план действий, распределили обязанности. Меня избрали начальником штаба (так тогда назывался командир партизанского отряда), Борода — комиссаром. Сбор отряда назначили через день в лесу, в пяти километрах от слободы. Явилось 120 человек, из которых 70 имели винтовки, револьверы и охотничьи ружья. Многие привели с собой лошадей.

Бойцов без оружия, но имевших лошадей, назначили связными, часть оставили в резерве, а вооруженных разбили на боевые группы. Скрытно подошли к слободе и внезапным ударом захватили почту, телефонную станцию, волостное правление и полицию, находившуюся на казарменном положении.

Мы предполагали, что самым сложным будет бой с полицейскими. Эта задача возлагалась на группу под моим командованием. Однако решить ее удалось без потерь. Мы по-пластунски подползли к часовым, охранявшим казарму, и без шума сняли их. Потом наша группа быстро окружила казарму. Через разбитое окно я предложил полицейским немедленно сдаться. В казарме поднялся шум. Видно, не все согласились капитулировать. Тогда мы дали два залпа по окнам. Слышим — кричат:

— Не стреляйте, сдаемся!

Из окон полетело оружие — винтовки, наганы, шашки, а сами полицейские с поднятыми вверх руками по одному выходили на крыльцо казармы. Партизаны их обыскали. Самых заядлых приверженцев Центральной рады и кулаков задержали, остальных

отпустили под честное слово, что против народа воевать больше не будут.

Одержав победу, партизаны ударили в набат во все церковные колокола. На площади собралось более десяти тысяч человек. Все уже знали о случившемся и с большой радостью встретили сообщение о том, что отныне и навсегда вся власть в Котелевской волости принадлежит народу. Встал вопрос об избрании органов управления. Народ кричал:

— Пусть партизаны командуют, красные!

— Вы власть завоевали, вам и управлять!

Единоголосно был избран волостной ревком под председательством Радченко. Меня выбрали председателем земельной комиссии, однако не снимались и обязанности начальника штаба партизанского отряда. Не успели проголосовать, как со всех сторон посыпались вопросы:

— Как с землей?

— Будем ли ее делить?

Слово взял только что избранный член ревкома директор школы Федченко. Слобожане считались с ним, так как он умел создавать видимость, что защищает бедных. На самом деле директор был ярко выраженный меньшевик-соглашатель. Федченко начал длинно и нудно объяснять, что забирать землю у помещиков и кулаков нужно, но делить ее еще нельзя. Необходимо прежде избрать особый комитет, который пригласит специалистов-землемеров, те произведут обмер и наметят, сколько и где каждому прирезать, на каких условиях и т. д. Крестьяне уразумели: коль так пойдет дело, долго им не видать матушку-землю, ради которой они взялись за оружие. Поднялся невероятный шум.

Только тогда я по-настоящему почувствовал всю тяжесть ответственности. Молчать дальше было нельзя. Вышел вперед, поднял руку. Наступила тишина.

— Все земли помещиков, кулаков, монастырей отныне принадлежат народу. Делить землю начнем завтра, а сегодня после митинга пусть все десятские придут на заседание земельной комиссии. Заодно решим вопрос и о разделе кулацкого леса.

Многотысячная толпа воспрянула.

— Ура! — гремела площадь. — Да здравствует Советская власть!

Земельная комиссия собралась в помещении бывшей волостной управы в самой большой комнате. Народу набилось битком. Кроме членов комиссии, членов ревкома и десятских, пришли многие бедняки, были и зажиточные мужики.

— Ну, люди, так как же делить землю будем?

Опять поднялся шум. Самыми активными были бедняки.

— Забрать всю землю и делить подушно! — кричали они.

Кое-кто из подкулачников попытался было сбить крестьян с толку, повторяя доводы меньшевика Федченко: дескать, без специалистов-землемеров не обойтись. Но беднота так ополчилась, что они замолчали.

Уточнили количество помещицкой и кулацкой земли. Потом каждому десятскому указали, какую землю отвели его десятку. Условились в первую очередь нарезать участки безземельным. Закончили распределение под утро и прямо с заседания пошли в поле.

Радостные и счастливые, как на большой праздник, вышли люди на весеннюю пахоту. Работали от зари до зари, да только урожаи собирать не пришлось. Предательское поведение Троцкого на мирных переговорах в Бресте обернулось нашествием кайзеровских орд. Горе и разорение принесли немецкие оккупанты на Украину. Немецкий кованый сапог подминал под себя все живое, революционное. Притихшие были кулаки повылазили из своих нор и за отнятую у них землю люто начали мстить партизанским семьям.

Сколько женщин, детей, стариков заживо сожгли они в заколоченных снаружи хатах, сколько людей изувечили, растерзали... Реками лилась кровь, раздавались стоны по всей Украине. Не миновала злая участь и нашу округу. Оскверненные трупы революционеров качались на виселицах и в Опoшне, и в Бельске, гибли семьи партизан в Дикапке и Пархомовке. Только нам, котелевским партизанам, удалось спасти своих близких. При отступлении мы взяли с собой заложников, самых именитых богачей, двух попов, урядника и крепко-накрепко предупредили кулачье, что если пострадает хоть одна партизанская семья, заложники будут повешены.

Несколько месяцев пробыл наш отряд в Котелевском лесу. Оттуда мы контролировали район четырехугольника: Полтава — Зеньков — Ахтырка — Краснокутск. Совершали ночные налеты на немецкие гарнизоны в окрестных селах, нападали из засад на вражеские колонны, громили осинные гнезда продавшихся оккупантам петлюровских жовтоблакитныкив¹.

Под ударами созданной из красногвардейских и партизанских отрядов Красной Армии оккупанты вынуждены были отступить на запад. Народ вновь взялся за плуг и косу, по которым так соскучились трудовые руки. Но и на сей раз недолго продолжалось затишье. Нагрянула новая беда: с юга шел Деникин. Опять пришлось бросать семью, мирный труд и идти в поход.

Накануне нашего ухода к нам в Котельву приехал из Ахтырки секретарь уездного комитета партии Подвальный. Собрал он нас, слободских активистов, в ревкоме.

— Ну, как дела? — спрашивает.

— Да чтобы хороши были — сказать нельзя. Вот в лес уходить собираемся. Будем противника с тылу бить.

— Знаю, все знаю. Отряд Котелевский хороший. Только вот что, друзья: впереди у вас бои, а партийной организации еще нет.

¹ Жовтоблакитныками на Украине презрительно называли украинских буржуазных националистов по цвету их флага (желтого с голубым).

Каждый из нас много слышал о партии, мечтал быть в ее рядах. Общие мысли высказал Бородай — отрядный комиссар:

— Большевицкая партия правильная. Мы за нее, за товарища Ленина. Только, товарищ секретарь, сомнение у нас: сможем ли мы быть настоящими большевиками?

Подвальный рассмеялся.

— Вы, хлопцы, не сомневайтесь. Вы и есть самые настоящие большевики. Проводите, можно сказать, в жизнь политику партии, политику товарища Ленина.

— Тогда пишите, товарищ Подвальный, — раздалось сразу несколько голосов.

— Ты, Сидор, у нас командир, тебе и почет первому записаться, — промолвил Бородай.

Первым секретарем нашей партийной ячейки избрали Гинлосыра. На всю жизнь запомнил я день 29 мая, когда уполномоченный уездкома уже в походе вручил мне партийный билет.

Отступая, наш отряд в районе Ахтырки встретил группу партизанских отрядов, руководимых А. Пархоменко. С ними пошли дальше на север, постоянно отбиваясь от наседавших белогвардейских банд. Под Тулой Котелевский отряд красных партизан влился в создаваемые новые части Красной Армии. А меня, как назло, свалил сыпной тиф. Сдали меня в санитарный поезд, и уж не помню, как очутился в Саратовском военном госпитале. Вышел из госпиталя худой, кожа да кости. В Саратовском губкоме товарищи предложили побыть в тылу, окрепнуть. Но я откачался, попросился на фронт. Послали в Уральск к Чапаеву. В дивизии назначили помощником начальника команды по сбору оружия. Она состояла из ста двадцати закаленных в боях красноармейцев и рабочих уральских заводов.

В то время молодая Советская республика не могла полностью снабдить многочисленные фронты самым необходимым — винтовками, пулеметами, патронами, снарядами, хотя все это было в стране. Контрреволюционные элементы — кулаки, купцы, духовенство, хозяева заводов, магазинов, мельниц — прятали огромное количество оружия. Особенно много его было у зажиточного уральского казачества — оплота царизма. Страны Антанты усиленно снабжали оружием не только армии Деникина, Колчака, Врангеля, но и многочисленные банды анархистов и эсеров, действовавшие в нашем тылу.

Нужно было обезвредить заклятых врагов революции, готовивших удар в спину. Нашей команде помог сам Василий Иванович Чапаев. После одного неудавшегося поиска он собрал нас и начал расспрашивать, где мы были, как искали оружие, что нашли.

— Не так искать надобно. Спрашивать у кулаков да справных казаков, где они оружие ховают, нечего, все одно не скажут.

Василий Иванович рассказал о том, как он дрался с белоказаками, где и как добывал оружие и боеприпасы. После этого совещания дела у нас пошли лучше. Мы находили оружие в овинах и на чердаках, в горенках купеческих дочерей и в искусно замаски-

рованных бункерах, вырытых в отдаленных от жилья буграх. Нашли мы оружие и в алтаре за иконостасом старой станичной церкви. Было его здесь немало — сотня винтовок и около полутора тысяч гранат, десять тысяч винтовочных патронов да два английских пулемета.

Когда Красная Армия разгромила Колчака в Сибири, а Чапая дивизия — калединцев у Гурьева, нашу команду направили на Южный фронт. В Уральске мы погрузили в эшелоны все собранное оружие, артиллерию, боеприпасы и двинулись на юг Украины. Командующий 6-й армии, в распоряжение которого мы прибыли, приказал немедленно доставить привезенное в воинские части, которые в те дни готовились к штурму Перекопа. Перевозить оружие и боеприпасы предстояло по бездорожью на расстояние до ста и больше километров. Снова пошли бойцы по селам и хуторам. Кулаки Таврии запрятали своих коней с тачанками в днепровских плавнях, ярах и клунях. С большим трудом собрали мы двести пароконных подвод. Работали до полного изнеможения, но задание выполнили в срок.

* * *

Освободила Красная Армия Перекоп, разгромила Врангеля. Страна приступила к мирному труду. Многих демобилизовали, меня же откомандировали в распоряжение запорожского губернского военного комиссара. В июле 1921 года получил назначение сначала помощником военного комиссара, а несколько позже — военным комиссаром Большевикского уезда.

Советская республика только-только поднималась из руин, всюду зияли раны войны. Банды из недобитого царского офицера и местного кулачества терроризировали население. На борьбу с бандитами были мобилизованы все коммунисты уезда и в первую очередь работники военкомата. В селах создали отряды самообороны. За полгода напряженной борьбы число банд заметно уменьшилось.

Вскоре я получил приказ выехать в город Генчешек и организовать там уездный военный комиссариат. Аппарат Генчешекского уездного комиссариата подбирался наспех, многие его работники ни разу не бывали в боях, плохо знали оружие, а ведь нам надо было вести борьбу с бандами.

Вспоминается такой случай. Получили мы сведения, что километрах в сорока от Генчешека зверствует небольшая банда местного «пана атамана». Бандиты убили председателя сельсовета, двух кооператоров, изнасиловали и повесили учительницу. Вызвал меня секретарь уездного комитета партии и говорит:

— Бери, Ковпак, милицию и свою военкоматовскую команду. Нужно уничтожить банду.

В село приехали под вечер, собрали актив. В это время банда, не зная о нашем прибытии, с гиканьем и беспорядочной стрельбой ворвалась в село. При сложившейся обстановке наша застава

должна была пропустить их и ударить с тыла, но неопытные бойцы открыли огонь преждевременно и тем спугнули бандитов. Преследуемые отрядом, бандиты засадили в топкое место Сиваша, бросили коней, а сами вплавь переправились на противоположный берег.

Этот случай послужил хорошим уроком для необстрелянных бойцов. Последующие наши операции были более удачными, и вскоре мы сумели уничтожить не только эту, но и другие банды.

После Генической я работал военным комиссаром Павлоградского округа. Однако годы, проведенные в окопах, подорвали здоровье — крепко мучил ревматизм. Обратился с просьбой о демобилизации. В июле 1926 года моя просьба была удовлетворена.

Но еще до приказа о демобилизации я уже стал председателем колхоза имени Ленина в селе Вербки. История эта довольно интересная. С конца 1924 года мне, как постоянно уполномоченному Павлоградского окружкома партии, часто приходилось бывать в Вербках. Проводил там беседы, собрания, помогал комитету бедноты. Председателем Вербского сельсовета был Илларион Васильченко — парень хороший, но несколько горячий, в боях с белыми он потерял ногу, ходил на деревяшке. Так вот, вместе с активистами села он решил снять церковные колокола.

Не разъяснив прихожанам (верующим) суть дела, Васильченко с товарищами пришел к церкви и развернул подготовительные работы. Дьячок с пономарем побежали по селу:

— Люди! Антихристы церковь грабуют!

Через несколько минут активисты были окружены толпой женщин, «вооружившихся» вилами, граблями, сапками. Сообразив, что это может для них кончиться плохо, Васильченко и его друзья заперлись в церкви. Кто-то об инциденте сообщил в уезд. На место прибыло человек тридцать конной милиции. Атмосфера накаливалась еще больше. Подстрекаемые дьячком и кулаками, женщины набросились на милиционеров.

По указанию секретаря окружкома Барабанова я срочно отправился в село. Въехал на тачанке в самую гущу толпы. Женщины, перебивая друг друга, голосисто кричали.

Встал на тачанке во весь рост и жду. Долго ждал, пока народ утихомирится. Речь свою начал с того, что осудил поступок Васильченко. Особо подчеркнул, что он не имел права снимать колокола без согласия народа. Потом пожурил женщин за то, что они прибегли к самосуду. Так нельзя. У нас есть народная власть, и она во всяком деле разберется по всей справедливости. Далее я сказал, что Васильченко отвезу в уезд, там его и накажут. Так я и сделал. С тех пор установились у меня с вербовцами хорошие отношения. Через несколько месяцев, когда в селе провели разъяснительную работу, вербские прихожане сами сняли колокола.

В сентябре 1925 года Павлоградский окружком партии поручил мне организовать в Вербках колхоз. На общее собрание пришли все жители села. После доклада и ответов на вопросы первым с провокационным заявлением выступил подкулачник.

— Мы обсуждали этот вопрос целую неделю, и он для всех ясен. Давайте записываться. Только вы, товарищ военком, пишется первым. Если вы будете у нас председателем, тогда и мы все запишемся.

Подкулачники, видимо, рассчитывали, что я не соглашусь, и тогда им будет легко сорвать организацию колхоза. Я ответил, что если меня выберут, то с радостью буду работать.

Васильченко вел собрание. Он не растерялся и сразу обратился к собравшимся:

— Кто за то, чтобы товарищ Ковпак был председателем нашего колхоза, прошу поднять руки.

Избрали единогласно.

Вот так я и стал председателем колхоза. Проработал полтора года, подготовил на свое место толкового молодого парня и попросил колхозников освободить меня от председательских обязанностей. Люди согласились, но потребовали, чтобы оставался заместителем. Что ж, воля народа — закон.

В последующие годы работал директором Павлоградского кооперативного хозяйства, затем Путивльского подсобного хозяйства. В 1937 году меня назначили заведующим районным дорожным отделом Путивльского райисполкома.

Колхозы нашего района год от года крепили и развивались. Повышались урожаи зерновых, резко увеличивались посевы конопли, свеклы, табака, картофеля, росла продуктивность животноводства и птицеводства. Дорог же хороших в районе не было. Их надо было строить. Начать решили с главной магистрали, соединяющей Путивль с железнодорожной станцией. Попробовали выхлопотать денег — ничего не вышло. Райком партии предложил строить своими силами. Связались с бригадами колхозных дорожных бригад и шаг за шагом развернули работу. На помощь пришли дорожные бригады не только из ближних, но и из дальних колхозов. В первый год продвинулись на километр: хорошо уложили подушку и замостили булыжником. Это был наш первый экзамен перед трудящимися района, и выдержали его мы с честью.

За второй год вывезли пять тысяч кубометров камня и столько же песка, замостили пять километров дороги. Начали строить мост через Сейм. Трудился весь актив района. В работу включились дорожные бригады всех колхозов. На третий год подготовили к мощению четырнадцать километров. Для строителей организовали подвоз горячей пищи. Торговали ларьки и палатки. К осени 1939 года дорогу и мост через Сейм построили. Открытие их превратилось в большое народное празднество.

Во время первых выборов в местные Советы путивляне избрали меня депутатом районного и городского Советов, а на первой сессии горсовета — председателем исполкома.

Путивль — небольшой город, но он имеет много характерных и интересных особенностей. История его древняя. На протяжении веков он служил надежным заслоном Киевской Руси, а позже Московского государства от набегов половцев и крымских татар.

В Путивле до сих пор сохранились остатки крепостного городища, на стены которого, как свидетельствует «Слово о полку Игоря-Святославовича», выходила Ярославна оплакивать судьбу князя Игоря Святославовича. В городском музее бережно хранятся экспонаты, рассказывающие о героической борьбе путивлян с польской шляхтой, документы о могучем народном движении Ивана Болотникова, начавшемся в Путивле, о героических действиях путивльских отрядов красных партизан в годы гражданской войны.

Город расположен на холмистом берегу Сейма. В ясную погоду с путивльских холмов открывается прекрасный вид на юг, восток и запад. Луга и поля чередуются с лесами и перелесками. Чудесный край с богатыми охотничьими и рыбными угодьями ежегодно привлекает к себе на отдых многих москвичей, ленинградцев, горьковчан...

До войны в Путивле насчитывалось немногим больше двенадцати тысяч жителей. Промышленность была развита слабо: в городе имелось два завода — плодоконсервный и маслобойный, мельница и несколько мелких предприятий. На западной окраине города располагалась МТС. Много в Путивле было учебных и культурных заведений: три средние, одна семилетняя и одна зооветеринарная школы; два училища механизации сельского хозяйства, педагогическое училище, плодоовощной техникум, две библиотеки, кинотеатр, Дом пионеров, Дом учителя, краеведческий музей...

Жилой фонд города находился в запущенном состоянии. Водопровода не было. Электростанция работала из рук вон плохо, электросеть обветшала. Подует ветер, и половина Путивля погружается во тьму.

Новый состав горисполкома начал свою деятельность с приведения в порядок жилого фонда. Проверили состояние каждого дома, каждой комнаты, разработали план ремонта жилья, который утвердили на заседании горсовета, и приступили к его выполнению.

Ассигнованных на ремонт денег и материалов не хватало, дело подвигалось медленно, но на помощь опять пришел актив. Чего только не сделают наши советские люди, когда их устремление и энергия направлены на определенную, нужную народу цель! Нашли и лес, и краски, и проволоку, из которой научились делать гвозди. Организовали производство кирпича и извести, добычу камня и мела. Работа кипела круглый год. В 1940 году план ремонта жилья был намного перевыполнен.

В том же году были открыты портняжная и сапожная мастерские, пекарня по выпечке кондитерских изделий, колбасный цех, организована транспортная артель...

Ранней весной приступили к озеленению. На улицы и площади города вышло почти все население. Застрельщиком в этом деле была молодежь — студенты, учащиеся старших классов. За одну весну фруктовыми и декоративными деревьями засадили парк, разбитый на бывшей базарной площади. В центре парка устано-

вили памятник В. И. Ленину. Десятки тысяч деревьев высадили вдоль улиц.

Приятно было пройти по городу, он на глазах расцветал. Здания преобразились, все сияло свежей краской. А как красиво было весной 1941 года, когда зацвели сады и покрылись листвой молодые посадки!

Каждое утро по дороге в горисполком я обходил места, где велись работы по благоустройству города. Ходил не только по улицам, но и напрямик — проходными дворами, перелазами, оттого и город, и где что делается хорошо знал.

Знали и меня в городе, да и во многих селах района было немало знакомых. Бывало, подъезжаешь к селу, а детвора уже встречает разноголосым щебетанием. Не успеешь подойти к сельсовету или правлению колхоза, как начинает собираться народ. Кто за советом, кто с просьбой или жалобой, а кто просто послушать, о чем говорить будут.

Ну, а на праздники — на 1 Мая или на Октябрьские торжества — от приглашений отбою не было. Заходите да зайдите... И заходил. С хорошими людьми, которые тебе в работе всячески помогают, и повеселиться можно.

Хорошо жить начинали. Во всем реально ощущалась великая победа советского народа — победа социализма.

И вдруг все круто изменилось...

Началась война народная

Люди старшего и среднего поколений навсегда запомнят этот день — 22 июня 1941 года, когда ударил гром тяжелейшей войны. Пришлось временно оставить мирные планы и намерения.

В этот день, через несколько часов после тревожной вести о нападении фашистской Германии на Советский Союз, собралось бюро Путивльского райкома партии. Решили: активу перейти на казарменное положение, строить бомбоубежища, срочно ремонтировать помещения, пригодные для использования под госпитали, создавать истребительные отряды, всячески помогать райвоенкомату в проведении мобилизации.

В напряженной работе незаметно летели дни.

3 июля. Становится реальной опасность проникновения фашистских армий на Левобережную Украину, на Сумщину и даже к нашему Путивлю, расположенному чуть ли не в тысяче километров от государственной границы. Слушали по радио обращение ЦК ВКП(б) к народу. В память врезались слова:

«В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде».

Задача ясна. Долго раздумывал: где в свои пятьдесят пять лет я сумею больше принести босв в империалистическую войну, партизанская и армейская школы Пархоменко и Чапаева, курсы в высшей стрелковой школе, двадцатитрехлетний стаж работы с людьми, двадцать два года работы в партии. Коммунисты, рабочие, жители Путивля избрали меня председателем исполкома горсовета. Как же оставить своих избирателей, если сюда придет враг? Ведь председатель исполкома — это представитель советской власти в городе, а власть наша народная, с народом она делит радость и горе...

Твердо решил — останусь.

Вечером собрался партийный актив. Внимательно выслушали сообщение о работе ЦК КП(б)У по подготовке к развертыванию партизанской борьбы в районах, которым угрожала оккупация. Речей не произносили. Все ясно. Нужно действовать.

Решили, соблюдая строжайшую секретность, создать из партийного и советского актива района и личного состава истребительного батальона, сформированного при совете Осоавиахима, четыре партизанских отряда: первый — в Спадщанском лесу, второй — в Новослободском, третий — в Казенном, четвертый — в селе Литвиновичи.

Отрядом в Спадщанском лесу поручено командовать мне, в Новослободском — Рудневу. Кроме того, мне поручили создать три базы с продовольствием и снаряжением: одну в Спадщанском лесу, вторую в Монастырском, третью в массиве молодого сосняка, недалеко от села Ильино-Суворовка. Расчет простой: в случае тяжелого положения, которое может создаться в Спадщанском и Монастырском лесах, Ильино-Суворовская база, заложенная в степи, далеко от дорог, будет надежным резервом.

20 августа. Задание райкома по закладке баз выполнено. Вечера закончили последние работы. Этим делом занимались я, Коренев — директор инкубаторной станции, заведующий отделом коммунального хозяйства горсовета Попов, председатель Кардашевского сельсовета Рыжков, коммунисты Козаченок, Мерзляков, Толстой, Войкин и Демьяненко.

Под видом оказания помощи Красной Армии мы изготовили 250 котелков, несколько десятков ведер и баки для варки пищи. Запасли 75 пар сапог, 250 шапок, 100 ватных курток, 500 пар белья, 100 пар рукавиц, полторы тонны сливочного масла, полтонны варенья, тонну колбасы, крупы разной, лапши, сала, соли, сахара, сухих овощей и фруктов. Из боеприпасов сумели раздобыть 750 килограммов аммонала. Все это днем свозили на склад горсовета, а ночью скрытно переправляли в лес.

На местах расположения баз вырыли 132 ямы, уложили туда все заготовленное, закрыли дерном и хорошо замаскировали. Одним словом, действовали по принципу: дальше спрячешь — ближе взьмешь.

28 августа. Фронт приблизился к Путивлю. С утра начали

эвакуацию района. Отправил и я свою жену Екатерину Ефимовну. Посехала она на подводе еще с одной женщиной, взяв с собой маленький узелок с вещами.

6 сентября. Уже отчетливо слышна артиллерийская канонада. Продолжаем эвакуацию горожан. Выезжают женщины, старики и дети. Руднев со своим отрядом, в который вошли активисты районной организации Осоавиахима Базыма, Панин, Покровский, Пятышкин, Политуха, всего двадцать шесть человек, уехали в Сумы на краткосрочные курсы диверсантов-подрывников.

8 сентября. Отправил в лес весь состав своего отряда из девяти человек: Попов, Войкин, Мерзляков, Демьяненко, Рыжков, Козаченко, Толстой, Бородин. Старшим назначил Алексея Ильича Корнева — человека с большим жизненным опытом, партизана гражданской войны. Сам пока остался в городе.

9 сентября. В середине дня приехала в Путивль из Харькова группа белорусов. Белорусские товарищи были там на краткосрочных курсах минеров. В связи со сложившейся на фронте обстановкой их перебросили к Путивлю. Здесь командование предложило им выбор: или влиться в оборонявшие город части генерала Чеснова, или идти в партизаны. Почти вся группа присоединилась к армейской части, а четверо решили остаться у нас. Это коммунисты Курс, Юхновец, Терехов и Островский.

Николай Курс — рассудительный, вдумчивый. У него фигура гимнаста и красивое приветливое лицо. Виктор Островский и Василий Терехов — прямая противоположность друг другу. Первый молчалив, сдержан, второй — шутник и балагур. Юхновец Георгий Андреевич — самый старший из четверки, ему лет сорок. Спокойный, с большими рабочими руками и тяжелой походкой. Наблюдая их мужественное поведение во время бомбежки города, я понял: это стойкие и решительные люди.

Город опустел. Население, не успевшее эвакуироваться, попряталось. По улицам ходит только нас пятеро, вооруженных винтовками. Проверили учреждения, склады, магазины. Везде пусто, за исключением типографии районной газеты. Машины, шрифты, бумага — все это ценное имущество какие-то разгильдяи бросили на произвол судьбы. Берите, мол, господа фашисты, пользуйтесь! Обнаруженное имущество, что смогли, попрятали, а остальное уничтожили.

В райпотребсоюзе нашли 120 тонн соли. Всю раздали населению. Научному сотруднику краеведческого музея Шелемину было поручено спрятать в действующей церкви экспонаты музея. Задание это он выполнил весьма искусно.

10 сентября. Гитлеровцы на подступах к городу. Рано утром мы оставили помещение горисполкома, служившее нам штаб-квартирой. Обосновались в городском парке, откуда продолжали вести наблюдение за приближающимся противником.

Под вечер в городе появились первые вражеские солдаты. От фашистов отделял нас один квартал. Чертовски хотелось отправить на тот свет одного-другого гитлеровского молодчика, но

вступать в бой с разведкой и этим обнаруживать себя мы не имели права. Нужно уходить в лес, пока оставался свободным от врага единственный семкилометровый путь по заболоченному берегу Сейма.

Пробирались скрытно по болоту, камышами. Тропки изучили еще во время занятий в Осоавнахиме. Все же противник заметил нас и открыл минометный огонь. Пришлось зайти в болото поглубже. К лесу добрались только к полуночи, усталые и насквозь промокшие.

Лес встретил нас неприветливо. Мелкий назойливый осенний дождь не переставал моросить, под ногами хлюпала вода, темень кромешная. Окончательно выбившись из сил, решили отдыхать стоя, прислонившись к дереву. Так стоя и заснули. Проснулся я от ужасного озноба, вижу — белорусы тоже постукивают зубами.

11 сентября. На рассвете сорниентовались, где находимся. Место плохое, недалеко от опушки, лес из редкой тонкой сосны, видно нас далеко. Нужно уходить.

После часовой ходьбы немного согрелся. Хотелось есть. Обшарили карманы. У Курса и Островского нашлось граммов триста размокшего хлеба, смешанного с табачной пылью. Разделили поровну. Попробовали разжечь костер — не вышло. Спички так отсырели, что при всем старании огня добыть не удалось.

Пошли дальше искать отряд. Однако задача эта оказалась не из легких. Спадщанский лес своеобразен: в нем много мест, похожих одно на другое. До войны было немало случаев, когда не только горожанки — путивльские женщины, собиравшие грибы, но и охотники из близлежащих сел и хуторов блуждали в этом лесу.

Лесной массив довольно большой, он заполняет западнее Путивля все междуречье между Сеймом и Клевенью. С юго-запада на север Спадщанский лес окружен болотами, непроходимыми после дождей, особенно весной и осенью.

Высокий, заросший травой и редким кустарником дубняк сменяется растущим в низине березняком, который, в свою очередь, переходит в сосняк с оголенной почвой или в стоящий сплошной темно-зеленой стеной ельник. Светлые редколесья чередуются с зарослями орешника.

Когда мы возили продукты к базам, я примечал отдельные деревья, молодые посадки, даже надламывал небольшие ветви, делал кое-где заметки. Теперь же мне казалось, что мы уже пришли на те места, но моих заметок нет. Ищем, ищем — и все безрезультатно. А Корнев должен быть где-то здесь, возле базы. Но где же она?

12 сентября. Путь преградила широкая грейдерная дорога, идущая от Путивля к селу Спадщина. Мы не решились переходить ее днем, ждали, пока стемнеет.

Взяли направление в глубь леса. Шли всю ночь под дождем. Промокли, озябли и устали настолько, что перестали ощущать сырость и холод. Наступило какое-то оцепенение. Ноги передвигались механически.

13 сентября. На рассвете подошли к опушке. В ста метрах от леса окраина знакомого села Старая Шарповка. Приняли отчаянное решение: будь, что будет, пойдем в село, обогреемся.

К крайней хате подошли незамеченными, постучали. Хозяйка, увидев нас, запричитала:

— Ой, лышенько, шо ж цэ робыться?! Так, мабуть, и мий бидный дэс блукае...

Она быстро разожгла печку, предложила нам обсушиться, сама принялась кухарить, а девочку лет десяти на всякий случай послала наблюдать. От тепла, домашнего уюта и сознания, что скоро поешь, по телу разлилась приятная истома. Но, увы, минут через двадцать прибежала девочка:

— Мамо, в сэло нимци прыихалы.

Хозяйка на ходу сунула нам спички, хлеба... И вот мы снова в лесу под дождем, но теперь дело обстоит лучше — можно обсушиться у костра.

Есть хотелось еще сильнее. Решили парить картошки на огородах, прилегавших к самому лесу. По-пластунски поползли на огороды. Лежим и роем. Вдруг шорох, треск ветки. Из густого кустарника высунулась закутанная в платок женщина и приглушенно зашептала:

— Тнкайте, нимци идуть!

Снова в лес. Часа полтора выжидали, потом разожгли костер, испекли картошку, поужинали с большим аппетитом... Переночевали в стоге сена. К утру просохли окончательно.

14 сентября. Продолжали понески группы Коренева, но тактику изменили. Раньше ходили все вместе, а теперь, наметив пункт сбора, разошлись поодиночке. Так что вероятность встречи с товарищами возросла.

18 сентября. Четыре дня блуждали по лесу и все безрезультатно. Решили связаться с подпольем. Пошел на место явки в хутор Кутыри. Там выяснил, что члены районного актива, которым райком партии поручил возглавлять работу подполья и партизанскую борьбу в районе, где-то застряли.

19 сентября. Пробираясь молодым лесом, я услышал, что за мной кто-то идет. Прибавил шагу, но они не отстают. Пошел медленно, и вот молча догоняют двое с оружием. Грязные, заросшие. На пилотках звездочки, на гимнастерках петлицы. Молчим, настороженно приглядываемся друг к другу. Так прошли метров сто. Потом один резко спросил:

— Кто вы такой? — и вынул паган.

Ответил спокойно, с достоинством:

— Хозяин здешних мест.

— Это что же, — говорит, — немцы вас поставили? — и взводит курок.

Я вскипел, выругался, рука с браунингом сама выдернулась из кармана. Говорю:

— Я командир здешнего партизанского отряда! А вы кто такие? Чего по лесу шляетесь?

Стоят, улыбаются:
— Ты, папаша, не шуми. Если ты командир отряда, то и мы к тебе пойдем в партизаны, а если предатель, все равно расстреляем. Нас здесь много!..

Оружие спрятали, разговор пошел спокойнее. Выяснилось, что они уже видели Коренева и условились встретиться с ним завтра утром на усадьбе лесника.

Возвратился к белорусам, рассказал о встрече с красноармейцами, которая чуть было не стоила мне жизни. Наконец-то нашли своих!

20 сентября. Утром в назначенном месте впервые собрался весь Путивльский партизанский отряд: группа Коренева, товарищи из Белоруссии и присоединившиеся к нам красноармейцы. Теперь каждый ощутил локоть товарища, почувствовал, что он снова в советском коллективе, среди друзей.

В мирной жизни мы нередко наблюдали волнующие встречи людей, но ни с чем несравнима встреча, пережитая нами в этот памятный день. Теперь каждый знал, что впереди — борьба! Трудная, опасная, но борьба, а не томительное блуждание и созерцание народного горя.

В домике лесника люди отдыхали, познакомились друг с другом. Я пошел побродить по лесу. Хотелось многое обдумать. Собралось нас 42 человека, из них 36 вооружены винтовками и шестью автоматами. Это уже сила немалая! Можно и нужно начинать действовать.

Общая задача отряда ясна. Она четко определена в обращении Центрального Комитета партии к народу. Волновало другое. По опыту империалистической и гражданской войн я знал, как важно для быстрого сколачивания крепкого, боевого коллектива добиться успеха в первом бою, в первые дни существования отряда.

Вспоминал многое: и эпизоды из боевой жизни разведки, и события во время революции, и героические действия Пархоменко, Чапаева, и борьбу с бандами. Воскресло в памяти когда-то слышанное о партизанах прошлого века: о лихих налетах гусара Дениса Давыдова на тылы Наполеона, о мудрости Василисы Кожинной, о засадах Гарибальди. Постепенно сложился план действий.

21 сентября. День ушел на изучение обстановки и знакомство с людьми. Товарищи, пришедшие в лес раньше, уже установили связь с населением окрестных сел. Выяснили, что оккупанты в основном базируются в Путивле, а в села наведываются только за продуктами. Чувствуют они себя полновластными хозяевами, вылавливают коммунистов, комсомольцев, активистов. Наглость их продовольственных команд растет с каждым днем. Они грабят народ, забирают хлеб, скот, птицу. Население пока не оказывает активного сопротивления, но ненависть к фашистам растет быстро, повсеместно поговаривают о необходимости решительно бороться с врагом.

У нас плохо с боеприпасами. На винтовку всего по двадцати

патронов, к автомату — по одному неполному диску, во всем отряде восемь гранат. Аммоналом пользоваться нельзя — нет детонаторов.

Единственное, что радует душу, — это люди. В отряде собрались представители трех поколений большевиков: старые бойцы революции, умудренные большим жизненным опытом; люди средних лет, закаленные трудностями строек индустриализации и борьбы с кулачеством, и, наконец, молодежь, красноармейцы, вышедшие из окружения и сохранившие свою воинскую честь и достоинство. Хотя у некоторых из молодых есть случаи недисциплинированности и молодечества, но это паносное, временное. Подтянутостью и военной выправкой выделяются сержанты Карпенко, Васильев и Цимбал.

Среди дня услышали сильный взрыв со стороны Новой Шарповки. Послали разведчиков. Те вернулись и доложили:

— Корова подорвалась на минном поле.

Поручил Курсу выяснить, можно ли снять мины с этого поля и использовать их для диверсионной работы.

Николай Михайлович Курс — большой души человек, умный, вдумчивый. Он из рабочей семьи, окончил институт, служил в армии, демобилизовался в звании лейтенанта, а последние годы работал директором средней школы в белорусском городке Речице.

22 сентября. Утром построил весь личный состав и огласил первый приказ по Путивльскому партизанскому отряду. Отряд разбивался на четыре босвые группы: две оперативные, командир первой — Карпенко, второй — Васильев, группа минеров — командир Юхновец, группа разведки — командир Попов. Курс назначался начальником штаба, Коренев — помощником командира отряда.

Каждой группе и штабу указано точное место расположения, поставлена конкретная боевая задача и определено время ее выполнения.

Курс в ночь пошел на разведку минного поля. Оно отделено от леса проезжей дорогой, по которой все время курсируют немецкие автомашины и мотоциклы. Николаю Михайловичу предстояло перебраться под покровом темноты через дорогу, залечь на минном поле, замаскироваться, дожидаться утра и при дневном свете найти мину и разрядить ее.

Все мы очень волновались. Ведь Курс никогда не был профессионалом-минером, и несчастье могло произойти в любую секунду. Не знаю, кто больше пережил в те часы: он, лежа на минном поле, или мы, ожидая его возвращения.

Но вот наконец Николай Михайлович вернулся. Вид его говорил о том, что вылазка удачна. Он принес мину и сейчас же начал объяснять ее устройство. Тут же приняли решение разминировать все поле. Выполнение этой задачи возложили на Курса и минеров Юхновца, Терехова и Островского.

В наших руках эти мины будут действенным оружием. Для усиления взрывов можно будет использовать и запасы аммонала.

А это значит — появится возможность наносить врагу сильные удары. Группе разведки приказал изучить охрану дорог и интенсивность движения по ним войск и транспорта противника. В этом деле разведчикам активно поможет население. Во всех окрестных селах у нас уже есть свои глаза и уши.

27 сентября. Нашего полку прибыло! В отряд влилась группа совпартактива из Конотопа, составлявшая ядро Конотопского партизанского отряда. С приходом гитлеровцев они ушли в свои леса, но, не имея баз, вынуждены были покинуть территорию района. От колхозников они слышали о нас и направились в Спадщанский лес, чтобы соединиться с Путивльским отрядом.

В этой группе председатель Конотопского райисполкома Канавец, прокурор района Кочемазов, коммунисты Забияко, Бойко, Петрикей и Китович.

О появлении в Спадщанском лесу этого отряда мне заблаговременно сообщил лесник Соловьев, в доме которого конотопцы прожили несколько дней. Выбрав удобный момент, лесник прибежал к нам и рассказал:

— Пришли какие-то люди, называют себя партизанами. Вроде действительно наши, но в лицо их не знаю. Хорошо вооружены, имеют ручной пулемет.

Я велел ему быстрее вернуться к себе и сказать незнакомцам, чтобы через час они вышли к развилке лесных дорог возле старого дуба.

На место встречи мы отправились с Поповым. Не доходя метров полтора до дуба, залегли в густом орешнике на пригорке. Сектор обзора хороший, лежим, наблюдаем. Всякое может быть, а вдруг провокация.

Спустя минут двадцать на дорогу выходит плотный парень в телогрейке. Всмотрелся. Да ведь это конотопский председатель райисполкома Канавец Федор Ермолаевич! За ним показался худощавый высокий мужчина средних лет — Василий Порфирович Кочемазов, потом остальные. Всех шестерых мы хорошо знали в лицо, не раз встречались, районы-то наши — соседние.

Радостной была встреча. Посоветовались и решили действовать вместе.

Еще до прихода конотопцев нам становилось все яснее, что для пользы дела целесообразно соединиться с другими мелкими отрядами, действующими по соседству. От колхозников мы слышали, что неподалеку базируется небольшая группа партизан нашего же Путивльского района. Начальнику штаба Курсу и командиру разведгруппы Попову было дано задание связаться с ними.

Сегодня Курс доложил, что в урочище Марица находится группа воргольцев и литвиновича. Командует ею Кириленко Степан Федорович — председатель колхоза «Вильный край», энергичный и решительный человек. Приходу Курса он очень обрадовался. Предложение о совместных действиях охотно принял. Вечером группа Кириленко перешла в Спадщанский лес. Люди хорошие,

преданные. Среди них одна женщина — врач воргольской больницы комсомолка Дниа Маевская.

28 сентября. Наши наблюдательные посты заметили в лесу какого-то человека. Хлопцы несколько раз пытались его задержать, но он ловко скрывался. Очевидно, хорошо знал местность. Все же его поймали. На допросе выяснилось, что перед нами... бывший помещик. До революции он имел возле Путивля поместье. После разгрома белых удрал за границу, а теперь вернулся в немецком обозе и как верный холуй пошел на «черную работу» шпиона.

На этого «бывшего помещика» молодые бойцы отряда смотрели с нескрываемым любопытством. Ведь они никогда не видели помещиков. Смотрели и приговаривали:

— Эй, дядя! Откуда тебя принесло? С небес спузошел до нас или из преисподней вынырнул? Живучие, гады!..

Поймка вражеского лазутчика говорила, что противник интересуется Спадщанским лесом и нужно принимать соответствующие меры защиты.

29 сентября. В 12 часов дня грузовая машина с двадцатью немецкими солдатами на дороге между селом Сафроновка и хутором Красный попала под огонь нашей засады. Бойцы открыли стрельбу раньше времени, и немцам удалось бежать. На дороге осталось только двое убитых и горящая машина.

Через два часа из Путивля против нашей засады, состоявшей из шести человек, было брошено около ста фашистских солдат. Партизаны, не приняв боя, отошли. Их отход прикрывал недавно пришедший к нам из поселка Теткино инженер Ильин, молчаливый и волевой молодой партизан. Заняв выгодную позицию на небольшой высотке, поросшей густым кустарником, он подпустил карателей примерно на сотню метров и несколькими очередями из ручного пулемета уложил шестерых. Остальные тотчас отпрянули назад. Ильин отполз дальше в кустарник и вскоре догнал своих.

Василий Васильевич Ильин незадолго до войны окончил институт и вскоре стал главным инженером теткинских сахарного и спиртового заводов. Создававшаяся на фронте обстановка вынудила наши части неожиданно отойти. Рабочие не успели демонтировать оборудование, и оно в полной исправности досталось врагу. Коммунист Ильин остался на заводе и возглавил группу рабочих-патриотов. В первые же дни оккупации они привели в негодность часть оборудования. Остальное решили взорвать. Раздобыли взрывчатку, заложили фугасы. Однако выполнить смелый замысел не удалось: выдал провокатор.

Глубокой сентябрьской ночью гестаповцы нагрянули на квартиру к Ильину. Пока они стучали и взламывали дверь, он оделся и открыл окно, выходящее в сад. В черной прогалине выросла фигура фашиста, и в ту же секунду дверь под тяжестью прикладов слетела с петель. Несколькими выстрелами из пистолета Ильин уложил двух ворвавшихся в комнату гитлеровцев и солдата, стоявшего под окном, а сам выскочил в сад и скрылся во мраке ночи.

30 сентября. Группа Кириленко получила задание устроить засаду на дороге Воргол — Глухов. Скрытно подойдя к дороге, партизаны замаскировались. После трехчасового ожидания на шоссе показался большой крытый автофургон. Впереди ехал мотоциклист. Партизаны решили, что немцы в нем везут что-то важное. Открыли огонь. Через одну-две минуты из горящей машины раздалась истошная визг свиней. Вот каких «чиннов» эскортировал мотоциклист! Видимо, неспроста оккупанты стали скрывать от посторонних взглядов награбленное у колхозников! Побанваются...

1 октября. Боец хозчасти, молодой энергичный парень Алешин, пошел в Спадщину, чтобы организовать выпечку хлеба. Уладив дела, он под утро собрался уходить в лес, но замешкался и не заметил, как к хате на машине подъехала команда немецких солдат-заготовителей, человек пятнадцать. Выскочил Алешин из дома, с ходу бросил в кузов машины гранату, а когда пыль и дым от взрыва рассеялись, его уже и след простыл.

9 октября. От наших друзей из окрестных сел постоянно поступают сигналы о настойчивых попытках немцев разведать силы партизан. Расспрашивают колхозников, обещают вознаградить землей, коровой и кабаном того, кто проникнет в лес и принесет им о нас точные сведения. Пришлось хорошенько заняться организацией обороны. Людей для защиты лесной базы не хватает, зато есть у нас теперь мины. Курс, Юхновец, Терехов и Островский перетащили в лес свыше двухсот мин. Решено заминировать все дороги, тропинки и тропки, ведущие в глубь леса.

Этой работой последние дни и был занят отряд. Одновременно продолжали минировать участки вражеских коммуникаций, удаленные от базы на 15—20 километров. Результаты не замедлили сказаться. 5 октября на дороге Конотоп — Кролевец на минах, поставленных Кочемазовым и Канавцем, подорвались две штабные машины. Убиты два немецких генерала и четыре офицера.

10 октября. Дозорные задержали в лесу военнослужащих в форме пограничников. Один назвался подполковником Любитовым, другой — старшим лейтенантом Цирульником. Привели их ко мне. Любитов рассказал, что он работал в Киеве в НКВД УССР. Начальником его был заместитель наркома Строкач. По заданию ЦК КП(б)У они помогали работникам ЦК организовывать партизанские отряды. Руководил этим делом непосредственно ЦК КП(б)У.

— А теперь вот, после сдачи Киева, выходим из окружения мелкими группами. Товарищ Строкач пошел на Гомель, а я стал пробираться на северо-восток вдоль железной дороги.

Он ненадолго умолк, снял фуражку, вытащил из-под подкладки аккуратно свернутый лист бумаги и подал мне.

— Это наша листовка, товарищ командир. Мы нашли ее недалеко от Бахмача, еще свежая.

В листовке была напечатана сводка Совинформбюро о положении на фронтах, о героической обороне Одессы, об упорных боях под Москвой и на подступах к Ленинграду. Рассказывалось о

зверствах фашистов в Кривом Роге, в деревнях Украины и Белоруссии, о росте сопротивления нашего народа фашистским захватчикам, о смелых действиях партизан в районах Тарту, Луги, Николаева. Приводились выдержки из дневников и писем пленных гитлеровцев, в которых они с унынием отмечали, что война в России намного тяжелее, нежели им обещали гитлеровские генералы.

Сведения эти для нас имели огромное значение. Геббельсовская пропаганда непрерывно плела паутину из небылиц, пытаясь запугать легковерных, подавить у людей волю к сопротивлению, заставить их думать, будто гитлеровская Германия непобедима. Фашисты уже давно кричали о взятии Москвы, а у нас не было, как выражаются юристы, вещественных доказательств для опровержения. Одной горячей веры в то, что Москву не сдадут, что разгром фашистских захватчиков неминуем, порой было мало.

Зная, как населению нужна правда о положении на фронтах, я отложил беседу с Любитовым, созвал разведчиков и предложил немедленно переписать и огласить текст листовки во всех селах, где они будут в ближайшие дни.

Продолжая затем беседу с Любитовым, я спросил:

— Что вы видели и слышали по дороге?

— Видели много ужасов, о них говорить не хочется. От Конопта мы взяли на север, шли мимо Бочечек, Казацкого, Хижков. Последнюю остановку сделали в хуторе Ашотии Конопотского района. Здесь нам рассказывали, что гитлеровцы сгоняли людей и объявляли, будто они уже взяли Москву... В селах возле вашего леса немцы меньше бывают. Колхозники говорят — партизан боятся...

Рассказ Любитова дополнил наши сведения о геббельсовской пропаганде. Неделию назад в Путивле оркестр оккупантов целый день играл бравурные марши якобы в честь взятия Москвы.

— Ну, а как вы думаете, где сейчас может быть фронт? — спросил я, хотя и знал, что фронт проходит в районе Харькова.

Ответы Любитова не вызывали сомнений. Похоже, наш человек. «А что, если послать с ним за линию фронта партизана? — подумал я. — Может, удастся установить связь».

— Ну, хватит вас разговорами кормить, идите поешьте, да отдохните, — предложил я чекистам. Когда они ушли, я собрал товарищей. Высказал сомнение — не подосланные ли это изменники? Пропадет тогда и наш связной и отряду не поздоровится.

— Тихон, ты, помнится, в прошлом году в Киев ездил и в НКВД был? — спросил Коренев у разведчика — рыжеватою, не по возрасту быстрого Тихона Николаевича Козаченка.

— Был.

— А у кого?

— У замнаркома Строкача.

— Так пойдн поспрашивай этого пограничника. Сам знаешь как.

— Знаю. Если врет, уличу, никуда не денется...

Спустя полчаса Козаченок доложил:

— Правду говорит подполковник. Все как есть рассказал: и какой из себя замнаркома, и какой у него кабинет, назвал даже одного сотрудника, а тот мой земляк. Словом, не сомневайтесь, товарищ командир, наши это люди, советские.

Решили воспользоваться случаем и вместе с Любитовым послать связного к командованию армии, оборонявшей Харьков, надеясь, что ему удастся получить рацию, в которой мы очень нуждались.

На это сложное и опасное дело уполномочили Алексея Ильича Коренева. Человек он смелый, выносливый, хорошо знает дороги к фронту и местные условия. Ушли товарищи в ночь с 10 на 11 октября. Тепло проводили их всем отрядом.

15 октября. Вот они, плоды трудных и опасных ратных подвигов наших отважных партизан! На дороге Путивль — Берюх подорвалась вражеская пятитонная машина с боеприпасами. Севернее села Вязенка на воздух взлетели три грузовика и тоже с боеприпасами. На дорогах Путивль — Глухов и Путивль — Рыльск подорвались семь машин, а между городом Путивлем и хутором Бобин — танк, грузовая и легковая автомашины.

Фашисты встревожены, а в народе из уст передают рассказы о делах партизан из Спадщанского леса.

Каждую ночь выходят из лесу минеры на места, указанные разведкой. После каждой вылазки то с одной, то с другой стороны доносятся отдаленные взрывы. Руководит минерами Георгий Андреевич Юхновец, в прошлом работник Омегской спичечной фабрики в Белоруссии. Смелый, находчивый партизан и прекрасной души человек.

17 октября. Пришла разведка из партизанского отряда Руднева: начальник штаба Григорий Яковлевич Базыма и боец Бабинец. Они сообщили, что их отряд перебазировался из Новослободского леса к нам в Спадщанский и сейчас находится на опушке леса недалеко от села Новая Шарповка. Чуть подкрепившись и отдохнув, Базыма и Бабинец поспешили за своими боевыми друзьями.

Умно поступил Семен Васильевич Руднев, решив привести свой отряд к нам. Пора объединяться! А с Рудневым дело у нас пойдет на лад. Не сомневаюсь! Ведь знаю я Семена Васильевича давно и очень его уважаю. Родом он из большой многодетной батрацкой семьи. Бедность заставила четырнадцатилетнего паренька оставить отчий дом и в 1914 году уехать в Петроград. Поступил учеником на Русско-Балтийский завод, где работал старший брат. Здесь он прошел хорошую школу пролетарской борьбы. Когда грянула Октябрьская революция, вступил в красногвардейскую дружину. Вместе с братом штурмовал Зимний, дрался с корниловцами. Тогда же был принят в ряды большевнистской партии. Восвал против Колчака, Деникина, Юденича... В мирные дни Семен Васильевич взялся за учебу. Успешно окончил Военно-политическую академию и около десяти лет служил в пограничных вой-

сках. Награжден орденом Красной Звезды. Перед войной работал председателем Путивльского районного совета Осоавиахима.

Не менее уважаемый в районе человек и Григорий Яковлевич Базыма, делегат 1-го Всесоюзного съезда учителей, один из лучших и старейших педагогов района, активный помощник Руднева, как по общественным делам в Осоавиахиме, так и в партизанском отряде. Словом, с такими людьми силы наши удвоятся!

18 октября. В 8 часов утра отряд Руднева в полном составе прибыл к нашему штабу. Трогательная это была встреча. Настроение у всех было такое, словно одержана большая победа.

Руднев и Базыма рассказали о делах своего отряда за прошедшие полтора месяца войны. Известие о взятии Путивля немцами застало их в Сумах. Решением бюро обкома партии отряд был направлен в Путивльский район через линию фронта, которая в то время проходила по левому берегу Сейма.

12 сентября в районе села Теткино отряд перешел линию фронта и остановился в Новослободском лесу. Здесь загодя была подготовлена продовольственная база. Знал о ее местонахождении только один человек, но он оказался предателем, дезертировал. Отряд был обречен на голод. Оставалась единственная надежда связаться с нашим отрядом. К нам, в Спадщанский лес, пошел боец Коханов и не вернулся. Позже выяснилось, что он попал в лапы фашистов.

Остаться в лесу без продовольствия не имело смысла. Трудное положение осложнялось еще тем, что несколько бойцов заболели. Руднев и Базыма приняли решение пробраться в Теткино, где держала оборону воинская часть генерал-майора Чеснова. В Теткине они оставили больных, и отряд снова вернулся на захваченную врагом территорию. От генерала Чеснова получили задание систематически информировать его штаб о действиях противника. Удачно перебравшись через линию фронта, отряд Руднева расположился возле села Юрьева и установил наблюдение за движением вражеских войск севернее и восточнее Путивля. 6 октября фашисты отеснили наши части дальше на восток, и связь с Чесновым прервалась. Отряд вынужден был перейти в урочище «Ровенский лес». Здесь рудневцы встретили выходивших из окружения красноармейцев, побывавших в Спадщанском лесу. Они сообщали, что Ковпак жив и невредим, а его отряд успешно действует в западной и северо-западной частях района. В тот же день Руднев повел своих людей на соединение с нами.

Проходя через теткинские торфоразработки, рудневцы встретили партизанские отряды Н. И. Воронцова и К. И. Погорелова общей численностью в двадцать семь человек. Оба эти отряда шли из Харькова, имея задание связаться с партизанами, действовавшими в полесской части Левобережной Украины, и регулярно информировать по радио командование фронта о развитии партизанской борьбы в тылу врага.

Попав примерно в такое же тяжелое положение, как и отряд Руднева, харьковчане решили с бойцами отряда идти к нам.

Харьковские отряды сразу же были отведены нами в Соловьевское лесничество, расположенное недалеко от села Литвиновичи, и обеспечены продовольствием.

Рассказав о своих действиях, Руднев и Базыма начали рассказывать о наших делах. Курс отрапортовал с гордостью:

— Взорвали на минах один танк, семнадцать автомашин и один мотоцикл противника. После взрывов обнаружены трупы офицеров и солдат. Кроме того, связные и разведка донесли, что оккупанты изготовили в Путивле и окрестных селах еще шестьдесят пять гробов. За двадцать четыре дня уничтожено восемьдесят четыре гитлеровца...

Обсудили обстановку. Все высказались за немедленное объединение. Руднев предложил назначить командиром отряда меня, начальником штаба — Базыму и помощником начальника штаба — Курса. Комиссаром выдвинули Руднева.

19 октября. Приход Руднева совпал с созванным мною совещанием командиров групп и отрядов, действовавших в соседних районах. На нем присутствовали командиры и комиссары семи отрядов: Путивльского — Ковпак и Руднев, Харьковского — Воронцов и Погорелов, Глуховского — Кульбака, Конотопского — Кочемазов и Капавец, а также представители Шалыгинского отряда: Матющенко, Фесенко, Якименко и Воргольской партизанской группы — Кириленко.

Воронцов и Погорелов сообщили, что имеют две рации, посредством которых поддерживают постоянную связь с командованием фронта, и знают общую обстановку. Договорились о совместных действиях против оккупантов и сразу радиовали об этом командованию. Воронцов получил указание одну рацию оставить себе, а другую передать Путивльскому отряду.

Настроение у всех было приподнятое. К тому же после совещания на столе появились холодец и бог весть где раздобытый хлупцами хрен.

Но «пир» не состоялся.

— Танки! Фашисты наступают! — взволнованно передал чашкой.

Командиры побежали к своим отрядам. У штаба остались двенадцать путивлян. Весь наш отряд находился на заставах, наблюдательных пунктах, в дозорах и разведке.

Вражеские танки с открытыми люками шли по дороге со стороны Путивля. Эта дорога не была заминирована, поскольку ею мы пользовались сами. Головным, подминая под себя кусты и деревья, двигался тяжелый танк, за ним — средний. С ходу они открыли огонь из пушек и пулеметов. Домик лесника запылал, как факел.

Мы залегли за деревьями и открыли огонь по люкам. Фашисты тотчас их захлопнули. И то хорошо, из щелей не слишком-то много увидишь. Грохоча гусеницами и изрыгая пламя, бронированные чудовища пронеслись в направлении землянок. Я приказал Курсу, Терехову и Кокину немедленно заминировать выход из леса, а сам

с Рудневым, Базымой, Паниным, Политухой, Алешинным и Челябинным кинулся вслед за танками. Расчет оправдался: танки вскоре остановились: впереди было мелкоколесье, густой кустарник, а дальше болото. Там не пройти.

Пробираясь кустарником, мы подошли к танкам почти вплотную. Смотрим, стоят они борт к борту, тяжелый прикрывает средний. У среднего открыт верхний люк, и из него высунулся наблюдатель. Но смотрит он не в нашу сторону, а в другую. Очевидно, потерял ориентировку.

Руднев выстрелил из самозарядной винтовки по наблюдателю, и тот, как мешок, свалился в люк. Партизаны повеселели, кто-то бодро крикнул: «Ура!». Открыли огонь. Тяжелый танк развернулся и, круша на своем пути деревья, помчался назад по дороге. Средний оставался недвижим. Подошли ближе. Бросили гранату. Руднев вырвался вперед, вкочил на танк сзади со стороны мотора, заглянул в люк и закричал:

— Ура! Машинна наша!

Победа полная! Видимо, танкисты удрали на тяжелом. Нам достался совершенно исправный танк, если не считать выпавшего из гусеницы пальца. Боекомплект почти не израсходован.

Вдруг со стороны, куда умчался тяжелый танк, раздался сильный взрыв, за ним последовало несколько беспорядочных и более слабых. Побежали в ту сторону. На дороге полыхало пламя. Это горела развороченная взрывами громада танка, а в его утробе рвались снаряды и патроны. Из-за деревьев выглядывали Курсы, Терехов и Кокни. Это они забросали подорвавшийся на mine танк бутылками с горючей смесью.

В танке обнаружили обгоревшие трупы и среди них предателя Родины, агронома райземотдела Амельчица. В прошлом он был белым офицером-деникинцем, вел себя тихо, мирно, никому не мешал, думали, что понял нашу правду. Но оказалось, что все годы он глубоко в душе таил звериную ненависть к советской власти. Что ж, подлая душонка получила по заслугам.

День сегодня особенно удачный. Связные сообщили, что возле села Берюх на mine подорвался еще один тяжелый танк. Шутка ли, в один день подбить три танка! Повеселели партизаны, хотя всем было ясно, что фашисты не простят нам этого и завтра пожалуют снова. И, надо думать, пожалуют не в малом количестве. Поэтому мы начали усиленно готовиться к встрече гитлеровцев.

20 октября. В 9.00, как и предполагали, явились оккупанты. Пять танков, одна танкетка и пехота на четырнадцати автомашинах. Наступление повели по двум направлениям — со стороны хутора Кутыри и от села Кардаши.

Две наши оперативные группы заняли оборону на лесных высотах, чуть поодаль от Спадщины и Кардашей, остальные — в лесу против Кутырей.

У опушки фашисты остановились и обстреляли лес из всех видов оружия. Партизаны не отвечали. Не прекращая стрельбы, враги попробовали углубиться в лес, но там сразу же раздался

два мощных взрыва. Это подорвались на минах два головных танка. Мины торжественно взорвались.

Вытащив буксирами подбитые танки, немцы отошли на почтительное расстояние от леса и открыли беспорядочный огонь. Стреляли долго, а партизаны по-прежнему молчали.

Мы думали, что после огневой подготовки фашисты повторят наступление. Но они не осмелились. Нервы у господ арийцев сдали раньше, чем можно было ожидать. В 12.00 они отправились восвояси, так и не выяснив судьбу своих танков.

23 октября. Продолжаем заниматься укреплением обороны. Для проведения более эффективных боевых действий весь объединенный отряд разбили на восемь оперативных групп. В отдельную группу выделили разведку, создали хозяйственную и санитарную части. Командиром разведки назначили Бабинца, его помощником — Попова. Во главе санчасти поставили молодого врача Дину Маевскую.

К вечеру вернулась разведка и донесла, что на дороге Путивль — Берюх подорвалась грузовая машина с боеприпасами. Убиты офицер и два солдата.

24 октября. В нашем полку прибывает. Пополняем добровольцами из близлежащих сел. Люди идут с оружием и боеприпасами. Многие из них находят в отряде друзей и знакомых. Новички сразу же включаются в учебу. А занимаются у нас настойчиво, напряженно. Каждый спешит изучить стрелковое вооружение, какое только есть в отряде: и отечественное, и трофейное.

Командиры групп и отделений осваивают тактику организации диверсий на коммуникациях противника, засад и боя в ночном налете на вражеский гарнизон, в разведке, в обороне.

Здесь, в условиях тяжелой партизанской действительности, нам всем крепко пригодились знания военного дела, приобретенные в кружках Осоавиахима. Особенно помогает опыт учебной работы бывших активистов-осоавиахимовцев Руднева, Базымы, Попова, Паинна.

...Дозорные встретили на дальних подступах к лагерю группу военнослужащих во главе с полковником В. Ф. Петровым. К штабу они подошли в четком строю. Скомандовав «смирно», полковник строго по уставу доложил, что под его началом 14 человек из разных воинских частей, разных специальностей и званий проживают из окружения.

— Услышав от населения о вашем отряде, явились к вам для совместных действий, а в дальнейшем намерены при первой возможности перейти линию фронта,— закончил он.

Оружие, документы, обмундирование у всех в порядке, на петлицах знаки различия. Просто не верилось, что эти люди прошли сотни километров по вражеским тылам и не раз участвовали в неравных схватках с врагом.

Из прибывших создали отдельную оперативную группу под командованием Петрова.

25 октября. Подвели итоги боевой деятельности объединенного

отряда. За один только месяц наша маленькая партизанская группа выросла в стройное, жизнеспособное подразделение. Но самое важное — боевыми делами мы завоевали добрую славу и авторитет у населения Путивльского, Глуховского, Конотопского, Кролевецкого и Шалыгинского районов. Все дороги этой обширной территории нами контролируются, любые мероприятия врага или перемещения его частей нам известны, тогда как противник о нас никакких подробностей не знает.

В каждом селе и поселке у нас работают свои люди — связные. Они оказывают отряду неоценимую помощь: добывают и сообщают разведывательные данные, заготавливают продукты питания и одежду, собирают оружие и боеприпасы.

Очень ценные сведения получаем мы от спадшанской колхозницы Екатерины Афанасьевны Соловьевой. Эта замечательная женщина добывает штабу данные о деятельности оккупантов в селах, расположенных недалеко от южной опушки нашего леса и в самом Путивле. Туда она ходит почти ежедневно будто бы на базар. Славная семья Соловьевых активно включилась в борьбу с врагом. Муж и сын в партизанах, а она — отличная связная-разведчица.

Сегодня впервые по рации передали на Большую землю отчет о деятельности отряда и список отличившихся. К правительственным наградам представили шестнадцать партизан.

26 октября. Провели первую крупную операцию по взрыву мостов на реках Сейм и Клевень. Два взорвали на Сейме, у села Пруды, что возле самого Путивля, и два на Клевени, возле села Вязенка.

Эти мосты связывали город с западной и северо-западной частями района. Через них шло регулярное сообщение между гарнизонами оккупантов Путивля, Конотопа и Кролевца. Темной ночью оперативные группы вышли на прилегающие дороги и стали заслонами на случай появления противника. Разведчики без шума сняли охрану, и точно в назначенное время все четыре моста взлетели в воздух. Теперь Путивльский гарнизон гитлеровцев фактически отрезан от юга области и от сильного конотопского гарнизона мадьяр.

В народе говорят: «Доброе начало — полдела откачало». Мудрая пословица! Успех первой крупной диверсионной операции воодушевил всех партизан, вселил в них еще большую веру в свои силы, в конечную победу над врагом.

27 октября. Озлобленные нашей ночной диверсией, фашисты предприняли наступление на Спадшанский лес. В спешке они слабо подготовились, а главное, не разведали наши силы, шли вслепую. Как только полковник Петров (недавно назначенный командиром артиллерии) выпустил несколько снарядов из трофейного танка, ряды наступающих смешались и повернули назад.

Армейские товарищи из группы Петрова помогли партизанам в освоении техники врага. Младший лейтенант Крайний и военный техник I ранга Жуковец научили их обращению с трофейным ору-

жнем: стрелять из немецкой пушки, управлять захваченным танком.

28 октября. Создали агитколлектив для проведения агитационно-массовой работы среди населения. Возглавили его опытные политработники: батальонный комиссар Шпитальный (из группы Петрова) и бывший работник Путивльского райкома партии Панин. В течение четырех дней пропагандисты провели собрания в Кардашах, Спадщине, Новой и Старой Шарповках, Литвиновичах, Ворголе, Яцыне, Черепове, Стрельниках, Антыках. В результате у нас появилось много новых помощников. Установлена надежная связь с активистами в каждом населенном пункте. Стоит нашему агитатору подойти ночью к одной из крайних хат села, постучать в окошко и сказать, что следующей ночью партизаны будут проводить информацию, как в назначенном месте собираются все жители села. Нет только тех, кто в какой-то мере прислуживает врагу. Народ быстро научился распознавать предателей и шкурников и отделяет их от себя. Причем всегда безошибочно.

На этих ночных собраниях наши агитаторы коротко рассказывают о положении на фронтах и о борьбе партизан. Одновременно разъясняют, что у нас нет отделов снабжения и питаемся только благодаря помощи народа да за счет трофеев. На этих собраниях никто не выступал, жители молча расходятся по домам. Но спустя некоторое время мост, который наши агитаторы советовали разобрать, разобран, амбар, где хранилось награбленное фашистами продовольствие, подожжен, а на опушке леса ходит скот и лежат мешки со свежеспеченным хлебом.

Помогают нам люди и так: к одной из застав приходит гонец из села, чаще подросток под видом пастуха, и рассказывает, что такого-то числа, по такой-то дороге односельчане будут сопровождать в райцентр или на станцию столько-то подвод с продовольствием. В указанный день партизаны встречают обоз. Колхозники охотно сворачивают в лес, разгружают подводы и, возвратясь в село, идут к старосте, ругая нас на чем свет стоит: мол, партизаны все позабирали... А на днях, после очередной разгрузки подвода с зерном, направлявшихся из Литвиновичей в Путивль, ездовой на прощание попросил: «Вдартэ, хлопци, разок, тильки так, щоб сыняк був або гуля выскочила, бо староста-собака не повирыть, а старший наш щэ й набрэшэ!» Но мы ограничились тем, что старшему ездовому, поставленному немцами, крепко всыпали, чтобы долго помнил и язык держал за зубами.

Застрельщиками в организации помощи партизанам являются члены местных подпольных комсомольских и патриотических организаций. Особенно активно работает молодежь Яцынского сельсовета. Так, в Черепове группа комсомольцев Катюши Приходько, ядро которой составляют смелые и решительные ребята — Яша Скрипкин, Шура Дудкин и Володя Комарницкий, — организовала сбор оружия и боеприпасов на месте осенних боев отступавших частей нашей армии.

Катя Приходько — серьезная девушка. До войны работала в

Киеве на заводе «Большевик». Когда завод эвакуировался, она вернулась в родное село, которое вскоре было захвачено оккупантами. Здесь Катя организовала подпольную группу.

Собранное оружие подпольщики-комсомольцы передали харьковским партизанам. При встрече с Приходько командир партизанской группы Кириленко сказал:

— Что же ты так хозяйничаешь, Катя? Все оружие харьковчанам отдала, а своим землякам не оставила?

— Не беспокойтесь,— ответила Катя и со свойственной ей усмешкой добавила: — И для вас оставили. Есть винтовки, есть и пулеметы. Но самое главное — есть новые бойцы.

Мы и раньше знали, что в Черепове у колхозников живут раненые красноармейцы. Череповские комсомольцы, рискуя жизнью, подобрали их. Нуждавшихся в хирургическом лечении устроили в Путивльской больнице, а политруков Шпорталюка, Мизерного и Мороза вывели сами. Позднее Приходько свела всех троих с Кириленко. Армейцы с радостью приняли его предложение идти в лес к партизанам. Комсомольцы снабдили их винтовками, ручным пулеметом и шестью ящиками с патронами.

Сильная патриотическая группа создана в Ротовке. Ею руководят бывший десятник Путивльского райдоротдела Федор Харченко, завхоз Баничского пенькотрепального завода Тихон Деркач и его брат Николай. Группа специализировалась в основном на разведке. Федор Савельевич Харченко по нашему поручению устроился на работу к немцам возчиком молока. Это дает ему возможность ежедневно бывать в Путивле и без риска добывать ценные сведения. В Стрельниках большую помощь оказывает отряду семья Требисовых: муж, жена и их дочь-комсомолка. Они сколотили вокруг себя актив, и их дом превратился в штаб-квартиру, из которой во все концы села идут невидимые для врага нити связи.

30 октября. Вчера днем стало известно, что на дороге Путивль — Рыльск на mine, поставленной Политухой, подорвался тягач с прицепленным к нему новым вражеским танком.

В ночь на 30 октября Семен Васильевич Руднев с группой бойцов отправился на место взрыва. С танка они сняли 70 снарядов, 15 тысяч патронов, пулемет и... Красное знамя! Фашистские вояки возили с собой это знамя как трофей. Оно было совсем-совсем новое, очевидно, попросту украдено из магазина, на нем нет даже следов каких-либо надписей.

Что же! Можем поблагодарить гитлеровцев за такой трофей. До сих пор у отряда не было знамени. Теперь оно будет!

31 октября. В штаб поступило сообщение: гитлеровцы заканчивают восстановление взорванных нами двух мостов на Клевени, возле Вязенки. Решили разрушить их снова. Под прикрытием группы Кириленко партизаны Курс, Юхновец, Терехов, Островский и Политуха в полночь взорвали четыре моста: два только что восстановленных общей длиной до 200 метров и два небольших, но важных для оккупантов, тоже на Клевени, возле сел Волокити-

но и Кагань. При возвращении с задания заложили несколько мин на дороге Путивль — Берюх. На одной из них подорвалась грузовая машина, битком набитая солдатами.

4 ноября. Четвертый день проводим заготовку на зиму всех видов довольствия. Источником пополнения служат склады продовuctов и теплых вещей, отобранных гитлеровцами у населения для отправки в их интенданства. Себе с каждого захваченного склада берем лишь незначительную часть, остальное раздаем народу, в первую очередь семьям военнослужащих, вдовам, сиротам, старикам.

5 ноября. Санитарная часть пополнилась медицинскими работниками. К нам пришли фельдшер Буякинского сельского медпункта Бобина Матрена Павловна, средних лет женщина, и мопудка Жизнерадостная комсомолка медсестра Галя Борисенко. От лодыж мы узнали о гибели председателя Путивльского райисполкома Ивана Ивановича Высоцкого, оставленного обкомом партии для организации подполья в районе. Дело было так. Вскоре после прихода оккупантов Высоцкий пошел на связь в Новую Слободу и по дороге подорвался на mine. Колхозники нашли его в бессознательном состоянии. Раненый, он потерял много крови, началась гангрена. Необходима была срочная операция. Пренебрегая опасностью, слобожане, которые любили и уважали Высоцкого, отвезли его в Путивльскую больницу под чужой фамилией. Там Высоцкого оперировали, появилась надежда на спасение. Но, как горит старая, еще не отжившая свой век русская пословица, ворит старая, еще не отжившая свой век русская пословица, в семье не без урода. И в городе нашелся подлец — выдал. Фашисты ворвались в больницу и на глазах у больных расстреляли Высоцкого.

Матрена Павловна и Галя были непосредственными свидетельницами этой трагедии. Рассказывая, обе рыдали. Особенно переживала Матрена Павловна — эта исключительно сердечная женщина, не раз рисковавшая жизнью ради спасения советских людей. Нам тоже тяжело было слушать ее, ведь мы все хорошо знали Высоцкого. Наступило тягостное молчание.

Первым поднялся Руднев, одернул гимнастерку.

— Ну ладно... Слезами горю не поможешь... Вышивать, девчата, умеете?

— Умеем, но разве сейчас время для вышивания? — спросила Бобина с удивлением.

Тогда Базыма показал знамя. Женщины охотно взялись за дело. В верхней части полотнища, под гербом Советского Союза, они вышили полукругом слова: «Путивльский партизанский отряд». Оно прошло с нами долгий и славный путь борьбы.

6 ноября. Во второй половине дня в селе Литвиновичи наши бойцы Рудиков, Таиров и Василенко нарвались на засаду противника и в перестрелке погибли. Похоронили их в Спадщанском лесу с воинскими почестями, как героев. Это первые наши потери. Кто знает, сколько их еще впереди! Но не уйдут от расплаты фашистские изверги и их приспешники! Множатся ряды народных

мстителей. Каждый день приходят к нам добровольцы с оружием. Партизанское движение приобретает общенародный характер. И никаким завоевателям не устоять против этой грозной нарастающей силы.

Агитколлектив уже не справляется с быстро растущими масштабами работы. Необходимо так организовать политпропаганду, чтобы слово большевистской правды всегда своевременно доходило как до бойцов отряда, так и до населения. Особенно это необходимо сейчас, в канун праздника Октябрьской революции. По инициативе Семена Васильевича Руднева назначили политруков во все оперативные группы и подразделения. Выдвинули на эту работу самых грамотных и авторитетных коммунистов.

Сегодня вечером политруки групп и бойцы агитколлектива в десятках сел Путивльского, Кролевецкого и Шалыгинского районов провели собрания, посвященные 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

7 ноября. Отряд выстроился у штабной землянки. Комиссар торжественно зачитал приказ. После короткого митинга бойцы дружно спели «Интернационал».

Я внимательно всматривался в знакомые лица, и мне казалось, что каждый из них думает о том, доведется ли встречать двадцатипятилетний юбилей власти Советов. В боевой обстановке никто не знает, что будет с ним завтра, через час, даже через минуту. Впрочем, об этом партизаны если и думают, то крайне редко. Их помыслы и дела направлены к единой цели — изгнать с родной земли врага, уничтожить фашистскую чуму. И они знают, что это время придет. Ради приближения этого грядущего завтра советские люди по доброй воле берутся за оружие, идут на тяжкие испытания и жертвы.

К праздничному дню мы приурачили отправку за линию фронта двух выздоровевших летчиков Калинина Николая Михайловича и Воскресенского Михаила Григорьевича.

Вот такая с ними приключилась история. Самолет Михаила Воскресенского, подбитый в воздушном бою, упал на поле между Бурьюню и Путивлем. Штурман и радист погибли, пилот получил тяжелое ранение. Примерно в то же время был сбит близ Путивля и Николай Калинин. Обоих летчиков — одного истекавшего кровью, второго контуженного — подобрал колхозники, пересели в гражданскую одежду и поместили в Путивльскую больницу как своих односельчан, будто бы пострадавших при тушении пожара на колхозной ферме. Но маскировка не удалась: немцы узнали, что это за люди. Летчикам грозил лагерь для военнопленных.

Мы решили спасти их. Поручили эту операцию связным Докучкину и Полтавцеву. Провели они ее блестяще. Узнав, что один из сотрудников больницы связан с оккупантами, партизаны ночью явились к нему домой и предъявили ультиматум: или помоги выкрасть двух больных, или будешь расстрелян как изменник

Родины. Предатель испугался и вызвался организовать побег летчиков.

Одновременно Докукин и Полтавцев встретились с медсестрой Соной Куперштейн. Выбираясь из окружения, она застряла в городе и устроилась в районную больницу. Предложили ей участвовать в операции и вместе с летчиками перебраться в отряд. Девушка охотно согласилась. На следующий день Докукин, выдавая себя за колхозника, посланного односельчанами привезти для больных продукты, въехал в больничный двор на подводе, нагруженной всевозможной снедью. Среди банок со сметаной, буханок хлеба, картошки были и два узелка с одеждой.

Передав продукты, старый партизан дождался условного сигнала Соны о готовности летчиков к побегу и не спеша выехал на улицу. Следом за ним, на расстоянии 150—200 метров, поочередно вышли Соня, Калинин и Воскресенский. Все они благополучно добрались до села Пруды и остановились в хате Докукина.

Наутро фашисты организовали усиленные розыски беглецов. Пришлось срочно перевезти их в село Сафроновка к Полтавцеву и уже оттуда к нам в Спадщанский лес. Лечила их наша санчасть. Раненые быстро поправились, и вот теперь их, бодрых и здоровых, отправляли через линию фронта.

8 ноября. Праздничное настроение омрачено уходом из Спадщанского леса отрядов Воронцова и Погорелова. Ночью, никого не предупредив, харьковчане забрали с собой обе рации и ушли на север, к Брянским лесам.

Вслед за харьковчанами отправился на север Глуховский отряд. Прощаясь, командир отряда Кульбака оправдывался, что они, дескать, должны находиться в своем, Глуховском, районе.

Неразумное решение командиров этих отрядов — следствие их приверженности к тактике «строгой конспирации и сохранения сил» до прихода Красной Армии. С подобными взглядами опасно, конечно, оставаться в Спадщанском лесу. Мы со дня на день ожидаем противника, а это и толкнуло Воронцова и Погорелова на неправильный шаг. Их уход огорчил нас, но не опечалил. Плохо то, что они забрали обе рации и оставили нас без связи с Большой землей.

Замечу, что взглядов Воронцова и Погорелова придерживаются и некоторые другие партизанские командиры. Свои отряды они уводят в лесную глушь и оттуда время от времени высылают на диверсии мелкие группы. Причем диверсии проводят как можно дальше от своей базы, чтобы оккупанты не догадались об их местопребывании. Встречаются еще и такие отряды, бойцы которых живут по домам и лишь изредка собираются вместе.

При такой тактике борьба с гитлеровцами носит пассивный характер, она подчинена случаю, исключается возможность приобретения достаточного боевого опыта, полностью теряется инициатива в проведении боевых действий, понижается дисциплина, отряды численно не растут, сил у них для серьезных операций

недостаточно, они не чувствуют себя хозяевами на своей советской земле и вынуждены прятаться от врага.

В нашем же Путивльском объединенном отряде пачала вырабатываться совершенно новая тактика — тактика активных нападений на вражеские подразделения на дорогах, на гарнизоны в окрестных селах. Другими словами, мы стараемся постоянно держать инициативу в своих руках и бить оккупантов там, где меньше всего они ожидают. Это дает хорошие результаты: заметно повысилась дисциплина, отряд превратился в настоящую боевую единицу, намного возрос авторитет партизан среди населения.

9 ноября. Связные из Воргола сообщили, что к ним в село прибыла небольшая вооруженная группа. Люди одеты в красноармейские шинели и гимнастерки, знаков различия нет, оружие немецкое. К колхозникам относятся плохо, требуют самогона, похабничают, пристают к женщинам, расспрашивают о Спадщанском лесе и Ковпаке.

Курсу, Кирилленко и Ильину было поручено выяснить, что это за люди. Проникнув в село, через надежных людей хлопцы установили, что в группе семь человек, один из них — местный, воргольский.

Решили поговорить начистоту. Вечером, когда те пачали пьянку, партизаны подошли к хате. Ильин остался у окна. Курс и Кирилленко вошли в дом. Увидев их, главарь выхватил пистолет. Автоматная очередь уложила его на месте. Остальные подняли руки. Обезоружив задержанных, партизаны повели бандитов в лесной лагерь. По дороге один из них пытался бежать, но тоже был убит.

На допросе задержанные показали, что были в глуховском лагере военнопленных, не выдержали голода, пыток, издевательств фашистов и согласились им служить. Это их первое задание — под видом партизан проникнуть в села, расположенные вблизи Спадщанского леса, разведать силы отряда и систему обороны. Возмущались партизаны — и откуда такие выродки на советской земле? К сожалению, еще не перевелось.

10 ноября. Полковник Петров и его товарищи все настойчивее просят помочь им переправиться через линию фронта. За дни пребывания у нас они окрепли, набрались сил для дальнейшего перехода и теперь, естественно, стремятся скорее влиться в свои боевые части.

Армейцы крепко сдружились с партизанами, и, откровенно говоря, отпускать их не хотелось, но доводы веские — военные специалисты в армии нужнее.

Разведчики выяснили, как и по каким дорогам лучше пройти на восток, к фронту. Утром, тепло попрощавшись со всем отрядом, армейские товарищи ушли от нас навстречу новым испытаниям.

Днем партизаны занялись разбором операций, проведенных отрядом за последние пять дней. Мы завели такой порядок: обсуждать каждую операцию или диверсию. Это как бы небольшие

оперативные совещания. В них принимают участие все партизаны — от командира до рядового.

Сегодня на разборе крепко досталось старшему группы Челядину. Ему было поручено уничтожить помощника путивльского старосты — хитрого и коварного предателя. От жителей Новой Шарповки нам стало известно, что этот гитлеровский прихвостень со своими сподручными и охраной третьего дня приехал в село, остановился в доме бывшего кулака и допрашивал колхозников, пытаясь выяснить силы и месторасположение нашего отряда.

В Новую Шарповку были направлены Челядин, Ковтун и Политуха. Дом стоит в центре села. Вражеского гарнизона там нет, было лишь несколько местных полицаев, которые очень боялись партизан и вели себя тихо.

Прежде чем приступить к выполнению задачи, Челядин должен был установить численность охраны и где она находится. Нужно было выждать, когда предатели соберутся вместе, подойти незаметно и забросать хату гранатами. Тем не менее партизаны поступили, если можно так выразиться, по-лихачески. Не разведав силы врага, смело подошли к кулацкой усадьбе. Предатели их заметили и открыли огонь. Отстреливаясь, им пришлось отходить, не выполнив задания. Случай поучительный. Он показал, что смелость надо сочетать с осторожностью, осмотрительностью и умением быстро ориентироваться в обстановке.

11 ноября. Продолжаем интенсивно готовиться к зиме. Необходимо пополнить наши продовольственные запасы. Отряд вырос, продуктов потребуется много. Задача решена без особых трудностей. В селах Литвиновичи, Воргол, Яцыно, Стрельники, Кардаши, в обеих Шарповках находились вражеские пункты по заготовке у населения зерна, овощей, мяса, жиров и других продуктов. В эти села были направлены боевые группы. Партизаны, уничтожив охрану складов, все запасы продовольствия перевезли в лес.

12 ноября. На днях вернулся из дальнего похода Алексей Ильич Корнев, или, как называют его в отряде, Дед Мороз. Белые борода и усы, яркий румянец на щеках и степенная поступь делают Корнева поразительно похожим на сказочного Деда Мороза. И эта кличка прочно за ним закрепилась.

Путешествие Корнева за линию фронта было трудным и не совсем удачным.

— Пришли мы в Харьков, — рассказал Алексей Ильич, — когда немцы захватили Холодную Гору и обстреливали оттуда городские кварталы. Весь центр и прилегающие к нему улицы были окутаны дымом пожарищ. Заводы, фабрики, учреждения уже выехали на восток, шла эвакуация тылов армии, оборонявшей город. Наши отступали на Купянск.

Любитов разыскал заместителя начальника Сумского управления НКВД Шраменко. Ему он и представил меня. Шраменко очень заинтересовался отрядом, расспрашивал о наших боевых делах, о поведении противника, словом, обо всем, что происходит по эту сторону фронта. Когда я сказал о цели прихода, он вызвал

людей и приказал во что бы то ни стало найти рацию. Полдня искали ее чекисты, но в суতোлке отступления ничего не смогли найти. На следующий день я отправился обратно через линию фронта.

— Ну, а с партийными органами связался? — спросил я.

— Также нет, — ответил Коренев. — Работники харьковских обкома и горкома партии были по горло заняты своими делами, а ЦК уже выехал из Харькова в Воронеж. Шраменко заверил, что о нашем отряде и наших нуждах обязательно доложит Оргбюро ЦК. Там этим делом занимаются товарищи Зленко и Дрожжин. Ушел я, получив обещание Шраменко при первой возможности переправить нам рацию и радистов.

Итак, связи с Большой землей по-прежнему нет. Зато сведения, принесенные Кореневым о положении на фронтах, очень ценны. Последние дни оккупанты повсюду кричат, будто их войска загнали Красную Армию за Волгу. Руднев тут же составил листовку, в которой рассказал о действительном положении на фронтах. Листовку размножили от руки, и наши агитаторы пошли в окрестные села поведать людям, что Москва стоит неприступно, что Красная Армия в постоянных боях изматывает силы врага и что настанет для фашистов час расплаты, обязательно настанет.

Для Алексея Ильича в отряде сразу же нашлось дело. В землянках большая скученность, ни о какой стирке белья не может быть и речи. На протяжении последних недель люди были лишены возможности помыться. Вот и поручили ему перевезти из лесосплава в расположенные землянок баню. Он — человек мастеровой и любую хозяйственную работу не только сам хорошо выполняет, но может и других научить.

15 ноября. Дед Мороз с огоньком взялся за дело. Не прошло и трех дней, а задание уже выполнено. Баню он соорудил на славу. Один из наших особо уважаемых партизан, бывший председатель колхоза села Харевки Яков Васильевич Хапылин узнал от кого-то из своих приятелей, что комсомольцы-подпольщики села Зинова прячут ротный миномет и боеприпасы. Два дня назад он попросил разрешения сходить в село и забрать это оружие. Не хотел я отпустить его: человек он пожилой, в районе его хорошо знают, в Харевке осталась семья, к тому же в Зинове стоит довольно крупный вражеский гарнизон и староста там — матерый враг советской власти. Но Хапылин уговорил меня и сегодня вернулся с подводой, до отказа нагруженной оружием и боеприпасами.

18 ноября. Пришел конец временной передышке и хозяйственным заботам, которыми занимался отряд на протяжении последней недели. Разведчики обнаружили движение вражеских подразделений на подступах к Сладшанскому лесу. Утром в Новую Шарповку прибыла рота противника, вооруженная автоматами и пулеметами. Не задерживаясь в селе, гитлеровцы проследовали в сторону Старой Шарповки. Другая рота появилась возле Яцына. Обе группы противника, маскируясь в складках местности, заняли высоты, господствующие над прилегающим к лесу полем. От

одной из них отделился взвод вражеских солдат, развернулся в цепь и повел наступление на лес.

Создавалось впечатление, что фашисты хотят провести разведку боем, чтобы выяснить наши силы.

Своевременно получив допесения от дозорных и связных из Яцына и Старой Шарповки, мы быстро приготовились к встрече оккупантов. На основной позиции, в центре обороны, стоял танк. Группу из десяти бойцов со станковым пулеметом расположили в районе землянок, примерно такую же группу послали к домику лесника наперерез противнику. Остальные силы направили в сторону Яцына.

Не заметили мы, как до тридцати гитлеровцев с тыла от Старой Шарповки просочились в район землянок. Их встретили автоматным огнем два наших бойца. Под напором врага они вынуждены были отойти и укрыться в землянке. Две тыльные стены землянки окон не имели. Фашисты подошли вплотную к ней, окружив землянку, закричали:

— Партизан, сдавайся!

В ответ послышалось крепкое русское слово. Тогда, забравшись наверх, гитлеровец бросил в вытяжную трубу гранату. Она разорвалась в печке, сделанной из металлической бочки, не причинив партизанам вреда. Офицер, очевидно решив, что с партизанами покончено, подошел к окошку и стволом автомата выбил стекло, но дать очередь не успел — свалился прошитый автоматной очередью.

Затем из окна вылетела граната. Гитлеровцы повалились на землю. В это время по ним ударили партизаны, оборонявшие район землянок. Подбрав убитого офицера, гитлеровцы поспешно отступили. Наши бойцы с криками «Ура!» перешли в преследование. Фашисты бросили убитого и побежали без оглядки.

19 ноября. Неудачи, конечно, не остановят противника в стремлении разделаться с партизанами. Скорее наоборот, теперь фашистское командование, учтя преподанные ему уроки, попытается окружить нас и подавить численным превосходством. Поэтому мы решили сконцентрировать все свои силы в районе землянок и танка, оборудовать там круговую оборону. Весь личный состав принялся за рытье окопов и дополнительные сооружения.

26 ноября. Работы по подготовке к зиме и созданию круговой обороны почти закончены. Все подступы к лагерю заминированы и простреливаются из окопов и блиндажей.

Разведчики установили, что при отступлении части Красной Армии оставили в лесу Марица несколько легковых и грузовых автомашин. Решили осмотреть их и, если окажутся пригодными для эксплуатации в наших условиях, две машины перегнать в отряд.

Операцию поручили бывшим военным шоферам, а теперь партизанам Василию Комову и Петру Скрыльничкову. Во время боев они отстали от своих частей и, пробираясь по Путивльскому району,

Узнали о нас и пришли в отряд с оружием, в полной красноармейской форме, сохранив документы.

Получив задание, Петр и Василий вышли в лес Марица, нашли там брошенные машины, выбрали из них две — легковую и грузовую. Нагрузив их бензином и маслом, они на предельной скорости проехали через занятые противником села Воргол, Антоновку, Яцыно, Шарповку и благополучно прибыли в Сладщанский лес. Смелость, быстрота и мастерство водителей решили успех дела. За проявленное мужество им объявлена благодарность.

28 ноября. Старший агитатор отряда Яков Григорьевич Панин и помощник начальника штаба Николай Михайлович Курс, сопровождаемые Цимбалом, снова провели собрания колхозников в Антыках, Сладщине, Литвиновичах, Старой и Новой Шарповках. Они рассказали народу о положении на фронтах. В противовес геббельсовской пропаганде, кричавшей, что Москва занята и Гитлер въехал в столицу на белом коне, наши пропагандисты рассказывали о ее героической обороне, мужестве народных мстителей, призывали колхозников к активной борьбе с врагом.

Семен Васильевич Руднев провел встречу с учителями в селе Яцыне. Там смело действовала комсомольская группа из учителей неполной средней школы во главе с директором Александром Григорьевичем Николаевым. Немцы запретили в школах преподавание истории, запретили рассказывать детям о том, что было связано с советской действительностью. Вот он и обсудил с учителями, как найти возможность, чтобы в условиях жестокого оккупационного режима по-советски, в духе патриотизма воспитывать детей.

30 ноября. В лес на связь со мной и Рудневым пришла учительница комсомолка Вера Силкина, одна из самых активных участниц группы Николаева.

— Александр Григорьевич поручил мне передать вам, что наша группа вчера и сегодня наблюдала за дорогами возле Путивля, — торопливо докладывала Вера. — По ним все время движутся войска. В город прошло много пехоты. На машинах немцы провезли двадцать три пушки. Александр Григорьевич сам ходил в Путивль. Говорит, что весь город переполнен гитлеровцами. Наверное, они снова готовят на вас наступление.

Обращаясь к Семёну Васильевичу, Вера продолжала:

— Ваше задание, товарищ комиссар, мы тоже выполнили. Вчера во время урока немецкого языка я подобрала ученикам для разбора предложение, в которое входили зачеркнутые во всех учебниках слова «Союз Советских Социалистических Республик». Надо было видеть, как радостно загорелись глазенки у детей! Посыпались вопросы — почему теперь все зачеркнуто? А один мальчонка, шустрый такой, встал и говорит: «Боятся они, чтобы мы правду знали, вот и черкают книги». Пришлось унимать их пыл, ведь всякое может быть, вдруг об этом узнают в полиции и тогда беды не оберешься.

Сигнал яцынской учительской группы о подготовке противником новой операции подтверждался данными наших связанных и разведчиков. В Путивль прибыли свежие вражеские части численностью свыше двух тысяч солдат и офицеров, следовавшие на фронт. В город стягиваются гарнизоны оккупантов с Путивльско-го, Бурынского, Конотопского, Кролевецкого, Корюковского, Шалыгинского и других районов.

Да, предстоит тяжелый бой. Положение осложняется еще и тем, что болото Жилень, которое надежно прикрывало наш лесной лагерь с запада, начало замерзать и по нему через несколько дней можно будет легко пройти к центру партизанской обороны. К тому же лес потерял свой пышный зеленый паряд. Там, где раньше из-за зелени в двух шагах нельзя было увидеть землянку, теперь все просматривается на расстоянии ста и более метров. Выпал снег. Он хотя и прикрыл все наши оборонительные сооружения, но и связал нас по рукам и ногам. На белом снегу виден след каждого шага бойца. Очевидно, завтра будет бой. Если противник соберет все гарнизоны в один кулак и обрушится на лес, нам придется туговато. Вместе с Рудневым собрали отряд и, ничего не скрывая, объяснили бойцам сложившуюся обстановку.

1 декабря. В 11 часов утра оккупанты повели наступление. Общее число карателей достигает трех тысяч человек. Вместе со стрелковым немецким батальоном наступает мадыарская полевая жандармерия. Они обложили нас, как медведя в берлоге, со всех сторон. Главный удар наносит стрелковая часть со стороны Новой Шарповки. На вооружении немцев пушки, минометы, крупнокалиберные станковые и ручные пулеметы. Подходят они к лесу нагло, колоннами.

На самой опушке одну из фашистских колонн встретил находившийся в секрете со станковым пулеметом Василий Васильевич Ильин. Вот мы услышали его короткие очереди. Строчил он минут тридцать, сдерживая натиск врага. У нас все было готово к бою.

Пулеметы наших других дозоров тоже вынудили колонны противника развернуться в босые порядки. Отступая в лес, пулеметчики отстреливались. Фашисты продвигались вперед медленно. Кроме наших пуль им мешала поднявшаяся сильная метель. Пока она благоприятствовала нам, скрывая отходивших партизан.

Наш план состоял в следующем: заманить гитлеровцев поглубже в лес и оттянуть время их подхода к нашей круговой обороне. К тому же в лесу немцы — вояки неважные, я это хорошо знал еще из опыта гражданской войны. Бывало, разгромим их комендатуру, на другой день прибывает карательная экспедиция. Подойдут к лесу, постреляют с краю и к вечеру убираются восвояси.

Теперь они собрали против нас большую силу. Превосходство — один к сорока. Но в лесу картина меняется. За каждым пшем врагу партизан мерещится. В чужом краю, да еще в заснеженном лесу, не видя, сколько партизан и где они, оккупант, что вор в амбаре. В хате на входных дверях щеколда стукнет, десятилетний мальчонка на двор по своим делам выйдет, а у него, у вора, му-

рашки по коже бегают. Так вот и у оккупанта в чужом лесу боевой арийский дух пропадает.

Углубившись в лес километра на полтора, авангарды карателей попали под огонь наших застав. Завязался тяжелый и неравный бой. Первой была отеснена противником застава, находившаяся в районе сгоревшего домика лесника, примерно в километре западнее Новой Шарповки. За ней, энергично отстреливаясь, отошли к центру нашей обороны и другие заставы.

Каратели наступали, постепенно сужая кольцо окружения, тщательно прочесывая лес. Первые их цепи подошли к нашей круговой обороне около двух часов дня. Ее протяженность не превышала двух километров. В труднодоступных местах партизаны находились в ста и более метрах друг от друга. Там же, где можно было ожидать удара, расположились боевые группы. На левом фланге группой бойцов руководил Руднев, с противоположной стороны были Базыма, Дед Мороз, Курс. На опушке густого сосняка занимал оборону Карпенко со своими орлами. Центр защищала группа Пятышкина. Здесь же установили батальонный миномет и танк. Партизаны засели в щелях и траншеях. Нас не видно, а наступающие — как на ладони. Вражеские солдаты хотя и прячутся за деревьями, но на фоне белого снежного покрова хорошо различимы. Метель уже угомонилась.

Первую цепь противника мы подпустили метров на пятьдесят и шквалом огня всю ее скосили. Опомившись от неожиданного удара, фашисты начали подтягивать свои резервы для штурма партизанской обороны. Перегруппировавшись, они повели наступление одновременно с двух направлений — против группы Пятышкина и со стороны Спадщины. В тылу у бойцов Пятышкина стоял танк на высоте. Позиция танка выгодная. Отсюда можно вести огонь в любом направлении, поддержать каждую боевую группу. Я находился возле танка.

Немцы подошли к высоте настолько близко, что были видны лица солдат. Партизаны ударили из танка прямой наводкой. Разрывы осколочных снарядов разметали фашистов. Уцелевшие отпрыгнули назад.

Самым уязвимым местом нашей обороны оказался участок со стороны болота. Оно замерзло, и немцы пустили по нему до полутора тысяч пехоты, а с краю по дороге — конницу. Атакующих прикрывали крупнокалиберные пулеметы. Однако, к нашему счастью, образовавшийся лед оказался недостаточно крепок, чтобы выдержать тяжесть человека. Гитлеровцы проваливались в грязное месиво. Вот тут-то и накрывали их огнем минометчики и танкисты.

Страшное это дело — минометный огонь в лесу. Мина, встречающая на своем пути ветку дерева, взрывается, не долетая до земли. Тысячи осколков поражают цель. Вопли раненых врагов сливались в сплошной рев. По коннице ударили танковая пушка и наши пулеметы.

Несмотря на потери, гитлеровцы лезли вперед. В критический момент на помощь Базыме подоспел Руднев, только что отбивший

атаку на своем участке. Увидев комиссара, бежавшего прямо на фашистов, первыми поднялись и побежали за ним с криками «Ура!» бойцы группы Карпенко. Командир отделения Васильев вырвался вперед и заслонил собой комиссара.

Немцы не приняли контратаки и повернули вспять. Сотни вооруженных и вымуштрованных солдат не устояли против горстки героев.

Бой выигран. Больше каратели не пойдут в наступление: начало темнеть. Если бы оставался до вечера хотя бы один час, они предприняли бы еще одну атаку — и тогда нам конец. Отбиваться нечем. Боеприпасы израсходованы все. Но и фашистские части отошли, бросив на месте боя сто пятьдесят убитых солдат и офицеров. Среди оставленных врагом оружия, боеприпасов, военного снаряжения оказалась и машина с 75-миллиметровой пушкой.

В этом бою отряд понес тяжелую утрату: пали смертью храбрых Василий Васильевич Ильин, Иван Тимофеевич Челядин и Николай Андреевич Воробьев.

Разведчики тело Ильина подобрали на опушке, где утром он первым начал бой. На небольшом расстоянии от его огневой позиции насчитали сорок восемь трупов вражеских солдат.

Напротив штабной землянки была небольшая ложбинка, за ней пригорок, поросший кустарником. Здесь, в укромном месте, вырыли могилу. Положили рядом коммунистов Ильина, Челядина и комсомольца Воробьева.

Собрались все, за исключением дозорных. Комиссар начал речь:

— Прощайте, друзья! Вы пали в неравном бою. За кровь народа, за слезы наших матерей и жен, за будущее наших детей, за свободу Родины вы отдали все, что могли. На таких, как вы, героях стояло в веках и вечно стоять будет наше Отечество. Многие зарились на богатство Руси и хотели поработить ее народы. Были тут и татаро-монгольские орды Батыя, и немецкие псы-рыцари, и польская шляхта, и полчища Вильгельма. Но всегда наш народ грудью вставал на защиту своей Родины и бил незваных гостей смертным боем.

Под Полтавой мы били шведов, на Кавказе персов, под Бородином французов, на Хасане японцев, за Ладогой финнов. Все были биты, кто приходил к нам с мечом. Так будет и теперь. Гитлеровским выродкам никогда не видать Москвы, а русские в Берлине бывали, будем и мы. Прощайте, дорогие друзья и товарищи. Над вашими телами клянемся, не щадя своей жизни, уничтожать фашистов и их пособников, как бешеных собак!

— Клянемся! — в едином порыве произнесли партизаны.

Бережно опустили мы в могилу тела наших боевых товарищей, славных народных мстителей. Память о них навсегда сохранится в наших сердцах.

Первый рейд

Каратели отступили на свои исходные рубежи — в села, окружающие Спадщанский лес. Их части, как доложила наша разведка, готовятся к новому штурму партизанской обороны. По дорогам из Путивля, Глухова, Кролевца и Конотопа непрерывным потоком идут свежие подкрепления противника. Очевидно, утром враг предпримет новое наступление. А как же быть с боеприпасами? У бойцов осталось всего по несколько патронов, за день боя все они были израсходованы. Пришлось спешно готовиться к уходу из Спадщанского леса.

В боевом приказе указывалось: «Дабы сохранить людской состав отряда для дальнейшей борьбы с немецкими захватчиками, считать целесообразным 1.XII 1941 года в 24.00 оставить Спадщанский лес и выйти в направлении Брянских лесов».

Все, что невозможно унести с собой, зарыли в землю. Танк заминировали, пулемет сняли. Небольшое количество имевшихся сухарей и варенья выдали бойцам.

Чтобы сковать маневренность партизан и не дать нам вырваться из железного кольца окружения, противник надежно перекрыл заслонами и заставами все пути выхода из Спадщанского леса. Оставался лишь один путь — через болото Жилень и реку Клевень. К нашему счастью, ночью ударил тридцатиградусный мороз. Река и болото покрылись тонким льдом. Отряд организованно двинулся по зыбкому ледяному насту. По Клевеню мы добрались почти до села Щербиновка, а дальше уже пошли по снежной целине. Колонна часто останавливалась, люди выбивались из сил. Очень тяжело было бойцам, измотанным напряженным дневным боем и ночным маршем. И все же их приходилось торопить. Семен Васильевич Руднев, подбадривая партизан, напоминал им, что промедление смерти подобно, что если не успеем оторваться от противника, будем раздавлены.

Ночная тьма помогла отряду, как говорится, проползти ужом между вражескими заслонами и пройти незамеченным буквально в нескольких десятках метров от хуторов и сел, занятых немцами. Впереди отряда шел партизан Коренев, который в этих местах провел большую часть своей жизни и прекрасно знал дорогу.

2 декабря. К середине дня мы отошли от Спадщанского леса на добрых двадцать километров и остановились на дневку в хуторе Окоп. Догнавшие отряд разведчики рассказали, что на рассвете немцы обрушили на покинутый нами лагерь всю свою огневую мощь и с воплями пошли в атаку на... пустые землянки.

Путь на север оказался свободным. Чтобы подтянуть к Спадщанскому лесу почти три тысячи карателей, фашистское командование вынуждено было уменьшить гарнизоны в райцентрах.

5 декабря. Третий день продвигаемся в направлении Хинельских лесов. При подходе к селу Ястребщине Эсманского района местные полицаи попытались оказать сопротивление, но наша разведка их быстро уничтожила.

В селе Коренок комиссар Руднев провел собрание колхозников, на котором присутствовало свыше двухсот человек. Семен Васильевич рассказал о том, что советский народ активно поднимается на борьбу с оккупантами и что местным жителям нужно также саботировать и срывать выполнение приказов фашистов. После собрания партизаны срубили установленную оккупантами в центре села виселицу.

6 декабря. Остановились в селе Хвошовке. Оно находится на опушке Хинельских лесов к югу от Хутора-Михайловского. Хинельские леса представляют собой как бы южную оконечность Брянских лесов. Тянутся они широкой полосой от Новгорода-Северского к Северу, далее большими перелесками на север, северо-запад и северо-восток. Места эти для стоянки отряда особенно выгодны тем, что, во-первых, мы не отрывались от своих районов и могли постоянно поддерживать с ними связь, имея возможность в любое время туда вернуться, во-вторых, обеспечивался надежный тыл — Хинельские и Брянские леса. К тому же хорошей базой для отряда в Хинельских лесах могут служить лесокомбинат и его поселок, расположенные в тридцать пятом квадрате лесного массива.

7 декабря. С целью разведки местности в тридцать пятый квадрат была послана небольшая группа партизан во главе с Дедом Морозом. Вернувшись, Алексей Ильич рассказал, что в поселке лесокомбината проживают какие-то странные люди. Они выдают себя за сапожников, но это, очевидно, не так. К незнакомым они относятся с большим подозрением. Нам не поверили, что мы партизаны.

На краю поселка Алексей Ильич обнаружил пустые недавно построенные землянки. «Сапожники» говорили, что в них раньше находились партизаны, но они куда-то ушли. В одном из домов нашим разведчикам показалась подозрительной дверь, ведущая в чулан. Потребовали ее открыть, но хозяйка долго упиралась, говоря, что там никого нет.

Алексей Ильич распахнул дверь и увидел неизвестного человека, изрядно заросшего. В руке незнакомца блеснула вороненая сталь пистолета. Но властный окрик «Свои, не стреляй!» предотвратил несчастье. Начались переговоры. Долго прощупывали друг друга. В конце концов нашли общий язык. Незнакомцем оказался командир Севского партизанского отряда Хохлов. Отряд он распустил, и люди разошлись по домам. «В здешних краях, — объяснял Алексей Ильич, — взяла верх «тактика сохранения сил».

8 декабря. Утром Путивльский объединенный отряд построился в походную колонну и, соблюдая все меры предосторожности, двинулся к лесокомбинату. Заняв поселок, мы собрали «сапожников». Все они оказались бойцами и командирами Красной Армии. Настроение у них крайне подавленное. Воины поодиночке и группами выходили из окружения, пробирались к фронту, но помешали сильные морозы. Вот и застряли в относительно безопасном месте, ка-

ким был лесокombинат, расположенный среди дремучего леса. О положении на фронтах и что делать дальше они не знали.

Со слезами на глазах слушали они наши рассказы о героическом сопротивлении Красной Армии, о битвах под Москвой.

9 декабря. В поселке и его окрестностях мы обнаружили немецкие продовольственные склады, где находилось 25 тонн зерна. На конеферме было 40 лошадей с упряжью и санями. 20 тонн зерна раздали населению, остальное взяли для нужд отряда.

С приходом отряда настроение у жителей поселка да и у «сапожников» заметно поднялось. В штаб приходят местные коммунисты. Командиру Севского отряда Хохлову и двум его товарищам Пронину и Астахову поручили в течение двух дней собрать в поселке комбината местный партизанский отряд.

10 декабря. Поздно вечером в штаб явилась оперативная группа Кочемазова, которая еще перед боем в Спадщанском лесу была послана в Конотопский район для проведения глубокой разведки и взрыва мостов. Все эти дни мы ничего не знали о ней, много волновались, думали, что больше не придется увидеть боевых друзей. Но хлопцы пришли.

Кочемазов и его товарищи подробно доложили о своем походе. В Конотопском районе они обосновались в лесу возле села Козацкого. Совершили несколько диверсий. В одной из подбитых немецких машин нашли солдатский ранец. В нем были «Коммунистический манифест» на немецком и русском языках, вырезки из «Правды» и новая красивая трубка, которую партизаны торжественно преподнесли мне, как одному из самых заядлых курильщиков. Хозяином ранца, видимо, был немецкий коммунист.

Весть о бое 1 декабря и выходе нашего отряда из Спадщанского леса принесли конотопской группе наши связные — разведчики Петр Соколовский и Александр Ленкин. Командир группы Василий Порфирьевич Кочемазов и политрук Федор Ермолаевич Канавец решили догнать отряд. Взяв продовольствие и боеприпасы, на четырех санях они двинулись в путь. На второй день, на рассвете, подошли к хутору Ретик, расположенному в лесу в десяти километрах от Кролевца.

Длительный переход и страшный мороз изрядно утомили бойцов. Маленький лесной хуторок, состоящий примерно из тридцати дворов, манил к себе. Шесть человек с лошадьми остались на опушке, а Канавец и Ленкин подошли к крайней хате. Постучались. Хозяева открыли дверь, встретили приветливо. Впечатление у хлопцев создалось такое, что здесь можно будет хорошо обогреться и отдохнуть. Дали знак остальным. Хозяин на вид угрюмый, с бегающими глазками, проворно и суетливо размещал гостей. Вскоре жена подала пищу и куда-то исчезла.

Сытный завтрак, тепло и домашний уют разморили людей. Все заснул. Не спалось одному Бойко. Подойдя случайно к окну, он увидел, что хату окружают какие-то вооруженные люди. Один из них, очевидно старший, судя по его повелительным жестам, подошел к двери. Разбуженные Бойко партизаны встали с автоматами

возле окон, а Канавец с гранатой в руке распахнул входную дверь. Стоявший на крыльце вооруженный человек не успел и глазом моргнуть, как оказался втянутым в хату. Начался допрос. Незнакомец утверждал, что они вышли из окружения, организовались в отряд, установили связь с королевским подпольем. Но все подпольщики недавно были арестованы и расстреляны гитлеровцами. В подтверждение своих слов он назвал несколько фамилий погибших.

Канавец и Кочемазов знали о несчастье, постигшем королевских товарищей, и потому рассказ незнакомца показался им правдоподобным. Ему поверили и велели выйти на крыльцо, чтобы позвать своих людей. По одному они заходили в хату. Партизаны на всякий случай обезоружили их. После недолгой мирной беседы предложили им вместе догонять Путивльский отряд. Те охотно согласились. Нужно было раздобыть лошадей. Обратились к ретикским колхозникам, которые дали две упряжки и попросили пойти выбрать коней на конюшне. Колхозный конюх, выводя из стойла гнедого мерина, тихо спросил у Канавца:

— Так вы кто же будете: партизаны или господа полицейскис?

— Что ты, батя, разве не видишь красных звезд на шапках?

— Звезды-то звездами, да только чудно получается... Называете себя партизанами, а дружбу заводите с самим начальником королевцевкой полиции... Даже ехать вместе куда-то собираетесь...

Мигом выскочили партизаны во двор, но уже было поздно: поллицаев и след простыл.

Случай с конотопцами, которые так легко доверились леснику и его «друзьям», был хорошей наукой для всего личного состава отряда. Он наглядно показывал, насколько трусливы, ничтожны и в то же время коварны изменники Родины, продавшие свою честь и совесть фашистам. Позже выяснилось, что немцы заподозрили своих подручных в сговоре с партизанами и расстреляли их.

12 декабря. Отдан приказ о приведении к присяге всех бойцов и командиров отряда. К этому мы готовились давно. Писали ее коллективно, обдумывая каждое слово. Принятие присяги явилось очень большим событием в жизни отряда: оно вселило в сердца людей безграничную веру в победу нашего правого дела, в то, что фашизм будет разбит, что невозможно победить свободный советский народ. И это событие было важным не столько для людей нашего отряда, уже закаленного в боях, сколько для местных жителей и севских партизан. Ведь мы обязаны были поднять их на активную борьбу с врагом, а наш отряд для них должен быть примером самоотверженной борьбы в тяжелых условиях оккупации, строгой воинской дисциплины. Ровно в 12 часов дня у штаба выстроился весь личный состав Путивльского объединенного отряда в полном вооружении.

Хозяйственный двор лесничества со всех сторон окружен вековыми соснами, поднявшими свои заснеженные зеленые кроны далеко ввысь. Они особенно отчетливо выделяются на фоне бирюзо-

вого безоблачного неба. А рядом темно-зеленые ели с белыми хлопьями на ветках. Одноэтажные бревенчатые домики по окнам занесены снегом. Снег кругом — на деревьях, кустарниках и дорогах. Слепительная белизна подчеркивает чарующую прелесть картины русской зимы в лесу.

У штаба, на вытоптанной небольшой площадке, поставили стол, накрыли его красным полотнищем. Шагах в десяти — стройные ряды партизан. Одеты они по-разному: в красноармейских буденовках, крестьянских треухах, ватниках и шинелях, гражданских пальто. На ногах сапоги, ботинки, валенки... Но все выбриты, подтянуты, снаряжение подогнано, равенные рядов безукоризненное. Лица строгие, торжественные. Смотришь на них и как-то не замечаешь разношерстности партизанского обмундирования. В строю весь личный состав, даже раненный в последнем спадшанском бою путивльский связист Петр Горбовцов и тот стоит, слегка опираясь на плечо друга.

Несколько поодаль группы местных жителей — старики и женщины с детьми. Между семьями рабочих лесокombината мелькают сутулящиеся фигуры «сапожников», бородатых, угрюмых. Старики степенно беседуют между собой. Вездесущие ребятишки заняли «господствующие высоты» — заборы, деревья. «Сапожники» усиленно курят толстые самокрутки из вонючего самосада.

Раздалась команда начальника штаба Базымы:

— Смирно! Равнение на знамя!

Знаменосцы пронесли перед строем боевое знамя отряда и остановились у стола.

Я обратился к бойцам и командирам с небольшой речью. Говоря об итогах трехмесячной борьбы с врагом, напомнил им о том, что когда мы уходили в партизаны, то каждый из нас поклялся биться с оккупантами до полной победы. Сегодня же мы должны поклясться здесь, перед строем своих товарищей, под развернутым знаменем, на верность матери-Родине, на верность идеям великой партии большевиков. Я первым прочел текст присяги. Вот он:

«Я, партизан Союза Советских Социалистических Республик, добровольно вступаю в партизанский отряд и торжественно клянусь перед всем советским народом, перед партией и правительством, что буду бороться за освобождение моей Родины от ига фашизма до полного его уничтожения. Я клянусь не щадить своей крови, а если нужно, то и жизни в борьбе с фашистами. Я клянусь всеми своими силами и средствами бороться с изменниками Родины, сам избегать трусости и удерживать товарищей. Если по какому-либо злему умыслу я отступлю от своей клятвы, пусть покарает меня рука моих же товарищей».

После меня с краткой речью выступил Руднев. Он призывал партизан на борьбу за свободу и независимость нашей Советской Родины.

Вслед за Рудневым присягали по старшинству все командиры и бойцы отряда. Принятие присяги, торжественность момента, как мы и рассчитывали, произвели огромное впечатление на присут-

ствующих. А народу собралось много. Кроме населения поселка лесокомбината, на церемонии были и севские партизаны.

Спустя несколько часов я проходил по поселку. Решил зайти в дом, где жили «сапожники». Их было человек пятнадцать. Спрашиваю:

— Ну как дела? Не возьметесь ли вы шить сапоги для нашего отряда?

— Нет! — в один голос ответили они. — Довольно «сапожничать», воевать надо.

Вечером в штабе состоялось первое собрание коммунистов, на котором официально была создана партийная организация. Секретарем партийного бюро избрали Якова Григорьевича Панина, человека весьма скромного и рассудительного. В прошлом он каменщик. В годы пятилеток работал на многих стройках. Потом был выдвинут сначала на профсоюзную, а затем на партийную работу. В состав бюро вошли Коренев и Юхновец.

14 декабря. Наша разведка и оперативные группы вот уже три дня подряд изучают новый район Хиньельских лесов. Важно было выяснить, где располагается враг, сколько его, какими дорогами в случае необходимости можно перейти в Брянские леса. В этих лесах, судя по отрывочным данным разведки, есть небольшие группы партизан, но все это необходимо еще раз проверить. В глубокую разведку к Брянским лесам послали членов партбюро, самых опытных и уважаемых товарищей — Коренева и Юхновца.

Было установлено, что в зоне Хиньельских лесов подразделения вражеских войск находятся только в райцентрах. В некоторых крупных селах стоят небольшие полицейские гарнизоны во главе с двумя-тремя гитлеровцами.

16 декабря. Точные сведения, собранные разведкой, дали возможность провести ряд операций по очистке сел Севского района от немецких фашистов. По разработанному штабом плану оперативные группы разгромили осинные гнезда врага и его приспешников в Лемешовке, Слепухине, Витичах, Высоком, Рыбнице.

Захвачено много оружия, боеприпасов, лошадей, обмундирования и продовольствия. Часть продуктов раздали населению. На паровой мельнице лесокомбината организовали помол зерна, а в пекарне — круглосуточную выпечку хлеба и заготовку сухарей.

17 декабря. Весть о разгроме вражеских гарнизонов быстро распространилась по округе. О наших боевых действиях узнали эсманские партизаны. От них приехали к нам командир отряда Анисименко, комиссар Лукашов, председатель Эсманского райисполкома Коба и прокурор района Куманек. В их отряде двадцать четыре человека, но боев еще не проводили, занимаются разведкой и изучением противника. Тут же договорились о совместных действиях.

Не успели уехать эсманцы, как в штаб пришел учитель от Хохлова. Назвал себя Ивановым и под большим секретом сообщил, что имеет радиоприемник и регулярно слушает Москву. «В столице все хорошо, — сказал он. — В последнем сообщении

Совинформбюро говорится о провале наступления гитлеровских войск на Москву». Учитель согласился ежедневно записывать для нас сводки Совинформбюро. Он назвал место, где связные будут их находить, и сразу ушел.

В тот же день в условленном месте — в дупле дерева — наш боец обнаружил сводку. Еще не зная ее содержания, мы все были несказанно рады получить первую долгожданную сводку Совинформбюро. Написана она была карандашом на клочке бумаги. Руднев буквально вырвал ее из рук бойца и начал читать вслух, а мы, три деда, как называли партизаны меня, Базыму и Коренева, словно по команде надели очки. Каждому хотелось собственными глазами увидеть, что написано в дорогих весточках из Москвы. Не найду слов, чтобы выразить чувства, охватившие нас при известии о разгроме оккупантов под Москвой, о переходе нашей армии в контрнаступление.

Опасаясь, что эту бумажку прочитают до дыр и потом ничего не разберешь, комиссар усадил всех присутствующих переписывать сводку Совинформбюро. Писали кто карандашом, кто ручкой на обрывках старых газет и на страничках, вырванных из тетрадей и книг. Панин, словно челнок, сновал между бойцами, собирая написанные листки. Раздавая их агитаторам, он тотчас же направлял их в села. А у штаба уже собрались жители поселка лесокombината. Им прочитали сводку. Люди слушали и плакали от радости.

Еще три дня назад мы узнали от местных жителей, что в районе Хинельских лесов, возле Ямполья, Севска и Эсманн, крупные танковые и кавалерийские части Красной Армии вели тяжелые оборонительные бои с фашистами. После их отступления колхозники близлежащих сел собрали много различного военного имущества — оружия, снаряжения, обмундирования. Во всем этом мы очень нуждались. Бойцы обносились, ходили в рваной одежде и обуви.

Наши уполномоченные пошли в села. Они обратились к народу с просьбой собирать военное имущество и передавать его партизанам. Колхозники горячо откликнулись на этот призыв. В течение трех дней они привезли столько обмундирования, кавалерийских седел, пистолетов, патронов и другого военного имущества, что нам хватило экипировать всех бойцов.

Конотопцы где-то раздобыли петлицы и эмблемы авиадесантных частей Красной Армии. Ими они поделились с партизанами других отрядов, и стали наши хлопцы похожи на бойцов-десантников регулярной воинской части.

Из Брянских лесов вернулись Алексей Ильич Коренев и Георгий Андреевич Юхновец. Сведения агентурной разведки подтвердились. На Брянщине действительно существует несколько местных партизанских отрядов: Брасовский, Суземский, Трубчевский. Там же находятся харьковские отряды Воронцова и Погорелова, ушедшие месяц назад из Спадщанского леса. На южной опушке леса находится на отдыхе отряд донбасских коммунистов, Шахте-

ры понесли большие потери в неравных боях с фашистами и вынуждены были перекочевать на север. Держатся они героически, собираются снова вести боевую работу. Встретились Алексей Ильич и Георгий Андреевич с небольшой партизанской группой, состоявшей из девяти человек. Их командир Сабуров сообщил, что у него рация, он поддерживает постоянную связь с Большой землей и готов в любое время передать командованию Красной Армии наши сведения.

Возможность установления связи с центром нас очень обрадовала.

20 декабря. Большое дело сделали наша партийная организация, политруки и весь агитколлектив, распространяя по селам сообщения Совинформбюро о разгроме гитлеровцев под Москвой. Народ воспрянул духом.

Несмотря на морозное вьюжное время, в Хинельских лесах царит оживление. От добровольцев нет отбоя. Помещений для расквартирования разросшихся оперативных групп не хватает. Решили передислоцироваться в села, расположенные на краю лесного массива.

23 декабря. Вот уже третий день, как подразделения объединенного отряда разместились в селах Сечки, Водянка и Пограничное. Штаб расположился в Ломленке. Здесь осенью шли упорные бои. Местные жители подсказали, что под снегом есть много оружия и боеприпасов. Попробовали разгрести снег в нескольких местах и обнаружили большие россыпи патронов. Тогда за лопаты взялись и колхозники. Ведь патроны в нашем положении ценятся дороже золота. За эти дни мы их столько вырыли из-под снега, что удалось создать необходимый боезапас.

25 декабря. Ночью совместно с Эсманским отрядом разгромили немецкую комендатуру в Эсмани. Две оперативные группы нашего отряда со станковым пулеметом, двумя батальонными минометами и группой эсманцев в составе восемнадцати человек глубокой ночью скрытно подошли к райцентру. Возле села Демьяновки, чтобы обеспечить отход групп после выполнения задания, распустили заставу.

И вот с криками «Ура!» и сильной стрельбой партизаны совершенно неожиданно для противника ворвались на сани в Эсмань. Быстро окружив здание комендатуры, забросали окна гранатами. В течение двадцати минут были уничтожены все оккупанты и их приспешники, сожжен узел связи, захвачено шесть лошадей. С нашей стороны потерь не было. Операция прошла удачно, но начальник штаба Григорий Яковлевич Базыма ею недоволен. По его предположению, в Эсмани на железнодорожной станции можно было раздобыть зерно, а его там, к сожалению, не оказалось.

27 декабря. Пора развертывать формирования не только укрупненных отрядов, но и соединений партизан. Ведь даже наш сравнительно крупный отряд может выполнять лишь диверсии, налеты на отдельные гарнизоны противника в селах и т. п. У нас нет необходимых сил, чтобы громить более крупные гарнизоны гитле-

ровцев в райцентрах, захватывать железнодорожные станции и железнодорожные мосты, охраняемые сильными отрядами врага. Еще слабее другие отряды, да и опыта борьбы с оккупантами у них меньше. В то же время палица все условия для роста отрядов. Добровольцев, желающих стать партизанами, много. Такой отряд, как наш, вполне можно развернуть в соединение, а слабые местные отряды организовать в подразделения, которые могли бы действовать самостоятельно. В случае необходимости они должны будут объединиться для проведения общих крупных операций. Группы местных партизан уже побывали с нами в боях, ознакомились с партизанской тактикой и явятся хорошим боевым ядром для будущих сильных отрядов и даже соединений.

Первые шаги в этом направлении нами уже сделаны. В Хинельском лесу созданы и организационно оформлены самостоятельные боевые единицы. Это — Севский партизанский отряд в количестве сорока трех человек (командир Хохлов, комиссар Горохов), Хинельский лесокOMBинатский отряд, состоящий из сорока пяти военнослужащих (командир капитан Гудзенко), оперативная группа Ямпольского района в селе Родионовке (командир Гнибида, комиссар Красняк). При участии и помощи путивлян активизировал свою деятельность Эсманский отряд в Барановских лесах.

Постоянно растет и наш объединенный отряд. Ежедневно пополняются оперативные группы. С помощью ветеранов новички активно включаются в учебу и боевую деятельность. Я верю, что не за горами то время, когда мы будем проводить более значительные операции, чем до сих пор.

28 декабря. Сводки Совинформбюро приносят радостные вести о наступлении Красной Армии и разгроме захватчиков под Москвой. Каждый день наши войска возвращают Родине все новые и новые населенные пункты. Нужно и нам наращивать силу ударов по врагу. В штаб пришли гонцы из Путивльского района. Со слезами на глазах колхозники рассказывают о бесчинствах и зверствах оккупантов. После нашего ухода из Спадщанского леса фашисты объявили, что наш партизанский отряд будто бы полностью уничтожен. Повсюду гитлеровцы вновь расставили свои гарнизоны и еще наглее грабят народ. Фашисты и полицаи, старосты и бургомистры составляют списки сочувствующих партизанам, учиняют зверские расправы над патриотами.

Посоветовавшись с Рудневым и Базымой, я решил предпринять рейд в Путивльский район, чтобы, во-первых, новыми диверсиями и ударами по гарнизонам противника поддержать наступление Красной Армии и, во-вторых, напомнить оккупантам, что наш отряд жив и от него не будет пощады захватчикам на советской земле.

На совещании командиров групп я умышленно не сообщил, куда пойдем, упомянул лишь, что двинемся в южном направлении и ближайшим нашим пунктом будет Крупец. Люди оживились. Все командиры доложили о готовности своих групп выступить в любое время.

Поднялся Руднев.
— Товарищи, хочу обратить ваше внимание на следующее,— сказал он.— Первое — держать железную воинскую дисциплину на марше, в боях и населенных пунктах, через которые мы будем проходить. Дисциплина у наших партизан хорошая, жаловаться пока не приходится. Но ее необходимо закрепить. В отряды ежедневно вливаются новые бойцы. Нужно, чтобы каждый из них буквально с первого дня пребывания в отряде понимал, что без строжайшей дисциплины невозможно успешно действовать в тылу врага. Второе — это наше отношение к населению. Мы — народные мстители, живем для народа и боремся во имя его свободы. Значит, каждый партизан должен относиться к населению с особым вниманием и чуткостью. На марше из строя не выходить, хаты для дневки занимать только те, которые будут отведены квартирными. Продуктов у населения не брать, даже если будем голодать. Малейшее своеволие в конфискации продуктов, замене лошадей или другие порочащие партизана проступки будут рассматриваться как мародерство и караться по всей строгости советских законов военного времени.

Затем выступил я и еще раз подтвердил, что основное правило партизана — это тесная связь с народом. Его поддержка — для нас самое главное. Без помощи народа мы ничего не стоим. Так надо объяснить всем бойцам. На этом совещание было закончено.

Поход на Путивльщину

Конец декабря. С наступлением сумерек оперативные группы построились в походную колонну. Посланные вперед разведчики доложили, что путь свободен. Головная походная застава и боевые охранения заняли свои места.

Тепло провожаемые жителями и партизанами отрядов Хохлова, Гудзенко и Гнибиды, мы двинулись в поход на родной Путивль. Маршрут наметили такой: пройти через Крупецкий район Курской области, оттуда повернуть на Шалыгино на территории Сумщины, а там близко и Путивль. Но от этого плана пришлось отказаться.

Утром в село Комаровку, где отряд остановился на дневку, прискакали связные Эсманского отряда с известием, что немцы готовят против них крупную карательную экспедицию. Нужно было помочь соседям.

Для перепроверки разведанных эсманцы выслали вторую разведку в село Уланово. Возглавили ее комиссар отряда Лукашов и председатель райисполкома Копа. Не доезжая Уланова, они попали под кинжальный огонь вражеской засады. Чтобы уйти из-под обстрела, разведчики круто развернулись, а напуганные стрельбой кони неудержимо рванули вперед. В этот момент Копа, увлекшись стрельбой по противнику, выпал из саней. Подобрать его эсманцы не сумели.

Узнав об этом несчастье, я взял командование обоими отрядами

ми на себя и, не медля ни минуты, повел их в наступление под прикрытием минометов и станкового пулемета.

Наш налет был настолько неожиданным и стремительным, что противник не успел сориентироваться и его оборона была быстро смята. Первым в село ворвался комендант нашего штаба Михаил Михеевич Кокни, а за ним путивляне и эсманцы. Вскоре фашистский карательный отряд перестал существовать. Более ста трупов карателей валялись на ослепительно белом снегу. На огороде, за клуней, нашли Копу. Тело его было изрешечено пулями. Фашисты в бешенстве разрядили в него не одну пистолетную обойму.

31 декабря. По данным разведки стало известно, что противник разгадал наш маршрут следования и сконцентрировал большие силы в Крупце, а в Бегоще, Обесте, Студенке выставил заслоны. На 2 января оккупанты готовили наступление на объединенный отряд.

2 января. Сообщения о подготовке противника к новому наступлению не помешали нам встретить Новый год по народному обычаю. Бойцы нашего и Эсманского отрядов собрались в улановском клубе. Вместе с радушными хозяевами выпили по чарке, спели любимые песни. Не пришлось праздновать только разведчикам да тем, кто был в наряде, дозорах и на заставах.

За новогоднюю ночь разведчики с помощью местного населения выяснили полную картину расположения сил противника. Это позволило предупредить наступление гитлеровцев, сорвать их замыслы. В Бегощу были посланы оперативные группы. На рассвете, подойдя к селу с севера и востока, партизаны с шумом и стрельбой ворвались на его улицы. Для оккупантов осталась свободной только одна дорога — на Крупец, по которой они и удрали.

Маневр удался. Противник начал стягивать к Крупцу все свои силы.

3 января. Уклонившись от боя с основным ядром гитлеровцев, в ночь со 2 на 3 января мы вышли из Комаровки на Гумничи — Богуславку. В селе Красная Стрельница остановились на дневку.

8 января. В течение пяти дней провели операции по очистке от противника сел Калиновка, Жеденовка и Амошь Хомутовского района. Захватили там немецкие продовольственные базы с большим запасом продуктов. Десять лошадей и десять тонн хлеба взяли для нужд отряда, остальное раздали населению.

Во время операций встретились с Хомутовским партизанским отрядом. Он состоял всего из восьми крепких и дружных боевых товарищей. Командиру отряда Попкову и комиссару Зайцеву рассказали об отрядах Хохлова, Гудзенко, Гинбиды, познакомили их с эсманцами. Руководителям отряда мы посоветовали не терять с ними связи и постоянно увеличивать численность отряда. В случае острой нужды держаться Хинельских лесов. Заодно помогли им оружием и боеприпасами.

9 января. Отряд остановился в Гуте Глуховского района. По пути движения разгромили продовольственные базы противника, находившиеся на хуторе Воздвиженский. Около четырех часов дня

противник силой до семидесяти человек атаковал нашу головную походную заставу. Коротким ударом мы разбили карателей, и отряд снова продолжал свой путь в направлении Дубовичей.

И вот мы снова на Путивльщине. Остановились на отдых в селе Кагань. Отсюда до Спадщанского леса не больше пятнадцати километров. Но старая база уже мало нас интересует, так как отряд вырос, расширился размах его действий, изменилась тактика. Мы уже не думаем о длительных стоянках. Описав большую дугу по северу Сумской, югу Курской и Орловской областей, разгромив на своем пути гарнизоны противника, мы убедились, что тактика крупного партизанского отряда должна строиться прежде всего на внезапных ударах там, где его не ждут, то есть на высокой маневренности отряда и на его взаимодействии с отдельными местными боевыми группами, подчиненными единому командованию.

Объединяя и направляя оперативные действия партизанских отрядов и групп соседних районов, наш отряд по-прежнему оставался маневренным и в то же время имел возможность проводить серьезные операции. Кроме того, мы приобрели прекрасную тыловую базу в Хинельских лесах, а в случае необходимости сможем отойти в Брянские леса. Словом, мы вырабатываем необходимые навыки рейдирующего партизанского соединения.

Зимовать мы думали в монастыре, расположенном в Новослободском лесу. В обнесенных толстой каменной стеной монастырских постройках могло разместиться несколько тысяч человек. Перспектива укрыться от морозной зимы в теплых монастырских кельях была очень соблазнительной, но от этого плана пришлось отказаться. Задерживаться надолго в монастыре — значит лишиться свободы маневра и обречь себя на окружение. Решили идти в рейд.

Свое вступление в Путивльский район отряд отметил разгромом гарнизонов противника в Ильино-Суворовке, Стрельниках, Ротовке, Оконе, Будище, Погаричах и Брусках. Попутно уничтожили телефонно-телеграфную связь Глухов — Воронеж, Кролевец — Ярославц.

Возвратившись из Ильино-Суворовки, партизаны привезли с собой бывшего председателя Чернобривкинского сельсовета Голубкову. Мы, путивляне, хорошо знали эту высокую жизнерадостную женщину. Незадолго до войны ее избрали народным судьей. А теперь, смотрю, входит в штаб женщина с серым, землистым лицом, худая — кожа да кости.

Голубкова рассказала нам страшную историю. В начале декабря по доносу провокатора она была арестована. После долгих пыток и надругательств вместе с другими заключенными ее привели в подвал путивльского монастыря на расстрел. Пуля пробила ей грудь. Сколько пролежала без сознания, она не знает. Но когда очнулась, поняла, что лежит среди трупов.

С трудом поднялась, влезла на бочку, дотянулась до окна. Монастырь стоит на самом берегу Сейма, от окна до обрыва не больше двух метров. Как выбралась из окна, как Сейм по льду босиком перешла, тоже не помнит. Возле Ильино-Суворовки ее подо-

брали колхозники. Обмыли раны, перевязали и надежно укрыли.

Бойцы угостили Голубкову крепким душистым чаем, а потом вызвали в штаб врача Маевскую и передали ей раненую.

12 января. Еще вчера, с наступлением темноты, партизаны начали громить полицейское управление в селе Воргол. Там оккупантам удалось создать гарнизон из нескольких десятков головорезов-предателей, среди которых немало было полицейских из разогнанных нами гарнизонов сел клеветской поймы. Свора предателей рьяно выслуживалась перед своими хозяевами, проявляла неслыханную, незуитскую жестокость по отношению к людям, хоть немного заподозренным в сочувствии партизанам. Они всячески терроризировали население района, заживо сжигали, расстреливали советских активистов и семьи партизан.

Ровно в 19.00 в небо взвилась ракета. По этому сигналу оперативные группы Бабинца, Карпенко, Пяташкина, Кочемазова и Васильева с разных направлений ворвались в Воргол. Наступление поддерживалось беглым минометным огнем, который создал видимость полного окружения. Застигнутые врасплох предатели не успели сделать и десятка выстрелов, как боевые группы окружили управление комендатуры. В течение получаса операция была закончена. Еще одно осиное гнездо перестало существовать.

16 января. Три дня подряд в селах района проводили собрания колхозников. Для этой цели мобилизовали весь актив отряда. Каждый шел туда, где его лучше знало население. Мне пришлось выступать перед колхозниками села Ховзовки. В 1939 году они избрали меня депутатом районного совета, и вот теперь я снова встретился со своими избирателями.

В Путивльском отряде было много партизан из Ховзовки. Мой адъютант Политуха тоже оттуда. Боевые это ребята. Люди там приветливые. Жили хорошо, дружно. Приедешь, бывало, окружают и давай расспрашивать о районных новостях. Начинаешь рассказывать, слушают внимательно, пошутить — смеются, сами шутят. Каждый вопрос на собрании обсуждают активно, сообща ищут, как правильно его решить.

Теперь же все по-иному. К сельсовету, куда я приехал на санях в сопровождении нескольких конников, собралось почти все население села. Стоят хмурые, молчаливые. Но по глазам вижу, что встрече рады.

— Здравствуйте, дорогие мои избиратели! — обратился я к ним с крыльца сельсовета.

Шорох прошел по рядам. Женщины заплакали. Старик, кто платок вынул, будто сморкаться, кто кнсет, чтобы быстрее сигарку закурить. У самого тоже на сердце будто камень лежит. Рассказал им о положении на фронтах, разгроме гитлеровцев под Москвой, о том, что наш отряд сделал и что биться будем до конца, до полного изгнания фашистов с советской земли. Тут же сказал, что бойцам теплая одежда нужна, да и продуктов у нас маловато. Когда стемнело, местные жители привезли в отряд на доверху нагруженных санях полушубки, валенки, муку, сало.

17 января. Фашисты предприняли первую попытку найти и атаковать отряд. По нашим следам они выслали батальон регулярных войск, усиленный артиллерией и минометами. Пришлось маневрировать, чтобы, не вступая в бой с карателями, выполнить намеченные оперативные задачи.

19 января. Возникла необходимость передислоцироваться в Глуховский район. В ночь с 17 на 18 января вышли в рейд по маршруту Бруски — Стрельники — Волокитино — Сутиски. В пути отряд все время пополнялся добровольцами. Среди них много знакомых, настоящих патриотов: Сердюк, Бывалина, Какорина, Замула и другие.

Утром заняли хутор Говоруново и расположились на дневку. Невдалеке находится Воздвиженский спиртзавод. Там оккупанты организовали большой свинооткормочный пункт. Свиной отправляли в Германию. Пункт этот мы ликвидировали, свиной раздали населению. Во всех дворах горели костры, колхозники осмаливали свиные туши. Даже в канун самых больших праздников в мирное время ничего подобного нельзя было увидеть. В каждой семье жарят и варят свинину. Но к середине дня эта отрадная картина мгновенно изменилась. К селу подошел преследовавший нас немецкий карательный отряд. Завязался жестокий бой, длившийся два часа. Оккупанты вынуждены были отойти, оставив на подходах к селу десятки трупов.

С наступлением темноты оперативные группы скрытно вышли из Говорунова и за ночь дошли до Слоутских лесов. На рассвете заняли небольшое село Гута. Партизаны на санях ворвались в соседние села Землянку, Черториги¹, Ярославец, Сутиски. Налет застал врагов врасплох, и они были уничтожены.

20 января. Гутинские колхозники встретили нас радушно. Это село как-то сразу стало для партизан особенно родным. Народ здесь хороший, мирный, но когда началась война, все ушли восставать. В селе остались одни женщины, ребятишки да седобородые старики.

— А у нас, товарищи, тоже есть свои хлопцы-партизаны, — наперебой рассказывали колхозники.

— Где же они? — спрашиваю их.

— В лесу, недалече. Да мы зараз покличем человека, он дорожку знает.

Им оказался колхозник Самохвалов. Он-то и рассказал о Глуховском отряде Петра Леонтьевича Кульбаки, с которым находится председатель райисполкома Мартынов. Их отряд активных операций пока не проводит, видимо, берегут силы на будущее.

Решили немедленно установить с ними связь. В сопровождении Самохвалова в лес поехали Канавец и Курс, хорошо знавшие Кульбаку. Засхали они в самую глухомань, остановили лошадей возле молодого и очень густого сосняка, спешились. Дальше метров триста прошли пешком. Тишину разорвал грозный окрик:

¹ Теперь — с. Шевченково.

— Стой, кто идет?!

После нескольких вопросов часовой вызвал Кульбаку и Мартынова. Поздоровались. Хозяева гостеприимно пригласили их в землянку. Она была так искусно замаскирована, что сами партизаны, по их признанию, частенько блуждали вокруг да около нее. На двойных нарах разместился весь отряд. Скученность страшная, повернуться негде. Курс и Канавец пригласили глуховчан в Гуту и, отказавшись от чая, поспешили назад.

21 января. К Гуте подошел отряд немцев около ста человек. Партизаны заняли оборону на окраине деревни, подпустили карателей поближе и открыли меткий огонь. Атака захлебнулась. С командного пункта я увидел, как из домов повыскакивали старики-колхозники, держа в руках кто берданку, кто шомполку, и кинулись в сторону гитлеровцев. Еле удалось остановить и убедить, что партизаны справятся и без их помощи.

Командир вражеского отряда, эсэсовский офицер, с десятком автоматчиков попытался закрепиться на другой окраине села, но это ему стоило жизни. Пришедший недавно в отряд боец Красной Армии комсомолец Лупачев незаметно пробрался во фланг немцам и открыл огонь из только что добытого в бою трофейного автомата. Офицер и его адъютант упали замертво. Потеряв убитыми командира и девять солдат, фашисты в беспорядке отступили.

Вскоре после боя пришел в окружении местных жителей Кульбака — высокий, широкоплечий богатырь. Перед войной он работал в Глуховском райпотребсоюзе и райкомом партии был оставлен для создания партизанского отряда. Он рассказал, что после боя с танками в Спадщанском лесу, когда приходил к нам на совещание, Глуховский отряд перешел в соседнее урочище Марица, но отряд маленький — всего двадцать четыре бойца — и многого не сделаешь.

Я предложил ему присоединиться к нам на условиях некоторой самостоятельности, то есть подчиняться Путивльскому объединенному отряду только в оперативном отношении. Он охотно согласился, но сказал, что нужно посоветоваться с товарищами.

22 января. После двухдневного отдыха в Гуте отряд приступил к очистке от противника близлежащих населенных пунктов. Предложили принять участие в этих операциях Кульбаке и его товарищам. Мы были уверены, что они оценят преимущество тактики нашего отряда и обязательно присоединятся к нам. Так оно и вышло.

Совместно провели две операции по разгрому вражеского гарнизона в селе Слоуте и уничтожению железнодорожных мостов на магистрали Москва — Киев между станциями Маково и Терещенская и на перегоне Глухов — Маково. Глуховчане действовали при взрыве моста вместе с группой минеров Курса. Разведчиками руководил смелый и решительный помощник командира разведгруппы лейтенант Афанасий Бывалин. Пользуясь темнотой и складками местности, они скрытно подошли к мосту, сняли охрану и заложили взрывчатку. В результате взрыва движение поездов прекратилось на несколько суток.

Под вечер Миша Лупачев, весельчак и балагур, вместе с пятью бойцами подкараулил на шляху Глухов — Рыльск две немецкие подводы. Пятерых фашистов они убили во время перестрелки, а одного взяли живым. Им оказался помощник немецкого коменданта города Рыльска Курской области. На допросе в штабе он дал ценные показания о силах и расположении фашистов в Рыльском, Глуховском, Крупецком и Шалыгинском районах.

27 января. Три дня бушевала такая сильная метель, что даже привыкшие ко всему партизаны не могли воспользоваться капризами природы. Партизаны получили вынужденный и в то же время необходимый отдых.

Не успела утихнуть метель, а минеры и разведчики снова ушли на задание. В селе Черторыги они разгромили небольшую группу противника, расставили на дорогах мины и нарушили телеграфную связь между вражескими гарнизонами Глухова, Воронежа и Шостки.

29 января. Глуховский партизанский отряд полностью перешел в оперативное подчинение нашему штабу. Еще в первые дни своего существования, в сентябре и начале октября, отряд провел несколько смелых диверсий. Были взорваны два моста на шоссе на дорогах Глухов — Ярославец и Глухов — Тулиголово, два небольших железнодорожных моста на магистрали Киев — Москва между станциями Шостка и Терещенковская, подбиты четыре автомашины, совершены десятки удачных налетов на мелкие гарнизоны противника в селах района. Своими действиями партизаны натравили на себя карательную экспедицию, которая дважды брала их в кольцо, но оба раза они благополучно уходили. Однажды в районе Середина-Буды пришлось принять неравный бой. Дрались до темноты и только ночью выбрались из окружения.

Объединение с нами глуховчане отметили удачным разгромом гарнизона противника в селе Зазерки. Вместе с Конотопским отрядом Кочемазова они отвоевали там богатые трофеи и привели в штаб восемь пленных, в том числе старосту села.

В тот же день наша разведка в селе Уздице захватила у противника киноаппарат и динамо-машину. Вторая оперативная группа Бабинца разогнала гитлеровцев в Стрельниках, забрала у них несколько десятков пар лыж и теплую одежду.

Вечером состоялась беседа с командиром Шалыгинского отряда Саганюком и комиссаром Матющенко, которые пришли к нам в Гуту. Они настаивали на том, чтобы и их отряд в оперативном отношении подчинился штабу нашего объединенного отряда. В начале партизанской деятельности шалыгинцы именовались Холоповским отрядом, который, как и наш, был создан по решению бюро райкома партии накануне прихода оккупантов. Первое время партизаны действовали в тесном контакте с обороняющимися частями Красной Армии в районе села Холопова. Они добывали сведения о дислокации сил противника, выполняли роль проводников, наводили переправы.

После отхода наших войск партизаны взорвали мост на шос-

се Путивль — Глухов, уничтожили четыре автомашины и до сотни гитлеровцев. Была установлена связь с подпольем почти во всем Шалыгинском районе. В связи с тем что сфера деятельности отряда значительно расширилась, пришлось переименовать его в Шалыгинский.

Люди в отряде подобрались смелые, стойкие, не щадящие жизни в борьбе с фашистами. В Ротовке гитлеровцы схватили разведчика Кондрата Борисовича Фоменчука. Отвезли его в Воргол, подвергли зверским пыткам, но, ничего не добившись, повесили. К месту казни было согнано все население села. Отважный разведчик держался гордо, как и подобает партизану. Когда палачи подвели его к виселице и накинули на шею веревку, он громко крикнул:

— Прощайте, товарищи! За мою смерть отомстит Родина, погибнут сотни бешеных фашистских собак!

В конце декабря гитлеровцам удалось установить местопребывание отряда, находившегося в то время в лесу Марица. Внезапность нападения противника предотвратил наш путивльский разведчик Степа Фомиченко. Он возвращался в Хинельские леса от связного в Старой Шарповке и увидел большую автоколонну с вражескими солдатами, двигавшуюся в сторону Волокитино. Степан понял, что каратели отправляются на поиски Шалыгинского отряда в Марицу, и решил помочь товарищам. Он поймал колхозного коня и перелесками напрямик прискакал к шалыгинцам. Так Саганюк получил возможность подготовиться к бою.

Подъехав к опушке леса, около двухсот гитлеровцев спешно развернулись в боевые порядки. Партизан в тот момент в лесном лагере было всего тринадцать человек. Углубляясь в лес, каратели с обеих сторон быстро загибали свои фланги. Еще немного — и кольцо замкнулось бы, но вдруг раздался треск пулеметных очередей одновременно на обоих флангах противника, а спустя минуту загревели винтовочные залпы в центре вражеской цепи.

Хорошо сработали шалыгинские пулеметчики — учитель Иван Елисеевич Хмара и колхозник Григорий Петрович Маслов. Обойдя фланги врага, они внезапно, один слева, другой справа, ударили карателей в спину, а Саганюк с оставшимися бойцами открыл огонь из винтовок прямо по центру.

Гитлеровцы дрогнули, откатились к опушке, на ходу погрузились в машины и удрали, оставив трупы убитых и двух раненых солдат.

Через три часа четыреста оккупантов вновь пошли в наступление на Марицу, но партизан там уже не было. Шалыгинцы перешли в урочище Викторовские дачи, где находились до нашего возвращения из Хинельских лесов.

Шалыгинцев мы приняли в свой отряд. Они принесли с собой радиоприемник. Теперь мы систематически слушаем Москву, знаем о положении на фронтах, ежедневно записываем и распространяем среди населения сводки Совинформбюро.

Таким образом, за первые четыре месяца боевой деятельности маленький Путивльский партизанский отряд, насчитывавший всего

тринадцать человек, вырос в большое партизанское соединение. Все новые и новые, ранее разрозненные отряды вливаются в соединение. Со всей округи идут добровольцы, которых мы направляем в Путивльский, Конотопский, Глуховский и Шалыгинский отряды.

31 января. Чтобы расширить действия отряда по очистке сел от гарнизонов противника, мы передислоцировались в хутор Новоселицу Глуховского района. По дороге в Новоселицу уничтожили телефонно-телеграфную связь между Глуховом и Конотопом и разгромили гарнизоны противника в ряде сел.

Кириленко и Карпенко с группой бойцов совершили удачные налеты на вновь организованные после нашего разгрома полицейские комендатуры и Зазерка и Ворголе.

1 февраля. Крепко цепляется противник за село Зазерки. Наши хлопцы уже дважды разгоняли там полицейскую управу. Только вчера Кириленко устроил там погром, а сегодня из Зазерок прибежал связной и сообщил, что оккупанты снова привезли в село несколько полицейских и нового старосту.

Среди дня мы начали новую операцию. По плану штаба соединения группа Кочемазова, 4-я рота Путивльского и седьмая группа Глуховского отрядов обложили Зазерки, закрыв все входы и выходы. Потом повели решительное наступление. К вечеру село было полностью очищено. Ни один предатель не ушел.

4 февраля. Налеты партизан на фашистов продолжаются. Вчера и сегодня вторая группа Бабинца уничтожила гарнизон противника в селах Яцыно, Стрельники и Ильино-Суворова.

Группы Карпенко, Кириленко и Саганюка совершили успешные налеты на вражеские гарнизоны в Холопове и Викторове.

Партизаны во главе с Курсом разгромили станцию Баничи. Сняв вражеских часовых, они незамеченными подошли к караульному помещению и забросали его гранатами. Гарнизон, состоявший из двадцати человек, был уничтожен в течение нескольких минут. На станции снова водворилась тишина, партизаны исчезли так же неожиданно, как и появились. Зарево пожара оставалось свидетелем ночного налета партизан на станцию, комендатуру и пять складов с продовольствием.

Виктор Островский, один из зачинателей подрывного дела, с тремя разведчиками на перегоне Низовка — Корюковка Черниговской области пустил под откос эшелон с боевой техникой. Ходили они туда в дальнюю разведку, а также чтобы установить связь с черниговскими партизанами, о действиях которых мы много слышали от населения, пленных мадьяр и немцев. Однако связаться с черниговцами им так и не удалось.

6 февраля. Разгром сельских комендантских управ вызвал у гитлеровцев растерянность. Полицейские при первом же выстреле бегут в Глухов, Путивль, Кролевец.

Свободный от операций личный состав отряда усиленно овладевает техникой и партизанской тактикой. Успешно действуют походные партизанские курсы по изучению оружия, особенно пуле-

местного дела. У молодежи к пулеметам большая тяга, хотя они знают, что в наших условиях пулеметчик подвержен наибольшему риску. Тем не менее каждый стремится быстрее овладеть этой опасной и почетной специальностью. Занятия проводят обстрелянные бойцы Хватов, Тимофеев, Григоровский, Черняков, Федоров, Петренко, Румянцев.

7 февраля. Руднев и Панин вчера снова направили в села политруков групп, членов партбюро и активистов соединения для проведения собраний и бесед с колхозниками. Разведчики сообщили, что в селе Локне Кролевецкого района противник создает ударный кулак для наступления на партизан через Зазерки. Решили проверить. С этой целью Шалыгинский отряд под командой Саганюка очистил от противника село Кочерги, а на дорогу, ведущую к Локне, были высланы оперативные группы Бабиница, Кульбакн и Кочемазова.

В 3 часа дня показалась колонна противника. Не подозревая о засаде, она двигалась походным порядком. Впереди спокойно ехали два офицера. Партизаны близко подпустили гитлеровцев и открыли кинжальный ружейно-пулеметный огонь. Офицеры свалились наземь, солдаты, бросая оружие, разбежались. На месте осталось несколько убитых и раненых. Четырнадцать человек стояли на коленях с поднятыми руками. Оказалось, что это бывшие наши военнопленные. Они объяснили нам, что дали согласие служить немцам, рассчитывая получить у них оружие с тем, чтобы в первом же бою перейти на сторону партизан. Похоже, что говорят правду. Ведь не побежали же они от партизан, как другие. Решили проверить их в бою. Хочется верить, что эти ребята — попавшие в беду советские люди.

10 февраля. Продолжали операции по очистке сел от оккупантов. Пятышкин и Курс с двенадцатью бойцами разгромили полицейское управление в селе Погремки Кролевецкого района, захватили в плен старосту и начальника полиции. Среди документов управления была обнаружена карта с нанесением дислокаций вражеских гарнизонов в Глуховском районе. Там же нашли рапорт кролевецкого бургомистра, свидетельствующий о переполохе в стане врага, вызванном активными действиями наших оперативных групп. Вот его полный текст.

К о п и я.

«Сов. секретно»

Господнну коменданту г. Кролевец
Фельдкомендатуре г. Конопот

Этим доводим до вашего сведения, что за последнее время участились случаи обнаружения банд партизан. 11 января 1942 г. банда партизан в количестве трехсот человек, называя себя передовым отрядом Красной Армии, наскочила на Воргол Путивльского района, уничтожила полицейских, сожгла их дома и т. д. Многие из партизан одеты в германскую военную форму. Подобных случаев много можно привести. Было два случая взрыва партиза-

нами железнодорожных мостов между Терещенской и Шосткой, Терещенской и Маковым.

На сегодняшний день партизанские банды, вооруженные автоматическим оружием, проводят по селам насильную мобилизацию и этим довели количество банды до 1000 человек, которые стоят в селе Волокитине, хуторах Кагань и Гута в Глуховском районе. С каждым днем количество партизан возрастает, что и создает серьезную угрозу нашей местности и, в частности, району.

В силу сложившихся обстоятельств мы должны убедительно просить вас дать в помощь германские вооруженные силы и разбить красных партизан.

Согласно изданной германской инструкции о восстановлении порядка в нашем районе нужно большое количество полицейских, которых у нас нечем вооружить, а поэтому убедительно просим вас выдать нам: винтовок 400 шт., клинков 100 шт., минометов 4 шт., пулеметов 10 шт., достаточное количество патронов и мины к миномету.

Указанное оружие просим выделить нам с указанием адреса, где его можно получить в самый краткий срок.

Бургомистр г. Кролевец
Начальник полиции

(Ковтун)
(Циома)

28.I.42 г. г. Кролевец»

11 февраля. Группы Карпенко и Кириленко уничтожили в Локне остатки противника. Операция прошла удачно. Не последнюю роль в ней сыграли сдавшиеся нам бывшие военнопленные красноармейцы. Особенно хорошо проявил себя Ваню Рехвиашвили. Зная пароль, он без шума снял двух часовых. Это позволило партизанам незаметно подойти к домам, где расположились оккупанты, и забросать их через окна гранатами. Ни один гитлеровец не ушел. Вслед за этим партизаны созвали колхозников и рассказали им о положении на фронтах, борьбе партизан с оккупантами, о помощи, которую им оказывает население.

Такое же собрание провели Кочемазов и Канавец в селе Камень. В сельском клубе собралось до пятисот человек. Стояли они, тесно прижавшись друг к другу. Несмотря на мороз, пришлось открыть окна и двери, чтобы могли слышать все, кто не попал в помещение.

После информации о положении на фронтах Канавец зачитал листовку, в которой первый секретарь ЦК КП(б) Украины призывал народ развертывать партизанскую борьбу с фашистами. Затем он подробно рассказал, как население может помочь партизанам в борьбе с фашистами, не навлекая репрессий карателей.

В переднем углу зала, возле сцены, стояла окруженная конвоем группа изменников, захваченных в плен во время боя за село. Председательствующий Кочемазов объявил о начале народного суда над ними. Разбирались отдельно с каждым. Активность людей была огромна. Они перечисляли издевательства и злодеяния, совершенные этими выродками, и требовали расстрела двух гла-

варей — лесника Якушенко и старосты Юды. Остальных полицейских просили помыловать, если они перед лицом народа поклянутся, что кровью искупят свою вину перед Родиной.

Приговор о расстреле Якушенко и Юды был немедленно приведен в исполнение. Шестнадцать полицейских, которые пошли служить в полицию, чтобы их не угнали в Германию, были освобождены из-под стражи. Они тут же попросили принять их в партизаны. Спросили мнение присутствующих, можно ли доверить им оружие и принять в отряд.

— Можно! — единодушно ответили колхозники.

Ну что ж, проверим их в боях.

Активные операции партизан по очистке сел от оккупантов и их ставленников вызвали большой патриотический подъем среди населения района и новый наплыв добровольцев. Но чтобы не подвергать их семьи репрессиям, мы распустили слух о мобилизации населения в партизаны, о которой писал королевещкий бургомистр в своем рапорте.

14 февраля. Вот уже более недели продолжается интенсивный прием добровольцев в партизаны. Всех желающих направляем в Глуховскую оперативную группу, которая за несколько дней выросла с 24 до 125 человек. Приказом по соединению ее выделили в самостоятельный Глуховский партизанский отряд с оперативным подчинением объединенному штабу. В эти дни пришли к нам двадцать два воина Красной Армии, вышедшие из окружения, по застрывшие в этих местах из-за метелей и морозов. Возглавляет их лейтенант-артиллерист Василий Войцехович.

16 февраля. Утром группы Пяташкина, Сухоцкого и Кириленко отправились из Воргола разгромить комендатуру в Литвиновичах. Операцией руководил Семен Васильевич Руднев. В коротком бою партизаны уничтожили немецкую комендатуру, взяли в плен начальника полиции Богдановского и немецкого жандарма.

В сельском клубе партизаны провели собрание трудящихся. Двадцать три литвиновичских колхозника обратились к командованию соединения с просьбой принять их в партизаны. Из них мы решили создать отдельную оперативную группу. Командиром назначили Павловского Михаила Ивановича, энергичного и честного человека. Перед войной партийные органы направили его с заданием в Херсонскую область, где его и застала война. Павловский организовал партизанский отряд и смело действовал против фашистских оккупантов. Но регулярным немецким войскам удалось разгромить небольшой, поредевший в боях отряд в Днепровских плавнях. Павловскому с несколькими бойцами удалось вырваться из окружения. После долгих хождений по занятым врагом районам Левобережной Украины он пришел в свое родное село Литвиновичи и с нетерпением выжидал удобного момента, чтобы вновь примкнуть к партизанам.

Последний раз Павловского я видел примерно за год до войны. Он сильно изменился: виски поседел, полысел. Раньше Михаил Иванович, несмотря на свои пятьдесят лет, держался молодеца-

то, теперь же поблек, сутулится. Только глаза по-прежнему лучистые, добрые.

19 февраля. Наплыв добровольцев не ослабевает. Многие рассказывают, что оккупанты начали усиленную подготовку, чтобы в ближайшие дни разгромить наше соединение. Эти сведения подтверждаются и данными разведки. Она установила, что гитлеровское командование решило бросить на борьбу с партизанами регулярные части венгерской армии, следовавшие на фронт. Сосредоточиваются они в трех пунктах: Путивле, Глухове и Кролевце. План фашистов нам ясен: взять партизан в кольцо и уничтожить.

Мы решили дать бой врагу. Для этого у нас есть все: хорошо обученные люди и техника. К тому же надо показать оккупантам силу народных мстителей; пусть знают, что советский народ не стал на колени и будет стойко сражаться за свою свободу и независимость.

В Старую Шарповку прибыла из Путивля разведка противника численностью около тридцати человек. Группа кролевцевских партизан пыталась захватить их в районе села Чернобривкино, но они так быстро убежали, что догнать было невозможно.

21 февраля. Отряды продолжают расти. Принимаем только тех, кто имеет оружие, в котором чувствуется острая нехватка. Решили перейти в село Дубовичи Глуховского района. Прошлой осенью Красная Армия вела там тяжелые оборонительные бои, и, возможно, на месте боев удастся разыскать оружие, боеприпасы и снаряжение.

Вечером выступили на Дубовичи. По дороге уничтожили гарнизоны противника в Зазерках, Ярославце, Тулиголове и Вязенке. В Вязенке хлопцы взяли живым помощника начальника Глуховской полиции. На допросе он показал, что фашисты считают наше соединение регулярной частью Красной Армии, которой командуют генерал Ковпак и два старых большевистских комиссара Руднев и Панин.

Вскоре наша походная застава подбила машину офицера связи. В его сумке был найден приказ генерала Блаумана по 32-му и 46-му пехотным полкам 200-й мадыарской бригады, датированный 18 февраля 1942 года. В нем говорится, что «в с. Зазерки и его окрестностях находится сильный партизанский отряд в 400—500 человек, имеющий на вооружении 2 крупнокалиберных, 16 станковых и 25 ручных пулеметов, большое количество боеприпасов и винтовок, 3 дальнобойных орудия; каждое из них перевозится четырьмя лошадьми, большое количество гранат, 30 конников и столько же лыжников. Форма одежды смешанная. Есть в гражданской одежде, русской военной форме, немецком и венгерском обмундировании, некоторые с нарукавными знаками полицейских. В составе отряда — десантники, выброшенные самолетами из Москвы, пленные, бежавшие или отпущенные из лагерей, и местные коммунисты».

Далее в приказе ставилась задача — выследить, окружить и уничтожить отряд.

Приказ венгерского генерала и показания глуховского полицая подтверждают сведения нашей разведки о концентрации крупных сил оккупантов вокруг района действий соединения. В основном, гитлеровцы правильно информированы о наших силах и вооружении.

22 февраля. К нам в Дубовичи пришли секретарь Кролевецкого райкома партии Карп Игнатьевич Онопченко, коммунист Василий Монсеевич Кудрявский и два военнослужащих: летчик морской авиации Алексей Борисов и связист Валентин Подоляко. Они настойчиво просили помочь им в создании Кролевецкого партизанского отряда. При этом Онопченко убедительно доказывал, что кролевчане могут бить врага не хуже, чем глуховчане и шалыгинцы, которые имеют отряды, носящие имена своих районов, что в соединении есть много людей из Кролевецкого района.

С ними нельзя не согласиться. Решили немедленно организовать Кролевецкий отряд, наименовав его оперативной группой номер 12. Командиром назначили Кудрявского, комиссаром — Онопченко.

Много пережили эти товарищи, пока встретились с нами. Перед приходом оккупантов Кролевецкий райком партии организовал свой партизанский отряд, который начал успешно действовать. Но оккупантам с помощью предателя удалось завлечь его в ловушку и разгромить. Спаслись только Онопченко и Кудрявский. Не видя возможности продолжать борьбу у себя в районе, они решили перейти фронт. В Медвенском районе Курской области встретились с лейтенантом Борисовым и старшим сержантом Подоляко, которые тоже безуспешно пытались пройти на восток. Подоляко вышел из окружения с Приднепровья, Борисов — из Крыма, где был сбит его самолет. Решили действовать вчетвером. Провели несколько мелких операций. От населения узнали о нашем соединении, вот и пришли к нам.

Вид у Борисова далеко не летный. На нем порванная телогрейка с торчащими из дыр кусками ваты, на голове какая-то детская шапочка, на ногах лапти. Лицо заросло темно-русой рыжеватой бородой. В начале ноября 1941 года, будучи в составе эскадрильи штурмовиков, он вылетел с аэродрома Херсонес в Севастополе на очередное боевое задание. При штурмовке крупной колонны противника, прорвавшего Перекопские укрепления и двигавшегося на Севастополь, зенитный снаряд пробил бензобак, самолет загорелся. Борисов выпрыгнул с парашютом в тылу врага в районе города Саки. От преследования удалось уйти. В селе Ивановке его приняла семья колхозницы Ольги Лозенко. Преодевшись в гражданскую одежду, он стал продвигаться на Украину по Арабатской стрелке. Не доходя до Запорожья, встретился с Подоляко — смелым парнем из Клина, который отбил от своей части во время тяжелых боев при прорыве группировки противника, двигавшейся в направлении Донбасса. Дальше пошли вместе. Голодали, мерзли, прятались от шнырявших по всем дорогам отрядов немецкой полевой жандармерии, но упорно шли к фронту.

В районе Изюма Борисов заболел воспалением легких, а Подолько отморозил ноги. Вылечили их колхозники одного глухого хутора. И патриоты снова стали пробиваться к фронту. В районе Обояни они наткнулись на расположение передовых немецких частей и пролежали в снегу на морозе несколько часов. Обмороженные, едва добрались до села Гахова Медынского района. Здесь старый колхозник Матвей Зубарев выходил хлопцев и свел их с Карпом Игнатьевичем Онопченко.

Да, добры и отзывчивы советские люди. Они помогают воинам армии и нам, партизанам, всем, чем только могут. Рискуя жизнью, прячут и лечат раненых, больных и обмороженных, сами голодают, а делятся последним куском хлеба. Ни вислицы, ни издевательства, ни пытки — ничто не в силах сдержать их благородный патристический порыв помочь своей армии, Родине.

Вечером в штабе собрались командиры и комиссары отрядов. Всем хотелось торжественно отметить годовщину Красной Армии. Предложений было много. Некоторые предлагали дать бой венгерским частям, другие советовали провести торжественные собрания в селах. Я предложил устроить в Дубовичах парад частей соединения, о котором станет немедленно известно во всех примыкающих районах. Все со мной согласилось.

Вскоре после совещания ко мне прибежал только что вернувшийся из разведки Вася Войцехович. Он торопливо доложил, что мадьяры находятся в пятнадцать километрах от Дубовичей, расквартировались по хуторам и ждут сигнала для общего наступления. «Иди,— говорю ему,— сынок, спи спокойно», а он стоит, глазами моргает, не поймет в чем дело. Потом засмеялся, махнул рукой и ушел. Понял, что я обо всем уже знаю, значит, волноваться незачем.

23 февраля. Дубовичи — село большое, расположено вплотную к Слоутским лесам. В центре школа, двухэтажный клуб и сельсовет как бы обрамляют большую площадь. Вчера вечером по селу было широко объявлено, что утром 23 февраля на сельской площади состоится митинг и парад партизанских отрядов, посвященные 24-й годовщине Красной Армии. Несмотря на тридцатиградусный мороз, с рассветом сельская площадь стала заполняться народом. К девяти часам, началу парада, собралось около двух тысяч человек. На улице, примыкающей к площади, выстроились стрелки, автоматчики, пулеметчики, минометчики, лыжники, кавалеристы...

Село было украшено красными флагами. Я поинтересовался, откуда взяли колхозники столько красной материи. Оказывается, у них были надежно припрятаны красные флаги.

Командующий парадом Федор Горкунов громко отрапортовал:

— Представители частей соединения выстроены для парада. Охрана села обеспечена.

На покрасневших от мороза лицах колхозников — радость и гордость за нашу непокорившуюся Родину, за партизан.

После краткого приветствия стрелки, автоматчики и пулеметчики церемониальным маршем прошли мимо импровизированной

трибуны. За ними в четком строю проследовали в белых халатах лыжники. Через небольшой интервал пронеслась кавалерия, а за ней на санях-розвальнях проехали подразделения станковых пулеметов, ротных и батальонных минометов. Замыкала парад артиллерия.

Штабу было известно, что передовые части мадьяр, занявшие село Тулиголово, расположенное вблизи Дубовичей, выслали к нам нескольких лазутчиков. Чтобы создать у противника ложное представление о наших силах, мы называли наш парад не парадом соединения, как было в действительности, а парадом представителей его боевых частей. К пулеметчикам, артиллеристам я, например, обращался так:

— Приветствую в вашем лице все пулеметные подразделения, всю артиллерию и т. д.

У вражеских разведчиков сложилось впечатление, что соединение и его огневая мощь намного больше, чем они видели своими глазами. А видели они все, что у нас было,— шесть станковых пулеметов, два батальонных и четыре ротных миномета да две 45-миллиметровые пушки. Оговорюсь, что оба орудия, минометы и три пулемета были собраны партизанами. Их извлекли из-под снега на местах прошедших боев. Три других пулемета были захвачены при налетах на вражеские гарнизоны в селах клеvensькой поймы.

В результате противник отказался от немедленного наступления и начал подтягивать резервы. Мы же, в свою очередь, получили возможность принять бой не в районе Дубовичей, а на не выгодных для нас позициях, а заманить врага туда, откуда будет удобнее бить его.

После парада шалыгинские радисты организовали трансляцию радиопередачи из Москвы. Приемник работал прекрасно. Услышав голос московского диктора, колхозники тесно обступили трибуну. Радостно было сознавать, что Красная Армия гонит немцев из-под Москвы, а мы, маленькая ее частица, здесь, в глубоком тылу, взяли инициативу в свои руки и не даем покоя оккупантам ни днем, ни ночью.

Долго гроыхало «ура», раскатами переливаясь по селу и отзываясь в лесной чаще многоголосым эхом. Седобородые старики, женщины обнимались и плакали от радости, как дети.

24 февраля. Под утро в штаб прибежал разведчик Андрей Денисов. По расстегнутому полушубку, слепшимся от пота волосам на лбу, разгоряченному лицу было видно, что он добыл важные сведения. Действительно, в хутор Жуков ночью приехали 450 мадьяр, такое же количество солдат остановилось в хуторах Колошиновка и Покровское. Прибыли они из Зазерок и двигаются на Ярославец. В село Быстрик вступил сводный отряд мадьяр. Села Землянка, Черториги и Тарасовка тоже заняты вражескими частями.

На все направления возможных ударов противника мы выслали наблюдательные посты и установили заставу на дороге в село

Тулиголово. К 12 часам дня мадьяры начали наступление по дороге от хутора Жуков. Оперативные группы Саганюка и Пяташкина подпустили мадьяр на близкое расстояние и с закрытых позиций в упор расстреляли наступавшие цепи. Мадьяры в беспорядке бежали. Спустя два часа группа Остапенко точно так же встретила немцев и мадьяр возле села Ярославец. Разогнав вражескую колонну, партизаны отошли на основные позиции у села Дубовичи. В 15 часов мадьяры двинулись уже с восточной стороны. Их авангард почти подошел к крайним хатам, но, встретив решительное сопротивление партизан, вынужден был отступить к Тулиголово, а оттуда дальше, к Крелевицу.

Мадьяры хотя и отступили, но мы понимали, что дело имеем с сильным и упорным врагом. У них во много раз больше солдат, офицеров и вооружения. Чтобы как-то ликвидировать это превосходство врага, нам надо выбрать очень удачную позицию. Поэтому с наступлением темноты соединение выступило в направлении села Веселого Шалыгинского района. По дороге возле Землянки наша разведка столкнулась с разведкой противника. Из показания захваченного в стычке «языка» мы узнали, что весть о партизанском параде в Дубовичах уже дошла до немецкого командования. Первоначально оккупанты рассчитывали уничтожить нас в Дубовичах, но под впечатлением сведений лазутчиков окруженное лесом село показалось для них ловушкой. Потому, попав под пулеметный огонь застав, вражеские колонны быстро отступили.

26 февраля. Соединение вступило в Веселое. Здесь хорошие позиции для партизан и невыгодные для оккупантов. Фашистам придется наступать по открытой глубокой снежной целине.

Из захваченных у противника документов и показаний пленных мы узнали, что против нас действуют 105-я венгерская дивизия и части 200-й венгерской бригады, специально переброшенные на Украину с Курского направления. Немецкое командование внушало венгерским солдатам, что партизан бояться нечего, так как среди них нет людей, хорошо знающих военное дело, а большинство даже не умеет владеть оружием. В одном из документов оно прямо указывало, что «партизаны, как военные, ценности не представляют». Тем не менее, после парада в Дубовичах в секретных приказах, предназначенных для офицерского состава, силы партизан namного преувеличивались.

В новом приказе командующего действующей против нас группировки генерала Блаумана говорится, что мы являемся коварным противником и он, генерал Блауман, получил указание свыше уничтожить наше соединение в течение трех дней. Приказ требует, чтобы немецкие и мадьярские подразделения готовились к веселовской операции, как к большому и серьезному бою.

Это заставило нас еще и еще раз продумать все обстоятельства, связанные с предстоящим боем, подготовиться так, чтобы не только его выиграть, но и нанести противнику как можно больший урон.

27 февраля. Во всех направлениях от Веселого мы разослали оперативные группы. Одновременно с разведкой партизаны разгромили комендантские управления в двадцати селах. Захваченными трофеями пополнили боезапасы. К вечеру разведка донесла о подходе к Веселому со стороны Глухова и Путивля не менее полутора тысяч мажар и немцев с минометами и артиллерией. Преимущество врага в живой силе и технике было значительным.

Партизаны заняли круговую оборону и хорошо замаскировались, используя глубокий снег. Там, где это необходимо, прорыли траншеи, с тем чтобы можно было скрытно перегруппировать силы и выносить раненых. Протяженность оборонительных линий вокруг села была настолько велика, что у нас не хватило огневых средств для ее надежной защиты. Поэтому большую часть пулеметов и минометов оставили в распоряжении командира соединения, чтобы в нужный момент он мог быстро перебросить их на угрожаемый участок и добиться превосходства над противником.

Главную ставку мы сделали на засаду в лесу, у дороги, идущей из Шалыгина. Отсюда, по нашим данным, следовало ожидать основной удар противника.

В засаду направили Конотопский отряд во главе с Кочемазовым, Канавцем и секретарем Конотопского подпольного райкома партии Петрикесом. Отряду придали группу путивлян под командованием Цимбала с минометным расчетом и несколькими станковыми пулеметами.

Важное значение придавали мы обороне хутора Байдаров, что на северной окраине Веселого. Из хутора хорошо простреливаются подступы к селу. Если противнику удастся захватить хутор, то он может создать серьезную угрозу для всей нашей обороны. Защищать хутор поручили одному из опытейших командиров — Михаилу Ивановичу Павловскому.

Южную окраину Веселого со стороны Путивля прикрывает четвертая оперативная группа Пятышкина, на юго-востоке занял позиции Глуховский отряд Кульбаки, на юго-западе — шалыгинцы Саганюка. Оборона центра села возложена на группы Кирилленко и Карпенко.

Таким образом, на направлениях возможных ударов врага поставлены смелые и инициативные командиры, понимающие сложность и ответственность обстановки.

28 февраля. Ночью, накануне боя, стояли мы с Рудневым на крыльце дома, в котором расположился штаб, и напряженно прислушивались к стрельбе, доносившейся со стороны Шалыгина. Терялись в догадках — кто и с кем сражался? Ведь наши группы собраны в Веселом.

Вскоре все выяснилось. В штаб пришел Войцехович, который со взводом конной разведки вместе с группой Павловского ходил на разгром полицейского гарнизона в селе Сварковом, что в семи километрах от Глухова, на шалыгинском шляху. Выставив заставы у северной и южной околиц, партизаны вступили в село. Полицейские, не приняв боя, сдались. Чтобы вымолить пощаду, они пока-

зали амбар, в котором спрятался староста. Нашли его хлопцы в пухом закроме, перепачканного мукой.

В центре села, возле школы, стояла виселица. На толстом дубовом столбе пятиметровой вышины, поблескивая на солнце, маячил никелированный кронштейн. Система блоков, старательно пригнанная к светло-желтой поверхности столба, изгибом переходила в ровное поперечное плечо, на котором покачивалась веревка с петлей. На блоках и кронштейне виселицы серийного производства — клейма завода Круппа.

Войцехович спросил старосту:

— Сколько ты, мерзавец, здесь людей перевешал?

Предатель с перепугу заикался, лебезил, словно перед ним стоял гитлеровский лейтенант:

— Даю слово, герр-лейтенант, еще никого не успел повесить. Ее только испытали вчера. Господин герр-комендант Глухова сами опробовали. Тут был у нас дед Архип, уже совсем глупый старик, ему лет девяносто. Когда ставили, он непочтительно о господине фюрере, о Гитлере отозвался, простите, по матушке, и самого господина коменданта иродом назвал. Так они улыбнулись и приказали надеть деду петлю на шею, а дед вовсе из ума выжил да как закричит: «Все равно вас всех гадов фашистских Ковпаки перебьют!» Ну, тут герр-комендант пальчиком вот это колечко вниз потянул, и дед сразу к самому верху подскочил, царство ему небесное.

Механизация, ничего не скажешь... Виселицу хлопцы срубили, а староста получил заслуженную кару.

Возвращаясь из Сваркова, группа Павловского едва не столкнулась возле Черневого с батальоном мадьяр, который из Глухова шел в Шалыгино на соединение с немецкими частями. На горке наша походная застава и встретилась с мадьярской. Расстояние между ними не превышало сотни метров. А невдалеке двигались основные силы мадьяр. Вот они уже совсем близко, их много, но не стреляют. Очевидно, хотят переловить партизан, как котят, живыми.

Войцехович выпрыгнул из саней и с колена дал по наступающим несколько коротких автоматных очередей. Мадьяры приостановились. Василий на ходу вскочил в сани. Лошади понеслись галопом. А им вдогонку летел рой пуль. Повезло ребятам: вырвались из столь сложного положения без потерь.

Примерно в это же время в противоположной стороне пять наших разведчиков обстреляли шедшую из Шалыгина роту гитлеровцев. Старший группы сержант Федор Мычко, исделю назад пришедший к нам в соединение и уже успевший показать себя воином смелым и сообразительным, выбрал удачную позицию на опушке леса. А путивлянин Андрей Денисов зашел во фланг фашистов, зарылся в снег и резанул по развернувшимся в цепь вражеским солдатам очередью из ручного пулемета. Из Шалыгина на подмогу своей роте поспешили другие подразделения немцев, а от Черневого — мадьяры. В предрассветной тьме союзники дви-

гались навстречу друг другу. Они завязали между собой бой, думая, что колотят партизан. А партизаны, улучив момент, благополучно ушли в лес.

Снова и снова обсуждали мы с Рудневым мельчайшие детали подготовки к обороне. Оно и понятно: соединению предстояло выдержать небывалый бой. Он будет отличаться от фронтового только тем, что у нас нет ни тыла, ни соседей справа и слева, а есть только сплошное кольцо коварного и жестокого врага. Победа или смерть. Третьего пути не дано.

1 марта. Вчера, в 9 часов утра, около полутора тысяч мадьяр с пулеметами, минометами и 45-миллиметровыми орудиями повели наступление на Веселое. Они двигались по склону косогора извилистыми цепями и, беспорядочно стреляя на ходу, вплотную приблизились к южной окраине села. Семен Васильевич Руднев, по установившейся в соединении традиции, приказал подпустить противника на близкое расстояние и бить без промаха.

С командного пункта мне отчетливо видны цепи противника. Вражеские солдаты, утопая в снегу, сначала шли шагом, потом побежали. Уже слышны их гортанные лающие крики, видны перекошенные злобой и страхом лица, а партизаны молчат. Нечеловеческую выдержку проявили хлопцы. И вдруг в одно мгновение ожила, загремела оборона, залились в дробном стуке пулеметы, затрещали автоматы, ухнуло первые разрывы мин. Огневой удар партизан был настолько ошеломителем, что ни артиллерия, ни минометы врага не смогли помочь его пехоте закрепиться вблизи наших позиций. Снаряды и мины рвались повсюду — и на сельских улицах, и во дворах колхозников, но вреда нам не причиняли.

За первой цепью в атаку пошла вторая. Комсомолец-пулеметчик Павел Лучинский открыл огонь, подпустив врага почти вплотную. Как снопы валились оккупанты, подкошенные пулями. Уцелевшие хлынули было назад, но и их настигли пули лихого партизана. Метко стрелял Павел даже на значительное расстояние. Позже бойцы насчитали на его участке около ста трупов врага.

Политрук Яков Беляев вместе с сержантом Паникаровым сменили позицию станкового пулемета и с левого фланга ударили по второй цепи наступающих. По ее центру метко бил из «максима» свердловчанин Петр Шведов, а справа яростный огонь обрушили бойцы девятой группы во главе с Федором Бываловым.

Поразительную выдержку проявил молодой лейтенант Иван Сафонов. На его участке пьяные захватчики лезли вперед, как одержимые. Бойцы нервничали, а он, раненный в руку, задорно шутил. Выбили они из врагов хмель, да так, что ни хмеля не осталось, ни потомства не будет.

Разведчики доложили, что с юга на партизан движется сравнительно небольшая группа противника, примерно до трехсот солдат. Ее задача — отвлечь наши силы на южную окраину, а главный удар нанести с севера. Теперь же, когда на южной окраине шел тяжелый бой, на севере почему-то было тихо.

Снежное поле южной стороны густо пестрело пятнами грязно-зеленых шинелей убитых и раненых врагов. Партизаны-ловички, еще не имевшие оружия, бросились туда за трофеями. Закон войны суров: нечем драться — не выживешь.

После короткой передышки противник снова пошел в атаку под прикрытием огня из всех видов оружия. Напряжение боя нарастало. И вот тут-то со стороны Шалыгина на подводах подъехало до пятисот вражеских солдат. Они быстро развернулись и повели наступление на село, загибая фланги, чтобы соединиться с южной группой. Это была главная группировка противника.

Руднев, как всегда, выходил на самые открытые места. Из-за этого мы вечно с ним ссорились. Оправдываясь, он обычно говорил, что так ему лучше видно противника и можно точнее указывать пулеметчикам цели. Семен Васильевич воюет по принципу — командир во всем должен быть примером бойцу. Он не любит тех, кто браврирует своей храбростью, хотя в трудные моменты, когда нужно подбодрить людей, сам ходит под пулями во весь рост. Но трудных моментов у нас бывает очень много, и мне постоянно приходится волноваться за него. До этого дня ему везло, а вот в веселовском бою комиссар тяжело пострадал: пуля вошла под левым ухом и вышла под правым, разворотив челюсть, небо и язык.

Когда Панин и сын Руднева Радик несли его по селу с окровавленным лицом, кто-то крикнул: «Комиссара убили!» Но он был жив. Во время перевязки Семен Васильевич потерял сознание и выронил автомат. Радик решил, что отец умер, схватил его оружие, быстро выскочил из хаты и ринулся в самую гущу боя. Мальчика едва удалось остановить.

Улучив минуту, я забсжал в санчасть. Партизанский врач Дина Маевская хлопотала возле раненого. Семен Васильевич лежал на соломе. Шапка, гимнастерка, шинель, брюки — все в крови. Но вот он пришел в себя и начал шарить рукой вокруг — искал автомат. Дина сказала, что его взял Радик, и протянула Семену Васильевичу его парабеллум. Ведь фашисты были всего в полутора метрах от санчасти. Из рта комиссара, когда он пытался что-то говорить, брызгала кровь. Я успокоил его:

— Лежи, все в порядке, бой идет так, как мы с тобой предвидели.

Он гораздо легче переносил адскую боль, чем сознание того, что в критический для соединения момент вышел из строя.

Партизаны хорошо понимали своего комиссара и старались всячески его успокоить. При первой возможности люди забегали в санчасть, чтобы сообщить, что оборона держится стойко. Но он всем показывал рукой — не сиди возле меня, беги, мол, туда...

Вторая группировка противника, прибывшая из Шалыгина, всей своей силой обрушилась на хутор Байдаров, который обороняла группа Павловского. Хутор горел, патроны у бойцов были на исходе, но держались они стойко. Павловский уже дважды был ранен. Кролевецкий коммунист Подуремя, тоже раненый в ногу, перетаскивал на себе истекавшего кровью командира с места на

место, подальше от огня, который пожирал одну постройку за другой. Командира прикрывал сержант-разведчик Федор Комнатный. Увидев на лице и груди Федора кровь, Павловский предложил ему идти в санчасть, но тот хладнокровно ответил:

— Нас и так мало, а уйду, еще меньше будет. Нужно биться до конца.

Воодушевленные героизмом Павловского, партизаны стояли насмерть. Политрук Михаил Иванович Жук с семью бойцами выдержал и отбил атаку более сотни мадьяр. Партизаны Гаркавенко, Мирошниченко, Пыжов, Денисов, Мычко не отошли ни на шаг с занимаемых позиций и уничтожили свыше сорока вражеских солдат.

В самую тяжелую минуту боя, когда, казалось, враги вот-вот ворвутся на хутор, мадьярский пулеметчик ударил по нашим с фланга. Его огонь был настолько сильным, что партизаны не могли и головы поднять. Тогда командир отделения Виктор Хабаров и комсомолец Василий Чусовитин подползли к вражескому расчету, благо снег был глубокий. Мадьяры заметили бойцов, но было уже слишком поздно. Автоматные очереди Чусовитина уложили их на месте. Захватив пулемет, Хабаров застрочил по напавшим врагам. Атака захлебнулась.

Прибежавший ко мне с хутора связной доложил, что на каждого бойца осталось всего по двенадцать патронов. Но что я мог сделать? Патронов в резерве не было. Написал записку: «Держитесь, товарищ Павловский, заставьте противника залечь, морозьте его на снегу, добывайте патроны у врага».

В центре обороны мадьяры шли тремя цепями. Местность открытая, все видно как на ладони. На снегу четко вырисовывались фигуры солдат. Было ясно: они ринулись в психическую атаку. Партизаны глубоко зарылись в снег, укрылись за сараями, хатами и, тщательно целясь, чтобы ни один патрон не пропал даром, били наступающих на выбор. А они шли по открытому полю и стреляли наугад.

И все же группа мадьярских автоматчиков просочилась на территорию хозяйственного двора колхоза, совсем близко от хаты, в которой располагалась санчасть. Шальные пули врзались в стену, попадали и в окна. Старшина Николай Бардаков, находившийся на наблюдательном пункте, на крыше соседней хаты, почти в упор расстрелял мадьярского офицера, который вел эту группу солдат. Потеря командира вызвала замешательство среди мадьяр, чем и воспользовался Бардаков. Он перебежал через двор, взобрался на крышу сарая и начал поливать мадьяр короткими очередями из ручного пулемета. На помощь отважному старшине подоспели бойцы Глуховского отряда Маркин и Кокин, отделение Афанасия Бывалина, мой адъютант Политуха, включились в дело штабисты, повар, ездовой. На этот раз не смогли удержать и сына комиссара Радика. Медфельдшер Наташа Ильенко притащила на себе в санчасть смертельно раненного командира отделения Василия Павлова и, взяв его автомат, тоже ринулась в бой.

Общими усилиями прорвавшаяся группировка была уничтожена. На снегу осталось шестьдесят три вражеских трупа. А Наташа Ильенко умудрилась захватить в плен мадыарского солдата.

Не легче была обстановка противника на участках обороны Кирилленко и Карпенко. Несмотря на огромные потери, враги не отступали, чувствовалось, что они ждут подкрепления. Воинское мастерство и храбрость проявил здесь младший лейтенант Иван Акименков. Со своим отделением он защищал очень важную для нас высоту на краю села. Заняв ее, противник имел бы господствующее положение. Это понимали партизаны. Понимали и мадыары.

Потеряв убитыми более тридцати человек, они продолжали упорно штурмовать отделение Акименкова. И вдруг замолчал наш станковый пулемет, прикрывавший высоту. Федор Горкунов и Василий Комов по-пластунски добрались до него. Оказалось, что пулеметчики убиты, а пулемет заклинило. Устранив неисправность, они полоснули очередью по надвигавшейся цепи солдат и заставили их залечь.

Положение несколько исправилось, но перевес сил у наступающих был чересчур велик. Пришлось идти на крайнюю меру — бросить на вырубку минометно-пулеметную группу Корнева.

Первыми двумя минами минометчики Ефим Кушнир и Петр Гаркавенко подавили неприятельскую пулеметную точку, бившую по центру нашей обороны. Пулеметчики Сергей Горланов и Владимир Кислов, выдвинувшись вперед, заставили залечь третью вражескую цепь, уже достигшую крайних хат села.

Мороз был — тридцать пять градусов с ветерком. Лежать в такую пору на открытом наветренном косогоре — дело гиблое. Гитлеровцы замерзали на наших глазах.

К 15.00 со стороны леса начала подтягиваться третья группа противника. И снова поднялись в атаку солдаты первых двух группировок. А у нас уже почти не было патронов. Кое-кто из товарищей начал волноваться...

Укрывшаяся на опушке северо-восточнее хутора Байдарова засада ожидала сигнала с командного пункта. Я медлил. Нужно было выждать, когда прибывшая группировка подставит свой фланг под огонь засады. Это был наш последний резерв, и допустить ошибку значило проиграть бой, погубить все соединение.

Наконец долгожданный момент настал. Каратели развернулись точно так, как я предполагал. По моему сигналу Кочемазов и Цимбал ударили во фланг развернувшейся колонны противника и по его обозу. В первые же минуты пулеметчики лейтенанта Цветкова и Федорова вывели из строя десятки карателей. Фашисты метнулись вправо и снова попали под шквальный пулеметный огонь Сергея Абрамова, который с пятью товарищами прикрывал фланг группы Цимбала и Кочемазова. Началась паника. Бросая оружие и раненых, фашисты бросились бежать.

Из дневника мадыарского офицера, которого в последние минуты боя подстрелил и притащил на себе в штаб соединения летчик

Борисов, мы узнали, что нашу засаду противник принял за парашютный десант Красной Армии. «Когда батальоны стали отходить от Веселого,— писал этот офицер,— русские самолеты высадили в тылу у нас десант». Этими предположениями врага очень гордились бойцы. В шутку они стали называть себя парашютистами, а Канавец, доставший еще два месяца назад петлицы авиадесантных войск, чувствовал себя буквально именником. Ведь уже дважды — в Дубовичах и в Веселом — противник был введен в заблуждение этими петлицами.

Бой был выигран. Противник бежал от Веселого, оставив на поле убитыми и замерзшими более шестисот человек. Дорогой ценой досталась нам эта победа. Смертью героев погибло немало отважных партизан. Среди них комиссар Глуховского отряда — стойкий большевик и талантливый агитатор Александр Павлович Белявский, герой гражданской войны Семен Емельянович Ракитин, путивляне Корч, Кугат, Самко, Василий Лебедев из Куйбышевской области, горьковчанин Борис Морозов, Романцов и Постников из Кноровской области. Умерли от ран Тараканов, Харин, Ильющенко, Павлов.

Жалко, очень жалко товарищей, но что поделаешь. Добыть победу без крови нельзя.

В Хинельских лесах

3 марта. Вчера, как только сгустились сумерки, поднялась вьюга. Мороз к ночи стал еще злее. Усталость после дневного боя валила людей с ног. Но не об отдыхе думали мы, а о том, как незаметно уйти из Веселого, запутать следы и оторваться от противника. Если не уйдем, то утром враг ринется в бой с новыми силами, а нам драться нечем: нет снарядов и мин, на каждый автомат осталось всего по неполному диску патронов, а на винтовку — по обойме. Пришлось дать команду всем отрядам и боевым группам выстроиться в походную колонну и двинуться на Бруску. Впереди пошли разведка и головная походная застава, по бокам боевые охранения прикрывают арьергард.

Петляя по проселочным дорогам и снежной целине, мы прошли мимо Софневки, Ревякина, Малушина и остановились на дневку в Брусках. Задуманный маневр осуществился. Каратели отстали.

Недалеке от Брусков расположена деревня Мойсеевка. В ней скрывалась жена комиссара Руднева Домникия Даниловна с семилетним сыном Юриком. Когда Семен Васильевич был здоров, ни у кого не возникло мысли, чтобы забрать их в соединенье. У всех было свое горе. Семьи очень многих партизан находились либо в оккупированных врагом селах и городах, либо вообще неизвестно где. Теперь же, видя страдания тяжело раненого комиссара, было решено сделать так, чтобы его верный друг — жена находилась рядом с ним.

Среди ночи Горкунов, Радик и два пулеметчика ворвались на сани в Мойсеевку и подняли с постели Домникию Даниловну с Юриком. Выехав из села на косогор, они дали несколько пулеметных очередей по немецкой управе. Над селом взвилась ракета. Тревога! Заработали минометы. Но всё впустую. Смельчаки, перевалив за горку, рысцой поехали дальше. К утру Домникья Даниловна и Юрик были в Брусках.

Нужно отдать должное выдержке этой скромной женщины. Видя тяжелое состояние Семёна Васильевича, она сумела взять себя в руки, не выдала тяжелых переживаний и делала все, чтобы муж как можно быстрее выздоровел.

Трудно работникам медсанчасти лечить больных и раненых в наших условиях. К тому же иногда необходимо проконсультироваться, особенно по поводу сложных ранений, с другими, более опытными врачами. А где их взять? И все же партизаны попросили меня найти такого врача, с которым можно было бы посоветоваться о ранениях Руднева и Павловского.

По сведениям связных, в Хуторе-Михайловском жил прекрасный хирург Самохвалов. Но хутор этот занят фашистами. Надо было выкрасть врача у немцев. Похищение его поручили командиру четвертой оперативной группы Пятышкину. Он с радостью взялся выполнять это поручение. С Рудневым его связывала боевая партизанская дружба. С первых дней войны они вместе, сначала в Новослободском лесу, теперь — в объединенном отряде, который стал именоваться соединением. Комиссар помогал Павлу Степановичу Пятышкину, типичному представителю сельской интеллигенции, овладевать военным мастерством. За короткий срок Пятышкин превратился из мирного сельского учителя в боевого партизанского вожака.

Много пришлось пережить пожилому доктору в памятную зимнюю ночь, когда к нему в дом явились вооруженные люди и потребовали немедленно собираться. Только в пути, убедившись, что имеет дело с советскими партизанами и что ему никто не хочет сделать ничего плохого, он пришел в себя. По прибытии в соединение доктор сразу же приступил к делу. Вместе с врачом Масвской осмотрел раненых, дал ценные советы. К утру Григорий Иванович Самохвалов с увесистым узлом продуктов, которые вручили ему партизаны, был благополучно доставлен домой.

4 марта. Вернулся из разведки Ефим Федоров с двумя товарищами. Они были оставлены для наблюдения за действиями противника в районе села Веселого. Разведчики рассказали интересную историю. Утром, после нашего ухода, гитлеровцы и мадяры вошли в село. Они мобилизовали все население на рытье могил. В полдень устроили похороны. Но в это время в чистом морозном небе появились три немецких бомбардировщика, которые приняли траурную процессию своих собратьев за колонну партизан и добросовестно разбомбили их. Количество гробов и могил увеличилось.

Хлопцы передали мне дневники убитых ими офицера и ефрей-

тора. Вот что писал офицер: «1 марта батальон отошел в Холопов, где хоронили убитых. Германские самолеты бомбили Веселое, но партизан там уже не было, зато сильно пострадали наши части. Только в нашем подразделении убитых трое и десять ранено».

В дневнике ефрейтора значилось: «28.II.42 года в 5 ч. 15 м. мы вели перестрелку с партизанами в Черневом. Оттуда двинулись на Шалыгино, где у нас завязался бой с немцами, которые приняли нас за партизан. Из Шалыгина пошли на Веселое и в 9 ч. 15 м. вступили в бой, который длился до 20.00.

Батальон понес очень большие потери. В 3-й роте убито 13, ранено 28, во 2-й роте убито 11, ранено 29, в 1-й роте убито 9. С наступлением темноты мы ушли на Путивль. В Веселом было очень много партизан».

Догоняя соединенные, наши разведчики в селе Анатолевке встретились с вражеской разведкой. Их было 12 человек. Пришлось принять бой. Трех фашистов убили, одного пленили. Он рассказал, что оккупанты расположились в Шалыгине и Глухове и подтвердил имеющиеся у нас сведения о потерях фашистов в vessловском бою.

Конная разведка доложила, что оккупанты мобилизовали все подводы чуть ли не во всем Шалыгинском районе и теперь колоннами движутся на Бруски. Село Неониловка, через которое мы рассчитывали пройти в Хинельские леса, занято противником. Пришлось на ходу менять маршрут.

Из Брусков мы вышли к Новой Слободе, а там направились на Стрельники. Остановились на дневку в Ротовке, затем двинулись дальше на Волокитино, Сутиски, Тулиголово, Землянку.

5 марта. День провели в Гуте. С наступлением темноты двинулись мимо Собичева, Гремячек, Воздвиженского. Утром расположились в Говорунах. Возле этого хутора наш авангард столкнулся с немецкой разведкой и полностью уничтожил ее.

6 марта. Вечером мы проследовали через Горелые Хутора и Никитовку и поздней ночью скрытно подошли к селу Свесса. Оперативные группы Карпенко, Пятышкина и Кудрявского под общим командованием Бордашенко быстрым броском ворвались в центр села и разгромили застигнутый врасплох гарнизон противника.

7 марта. Соединение достигло зоны Хинельских лесов. Остановились в Родионовке. Была сильная метель. Партизанам разрешил отдохнуть, ибо в такую погоду гитлеровцы не отважатся преследовать нас.

Лучшие хаты отвели под походный госпиталь. С Базымой и Паниным проведан раненых. Медики самоотверженно борются за их жизнь. У бойца Тимофеева началась гангрена руки. Врач Мавевская решила ее ампутировать, хотя не имела для этого ни соответствующего хирургического инструментария, ни анестезирующих средств. При керосиновой лампе, простой пожовкой да самодельным ланцетом, промытым в самогоне-перваке, она отрезала ему руку. Раненый мужественно перенес операцию, которая прошла благополучно.

Штаб подвел итоги боевой деятельности соединения с 20 ноября 1941 года по 5 марта 1942 года. Отмечая доблесть и мужество, проявленные личным составом в боях с немецко-фашистскими захватчиками, командование представило к награждению орденом Ленина Руднева, Курса, Островского, Юхновца и Павловского, орденом Красного Знамени — Коренева, Базыму, Карпенко, Цимбала, Панина и других. Всего более ста человек было представлено к правительственным наградам.

По пути следования отрядов и особенно здесь, в Родионовке, в соединение вступило много добровольцев. Ни лютый мороз, ни метель не останавливают людей, решивших бороться за свободу Родины. В большинстве это колхозная молодежь и военнослужащие, попавшие в окружение. Есть участники гражданской войны и даже совсем пожилые люди, воевавшие еще в 1904 году у стен Порт-Артура. Среди них Петр Петрович Королев 1878 года рождения, Федор Филиппович Дроздов 1879 года рождения, Агафья Матвеевна Решетняк 1886 года рождения, а также Велос, Жарников, Зинченко, Иванько, Макаренко, Стариков, родившиеся в 90-х годах прошлого века. Ненависть к завоевателям, неодолимое желание скорее очистить от оккупантов свой поруганный край привели их в партизаны. Многие принесли оружие: кто берданку, кто охотничью двустволку, кто автоматы немецкого производства.

Необходимо срочно вооружить новое пополнение, ведь около ста человек не имеют оружия. Поэтому мы вынуждены передислоцироваться в район села Хвощовка Севского района. Там в конце 1941 года происходили большие бои и под снегом может быть оружие и боеприпасы.

8 марта. Вчера из села Ломленки приезжали связные Хомутовского отряда. Старший связной — старый наш знакомый Попков — на совещании в штабе рассказал, что отряд их вырос и окреп, смело нападает на вражеские гарнизоны, устраивает засады на дорогах, проводит диверсии. Командование отряда перешло от Попкова к Покровскому — боевому и энергичному офицеру Красной Армии. Хомутовцы давно мечтали совершить налет на железнодорожный узел Хутор-Михайловский, но им одним это не по силам.

Мы решили помочь соседям. Хомутовскому отряду выделили группы Пяташкина и конную разведку. Ночью Покровский со своими и нашими партизанами вплотную подошел к Хутору Михайловскому. По сигналу ракеты они рванулись вперед и с ходу овладели железнодорожной станцией.

13 марта. В течение трех суток соединение двигалось по маршруту: Родионовка — Ломленка — Хинель — Хвощовка. Шли мы по селам зоны Хинельских лесов и радовались большому изменению, происшедшим за два месяца. До этого хинельские партизаны жили в лесных труппах, боялись показаться в селах. Теперь же здесь настоящий советский партизанский край, который располо-

жен треугольником в стыке Сумской, Курской и Орловской областей.

Небольшие партизанские группы, оставленные нами во время первого посещения этих мест, выросли в крупные отряды. Здесь успешно действуют Хомутовский, Эсманский, Севский, Ямпольский отряды, а также отряд, сформированный из военнослужащих во главе с офицером Гудзенко. В этих отрядах по триста и более человек. Все они поддерживают постоянную связь между собой и отрядами партизан Орловской области, базирующимися в южной зоне Брянских лесов.

Наш приход в Хинельский партизанский край совпал с подготовкой гитлеровцев к большой операции против партизан этой зоны. Перед началом общего наступления ряды противника были усилены частями 105-й венгерской дивизии, которая пришла вслед за нами из Путивльского района. Намереваясь блокировать Хинель и отрезать партизанам путь на Брянщину, оккупанты расставили заслоны и засады между Хинельскими и Брянскими лесами.

У советских партизан выработалось неписаное правило: в случае проведения гитлеровцами крупной карательной операции против одного или нескольких партизанских отрядов все отряды и соединения, находящиеся по соседству, образуют единый штаб, который оперативно руководит боевыми действиями. Сложная обстановка и прямая угроза окружения потребовали создания такого штаба и в Хинельских лесах.

19 марта. Вот уже четыре дня партизаны от темна до темна ищут под снегом оружие. На полях, в долинах, в ярах, в лесу набрали несколько десятков винтовок и более 15 тысяч патронов. Оккупанты уже закончили перегруппировку своих сил. На дальних подступах к Хинелю завязались бои. По данным разведки Хомутовского отряда, села Старшее, Седино и поселок Старшенькое заняты гитлеровцами.

Объединенный штаб зоны Хинельских лесов поручил Хомутовскому партизанскому отряду под командованием майора Кочуры уничтожить там фашистов. В помощь ему выделена оперативная группа во главе с Кульбакой и Курсом, усиленная одним батальонным минометом и 45-миллиметровой пушкой. На рассвете они отправились в расположение Хомутовского партизанского отряда. Туда же вышли оперативные группы — одна Эсманского отряда в количестве семидесяти человек, две Копыненского и Дмитриевского отрядов.

Совместными усилиями гитлеровцы были разгромлены. Но и партизаны понесли большие потери. Нашу разведку гитлеровцы пропустили к поселку, а когда к месту засады подошла вся группа, они открыли пулеметный огонь. Погибли двенадцать человек, в том числе помощник начальника штаба соединения Николай Михайлович Курс. Тяжело смириться с мыслью, что больше нет среди нас этого мужественного человека, настоящего коммуниста. Хлопцы в шутку называли его профессором минного дела.

Несмотря на огромную занятость по штабу, ни одна ответственная операция по минированию не проходила без его участия. Каждую свободную минуту Николай Михайлович возился с минами: то сам изучал какую-то новую систему, то объяснял товарищам «тайны» только что познанного минного механизма. Частенько Базыма с опаской поглядывал поверх очков на своего помощника и, тяжело вздыхая, говорил: «Ох, Николай, чувствует мое сердце, что свонми минами ты отправишь всех нас на небеса».

Воевал он отчаянно, бил оккупантов беспощадно, всегда рвался в самую гущу боя.

20 марта. Во второй половине дня на дороге к Воскресенке Севского района, где расположился Конотопский отряд, показалась толпа женщин, стариков и детей. Они бежали со стороны Севска. Там фашисты жгут дома, все уничтожают на своем пути.

Учитывая, что враг имеет большой перевес в силах и технике, конотопцы, не приняв боя, отошли к хутору Слепухино и заняли оборону. Этот отход партизан противник принял за отступление. Главные силы его находились в Воскресенске, а авангард двигался к хутору. Обнаглевшие в расправах с мирным населением венгерские фашисты шли беспечно, даже не выслав разведку. Партизаны под командованием Гаврилова и Кочемазова кинжальным огнем и в рукопашной схватке уничтожили их. На месте боя осталось 39 трупов и 25 тяжело раненных фашистов. С нашей стороны пали смертью храбрых Сухопарский, Холбунов и Ювко.

Вскоре у хутора Слепухино гитлеровцы повели наступление со стороны Лемешовки на наши главные силы, расположенные в Хвощовке. Здесь их встретили партизаны Саганюка, Кульбаки и Лысенко. Группы бойцов под командой Хмары, Шишова и Хоменко с близкого расстояния внезапно обрушили на врага шквальный огонь из пулеметов и вынудили его залечь. Орловчанин Михаил Жук предложил повторить испытанный в веселовском бою метод — не давать врагам подниматься, морозить их на снегу. Разумный совет бойцы восприняли как команду. Стояло мадырам поднять голову, как сразу же по ним открывали сильный огонь. Таким образом, при тридцатипятиградусном морозе они пролежали на снегу три часа. Потеряв 154 человека убитыми, хортисты отступили. Но в 15.30 снова пошли в атаку. На левый фланг обороны Шалыгинского отряда при поддержке двух крупнокалиберных пулеметов, установленных на высотках, наступало до трехсот фашистских солдат. Враг рассчитывал штурмом ворваться в село, но в самом начале боя один вражеский пулемет был подавлен нашими минометчиками, а через полчаса замолчал и второй.

Искусно используя складки местности, помощник начальника штаба Шалыгинского отряда Григорий Лукич Якименко подполз к вражескому пулемету и из автомата уложил расчет, состоявший из четырех унтер-офицеров. Быстро развернув пулемет, он ударил по мадырам. В стане врага поднялась паника. Воспользовавшись

ею, Саганюк поднял отряд в контратаку, опрокинул противника и погнал его на Лемешовку.

К концу дня на участке отряда Саганюка со стороны Лемешовки противник предпринял новую атаку, но и она захлебнулась. С наступлением темноты фашисты отошли на исходные позиции, потеряв на поле боя 109 человек убитыми, в том числе четырех офицеров.

21 марта. Боец Василий Желябовский под Слепухином взял в плен румынского ефрейтора. На допросе в штабе пленный рассказал, что румынские солдаты не хотят воевать за Гитлера. Немцы им не доверяют, относятся очень плохо, издеваются. Получен приказ самого Гимmlера немедленно уничтожить партизан в Хинельских лесах. Ожидается подход новых гитлеровских частей.

Показания румынского ефрейтора подтверждались всем поведением противника, который вскоре предпринял широкие наступательные операции. В Хинельских лесах настали тяжелые дни. По решению командиров и комиссаров партизанских отрядов зоны Хинельских лесов деятельность объединенного штаба была прекращена. Всем отрядам предписано отойти на север в Брянские леса. Другого выхода не было.

Наше соединение под прикрытием Конотопского отряда выступило из Хвощовки по направлению Алешковичей. На следующий день против нас начала действовать гитлеровская авиация. Передвигались только ночью. Но вот разведка установила, что на нашем пути вражеское командование выставило заслоны и засады. Решили изменить маршрут движения отрядов на Грудскую, Рижковичи, Ситное, Каменку, Пигаревку. Послали связанных в Ямпольский, Севский и Хомутовский отряды, которые шли вслед за нами, чтобы предупредить их об опасности и помочь выйти из окружения по проверенному нами пути.

24 марта. Ранним утром соединение вошло в село Пигаревку и расположилось на отдых.

26 марта. Получили сведения от Григория Яковлевича Базымы, выехавшего вчера на разведку маршрута до Старой Гуты. Он сообщил, что вражеских войск нет, путь свободен, а лесное село Старая Гута, насчитывающее до 380 дворов, удобно для обороны и размещения всех отрядов и обоза. Село находится на опушке огромного массива Брянских лесов, на самой северной точке Украины. Справа в соседних селах Белоусовке и Стягайловке может расположиться Хомутовский отряд, слева в селе Новая Погощь — отряд Гудзенко, а на западе, ближе к Десне, — Эсманский и Ямпольский отряды. На северо-востоке от нашей группировки на берегах Нерусы стоят отряды Сабурова и орловских партизан.

27 марта. Старую Гуту партизаны нашего соединения, наверное, запомнят на всю жизнь. Хороший, радушный живет здесь народ. Все без исключения жители села не только сочувствуют партизанам, но и помогают всем, чем могут.

Не успели мы разместиться, как в штаб стали прибывать добровольцы. Принимаем прежде всего бойцов и командиров Красной

Армии, скрывающихся после выхода из окружения у местных жителей.

28 марта. На подходах к селу выставили заслоны и дозоры. Разведчики отправились по селам и в райцентры. Оперативная группа капитана Бордашенко совершила налет и разгромила гарнизон противника в местечке Глазово Брянской области. Весь остальной личный состав соединения занят учебой. Каждая минута свободного времени используется для изучения оружия и тактики боев в тылу врага. Люди должны знать технику противника лучше отечественной, ибо наше соединение вооружено главным образом трофейным оружием, а оно у фашистов разное. Тут и бельгийские пистолеты, французские винтовки, финские автоматы, чешские пулеметы, итальянские гранаты и даже японские пушки. Ведь на гитлеровскую Германию работает вся европейская военная промышленность.

30 марта. Минеры взорвали железнодорожные пути узкоколейной дороги между станциями Зерново и Гута и железнодорожный мост на двадцатом километре от Середина-Буды.

1 апреля. Получив передышку, мы приняли все меры к тому, чтобы лучше организовать тыловые службы и шире развернуть массово-политическую работу среди населения.

Сводки Совинформбюро, которые мы теперь принимаем регулярно, размножаем не вручную, как раньше, а на типографском станке. Его захватили при разгроме одного из гарнизонов противника. Яков Григорьевич Панин при горячей поддержке Руднева организовал настоящую типографию. Партизаны-печатники Мудрик и Пушкин и две девушки-наборщицы каждый день приносят пухлые пачки листовок, а наши агитаторы разносят их по селам.

Организовали мы и оружейную мастерскую. Партизаны подбирают поломанное и разбитое оружие, а оружейники Соловьев и Воронов чинят и собирают его.

Рядом с оружейными мастерскими появилась портняжная. Местные женщины помогают перешивать трофейное немецкое и венгерское обмундирование.

Но передышка, по-видимому, будет непродолжительной. Вчера с помощью старогутинцев наши хлопцы разоблачили двух немецких шпионов и их пособницу. На допросе выяснилось, что один из них — сын бывшего кулака из села Большие Вирки Трубчевского района, а его напарник — местный лесник, в прошлом кулак. По заданию Рыльского управления полиции они незаметно пробрались в расположенные соединения, чтобы выяснить силы и дислокацию наших отрядов. Оба расстреляны.

2 апреля. Разведка выяснила, что гитлеровцы готовят карательную экспедицию против партизанских отрядов, находящихся в районах между Десной и Нерусой. Фашисты уже заняли село Жихово. На совещании командиров отрядов мы решили опередить врага, опрокинуть его расчеты.

3 апреля. По разработанному мною плану соединение совместно с Хомутовским партизанским отрядом провело операцию по

уничтожению расположившегося в Жихове 3-го батальона 51-го мадьярского карательного полка.

В 3 часа ночи оперативные группы Путивльского и Хомутовского отрядов незаметно для противника подошли вплотную к окрестности села и заняли исходные позиции. Через пятнадцать минут по сигналу ракетой две наши пушки и шесть минометов обрушили огонь по спящему противнику. Вслед за артиллерией бойцы ворвались в село.

В центре села два мадьярских офицера пытались остановить бегущих солдат. Возле них собралась большая группа. Разведчик Степан Фомиченко швырнул в нее одну за другой две гранаты. На помощь ему подоспели бойцы отделения Владимира Павлова. Партизаны из девятой группы Исаев, Высоцкий и Марков, увлекая за собой товарищей, с криком «Ура!» ринулись вперед. Справа ударили партизаны Фетисов и Петренко.

Не выдержав патиска, мадьяры покатались назад и попали под огонь зашедших им в тыл бойцов Деркача и Кушнира. Началась паника. Бросая оружие, шинели, головные уборы, оккупанты, охваченные безумным страхом, мчались через села Гутка и Ожинка на станцию Победа.

Наперерез отступавшим устремилась вторая ударная группа капитана Бордашенко. Она успела подойти к станции Победа, замаскироваться на опушке леса и встретить бегущих ружейно-пушечным огнем.

Два отделения, возглавляемые политруком Григорием Лысенко и помощником командира группы Валентином Ермолаевым, атаковали вражеский обоз, захватили двадцать подвод с радиостанцией и документами штаба венгерского батальона. Из восьмидесяти вражеских охранников спаслись лишь немногие.

Вслед за первой группой из Жихова бежали толпы мадьяр. Услышав впереди стрельбу, они повернули на юг, в направлении села Церковщины. Но тут на развилке дорог их встретили автоматчики волжанки Чусовитин и казак Михайлов. Отважные комсомольцы вдвоем вступили в бой против целой толпы врагов. Но мадьяры даже не пытались отстреливаться. Сломая голову бежали они, оставив на дороге более тридцати убитых и раненых.

Подоспевшие на помощь Михайлову и Чусовитину бойцы захватили еще десять подвод с упакованными ящиками, но в них оказались не боеприпасы, как мы думали, а детская и женская одежда, самовары, тарелки, швейные машины и другое добро советских людей.

В 12.00 Жихово было полностью очищено от фашистов. В этом бою противник потерял убитыми 197 человек, из них 14 унтер-офицеров. Пять солдат и один капрал взяты в плен. Наши потери — один раненый боец. Вот что значит неожиданный ночной удар!

Партизаны захватили несколько пулеметов, много винтовок, патронов, гранат, лошадей, шинелей, пишущую машинку. Захвачены негорючий ящик, штампы, печать, штабные документы и много другого воинского имущества и снаряжения противника.

8 апреля. Четверо суток наше соединение, а также соседние отряды усиленно разведывали расположение сил противника и тщательно готовились к предстоящим боям с карателями, блокировавшими южную опушку Брянских лесов.

Ценные сведения добыл командир разведгруппы Путивльского отряда Федор Горкунов. Данные о дислокации частей, выделенных гитлеровским командованием для борьбы с партизанами, полностью использовали при разработке плана нанесения предупредительного контрудара по вражеским гарнизонам.

9 апреля. В Старой Гуте в нашем штабе состоялось совещание всех командиров украинских, брянских и курских партизанских отрядов южной зоны Брянских лесов.

На нем обсудили вопрос о проведении совместной операции по разгрому гитлеровских гарнизонов в крупных селах Середина-Буде и Чернацком. По предложению Сабурова нанесение удара по Середина-Буде было поручено Эсманскому, Севскому отрядам и Суземскому партизанскому отряду имени 24-й годовщины РККА. Общее руководство этой частью операции возлагалось на Александра Сабурова.

Разгром чернацкой группировки был поручен нашему соединению. Ему придавались отряды Хомутовский (командир Покровский), Ямпольский (командир Гнибеда) и военнослужащих (командир Гудзенко).

10 апреля. Чтобы занять Чернацкое и поставить сильные заслоны в Жихове и по дороге от Новгорода-Северского в селе Красичке, мы организовали три ударных группы, командирами которых назначили Бордашенко, Кочемазова и Саганюка.

Рано утром, когда чуть забрезжил рассвет, бойцы Бордашенко с севера подошли к Чернацкому. Расположение постов противника нам было известно. Партизаны разбили на три группы и, незаметно обойдя посты, ворвались в село. Одновременно туда же проникли партизаны, возглавляемые Кадоркиным, Дешенко, Акименковым и Ларионовым.

Каратели не ожидали налета. В панике они выскакивали из хат в одном белье и бежали в направлении Середина-Буды и хутора Ромашково.

Труднее пришлось группе Кочемазова. От села Великая Березка и хутора Ефаня она проследовала к хутору Лукашенковскому и здесь попала под сильный огонь заставы противника. Не имея достаточных средств для подавления его огневых точек, партизаны вынуждены были занять оборону на опушке леса севернее хутора.

Фашисты начали поджигать крайние хаты. Партизаны решили помешать им уничтожить народное добро. Пулеметчик Цветков переменял позицию и скошил пятерых поджигателей, но гитлеровцы успели свершить свое черное дело. Три постройки загорелись, весенний ветер перебросил пламя на соломенные крыши соседних усадеб, и вскоре вся северная часть хутора запылала. Прикрываясь дымом, захватчики сконцентрировали силы в центре хутора

и подтянули подкрепление из Пигаревки. В общей сложности они собрали не менее четырехсот солдат, вооруженных пятнадцатью станковыми пулеметами, батальонными и ротными минометами.

Восьмая оперативная группа Саганюка во втором часу вступила в Красичку, где и заняла оборону, с тем чтобы предупредить подход гитлеровцев из Новгорода-Северского.

В 9 часов утра противник создал сильные группировки в местечке Середина-Буда и хуторе Ромашково и с двух сторон повел наступление на Чернацкое, пытаясь одновременно отрезать путь отступления на Великую Березку.

Оперативная группа капитана Бордашенко, имея в своем составе всего около ста человек, заняла оборону на фронте до четырех километров и в течение пяти часов вела ожесточенный бой с противником.

По всей линии обороны напряженно боя доходило до предела. Ваня Кириченко — скромный паренек из глубинной украинской деревушки — с четырьмя товарищами более двух часов отбивал атаки противника и удержал рубеж до подхода бойцов, посланных командиром к нему на помощь.

В центре, как сказочные богатыри, стояли насмерть партизаны Бывалкина. К полудню на талом снегу против их сектора валялось около сотни убитых. Но силы были явно неравны. Патроны заканчивались, а к селу спешила вторая крупная группировка карателей из хутора Ромашково. Фашисты зажгли крайние хаты и ворвались в село. Партизанам пришлось отойти. Отход прикрывал рядовой Иван Крылов, недавно пришедший к нам из окружения. Перебегая от хаты к хате, он искусно работал ручным пулеметом и почти на час задержал продвижение врага. Оставшись невредимым, догнал он свою группу.

В этом бою было уничтожено около ста солдат и офицеров противника, захвачено 36 саней и 50 повозок, ручной пулемет, несколько тысяч винтовочных патронов и другое имущество.

Однако задача по разгрому противника в Середина-Буде и Чернацком оставалась невыполненной, так как группа Сабурова не развила достаточно активных действий.

11 апреля. В жизни соединения произошло большое событие. К нам прилетел самолет. Летчик сделал несколько кругов над селом и, убедившись, что здесь партизаны, сбросил груз. От сигарообразного тела самолета отделилось несколько черных точек, над которыми раскрылись купола парашютов. Все выскочили из хат, побежали к месту приземления. Видим, кроме груза, с неба спускаются три парашютиста. Это были первые посланцы Большой земли: начальник рации политрук Дмитрий Степанович Молчанов и радисты Коля Грищенко и Катя Коноваленко.

Радость огромная! Наконец-то кончились наши мучения из-за отсутствия связи с центром! Теперь мы сможем и посоветоваться, и доложить о проделанной работе, и попросить помощи в тяжелую минуту.

14 апреля. Рано утром проснулся от приглушенного шепота в сениях. Прислушался и узнал голос Войцеховича:

— Идите спать, сам доложу. Говорят вам, лег Дед только недавно, дайте отдохнуть человеку. Подумаешь, мост взорвали!

Крикнул, чтобы заходили. Вошли Лучинский и Крылов, вытянувшись, козырнули, пытались докладывать по уставу четко и коротко, но сбились.

— Не спешите, садитесь и рассказывайте спокойно, как дело было.

Оказывается, накануне ночью Лучинский проник на станцию Хутор-Михайловский, где у него есть знакомый железнодорожник, наш связной, и хорошо изучил систему охраны моста, что у выхода в сторону разъезда Решающий. Он узнал расположение постов, караульного помещения, время смены часовых, подходы. А сегодня ночью они с Крыловым и еще двумя товарищами подползли к самой насыпи. Крылов притаился у будки и, выждав момент, бесшумно снял часового.

Быстро заложили тол. Поджигая шнур, хлопцы увидели, что к мосту идет вражеский патруль, и кинулись с насыпи вниз. Патрульные заметили их. Стреляя, они взбежали на мост, а в это мгновение мощный взрыв содрогнул землю. И мост, и шесть гитлеровцев, взлетев на воздух, рухнули в воду. Сообщение между Хутором-Михайловским и Унечей было надолго прервано.

15 апреля. Провели реорганизацию медико-санитарной службы. За последнее время соединение разрослось и превратилось в строго организованную боевую воинскую часть. Назрела необходимость изменить порядок медицинского обслуживания личного состава. В каждую роту назначили медсестру. В задачу медсестер входило выносить раненых из боя, оказывать им первую помощь и ухаживать за ними вплоть до отправки в партизанский госпиталь. Теперь работники медико-санитарной службы есть во всех отрядах и группах. Передвижной госпиталь с аптекой является центром. Начальник медсанслужбы Маевская подчинена непосредственно командиру и комиссару соединения.

16 апреля. Разведчики Саганиюка установили, что со стороны хутора Лукашенковского противник готовит наступление. Первая неприятельская группа двигается на Великую Березку, вторая — к хутору Дубровка, третья — через хутора Красичка и Поделы на хутор Васильевский, четвертая — на станцию Победа и на Лесное.

В 11 часов утра со стороны Великой Березки против заставы Саганиюка показались шесть человек в белых халатах. Застава огня не открыла. Когда они подошли совсем близко, оказалось, что это жители хутора Лукашенковского. Мадыяры под угрозой расстрела заставили их идти в разведку. Не надеясь, что посланные вернуться назад, они открыли огонь и по ним, и по нашей заставе. Партизаны молчали. Усомнившись, очевидно, в присутствии партизан, мадыяры выслали конную разведку.

Политрук Жук с пятью бойцами, находясь впереди заставы, пропустил вражеских конников. Те браво проскакали и втянулись

в кольцо пританчившихся за плетнями партизан. Залп — и на дороге смешались кони и люди. Ехавшие впереди унгер с двумя рядовыми, пришпорив лошадей, понеслись вперед. Но через минуту пули Григория Маслова выбили из седел сначала унтера, а потом обоих солдат.

Семь всадников, замыкавших колонну мадыарской разведки, повернули назад к Великой Березке. На их пути выросли фигуры бойцов, возглавляемых Михаилом Ивановичем Жуком. Они хотели захватить мадыар в плен, но те выхватили клинки и перешли на аллюр. Отстреливаясь, партизаны отбежали к хатам. Почти поравнявшись с ними, трое мадыар попадали с коней, прошитые автоматными очередами, четвертый свалился в кювет вместе с лошастью, а трое проскакали дальше. Выбежав из-за укрытий, бойцы, кто с колена, кто лежа, открыли огонь. Из врагов не ушел ни один.

Отвльская внимание партизан мелкими стычками, противник повел наступление двумя колоннами на хутор Васильевский, где стояла застава Пятышкина. Подпустив цепи наступающих на полтора-двадцать метров, партизаны увидели, что мадыарские солдаты впереди себя гонят местных стариков. На верхнюю одежду стариков набросили простыни или белые женские рубахи. У каждого в руках палка, которую издали можно принять за винтовку. Нельзя описать возмущение бойцов этим подлым и коварным приемом врага. Пулеметчики Паникаров и Беляев сделали несколько выстрелов в воздух. Старики оказались людьми бывалыми. При первых же выстрелах они точно по команде повалились в снег. Это намного облегчило действия Пятышкина. Цепи врага оказались открытыми для прицельного огня партизан. И застава ударила, не жалея патронов. Фашисты бежали, оставив на поле десятки убитых и раненых, два станковых и два ручных пулемета, четыре подводы с боеприпасами.

23 апреля. Вся неделя прошла в мелких стычках. Добытые разведчиками сведения неутешительны. Намечается новая крупная карательная экспедиция. Разведчики захватили три «языка», которые подтвердили эти данные. Партизаны начали усиленную подготовку к встрече «гостей». Свободные от боевой службы бойцы вместе с колхозниками день и ночь возводят укрепления.

24 апреля. Противник силой до пятисот человек в составе 3-го батальона 33-го мадыарского полка, остатков недавно разгромленного 3-го батальона 51-го полка, немецкого кавалерийского эскадрона при поддержке четырех противотанковых пушек и двух минометов начал наступление на село Великая Березка.

В 9 часов утра появился вражеский самолет, сделал шесть заходов, отбомбил Великую Березку и Промаховку, зажег несколько хат и улетел. После бомбежки фашисты повели наступление двумя колоннами с хутора Лукашенковского. Одна пошла на Великую Березку через Дубровку, другая — через Промаховку.

Наши силы расположились так: Конотопская оперативная группа Кочемазова находится на пути первой колонны противника в

селе Малая Березка, группа Карпенко заняла оборону недалеко от Голубовки в направлении Чернацкого. В Промаховке и Дубровке — застава Кролевцекого отряда под командованием Кудрявского. В хуторе Троицкий стоит 45-миллиметровая пушка и батальонный миномет. В хуторе Васильевский — застава второй оперативной группы Замулы. Здесь же расположились две группы Хомутовского отряда, которые по согласованию с нами должны принять участие в предстоящем бою. В Лесной — одиннадцатая группа под командованием Медведева.

При появлении противника наши заставы приняли бой. Особенно тяжело пришлось кролевчанам. Тридцать бойцов во главе с секретарем партбюро отряда Петром Степановичем Дорошенко оказались отрезанными от своих и блокированы противником. Кудрявский, желая выручить их, поднял отряд в контратаку, но мадьяры отбили ее. Сквозь двойную цепь удалось прорваться к осажденным только пулеметчику Николаю Иванову. Он сразу же включился в дело и очень помог партизанам. Под напором во много раз превосходивших сил карателей кролевчане вынуждены были отойти. Группа Дорошенко осталась за боевыми порядками врага в очень тяжелом положении.

Захватив Великую Березку, мадьярские фашисты сожгли 206 домов, расстреляли 200 ни в чем не повинных мирных жителей, 58 женщин и детей угнали в Чернацкое. В хуторе Дубровка они сожгли 23 дома и убили 8 стариков.

Когда мы с Григорием Яковлевичем Базымой приехали на место боя, то увидели, что создалась угроза прорыва всей нашей обороны. Пришлось подтянуть резервы и перейти в контрнаступление. Помощник Кириленко ростовчанин Яков Михайликов под огнем противника вывел наших пушкарей на удобный огневой рубеж. С третьего выстрела наводчик Миша Шатаев из сорокапятки сбил с позиции 76-миллиметровую пушку противника и рассеял конный взвод мадьяр, заходивший слева во фланг нашим наступавшим цепям.

Успех артиллеристов развил начштаба Кролевцекого отряда Иван Минович Мазуренко. Он прекрасно знает военное дело. Заменяв убитого минометчика, он удачно подавил вражеский пулемет и вместе с Карпом Игнатьевичем Онопченко поднял отряд в атаку.

Страшна была ненависть бойцов к врагу. Но еще страшнее была ненависть шестнадцатилетнего паренька Жени Устенко из Великой Березки. У него на глазах фашистские варвары заживо сожгли отца, мать, двух сестер и младшего брата. Чудом уцелевший Евгений, спрятавшись в развалинах, подстерег унтер-офицера, огрел его по голове шкворнем, забрал автомат и пришел к нам. Кудрявскому он сказал:

— Буду мстить! Нет мне жизни на свете, пока ходят по земле фашистские выродки.

И он мстил. Когда вражеский пулемет заставил лечь в весеннюю грязь наступавшую цепь партизан, Евгений пополз к пуле-

метному гнезду. Огнем из автомата он перебил весь расчет, развернул пулемет и полоснул длинной очередью по подходившему подкреплению противника. Как выяснилось после боя, Женя с малых лет увлекался военным делом, был активистом осоавиахимовской организации села. Он прекрасно владел стрелковым оружием, хорошо ориентировался на местности. Словом, несмотря на юношеский возраст, в первом же бою паренек показал себя зрелым и мужественным воином.

Первым, увлекая за собой бойцов, ворвался в Великую Березку Онопченко. Мадыры отходили, яростно отстреливаясь. В центре сгоревшего села, в уцелевшем кирпичном здании школы, засела группа фашистов. Отсюда им удобно было держать под огнем наши штурмующие группы. Атака кролевчан могла захлебнуться.

Тогда Григорий Семенович Иванько — бывший работник Кролевцецкого райкома партии — по-пластунски пополз к школе. От развалин соседнего дома до школы его отделяла совершенно открытая полоса шириной метров семьдесят. Мадыры заметили смельчака. Казалось, смерть неизбежна, но Иванько побегал, вернее заметался какими-то акробатическими прыжками вправо, влево, вперед, снова влево... Прыжки его были настолько быстры и неожиданны, что попасть в него оказалось делом нелегким. Подбежав к дому, Иванько одну за другой бросил в окна три гранаты. Фашисты замолчали. Иванько вбежал в здание, за ним уже спешили партизаны. В двух классных комнатах они увидели изуродованные взрывами трупы офицера и пяти солдат.

С противоположной стороны села, где еще были мадыры, доносились пулеметные и автоматные очереди, треск винтовочных выстрелов. Это партизаны Дорошенко после четырехчасовой обороны с тыла ударили по отходившему противнику.

Сопrotивление врага было сломлено. Под ударами партизан противник панически бежал в направлении хутора Лукашенковского. Вражескую группировку можно было бы полностью уничтожить, но группа Хомутовского отряда, стоявшая в хуторе Васильевский, не успела перерезать оккупантам путь отступления, и потому фашисты, хотя и понесли большие потери, все же вырвались из кольца окружения.

26 апреля. Два дня наши разведчики и связные изучали расположение и силы противника, укрепившегося в Середина-Буде, Чернацком, Зернове, Хуторе-Михайловском, Пигаревке, Каменке и Вовне. Добытые сведения говорили о том, что враг усиленно готовится очистить от партизан южную часть массива Брянских лесов.

В штабе соединения состоялось срочное совещание командиров и комиссаров всех партизанских отрядов, действующих в южной части Брянских лесов. Приняли решение провести в ночь с 27 на 28 апреля налет на основные группировки противника, находящиеся в Чернацком, Пигаревке и Середина-Буде.

30 апреля. По плану операции наше соединение совместно с Хомутовским отрядом должно было уничтожить пигаревскую груп-

пировку врага, состоявшую из 3-го батальона 33-го полка, основных подразделений 1-го батальона 46-го полка и 1-го батальона 32-го полка 105-й мадьярской дивизии.

Против группировки противника в Черпацком должны выступить Ямпольский и Эманский партизанские отряды и отряд военнослужащих под командованием Гудзенко. Севский отряд и отряд имени 24-й годовщины РККА во главе с Сабуровым нацеливались на разгром гарнизона в Середина-Буде.

У себя в соединении обязанности мы распределили так: на меня возлагалось общее руководство пигаревской операцией, на Руднева — Путивльским отрядом, которому предписывалось нанести основной удар с севера. Глуховский и Шалыгинский отряды под командованием Саганиюка зайдут с востока и северо-востока. С юга и юго-запада в заслоне будет находиться Хомутовский отряд Покровского. Конотопский и Кролевецкий отряды оставались в резерве.

С наступлением темноты все группы и отряды вышли на исходные рубежи. Ночь выпала на редкость темная. Еще с вечера лег густой туман, и на расстоянии пяти шагов ничего не было видно. Люди утопали в весенней грязи. Из ложбин по колено в воде бойцы то и дело вытаскивали повозки с грузом.

Высланная вперед разведка успешно заняла хутор Лукашенковский. Через час туда вступили группа Павловского и Кролевецкий отряд. К 23.00 конотопцы вышли на исходный рубеж в двух километрах северо-восточнее Пигаревки. Остальные оперативные группы и отряды, двигавшиеся другими дорогами, смогли добраться к месту назначения только к полуночи. К этому времени в штаб прискакал Четкин и сообщил, что фашисты заняли хутор Обиход, стоящий на подступах к Пигаревке. Этот удивительно смелый шестнадцатилетний паренек сумел пробраться в хутор, до отказа набитый фашистами, и угнал у них лошадь, навьюченную ящиками с патронами.

До начала операции нужно было немедленно уничтожить вражескую заставу в Обиходе, иначе при развертывании наступления она могла бы ударить нам в спину. Окружив хутор, партизаны ворвались в него, и через несколько минут мадьяры были перебиты. Таким образом партизаны расчистили себе путь, но потеряли главное преимущество — внезапность нанесения удара по врагу.

В час ночи группа Кириленко начала артподготовку по северной и восточной окраинам села. Не успели замолкнуть последние орудийные выстрелы, как партизаны Пятышкина, Кульбаки и Саганиюка поднялись в атаку. Но мадьяры ответили таким шквальным огнем, что пришлось залечь и отойти на исходные позиции. На место боя я послал Войцеховича с приказом открыть огонь по вспышкам выстрелов противника и снова поднять людей в атаку.

Фашисты опять ответили ураганным огнем. Глуховчанам и шалыгинцам пришлось залечь и хорошенько окопаться. Наступавшая с севера группа Пятышкина зацепилась за крайние хаты села.

Здесь разгорелся жестокий бой. Начинало светать. На узеньком участке метров в двести-триста по фронту непрерывно строчили шесть мадыарских пулеметов: два слева, один справа, а три в центре били из одного блиндажа.

Шишов несколькими меткими выстрелами уничтожил три крайние пулеметные точки. Теперь он навел орудие на блиндаж. Артиллерист припал к окуляру прицела, еще мгновение — и произойдет выстрел. Но вдруг на перекрестии прицельных линий он заметил черную фигуру, подползавшую к вражескому блиндажу. «Кто этот смельчак? — подумал он.— Один нападает на трех вражеских пулеметчиков». В мутном мареве рассвета было видно, как этот герой, не замеченный врагами, подполз вплотную к блиндажу, метнул гранату, вторую, третью и сразу же за их взрывами с криком «Ура!» рванулся к блиндажу. За ним устремились на врага десятки партизан, впереди которых бежал повар Гавриил Ефимович Нестеров. Это он первым увидел результат героического подвига Степана Фомиченко. Пятнадцать вражеских пулеметчиков и наблюдателей уничтожил гранатами отважный партизан.

Тем временем, к блиндажу от соседнего укрытия спешили мадыары. Это заметил Нестеров. Автоматной очередью он убил пятерых, а трое повернули назад. Укрытие, из которого они только что выскочили, уже заняли политрук Пыжов и разведчик Василий Чусовитин. Мадыары были убиты.

Наступательный порыв партизан все нарастал. Увлекая их за собой, Антон Тимофеевич Мирошниченко ворвался в траншею врага. Короткая рукопашная схватка — и фашисты были выбиты из укрытий. Соседние подразделения партизан, поддерживаемые огнем группы Мирошниченко, ворвались в село. Бойцы Федора Бывалина побежали к колодцу с высоким «журавлем», а рядом от одного строения к другому продвигались партизаны Якименко. Слева короткими очередями из ручного пулемета строчил вдоль улицы Федор Лепешко. Вдруг замолчал пулемет Мирошниченко. Два смертельных ранения получил Антон Тимофеевич при захвате траншеи.

Отступая к центру села, мадыары поджигали колхозные постройки. Кругом бушевало пламя, но партизаны упорно продвигались вперед. Возле школы фашисты выкатили навстречу наступавшим партизанам 45-миллиметровую пушку. Но выстрелить они не успели. Онопченко с пятью бойцами ринулся на вражеский расчет. Мадыары не выдержали и побежали к школе. Шалыгинский наводчик мордвин Беляев развернул пушку в сторону противника и открыл по нему огонь.

Отступив к центру села, оккупанты засели в каменных зданиях. Их вторая пушка, установленная прямо на паперти церкви, выпускала снаряд за снарядом по партизанам. С колокольни бил крупнокалиберный пулемет. Отчаянно отстреливались оккупанты из школы и соседних с ней домов. Позиция у врага была выгодной, все подходы простреливались перекрестным огнем.

Наши наступавшие группы залегли. Тяжелее других досталось бойцам Николая Подгорного. Выдвинувшись вперед, они оказались на виду у вражеских пулеметчиков, которые вели непрерывный огонь. Партизаны держались стойко.

Атака Хомутовского отряда тоже захлебнулась. Перебросив к центру села все свои силы, фашисты перешли в контр наступление. Настала тяжелая минута. Положение спасли пулеметчики Ваню Рехвиашвили и Павел Корнилов. Близко подпустив контратакующих, они скосили из «максима» центр вражеской цепи. С восточной стороны ударил длинной очередью Шведов. С запада во фланг со своим отделением зашел Володя Павлов. Своим огнем они внесли полное замешательство в ряды врагов, которые вынуждены были вернуться в укрытие. Вскоре, несмотря на поражение, фашисты вновь предприняли контратаку. Пришлось бросить в бой последний наш резерв — Кролевецкий отряд.

Под прикрытием пулеметного огня Николая Иванова кролевчане и партизаны соседних групп огородами подошли к сельской площади. К этому времени Беляев из трофейной пушки накрыл орудие мадьяр, стрелявшее с церковной паперти. С криком «За Родину!» к церкви кинулись партизаны Шарьяздан Галиев, Василий Исаев, а также отделение сержанта Фетисова. Окна церкви они забросали гранатами, ворвались внутрь и убили вражеского пулеметчика. Через минуту крупнокалиберный пулемет на колокольне уже бил по оккупантам.

Взятие церкви укрепило наши позиции и вызвало замешательство мадьяр, оборонявших школу и соседние дома. Их огонь ослабел. Воспользовавшись этим, к школе подбежал Женя Устенко и гранатой уничтожил пулеметный расчет. Партизаны Хабарова и Самойленко штурмом взяли здание, стоящее рядом со школой. В школу, служившую оккупантам штабом, ворвался Мычко. В темном коридоре он столкнулся с двумя офицерами. Одного убил, другого взял в плен.

Оборона врага в центре села была прорвана, мадьярские солдаты в панике побежали на юго-запад, но там их метким огнем встретили партизаны, руководимые Покровским. Враги метнулись южнее.

Еще раньше на южную окраину села был послан взвод сержанта Александра Ленкина, чтобы преградить путь отступления мадьярам из Пигаревки. Но не успели партизаны залечь в засаду, как со стороны Хутора-Михайловского показалась рота противника.

Партизаны подпустили гитлеровцев на близкое расстояние и открыли по ним ураганный огонь. Не приняв боя, фашисты разбежались. Пронзошло это в тот момент, когда из Пигаревки бежали мадьяры. Видя всю эту картину, они свернули на пахоту и помчались мимо нашей заставы в направлении Хутора-Михайловского.

На допросе раненый помощник командира гитлеровской роты, прибывшей из Хутора-Михайловского, сообщил, что для помощи

пигаревскому гарнизону скоро прибудет эшелон гитлеровцев. Чтобы преградить путь противнику и уйти от нового, теперь уже не выгодного для нас боя, необходимо было взорвать восстановленный гитлеровцами мост возле разъезда Решающий. К нему на тачанках выехали наши испытанные минеры Юхновец и военный техник Васильев. С помощью бойцов Ленкина заложили тол. Как только паровоз въехал на мост, грянул взрыв. Вагоны с карателями, громоздясь один на другой, полетели в реку Свагу.

На этом закончилась пигаревская операция. Было 10 часов утра. В селе мы насчитали 360 трупов вражеских солдат и офицеров. Достались богатые трофеи — 12 пулеметов, множество винтовок, полмиллиона винтовочных патронов, продовольственный склад. Не меньше, чем нам, досталось трофеев и Хомутовскому отряду, партизаны которого во главе со своим командиром Покровским и комиссаром Зайцевым проявили в этом бою большой героизм.

Среди захваченных штабных документов найдено несколько радиogramм, довольно убедительно свидетельствующих о влиянии активных действий партизан на моральное состояние солдат и офицеров действующих против нас частей 105-й пехотной мадьярской дивизии.

Сотник потрепанного партизанами 33-го мадьярского полка Торошней рапортовал своему начальству:

«...Я дальше со своими разложившимися солдатами удерживать сильный натиск партизан не могу. Ввиду того что батальон понес большие потери, оставшиеся в живых солдаты сильно боятся вооруженных партизан.

Я боюсь, что оружие наших солдат может повернуться против нас, если солдат не отправить домой».

Капитан этого же полка Годвари сообщал 4 апреля 1942 года в Ямполь подполковнику Бауману Иштвану: «Данавицкий, оберлейтенант, докладывает мне, что моральное состояние батальона плохое. Вокруг много партизан, с которыми происходят частые бои и стычки. Имеется много раненых и больных. Батальон понес большие потери. Настроение солдат подавленное, офицеры тоже боятся здесь оставаться. Прошу вас переместить батальон в Ямполь».

Все трофеи, захваченные в Пигаревке, мы вывезли в Старую Гуту, а хомутовцы — в село Улица. Пигаревский бой явился хорошим боевым подарком партизан матери-Родине в канун светлого праздника 1 Мая.

Снова приходится хоронить дорогих сердцу людей. Вырос еще один холм братской могилы. Погибли смертью храбрых отважные партизаны Ерес, Однец, Мирошниченко, Зиповьев, Удовенко, Кудлай. Вечная им память.

1 мая. Утром партизаны соединения и бойцы местной самообороны построились к параду. В старогутинском сельском парке была сооружена импровизированная трибуна. Командующий парадом — командир разведгруппы Горкунов доложил мне, что личный

состав для парада построен. Григорий Яковлевич Базыма зачитал первомайский приказ по соединению. Поздравив партизан, партизанок и всех жителей сел с 1 Мая, мы призвали их вести упорную борьбу с проклятым врагом до полной победы.

Вслед за развернутым знаменем соединения мимо трибуны прошли колонны пехоты, подразделения пулеметчиков и автоматчиков. Затем пронеслись пулеметные тачанки со станковыми пулеметами и конники. Замыкал парад отряд местной самообороны численностью до двухсот человек.

7 мая. После пигаревского боя и первомайского парада еще больше увеличился наплыв добровольцев. Люди идут не только из окрестных сел, но и из деревень и поселков, расположенных в двухстах километрах от нас. Возросшим авторитетом соединения в большей степени мы обязаны партизанам-политработникам, которые под неослабным руководством Руднева повседневно ведут политико-массовую работу среди местного населения. В эти дни наши радисты наладили круглосуточную работу трансляционного радиоузла.

8 мая. Наш отдых в Старой Гуте весьма своеобразен. Не прошло ни одного дня без больших или малых боевых операций.

Разведчики Черемушкин, Вязчиков, Гамозов, Желябовский, минеры Островский и Терехов 2 мая взорвали железнодорожный мост на одной из главнейших магистралей, соединявших фронт и тыл гитлеровской армии, — между станциями Середина-Буда и Хутор-Михайловский. Взорвали они и второй мост на реке Нерусе. Противник попытался его восстановить, но безрезультатно.

Свои неудачи уничтожить партизан силами наземных частей гитлеровцы решили восполнить действиями авиации. Вчера весь день Старую Гуту бомбили три бомбардировщика «Юнкерс-88». Кроме бомб, фашистские летчики бросали куски тавровых балок, пустые железные бочки с пробитыми в боках дырками. Когда они летят, раздается страшный вой, свист, шум. Расчет ясен: подействовать на нервы партизан — не выдержат, мол, они, выбегут из укрытий, и тогда знай расстреливай их из пулеметов. Тщетно! Хлопцы быстро разобрались, в чем дело. Первую бомбежку они метко окрестили воздушной серенадой бесноватого фюрера.

«Юнкерсы» сделали семь палетов. Сгорело пятнадцать домов и случайно убит прямым попаданием куска рельса один старогутинский старик.

9 мая. Совместно с Хомутовским, Середино-Будским, имени 24-й годовщины РККА партизанскими отрядами провели разведку боем районного центра Середина-Буды, выяснили силы гарнизона и его огневые точки. Группа бойцов соединения из сорока одного человека, переждав артподготовку сабуровцев, обрушивших на спавшего врага несколько десятков снарядов, ворвалась в предместье райцентра. Выполнив задачу, разведчики на рассвете отошли в направлении села Чернацкого. Особенно отличились разведчики Островский, Терехов и Васильев. Они подорвали паровоз на станции Зерново.

Одновременно наши оперативные группы предприняли налет на гарнизон Жихова, уничтожили до тридцати немецких солдат и офицеров. Вернулись без потерь.

Организуя боевые операции в Средина-Буде и Жихове, партизаны не прекращали мелкие диверсии на железнодорожных магистралах. Такая тактика вводит врага в заблуждение, не позволяет ему определить, где наши главные силы.

Разведчики-диверсанты Черемушкин, Мычко, Аксенов и Ташланов вышли на перегон Конотоп — Буринь и в девяти километрах от Бурини пустили под откос эшелон с живой силой врага. Было уничтожено около ста пятидесяти немецких солдат и офицеров, сорок вагонов и один паровоз.

Вернулся из разведки из прилегающего к Путивлю района политрук Ковалев. С небольшой группой бойцов он совершил налеты на вражеские гарнизоны в селах Яцыне, Шарповке, Вязенке и Ротовке. В штаб разведчики пришли с трофейным оружием и привели пятерых пленных, нагруженных захваченными боеприпасами.

12 мая. Три вражеских бомбардировщика сбросили на расположение нашей заставы в Красничке сорок четыре бомбы. Потерь не было.

В тот же день подверглись бомбардировке шестая и десятая оперативные группы и застава на станции Победа. Там было сброшено тридцать шесть бомб, но они также не причинили вреда.

Немецкое командование, видимо, понимает, что находящимся в его распоряжении силами не удастся прорваться в партизанский край. На мадыарские части рассчитывать не приходится, так как они фактически разложились. В перехваченном нами боевом рапорте подполковника 46-го мадыарского пехотного полка от 25 апреля 1942 года говорится: «Солдаты воевать отказываются, людей и лошадей кормить нечем, дороги плохие. Партизаны сильно обстреливают. 16 солдат осталось без винтовок. Была пушка и большое количество снарядов, но из пушки не стреляли, а когда поехали назад, все снаряды куда-то исчезли. Нашим солдатам воевать здесь нельзя, ибо они не знают местности и дорог. Партизаны, наоборот, знают местность и дороги. Много солдат убито и ранено. Партизаны же потерь не имеют».

Снова рейд на Путивль

13 мая. Удачные бои с карателями и сообщения Совинформбюро о наступлении войск Юго-Западного фронта на Харьковском направлении подняли боевой дух партизан. Это как нельзя лучше благоприятствовало развитию и расширению боевых операций против оккупантов.

Ратное содружество советских партизанских отрядов в районе южной оконечности Брянских лесов на стыке трех республик как бы символизировало извечную дружбу русского, украинского и белорусского народов. Оно вселяло в сердца партизан и местного

населения уверенность в победе над коварным и жестоким врагом. Взаимодействуя с соседними отрядами — Хомутовским, Севским, Ямпольским, Эманским, Середино-Будским и другими, мы помогли им укрепить и почувствовать свою силу. Они быстро освоили наступательную тактику партизанской войны. Теперь оккупанты не осмеливаются углубляться в обширный партизанский край. Наше пребывание в Брянских лесах больше не является необходимостью. Можно выступить в новый поход.

Подумав и посоветовавшись, мы с Рудневым обратились по рации к партизанскому командованию с предложением провести рейд на Путивль. Из Москвы было получено согласие. Соединение приступило к тщательной подготовке.

Выходом на юг мы преследуем цель: во-первых, показать народу, находящемуся в тяжелых условиях фашистской оккупации, что советская власть жива, наша Родина успешно борется и победит. Намечаем нанести удары по комендатурам Глуховского, Шалыгинского и Путивльского районов. Во-вторых, ставим задачу сорвать движение поездов на железнодорожной магистрали Конотоп — Ворожба — Курск и автотранспорта на параллельных ей шоссежных дорогах. По сведениям нашей разведки, за последние дни на этих коммуникациях гитлеровцы усиленно гонят на восток эшелоны с живой силой и техникой.

Система вражеской обороны, созданная фашистами в Середино-Будском и Знобь-Новгородском районах, нарушена в результате наших апрельских ударов. Поэтому выход соединения из Брянских лесов не представляет больших трудностей.

16 мая. Ночью выступили в рейд. На пути находится единственный не потревоженный партизанами вражеский гарнизон в селе Каменке, которое расположено между Брянским лесом и Хутором-Михайловским. В километре от восточной окраины села проходит железнодорожная насыпь, а на западе, почти рядом с крайними хатами колхозников — обширное непроходимое болото.

Вступать в бой с противником в первый день похода нецелесообразно. Будут раненые и, следовательно, увеличится обоз, снизится маневренность. И еще одно важное соображение: враг узнает о нашем движении и наверняка пошлет вдогонку отряды карателей. Стало быть, Каменку необходимо обойти незаметно. А как это сделать? Как ввести противника в заблуждение? Поступили так: сильную группу разведчиков направили чуть севернее села, с тем чтобы она с запада пересекла железнодорожную насыпь и вдоль нее продвигалась на юг. Далее, между Каменкой и Хутором-Михайловским вновь перейти железнодорожное полотно с востока на запад, подойти к Каменке со стороны Хутора-Михайловского, то есть с юга, и, нарушив телефонную связь, открыть пулеметный и автоматный огонь по селу.

Разведчики точно выполнили боевой приказ. Магьяры в Каменке всполошились, стянули на юго-восточную окраину села основные силы гарнизона. Для храбрости они, как всегда, подожгли крайние хаты и открыли огонь из всех видов оружия. Услы-

шав стрельбу и увидев зарево пожара, немцы в Хуторе-Михайловском, очевидно, подумали, что в Каменке идет жаркий бой, и выслали мадьярам подкрепление на тридцати автомашиннах. Не доезжая до села, гитлеровцы остановились, развернулись в боевые порядки и повели наступление на Каменку примерно с того же места, откуда двадцать минут назад стреляли отошедшие в ночную тьму партизаны. Неудивительно, конечно, что мадьяры приняли немцев за партизан. Начался очередной бой между гитлеровцами и их мадьярскими партнерами. Тем временем соединение благополучно миновало западную окраину села, осторожно пройдя по краю болота.

Долго еще доносились раскаты боя в Каменке и далеко были видны отсветы пожара. Утром, когда партизаны уже находились километрах в двадцати от села, колонну догнали наши славные разведчики.

18 мая. Вчера на рассвете боевое охранение при подходе к хутору Деражня было обстреляно укрывшимися за хатами полицейскими. Завязалась перестрелка. Но едва партизаны начали атаку, полицейские разбежались, оставив у плетней хуторских дворов трех убитых. Эта короткая стычка чуть не привела к тяжелым последствиям. Удравшие полицейские навели на соединение крупный отряд карателей.

Утром, остановившись на дневку в Слоутских лесах, бойцы крепко уснули. Вдруг тревога! На западной опушке застрочил пулемет, потом дробно застрекотали автоматы, раздались винтовочные выстрелы.

Шум начавшегося боя перекрывали громовые раскаты первой весенней грозы. Из нависших свинцовых туч сверкнула молния, начался проливной дождь. Дождевая завеса позволила гитлеровцам скрытно приблизиться к партизанскому лагерю. Наши дозорные, выдвинутые метров на триста от лагеря, увидели карателей, когда те находились буквально в ста-ста пятидесяти метрах от них.

Первыми в бой вступили дозорные — пулеметчик Иван Богдановский и разведчик Федор Комнатный. Выстрелом из карабина Федор свалил шедшего впереди офицера. Двигавшиеся за ним солдаты с пьяными воплями перешли на бег. Стоя за толстой сосной, Богдановский действовал ручным пулеметом, как автоматом.

Самоотверженное поведение двух дозорных помогло предупредить лагерь о надвигающейся опасности. Все соединение в течение нескольких минут было готово к бою.

На помощь дозору подоспела группа Павловского. Помощник командира лейтенант Киселев и политрук Голубев быстро разобрались в обстановке, разделили бойцов на две части и очень умело заняли оборону. Атакующие, загигая свой фланг, ставили себя справа под удар партизан Карпенко, слева — копопощев. Они и ударили по оккупантам, да так дружно, что гитлеровцы не выдержали и в панике разбежались. На месте боя осталось сорок девять трупов. Спас вражеский батальон от полного разгрома

только проливной дождь, из-за которого было крайне затруднительно продолжать преследование.

Среди взятых в плен оказались трое деражнянских полицейских. Как выяснилось на допросе, двое из них дезертировали с фронта и добровольно пошли служить в полицию, третий — бывший местный кулак из села Белицы Ямпольского района. Выследив продвижение отрядов и место нашей стоянки, они вызвали из Ямполья батальон карателей. Партизанский суд короток, а приговор суров, но справедлив. На советской земле нет места нудам.

21 мая. Путь на Путивль проходит по знакомой дороге, через села, в которых мы бывали зимой. Население встречает партизан радушно, как самых дорогих друзей.

Каждый день разведчиков и походные заставы с почтительного расстояния обстреливают местные полицай. С приближением партизан они расцениваются, и соединение продолжает форсированный марш.

Вчера в Землянке нас атаковало гитлеровское подразделение, прибывшее на десяти автомашинах из Кролевца. Дружным огнем партизаны быстро рассеяли карателей.

В поселке Олине фашисты окружили отделение разведчиков лейтенанта Афанасия Бывалина. Партизаны приняли неравный бой. Лейтенант получил тяжелое ранение. Кольцо окружавших сузилось. Бывалин приказал бойцам оставить ему одну гранату, самим же идти на прорыв. Хлопцы, конечно, не выполнили этого приказа. Леша Четеккин взвалил командира на плечи, а остальные, прикрывая их огнем, пошли напролом, прорвали кольцо окружения и скрылись в лесу.

Сегодня все отряды соединения приступили к диверсиям и операциям на железнодорожной магистрали в районе Путивля. Минеры взорвали два железнодорожных моста на линии Ямполь — Маково и Глухов — Маково, сожгли деревянный мост на шоссе на дороге возле Собичева. Сопровождавший минеров комиссар Кролевецкого отряда Онопченко с небольшой группой бойцов разгромил гарнизон противника в селе Собичеве.

Среди бумаг собичевского гарнизона Онопченко обнаружил предписание глуховского коменданта всем полицейским управам перекрыть дороги к железнодорожной магистрали. В этом предписании говорилось, что, по его сведениям, «банды» Ковпака двинутся на юг и, очевидно, будут пытаться сорвать движение поездов. Да, мы так и делаем, причем весьма успешно.

Данные, собранные нашими разведчиками в селах клевеньской поймы, в Спадщине и в самом Путивле, также свидетельствовали о большом беспокойстве гитлеровцев, вызванном появлением соединения в пределах Путивльского района. Они уже начали подтягивать силы из районов, расположенных южнее магистрали, но выдвигали заставы не к тем пунктам, которые были вблизи от нас, а южнее, к железнодорожным станциям и разъездам.

О нервном поведении противника рассказал Федор Комнатный. Он побывал в дальней разведке на станции Путивль и выяс-

нил, что за последнюю неделю движение поездов резко возросло. Воинские эшелоны идут на восток с интервалами в сорок-пятьдесят минут. От нашего связного, путевого обходчика, Комнатный узнал и назначение эшелонов — Курск.

На обратном пути, возле Литвиновичей, Федор наскочил на засаду противника. Тропинка, ведущая в лес, пересекала густой кустарник. Пять дюжих верзил выскочили из-за кустов, желая, очевидно, взять разведчика живьем. Федор успел отскокить в сторону, дал по ним автоматную очередь и скрылся в кустарнике.

24 мая. Под утро отряды вошли в лес Марица. Конечный пункт намеченного маршрута достигнут. Меня неотступно преследует мысль: как сорвать продвижение вражеских эшелонов к Курску?

Сводки Совинформбюро поступают нерадостные. В Крыму немцы прорвались на Керченский полуостров и захватили Керчь. Под Харьковом идут тяжелые бои. Гитлеровцы нанесли танковый удар в районе Изюма и Барвенкова, окружили харьковскую группировку наших войск.

Судя по интенсивности движения эшелонов, гитлеровское командование где-то в районе Курска готовит новую крупную операцию. В Москву мы уже послали подробную радиосводку. Но сводка сводкой, а дело делом. Надо остановить движение вражеских эшелонов, помешать противнику собрать кулак для нового удара по войскам нашей армии.

В эшелонах, на станционных гарнизонах, вдоль магистрали десятки тысяч вымуштрованных, хорошо обученных солдат и офицеров. У них первоклассная техника, транспорт, связь. Их может поддержать авиация, а в случае нужды — подойдут и резервы.

А что у нас? Да, у нас нет такого вооружения. Но мы несравненно сильнее гитлеровцев тем, что любой из наших бойцов готов на подвиг и на смерть во имя Родины. За нами народ. У нас в каждом селе свои глаза и уши. Нас поддерживают все честные советские люди. Мы прекрасно знаем театр боевых действий и расстановку сил врага. Знаем его слабые места. Значит, нужно использовать эти преимущества.

Провели совещание с командирами, комиссарами и политруками. Решили расширить зону деятельности соединения на все пять районов, расположенных с севера вдоль железнодорожной магистрали. Для этого выделили Конотопский и Кролевецкий отряды в самостоятельные единицы. За объединенным штабом оставалось только оперативное руководство. Для того чтобы каждый отряд мог быть поближе к своему району, решили расположиться так: Путивльский и Кролевецкий отряды в Спашанском лесу, оперативная группа Павловского и Конотопский отряд в селе Литвиновичи и урочище Кружок, Глуховский и Шалыгинский отряды — в лесу Марица.

В середине дня поступило донесение разведки: противник захватывает места нашей предполагаемой дислокации и укрепляет

оборону по речке Клевень. Другими словами, подступы к Путивлю с севера фашисты прикрывают надежными заслонами.

Постепенно созревает план действий. Противнику неизвестны наши силы. Значит, необходимо обмануть его и создать впечатление, что движется с севера не одно наше соединение, а целая партизанская армия. Достигнуть этого можно только одновременным нанесением ударов в разных местах и направлениях. Иначе говоря, необходимо имитировать видимость общего наступления крупных частей на широком участке фронта.

Всесторонне взвесив свои возможности, решили немедленно, пока противник не успел хорошо укрепиться, прорвать его оборону на левом берегу Клевени и разгромить гарнизоны в Спадщине, Яцыно, Старой и Новой Шарповках, Стрельниках, Ротовке, Вязенке и Берюхе.

Штаб разработал точный план действий по фронту в сорок километров от Камня до Вязенки, и с наступлением сумерек подразделения выступили на исходные позиции. Глуховский же отряд двинулся в короткий окружной рейд почти в обратном направлении — на северо-восток. Командный пункт расположился на Вишневых горах.

Перед началом общей операции на КП прискакал гонец из Марицы. Там находились радиостанция и санчасть. Радиограмму из его рук принял Семен Васильевич. Накрывшись плащ-палаткой, он зажег фонарик. Я был от него метрах в двадцати. Слышу кричит:

— Сидор Артемович, дорогой, тебе Героя присвоили! Ты понимаешь, что это значит?!

Подхожу. Руднев сует мне в руки бумажку. Под полой плащ-палатки торопливо читаю записанный радистом Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении мне звания Героя Советского Союза.

Черные лучистые глаза комиссара светятся радостью и юношеским задором. Подбежали Базыма, Панин, Войцехович, связные. Все поздравляют, целуют, а я стою, слова сказать не могу. В горле запершило, язык точно к небу прирос. Еле переборол волнение.

— Спасибо, друзья! Велика эта награда. Ею отмечают не только мои заслуги, но и заслуги всех вас, всего соединения.

— Правильно, командир! Указ зовет нас на новые подвиги. Давайте, товарищи, по коням — и все в подразделения. Необходимо немедленно, обязательно перед боем, сообщить каждому бойцу об Указе, — распорядился комиссар.

Спусти два часа вернулся на КП из Шалыгинского отряда Панин. Неразговорчивый Яков на этот раз с восторгом рассказывал, как горячо восприняли партизаны весть о награждении их командира. Догнал он шалыгинцев на марше к исходному рубежу. Матющенко, узнав о полученной весте, передал ее по двигавшейся колонне. Настроение у бойцов поднялось. Партизаны обнимали друг друга. Всюду только и слышалось:

— Раз командиру Героя дали, значит, вся страна о нас знает...

— Сам Калинин Указ подписал...

— Теперь держись, фашистская сволочь! Будете знать, что такое народные мстители!

Слушая Панина, Семен Васильевич задумался и, глядя в невидимую даль, промолвил как бы про себя:

— Такие хлопцы и самому черту рога сломают... Золотой народ у нас!

25 мая. В час ночи Шалыгинский отряд по сигналу с КП нанес быстрый удар по северной части села Вязенка.

Стоявшая там застава отошла к реке и заняла подходы к мосту. На пологих склонах левобережья в траншеях и блиндажах расположился батальон уже знакомой нам 105-й мадыарской дивизии.

Со стороны Вязенки перед въездом на мост на земляной дамбе стояла водяная мельница. Фашисты превратили ее в дзот. В самой дамбе они замаскировали несколько пулеметных точек. Подступы к мельнице и к мосту простреливались еще и справа из двух домов, стоявших рядом со складом боеприпасов.

Засевшие в укреплениях фашисты открыли по наступавшим сильный ружейно-пулеметный огонь. Шалыгинцам пришлось укрыться за плетнями ближайших хат и залечь. Атака захлебнулась. Нельзя было не только подняться, но и голову высунуть из-за укрытий. Саганюк и Матющенко призадумались: то ли продолжать штурм и положить половину отряда, то ли отходить и этим сорвать операцию всего соединения? Решили попробовать поджечь склад с боеприпасами. Но пока командиры решали, разведчик Леонид Ратников по собственной инициативе пробрался к складу и поджег его. Начали рваться патроны и снаряды. Это отвлекло оккупантов. Политрук Пыжов по-пластунски подполз к мельнице. Укрываясь в ложбине, он несколькими очередями из автомата заставил замолчать станковый пулемет противника. На центральном участке боя вражеский огонь заметно ослаб. Относительное затишье немедленно использовал лейтенант Шишов. Его бойцы выкатили на прямую наводку противотанковую пушку. Стреляя почти в упор, они подавили огневые точки на мельнице, разбили два дзота в дамбе, развалили оба каменных дома и перенесли огонь на левый берег — на дзоты и траншеи мадыарского батальона. Хабаров и Якименко тотчас же подняли бойцов своих отделений в атаку на мост.

Фашисты не смогли помешать штурмовавшей группе. Ее надежно прикрывали пушка Шишова и пулеметы Воробьева и Высоккого. Но когда партизаны перебежали на левый берег, около ста гитлеровцев бросились в контратаку. Партизаны не дрогнули, они приняли удар, несмотря на численное превосходство врага. Коммунист Виктор Емельянович Хабаров оказался ближе всех к атакующим. Он успел только крикнуть: «Держись, хлопцы!» — и, сраженный пулей, замертво свалился на дорогу. Хабаров пробился к нам из окружения. За три месяца побывал в восьми боях и всегда был впереди. Вот упал Якименко. Автоматная очередь

прошла ему обе ноги. Команду принял мордвин Федор Федорович Лимаев, человек смелый и решительный. Увлекая за собой бойцов, он ринулся вперед. За ним бросился Андрей Устенко. Люто ненавидел фашистов этот человек. У него, так же, как и у однофамильца Жени Устенко, они заживо сожгли в Великой Березке отца и мать. Помню, как-то я упрекнул его в излишней жестокости, а у него глаза слезами налились.

— Не могу,— говорит,— иначе. И днем, и ночью перед глазами они в огне стоят... Бить буду фашистских гадов, пока жив. Руки оторвут, зубами грызть буду...

Лимаев и Устенко первыми столкнулись с оккупантами. Лимаев уничтожил бежавшего на него офицера, Андрей прикладом свалил трех солдат. Партизаны плотным кольцом окружили обоих героев. Вклиниваясь в гущу врагов, Лепешко на ходу строчил из ручного пулемета, Миша Брехов — из автомата, Беляев, Палажченко, Исаев орудовали штыками и прикладами. В этой жаркой схватке партизаны уложили восемьдесят девять фашистов. Остальные побежали вдоль обороны батальона, сея панику и смятение.

Разрывы снарядов пушки Шишова, длинные очереди только что захваченного Василием Поморзным крупнокалиберного пулемета усилили панику среди врагов. А когда раздался оглушительный взрыв и мост рухнул в воду, паника охватила весь мадьярский батальон. С криками «Ура!», «За Родину!» шальгишцы преследовали бегущих. Около двухсот человек убитыми потеряли захватчики в эту ночь у Вязенки.

Не менее удачно осуществили ночную операцию оперативные группы капитана Бордашенко и лейтенанта Лысенко. Вечером 24 мая во время движения этих групп мимо Черепова и Яцыно рядовой Николай Милков уничтожил телефонную связь между Стрельниками и Путивлем. Разведка старшего сержанта Валентина Ермолаева захватила в плен немецкого унтер-офицера, помощника коменданта города Глухова и одного полицейского. От них партизаны узнали пароль вражеских застав в Стрельниках. Это позволило Григорию Лысенко с пятью бойцами без шума снять посты, и обе группы неожиданно напали на спящий гарнизон. Политрук Рогуля ворвался в штаб. Находившиеся там мадьяры сдались без боя. Всего в Стрельниках партизаны взяли в плен двадцать одного оккупанта.

Бордашенко и Лысенко успешно разделились с вражеским гарнизоном в Яцыно. Командир взвода коммунист Виктор Ларионов в форме обер-лейтенанта полевой жандармерии пробрался огородами к центру села Яцыно, где находился штаб вражеского гарнизона. У дверей штаба часовой преградил дорогу, но Ларионов шел напролом. Звонкая пощечина, дополненная оскорбительным для мадьяр ругательством, убедила солдата в том, что перед ним чистокровный арнец. Солдат быстро отпрянул в сторону.

Широко распахнув дверь в большую комнату, Ларионов переступил порог и на немецком языке приказал штабистам сдаться.

Те безоговорочно подчинились. Лишившись управления, вражеские солдаты не могли оказать серьезного сопротивления. Без единого выстрела были обезоружены и взяты в плен восемнадцать гитлеровцев с двумя ручными пулеметами. Пятерых из них взял киргиз Джапар Джабаев.

В Черепове вражеский гарнизон пытался было обороняться, но пулеметчики Рогуля и Милков зашли с обонх флангов и одновременно ударили из пулеметов. Оккупантам пришлось отойти. При этом они попали под огонь станкового пулемета Якова Каткова. Бросая оружие, враги побежали к Старой Шарповке.

На гарнизон гитлеровцев в селе Кагашь напал взвод комсомольца Сергея Горланова. Оккупанты разбежались, не сделав ни одного выстрела.

В этих двух селах без потерь с нашей стороны было уничтожено свыше ста солдат и офицеров противника и пятнадцать взято в плен.

Гораздо сложнее проходил бой там, где главная союзница партизан — внезапность — была упущена.

По общему плану наступления сводной ударной группе, состоявшей из Кролевцецкого отряда, второй группе Цимбала и пятой Кириленко под общим командованием Кудрявского, было приказано взять Литвиновичи, через болото и речки Звань и Клевень пройти в Спадщанский лес, там соединиться с группой Пятышкина и вместе с ней на рассвете напасть на 4-й полк 105-й мадьярской дивизии, расположенный в Старой Шарповке.

Двигалась сводная группа развернутым фронтом: в центре — кролевчане, слева — Цимбал, справа — Кириленко. Подойдя к Литвиновичам, кролевчане наскочили на заставу противника, охранявшую переправу через Звань.

Луг на правом берегу реки был сплошь изрезан гусеницами танков. Кроме этих зловещих следов, ничто не напоминало о войне. Даже зоркие, видящие во тьме глаза разведчиков не обнаружили ничего подозрительного.

Осмотрев следы гусениц, комиссар кролевчан Карп Игнатьевич Онопченко решил, что они сравнительно давние, и спокойно двинулся дальше. На шаг впереди комиссара шел лихой разведчик, прирожденный следопыт, узбек Ташнулат Хойдаров. Рядом с комиссаром — Гриша Резник. Этого пятнадцатилетнего паренька привела к нам не мальчишеская тяга к приключениям, а ненависть к фашистам. Они сожгли его дом и убили отца. Замыкал группу минометчик Яков Карнаухов.

Все четверо спустились по пологому склону к воде, и вдруг мощный взрыв разорвал тишину. Не стало всех четверых.

Мгновенно ожил противоположный берег Звани. Это по нашим бойцам открыла шквальный огонь искусно замаскированная в прибрежных кустах вражеская засада. Кролевчане и партизаны группы Цимбала залегли.

Такое неудачное начало операции не предвещало ничего хорошего. Кириленко, находившийся в трехстах метрах от места взры-

ва, мгновенно оценил обстановку. Этот талантливый молодой командир всегда отличался быстротой ориентировки и умением принимать правильные решения в самых сложных условиях. Увлекая за собой бойцов, он быстро, но бесшумно вошел в реку, благо в этом месте глубина ее была не более метра. За ним поспешили, сгибаясь под тяжестью «максима», Ваню Рехвиашвили и неразлучный с ним «второй номер» Павел Корнилов. За ними последовали все бойцы.

Вражеские солдаты заметили группу Кириленко, когда она уже успела зацепиться за левый берег. Заработал «максим» Ваню. Под его прикрытием Кириленко поднял группу в атаку. Атакующих поддерживали кролевчане и партизаны Цимбала. В несколько минут застава врага была сметена.

Выполнив первую часть задачи, бойцы сводной группы Кудрявского пошли к Старой Шарповке, по дороге они соединились с партизанами Пятышкина. При подходе к селу оккупанты встретили наших сильным огнем и, пользуясь численным превосходством, перешли в контратаку.

Обороной Старой Шарповки руководил, очевидно, опытный офицер. Перешедшая в контратаку группа солдат численностью до батальона вклинилась между Кролевецким отрядом и четвертой группой Пятышкина. Часть из них проникла в тыл наших боевых порядков и открыла огонь по партизанам. Создалось впечатление окружения.

Удар контратакующих с фронта принял на себя начальник штаба Кролевецкого отряда Мазуренко. Группа фашистов близко подползла к пулеметному расчету коммуниста Круевича. Мазуренко забросал их гранатами, но сам оказался отрезанным от своих. Спасла его отвага бойцов, граничившая с самопожертвованием. Видя, что начальник штаба окружен гитлеровцами, кролевчане бросились в штыки. Каратели не выдержали штыкового удара. Откатились.

Тыл отряда прикрывали: заменивший погибшего комиссара Григорий Семенович Иванько и два бойца. Они приостановили атаку взвода противника. Тем временем на помощь к ним подоспели пулеметчики расчета коммуниста сержанта Антона Кальсина. С удачно выбранной позиции они уничтожили поднявшийся в атаку вражеский взвод и прикрывавший его пулемет.

В эту ночь наши пулеметчики проявили чудеса храбрости, отваги и находчивости. Окруженные со всех сторон, Рехвиашвили и Корнилов не только задержали наступление роты противника, но и ухитрились взять в плен трех вражеских солдат с оружием. Свердловчанин Петр Шведов, ведя огонь из автомата, свалил двенадцать фашистских солдат. Контратаку двух вражеских взводов, зашедших во фланг группы Кириленко, отбил расчет пулеметчика Владимира Кислова.

Напряжение боя нарастало с каждой минутой. Раненые оставались на своих местах. Отважный Кириленко получил сквозное

ранение левого плеча. От потери крови кружилась голова, подгибались ноги, но он не оставил своих бойцов.

Раненный в предплечье, командир взвода коммунист Иван Матвеевич Хоминич вместе с Николаем Ивановым подполз к пулеметной точке врага. Гранатами они уничтожили расчет и захватили станковый пулемет. Истекая кровью, дрались наравне со здоровыми Валентин Подоляко, Ваню Рехвиашвили. Медсестры, сделав перевязки, брались за оружие. Двух фашистов уничтожила медсестра четвертой группы Нина Ляпина. Исключительно смелая девушка!

В соответствии с общим планом наступления Кудрявский должен был известить меня красной ракетой о начале атаки на Старую Шарповку. По этому сигналу мы начинали поддерживать его артиллерийским огнем. До КП доносились отзвуки давно начавшегося боя. Мы с Рудневым очень волновались — почему так долго нет сигнала? Наконец прибежал от Кудрявского весь в поту летчик Борисов. Он рассказал о тяжелом положении сводной группы; условленный сигнал они, оказывается, не могли дать потому, что в ходе боя потеряли ракетницу.

Наша батарея открыла огонь по противнику, расположенному в Старой Шарповке. Яков Михайлов буквально с первого снаряда накрыл окопы противника на окраине села против боевых порядков Кудрявского. Минометчики Ефима Кушнера ударили по дороге, ведущей из Яцыно, и попали, как позже выяснилось, несколькими минами в толпу солдат противника, отступавших из Яцыно на Старую Шарповку. Под прикрытием артиллерийского и минометного огня старший лейтенант Подгорный с группой бойцов, зайдя во фланг противнику со стороны Яцына, ворвался в село. За ним последовала вся четвертая группа Пяташкина. Дружно поднялись в атаку и кролевчане. Фашисты начали организованно отходить в сторону Путивля. Их группы прикрытия, укрепившись в центре села, оказывали упорное сопротивление. Особенно мешал партизанам станковый пулемет, бивший вдоль центральной улицы. Женя Устенко огородами подобрался к нему и метнул гранату. С помощью подоспевших товарищей он перетащил пулемет на другую сторону позиции и открыл огонь по отступавшему противнику.

Бойцы отделения комсомольца Федора Павлюка ворвались в расположение противника у колхозного склада. В короткой рукопашной схватке был подавлен и этот очаг сопротивления. В складе хлопцы обнаружили пятьдесят велосипедов, которые тут же оседлали разведчики и стрелки.

Закрепляя успех на этом участке сражения, ударная группа Замулы успешно переправилась в Спадщанский лес. Отсюда вместе с третьей группой Карпенко они двинулись в район Новой Шарповки. На подходах к селу Карпенко направил два отделения во главе с лейтенантом Цветковым к западной окраине, два отделения во главе с политруком Звездовым к юго-западной, а Ефима

Федорова с пятью бойцами и пулеметом — в обход к восточной околице, через которую проходит дорога на Путивль.

По сигналу Цветков и Звездов одновременно ворвались в село. Противник сразу же начал откатываться на восток, где попал под огонь группы Федорова. После непродолжительного сопротивления вражеские солдаты побросали оружие и бежали в направлении Путивля. Преследуя отступавших, разведчик Василий Желябовский отбил обоз из пятнадцати подвод и пленил командира вражеской роты.

Начался дождь. Продолжая выполнять боевую задачу, группы Замулы и Карпенко скрытно подошли к селу Спадщина, в котором держала оборону рота венгерского саперного батальона.

Высланный вперед разведчик Владимир Фетисов с двумя бойцами незаметно проник в село. Под навесом крестьянской усадьбы, куда они попали впотьмах, разведчики увидели накрытого рядом человека. Тихонько подошли. Из-под рядна показалась лысая голова и всклокоченная борода. Старик не спал, он хорошо видел бойцов, но лежал не шевелясь и не подавая признаков жизни.

— Слухайтэ, диду, вы ж нэ спытэ. Розкажить кращэ, дэ у вас тут фашисты ночують и дэ их посты стоять,— спросил Микола Дьяченко.

— А хто вы е, звидкы будэтэ? — ответил дед вопросом на вопрос.

— Свои мы, партизаны-ковпакивци, можэ, чулы, а якщо боитэсь, то нэ пытайтэ.

— Цэ ти ковпакивци, про яких нимци галасують, що трычи вас розсиювалы и, вже не памятаю, скільки разив знышували, а вашого командыра-цыгана повисылы?

Дед привстал и, как старый опытный солдат, толково рассказал, сколько и где расположилось на ночлег вражеских солдат, где находится штаб, где выставлены посты, когда сменяются часовые.

Дальнейшее произошло быстро. Получив исчерпывающие сведения о расположении спадщанского гарнизона, Замула и Карпенко скрытно подвели свои группы вплотную к хатам и одновременным ударом с двух сторон выбили фашистов из села. Таким образом, наш оперативный план был выполнен: из всех населенных пунктов враг был выбит, его разрозненные небольшие группы, бросая оружие, бежали по дороге на Путивль.

Хорошо выполнил поставленную задачу Глуховский отряд. Он прошел Зазерки, свернул на Уздицу, побывал в Викторове, Баничах, Ховзовке и на рассвете взял Берюх. Этот рейд полностью себя оправдал. Глуховчане, разгромив вражеские гарнизоны в этих селах, не только прикрыли тыл соединения, но и дезориентировали врага. Дело в том, что некоторым оккупантам и их прислужникам удалось удрать в Глухов и Кролевец. Там они рассказали о налетах партизан. Рассказы недобитых вояк создали у немецкого командования впечатление, будто в район между Глу-

ховом, Кролевцом и Путивлем прорвались большие массы партизан.

К утру группы Саганюка, Бордашенко, Лысенко, Замулы и Карпенко продвинулись далеко вперед, а центральная группа Кудрявского, встретив сильное сопротивление, остановилась в Старой Шарповке. Фронт наших отрядов приобрел вид большой подковы, охватившей своими концами прилегающую к Путивлю северо-западную и северную местность протяженностью 45 километров.

В Путивле началась паника. Гитлеровцы бросились через реку Сейм на юг, в Буринь. К вечеру в городе не осталось ни одного вражеского солдата.

В боях за Вязенку, Ротовку, Стрельники, Литвиновичи, Черепово, Старую и Новую Шарповку, Яцыно и Спадщину противник потерял убитыми 370 солдат и офицеров. Захвачены солидные трофеи: 11 пулеметов, свыше сотни винтовок, 2 миномета, 3 рации, 19 кавалерийских лошадей, 96 велосипедов, около 350 противотанковых и противопехотных мин и другое военное имущество.

Радость победы омрачает тяжесть понесенных потерь. Не стало комиссара Онопченко и трех его друзей: Карнаухова, Хайдарова и Резнича. Погибли Ерофеев, Кадыров, Сапач, Мустафин...

Увеличился обоз санитарной части. На попечении Дины Маевской и ее подруг-медичек находятся Кириленко, Подоляко, Ощепков, Усачев, Халитну и другие.

26 мая. Боевые группы путивлян устремились в родной город. Остальные отряды стали заслонами, перекрыв шалыгинскую, глуховскую и кролевецкую дороги. Бойцы хорошо понимали: заняв Путивль, мы дадим почувствовать врагу, что ему никогда не удастся покорить советских людей, что на оккупированной территории советская власть существует. На берегу Сейма хлопцы наши нашли много немецкого обмундирования. Оккупанты побросали не только оружие, но и свои мундиры с железными крестами и медалями. В нагрудном кармане мундира гестаповца разведчики обнаружили ведомость с фамилиями и адресами. Выяснилось, что это список тайных агентов Путивльской комендатуры. Некоторых из них мы знали. Это были люди с темным прошлым — казнокрады, кулаки. А вот один был из хорошей семьи, но оказался трусом. Отца его — председателя комитета бедноты — кулаки убили во время коллективизации. Младший брат — на фронте, летчик-герой, сестренка — в партизанах, а он — тайный агент гестапо. До войны этот тип одно время подвизался в райисполкоме. Всем старался быть приятным. С равными был обходителен, перед старшими лебезил, наушничал, только делал это хитро, будто подлость совершает не он, а кто-то другой. Тогда его разоблачили, выгнали как интригана. Но и этот урок не изменил его подлую душонку.

На допросе рассказал: оккупанты, мол, грозили повесить за брата и сестру, потом предложили сотрудничать. Ради спасения

своей жизни стал провокатором, выдавал бывших друзей и товарищей. Так человек докатился до прямой измены Родине.

Вскоре немецкое командование, как говорится, пришло в себя. Вымещая злобу за разгром, гитлеровцы начали бомбить город. Сбросив бомбы, они разрушили и сожгли много жилых домов, убили немало женщин и детей.

Вечером в Путивль вошел штаб соединения в сопровождении десятой оперативной группы Лысенко. Разместились в помещении райкома партии. На окраинах города выставили заставы, на улицах снарядили конный и пеший патруль.

27 мая. Осмотрели склады, созданные оккупантами из награбленного по селам добра. Бойцы под руководством Павловского вывезли в Спадщанский лес 44 центнера масла, 24 тысячи яиц, 10 ящиков махорки, соль, картофель, зерно. Много продуктов раздали голодающему населению.

Серые, изможденные лица горожан без слов говорили об их безрадостной и голодной жизни. Встречая партизан, взрослые плакали. Каждый хотел хоть чем-нибудь помочь бойцам. Женщины наперебой предлагали свою помощь: сварить пищу, постирать и починить обмундирование, белье...

Когда мы с Рудневым прошли по городу, Путивль показался каким-то чужим. Внешне он по-прежнему красив, но всюду виден отпечаток большого народного горя. В сквере пусто, не стало памятника Ленину, и город выглядел осиротевшим.

Зашли в краеведческий музей. Он работал и при немцах, но в залах остались лишь чучела птиц да куски минералов. В сентябре 1941 года перед выходом в лес все ценные экспонаты были спрятаны в церкви за иконостасом. Так и хранились там исторические ценности города.

В районной библиотеке на полках разная дрянь: «Моя борьба» Гитлера на исковерканном русском языке, книжонки буржуазно-националистического содержания... Разумеется, ни одной советской книги. Все, что было ценного в библиотеке, аккуратно уложено в мешки и запрятано в колориферах центрального отопления.

В парткабинете тоже пусто. Кто-то, не дожидаясь, пока гитлеровцы учинят разгром, надежно спрятал все книги в темном коридорчике. Начали допытываться, кто же прятал дороге сердцу советского человека наши коммунистические книги. Им оказался старый беспартийный советский патриот, работник музея Шелемин. Как богата наша земля скромными и незаметными в жизни героями!

В штаб пришел пожилой изможденный человек поблагодарить партизан за освобождение из тюрьмы. Рассказал он страшную историю. Просидел несколько недель в гестаповских застенках, а за что — и сам не знает. Каждый день он видел сквозь решетку тюремного окна, как оккупанты выносили из сарая лопаты, клали их на телеги и куда-то отправляли. Потом они приготовляли веревки для связывания заключенных перед отправкой на рас-

стрел. Вывозили свои жертвы небольшими партиями. Отвезут за город, ко рву, в котором до войны закапывали павший скот, и возвращаются за новой партией. Так весь день заключенные ждут своей очереди, ждут, пока не вернутся во двор телеги с лопатами. Каждый думает: если сегодня очередь не подошла, то завтра повторится все снова, опять с утра смотри в окно, как будут выносить из сарая лопаты...

Хотелось собрать жителей, поговорить, подбодрить людей, как это мы всегда делали, но не удалось...

В середине дня наши заставы заметили, что со стороны Зинова к колхозу «Культура» движется большая колонна танков и автомашин с пехотой. Обстреляв немцев, заставы отошли. Принимать бой в условиях города с таким крупным карательным отрядом не было смысла. Всем группам и отрядам был дан приказ немедленно покинуть город и сосредоточиться в Спадщанском лесу.

Уходили мы по двум направлениям — через хутора Пищики и Кардаши. Мины взорвали два моста: Любкинский около хутора Корольки и через реку Сейм. Вражеские танки шли за нами до Новой Шарповки, там остановились на окраине села, обстреляли лес и вернулись в Путивль.

Не пришел на место сбора сын комиссара Радик. В Путивле он отпросился у отца сходить к товарищам по школе. Некоторые из них часто помогали нам: добывали разные сведения о противнике, писали плакаты, листовки и расклеивали их по улицам. Радик хотел создать в отряде боевую группу из своих школьных друзей.

Семен Васильевич и Домника Даниловна всю ночь не находили себе места — думали, что сын попал в руки немцев, но утром он приехал с заставы на подводе. Боевую группу школьников Радика не удалось привести. Немецкие танки ворвались в город раньше, чем он успел собрать своих товарищей. Но он сделал другое полезное дело: до полуночи пролежал в канаве на окраине города, наблюдая за передвижением врага. Принес ценные сведения о силах и расположении частей противника, занявших Путивль.

28 мая. Утром гитлеровцы подошли к селам Новая и Старая Шарповка. После сильной артиллерийской подготовки они развернули наступление на Спадщанский лес. Карательный отряд состоял из восьми танков, четырех бронемашин и свыше трехсот солдат и офицеров.

Вгрызаясь клином в лес, гитлеровцы потеснили нашу первую линию обороны и продвинулись почти до сгоревшего домика лесника. Однако этот успех обошелся им дорого. Партизаны подбили один средний танк и уничтожили тридцать солдат. Дальше фашисты наступать побоялись, отошли назад. В бессильной злобе они сожгли Старую и Новую Шарповку. Мы потеряли прекрасного разведчика Алексея Забелина, снова ранен комиссар Руднев, на счастье, легко.

29 мая. Оккупанты вновь повторили атаку на нашу зеленую крепость и снова неудачно. Наступали они со стороны Спадщины, которую предварительно подожгли. Вероятно, для устрашения. Но едва они углубились в лес, как два танка подорвались на минах и пятьдесят вражеских солдат свалились, прошитые пулями партизан. Оставив танки и трупы убитых, каратели удрали.

Во вражеском кольце

1 июня. Противник готовится к новому наступлению. Об этом свидетельствуют и две его неудачные попытки проникнуть в Спадщанский лес. Партизаны решили провести перегруппировку своих сил. Глуховский отряд направлен в урочище Кочубеевщина с целью взять под контроль грунтовые дороги Конотоп — Глухов, Кролевец — Глухов. Шалыгинский расположился в лесу Марица. Оттуда ему удобнее контролировать дорогу Глухов — Путивль. Конотопский отряд перешел в лес Займище. Отсюда он должен уничтожить мост через Сейм между селами Мутин и Новомутин, а затем передислоцироваться в свой район, в леса около сел Волочки и Старое.

Кролевецкий отряд занял лес Урочище Глубокое, северо-восточнее села Петровка (Морозовки). Одиннадцатая оперативная группа Павловского обосновалась в лесу Борок. Санчасть и обоз расположились в лесу Займище. Объединенный штаб и Путивльский отряд — в Спадщанском лесу.

Таким образом, противнику не удастся нанести удар сразу по всему соединению, а мы получили возможность контролировать передвижение его войск в Шалыгинском, Глуховском, Путивльском, Конотопском и Кролевецком районах. Наши отряды как бы нависли над железной дорогой Конотоп — Ворожба, и в случае нужды они могут прийти друг другу на помощь.

2 июня. Накануне взятия Путивля в наш отряд вступил комсомолец-подпольщик Михаил Фомин. Парень очень энергичный и сообразительный. В городе он имел несколько явочных квартир и систематически поддерживал контакт с нашими связными. От него мы всегда получали исчерпывающие данные о путивльском гарнизоне.

В начале мая гитлеровцы нащупали след подпольщиков. Разгромили две явочные квартиры. Нависла угроза провала и над Михаилом. Нужно было немедленно уходить. Михаил принес точные сведения о силах и дислокации оккупантов не только в городе, но и во всем Путивльском районе.

В отряде Михаил успешно продолжал разведывательную деятельность. В городской полиции служил один его знакомый. В дни отступления этот не слишком крепкий духом человек потерял веру в нашу победу. Когда оккупанты вызвали его в комендатуру и предложили ехать в Германию или служить в полиции, он выбрал последнее. Но совесть у парня сохранилась. От участия в грабе-

жах и расстрелах он всячески уклонялся. В семье и среди друзей не скрывал свою ненависть к оккупантам и их прислужникам. Об этом узнали подпольщики, предложили сообщить им нужные сведения. Полицейский охотно согласился и стал нашим надежным агентом.

Все дороги и тропы, ведущие в Путивль, тщательно охранялись усиленными фашистскими заставами. Но, зная их расположение, Миша Фомин регулярно, через каждые два-три дня, благополучно проникал в город и возвращался в отряд. От него мы своевременно узнавали о подготовке карательных экспедиций. Позавчера полицейский агент выведal, что комендант города послал к нам двух провокаторов. Сегодня сообщил еще о троих. Все они обезврежены. На допросе показали, что немецкое командование весьма обеспокоено действиями наших партизан на железнодорожной магистрали. Оно уже знает о передвижении отрядов, но не знает, где они будут базироваться. На послезавтра намечена крупная операция с участием танков и броневиков.

4 июля. Гитлеровцы силой до трехсот пехотинцев при поддержке танков и бронемашин развернули наступление на Спадчанский лес. Наступлению предшествовали интенсивная артиллерийская подготовка из 122-миллиметровых орудий, танковых пушек и батарей батальонных минометов. Танки проникли в лес. За ними неотступно следовала пехота. Взвод оккупантов подошел к переправе на Клевенн.

Диверсионная группа лейтенанта Киселева зашла в тыл наступавшему противнику и нанесла сильный удар. Справа открыли огонь пулеметчики отделения капитана Дегтева, слева поднялись в атаку бойцы отделений Зикеева и Устинова.

Богдановский с пятью партизанами скрытно подобрался к взводу немцев, разрушавших клевенскую переправу. Перепуганные фашисты побежали к своим главным силам, но попали под огонь отделения Копейкина.

Несмотря на стрельбу в тылу своих боевых порядков, оккупанты продолжали натиск на группу Пяташкина — центр нашей обороны. Положение создалось не из приятных. Отряды находились друг от друга далеко, а гитлеровцы лезли напролом.

Около домика лесника путь им преградил пулеметный расчет сержанта Паникарова. После длинной очереди несколько фашистов упало, но остальные упорно продолжали продвигаться вперед. Оглушенный взрывом гранаты упал подносчик патронов, ранен второй номер Варакии. Пули заделали щеку и пробили плечо Паникарову. Отважный сержант, обливаясь кровью, продолжал отбивать атаку до тех пор, пока не подоспели товарищи. Впереди была автоматчица Маруся Цунаева. За полчаса перед этим осколок мины раздробил приклад ее автомата. Притаившись в канаве, смелая комсомолка выждала, пока к месту, где она лежала, не подошел гитлеровец. Девушка бросила в него гранату, схватила трофейную винтовку и пробилась к Петру Паникарову.

Очередная вылазка гитлеровцев провалилась. Потеряв один средний танк, автомашину и тридцать пять солдат и офицеров убитыми, фашисты отошли в Путивль.

Вероятно, гитлеровские командиры опасались флангового удара партизанских групп из-за Клевени. Только этим можно объяснить их отход. Если бы они знали наше действительное положение, то, конечно, не прекратили бы атак, и группе Пятышкина пришлось бы очень туго.

6 июня. Днем вернулись с задания Васильев и Алешин. Позавчера они устроили крупную диверсию в двух километрах от станции Путивль. Дорога Конотоп — Ворожба охраняется оккупантами особенно усиленно. Кроме путевых обходчиков и дозоров, на путях парные патрули. На сто метров по обе стороны полотна вся растительность вырублена и убрана. Трудно спрятаться партизану на голой земле. Однако Васильев хотел не просто поставить мину и уйти, а подорвать наверняка — «удочкой».

Метод этот рискованный, но верный. К чеке мины, поставленной под рельс, привязывается длинная тонкая веревка или провод полевого телефона. Укрывшись, диверсант ждет, когда паровоз наедет на то место, где заложена мина, затем дергает свою «удочку», и взрыв сталкивает под откос паровоз и набегающие на него вагоны.

Сутки пролежали Иосиф Андреевич Васильев и Федя Алешин в копне сена на лугу, изучая движение поездов и порядок охраны пути. Эти отличные разведчики-диверсанты как бы дополняют друг друга. Оба отчаянно смелые люди. Федя — молодой, горячий. Иосиф Андреевич — средних лет, степенный, выдержанный, выдавший виды солдат, участник войны с белофиннами, опытный минер.

Под покровом ночи храбрецы подползли к полотну на небольшом изгибе, заложили и замаскировали мину, спрятались метрах в пятидесяти в воронке от авиабомбы и стали ждать...

По их расчетам уже должен бы появиться эшелон, а его нет. Мучительно тянутся минуты. Наконец-то показался состав. А с противоположной стороны шел вражеский патруль. Ночь, правда, темная, но вдруг патруль заметит провод, даст ракету и эшелон остановится. И взрыва не будет, и самим вряд ли удастся уйти...

Состав все ближе и ближе от мины. Васильев дергает шнур, взрыв... Двадцать четыре платформы с танками и шесть вагонов с танкистами, громясь друг на друга, летят с насыпи в болото. Рвется снаряды, доносятся вопли врагов.

Разведчики отошли к Бурьни. Около села они встретились с нашим связным. От него узнали, что здесь выгрузился эшелон пехоты. Сейчас гитлеровцы в Бурьни. Ходят слухи, будто они выступят против партизан. Название или номер части, ее численность связному узнать не удалось.

Вчера разведчикам Чусовитину, Фетисову и Желябовскому удалось побывать вблизи крушения «васильевского» эшелона. Завал оккупанты разобрали, путь отремонтировали, движение восста-

повнили. На охрану дороги, кроме немецких патрулей, согнали мужчин из окрестных сел. Гитлеровское командование объявило, что в случае новой диверсии будут сожжены дома и взяты заложники в тех селах, около которых произойдет крушение.

С трудом разведчики нашли место, где можно было поставить мину, не подводя под удар близлежащее село. Отыскали удобный участок в семи километрах от Грузского. Мина сработала удачно. Паровоз и двадцать шесть вагонов с солдатами и автомашинами пущены под откос.

7 июня. Подпольщики села Мутина передали в штаб, что оккупанты в спешном порядке заканчивают работы по восстановлению мутинского моста через Сейм. Этот мост им крайне необходим. Он открывает дорогу на Брянские леса, соединяет Кролевец с Конотопом и Путивлем, дает возможность оккупантам в любую минуту перебросить новые силы из Конотопа к северо-западной оконечности Спадшанского леса, то есть в наш тыл.

Нужно немедленно взорвать мост. Руководство операцией я поручил Кудрявскому. Ему в помощь приданы Конотопский отряд, саперно-минерная группа Абрамова, группа Павловского и тридцать человек из Шалыгинского отряда.

Ночью сводный отряд скрытно подошел к Мутину. Вел его старый большевик Аким Никандрович Скворцов. Он партизанил в этих краях еще в гражданскую войну и прекрасно знал местность.

Партизаны легко выбили из Мутина небольшой гарнизон противника. Сделав несколько выстрелов, фашисты удрали через мост на левый берег Сейма. Это должно насторожить. Ведь они наверняка сообщат в Конотоп, и оттуда можно ожидать подхода танков.

Минеры не теряли времени. Они заложили тол, подожгли шнуры. Шнуры сгорели, а взрыва не последовало. Только на четвертой пробе один детонатор взорвался, но как раз там, где тола было очень мало. Эффект от взрыва был незначительный, мост остался невредим. Выручила партизанская смекалка. Политрук Борис Федорович Голубев и разведчик Дмитрий Черемушкин вместе со своими бойцами бросились во дворы колхозников. Узнав о намерении партизан и постигшей их неудаче, колхозники энергично включились в дело. Они таскали на мост солому, не пожалели керосина и бензина. Мост сгорел дотла.

На обратном пути партизаны разрушили связь между Конотопом и гитлеровским гарнизоном в селе Хижки. Трое разведчиков во главе с Иваном Ломако проникли на левобережье Сейма, вышли на шоссе на дорогу Новомутин — Конотоп и из засады подбили грузовую автомашину, захватили в плен немецкого офицера.

8 июня. Леша Четкин давно просил разрешить ему сходить в родное село, чтобы привести своих комсомольцев в отряд. До войны он работал секретарем комитета комсомола в Бунякине и сколотил там хороший актив. После прихода захватчиков Алексей и еще несколько членов комитета покинули село. Они создали впе-

чатление, будто организация распалась, а оставшиеся комсомольцы ничего общего с ними не имеют.

На самом же деле в Бунякине, как и в ряде других сел восточной части района, действовало хорошо законспирированное подполье. К партизанам от них регулярно поступали сведения о противнике и его прислужниках.

Провал подпольщикам не угрожал, и я медлил с их выводом в лес. Теперь же, когда противник подтягивал все больше сил в Путивльский район, по селам стали рыскать гестаповцы, а в рядах подпольщиков был выявлен и обезврежен провокатор, вероятность провала возросла. Нужно спасти ребят.

Пять дней назад в Бунякино и соседние села были посланы Бывалин, Суровицкий и Чечеткин. Все трое коренные путивляне, прекрасно знают людей и местные условия. Сегодня они вернулись с восемью-десятью добровольцами. Их выделили в отдельную группу под номером девять, командиром назначили Федора Бывалина, политруком — Суровицкого. Бывшую же девятую группу переименовали в шестую.

16 июня. Две недели соединение находится в кольце окружения вражеских войск. Район Спадщанского леса, Марицы, Довжика, Займища противник пытается блокировать, но пока у него не хватает для этого сил. Гитлеровцы всячески стремятся захватить инициативу в свои руки.

Стычки с оккупантами происходят ежедневно. В урочище Довжик рота противника пыталась окружить нашу заставу под начальством Миши Маркова. Приняв на себя удар, девять героев держались два часа, пока не подоспел на помощь Лисица с глуховцами.

Возвращаясь с задания, рота Шалыгинского отряда вынуждена была вступить в бой с батальоном противника в двух километрах от своего лагеря. Командир роты Палажченко тяжело ранен.

На другой день две роты немцев и батальон мадьяр снова напали на шалыгинцев между Ворголом и хутором Антоновка. Карательную экспедицию шалыгинцы разгромили, но чтобы лишить врага возможности форсировать Клевень, вынуждены были взорвать мост. Под огнем противника это задание выполнили партизаны: Плотников и Маслов. Вчера оккупанты напали на Конотопский отряд в селе Хижки. Мы потеряли опытного разведчика Сашу Рябова.

17 июня. В партизанской войне главное инициатива. Если она сохраняется за партизанами, то противник никогда не добьется успеха. Упустил инициативу, считай — угробил дело, погубил людей.

Гитлеровцы понимают это и стараются выбить у нас инициативу. Значит, надо отвлечь их внимание и силы от района, где базируются отряды соединения, и вести боевую работу в районах, где враг не ожидает появления партизан.

Такое решение диктуется не только этими тактическими соображениями, но и необходимостью срочно оказать помощь попав-

шим в беду партизанским семьям сел восточной части района. Оттуда в Спадщанский лес прибежал брат Бывалина. Он сообщил, что из теткинского упрвления полиции в село Бывалино приехали около тридцати эсэсовцев. Они взяли из каждой партизанской семьи заложников и согнали их в Новослободскую школу. На 9 июня была назначена казнь.

С наступлением темноты в Новую Слободу выступили группы Замулы и Карпенко. Им предписывалось освободить заложников и укрыть семьи партизан, освоить Новослободской лес, или, как его называли в народе, Монастырский, чтобы при надобности перенести туда базу Путивльского отряда. Кроме того, им предстояло очистить от вражеских гарнизонов прилегающие к лесу села Новую Слободу, Юрьево, Бояро-Лежачи, Мануховку, Калиши, Бруски, Бывалино и Горки. Затем группы должны были выйти на железнодорожную магистраль в районе Ворожбы, взорвать мосты и пускать под откос вражеские эшелоны.

Командиром сводной группы был назначен Замула, комиссаром Панин, начальником штаба Войцехович.

Для дезориентации противника в тот же час из Марицкого леса в рейд по Шалыгинскому району выступила группа Игната Павловича Хоменко. Из обших групп прибывают связные с подробными донесениями. Партизаны Хоменко пришли к Шалыгину, оттуда повернули на юг. По пути следования они уничтожили несколько гитлеровских гарнизонов, захватили пять складов с зерном, которое раздали населению. За восемь дней рейда в группу влилось тридцать два добровольца с оружием. В результате в районном центре Шалыгине и в десяти окрестных селах власть оккупантов парализована.

Не менее удачно проведена операция и группой Замулы. На подступах к Новой Слободе Войцехович выслал в разведку Марусю Цунаеву. Отважная комсомолка проникла в село под видом учительницы из Юрьева. Разузнала о силах карателей и расположении гарнизона. При выходе из села ее задержал фашистский унтер-офицер. Немца, очевидно, прельстила красота девушки. Он немного говорил по-русски, она кое-как по-немецки. Весело болтая, Маруся подвела немца к тому месту возле кладбища, где замаскировался ожидавший ее Федя Павлюк. Тот огрел унтера прикладом по голове. Потом Маруся и Федор связали его, засунули в рот кляп и привели в чувство. Он дал ценные сведения о составе гарнизонов в соседних селах и сообщил пароль.

Ночью партизаны вошли в Новую Слободу и первым делом прервали связь. Отделения Михаила Петренко и старшины Константина Бурупова окружили дом полицейской управы и школу, а взвод Бывалина — дом, где почевали эсэсовцы. В окна полетели гранаты. Уцелевшие от взрывов гитлеровцы высакивали в нижнем белье. Отчаянно отстреливаясь, они пытались отойти в сторону Калишей. Но в тыл им зашел политрук Харитон Черняков с партизанами. Кольцо замкнулось. В новослободской операции сводная группа уничтожила более пятидесяти гитлеровцев, захва-

тила два станковых и три ручных пулемета, автоматы, винтовки, пистолеты. Тринадцать партизанских семей, обреченных на расстрел, получили свободу.

В ту же ночь был совершен налет на семь других сел, назначенных боевым приказом.

Лейтенант Николай Подгорный, выполняя обязанности помполхоза, собрал столько трофейного оружия и боеприпасов, что его вполне хватило для вооружения восьмидесяти новых добровольцев.

Рейды Замулы и Хоменко в восточную часть Путивльского и на юг Шалыгинского районов отвлекли внимание противника от основных мест нашей дислокации. Активность отрядов возросла. Оперативные группы нападают на вражеские гарнизоны. Так, Глуховчане под командой политрука Андрея Мисько разгромили гарнизоны противника в селах Землянка и Дубовичи, захватили два станковых пулемета и пятнадцать винтовок.

Наши минеры и диверсанты оседлали шоссейные и железные дороги, каждую ночь раздаются взрывы. Минеры Геннадия Гребенюка из Шалыгинского отряда на дороге Глухов — Рыльск подорвали на минах три автомашины с вражескими солдатами. Васильев с товарищами подорвали второй эшелон с танками. Уничтожены пятьдесят вагонов и паровоз. Ученик Васильева Ваня Варламов почти под самым Конотопом пустил под откос воинский эшелон из тридцати двух вагонов.

Каждый отряд тесно связан со своим районом и селами. У многих партизан там находятся родственники, знакомые — верные помощники. В течение последних пяти дней некоторые из них влились в наши ряды.

Теперь мы снова держим под своим контролем весь север Сумской области, и противник уже не может вести с нами борьбу мелкими подразделениями. Районные центры Путивль, Глухов, Конотоп, Кролевец, Шалыгино и Бурынь он превратил в крепкие оборонительные пункты. Зато из сел этих районов оккупанты и их приспешники изгнаны.

Панин направляет агитаторов в села, разбросанные на десятки километров. Партизанская лесная типография каждый день выпускает листовки тиражами по несколько тысяч экземпляров.

Фашисты усиленно кричат о начавшемся наступлении их войск под Харьковом. На это надо ответить усилением борьбы в тылу врага.

Семен Васильевич выпустил специальную листовку о состоявшихся на днях встречах советских представителей с Черчиллем в Лондоне и Рузвельтом в Вашингтоне. Вслед за ней была выпущена листовка, рассказывающая о подписании договора между правительствами СССР, Великобритании и США «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны».

21 июня. Положение резко изменилось. Гитлеровское командование сняло войска еще с трех эшелонов, двигавшихся на фронт,

и вновь начало наступление на наши отряды. Противник продвигается с двух противоположных направлений: с северо-запада от Кролевца и с юго-востока от Путивля.

Третьего дня два батальона немцев пытались пройти через Антоновку на Воргол, но там их встретили Глуховский и Шалыгинский отряды и вынудили вернуться на исходные позиции. Позавчера 47-й и 51-й венгерские полки, усиленные танками и скорострельными пушками, начали наступление со стороны Кролевца на Морозовский лес, где стоит Кролевецкий отряд.

Соотношение сил явно не в нашу пользу. За последние три недели гитлеровцы сняли войска с восьми эшелонов, подтянули два полка 105-й мадьярской дивизии. Таким образом, по самым грубым подсчетам, на одного партизана приходится приблизительно по пятнадцать солдат противника. Это не считая танков, танкеток и самоходных пушек.

Вчера завязались ожесточенные бои на подступах к Литвиновичам. Насмерть дрались отошедшие из села Камень партизаны Кролевецкого отряда и литвиновичской роты под командой Михаила Ивановича Павловского. Противник ввел в бой до полка пехоты и батареи скорострельных пушек. Атаки следовали одна за другой. Село, подожженное термитными снарядами, пылало. Цепой больших потерь фашисты заняли северную и восточную опушки Спадщанского леса. Поступили тревожные вести от Кульбаки: оккупанты пробивались к лесу Довжик. Шалыгинский и Глуховский отряды вели там тяжелые оборонительные бои.

Кольцо снова замкнулось. Оставался единственный выход: немедленно уйти из-под удара, перегруппироваться и тем самым спутать планы врага. В шесть часов вечера приняли решение о выводе ночью штаба, санчасти и обозов Путивльского, Кролевецкого и Конотопского отрядов из Спадщанского леса через болота и горящие Литвиновичи на правый берег Клевени, в лес Марица.

Успех выполнения этого плана зависел от того, как долго продержатся партизаны в Литвиновичах. Ведь нам предстояло построить временный мост через реку Клевень и по нему переправить обозы с ранеными, боеприпасами и продовольствием.

Утомленные боем и форсированным переходом, партизаны в полях рубили лес, на себе перетаскивали бревна и жерди к берегу. Наконец мост был готов. Но вот беда: лошади вязли в болоте, подводы приходилось перетаскивать на себе.

Сегодня в 6.00 противник с новой силой обрушил удар на Литвиновичи, ввел в бой танки и бронемашинны, поддержанные скорострельными пушками. Из отряда Павловского прискакал гонец. Он сообщил, что патроны на исходе, положение очень тяжелое. Партизаны несут потери. Погибли комиссар кролевчан Григорий Семенович Иванько и бесстрашный Ваня Богдановский, на счету которого 93 уничтоженных фашиста, тяжело ранен политрук Крусевиц.

Донесение написано рукой Мазуренко. В конце он пишет, что сам ранен в обе ноги осколком снаряда. Спрашиваю у связного:

«Как Иван Минович?» — «Смотреть страшно, — ответил он, — потерял много крови, но из строя не выходит, помогает Павловскому».

Им послали четыре воза патронов и взводы Дегтева и Киселова, которые зашли оккупантам в тыл со стороны села Локни и оттуда ударили по боевым порядкам наступавших. Прорвавшись к селу на самой опушке леса, партизаны выручили из беды блокированное противником отделение Горланова. С криками «Ура!» они опрокинули передовую цепь гитлеровцев и соединились с группой Бориса Федоровича Голубева, которая со взводом Тетеркина занимала центральный участок обороны.

В последнюю атаку противник обрушил весь огневой удар. Пехота шла в рост, укрываясь за танкетками и бронемашинами. Передняя бронемашина въехала на сельскую улицу, фашисты зацепились за крайние хаты. Создалась угроза прорыва обороны. Павловский ввел последний резерв — взвод кролевчан, штабистов и отделение охраны. Командовал ими политрук Семен Иванович Нелен.

Расчет ротного миномета Петра Гаркавенко открыл беглый огонь по прорвавшемуся противнику. С противоположной стороны минометчиков поддержали два станковых пулемета из группы политрука Кролевецкого отряда Павла Ивановича Подуремни.

Издали виднелась пожарная вышка, а на ней — маленькая, щуплая фигурка девушки, освещенная багровым пламенем горевших вокруг домов. Литвиновичская комсомолка Таня Быкова только что вступила в отряд и по заданию Павловского с пожарной вышки вела наблюдение за противником и корректировала огонь минометчиков.

Раненная в плечо и бедро, она свой пост не оставляла. Но вот фашинский снайпер нанес ей третье смертельное ранение.

Группа Нелена хотела контратаковать врага, но помешал пулемет, бывший из бронемашин. Коммунист-путивлянин Георгий Юрченко по-пластунски подполз к вражеской машине и метнул связку гранат. Пулемет замолчал. Тогда партизаны бросились в атаку. Первым шел фельдшер Антон Землянко. Фашисты попятились назад. Успех контратаки закрепило отделение Копейкина. Захватив у бегущих фашистов два станковых пулемета, они развернули их и добились всю группу.

Сто восемьдесят солдат и офицеров потеряли гитлеровцы в литвиновичском бою. К 11 часам Кролевецкий отряд и группа Павловского под напором противника вынуждены были отойти к селу Воргол. Отход прикрывал взвод летчика Борисова и политрука Луки Егоровича Кизи. Противника они задержали на добрых полтора часа, сами же не смогли прорваться к Ворголу и взяли направление на Старую Гуту, в Брянские леса.

Выбив группу Борисова из Литвиновичей, фашисты двумя батальонами начали наступление на Воргол, одновременно предприняв обходный маневр со стороны Зазерок.

Много бед принесли нам термитные снаряды. Подоженные

ими сельские хаты пылали, словно огромные факелы. Несмотря ни на что, партизаны держались крепко.

После небольшой артподготовки фашисты в полный рост снова пошли в атаку. На расстоянии пятидесяти метров глуховчане открыли шквальный огонь. Первая цепь наступавших была скошена, вторая залегла. Вскоре фашисты снова повторили атаку и опять неудачно.

Не принесло оккупантам успеха и наступление на Шарповку. У обочины дороги, по которой шли танки, лежал в секрете боец Шалыгинского отряда Григорий Петрович Маслов. С мной в руке он пополз навстречу головному танку. Как произошло дальнейшее, никто не знал. Видели только то, что танк подорвался, а уже ночью, после боя, недалеко от подбитой машины нашли изуродованное тело Маслова. Остальные три танка были подбиты из 45-миллиметровой пушки. Атаку пехоты, лишенной поддержки танков, шалыгинцы отбили ружейно-пулеметным огнем.

Под Зазерками и у Старой Шарповки немцы потеряли 85 человек. Атаки их не прекращались до темноты. Как только сгустились сумерки, наши оперативные группы отошли. Однако пришлось оставить несколько бойцов, которым было приказано периодически постреливать, чтобы создать видимость нахождения партизан в обороне.

22 июня. К утру все отряды собрались в лесу Марица. Известна была только судьба группы Борисова, состоявшей из сорока партизан. Двухдневный ожесточенный бой, форсирование реки, утомительный ночной марш изнурили людей. Стогло человеку присесть, как он тотчас же погружался в глубокий сон. Необходимо была передышка.

Брешь в кольце окружения была пробита, путь в Брянские леса расчищен. Но уходить от Конотопско-Курской магистрали не хотелось. Оккупанты восстановили разрушенные нами мосты, и снова один за другим идут на Курск вражеские поезда с войсками, боеприпасами и техникой. Поэтому из леса Марица соединение двинулось на юго-восток, ближе к магистрали. Нужно было во что бы то ни стало сорвать воинские перевозки противника.

Остановились на дневку в селе Окоп. Здесь нас догнала разведка, оставленная наблюдать за действиями врага. Любопытно, немцы весь день прочищали урочища Марица и Довжик, но, конечно, партизан там не нашли.

23 июня. Ночью недалеко от села Ховзовки наши отряды прорвали заградительные заслоны 318-го немецкого полка, форсировали вброд реку Клевень севернее Брьюха, прошли в Казенный лес и остановились на отдых в двух километрах от села Бруски.

Мы подвели итог деятельности соединения за последние две недели. Цифры побед внушительны. Партизаны уничтожили свыше семисот солдат и офицеров, подорвали десять грузовых автомашин, танк и танкетку, железнодорожный мост на реке Реть протяженностью в 50 метров и три моста на грунтовых и шоссежных

дорогах общей длиной 375 метров, пустили под откос три эшелона с войсками и техникой противника.

24 июня. Гитлеровцы вновь подняли резервы и выставили вокруг нас сильные заставы. В деревнях Петуховка и Вегеровка расположились немецкие полки, в Берюхе — мадыарский заслон.

Оккупанты, видно, твердо решили уничтожить наши отряды. Мы им теперь — как кость в горле. На Курском направлении начались ожесточенные бои. А на главной магистрали, по которой они снабжают этот участок фронта, в каких-нибудь ста пятидесяти километрах от переднего края чуть ли не ежедневно происходят крушения поездов.

В такой обстановке нельзя избавиться от тяжелых оборонительных боев. Гитлеровцы будут навязывать их нам, пока отряды не отойдут от железной дороги. Нам же пока нет смысла уходить. Здесь ахиллесова пята противника, здесь наша помощь фронту будет наиболее полезна.

В оборонительных боях мы тоже выигрываем: во-первых, наши потери несравненно меньше, чем у противника, во-вторых, несколько вражеских полков, составляющих по силе целую дивизию, уже не доехали до Курска и вынуждены впустую гоняться за нами.

Противник вновь угрожает нам окружением.

27 июня. Вчера ночью закончили передислокацию отрядов. Расположились тремя большими группами. В Анатоьевских лесах, по обеим сторонам дороги Ворожба — Хутор-Михайловский, находятся отряды: Глуховский и Шалыгинский — слева, Конотопский и Кролевецкий — справа, Путивльский отряд, как самый большой и сильный, расположился в пятнадцати километрах южнее, в Новослободском лесу.

Дороги Конотоп — Ворожба и Ворожба — Хутор-Михайловский идут в непосредственной близости от нас. Это позволит нам при случае нанести удары по Путивлю, Шалыгину, Глухову, Эсмани, Круцу и лишает противника возможности окружить одновременно все наше соединение.

... В полдень вражеская мотопехота, прибывшая на одиннадцати автомашинах с артиллерией, минометами и пулеметами, заняла село Калиши и оттуда повела обстрел Новой Слободы зажигательными снарядами. С первых же выстрелов запылали хаты колхозников. В течение нескольких часов фашисты сожгли в Новой Слободке до пятисот крестьянских дворов, в Калишах — свыше ста, в Линове — тридцать. Партизаны расставили мины на дорогах, по которым должны возвращаться каратели. Вечером на минах взорвались две вражеские автомашины. Убито семнадцать палачей.

28 июня. Разведка сообщила, что противник стянул в Путивль все силы, разбросанные по селам района. Оставленные на местах небольшие гарнизоны настолько напуганы действиями партизан, что в любую минуту могут сорваться с насиженных мест и ударить в Путивль.

29 июня. Утром в штаб пришли две колхозницы. Они жаловались на бойца, который забрал у них сало, картошку, молоко, ку-

рицу. Случай этот очень взволновал меня и Руднева. Никогда еще в соединении не было мародеров. Даже в очень тяжелые дни, когда партизаны буквально голодали, никто не обижал колхозников или рабочих, не говоря уже о вдовах или солдатских семьях. А тут такая неприятность! Объявили общее построение. Женщины обошли строй, но виновника не нашли. Тогда я рассказал партизанам о жалобе, и партизаны сами разыскали мародера. Им оказался молодой парень, недавно пришедший в отряд. Воевал он неплохо, участвовал в нескольких сложных разведывательных операциях.

Начался допрос. Я пытался выяснить, что же его толкнуло на такой подлый поступок. Ничего вразумительного он не ответил. Пришлось его арестовать.

Ровно через час снова было назначено общее построение. Перед строем бойцов в присутствии большой группы местных жителей начальник штаба Базыма, чеканя каждое слово, зачитал приказ о расстреле виновного. Наступила гробовая тишина. Вдруг раздался пронзительный женский крик:

— Ой, лышенько, то що цэ робыцца! За одну курку людныу стреляты будуць!

Обе женщины бросились ко мне, умоляли помиловать виновного. Стройные ряды партизан как-то сами по себе смешались с жителями. Начался митинг. Люди с гневом осуждали поступок мародера, но никто не требовал расстрела. Всем было жалко парня. Сам он поклялся кровью искупить свою вину. Я отменил приказ о расстреле и думаю, что не ошибся. Фамилию провинившегося умышленно не называю, ибо он искупил свой гнусный поступок верным служением Родине.

Штаб разработал новую операцию по одновременному проведению диверсий на шоссе и железных дорогах. Так, Глуховскому отряду была поставлена задача взорвать и сжечь мосты в Корниже. Такую же операцию обязывались провести Шалыгинский отряд в селе Маркове, а Конотопский и Кролевецкий отряды — возле теткинских торфоразработок. Минерам Путивльского отряда приказывалось взорвать и сжечь Макшавицкий паром и совершить железнодорожную диверсию на перегоне между станциями Бурьян и Ворожба. Вечером оперативные группы вышли на выполнение задания.

1 июля. Секретарь партийной организации Панин провел собрание в Новой Слободе. В центре села собрались все жители. Яков Григорьевич рассказал людям о международном положении, ходе боев на фронтах и задачах населения по борьбе с гитлеровскими захватчиками. После собрания многие записались в ряды партизан.

К вечеру вернулись оперативные группы. Глуховчане разгромили местный полицейский гарнизон в селе Корниже и взорвали мост через Сейм. Шалыгинский отряд занял село Марково, взорвал и уничтожил паром, захватил мельницу, где оказалось около сорока тонн муки. Две с половиной тонны оставили себе, остальные

раздали населению. Конотопский и Кролевецкий отряды взорвали мост узкоколейной железной дороги, перекинутый через Сейм возле Теткина. Оперативная группа Путивльского отряда взорвала Мухановский паром, прервала связь с Путивлем на протяжении одного километра, очистила от оккупантов Бояро-Лежачи, Мухановку, Юрьево, Волинцево, Линово, Калиши и Ивановку.

3 июля. Фашистское командование вновь начало стягивать свои войска против наших отрядов. В селах, расположенных вокруг Новослободского леса, сконцентрировано до трех полков мотопехоты, усиленной танками и артиллерией. Разведка допесла, что против Путивльского отряда выступают мадьярский полк и батальон гитлеровцев. Со стороны сел Новая Слобода, Калиши и хутора Свобода, расположенных вокруг Новослободского леса, мадьяры установили три батареи. Между этими селами постоянно курсируют свыше десятка автомашин с пехотой, три танка и четыре бронемашинны. Таким образом, противник закрыл все дороги, связывающие нас с остальными отрядами. Путивльские партизаны оказались в кольце.

5 июля. Три дня происходят стычки и перестрелки. Мелкие группы противника пытаются проникнуть в лес. Трижды мы посылали связных к соседним отрядам, и всякий раз они не могли пройти. Только в четвертый раз двум молодым разведчикам Н. Бардакову и В. Четветкину удалось пробраться через вражеские заслоны к соседям. Вот как они перехитрили врага. Нацепив на себя для маскировки ветки орешника, разведчики проползли попластунски в нескольких метрах от мадьярских дозоров и спустились к болоту. Через заросли камыша и осоки отважные партизаны добрались до противоположного берега. Оставалось пройти самое опасное место — стометровую полосу болотной воды, а дальше — спасительный прибрежный кустарник. Выручила смекалка. Взяв в рот пустотелые камышовые стебли, хлопцы прошли под водой так искусно, что находившийся неподалеку вражеский дозор их не заметил.

6 июля. Вчера весь день противник вел усиленный артиллерийский обстрел Новослободского леса, и особенно по Монастырскому городку. Сегодня в 9 часов утра со стороны Линова фашисты пошли в наступление. Одновременно двинулись цепи противника со стороны села Калиши. Рассчитывая расчлениить наши боевые порядки, немцы и мадьяры шли тремя большими группами: первая (ударная) по центральной дороге, ведущей к городку, где располагались штаб и санитарная часть отряда, вторая — по восточной опушке и третья, с обозами, огибала лес с севера. Ударной группе гитлеровцев удалось продвинуться по оврагу, заросшему кустарником, почти к центру леса и отрезать штаб и обоз с ранеными от группы Коренева, состоявшей из пятой и третьей рот.

Все наши резервы были введены в бой. Оставшиеся в штабе отделение разведки и взвод комендантского управления заняли круговую оборону по склонам оврага в трехстах метрах западнее монастырских стен.

Создалось такое серьезное положение, что каждому было ясно: победу мы можем вырвать ценой больших жертв. Враги наседали со всех сторон. На одного партизана приходилось по несколько десятков фашистских солдат.

В такие моменты, когда смерть подходит вплотную, люди стремятся быть вместе. Раненые попросили перенести их на линию огня, а те, кто не мог ни двинуться, ни держать в руках оружие, требовали, чтобы под них положили гранаты, привязали к кольцу чеки шнур и конец дали в зубы: тогда можно будет взорвать себя вместе с подошедшими врагами.

Встретив отчаянное сопротивление партизан на западной опушке и в северо-восточной части леса, противник несколько замедлил темпы своего наступления. Одна вражеская группа шла между болотом и лесом, по дороге, ведущей в тыл расположения штаба отряда. Вот она подошла буквально на расстоянии каких-нибудь двухсот метров. Отделяла нас лишь густая стена зарослей орешника.

Видя угрозу, создавшуюся для всей нашей обороны, Григорий Замула и его бойцы подползли через заросли почти к самой обочине дороги и ударили из пулемета и автоматов по центру наступавшей колонны мадьяр. Огонь партизан был столь неожиданным, что около трехсот наступавших фашистов смешалось и заметалось на дороге. В этот момент в их тыл снизу ударила группа Пятышкина и довершила разгром. Все каратели либо погибли от пуль партизан, либо увязли в болоте.

Несколько групп партизан одновременно открыли ураганный пулеметный огонь по обозу противника. Этот огневой налет вызвал сильную панику среди фашистов.

К 5 часам вечера немецкие цепи снова пошли в атаку. В роте Карпенко кончились патроны. Федор поднялся во весь рост и с криком «За Родину!», «Бей фашистов!» бросился врукопашную. За командиром дружно поднялись бойцы. Натиск партизан был настолько дерзким, что фашисты в панике откатились назад.

На северном участке обороны Ваню Рехвиашвили близко подпустил роту противника к своему пулемету и так по ней полоснул, что мало кто из фашистов уцелел.

К 19.00 с северо-западной окраины леса подошли вражеские танки.

Начался сильный артиллерийский обстрел. Гитлеровцы снова пошли в наступление. Отчетливо слышались пьяные выкрики и были видны перекошенные злобой лица фашистов. Между тем у большинства партизан кончились патроны. Мы приготовились к последней рукопашной схватке. В это время, словно по мановению волшебной палочки, раздались звуки «Интернационала». Партизаны были удивлены: кто мог петь «Интернационал» в тылу у немцев?

Оказалось, что это пели наши верные боевые друзья конотопцы и королевчане. Узнав от связных о тяжелом положении нашего отряда, они оставили раненых в лесу и поспешили к нам на помощь.

Подойдя к первому поселку теткинских торфоразработок, быстро заняли исходный рубеж в тылу вражеских заслонов.

Первой поднялась любимая всеми партизанская певунья, всегда веселая, жизнерадостная восемнадцатилетняя комсомолка Вера Сугоняк. Громко, во всю силу своего прекрасного звонкого голоса она запела:

Вставай, проклятым заклеимснный,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов...

И вдруг, подобно молодой сосенке под топором дровосека, Вера рухнула наземь. Вражеская разрывная пуля угодила прямо в сердце. Но партизаны уже дружно подхватили слова пролетарского гимна. Сквозь треск автоматов и беспорядочной винтовочной стрельбы слова «Интернационала» четко доносились до нас, на Монастырскую гору. В едином, неудержимом порыве все мы ринулись в штыковую атаку.

— Никто не даст нам избавленья:
Ни бог, ни царь и ни герой...

волнующе и широко неслось над лесом и лугом.

Ошеломленные фашисты дрогнули. Некоторые из них в беспорядке отступили ко второму и третьему поселку теткинских торфоразработок.

Путь на юго-восток стал свободен. Противник потерял только убитыми 180 солдат и офицеров. Партизаны захватили 45-миллиметровую пушку, крупнокалиберный пулемет, 6 станковых пулеметов, 7 минометов, 25 винтовок, походную кухню, 13 лошадей и много другого имущества.

В этом тяжелом бою смертью храбрых погибли Григорий Замула, Тихон Козаченок, Петр Морозов, Василий Рыжков, Василий Чут, Николай Тарасенко, Вера Сугоняк, медсестры Маруся Шмацкая, Маруся Быкова... Их братская могила в Новослободском лесу всегда будет напоминать грядущим поколениям о простых советских людях, самоотверженно боровшихся против фашизма, за честь и свободу Родины.

В 24.00 отряд двинулся через первый поселок торфоразработок, деревни Вегеровка, Буякино и на рассвете вышел к Казенному лесу. При подходе к нему мы видели, как глуховчане и шальгиныцы, тоже пришедшие нам на помощь, ударили по врагу с севера, со стороны Новой Слободы.

Удирая от партизан Кульбаки и Матющенко, гитлеровцы бросили батарею из четырех орудий.

7 июля. На стоянке в Казенном лесу нас догнали конные разведчики, которые сообщили тяжелую весть: фашисты убили в Новой Слободке зверскую расправу над мирным населением. Они загнали их в чем неповинных женщин, детей и стариков в дома, заперли их и заживо сожгли. Спрятавшихся людей в погребах за-

бросали гранатами. В довершение своих зверств они забрали в Путивль двадцать два заложника.

К месту этой страшной трагедии была послана группа бойцов и медсестер во главе с Паниным. Они насчитали в Новой Слободе свыше семисот убитых и раненых. На восьмидесяти трех трупах стариков, женщин и младенцев было по нескольку пулевых и штыковых ранений. Оказав посильную помощь оставшимся в живых, партизаны вернулись в соединение. На них, как говорят, лица не было. Молодые девушки-санитарки, которых мы раньше не пускали в бой, щадя их молодость, теперь со слезами на глазах требовали от своих командиров, чтобы их послали на самые опасные задания. Все горели желанием мстить фашистским варварам за зверства в Новой Слободе.

9 июля. После отдыха в Казенном лесу соединение перешло в Анатольевский лес Крупецкого района Курской области. Оттуда мы вновь повернули к Казенному лесу, но уже с другой стороны. В результате этого маневра нам удалось оторваться от противника, выиграть целые сутки, столь необходимые для передышки и выполнения новых диверсий на железнодорожных перегонах Конотоп — Ворожба — Волфино.

10 июля. К нам на стоянку в Казенный лес из Шостки пришли еще восемь патриотов. Из них мы организовали партизанский отряд. Командиром назначили Федота Андреевича Тыдню, комиссаром Игната Кирилловича Смычко. В приказе по соединению указывалось, что Шосткинский отряд на первых порах, пока в его рядах не вольется достаточное количество добровольцев, должен действовать как оперативная группа Глуховского отряда.

Вечером с задания вернулись две группы разведчиков и минеров. Группа Терехова на перегоне Бурьнь — Конотоп пустила под откос эшелон противника, груженный танками. Такую же операцию выполнили минеры Островский, Кириченко, Васильев и Дьянов на перегоне Бурьнь — Ворожба. Кроме того, на шоссе между Вязенкой и Баничами они подорвали миной танк, а экипаж уничтожили.

11 июля. После каждой диверсии гитлеровцы стремятся в спешном порядке наладить движение поездов, интенсивность которого все возрастает. На фронт идут огромные резервы — пехота, танки. Очевидно, фашисты готовят большое наступление. Для борьбы с партизанами вокруг железнодорожных магистралей и особенно в районе крупного узла Ворожба оккупанты стягивают новые силы карателей, а в селах на правом берегу Клевени создают новые гарнизоны. Оккупационные власти снова пустили слух о том, что наше соединение разгромлено, а Ковпак повешен. Тем не менее к нам по-прежнему идут добровольцы.

12 июля. После двухдневной стоянки в Казенном лесу сделали быстрый бросок на северо-запад. Отряды расположились в таком порядке: Путивльский — в районе села Воргол, Глуховский — возле Зазерок, Шалыгинский — у села Кочерги, Конотопский и Кролевцкий — около Щербиновки.

Двухмесячный рейд соединения по Путивльскому, Шалыгинскому, Глуховскому, Кролевецкому, Конотопскому, Глушковскому и Крупецкому районам дал хорошие результаты. Нам удалось дезорганизовать вражеский тыл, остановить следовавшую на фронт дивизию, обратив ее силы против партизан. Таким образом, поставленную перед собой задачу мы выполнили. Остаться дальше в этом районе, наводненном вражескими войсками, не имея боеприпасов, очень рискованно. К тому же увеличилось число раненых. Решили пробираться в леса Кролевецкого района.

Высланные вперед разведчики на рассвете напали на спящий вражеский гарнизон в селе Камень, которое расположено между Литвиновичами и Мутным. Стоявшая там вражеская застава закрыла нам выход из Путивльского района. Несожданное нападение партизан вынудило гитлеровцев, не приняв боя, отойти. Соединение форсированным маршем по проселочной дороге прошло севернее Мутна.

В полукилометре от шоссе Конотоп — Кролевец путь преградил спешно выгруженный из эшелонов артиллерийский вражеский полк. Гитлеровцы открыли такой интенсивный огонь из скорострельных пушек, что во избежание потерь пришлось отказаться от намерения пересечь шоссе и повернуть на северо-восток по направлению к Брянским лесам.

На Брянщине

16 июля. Накануне перехода в Брянские леса все отряды соединения были сконцентрированы в одном месте — в урочище Кочубеевщина. В ночь с 14 на 15 июля отряды вышли на север. Утром остановились на дневку в лесу возле села Дубовичи Глуховского района. Конная группа партизан с марша ворвалась в село и атаковала вражеский гарнизон. Бой длился полчаса. Некоторым гитлеровцам удалось удрать в Глухов. Они доложили командованию, что на них напал небольшой партизанский отряд, поскольку о подходе соединения не знали. Поэтому гитлеровцы бросили против нас сравнительно небольшой сводный карательный отряд — около двухсот солдат и офицеров.

Каратели, даже не разведав наших сил и оборону, построились в боевые порядки и во весь рост пошли в наступление.

Находясь в обороне, партизаны, как всегда в таких случаях, не отвечали на беспорядочную стрельбу, пока враг не подошел почти вплотную. И тут на фашистов мы обрушили шквал огня. Кувалда и Кочемазов подняли бойцов в контратаку. Сорок минут длился этот бой. Поле было усеяно трупами врагов. Мы насчитали их свыше ста семидесяти. Вооружение отрядов пополнилось пятнадцатью трофейными пулеметами, винтовками, автоматами. Есть потери с нашей стороны. Смертью храбрых погибли Андрей и Даниил Черняковы, Иван Воронин, Иван Гузев и другие. Обоз с ранеными увеличился.

В тот же день в районе Ворожбы шалыгинцы пустили под откос вражеский эшелон из сорока вагонов с боеприпасами и живой силой.

24 июля. В течение всей истекшей недели соединенные совершили марш. Иногда приходилось на ходу изменять намеченный маршрут, чтобы избежать столкновения с противником в не выгодных для нас условиях. По пути следования очищали села от полицейских. Сегодня прошли населенные пункты Поделы, Степановка, Улица. Остановились у южной окраины Брянских лесов, в шести километрах восточнее станции Знобь. Наш приход на Брянщину совпал с началом очередной крупной карательной экспедиции врага против партизан. На южной оконечности леса оборону заняли партизанские отряды, отошедшие из Хмельских лесов, Ямпольского и других районов Украины. Тут же находятся отряды имени 24-й годовщины РККА и донбасских шахтеров.

25 июля. В 6 часов утра вражеская артиллерия обстреляла заставы Хильчанского отряда со стороны Знобь-Трубчевского. К лесу подошли пехота, танки и конница. Заставы хильчанцев вынуждены были отойти. Тесня их, фашисты углублялись в лес, рассчитывая соединиться со своей второй группировкой, которая продвигалась с противоположной стороны. Она захватила село Улицу и выбила оттуда заставу Ямпольского партизанского отряда. Создалась серьезная угроза прорыва на участках обороны отрядов имени 24-й годовщины РККА, Хильчанского, Середино-Будского, Ямпольского и шахтеров Донбасса.

Наше соединение, несмотря на измотанность двухмесячными боями и длительным маршем, вынуждено было сразу же вступить в боевые действия и взять на себя руководство всей операцией. Силами Глуховского и Шалыгинского отрядов, пятой и восьмой оперативных групп Путивльского отряда мы заняли оборону на участке от западной окраины села Улицы до станции Знобь.

Отступив из села Улицы, Ямпольский отряд тем самым открыл наш левый фланг. Командиру отряда Гнибеде было предложено восстановить положение, но ямпольцы не сумели вернуть село. На место выехал Руднев, взяв с собой из резерва четвертую оперативную группу. Совместными усилиями они отбили село у противника, и отряд вновь занял недавно утраченные позиции.

Тяжелый бой разгорелся за районный центр Знобь-Новгородское. Там создалось настолько сложное положение, что командир Шалыгинского отряда Саганюк вынужден был оставить на поле боя пушку. Пришлось принять срочные меры. К вечеру пушку отбили, а противника отбросили на исходные позиции. На этом завершился первый этап боя по разгрому наступавшей вражеской группировки. И сразу же приступили к осуществлению второй части плана — к полному уничтожению отдельных подразделений врага, которые расположились в селах Голубовка, Старая Гута и Новая Погощь.

28 июля. Выполняя боевой приказ, оперативные группы нашего соединения и Середино-Будский отряд (командир Федоров) в ночь

с 27 на 28 июля заняли исходные рубежи. В 2.30 начали наступление. Все свое внимание противник сосредоточил на участке группы Карпенко. К 4 часам утра две группы партизан скрытно обошли оборону гитлеровцев и ударили им в тыл и фланг. Враг пытался отбиться, но не выдержал стремительного натиска партизан и бежал, бросая оружие. К 7 часам утра намеченные приказом населенные пункты были очищены от противника. Середино-Будский отряд расположился в хуторе Васильевский, а отряды нашего соединения — в Новой Гуте, Кролевецкий и Шалыгинский — в Старой Гуте, Путивльский — в Голубовке, Конотопский — в лесу, в трех километрах севернее хутора Васильевский.

В ходе этой операции уничтожено более двухсот солдат и офицеров 3-го батальона 47-го мадыарского полка. Взяты трофеи: 11 пулеметов, 6 минометов, 2 рации, санитарная автомашина, штабные документы и т. д.

29 июля. Утром я отправился посмотреть, как расквартированы бойцы. Возле пожарной вышки — партизаны. Вдруг сверху дозорный докладывает:

— Товарищ командир, в пшенице мадыары! Разрешите полоснуть из пулемета.

— Подожди, — ответил я и поднялся на вышку.

В бинокль хорошо видно, как по бескрайнему полю пшеницы идет к селу мадыары, держа автоматы и винтовки за спиной.

«Идут сдаваться в плен», — мелькнула мысль.

— Связыным быстро к заставе, — приказал я. — Первыми огня не открывать. Предупредить всех дозорных, чтобы усилили наблюдение.

Связные с места пустили коней в галоп, только пыль закружилась за ними. Продолжаю наблюдать. Мадыары подошли к селу еще метров на сто и спрятались в пшенице. Вскоре тридцать солдат с поднятыми руками под командой своего офицера, окруженные партизанским конвоем, подошли к вышке.

Высокий, стройный офицер, чекая шаг, направился ко мне, вытянулся и доложил:

— Господин-товарищ, командир советски партызант! Трыдцат мадыар-антыфашыст прышол в плэн. Просыт разрэшыйт воевайт за свободный Венгрия на советски Украина. Старший лейтэнант Габор.

— Ну что ж, товарищи-антифашисты, правильно сделали, что пришли, давно пора, — сказал я и, обращаясь к Горкунову, отдал распоряжение о снятии конвоя.

Сбежавшиеся к вышке партизаны и колхозники смотрели на пленных с улыбкой. Мадыарские солдаты вначале были угрюмы, молчаливы, очевидно, боялись, как бы наши люди не предъявили им счет за их соплеменников, заливших кровью советскую землю. Но вскоре мадыары поняли, что бояться им нечего. Вот партизан достает кисет, бумагу и подает венгерскому солдату.

— Кури, крамад, вместе воевать будем — ты за Венгрию, я за Россию и за Украину.

2 августа. В Старой Гуте бойцы нашего соединения встретились со старыми друзьями — колхозниками. Они поведали нам о своем горе: немецко-магьярские фашисты не дали им собрать урожай. Хлеб гибнет на корню. Партизаны решили оказать помощь населению. На полях села закипела работа. Люди, изголодавшиеся по мирному крестьянскому труду, настолько увлеклись, что даже не проверили, есть ли на полях вражеские мины. В результате произошел страшный случай — погибли два партизана. Пришлось временно приостановить работы, пока минеры не прочесали всю местность.

9 августа. За шесть дней соединение построило надежную оборону, которая гарантирует от неожиданных атак противника.

Каждый отряд выслал по две группы разведчиков: одну — в ближний район, другую — в дальний. У нас стало правилом: как только соединение остановилось хотя бы на кратковременный отдых, немедленно во все концы высылаются разведчики, а в населенные пункты — партизанская агентура. Это дает нам возможность всегда знать, что делает противник не только в непосредственной близости, но за сто и больше километров.

20 августа. Оказывая помощь населению в уборке урожая, партизаны в то же время заготавливали продукты и для себя. Все наши отряды централизованно снабжаются. Раньше хозяйственными делами занимался комендантский взвод, теперь объем работ по заготовкам и распределению продуктов намного возрос, и пришлось создавать хозяйственную часть, во главе которой стал мой помощник — старший лейтенант Подгорный. Он начал с того, что развернул работы по уборке хлебов и заготовке сена.

Все взрослое население Старой Гуты вместе с партизанами с утра до ночи трудилось в поле. Сбранного хлеба хватит на нужды соединения, старогутинцев и беженцев, находящихся на территории расположения наших отрядов. Детей Подгорный привлек для сбора грибов и ягод.

Должен сказать, что Николай Леонтьевич Подгорный проявил себя умелым организатором и хорошим партизанским интендантом. Эту его положительную черту я сначала не знал. Пришел он к нам в начале марта. Войну начал на границе, отступал со своей частью почти до самого Путивля, здесь попал в окружение. Пробиться на восток к фронту не удалось, вот и пошел в партизаны. Восвать в отряде он начал рядовым. После первых боев был назначен командиром отделения, а затем взвода. После боя в Новослободском лесу принял роту, а теперь — помощник командира партизанского соединения.

21 августа. Получил радиogramму, в которой мне предлагалось явиться в Москву на совещание командиров партизанских отрядов. Прибыть я должен был на аэродром орловских партизан. В день отъезда меня окружили разведчики, минеры, артиллеристы, медработники, стрелки. Все дают письма родным или близким и просят опустить их в почтовый ящик в Москве.

В столице я не был с 1931 года, когда учился на высших курсах командного состава Красной Армии «Выстрел». Никогда не думал, что сейчас, в разгар тяжелой войны, мне придется оставить на время своих боевых друзей и лететь в Москву. На орловском аэродроме я встретил много знакомых по совместным боям командиров партизанских отрядов и соединений. Здесь были Гудзенко, Дука, Покровский, Кошелев, Сабуров, Ромашин, Емлютин и другие.

Линию фронта пересекли ночью на высоте около трех тысяч метров. Вражеские зенитки все время вели огонь по самолету. Несколько раз машина попадала в лучи прожекторов, но летчик, умело маневрируя, неизменно уходил из полосы ослепляющего света.

24 августа. Прибыли в Москву. С аэродрома нас сразу же отвели в штаб К. К. Рокоссовского, где состоялась теплая, обстоятельная беседа. Командующий интересовался партизанской тактикой, условиями борьбы по ту сторону фронта, состоянием вражеского тыла, коммуникациями и передвижением по ним фашистских войск и т. д.

26 августа. Всех нас пригласили в Центральный штаб партизанского движения. Здесь также состоялась обстоятельная беседа.

31 августа. Утром по телефону нас предупредили, чтобы мы никуда не отлучались и ждали вызова в Кремль. Вскоре этот вызов последовал. Когда вошли в Кремль, товарищи предложили мне идти впереди всех. Ты, мол, самый старший по партизанскому стажу, вот и будь направляющим. До этого в Кремле я не бывал и, признаться, немного волновался.

На приеме в Ставке Верховного Главнокомандования было человек двадцать командиров партизанских соединений и отрядов. Когда все расселись за длинным столом, я осмотрелся по сторонам. Вижу, на столе лежит карта походов нашего Сумского соединения, которую Войцехович составлял в Старой Гуте. Тогда ее отравили самолетом в Центральный штаб партизанского движения, а теперь она здесь, в Кремле. Что бы это могло значить?

Прием был продолжительным. Нас подробно расспрашивали о боевых делах отрядов, быте, связях с народом, вооружении, обмундировании. Когда спросили об источниках пополнения боеприпасами, я ответил, что источник один — трофеи.

— А почему ваши отряды стали рейдирующими? — спрашивали меня.

Я рассказал, что мы вынуждены были уйти 1 декабря 1941 года из Спассанского леса, как дважды уходили из Хинеля и Старой Гуты рейдами на Путивль, и на опыте убедились в преимуществе маневренных действий. Тут же мне задали вопрос: может ли наше соединение совершить рейд на правый берег Днепра?

Мысль о выходе на Правобережную Украину у нас никогда раньше не возникала. До этого мы совершали рейды из одного района в другой, по знакомым нам местам. Выходили за пределы Путивльского района, рейдировали по всей северной части Сум-

ской области, иногда даже переходили границы Украины, Курской и Орловской областей Российской Федерации. Это были не простые передвижения с одного места на другое под натиском превосходящих сил противника. Нет. В процессе переходов соединенные наносило врагу удары в самые большие места. Но ходить все время по одним и тем же районам не было смысла. Обстановка требовала, чтобы соединение действовало на Правобережье. Теперь нам предстояло пройти по территории нескольких областей, форсировать Десну, Днепр. А пройти туда мы, безусловно, сумеем, ведь там и земля, и люди такие же советские, как на Сумщине или в районах Брянских лесов. Хорошенько поразмыслив, я сказал, что выйти на правый берег Днепра мы сможем.

Напротив меня сидел Александр Николаевич Сабуров. Еще до вылета в Москву, в Старой Гуте, у нас был разговор о совместном рейде на Сумщину. Он поднялся и заявил, что тоже хотел бы со своими отрядами двинуться на правый берег Днепра. Согласие было дано. Нам предложили составить заявку на все, что потребуется для рейда на Правобережье.

Выйдя из Кремля, мы еще не осознали в полной мере всю важность этого совещания. Лишь потом, в гостинице, поняли глубокий смысл совещания, на котором нас, партизан, называли вторым фронтом. На союзников, значит, рассчитывать не приходится. Американцы и англичане саботируют открытие второго фронта в Европе. Ну что же, мы сами его создадим. Один фронт у нас на Волге, а второй будет партизанский, в тылу врага за Днепром.

На другой день меня и Сабурова снова вызвали в Кремль. Речь шла о предстоящих делах на территории Правобережной Украины. Нашему соединению было предложено отправиться в Киевскую область, а Сабурову — в Житомирскую. Эти районы с разветвленной сетью железных и шоссейных дорог, многочисленными переправами через реки являлись важнейшими стратегическими узлами.

Основной упор делался на то, чтобы наши соединения подняли там народ на вооруженную борьбу с оккупантами, развернули диверсионную работу, срывали подвоз из Германии резервов и техники к Волге и предгорьям Кавказа. Нашему соединению, кроме того, было приказано разведать укрепления на правобережье Днепра и Припяти и обо всем донести в Ставку Верховного Главнокомандования.

Мы понимали, что наш партизанский рейд связывается с подготовкой больших операций Красной Армии, что вскоре надо ждать радостных событий с фронта. Все было оговорено и учтено вплоть до установления надежной радиосвязи.

Возвращаясь из Кремля, Сабуров был очень задумчив.

— О чем ты, Александр Николаевич? — спросил я его.

— Вот думаю о сложности задания.

— Понимаю. Конечно, вначале твоим людям будет трудно. Рейды они не совершали, да и обозы не подготовлены. Но не горюй, поможем...

— Спасибо, Сидор Артемович, это я учту.

— А что думаешь делать с запасами продовольствия? Ведь у тебя их до нового урожая хватит.

— Это верно. Но и с собой всего не возьмешь. Раздадим населению.

До вылета оставалось дней восемь. Много было разных хлопот. Несмотря на большую занятость, мы нашли время, чтобы побывать в госпиталях Москвы и Тамбова, где находились на излечении наши товарищи-партизаны. Сколько радостных, волнующих минут пережили мы от встреч с боевыми друзьями! Буквально не успевали отвечать на нескончаемые вопросы о делах и людях соединений на Малой земле.

12 сентября. Вернувшись в Старую Гуту, я обо всем рассказал Семену Васильевичу Рудневу. Только комиссару можно было сообщить полностью содержание секретного приказа. Мы заперлись с ним в трофейной венгерской санитарной машине, служившей нам штаб-квартирой.

— Мы с тобой все время смотрели на район междуречья Волги и Дона, а вот куда нацелили нас в Кремле,— и я очертил пальцем районы Правобережной Украины.

— Ты хочешь сказать, что мы идем на правый берег Днестра?

— Да. Но туда идут пока только два соединения: наше и Сабурова.

Значение слова «пока» Семен Васильевич понял сразу. Жизнь научила нас понимать друг друга с полуслова, с одного взгляда. В первый период пребывания в тылу врага у нас не было постоянной связи с командованием Красной Армии. Разрабатывая те или иные операции, мы с Рудневым часто тревожились: правильно ли направляем свои удары? Позже, когда была установлена радиосвязь, стали действовать увереннее, как бы по общему плану. И вот теперь, советуясь о предстоящем походе, о выполнении задания Ставки Верховного Главнокомандования, мы оба чувствовали, что наша дружба поможет нам с честью его выполнить.

Потом Семен Васильевич Руднев доложил о работе, проведенной за время моего отсутствия. Все дни личный состав соединения занимался повышением боеспособности и укреплением линии обороны районов расположения наших отрядов. Воспользовавшись временной передышкой, многое сделали по усилению воспитательной работы среди партизан, поднятию авторитета младших и средних командиров.

Немного помолчав, он сообщил о результатах разведки. Наша дальняя разведка побывала под Киевом, выяснила обстановку в Белополье, Путивле, Конотопе, Коропе, а ближняя разведка изучила положение дел в Хинельских лесах и Ямполье.

Особенно ценные сведения о дислокации частей противника и количестве переброшенных им войск по железнодорожной магистрали Ворожба — Курск принесли из-под Путивля разведчики Бардаков, Жуков и Фирсов.

Минеры-разведчики Черемушкин, Мычко, Аксенов и Ташланов

подорвали два эшелона противника на перегоне Конотоп — Бурынь, уничтожили один паровоз, 20 вагонов и 10 цистерн с горючим. Подрывники и минеры Боженко, Афанасенко, Сидоров, Трифонов, Торгашев, Григорьев, Кожевников, Казимиров пустили под откос два эшелона противника: один с живой силой и техникой на перегоне Ямполь — Маково, другой с боеприпасами и продовольствием на перегоне Ямполь — Хутор-Михайловский. Шалыгинские партизаны Галеев, Лепешкин, Морозов, Баклач и Обертинов уничтожили воинский состав с живой силой и боеприпасами на перегоне Волфино — Глушково.

15 сентября. Я с головой окунулся в работу по подготовке к новому большому и ответственному рейду. Очень много хозяйственных дел. Из Москвы самолетами то и дело доставляют вооружение и боеприпасы. В обратный путь мы отправляем раненых, больных, семьи некоторых командиров и партизан, детей и подростков.

Отправил свою семью и Семен Васильевич. Старший сын Радик остался с ним. Он очень возмужал, стал настоящим бойцом-партизаном.

Невольно вспоминается прожитый год. Ведь в начале зарождения наш Путивльский отряд состоял всего из нескольких человек. И вот прошел тяжелый, полный лишений год, и отряд вырос в большое боевое соединение, способное драться не только с отдельными карательными отрядами, но и с крупными воинскими частями противника.

За год борьбы в тылу врага проведено более двадцати крупных наступательных и оборонительных боев, не считая бесчисленных мелких стычек. Убито свыше четырех тысяч гитлеровцев, разгромлено до десятка батальонов регулярных войск противника. Мы же не имели ни одного поражения.

Радостно сознавать, что бойцы соединения под влиянием коммунистов и комсомольцев крепко сплотились, закалились в боях и теперь способны решать серьезные боевые задачи.

4 октября. От соседей — орловских партизан и разведчиков всех наших пяти отрядов поступили тревожные сведения. Каратели в составе 38-го полка 108-й мадыарской пехотной дивизии, украинских националистов и немецкого батальона ведут наступление против Навльских партизанских отрядов с рубежей Синезерка — Голлолюбово — Вигоничи. Свыше полка мадыар действует против партизан южной части Брянских лесов. Очевидно, фашисты поставили перед собой цель парализовать деятельность партизан на важнейших железнодорожных магистралях Орловской области.

Учитывая сложность обстановки, представители всех партизанских отрядов, групп и соединений зоны Брянских лесов решили организовать совместную операцию по разгрому вражеских гарнизонов в Суземке, Середина-Буде, Голубовке, Лукашенковском, Жихове, Знобь-Новгородском, о чем и доложили командованию

Брянского фронта. Руководство этой операцией было возложено на члена Военного совета Брянского фронта генерала Матвеева. Удар по противнику на главных направлениях был назначен на час ночи 5 октября 1942 года. По разработанному плану Сумскому соединению предписывалось уничтожить группировку противника в Голубовке, Великой Березке и хуторе Лукашенковском, затем выйти в район Жихова и Пигаревки, разгромить там вражеские гарнизоны и через село Чернацкое продолжить наступление на районный центр Середина-Буду.

До совместной атаки на Середина-Буду отряды, подчиненные Гудзенко, должны покончить с противником в Подлесном, Горожанке и Зеленом Гаю.

Справа от нас будет действовать группа партизанских отрядов под командой Сабурова. Ей ставится задача — овладеть райцентром Знобь-Новгородское и селами Холмачи, Уралово, Рудия.

Исходя из боевого задания, я поставил перед командирами такие задачи: Шалыгинскому отряду взять Гаврилову Слободу и пенькозавод на хуторе Ишуткини, выставить заслон со стороны Чернацкого и к 24.00 сосредоточиться на исходном рубеже на юго-восточной и южной окраинах хутора Обиход для наступления на Лукашенковский.

Вторая, седьмая оперативные группы выступают из Старой Гуты на Лесное, Мотых, Луг, Борок и к 20.00 должны занять исходное положение в километре от Лукашенковского на станции Победа, предварительно выставив заслон со стороны Пигаревки.

Девятой группе совместно со взводом бронбойщиков захватить станцию Победа, дожидаться подхода второй, седьмой и восьмой групп и вместе с ними атаковать хутор Лукашенковский с запада через село Красичку, где выставить заслон со стороны Жихова.

Эти четыре боевых отряда составляют одну ударную группу под общим командованием моего помощника Павловского. Глуховский отряд выступает по маршруту Шалыгинского отряда и наносит удар по Великой Березке с юга, через Промаховку, дальше выходит к Голубовке и поступает в распоряжение командира четвертой оперативной группы Пяташкина.

После взятия Голубовки Глуховский отряд, четвертая, пятая и десятая оперативные группы должны форсированным маршем пройти через Промаховку и Березку и с северо-запада ударить по Чернацкому.

Конотопский отряд и батарея минометов выступают на Грузское, Новую Гуту, хутор Троицкий и сосредотачиваются на опушке леса у дороги Старая Гута — Голубовка. Своим маневром они должны сковать противника в Голубовке и Великой Березке и содействовать его уничтожению Глуховским отрядом в Великой Березке, а группой Путивльского отряда — в Голубовке.

Кролевецкий отряд выставит заслон на кладбище Гавриловой Слободы и блокирует противника со стороны Чернацкого.

В резерве остаются третья оперативная группа, кавэскадрон, две группы разведчиков и автоматчиков.

5 октября. Движение отрядов и наступление на все указанные в босвом приказе населенные пункты начались точно в назначенное время. Но вскоре от командиров групп и отрядов начали поступать сведения о трудности продвижения. Противник, видимо, был предупрежден о нашем контрнаступлении и заблаговременно подготовился. Вечером 4 октября он подтянул свежие резервы. Во всех населенных пунктах и на дорогах, по которым мы должны были наступать, враг организовал оборону с системой опорных пунктов, дзотов и других фортификационных сооружений. Подступы к населенным пунктам, занимаемым противником, были тщательно пристреляны и заминированы.

Боясь демаскировать себя, гитлеровцы впервые за все время боев не стреляют трассирующими пулями. Чтобы партизаны не смогли скрытно проникнуть в расположение обороны, фашисты освещают местность, жгут крайние дома колхозников и колхозные постройки. Дзоты и огневые точки противника имеют взаимную огневую связь на сто восемьдесят градусов, а артиллерия одного населенного пункта обстреливает подходы к соседнему пункту, расположенному в пяти-шести километрах. И тем не менее в ряде мест партизаны сумели почти вплотную подойти к вражеским опорным пунктам.

Бойцы и командиры оперативных групп и отрядов, действуя исключительно смело и используя складки местности, выбили фашистов из Голубовки, Лукашенковского и Великой Березки. Однако спустя некоторое время под давлением превосходящих сил противника партизаны вынуждены были оставить их. Немцы и мадьяры пытались преследовать наши подразделения, выходявшие из боя, но, попав под огонь заслонов партизан и группы антифашистов Габора, отказались от этой затеи.

В целом операция, безусловно, была очень удачной. Мы разгромили штаб батальона противника, уничтожили около пятисот вражеских солдат и офицеров, сожгли пять воинских складов с оружием, продовольствием и обмундированием, разрушили тридцать дзотов.

В этом бою мы тоже понесли большие потери: убито 37, ранено 59. Погибли очень смелые и преданные Родине люди: командир 2-й оперативной группы Иван Иванович Замула и политрук Рудь, командир взвода Тураев, командир отделения минометчиков Кислов, политрук десятой группы Картошкин, помощник командира седьмой группы Ермолаев, медсестра Нина Ляпина и другие.

Голубоглазый смельчак лейтенант Александр Тураев и круглолицая красавица-волжанка Нина Ляпина с первых дней войны были на фронте.

После окончания медицинского техникума в 1941 году Ляпину направили в действующую армию. В сентябре 1941 года 275-й стрелковый полк в районе Ямполья попал в окружение. Воины

должны были идти на прорыв, а двенадцать тяжелораненых красноармейцев оставили на молодого военфельдшера. С помощью подпольщика агронома колхоза имени Ленина Никиты Ивановича Дарико Нина укрыла их у надежных людей в окрестных селах и лечила, как могла.

В Турановке прятать и лечить раненых Нине помогла старушка Акулина Авдеевна Осенко, в Окопе — Федора Григорьевна Кравченко, в Олине — Василий Никитич Пушко. Раненые выздоравливали. Десятеро из них ушли к линии фронта. Собиралась уходить и Нина. О ней каким-то образом пронюхали оккупанты.

Ямпольская подпольная партийная организация решила спасти «маленького доктора» — так любовно называли Нину местные жители. Но план операции выдал провокатор. Последовал новый провал. Дорогой ценой подпольщикам удалось спасти Нину. Но погибли Дарико, звеньевая Вера Вовк, секретарь комсомольской организации Марина Штанюк и старый колхозник Хабако.

У нас Нина первые два месяца работала в лесном госпитале. Потом пришла ко мне с просьбой перевести ее в оперативную группу. Отказал, но не помогло. Очень уж настойчивая была, убеждала: «Из-за меня люди хорошие погибли, а я в госпитале отсиживаться буду». Пришлось согласиться.

Тураев на первых порах воевал рядовым. Затем, учитывая его отвагу, смелость, смекалку, военную подготовку, назначили командиром взвода. Он был комендантом при взятии Путивля. Взвод Тураева был одним из лучших в соединении. Его любили и уважали бойцы.

Познакомились Нина и Саша на тернистых дорогах партизанских походов. Помню, как робко и застенчиво принимали они поздравления друзей на своей свадьбе в лесу. И вот в бою за Голубовку они пали смертью храбрых.

А произошло это так. Взвод Тураева штурмовал вражеский дзот. Бойцы подошли вплотную к проволочному заграждению и залегли. Вражеский пулемет, бывший из дзота, не давал оторваться от земли. Нина оказалась несколько впереди цепи партизан. Начинало светать.

Вдруг послышался голос Нины:

— Товарищи! Долго ли мы фашистам в ноги кланяться будем!

Она поднялась с возгласом:

— Вперед, за Родину! Ура!

За ней поднялись все. Пробежав несколько шагов, она вдруг упала. Бойцы устремились вперед, бросая на проволоку шинели и куртки. Под пулями брали проволочные заграждения.

Саша подбежал к Нине, поднял ее на руки. Она вскрикнула и тут же потеряла сознание. Пулеметная очередь раздробила ей обе бедренные кости. Саша осторожно опустил ее на землю и бросился на штурм дзота. Но не успел он пробежать и трех метров, как его большое тело безжизненно повисло на колючей проволоке. Вскоре бойцы взяли дзот и прорвали линию обороны.

В разгромленном штабе противника партизаны обнаружили

много важных документов. Среди них приказ № 27 СС от 26 августа 1942 года по восточно-венгерской оккупационной армии и приложенная к нему инструкция № 555 от 20 сентября 1942 года командира 108-й венгерской дивизии. В этих документах действия советских партизан классифицируются как «малая война», в ведении которой партизаны постоянно используют фактор внезапности нападения, располагают точной информацией о силах и намерениях своего противника, умело осуществляют диверсии, ведут наступательные операции ночью и в любую погоду. В силу этого, как писали гитлеровские генералы, «между солдатами распространено мнение о своей боевой малоценности».

7 октября. Получили приказ Украинского штаба партизанского движения о передаче Конотопского отряда в подчинение оперативной группы штаба Сумской области. Приказ есть приказ, его надо выполнять. Ведь в штабе лучше знают, кого и куда необходимо послать для выполнения боевого задания. И все же тяжело расставаться с конотопцами. Это один из лучших отрядов нашего соединения.

9 октября. Утром противник силой до пятисот человек и двумя бронемашинami повел наступление со стороны Великой Березки, Дубровки и хутора Поделы на село Голубовку. Первая немецкая колонна, двигавшаяся от Великой Березки на Промаховку, была рассеяна огнем нашей 76-миллиметровой пушки. Вторая вражеская колонна, поддерживаемая бронемашинami и танками, продолжала развивать наступление от хутора Васильевский. Упорно продвигалась вперед и третья фашистская группа со стороны Дубровки и Великой Березки.

Конотопский отряд и оперативная группа Путивльского отряда под напором превосходящих сил врага оставили Голубовку и отошли к северной опушке леса. Создалась угроза прорыва обороны всей южной зоны партизанских отрядов, групп и соединений, расположенных в Брянском лесу. Нужно было во что бы то ни стало восстановить положение. Верхом на лошадях я и мой ординарец галопом прискакали к расстроенным цепям наших бойцов и с призывом «Вперед, за Родину!» увлекли их за собой. Партизаны дружно перешли в контратаку. Враг не выдержал нашего стремительного натиска. Голубовка вновь освобождена.

10 октября. Боевые операции, проведенные нашими партизанами в районе Великой Березки, Лукашенковского, Голубовки, свидетельствовали о том, что противник располагает кое-какими данными о дислокации наших частей, их численности и вооружении. Изменников в наших рядах не было. Источник осведомленности противника мог быть один — болтливость отдельных партизан. Пришлось еще раз провести большую разъяснительную работу. Во всех подразделениях состоялись беседы, собрания. Политруки и командиры рассказали людям о необходимости строго соблюдать тайну. Кроме того, по соединению был издан приказ, которым запрещалось называть командиров групп и подразделений по фамилии, а обращаться только по воинскому званию или

занимаемой должности. Этим же приказом все отряды были переименованы в номерные подразделения. Путивльский отряд назван первым батальоном, Глуховский — вторым, Шалыгинский — третьим, Кролевецкий — отдельной ротой. Шосткинский отряд вливается в состав второго батальона.

Наше соединение постигло несчастье. Вечером возвратившиеся с задания минеры принесли изуродованное тело всеми уважаемого партизана — помощника командира Путивльского отряда и политрука первой оперативной группы, члена партбюро Георгия Андреевича Юхновца. С группой подрывников он минировал дороги, по которым ожидался подход противника. Произошла ошибка, и последовал взрыв. Вот уж поистине правда, что минер ошибается один раз в жизни. Жаль, очень жаль этого смелого и мужественного партизана. Пришел он в отряд в момент его организации, вместе со мной выходил из Путивля. Проклятая война вырвала из наших рядов еще одного замечательного советского человека.

13 октября. В соединение прибыла присланная Украинским штабом партизанского движения группа в составе одиннадцати человек. Временно, до их выхода на Черниговщину, где они должны действовать, мы выделили прибывших бойцов в самостоятельную оперативную группу под номером одиннадцать. Командиром назначен лейтенант Сарапулов, политруком старший политрук Яровой.

В тот же день из Москвы прилетела группа, состоявшая из десяти человек. Ее также зачислили в отряд.

21 октября. Проводили последнюю партию раненых и больных на аэродром орловских партизан. Ответственным назначили Панина, который с присущей ему добросовестностью благополучно доставил их на место и погрузил в самолеты.

О раненых и о медико-санитарной службе мы с Рудневым всегда стараемся заботиться. В соединении существует неписаный закон: все лучшее — раненым. Наш лесной госпиталь обеспечен всем; что только можно достать. На маршах подводы с ранеными и штабом всегда находятся под надежной охраной, на стоянках лучшие хаты отводим под госпиталь. Сестры, фельдшера и санитарки, эти славные герои, ни на минуту не отходят от своих подопечных. Самым тяжелым преступлением считается у нас бросить раненого товарища на произвол судьбы. И каким бы жестоким ни был бой, как бы нам ни приходилось туго, мы не только раненых, но и тела убитых товарищей никогда не оставляем на поругание врагу.

Гитлеровцы обычно недоумевают: на поле боя остаются сотни их трупов, а убитых партизан нет. Наши агентурные разведчики передавали, что, находясь на отдыхе в селах, после боев с нашими партизанами немцы и мадьяры не раз говорили, что, мол, партизаны замороженные: их ни пули, ни снаряды не берут.

На стоянке в любом селе или хуторе наши медки всегда оказывают необходимую помощь населению.

23 октября. В 14.00 противник перешел в наступление от Великой Березки через хутор Промаховка на Голубовку. Но, заняв окрестности Промаховки, он был остановлен артиллерийским огнем наших батарей и неожиданным фланговым ударом конотопцев и бойцов третьей группы путивлян со стороны хутора Троицкий, а затем отброшен к Великой Березке.

В этой операции был тяжело ранен комиссар Конотопского партизанского отряда Федор Ермолаевич Канавец. Вышел из строя еще один верный боевой товарищ.

В соединение прибыла группа капитана Бережного, выполнявшая специальное задание штаба Брянского фронта. Несколько месяцев назад они были десантированы в тыл врага и колесили по районам Сумской области. Одновременно с ними прибыл подполковник Петр Вершигора с радиостанциями и рацней. Всех их включили в тринадцатую оперативную группу.

24 октября. Завершили подготовку к рейду на правый берег Днепра. Вчера Вася Войцехович возвратился из штаба соединения Сабурова. Вместе с начальником штаба Бородачевым Ильей Ивановичем они разработали маршрут, составление которого задерживалось главным образом из-за отсутствия у сабуровцев разведанных о силах противника за пределами Брянского леса. При этом Войцехович использовал сведения нашей разведки и отрывочные данные об отдельных вражеских гарнизонах, расположенных по направлению к Киеву.

Проверка готовности соединения показала, что все группы хорошо вооружены. Имеется полный комплект боеприпасов. Если раньше у нас на вооружении было только трофейное оружие, то теперь есть отечественные пушки, минометы, противотанковые ружья, автоматы, у подрывников — мины новейших систем. В обозе нет ничего лишнего. Настроение у партизан боевое, они с нетерпением ждут выступления в поход.

Впереди новые бои и трудности. Но мы уверены в том, что сумеем выполнить приказ Центрального штаба партизанского движения — создать за Днепром новый партизанский край, поднять народ Правобережья на беспощадную борьбу с оккупантами. Порукой этому — годичный опыт наших рейдов по тылам врага. Ведь соединение — пионер в этом деле. Почти одиннадцать месяцев мы постоянно находимся в походах, наши рейды становятся все более значительными как по масштабу, так и по силе ударов по врагу. Фашистское командование никогда не знало, где мы будем завтра и куда нацеливаем свой удар. Поэтому оно не могло обеспечить достаточную охрану своих объектов и вынуждено бросать на борьбу с нами части, предназначенные для фронта. Несмотря на численный перевес противника, инициатива всегда была в наших руках, ибо мы принимали бой только в условиях, наиболее выгодных для нас и невыгодных для врага.

Рейдовая тактика полностью себя оправдала. Соединение прошло по северу Сумской области, и с выходами боевых групп на операции — 6047 километров. С 6 сентября 1941 по 26 октября

1942 года разгромлено 12 вражеских гарнизонов, убито 4905 солдат и офицеров противника, уничтожено 25 танков и бронемашин, 26 автомашин, взорвано 16 эшелонов, в том числе уничтожено 3 паровоза, 194 вагона и цистерны. У врага захвачено два орудия, 29 минометов, 46 пулеметов, 233 автомата, винтовок и пулеметов, свыше 344 тысячи патронов, а также много другого имущества.

Таков результат борьбы личного состава соединения партизанских отрядов Сумской области и тысяч наших верных помощников — связных, подпольщиков, агентурных разведчиков. Во всех наших успехах главная заслуга прежде всего принадлежит партийной организации, сумевшей сплотить партизан, поднять на борьбу с фашизмом тысячи мирных жителей городов северной части Сумщины.

Во многих городах, селах и поселках нам активно помогали подпольные партийные, комсомольские и патриотические организации. Они направляли к нам бойцов, давали связных, подбирали явочные квартиры, сообщали данные о противнике...

По воле партии и советского народа возник огромный партизанский край в северной части Сумщины и дальше на севере в Брянских лесах, где целые районы стали недоступными для врага. Десятки партизанских соединений, сотни отрядов и групп брянских, орловских, курских партизан вместе с многими отрядами украинских партизан стояли на охране этой советской земли.

Теперь Коммунистическая партия поручила двум нашим соединениям заложить такую же прочную партизанскую основу на правом берегу Днепра. Это почетное задание партии будет с честью выполнено.

С наступлением темноты двинемся в поход на правобережье седого Днепра.

1964 г.

Партизанскими тропами

Ранним утром, как всегда, ко мне постучался почтальон. Вместе с газетами он принес пачку писем. Разные конверты. Разные почтовые штемпеля. Родная столица и далекий дагестанский аул, Ленинград и Хабаровск; Диканька, воспетая Гоголем, и тихий причерноморский городок Судак; горняцкая Горловка и прославленная партизанская Клетня на Брянщине. Юный Братск и старинный университетский городок Тарту. Поднятый из пепла красавец Минск и очаровательная Вижница, затерявшаяся в глубине Карпат. Веселая виноградная Молдавия и строгий красавец Каунас... И все это мне! На сердце становится тепло от мысли, что тебя помнят, с тобой делятся радостями, сообщают об интересных событиях, просят совета или помощи...

Читаю письма, и передо мной открывается чудесный мир молодого советского человека. Почему молодого? Да потому, что большинство моих корреспондентов — молодежь.

Я всегда безгранично рад этим заочным встречам с юношами и девушками, так как в их письмах отражены сокровенные думы и чаяния, горячие стремления к еще неизведанному — все, чем живет наше новое поколение. И как хочется обстоятельно ответить на каждое письмо! Но разве это возможно?!

Мои милые юные друзья! Прежде чем взяться за перо, я много передумал и как бы заново пережил свою жизнь. И появилось у меня огромное желание рассказать вам, с какими интересными людьми свела меня судьба и какой неизгладимый след они оставили в моей жизни.

Известно, что настоящая поэзия — поэзия больших мыслей и чувств — близка и дорога всем. Люблю и я ее. Недавно мне довелось прочитать книжку стихов «Письмена» замечательного аварского поэта Расула Гамзатова. Запомнилось четверостишие:

Утекает юность, как река,
То, что утекает, не вернется.

От нее лишь подвиг остается,
Память остается на века.

Суровым испытанием стойкости народа, проверкой его моральных качеств явилась Великая Отечественная война. Советские люди перенесли невероятные лишения, но ни на минуту не теряли веру в правоту своего дела, веру в победу. И в жестокой схватке с лютым врагом человечества — германским фашизмом — они одержали верх, спасли от порабощения многие народы.

Мысленно обращаясь к этому героическому подвигу, мы с чувством гордости вспоминаем не только о доблестной Советской Армии, но и о многочисленных участниках партизанского движения, о нашей замечательной молодежи.

В истории партизанского соединения, командовать которым мне довелось, в истории других партизанских формирований, сражавшихся рядом, как в зеркале отразилась величайшая сила партизанской борьбы.

Помню, когда в древнем украинском городе Путивле, воспетом в знаменитом «Слове о полку Игореве», мы начали создавать партизанский отряд, то силы его были более чем скромны: десять человек, несколько винтовок и гранат, семьсот килограммов аммуниции. И все. Но это было только начало — начало большого и длительного партизанского похода, отмеченного массовым героизмом. Рассказ об этом походе впереди...

Народных мстителей отряды

22 июня 1941 года гитлеровская Германия без объявления войны вероломно напала на Советский Союз. Враг бросил против нас 190 отборных дивизий. В дни смертельной опасности, нависшей над нашей Родиной, Совет Народных Комиссаров СССР и Центральный Комитет Коммунистической партии обратились с письмом к партийным и советским организациям прифронтовых областей. В этом письме партия и правительство призывали народ: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Следуя этому призыву, тысячи советских патриотов объединились в партизанские отряды и повели жестокую войну с противником. Среди народных мстителей было очень много молодежи, комсомольцев. Во всех наших партизанских соединениях, бригадах, отрядах они составляли большинство. Взяв в руки оружие, молодежь непосредственно в боях обучалась сложному искусству ведения партизанской войны. И овладела этим мастерством не только быстро; но и в совершенстве.

Рядом с нами, старыми коммунистами, отважно сражались юности и девушки. Они истребляли гитлеровских захватчиков по всем правилам партизанского искусства.

...Был суровый заснеженный декабрь 1941 года. Ценой огромных усилий Советской Армии удалось остановить противника на ближайших подступах к Москве, а затем погнать на запад. Однако взбешенный неудачей Гитлер продолжал посылать на восток свежие силы и технику, мечтая о реванше за поражение под Москвой. В захваченных районах гитлеровцы, по их выражению, усиливали оккупационный режим, а попросту говоря, бесчинствовали: убивали ни в чем не повинных советских людей, предавали огню города и села, грабили, проводили карательные экспедиции против партизан, стремясь парализовать их действия.

В то тревожное время я издал приказ по нашему партизанскому отряду. Приказ был краток: «Дабы сохранить личный состав отряда для дальнейшей борьбы с немецкими захватчиками, считать целесообразным оставить Спасский лес и выйти в направлении Брянских лесов».

Вскоре, когда мы были в Брянской пуще, наш радист получил сообщение, что в такое-то время будет передача, обращенная к нам, украинским партизанам. Вместе с комиссаром отряда Семеном Васильевичем Рудневым и группой партизан, свободных от боевых заданий, мы поспешили к радиоприемнику. Несколько минут длилось томительное ожидание, наконец диктор объявил: «Начинаем радиопередачу «Партизаны Подмосковья — партизанам Украины». После короткой паузы тот же голос продолжал:

— Слушайте нас, леса Киевщины и днепровские плавни! Слушай нас, родная Украина — вольнолюбивая, непокоренная и борющаяся с лютым врагом! Сегодня со словом привета обращаются к тебе сыны подмосковной земли, ваши братья по оружию...

С каждой секундой голос диктора звучал увереннее:

— Уже не одна тысяча гитлеровских бандитов нашла свою бесславную смерть от карающей руки подмосковных партизан. Не дают партизаны покоя подлому врагу ни днем, ни ночью, активно помогают Красной Армии громить ненавистных фашистов и гнать их на запад. Послушайте, как партизаны Подмосковья истребляют немецких оккупантов на своей земле...

Затем диктор предоставил слово партизану Володе. Его речь мы слушали с особым вниманием.

— Дорогие наши братья, славные партизаны Украины! — начал он. — Передаю вам боевой пламенный привет от партизан и партизанок Подмосковья!

Володя рассказывал, как получают они сведения о боевых действиях украинских партизан, как борются с врагом народные мстители Подмосковья и среди них — отважная молодежь...

Кем был этот партизан Володя, так и осталось для нас тайной. Но до сих пор я прекрасно помню его взволнованный рассказ о героических буднях партизанской молодежи, громившей врага на

подмосковной земле. Он называл многих товарищей, имена которых впоследствии стали известны всему миру.

С каждым днем росла сила партизанских ударов по противнику, захватившему некоторые районы Московской области. Земля горела под ногами оккупантов. Недаром один пленный гитлеровец на допросе заявил: «В 1914—1918 годах тоже была война. Но тогда в тылу можно было свободно отдыхать. А сейчас это невозможно. Русские нам не дают покоя. Война идет не на жизнь, а на смерть, но иногда это хуже смерти...»

Красноречивое признание! И в этом была огромная заслуга молодежи Московской области, юных партизан и подпольщиков Подмосковья.

К началу 1942 года наш отряд уже приобрел небольшой опыт партизанской борьбы, совершил ряд удачных боевых операций. Казалось, что суровая жизнь в тылу противника, сопряженная с постоянным риском, научила нас ничему не удивляться. Но в действительности было совсем не так. Помню, когда в один из январских дней мы получили с Большой земли несколько экземпляров «Правды», она перешла из рук в руки. У всех на устах было одно имя — «Таня». Так и назывался очерк писателя П. Лидова об отважной партизанке из деревни Петрищево, расположенной неподалеку от подмосковного города Верен. Несколько позже ее настоящее имя стало известно всем — Зоя Космодемьянская, московская школьница, комсомолка.

В последние секунды жизни, с петлей на шее, Зоя крикнула петрищевским крестьянам, присутствовавшим при ее казни:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, не бойтесь!..

И этот призыв услышал весь народ.

Тысячи молодых людей из прифронтовых и даже далеких тыловых районов пересекали линию фронта и вступали в партизанские отряды и подпольные группы. Приняв у Зои эстафету бесстрашия, они беспощадно уничтожали гитлеровцев.

В то время, когда друзья Зои не давали покоя врагу в районе Верен, в другом краю Московской области громили врага волоколамские партизаны. Здесь все узнали о подвигах одного из молодых партизан комсомольца Ильи Кузина.

Прекрасна жизнь этого замечательного паренька. Еще в детстве смелый мальчишка из деревни Санниково Калининской области мечтал стать мореплавателем. За год до войны он получил диплом об окончании речного техникума. Служил Кузин штурманом и помощником капитана на пароходе «Мария Виноградова», бороздившем воды канала имени Москвы. А впереди еще было немало планов. Илья говорил: не беда, что плаваю по каналу, зато легче будет в открытом море,— и мысленно видел себя в далеких морских и океанских просторах.

Когда началась война, Илье Кузину было двадцать два года. Мечту о морских походах пришлось отложить до лучших времен. А пока Илья явился в военкомат. Просил отправить на фронт. Но

он не дошел даже до медицинской комиссии. Врач, бегло глянув на Кузина, заявил:

— А вас и без комиссии видно. Таких, как вы, в госпиталь отправляют, а вы на фронт проситесь.— И категорически заключил: — Вам, молодой человек, работы хватит и в тылу.

Дело в том, что еще в детстве Илья получил серьезное увечье, после которого остался хромым. Но разве это может служить помехой, если человек хочет воевать и чувствует в себе силу. Руки его отлично держат винтовку, глаз зорок, стреляет Илья метко. На соревнованиях стрелков-спортсменов всегда выходил победителем.

— Нет, непременно пойду воевать! — дерзко бросил Кузин врачу и покинул военкомат.

Московская комсомольская организация объявила набор добровольцев для пополнения рядов партизан и подпольщиков. На сей раз военкомат не мог стать помехой. Среди добровольцев был и Иван Кузин. На этот раз настойчивость юноши победила.

Прежде чем переправиться в тыл врага, он блестяще овладел очень дефицитной по тому времени партизанской специальностью подрывника.

Благополучно переправившись через линию фронта, Илья Кузин вместе с группой комсомольцев добрался до партизанского отряда, дислоцировавшегося близ Смоленска. Партизаны тепло встретили новичков, радостно приняли их в свою семью.

Вскоре предстоял первый боевой экзамен, и Кузин успешно выдержал его: взорвал железнодорожное полотно. Оккупанты на длительное время лишились важной магистрали, по которой подвозили к линии фронта войска, боеприпасы и технику.

Когда партизанская разведка донесла, что противник вновь направляет на фронт свежее пополнение, «встретить» его опять поручили Илье Кузину. И он сделал это по всем правилам партизанского «гостеприимства»: пустил под откос эшелон с гитлеровцами.

Как-то командир отряда вызвал к себе Кузина:

— Сам знаешь, у нас нет легких дел, а то, которое хочу поручить тебе, особенно сложное. Надо подорвать вражеский склад боеприпасов. Но дорога туда — хуже не придумать. Поэтому в помощь тебе даю группу партизан.

Кузинская группа немедленно вышла выполнять задание. Дорога действительно оказалась далекой и трудной. Когда партизаны почти подошли к цели, их обнаружили гитлеровцы и открыли сильный огонь. С помощью минометов они загнали смельчаков в топкое болото.

Двое суток группа Кузина выбиралась из топи. Двое суток жизнь состязалась со смертью — и победила. Правда, Кузин чуть было не погиб — подвела больная нога. Но товарищи спасли его.

Однако после этого похода Кузину пришлось распрощаться с боевыми друзьями. Илью отправили в госпиталь на Большую землю. Там его держали недолго. Но выписав, выдали справку, кото-

рая поразила Илью в самое сердце. Черным по белому в ней было написано, что Кузин непригоден к воинской службе.

Вернулся он в родную Москву, когда положение на фронте было особенно трудное. Неужели отвоевался? Значит, если верить врачам, нужно сидеть сложа руки? Это было выше его сил. И он снова добивается своего: областная комсомольская организация направляет его с новой группой добровольцев в партизанские края. На сей раз судьба привела Илью Кузина в волоколамские леса, в отряд Бориса Васильевича Тагунова.

— Вот и прекрасно! Нашего полку прибыло,— сказал, знакомясь с Ильей, начальник штаба партизанского отряда Слепнев. А когда он узнал, что Кузин не новичок, а опытный подрывник, то еще больше обрадовался.

В отряде создали специальную комсомольскую группу минеров. В нее вошли комсомольцы Краюшкин, Краснов и еще несколько боевых хлопцев. Старшим назначили Кузина. И началась для него жизнь, как в свое время под Смоленском, полная беспримерной дерзости и отваги.

Вскоре имя Кузина стало известно даже немцам — так сокрушительны были его налеты. Гитлеровцы повсеместно объявили, что вручат большое вознаграждение тому, кто сумеет его поймать. Но это только придавало силу бесстрашному бойцу, ставшему любимцем всего отряда. Каждый прожитый день умножал боевой счет комсомольской группы Кузина.

Тот же начальник штаба Слепнев вспоминает:

— По агентурным сведениям, полученным нашим отрядом, гитлеровские части, находившиеся на передней линии фронта, испытывали острый недостаток горючего и с нетерпением ожидали прибытия автоцистерн, которые должны были проследовать к фронту по шоссе Лотошино — Высоковское.

Узнав об этом, командование отряда решило парализовать движение на дороге и лишить противника горючего. Кузин уже имел солидный опыт в таких делах, и выполнение задачи было поручено ему.

И вот отважная комсомольская шестерка рано утром отправилась на задание. Идти приходилось лесами, преодолевая огромные сугробы. Но упорство, стремление любой ценой выполнить задание взяли свое: к вечеру наши ребята подошли к назначенному пункту. А когда совсем стемнело, Кузин и его товарищи в нескольких местах заложили мины на дороге и невдалеке залегли.

Началось томительное многочасовое ожидание. Вражеский транспорт появился только ночью. Сразу же три восьмитонные автоцистерны с бензином взорвались на минах, а вслед за ними взлетел на воздух и грузовик, в котором сидели гитлеровские пехотинцы, сопровождавшие транспорт.

На боевом счету Ильи Кузина 150 взрывов, от которых погнбло много вражеских железнодорожных составов, автомашин, складов с техникой, боеприпасами, оружием, продовольствием. Отважный комсомолец отправил в могилу не одну сотню гитлеровцев.

В дни самых ожесточенных сражений под Москвой коммунисты волоколамских лесов приняли в свои ряды Илью Кузина. Родина высоко оценила его заслуги, присвоив ему звание Героя Советского Союза.

В партизанских отрядах и подпольных организациях, действовавших во временно оккупированных районах Московской области, были сотни комсомольцев — превосходных разведчиков, подрывников, метких стрелков, гранатометчиков. Молодежь Москвы и Московской области дала партизанскому и подпольному движению сотни прекрасных юношей и девушек, для которых долг перед Родиной был превыше всего.

Подчас казалось непостижимым, как эти ребята, почти дети, могли выполнять боевые задания, которые под силу только опытным и зрелым людям. Но суровая действительность опрокинула все прежние понятия о пределе человеческих сил и возможностей. Ведь среди народных мстителей встречались и такие, которые еще не успели попрощаться с детством или едва перешагнули пионерский возраст. Вспомним хотя бы молодых партизан Осташевского района, который, как и Волоколамский, славился партизанскими подвигами.

Когда Осташевский район был оккупирован, группа комсомольцев во главе с секретарем райкома Верой Прохоровой перешла на нелегальное положение. Наладив подпольную работу, группа развила активную деятельность: сообщала партизанам о численности вражеских войск, их оснащенности и передвижении, а среди населения распространяла подпольную газету и листовки, проводила беседы о событиях на фронте. Подпольщики снабжали партизан и продуктами.

Всенародной любовью окружено имя боевой разведчицы Шуры Вороновой. Эта скромная и застенчивая девушка в разведке была бесстрашной. Она добывала необходимые сведения о враге и благополучно возвращалась в расположение осташевских партизан.

Сотни километров исходила Шура партизанскими тропами. Не раз лицом к лицу встречалась с врагом, но всегда умела перехитрить противника.

Однажды командование партизанского отряда направило Воронову в районный центр Осташево с ответственным поручением. Никто не мог подумать, что эта операция окажется для Шуры роковой. Комсомолку-разведчицу выдали гестаповцам предатели. Сорок восемь часов продолжался допрос комсомолки. А потом в городском парке раздался ружейный залп. Гитлеровцы расстреляли Шуру Воронову.

В феврале 1942 года в Москве состоялась встреча комсомольского актива с партизанами Подмосковья. Один за другим поднимались на трибуну народные мстители, и перед слушателями развертывалась величественная картина суровой партизанской битвы с врагом, битвы, в которой проявились героизм, мужество и высокая идейная убежденность нашей молодежи.

Секретарь Можайского горкома комсомола партизан Андрей Грибков рассказывал тогда:

— В момент, когда Можайский район был оставлен нашими войсками, лучшая часть комсомольцев и несоюзной молодежи отправилась в партизанские отряды. С первых же дней пребывания в рядах народных мстителей они стали боевыми организаторами, вдохновляя всех на активную партизанскую борьбу.

И это действительно было так. Вспомним хотя бы подвиги Михаила Цвелева, Василия Байкова, Ивана Сысоева и многих других юных можайцев. Жители Можайска и окрестных деревень и сейчас с благодарностью рассказывают о славных делах партизанской молодежи.

А можно ли забыть подпольную комсомольскую организацию подмосковного городка Верей! В ней было только пять комсомольцев — Николай Нечаев (руководитель), Владимир Скворцов, Константин Раков, Борис Захаров и Николай Конов. Но эта горсточка бесстрашных была под стать опытным подпольщикам.

Нечаевцы были вездесущи. Их энергия, изобретательность вызывали восхищение. Они буквально лишили покоя оккупантов. Ежедневно на домах Верей появлялись листовки со свежими сводками Совинформбюро. Смастерив радиоприемник и запрятав его в надежном месте, комсомольцы регулярно принимали из Москвы сводки о положении на фронтах и другие важные сообщения, а затем размножали их и расклеивали в разных районах города.

Как-то подпольной организации стало известно, что гитлеровцы арестовали большую группу жителей якобы за помощь партизанам и решили учинить над ними расправу. И вот ночью нечаевцы подобрался к зданию бывшей церкви, где находились арестованные, бесшумно уничтожили фашистскую охрану и освободили всех пленных. Их оказалось пятьдесят человек.

На боевом счету верейских комсомольцев немало таких операций. Поэтому их имена навечно остались в благодарной памяти нашего народа.

Спустя десятилетия после войны, мы — седые ветераны партизанских походов, с чувством отцовской гордости вспоминаем имена народных мстителей, тех, кто вместе с воннами Красной Армии преградил гитлеровцам путь к Москве, кто на родной Подмоскownой земле уничтожал фашистов.

Но разве только на Подмоскownой земле обессмертили свои имена герои-партизаны, герои-подпольщики?

Каждый раз, когда я думаю о партизанском движении в нашей стране, я мысленно обращаюсь к легендарной обороне Ленинграда. Меня поражают стойкость и мужество его защитников. Говоря о битве за город на Неве, продолжавшейся девятьсот дней, мы не можем не вспомнить и о патриотических делах народных мстителей, действовавших в районах Ленинградской области, на Псковской и Новгородской земле. Перед нами во всем величии встают образы партизан и подпольщиков старорусских, лужских, днов-

ских, книгсепских и многих других, без которых нельзя себе представить оборону города Ленина.

В историю партизанского и подпольного движения навеки вошли славные имена таких выдающихся защитников Ленинграда, какими были комсомольцы Герои Советского Союза командир партизанской бригады А. Герман и совсем юный разведчик Л. Голиков. Навсегда мы запомнили неуловимого разведчика А. Петрова... Трудно перечислить всех героев армии народных мстителей — активных участников обороны Ленинграда. Их помощь Советской Армии и морякам Балтики неоценима.

*

Помните эти чудесные строки:

Глухой партизанской почью
Обманчива тень деревень,
По краю дорожных обочин
Мелькает разведчицы тень.
Дороги ей бросили вызов,
Овраги ее стерегут...
Как звать эту девушку — Лиза?
А может быть, Зоей зовут?
Одной проходили стезею,
Одни охраняли края,
И Космодемьянская Зоя
И Чайкина Лиза моя!

Так замечательный поэт Михаил Светлов увековечил в поэме бессмертный образ комсомолки Лизы Чайкиной. Эта скромная русская девушка воспета и литераторами, и композиторами, и художниками.

Чем же она заслужила всенародную любовь? Всей своей короткой жизнью, до конца отданной Родине, народу.

Есть в Калининской области Пеновский район. Здесь родилась слава Лизы Чайкиной, отсюда пошла по всей нашей стране и перешагнула ее границы.

Когда война пришла на калининские земли и гусеницы гитлеровских танков загрохотали в районном центре Пено, Лиза Чайкина с группой комсомольцев уже находилась в партизанском отряде Филимонова. Лиза с большой ответственностью относилась к любому делу: смело ходила в разведку и с профессиональным мастерством опытного медицинского работника оказывала помощь раненым, участвовала в диверсионных операциях и заботилась о снабжении отряда продовольствием, беседовала с партизанами о событиях на фронтах Великой Отечественной войны и распространяла сводки Совинформбюро, писала антифашистские листовки, расклеивала их в деревнях, поддерживала связь с населением, спасала молодежь от угона в фашистскую Германию. Да, она действительно казалась сторукой!

Немало подвигов совершила эта комсомолка — любимица пеновских партизан, выдающийся организатор массового патристического движения народных мстителей Калининской области.

28 ноября 1941 года по доносу предателя гитлеровцы схватили Лизу Чайкину в деревне Красное Покатище и привезли в Пено. Здесь они подвергли ее невероятным пыткам, требуя назвать сообщников по партизанской борьбе. Но Чайкина стойко выдержала все мучения и не выдала боевых товарищей. Гитлеровцы расстреляли Лизу у станционной водокачки.

Лизе Чайкиной было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Замечательную плеяду молодых патриотов воспитала Калининская комсомольская организация. Сотни ее питомцев с честью оправдали свою принадлежность к Ленинскому союзу молодежи, прославив себя непримиримой борьбой с гитлеровскими оккупантами. Вспомним калининскую подпольную организацию, которой руководил комсомолец Наумов, отважных ржевских подпольщиков-комсомольцев и их вожака Алексея Телешова, студентку Калининского пединститута Тамару Ильину, которая в критическую минуту боя, израсходовав все патроны, подорвала себя гранатой. Паню Зиматову — активную участницу Луковниковского партизанского отряда... А кашинскую школьницу Инну Константинову я по праву могу сравнить с Александром Матросовым. Два года Инна партизанила. За это время юная патриотка совершила столько подвигов, что можно было бы написать увлекательную книгу о ее мужестве, бесстрашии, находчивости и изобретательности. Она была превосходной разведчицей, участвовала во многих диверсионных операциях. А еще Инна отличалась особым искусством увлекать за собой товарищей. Это был редкий дар, который дается не каждому.

Комсомолка Инна Константинова не дрогнула перед смертью. Она повторила подвиг Александра Матросова: приняла на себя вражеский огонь и этим спасла разведчиков, вместе с которыми выполняла боевое задание.

Когда я смотрю на портрет шестнадцатилетнего комсомольца Александра Чекалина — юноши с волевым красивым лицом и каким-то особенно проникновенным взглядом широко открытых умных глаз, я вижу в нем олицетворение всего чистого, прекрасного, искреннего.

Бесстрашие этого юноши было поистине фантастическим. Это он, пробравшись в одну из гитлеровских частей, похитил здесь винтовки, гранаты, патроны и благополучно доставил их своим друзьям. Казалось, любая трудность отступала перед Александром Чекалиным, когда он выполнял боевое задание.

Из отряда в отряд, от партизана к партизану летела слава о боевых делах Александра Чекалина. Его имя с любовью пронесли в Тульском рабочем полку, в частях 50-й армии, оборонявшей Тулу. И когда разнеслась весть о героической смерти юного партизана, она огромной болью отозвалась в сердцах всех защитников города славы русского оружия.

...Земля Российская — земля героев. Вспомнивая о партизанах Подмосковья, калининских народных мстителях, о стойкости туля-

ков, мы отдаем дань глубочайшей любви всем, кто защищал Москву, кто отстоял Советскую землю. Мы с чувством гордости думаем о силе нашего народа, давшего миру таких прекрасных защитников Отечества, какими были Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина, Илья Кузин, Александр Чекалин и многие, многие другие.

Лицом к лицу со смертью

Когда я думаю о моих юных боевых друзьях-партизанах, я знаю, что успехи, достигнутые ними в жестоких боях с гитлеризмом, их неоценимый вклад в разгром фашизма,— это результат высокой нравственной ясности и больших светлых идей, переданных партией на вооружение советской молодежи.

Красноречивым тому свидетельством может служить поведение юношества в самых молодых тогда советских районах нашей страны — в районах Прибалтики, западных областях Украины, Белоруссии и Молдавии.

Советская Латвия одной из первых республик попала под фашистскую пяту. Но ни на один час не прекращали здесь свою деятельность партийные организации. Только изменились формы их работы. Теперь они возглавили партизанское и подпольное движение. В период гитлеровской оккупации работали областные подпольные комитеты Коммунистической партии, а под их руководством действовало и комсомольское подполье.

В 1942 году по всей Прибалтике разнеслась слава о героических делах объединенного полка латышских партизан «За Советскую Латвию». Его основным ядром, как и всюду, были коммунисты и комсомольцы. Особенно выделялся в полку отряд Вилиса Самсона, состоявший почти целиком из молодежи. Да и сам Самсон был молод. Отважный, волевой командир не признавал никаких преград для достижения намеченной цели. Отряд участвовал во многих операциях и всегда выходил победителем. Даже сейчас, спустя два десятилетия, спросите у любого латыша, чем славилась малунские, гульенские, ижингурские леса,— и вы услышите: «Боевыми делами ребят Самсона!»

Золотыми буквами вписаны в историю латышского народа славные имена таких выдающихся командиров партизанских отрядов, как Ж. Кронберг, О. Ошкала, Э. Аболиньш, А. Мацпан и другие, где наряду со старшими товарищами смело воевала молодежь.

Об одном из героев мне хочется рассказать более подробно, чтобы отдать дань глубокого уважения всей молодежи братской Латвии за ее вклад в разгром гитлеровской Германии. Ибо, думаю, мне, сама жизнь этого человека как бы соединяет в себе лучшие черты юного поколения республики в годы Великой Отечественной войны. Это Имант Судмалис.

Латышский поэт-революционер Янис Райнис писал: «Твой народ не уничтожить, если Ты пойдешь умирать за народ». Именно

таким был и остался в памяти нашей сын латышского народа, его национальная гордость Имант Судмалис. Его имя с одинаковой любовью произносят русские и украинцы, белорусы и эстонцы, литовцы и молдаване — вся дружная семья народов нашей страны, ради счастья которой он жил и боролся.

Нужно обладать величайшим мужеством, чтобы написать такие строки: «...Через несколько дней приведут в исполнение мой смертный приговор... у меня было достаточно времени подумать о своей жизни. Я оглянулся на прожитое, и не в чем себя упрекнуть. Я был человеком и борцом в эти столь решающие для Родины дни. Хочется, чтобы будущее было лучшим и более счастливым — таким оно должно быть! Столько крови не могло быть даром пролито...»

Свыше двадцати лет прошло с тех пор, как Имант написал это письмо. Сейчас оно экспонируется в Латвийском музее Революции и не перестает волновать нас своим поистине героическим звучанием, своей страстной правдой.

...В первый же день войны гитлеровская авиация подвергла бомбардировке Лиепаю. И тотчас был создан городской штаб обороны. Возглавил его секретарь горкома партии М. Бука. Все коммунисты встали на защиту народной власти. Последила их примеру и комсомольская организация. В составе рабочих батальонов молодежь возводила вокруг города оборонительные сооружения, охраняла важные объекты, овладевала военными знаниями, готовилась дать отпор наступающему врагу. Когда положение стало критическим, по инициативе партийной организации в Лиепае был создан ударный комсомольский отряд под командованием Иманта Судмалиса.

Лиепая героически оборонялась. Но силы были неравны. Взбешенный враг бросил на Лиепаю лавину войск. И город пал. А вскоре фашисты оккупировали всю республику.

Гитлер объявил Латвию частью имперской провинции «Остланд». Правил ею рейхсминистр Розенберг — прибалтийский барон.

Всем своим житейским опытом Имант Судмалис был подготовлен к борьбе с гитлеровскими оккупантами. Из Лиепая прежний Имант исчезает, а на арену выходит неуловимый Андерсен — партизан, превосходный знаток подпольного дела, непревзойденный мастер конспирации.

Имант Судмалис во многом схож с легендарным разведчиком Николаем Кузнецовым. Судмалис-Андерсен так же изобретателен и бесстрашен, как Кузнецов. Как и ему, любая задача была по плечу Иманту. Он тоже действовал решительно, дерзко и смело, безукоризненно владел немецким языком. Имант надевал гитлеровскую форму, артистически входил в роль офицера вермахта, завоевывал доверие «своих единомышленников по нацистской партии», а затем уничтожал их, ломал их коварные замыслы.

Умение Иманта перевоплощаться было поистине бесподобным. И это помогало партизанам добиваться больших и очень важных успехов в войне с оккупантами. Пожалуй, не было ни одной спе-

циальности в партизанском деле, которой бы не владел бесстрашный Имант Судмалис. Он с одинаковым искусством пускал под откос вражеские железнодорожные составы, устранял засады и открывал пулеметный огонь по двигавшейся автоколонне, добывал самые секретные сведения, нападал на гитлеровские гарнизоны и подрывал линии связи. И все это делал с поразительной выдержкой и безупречной точностью.

Партизанские тропы привели Иманта Судмалиса в отряд, которым командовал И. Захаров. В то время на Освейский район, контролируемый партизанами, гитлеровцы направили карательную экспедицию. В ее составе было более двух тысяч отборных фашистских бандитов.

В ходе боев создалась очень сложная обстановка. Враги окружили партизан. Тогда Судмалис-Андерсен установил пулемет в помещении церкви и открыл сильный огонь по наступающим гитлеровцам. Тем самым Имант отвлек на себя внимание карателей, и группы партизан стали выходить из окружения. Вот уже весь отряд в безопасности, но Имант продолжает свое единоборство с бандитами.

Вскоре церковь была объята пламенем — ее подожгли каратели, решив, что заодно погибнет и партизан-пулеметчик. Но Судмалис остался жив. Он прорвался сквозь огненное кольцо и догнал своих товарищей.

Как-то после выполнения очередного задания Имант вручил командиру отряда портфель с документами. Тот начал читать, и на лице его появилось радостное удивление. Крепко обняв Судмалиса, он спросил:

— Дорогой мой Андерсен, каким чудом тебе удалось раздобыть эти ценные бумаги?

— Чудес, товарищ командир, никаких нет. Просто по пути захватил, чтобы не обременять хозяина портфеля лишним грузом,— улыбнувшись, ответил Имант. А затем поведал подробности.

...Лента асфальтированной дороги вилась вдоль густого леса. Услышав приближавшийся шум мотора, Имант залег на опушке в четырех-пяти метрах от шоссе. Когда показался легковой автомобиль, Имант прострочил его автоматной очередью. Машина остановилась. Шофер метнул гранату в сторону леса. Имант мгновенно перехватил ее и тут же послал обратно. Бросок Иманта оказался точным.

Партизан подошел к разбитой машине. Три трупа. Один из них в форме гитлеровского генерала, в руках генерала портфель...

— А документам этим нет цены,— снова заговорил командир партизанского отряда, внимательно выслушав Судмалиса.— Генерал-то — птица немалая: сам начальник карательной экспедиции. Подробное изложение плана карательных акций во многом поможет нам.

В один из тех грозных дней Судмалис по заданию Центрального Комитета Компартии Латвии создает в Риге подпольную комсомольскую организацию, оборудует типографию, в которой

печатает антифашистские листовки и сводки Совинформбюро, подыскивает явочные квартиры молодым конспираторам и налаживает производство взрывчатки для диверсионных операций.

Находчивость Иманта была безгранична. Когда требовала обстановка, он мог утром выйти на улицы Риги расфранченным баринном, выдавая себя за «ревнивого служителя» оккупантов, а вечером в форме немецкого офицера появиться в «высшем обществе» гитлеровцев, чтобы добыть ценные сведения для передачи командованию Советской Армии или партизанам.

Рижане, испытавшие все ужасы оккупационного режима, до сих пор с благодарностью вспоминают боевые подвиги комсомольцев-подпольщиков и их бесстрашного вожака Иманта Судмалиса. Это он с группой таких же отважных товарищей взорвал трибуну на Домской площади и сорвал гитлеровцам «митинг протеста латышского народа» против решений Тегеранской конференции.

Это вездесущий Имант Судмалис вместе со своими верными помощниками обманул группу полицейских и привел их в партизанский отряд. Это Имант, участвуя в партизанской операции в одном из населенных пунктов, уничтожил полицейский участок и захватил много ценных документов. Беспощаден был Судмалис и к предателям латышского народа, буржуазным националистам, ставшим прислужниками немецко-фашистских оккупантов.

Таков был Имант Судмалис. Таким и остался навсегда в нашей памяти. Он погиб весной 1944 года, не дожив несколько месяцев до дня освобождения родной Латвии.

Среди первых помощников Иманта по партизанской и подпольной борьбе были замечательные питомцы Ленинского комсомола: Джемс Банкович, Малдис Скрея, Владимир Озолиньш, Альма Михельсон и другие юноши и девушки, внесшие огромный вклад в борьбу латышского народа за освобождение своей республики от гитлеровского режима.

Вся Советская Прибалтика, попав под железную пяту оккупации, вела непрерывную войну с заклятым врагом.

Особое место в истории борьбы литовского народа принадлежит Каунасской подпольной комсомольской организации. У ее колыбели стояли такие выдающиеся организаторы подполья, как П. Малинаускас, старейшие литовские коммунисты В. Куницкас, П. Зибертас.

Имена героев Каунасской подпольной комсомольской организации — Янины Чижинайсайте, Повиласа Штараса, Губертаса Бориса, Юозаса Алексониса, Альфонсаса Чепониса, Анели Зинкевичюте — Вайцекауkene, Юозаса Славинскаса, Она Бирулинайте, Элияса Шмуйловаса, Зальманаса Гольцбергаса и многих других знают во всех уголках республики. Они — гордость всей советской молодежи.

Известно, что жизнь партизана, подпольщика всегда полна тревоги и требует постоянного мужества, готовности сознательно пожертвовать собой во имя победы над врагом. И каждый из нас, народных мстителей, в годы Великой Отечественной войны жил

в подобной атмосфере. Вот почему героическое мы воспринимали часто как обычное, должное. Нас не удивлял взорванный партизанами мост или поединок нашего разведчика с группой гитлеровцев, разгром вражеского гарнизона или крупная диверсия в лагере противника.

Нет войны без героизма, как не может быть она и без жертв. Все, кто сражался с врагом, прекрасно это знают. Возможно, поэтому у нас, участников войны, несколько иное восприятие подвига, чем у человека, не испытавшего боевой грозы. Но прямо скажу: уже много лет минуло после нашей победы над гитлеровской Германией, а я не перестаю восхищаться подвигом каунасских комсомольцев, всегда с каким-то трепетным волнением думаю об их организации, о том величайшем наследии, какое она оставила сегодняшней молодежи и будущим поколениям.

Что это за наследство? Это яркий пример того, как надо любить Родину и свой народ, как надо жить и бороться во имя самого прекрасного на земле — свободы, счастья труда и мира.

Каунас. Девятый форт. При одном его упоминании в памяти оживает страшная трагедия, разыгравшаяся в нем. Фашисты уничтожили здесь 80 тысяч ни в чем не повинных наших соотечественников, чехов, французов, бельгийцев и людей других национальностей, согнанных сюда из всех стран, оккупированных фашистской Германией. Гитлеровцы превратили этот форт в огромный крематорий. Для сжигания трупов они создали специальные команды из обреченных на гибель людей.

Но даже перед лицом смерти эти люди не дрогнули. Существовавшая там комсомольская организация, помимо саботажа проводила диверсии, а затем поставила перед собой чуть ли не фантастическую задачу: организовать побег обреченных. Узники форта — коммунисты помогли разработать тщательный план и провести подготовку этой операции. И вот однажды ночью 64 пленника бежали и скрылись от врагов.

Как-то во время очередной гитлеровской радиопередачи на литовском языке жители оккупированного Каунаса неожиданно услышали из мощных уличных репродукторов страстный призыв: «Смерть немецким оккупантам!» А затем по всему городу зазвучали сообщения, которым каунасцы внимали с жадностью. Передавали последние сводки Совинформбюро, рассказы о героической битве Советской Армии, об успешных действиях партизан и подпольщиков, а в конце — обращение к населению: всячески сопротивляться оккупационному режиму и организованно бороться с гитлеровскими злодеями.

После этого жители Каунаса ежедневно слушали передачи советской подпольной радиостанции.

Кто же были смельчаки, несшие слово правды? Каунасские комсомольцы-подпольщики Алексонис, Чепонис, Корбутас, Мартинайтис. Свои передачи они так и называли: «Голос правды».

Презирая опасность, комсомольцы раздобыли поврежденную рацию, отремонтировали ее и начали передавать свои программы

на той же волне, что и гитлеровцы. На протяжении долгого времени по всему Каунасу звучал голос правды, голос надежды. Жители города узнавали о действительном положении на фронтах, их уверенность в победе неизменно росла.

Только после длительных поисков гестаповцам удалось обнаружить комсомольскую радиостанцию. Однажды, когда Юозас Алексонис вел передачу, фашисты окружили радиста. Герой-комсомолец отчаянно защищался. Меткими выстрелами он уложил нескольких гитлеровцев. Но силы оказались далеко не равными. Юозас погиб.

После этого один из активных участников радиопередач комсомолец Альфонсас Чепонис развернул усиленную диверсионную работу на железнодорожных магистралях. Одна за другой следовали катастрофы, в результате которых гитлеровцы несли большие потери в живой силе и технике, тратили много времени на восстановление разрушенных линий. Однако молодые партизаны снова и снова уничтожали их.

В одну из летних ночей 1943 года прогремел взрыв огромной силы. Весь Каунас осветился словно в ясный день. Это неподалеку от города Альфонсас Чепонис взорвал вражеский состав с горючим.

А вот еще один герой Каунаса — член подпольного горкома комсомола Губертас Борнса. Губертас поддерживал тесную связь с комсомольцами, заключенными в гетто, которое фашисты организовали в Вилиямполе. Он участвовал в уничтожении вражеских складов, добывал трофейное оружие, писал листовки, держал постоянный контакт с партизанами, срывал гитлеровцам вербовку литовской молодежи в фашистскую армию. Трудно даже перечислить все, что делал Губертас.

Каунасская подпольная партийная организация умело руководила своими молодыми помощниками-комсомольцами, неустанно направляла их деятельность. В этом и заключался секрет успехов молодежного подполья. Молодые подпольщики помогли тысячам советских юношей и девушек спастись от угона в фашистское рабство. Они уничтожили 31 эшелон и 64 автомашины с гитлеровскими войсками, вооружением и военным имуществом. А их радиопередачи и листовки сеяли правду и укрепляли веру литовцев в неизбежный крах гитлеризма.

В жестоких схватках с оккупантами погибло более семидесяти каунасских комсомольцев-подпольщиков. Но жизнь и смерть этих героев на вечные времена остались в памяти народной. Родина высоко оценила их подвиг. Трех питомцам Ленинского комсомола — Юозасу Алексонису, Альфонсасу Чепонису, Губертасу Борнса присвоено звание Героя Советского Союза.

А мыслима ли история нашего партизанского и подпольного движения без имени славной дочери литовского народа — комсомолки Марите Мельникайте?

Когда началась война, ей минуло восемнадцать лет. Пришла пора самых ярких и смелых мечтаний, надежд, устремлений. Но

разве у одной Марите жестокая война отняла светлую юность? Эта девушка отдала себя святому делу — борьбе с фашизмом.

— Наша Марите! — ласково называли партизаны свою любимую боевую подругу. Они гордились ею. Да и как не гордиться, если Марите была превосходной разведчицей и активной участницей многих диверсионных операций. Не зная усталости, она ходила по деревням, из дома в дом, передавала драгоценные весточки о событиях на советско-германском фронте. Скольких друзей и помощников она приобрела в этих походах для своего партизанского отряда!

Когда Марите была схвачена гестаповцами, она не дрогнула, на допросах вела себя мужественно. Никакие пытки не могли заставить ее выдать врагу своих товарищей. Литовскую комсомолку пленял героический образ Зои Космодемьянской. С нее она брала пример, как нужно жить и умирать. И так же, как Зоя, Марите Мельникайте, стоя под виселицей, кинула в лицо своим палачам:

— Да здравствует Советская власть!

С этими словами она навсегда ушла из жизни и навсегда осталась в благодарном сердце народа, удостоившего славную Марите Мельникайте звание Героя Советского Союза.

Сухая сводка только перечисляет, что сделали литовские партизаны и подпольщики в годы войны: пустили под откос несколько сотен вражеских эшелонов, уничтожили 300 паровозов и более двух тысяч вагонов, много военных складов, 18 гитлеровских гарнизонов, взяли большие трофеи, спасли десятки тысяч советских людей от судьбы фашистских рабов в Германии. На литовской земле гитлеровцы оставили более 10 тысяч своих солдат и офицеров только убитыми.

Вдумайтесь, мои дорогие читатели, в эти факты и цифры, и вы убедитесь, какой великий воинский и патриотический подвиг совершили литовские партизаны и подпольщики, среди которых было очень много молодежи, комсомольцев. Это они, руководимые такими выдающимися подпольщиками, как Альбертас Слапшис, Каролис Петрикас, Альфонсас Вилимас, и многими другими верными сынами партии Ленина, прославили себя, защищая честь и свободу нашей Родины.

Непокоренным имя — легион

На белорусской земле, так же как на всей временно оккупированной врагом советской территории, рядом с коммунистами, старшими товарищами сражалась белорусская молодежь и ее авангард — комсомол. Здесь, помимо партийного подполья, под его руководством одновременно действовали 10 областных, 206 городских и районных подпольных комитетов комсомола, 5506 первичных организаций. Они объединяли около 74 тысяч комсомольцев. В их лице партия имела активнейших помощников в наступательной тыловой борьбе.

Недаром белорусские партизаны сеяли страх и панику среди оккупантов. Гитлеровский офицер Фридрих Бушеле в дневнике, обнаруженном после его смерти, писал: «Кругом ни одного человека, но всюду и везде, в лесах и болотах, носятся тени мстителей. Это партизаны. Неожиданно, будто вырастая из-под земли, они нападают на нас, рубят, режут и исчезают, как дьяволы, проваливаются в пренеподнюю. Мстители преследуют нас на каждом шагу, и нет от них спасения... Сейчас я пишу дневник и с тревогой смотрю на заходящее солнце. Лучше не думать. Наступает ночь, и я чувствую, как из темноты неслышно ползут, подкрадываются тени, и меня охватывает леденящий ужас!»

Судьбу автора этих записок разделили на белорусской земле тысячи его соотечественников.

Огромная армия народных мстителей выдвинула из своих рядов целую плеяду людей, которые являются гордостью не только белорусского — всего советского народа. Среди них Герои Советского Союза Константин Заслонов, Вера Хоружая, Минай Шмырев, Василий Корж, Федор Котченко, Григорий Токуев, Александр Исаченко, Михаил Сильницкий и многие, многие другие. В их числе и старые коммунисты, участники походов гражданской войны, и комсомольцы, впервые взявшие оружие во время гитлеровского нашествия.

И тут на память приходит происшедшее в Минске событие, весть о котором перешагнула белорусскую землю, с молниеносной быстротой разнеслась по всей Украине, радостью отозвалась в сердцах наших партизан.

Это произошло ранней осенью 1943 года. Причем, как говорится, аукнулось в Белоруссии, а откликнулось в Берлине. Вся фашистская столица тогда оделась в траур. Над зданиями были приспущены нацистские флаги, увитые черным крепом. Кого-то хоронили с большими почестями. Даже Гитлер почтил память покойника, постояв немного у его гроба. И когда по улицам двигалась похоронная процессия, вокруг то и дело слышалось, как осторожные немцы на разные лады произносили: «Минск», «Партизаны».

Так фашистская Германия, охваченная ужасом и страхом перед неминуемым возмездием, провожала в последний путь одного из своих кровавых деятелей — наместника Гитлера в Белоруссии, душителя белорусского народа Кубе.

При одном упоминании этого имени возникают страшные картины народных страданий от гитлеровских изуверов. Бесчинствам гитлеровского палача Кубе не было границ. И тогда ЦК Коммунистической партии Белоруссии поставил перед народными мстителями задачу: уничтожить Кубе.

В условиях жестокого оккупационного режима, особенно свирепствовавшего в Минске, выполнение этой задачи было невероятно сложным. Проникнуть в особняк, в котором проживал Кубе, казалось невыполнимым. Любое подозрение могло повлечь за собой огромное количество жертв, новые репрессии против населения.

И все же советские патриоты решили любой ценой выполнить

задание. В активную подготовку включились лучшие партизаны из бригады Петра Лопатина. Для установления контакта с минскими подпольщиками решили направить связного. Выбор пал на медицинскую сестру комсомолку Надю Троян. Вскоре отважная партизанка появилась в Минске. Ценой огромных усилий ей удалось установить связь с комсомолкой Еленой Мазаник, работавшей горничной в доме самого Кубе. А тесную связь с этими девушками поддерживала руководительница подпольной группы Мария Борисовна Осипова — коммунистка, прекрасная разведчица, человек большой воли.

И тройка бесстрашных начала тщательно готовиться к операции по уничтожению Кубе. Каждый свой шаг патриотки взвешивали, проверяли. Люди разных характеров, они отлично дополняли друг друга: дальновидная и наблюдательная, умудренная опытом Мария Борисовна Осипова; умеющая расположить к себе, войти в доверие и подчинить себе волю другого Елена Мазаник; энергичная и изобретательная, мастерица перевоплощения Надя Троян.

Каждая из них играла свою роль в общем плане операции. И вместе с тем решающая задача ложилась на плечи Елены Мазаник. Ей предстояло непосредственно убить гитлеровского гауляйтера, подложив в его спальне мину.

Через многие фашистские кордоны прошла Мария Борисовна Осипова, пока попала в Минск и благополучно доставила в обыкновенной корзинке полученную у партизан мину с часовым механизмом. Затем встретилась с Еленой Мазаник, передала мину и подробно объяснила, как надо с ней обращаться.

После этого наступил самый сложный этап реализации намеченного плана. Как пронести этот смертельный груз в особняк Кубе? Ведь гауляйтера охраняют войска СС, гестаповцы, у него огромная личная стража. Каждого, кто имеет доступ в особняк, непременно обыскивают. Тщательному осмотру подвергается и горничная Елена Мазаник, когда идет на работу и возвращается с нее. И все же бесстрашная комсомолка благодаря своей изобретательности усыпляет бдительность телохранителей Кубе и проникает в спальню. Установив под матрасом кровати мину, Елена Мазаник исчезает.

Вот пройден первый, второй, пятый контроль, заканчивается шестой обыск, наконец, вздохнув полной грудью, девушка покидает особняк Кубе. В условленном месте ее встречают товарищи. А через несколько часов она уже среди своих, в семье партизан.

В ночь на 23 сентября 1943 года мина сработала. В особняке палача белорусского народа прогремел взрыв, а затем начался пожар. Фои Кубе был убит.

Так бесславно кончилось его двухлетнее «царствование» на земле Белоруссии. Гестаповцы с ног сбились в поисках Елены Мазаник. Они обещали большое вознаграждение тому, кто найдет комсомолку-подпольщицу. Но все их старания оказались безуспешными.

В ту пору, когда немецкий самолет с останками Кубе лег курсом на Берлин, советский самолет с отважными боевыми подругами — коммунисткой Марней Осиповой, комсомолками Еленой Мазаник и Надей Троян приближался к Москве.

Торжественно встретила наша столица дочерей непокоренной Белоруссии. Звание Героя Советского Союза увенчало их бессмертный подвиг.

Мощные удары партизан настигали оккупантов в Минске и Могилеве, Бобруйске и Полоцке, Витебске и Гомеле, Гродно и Бресте — везде, где ступала нога гитлеровца.

В годы войны по всей Белоруссии гремела слава подпольных комсомольских организаций, созданных во многих районах республики. Их возглавляли воспитанники комсомола Сергей Благоразумов, Люба Семукова, Петр Воронин, Леонид Ярош, Галина Сосина, Ольга Радькова, Семен Осадченков, Зоя Макаревич и другие патриоты.

Комсомольцы Сергей Шикапов и Иван Калилец были прекрасными организаторами и командирами первых партизанских отрядов Белоруссии. Мужеством и бесстрашием отличались юные участники комсомольско-диверсионных групп, которых в республике насчитывалось более трех тысяч.

Родина высоко оценила вклад белорусской молодежи в общенародную победу. 35 тысяч молодых партизан и подпольщиков Белоруссии были награждены орденами и медалями. 24 воспитанника белорусского комсомола заслужили звание Героя Советского Союза.

Герои Карпатского рейда

С первых же дней войны под руководством ушедших в подполье партийных организаций на украинской земле действовало 12 подпольных обкомов комсомола, 264 горкома и райкома комсомола, сотни комсомольско-молодежных организаций. Они являлись тем ядром, вокруг которого объединились тысячи юношей и девушек.

История крупнейших партизанских соединений Украины, которыми командовали такие выдающиеся организаторы и руководители, как дважды Герой Советского Союза А. Федоров, Герои Советского Союза Д. Медведев, М. Наумов и А. Сабуров, В. Бегма, С. Маликов, Н. Попудренко, С. Олексенко, И. Федоров, Н. Таратуга, В. Грабчак, И. Шитов и другие, изобилует бесчисленным множеством примеров мужества и отваги нашей молодежи.

Вряд ли возможно в одной книге подробно описать разнообразие форм и методов, которые были на вооружении наших партизан и подпольщиков. Но кое о чем я расскажу.

...На весь мир прославилась своими боевыми делами подпольная комсомольская организация «Молодая гвардия», созданная в горняцком городе Краснодоне по инициативе руководителя местной подпольной партийной организации П. Лютикова.

Организаторы «Молодой гвардии» — Олег Кошевой, Сергей Тюленин, Ульяна Громова, Любовь Шевцова, Иван Туркенич, Иван Земнухов и их боевые товарищи Георгий Арутюнянц, Валя Борц, Виктор Третьякевич, Оля и Нина Иванцовы и другие молодогвардейцы своими подвигами навечно внесли свои имена в летопись Великой Отечественной войны.

Беспримерный героизм в борьбе с гитлеровскими оккупантами проявила и другая подпольная комсомольская организация Донбасса, действовавшая в столице шахтерского края — Донецке. Руководили ею молодые педагоги — комсомольцы Савва Матекши и Степан Скоблов. Старожилы Донецка, пережившие все ужасы фашистского подневолья, по сей день вспоминают о них с благодарностью.

Всеобщее восхищение вызывает также патриотическая деятельность подпольной организации «Партизанская искра» на юге Украины, в селе Крымка Николаевской области. Ее организаторами и руководителями были учитель коммунист В. Моргуненко, комсомольцы П. Гречаний, Д. Дьяченко, Д. Попик.

А вот иные степи — на правом берегу Днестра. Древний город Хотин с большими революционными традициями. Только год минул, как над ним взвился государственный флаг нашей Родины и жители города стали гражданами Советского Союза. Но в мирную жизнь Хотина, точно смерч, ворвались фашисты, неся смерть и разрушения, врываясь в дома и уничтожая людей лишь за то, что они советские люди.

И тогда вновь ожили боевые традиции хотинцев. Герои поднялись на борьбу с гитлеровскими оккупантами. В этой борьбе рядом с коммунистами всегда шли комсомольцы. В Хотине активно действовала подпольная комсомольская организация, самыми отважными в ней были Кузьма Галкин, Владимир Манченко, Александр Непомнящий, Николай Салтанчук, Дмитрий Семенчук.

Многие молодые подпольщики, имея опыт конспиративной работы в период владычества буржуазной Румынии, успешно применяли его против гитлеровцев: проводили диверсии на дорогах и линиях связи, распространяли листовки, уничтожали фашистов и их прислужников.

...Память подсказывает все новые и новые подвиги и имена героев. Это и вожак юных малинских подпольщиков — комсомолец Нина Сосниша. Это и полтавчанка — дочь комсомола Ляля Убийвовк, и гордость нежинских подпольщиков — слепой комсомолец Яков Батюк. Это и харьковский комсомолец Володя Коновалов — создатель подпольной радиостанции в депо Основа, установивший связь с командованием частей Советской Армии и передавший им важные военные сведения, и многие, многие другие.

Передо мной копия вражеского допесения. Оно называется «О положении молодежи на Украине». Его автор — руководитель гестапо Гиммлер. В этом документе матерый фашист с горечью доносил фюреру: «Украинская молодежь в своем поведении сохранила традиции, приобретенные ею в период Советской власти.

Молодежь желает возврата советской системы. В критические дни на Восточном фронте настроение молодежи в основном было про-большевистским».

Более двадцати лет назад был написан этот документ. И каждый раз, читая его, я испытываю огромное удовлетворение, гордость за своих молодых соотечественников. Конечно, они заслужили высокую оценку врага, помню его воли. А ведь гитлеровцы делали все, чтобы лишить нашу молодежь веры в Советскую власть и Коммунистическую партию.

И все же об одном Гиммлер «стыдливо» умолчал в своем до-несении: о том, как молодежь Советской Украины героически бо-ролась за родную Советскую власть, как отстаивала свою свобо-ду в смертельных боях с фашистами.

Вот уже два десятка лет, как я и мои товарищи по партизан-ским походам посещаем места, где воевало наше соединение. Обычно мы начинаем путь с прославленного народными мстителя-ми Спадщанского леса на Сумщине и завершаем его в Карпатах. Здесь, среди густой поросли смерек, до сих пор хранится множест-во тайн о патриотических подвигах. И кажется, если бы эти могу-чие горы, подпирающие плечами высокое небо, могли рассказать обо всем, что видели, то сколько бы новых удивительных историй узнало человечество о народных мстителях!

Совершая походы по былым партизанским тропам, мы словно вновь переживаем события минувшей войны. Вот в воздух взле-тают вражеские эшелоны с войсками, оружием, горючим. Вспыхи-вают дымным пламенем танки и самолеты с крестами и свастикой на борту. То тут, то там раздаются взрывы, слышатся выстрелы — и всюду трупы вражеских солдат и офицеров, танкистов и летчи-ков, карателей и полицаев...

И над всем этим возвышается мужественный образ советского Партизана. Нет, он не одинок! Сотни и тысячи прошли с боями по этим тропам. И каждый внес посильный вклад в летопись рат-ных подвигов, совершенных на всей этой огромной и героической партизанской трассе, протянувшейся от Путивля до Карпат.

Вот они, наши молодые герои: Радик Руднев, Нина Сознна, Саша Ленкин, Нина Ляпина, Михаил Андросов, Валя Павлина, Ваню Гогошвили, Володя Шишов, Костя Стрелюк, Яша Рохлин, Юля Зинухова, Вася Олейник, Гриша Пархоменко, Ваня Архипов, Митя Черемушкин, Петя Шевченко и многие другие боевые побра-тимы, без которых была бы немыслима слава нашего партизан-ского соединения. Все это — молодежь с горячим комсомольским сердцем в груди, беспредельно скромная в жизни и великая в подвиге.

Память переносит меня к событиям начала Великой Отечест-венной войны, когда в Спадщанском лесу был создан наш парти-занский отряд, выросший затем в крупнейшее соединение. Вокруг уже бесчинствовали оккупанты. И наш маленький отряд наносил им чувствительные удары. Вскоре Спадщанский лес стал непри-ступным для фашистов. Все новые и новые патриоты приходили

сюда, чтобы принять партизанскую клятву и вместе с нами бить оккупантов.

Помню, среди первого пополнения отряда был всего один комсомолец — сын нашего комиссара Радик Руднев. Товарищи говорили о нем: «Наш комсомольский фундамент». И он действительно положил начало созданию в отряде комсомольской организации, которая впоследствии насчитывала сотни юношей и девушек и стала внушительной силой в нашем соединении. Эти ребята были людьми высокого сознания, воинского героизма и долга.

В последних числах августа 1942 года меня и других командиров партизанских отрядов и соединений вызвали в Москву, в Кремль. Впервые предстояло покинуть родной партизанский край.

Нас принимали в Ставке Верховного Главнокомандования. Беседа была продолжительной и интересной. Ставились новые задачи по расширению партизанской войны, обсуждались мероприятия по обеспечению успеха наступательных операций.

Соединениям, которыми командовали Александр Николаевич Сабуров и я, было предложено совершить чрезвычайно сложный и ответственный рейд на Правобережную Украину. Естественно, подобный поход требовал тщательной подготовки. Надо было привести в особый порядок все наши силы, наладить снабжение оружием, боеприпасами и всем иным необходимым, чтобы обеспечить выполнение столь крупной боевой операции.

В Кремле мне тогда сказали:

— Учитите, Сидор Артемьевич, поможем всем, чем располагаем. Кстати, в Москве находится большая группа комсомольских работников из всех оккупированных районов страны. Немало среди них и с Украины. Славные ребята. Они усиленно занимаются на специальных курсах ЦК ВЛКСМ, где их готовят для работы во вражеском тылу. Как только закончат учебу, немедленно полетят к вам.

Этому известию я очень обрадовался. Ведь в нашем соединении было большинство молодежи, и приезд опытных комсомольских вожаков сулил немало хорошего.

Вернувшись к своим партизанам, я рассказал об этом комиссару соединения Семену Васильевичу Рудневу. Он тоже обрадовался и заметил:

— Устроим комсомолятам достойную встречу!

6 октября 1942 года из Москвы поступило сообщение, что к нам вылетает группа комсомольских работников. И в ту же ночь на только что построенном аэродроме совершил посадку первый самолет из транспортного полка, которым командовал Герой Советского Союза гвардии полковник Валентина Гризодубова.

Один за другим выходят из самолета комсомольцы. Все мы возбуждены. Да это и понятно. Ведь они впервые на партизанской земле. Знакомимся. Вот высокий стройный юноша — Михаил Андросов — заведующий отделом Запорожского обкома комсомола. А вот его спутницы: секретарь того же обкома Юлия Зинухова и секретарь горкома Валя Павлина. К нам подходят секретарь

Николаевского обкома комсомола Аня Дивина и другие ребята.

Их сразу окружили партизаны, начались расспросы. Как идет жизнь на Большой земле? Готовит ли наша армия новые удары по оккупантам? Захватили ли с собой литературу, свежие газеты? Посланцы Ленинского комсомола едва успевали отвечать, так что путь от аэродрома до штаба партизанского соединения показался коротким.

— Вот и новое боевое пополнение, — приветливо встречает комсомольцев Семен Васильевич Руднев.

Вслед за ним я знакомлю приезжих с начальником штаба Григорием Яковлевичем Базымой, секретарем партийного бюро Яковом Григорьевичем Паниным, командирами отдельных подразделений.

Находились мы в ту пору в Брянских лесах, близ Старой Гуты, в которой ни на минуту не прекращала существовать Советская власть. И не случайно мы называли Старую Гуту партизанской столицей.

К этому времени наше соединение успело провести немало боевых операций, уничтожило более четырех тысяч фашистов, захватило много трофеев. Соединение стало грозной и опасной силой для врага. И теперь оно готовилось к новым сражениям.

Вот та обстановка, в какой оказались прилетевшие к нам комсомольские работники. После короткого отдыха все они включились в активную боевую жизнь. Миша Андросов был назначен помощником комиссара соединения по комсомольской работе. Комсомольские организации в батальонах и ротах возглавили Валя Павлина, Вася Олейник, Юля Зинухова, Аня Дивина. И что примечательно, все они как-то сразу накрепко вошли в нашу партизанскую семью. Участвуя в операциях, они и сами хорошо проявили себя, и других комсомольцев повели за собой, мобилизовали всю молодежь на решение важных задач, стоявших перед соединением.

Беседуя с Семеном Васильевичем Рудневым о работе нашей комсомолки, мы не раз благодарили Центральный Комитет комсомола за такое хорошее пополнение. Это были замечательные ребята! Мы часто восхищались их бесстрашием и отвагой. Их пример увлекал не только молодых, но и пожилых партизан.

А боевое крещение началось следующим образом.

— Что, Семен Васильевич, пора и повеньких испробовать в деле, — сказал я как-то Рудневу.

— Непременно, — согласился комиссар.

Примерно через час мы вызвали к себе командира партизанской группы Сергея Горланова и нескольких разведчиков — молодых, энергичных ребят.

— Так вот, хлопцы, — обратился я к ним, раскладывая карту. — Сперва придется вам отмерить километров сорок. Затем выйдете на шоссе, подойдете к мосту, снимете охрану, а мост взорвете. Предупреждаю: для немцев это шоссе имеет очень важное

значение. Стерегут они мост пуще глаза. Так что от вашего умения целиком зависит успех операции. Значит, действовать нужно очень осторожно, но решительно.

— И еще одно учтите,— добавил Руднев,— впервые на операции с вами пойдут наши новенькие: Юля Зинухова и Валя Павлина.

Получив точные данные, ребята вышли в путь. Я верил в успех операции, так как прекрасно знал, на что способна группа Сергея Горланова. И вместе с тем беспокоился за девушек, которым предстояло держать первый боевой экзамен.

Долго ожидали мы возвращения группы. Наконец бойцы показались в нашем лесу. Лица утомлены, а настроенье бодрое. Сергей Горланов, отрапортовав мне и Рудневу, что задание успешно выполнено и группа вернулась без потерь, рассказал подробней.

— Как говорят, береженого и бог бережет,— начал Горланов.— Поэтому мы шли, буквально ощупывая каждый кустик, присматриваясь к каждому бугорку. Шли, однако, быстро. Никто не отставал. К Юле и Вале я постоянно приглядывался. По всему видно было: трудно девушкам с непривычки такую дорожку сразу одолеть. Делали короткие остановки, потом снова в путь. Время подгоняло. Наконец увидели цель. Собрался с силами, наметили задание каждому. Абсолютно бесшумно подобрался к месту. И тут наши девочки показали себя.

Горланов умолк на какую-то долю минуты, а затем продолжал:

— Наше появление для гитлеровцев было как гром среди ясного дня. Растерялись они. Не смогли оказать сопротивления. И мы ударили по ним. Смотрю — и глазам своим не верю: Юля Зинухова преследует двух фашистов — они к дому, а она с автоматом за ними. Одного убила, а другой успел скрыться в доме. В это время подоспел Петя Шевченко. Через открытую дверь дал автоматную очередь, а потом и сам вскочил в дом. Через несколько минут на пороге показались два немца с поднятыми вверх руками. За ними важно шагал Петя...

Смело вела себя и Валя Павлина. Пока мы возились с охраной, наши минеры во главе с Васей Олейником взорвали стометровый мост.

Горланов окончил рассказ. Мы с Рудневым поздравили партизан с успешным завершением операции, и особенно девушек — со сдачей боевого экзамена. Как сейчас помню их лица — довольные, веселые. Протянув мне немецкий карабин, Юля сказала:

— Сидор Артемьевич, это я забрала у первого немца, которого убила.

Для меня такой подарок был очень дорог.

После первого экзамена девушки участвовали во многих больших и малых сражениях и вскоре стали поистине бесстрашными, находчивыми, умелыми партизанками. Они владели многими средствами истребления противника, какие были у нас на вооружении.

Перед выходом в рейд в подразделениях состоялись комсомольские собрания, посвященные чрезвычайно важному вопросу: как лучше выполнить задание Центрального Комитета партии —

совершить переход на Правобережную Украинну. Нам с Семеном Васильевичем Рудневым довелось участвовать почти во всех этих собраниях. И нас радовала целеустремленность комсомольцев, стремление быстрее разгромить врага. На этих же собраниях разбирались десятки заявлений юных партизан с просьбой принять их в ряды Ленинского союза молодежи, чтобы в рейд идти комсомольцами.

По инициативе комсомольской организации в соединении были созданы курсы минеров, пулеметчиков, стрелков из противотанкового ружья. На курсах занимались сотни юношей и девушек, стремившихся овладеть военными специальностями.

И вот настал долгожданный день 27 октября 1942 года — день нашего выхода в далекий рейд. Не буду описывать подробности этого похода, скажу только, что к исходу двадцать пятого дня мы оставили позади 800 километров. Причем прошли их с боями, преодолели крупные водные преграды — Десну, Днепр, Припять, уничтожили несколько вражеских гарнизонов, в том числе такие, как Лоевский, Лельчицкий и другие, истребили около пяти тысяч фашистов, уничтожили большое количество вражеских эшелонов с живой силой и техникой, 120 шоссежных и железнодорожных мостов.

Огромный воинский труд был вложен в этот рейд, ставший переломным этапом во всей партизанской войне на Украине. В памяти оживают его герои, их подвиги. И конечно, в первых рядах я вижу нашу прекрасную молодежь, бесстрашных комсомольцев — творцов этой победы.

Вспоминаю нашего любимца Ваню Архипова. Незадолго перед войной он окончил школу, работал на заводе, здесь же вступил в комсомол. В первый день вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну Ваня с группой заводских комсомольцев добровольно ушел в действующую армию. Воевал на Орловщине. Попал в окружение.

Когда мы находились в Брянских лесах, ко мне привели группу молодых бойцов. Один из них особенно выделялся своим подтянутым видом: гимнастерка ладно облегла его стройную фигуру, он казался воплощением внутренней и внешней собранности, о таких говорят, что они рождены для воинской службы.

Ваня кратко доложил: часть, в которой он служил, была рассеяна противником. Узнал, что в Брянских лесах действуют партизаны, и решил с товарищами идти, как он сказал, «к хозяевам лесов».

Мы с радостью приняли этих парней в свое соединение.

...Было это в Полесье. Остановились мы недалеко от деревни Буйновичи, куда накануне вышло в разведку отделение Архипова. И вот появляется Ваня и сообщает: в Буйновичах много полицейских, боятся они партизан и организовали в деревне и вокруг нее оборону.

Я приказал командиру отряда Кульбаке взять Буйновичи. Вскоре штурм начался.

Подпустив партизан поближе, враг открыл сокрушительный огонь. Но наши роты продолжали наступление. Наиболее упорно оборонялись гитлеровцы, засевшие в помещении комендатуры. И тогда Ваня Архипов со своим отделением бесшумно подобрался к самому логову. Спасая свою шкуру, большая группа гитлеровцев покинула комендатуру и прямо-таки на четвереньках стала пробираться в более безопасное место. Отделение Вани Архипова стало преследовать их, а сам он ворвался в помещение. Тут Ваня обнаружил немало документов (опытный разведчик знает их ценность). Затем его внимание привлек телефон. Когда я с группой партизан вошел в комендатуру, Архипов держал трубку и во все горло кричал:

— С тобой, мерзавец, говорит советский партизан. Доложи своему начальству: все фашисты в Буйновичах уничтожены, а заодно с ними и твои холун-полицан. И еще одно передай: партизаны влюблены в Лельчицы. Чудесное местечко! Так что, ждите нас на чай.

Ваня так увлекся беседой с комендантом Лельчиц, что не заметил даже нашего появления. Внимательно слушая назидательную речь Архипова, комендант, видимо, не всему верил и пытался что-то бормотать на ломаном русском языке. Я подошел к Архипову, взял из его рук трубку и добавил:

— Чтоб духу немецкого не было в Лельчицах, а то всем будет капут!

— Кто говорил со мной? — услышал я растерянный голос.

— Ковпак! — последовал мой ответ, и голос коменданта тотчас замер.

Затем Архипов со своим отделением куда-то исчез. Но через часок снова появился в Буйновичах. Вошел в дом, где остановился наш штаб, и обратился ко мне:

— Товарищ командир, захватил трех гитлеровцев. Хотел сам начать допрос, да побоялся. Уж больно я горячий. Так вы уж, пожалуйста, допросите сами...

Комсомольским ротам я приказал отдыхать. Молодцы ребята! Прекрасно провели операцию по захвату Буйновичей и заслужили короткую передышку.

Документы, захваченные Ваней Архиповым в немецкой комендатуре, сослужили нам огромную службу. По ним, в частности, мы узнали о системе обороны Лельчиц. Противник держал там сильный гарнизон, так как в местечке находилась крупная база снабжения: склады с оружием, боеприпасами, горючим, продовольствием и обмундированием.

Вызвал Ваню Архипова:

— Помнишь, что обещал коменданту Лельчиц, когда разговаривал с ним по телефону? — спрашиваю разведчика.

— Как не помнить, товарищ командир.

— Так вот, раз дал слово явиться к немцам на чай, надо выполнять обещание.

— Я с радостью, — засверкали глаза Вани.

— Прекрасно. Бери своих соколят и айда в Лельчицы. Все разузнай, все разведай.

Архипов откозырял и удалился. А когда вернулся, с тревогой доложил: немцы усилили оборону Лельчиц. По всему видно, что решили дать партизанам серьезный бой и отрезать нам все пути в Лельчицы. На небольшой схеме разведчик начертил объекты, у которых гитлеровцы выставили особенно сильную оборону.

«Орешек» действительно попался нам не из легких. И вместе с тем дополнительные сведения, добытые Ваней Архиповым, помогли более тщательно разработать план ликвидации лельчицкого гарнизона.

Мы подтянули свои подразделения и окружили Лельчицы. А ночью начали штурмовать гитлеровский гарнизон. Пытаясь сохранить важную базу снабжения, гитлеровцы прилагали все силы, чтобы отбить наши атаки. Но нам удалось сломить упорное сопротивление противника и ворваться в местечко. Завязались уличные бои. Оборона фашистов была насыщена огневыми средствами. Вражеские автоматчики засели в каменных домах и со всех сторон вели огонь по наступавшим партизанам. Однако мы отбивали у противника одну позицию за другой, подавляли огневые точки, и сила вражеского сопротивления с каждым часом слабела.

В этой операции наша молодежь вела себя героически. Понистине шквальный ливень ружейно-пулеметного огня обрушился на наших партизан из двухэтажного здания школы. Первой прорвалась сквозь этот заслон Нина Созина, а вслед за ней устремились Ваня Тигин и Гриша Давиденко. Ошеломленные гитлеровцы от неожиданности растерялись. А комсомольцы тем временем пустили в ход гранаты.

Памятный бой закончился на рассвете. Мы овладели Лельчицами, истребив несколько сотен солдат и офицеров. Нам достались большие трофеи, в том числе орудия, автомобили, мотоциклы и прочие ценности.

После этой операции мы завершили выход на Правобережную Украину, о чем немедленно доложили в Москву, Центральному Комитету партии. Многие наши партизаны были награждены орденами и медалями. Высоких правительственных наград были удостоены и молодые народные мстители, среди них — комсомольцы Ваня Архипов, Нина Созина, Ваня Тигин, Гриша Давиденко и другие представители молодого племени сильных и отважных.

...С Семеном Васильевичем Рудневым и нашими штабистами мы сидели за детальной разработкой предстоящего рейда в Карпаты, когда к нам явился Михаил Андросов.

— Заседал сегодня комсомольский комитет, — начал он. — Постановили просить командование соединения создать комсомольский кавалерийский эскадрон.

Мы с Семеном Васильевичем переглянулись. Комиссар всегда с большой радостью поддерживал инициативу комсомольцев. И сейчас, самым внимательнейшим образом выслушав Андросова, сказал мне:

— А ведь действительно, Сидор Артемьевич, предложение комсомольцев заманчивое. Стоит прислушаться.

Идея и мне понравилась. Решено было укомплектовать комсомольский эскадрон. А когда речь зашла о том, кому доверить его организацию и право командования, двух мнений и быть не могло. Понятно, Саше Ленкину. Сам лихой конник, он и с эскадронам справится.

Комсомольца Александра Ленкина у нас называли: «Гордый сын Сибири, царь лесов и рек могучих». До войны Саша работал бухгалтером в одном из сибирских леспромхозов и считался превосходным охотником и отменным наездником. На своем любимом коне он проехал немало сотен километров по таежным местам.

В нашем отряде Ленкин появился в первые месяцы войны. Он, как говорится, с ходу вступил в бой. Наблюдая за ним, можно было подумать, что человек всю жизнь провел в партизанских походах. Впрочем, это и понятно, ведь лес был для него родным домом.

О кавалерийской удали Александра Ленкина и его недюжинном таланте разведчика в нашем соединении рассказывали чуть ли не фантастические истории, слагали стихи, пели песни. Завидным даром надо обладать, чтобы завоевать всеобщую любовь товарищей. И этим даром сполна владел комсомолец Александр Ленкин.

Совершая Карпатский рейд, мы приблизились к крупному водному рубежу. Фашистское командование приняло все меры, чтобы преградить нам путь и обескровить наступающие партизанские части. Однако точная разведка помогла нам разгадать планы противника и успешно форсировать реку. Этого мы достигли благодаря безупречным действиям наших кавалеристов.

В район деревни, где находился мост, мы направили эскадрон Ленкина. Кавалеристам поручили захватить мост и переправить по нему наши подразделения. Комсомольцы-конники скрытно добрались к мосту, без единого выстрела сняли всю гитлеровскую охрану и захватили переправу. Вскоре на мосту прошло все наше соединение. Оказавшись на другом берегу, мы быстро углубились во вражеский тыл, а затем прорвались и в Карпаты.

Вспоминается бой за город Скалат. В этой операции также героически вели себя конники Ленкина. Когда город был очищен от оккупантов, Саша с группой партизан направился к тюрьме и освободил узников, с которыми гитлеровские палачи не успели расправиться.

Увидев меня, Ленкин спешил со своего красавца коня и, протягивая какой-то листок бумаги, сказал:

— Вот, ироды, чего захотели! Только прочитайте, товарищ генерал, что пишут фашисты. А портрет-то ваш как нарисовали. Одна смехота!

Я развернул листок и прочитал: «Каждому, кто доставит немецкому командованию живого или мертвого командира партизан генерала Ковпака, генерал-губернатор Галиции заплатит сто тысяч рейхсмарок».

Признаюсь, листовка доставила мне немало радости. Значит, мы изрядно насолили гитлеровцам, если они так щедры на вознаграждение. Разве тут во мне дело? Чего бы я стоил без чудо-партизан, без таких, как комсомолец Ленкин, и подобных ему воинов несгибаемой воли, безгранично смелых и решительных, составлявших грозную силу нашего соединения, его красу и гордость.

Поблагодарив лихого кавалериста, я аккуратно сложил листовку и написал на ней: «Ленкин, Скалат» и дату, а затем бережно положил бумагу в карман. До сих пор храню этот документ, как памятную реликвию минувших битв, как одно из многочисленных свидетельств мужества своих боевых товарищей, молодых партизан сороковых годов двадцатого столетия.

В дни Карпатского рейда больше половины партизан составляли комсомольцы. Высокое звание «Комсомольских» было присвоено 4 ротам, 28 диверсионным группам и другим подразделениям нашего соединения.

Мои славные юные однополчане! Разве можем мы забыть о боях за знаменитые Битковские нефтепромыслы, где особенно отличились партизаны из взвода комсомольца Николая Игнатьева и комсомольские диверсионные группы Василия Олейника и Сергея Абрамова? Можно ли забыть виртуозного мастера разведки шестнадцатилетнего Мишу Семенового и его сверстника Ваню Чернякова — нашего связного? Никогда!

Добрую память в наших сердцах оставил и один из лучших минеров комсомолец Яков Рохлин — кавалер многих наград. Яша начал свой военный путь в Брянских лесах и прошел с нашим соединением тысячи километров. Не случайно партизаны называли Рохлина профессором минного дела.

Как-то во время относительного затишья между боями, когда партизаны имели возможность немного отдохнуть, я направился вечером в комсомольскую роту разведчиков. И в нескольких метрах от ее расположения остановился: кто-то вслух читал знакомую с детства «Полтаву»:

Когда бы старый Дорошенко,
Иль Самойлович молодой...

По мере моего приближения голос чтеца звучал все четче и призывнее, и мне казалось, что в этом дремучем лесу все замерло от неумной силы пушкинских слов:

Украина глухо волновалась.
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны...

Подожел вплотную. Взору предстала живописная картина: сидя в разных позах, разведчики внимательно слушали высокого юношу, лицо которого трудно было разглядеть из-за сгустившихся сумерек; читал он Пушкина с большим чувством. Но, увидев меня, юноша остановился на полуслове и слушатели стали менять позы.

— Приказываю сидеть, как сидели, — шуточно сказал я им. — А ты — продолжай читать, — обратился я к юноше.

Но чтение уже не ладилось. Мое появление точно выбило всех из седла, и мне даже неловко стало: уж лучше бы в сторонке стоял да слушал.

Кто же был этот замечательный чтец, сумевший так заворожить слушателей? Комсомолец Костя Стрелюк. Он пришел к нам вскоре после начала войны. Длинноногий тощий юнец, с едва заметным пушком на верхней губе, он производил впечатление угловатого, медлительного мечтателя. Трудно было даже решить, что ему можно поручить в нашем партизанском деле? Но это было только первое впечатление, которое скоро рассеялось.

При первой же беседе Костя изъявил желание стать разведчиком. И мы направили новичка в специальную роту. Стрелюк стал одним из лучших следопытов соединения. Его избрали секретарем комсомольской организации роты.

Костя Стрелюк выполнял десятки заданий, и не было случая, чтобы он явился в штаб без каких-либо важных сведений. Умение прощупать в самые укромные вражеские уголки, взвешивать каждый свой шаг и поступок — характерная черта этого парня. Поэтому самые сложные дела по разведке мы поручали именно Косте.

Но когда Костю хвалили за удачно проведенную разведку, он всегда говорил:

— Зря вы так. Не будь Митя, с пустыми руками вернулся бы.

С командиром взвода разведчиков Дмитрием Черемушкиным он подружился с первых же дней. Их сроднили общие интересы. При каждом удобном случае Костя подчеркивал, что считает Черемушкина своим учителем. Пожалуй, так оно и было. В первую разведку Стрелюка повел Митя Черемушкин. С тех пор они стали неразлучными. У них даже выработался общий «почерк» в тактике и методах боевой работы. А совместные походы по тылам врага только сцементировали их дружбу.

О многих операциях с участием Черемушкина и Стрелюка можно было бы рассказать. Но ограничусь, на мой взгляд, самой показательной, носившей короткое название «Тетеревский мост».

Шел 1943 год. После разгрома армии Паулюса на Волге войска Советской Армии наступали по всему огромному фронту. Активно действовало и наше партизанское соединение. Его отряды находились уже в нескольких десятках километров от Киева и наносили удары по врагу со все возрастающей силой. Земля Правобережной Украины, что называется, горела под ногами фашистов.

Мы с Семеном Васильевичем Рудневым собрали в штабе всех командиров отрядов и сообщили о нашем плане удара по важной железнодорожной магистрали Киев — Коростень и уничтожении тетеревского моста. Идея всем понравилась. Решено было немедленно приступить к ее реализации.

Длина железнодорожного моста, фермы которого перешагнули через речку Тетерев, — всего 150 метров. Но важность этого

объекта трудно было переоценить: через этот мост гитлеровцы пропускали большое количество войск, техники, боеприпасов. Естественно, что и охраняли его с особым тщанием. Противник прекрасно понимал, что потеря моста пагубно скажется на фронтовых делах, которые и без того были очень плохи.

По данным разведки Черемушкина и Стрелюка, гитлеровцы направили на охрану моста свежее подкрепление.

— И на самом мосту, и на подходах к нему полно фрицев,— докладывал Митя, а Костя дополнял:

— Пожалуй, больше сотни немцев наберется. И вооружены крепко.

— Ну, а на самой станции Тетерев удалось побывать? — спрашиваю разведчиков.

— И на станции побывали. Два батальона там,— отвечает Черемушкин.

На листке из блокнота Стрелюк быстро набросал схему обороны моста и станции. Данные разведки были очень подробны и не вызывали никаких сомнений. Но в успех предстоящей операции мы твердо верили, так как подготовились к ней хорошо.

Было решено: для того чтобы охрану моста лишить помощи извне, надо вначале разгромить вражеские батальоны на станции. Выполнение этой задачи поручили батальону Петра Леонтьевича Кульбаки. А операцию на мосту мы возложили на вторую и восьмую комсомольские роты. Общее руководство взрывом осуществлял мой помощник Михаил Иванович Павловский.

В полночь комсомольские роты и батальон Кульбаки вышли на выполнение задания. Строго соблюдая маскировку, бойцы рот бесшумно добрались до района моста. Вместе с ними были разведчики Черемушкин и Стрелюк. Вот они оторвались от своих и подползли вплотную к мосту. Когда показался железнодорожный состав и целиком отвлек внимание охраны, бойцы разведки напали на нее и без единого выстрела уничтожили. Мгновенно сорентировавшись, Костя ползком по снегу подобрался к ближайшему барраку и снял охранника. А тем временем партизаны комсомольских рот окружили бараки и перебили всех находившихся там гитлеровцев.

Вскоре окрест раздался взрыв огромной силы. Комсомольцы под руководством Павловского удачно сработали: железные фермы моста тяжело рухнули вниз, вздыбив речной лед. Тетеревский мост перестал существовать.

Вслед за этим мы получили известие из батальона Кульбаки: гитлеровцы, засевшие на станции Тетерев, уничтожены.

Когда партизаны вывели из строя часть прикарпатских нефтепромыслов, Гитлер приказал шефу гестаповцев Гиммлеру организовать крупную карательную экспедицию против нашего соединения. Одновременно немцы вновь подняли «цену за голову Ковпака». Гитлер проявил неслыханную щедрость. По его указанию вместо ранее обещанных рейхсмарок предлагалось выдать в награ-

ду сто тысяч золотом. Что ж, сумма приличная. И если учесть оскудевшие золотые запасы вермахта, станет ясно, как изрядно мы навредили фашистам.

На борьбу с нашим соединением фюрер бросил свежие силы, так как считал, что действовавшим в Карпатах немецким войскам не по плечу столь важная операция. Он срочно отозвал для этого некоторые части из Германии, Польши и даже Норвегии. Среди них были ээсовские полки, горнострелковые и прочие части. В помощь им была придана авиация.

Вскоре разгорелась жесточайшая битва — одна из самых крупных в истории нашего соединения. Наивысшего накала она достигла в районе горы Сеничка. Десятки раз мы попадали в окружение, но вырывались из вражеского кольца и наносили противнику ответные удары.

Гитлеровцы беспредельно штурмовали одну нашу позицию за другой. Атака следовала за атакой. Однако фашисты всякий раз получали сокрушительный отпор. Карательная операция Гитлера провалилась. Но в этих боях мы потеряли нашего любимого комиссара Семена Васильевича Руднева и его сына Радика, комсомольцев Митю Черемушкина, Валентина Костюченко и многих других превосходных партизан, воспитанных Родиной, партией, комсомолом.

Карпатский рейд... Он начался неслышно от степных районов Украины, а затем продолжался по извилистым многогорьям и пролег партизанскими тропами в Карпатах. Сто двадцать дней длился этот поход, изобиловавший упорными схватками с врагом. Мы удерживали позиции и добивались побед. Но в каждом бою теряли любимых товарищей. Боль сжимала наши сердца, горло давили слезы, когда навеки прощались с ними. А неугасимая ненависть и жажда мести вели нас вперед через все преграды, и гневные наши удары по гитлеровцам становились все крепче и крепче.

Это была не только военная, но и политическая победа огромного значения. Наше соединение уничтожило свыше четырех тысяч гитлеровцев, два нефтеперерабатывающих завода, четырнадцать железнодорожных и тридцать шесть шоссежных мостов. Таков краткий итог Карпатского рейда.

Трудно описать атмосферу народного ликования при нашей встрече с вырванными из долгой неволи карпатскими братьями и сестрами. Эти встречи запомнились мне на всю жизнь. В те дни много гуцульской молодежи влилось в наше соединение. Мы продвигались вперед, и каждая новая боевая операция приносила нам радость победы. Нужно было видеть, с каким ожесточением дрались эти молодые партизаны — дети горных краев, истосковавшиеся по воле! Они дрались с особой энергией, ибо знали, что каждый уничтоженный в Карпатах гитлеровец — это десятки спасенных от гибели невинных людей.

Новый, 1944 год мне предстояло встречать на Большой земле. Приходилось покидать Карпаты, так как ранения давали о себе знать. Я прощался с боевыми товарищами, вместе с которыми

прошел огромный путь от Путивля до Карпат — путь, не просто равный тысячам километров. Поэтому минуты расставания были печальны. Утешала лишь глубокая вера в наших орлят. Я знал их боевой нрав! И командование соединения вручил в верные руки одного из моих ближайших помощников — Героя Советского Союза Петра Вершигоры.

Вскоре после того, как я улетел в Москву, наше соединение преобразовали в Первую Украинскую партизанскую дивизию и присвоили ей мое имя. Этот акт тронул меня до глубины души — он как бы давал оценку моему скромному участию в партизанском движении на Украине.

Поначалу, находясь на Большой земле, вдали от громовых раскатов боя, я остро ощущал непривычную обстановку. Даже физически чувствовал себя хуже, чем в самые трудные дни партизанских походов. Одно лишь сглаживало состояние неудовлетворенности — товарищи, спасибо им, систематически присылали сообщения о делах нашей славной дивизии. И каждый ее успех лечил меня, окрылял.

В те дни в жизни нашей партизанской комсомольской организации произошло большое событие: ЦК ВЛКСМ наградил ее Красным знаменем за успехи, достигнутые в воспитании молодежи, за большой вклад в партизанскую борьбу. Когда наши комсомольцы получали знамя, они отправили мне теплую телеграмму. Она доставила мне огромную радость. И стало очень жаль, что в минуту такого торжества я не был с ними.

Послал ответную телеграмму, в которой поздравил комсомольцев с вручением им Красного знамени, пожелал новых боевых успехов, благодарил за горячее приветствие в связи с присвоением мне звания дважды Героя Советского Союза. Я выразил твердую уверенность, что комсомольская организация и в будущем сохранит свои славные традиции, осенит боевое знамя новыми боевыми подвигами.

И орлята не подвели! В неудержимом порыве они продвигались вперед и вперед. И в том же январе 1944 года, перешагнув советскую государственную границу, протянули руку помощи братскому польскому народу. Здесь, на земле многострадальной Польши, наша партизанская молодежь показала новые чудеса храбрости. В первых рядах наступавших шли, конечно, наши лучшие комсомольцы Михаил Андросов, Александр Ленкин, Вася Олейник, Коля Гапопенко, Федя Громатин, юные ветераны партизанских походов.

Об их вкладе в патриотическое движение народных мстителей можно судить хотя бы по тому, что 560 комсомольцев дивизии были награждены орденами и медалями, а Александр Ленкин и некоторые другие товарищи удостоены звания Героя Советского Союза.

В войне наступил решительный перелом. Под ударами Советской Армии рушилась военная машина гитлеровской Германии и

се сателлитов. Отчаянно сопротивлявшися фашистские войска вынуждены были отступать. Фронт стремительно передвигался на запад. Каждый день приносил нашему народу новые известия о победах. Близился день окончательного разгрома врага.

А тем временем партизанские тропы прокладывались и далеко за пределами нашей Родины. Многие советские патриоты, движимые горячим стремлением приблизить окончание войны и помочь другим народам избавиться от гитлеровской тирании, мужественно дрались в рядах прославленных итальянских гарibaldiйцев, французских отрядов Сопротивления, чешских, польских, югославских, норвежских, бельгийских партизан и подпольщиков. Они действовали везде, где еще властвовал оккупационный режим третьего рейха.

Небезызвестный гитлеровский фельдмаршал Кейтель в одном из своих приказов писал: «С глубочайшим беспокойством я должен отметить, что побегн военнопленных, в особенности офицеров, в последнее время приняли опасные размеры».

Еще бы! Как было не беспокоиться начальнику генерального штаба фашистской армии, когда сотни советских патриотов, оказавшись в плену, рвались к борьбе. Преодолевая жестокие кордоны фашистских концентрационных лагерей, сжесскудно рискуя жизнью, они прорывались на волю, создавали свои партизанские группы и отряды, вливались в уже существовавшие и вместе с патриотами поработенных стран продолжали ожесточенную борьбу с общим врагом — фашистской Германией и со всеми, кто предал интересы своих народов.

В итальянских партизанских бригадах имени Гарибальди и «Паоло Бречини», в польской Гвардии Людовой, в болгарском батальоне «Христо Ботев», в словацкой бригаде имени Чапаева, в бельгийском отряде имени Адама Рене, как и в сотнях других боевых формирований народных мстителей, было много советских патриотов, отстаивавших человечество от коричневой чумы.

Это на земле Гарибальди родилась слава национального героя Италии и Героя Советского Союза, молодого воина Федора Полетаева. Это французский народ сделал своим национальным героем воспитанника Ленинского комсомола Героя Советского Союза Василия Порики, о котором с благодарностью и по сей день говорят не только в департаменте Па-де-Кале, где партизанл бесстрашный сын украинского народа, а и по всей Франции.

Мы никогда не забудем подвиг молодого советского партизана Владимира Кадлеца, совершенный на братской чехословацкой земле. Народ величал его «Владимир Неуловимый», называл «Иваном Грозным».

Французский журналист Жан Катала писал о подвигах советских интернационалистов: «Сотни советских солдат и офицеров, бежав с гитлеровской каторги, влились в партизанские отряды французского Сопротивления. Часто их подлинные имена и звания сохранялись в тайне... Но даже если никогда не удастся разыскать следы того или иного «Ивана» «Василия» или «Петра»,

их беззаветная храбрость навсегда останется в памяти их французских боевых друзей. Она будет передаваться от одного поколения к другому. Ибо нет ничего прочнее дружбы, скрепленной кровью, пролитой в совместных боях против общего врага».

Великому другу Советского Союза, национальному герою Чехословакии Юлиусу Фучику принадлежат слова, исполненные глубокого смысла:

«Я хотел бы, чтобы все знали, что не было безымянных героев, что были люди, которые имели свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и поэтому муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя войдет в историю. Пусть же павшие в бою будут всегда близки вам, как друзья, как родные, как вы сами!»

Действительно, нет безымянных героев! И как же мы, советские люди, горды тем, что среди этих героев было бесконечное множество молодых патриотов нашей Родины, питомцев комсомола!

...Герои партизанских троп! Как немыслимо объять необъятное, так же немыслимо рассказать обо всем, что совершила наша молодежь в рядах партизан, в подпольной борьбе с врагом. И моя маленькая книжка — лишь скромный отцовский вклад во всенародный венок любви и благодарности за беспримерный подвиг советской молодежи в Великой Отечественной войне, дань глубокого уважения к своим молодым побратимам, боевые дела которых все еще ждут своих исследователей.

Как-то в «Известиях» я прочитал краткое письмо, присланное в адрес московского радио: «Посылаю пятнадцать долларов. Очень прошу возложить цветы у Мавзолея Ленина. Ваш — за мир во всем мире — рабочий из США...» Автор письма — Уильям Сьюпер, машинист из Миннеаполиса.

В тот майский день мне довелось видеть у Мавзолея скромный дар далекого американского друга. И этот дар, как и письмо Уильяма Сьюпера, тронули меня до глубины души. Я ощутил в них величайшую любовь, которую питают все честные люди мира к нашему вождю, к созданному им Советскому государству, к нашему миролюбивому народу.

И, стоя у Мавзолея, я снова подумал о том, какую прекрасную молодежь воспитали страна Ленина, Коммунистическая партия и комсомол. Эта молодежь с честью выдерживала и впредь, если понадобится, выдержит все испытания на верность любимой Отчизне.

Очерки. статьи

2

Боевая закалка

В годы Великой Отечественной войны в партизанских отрядах Украины сражалось за свободу и независимость нашей Родины свыше 25 тысяч комсомольцев. Советское правительство высоко оценило боевую деятельность молодых партизан Украины. 8875 юношей и девушек награждены орденами и медалями. Двадцати двум комсомольцам присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

В дни суровых испытаний молодежь Украины еще раз продемонстрировала свою верность большевистской партии, родной Отчизне. За годы войны 5 тысяч молодых партизан вступили в ряды Ленинского комсомола.

Мне часто вспоминаются боевые партизанские дни, горячие схватки с врагом. Каждый из нас делал тогда все, чтобы быстрее справиться с гитлеровцами и приблизить желанный час победы. И вот в это жаркое время нередко можно было услышать в землянках, у костров задушевный разговор о том, что будем делать, когда окончится война. Перед глазами вставала разрушенная, испепеленная Украина. Мы понимали тогда: много, очень много труда потребуется, чтобы вновь ожила наша земля. Но не было уныния в разговорах.

— Выгоним оккупантов, примемся все, как один, за дело,— говорили партизаны.

Закончилась война, и наши славные партизаны и партизанки вернулись к мирному труду. Выполняя свои депутатские обязанности, я часто бываю в различных городах и селах нашей республики. И везде встречаю своих боевых товарищей. Очень радует, что бывшие партизаны хорошо трудятся и на заводах, и в колхозах, и в институтах.

Был у меня командиром разведки комсомолец Семен Тутученко, ныне Герой Советского Союза. Как и до войны, Тутученко работает архитектором. В мастерской главного архитектора Киева он разрабатывает проекты новых зданий.

В Путивле я встретил бывшего партизана Николая Шубина. Он вернулся в свой родной колхоз. За год Шубин выработал 420 трудовых. Разными делами заняты Тутученко и Шубин, но каждый из них честно выполняет свой долг.

Много бывших молодых партизан занялись учебой. Приятно было узнать, что наша общая любимица, юная автоматчица Нина Созина учится в Путивльской педагогической школе. Скоро она будет учительницей.

Главным художником в одном из республиканских музеев работает Алексей Артамонов. Его хорошо помнят партизаны. Он подорвал 12 вражеских эшелонов.

Большую честь оказали комсомольцы Запорожской области моему бывшему помощнику Михаилу Андросову — организатору комсомольской работы в партизанских соединениях. Недавно его избрали первым секретарем Запорожского обкома комсомола.

Я получаю много писем от молодых партизан, моих боевых товарищей. Они пишут о своей мирной работе, о радости творческого труда, о том, как участвуют в выполнении пятилетнего плана. Партизанская закалка, боевой дух помогают преодолевать им трудности, добиваться успехов на фронте труда и учебы.

От души желаю комсомолу республики больших успехов в его почетном деле — воспитании подрастающего поколения в коммунистическом духе.

1946 г.

До последнего дыхания служить народу

Выступление на встрече
с избирателями села Литвиновичи

Дорогие товарищи! Разрешите мне прежде всего сказать о своей большой радости. Я горжусь тем, что мою кандидатуру в депутаты Верховного Совета СССР выдвинули именно в вашем колхозе, в вашем селе, где все — от мала до велика — вместе с нашим партизанским соединением сражались в Отечественной войне за Советскую власть.

Товарищи колхозники! Наш социалистический строй блестяще выдержал великую проверку войной. Мне в последнее время приходилось встречаться со многими представителями иностранных государств и разговаривать с ними. С восхищением смотрят на нас и чехи, и поляки, и югославы, и болгары, смотрят, как на своих освободителей. Я вижу в зале много людей в шинелях — бывших офицеров и красноармейцев. Знайте же, товарищи, что во всем мире нет сейчас более дорогого и почетного звания, чем воин Красной Армии!

Мне и сотням других советских людей пришлось бить немецко-фашистских захватчиков с тыла. На одной Украине насчитывалась целая армия народных мстителей! Вы знаете, с каким врагом нам приходилось иметь дело. Гитлеровцы бросали против партизан танки, самолеты, тяжелую артиллерию, сжигали целые районы. И все же не мы бегали от фашистов, а они от нас!

Соединение сумских партизан тоже причинило немало неприятностей оккупантам. Сто эшелонов с военными грузами взорвали наши минеры и артиллеристы. 5400 тонн нефти и бензина сожгли мы за тысячи километров от фронта в далеких Карпатах. Нелегко было это сделать, немало понадобилось для этого героизма. Недаром 98 процентов состава нашего соединения награждены орденами Советского Союза, а 13 человекам присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Мы били захватчиков так, что у них хребет трещал и в глазах темнело, потому что всегда и всюду нашей опорой был народ. Нашим правилом было: «Партизаны — это народ, народ — это партизаны!»

Разве нам удалось бы сравнительно легко перейти несколько раз такие реки, как Днепр, Днестр, Припять, Буг, если бы не десятки проводников, лодочников, паромщиков, разведчиков из местных жителей?! А как выручали нас гуцулы в Карпатах, когда приходилось прорывать двадцать одно кольцо окружения! Старик и мальчишки в ту пору, когда мы вынуждены были питаться кониной, незаметно доставляли нам продукты, выводили из окружения по звериным, нехоженным тропам...

С молодых лет, товарищи, я являюсь членом великой большевистской партии. Я сам вышел из народа, из крестьянской семьи, и партия научила меня служить народу, биться, не щадя жизни, за счастье народа.

Никогда не забуду свой разговор в Кремле, куда через линию фронта прилетели командиры партизанских соединений. Крепче держать связь с народом — так сказали нам на прощанье. А во время беседы все время подчеркивали, что с народом мы должны быть связаны как можно теснее.

Всю свою жизнь, начиная с того дня, когда я создал в Котельве в 1918 году партизанский отряд и пришел с ним к Александру Пархоменко, старался честно служить своему народу.

Сейчас мне 59 лет, половину из них я в партии большевиков. Я — рядовой солдат партии Ленина. И если вы окажете мне доверие, избрав меня в советский парламент, обещаю вам быть верным выразителем и защитником народных интересов.

Товарищи! В тяжелых боях не на жизнь, а на смерть мы отстаивали свое право жить так, как мы хотим, жить по-советски, отстаивали свою Родину, отстаивали свои права, гарантированные Конституцией. Хочу призвать сегодня всех, особенно вас, демобилизованные воины и бывшие партизаны, быть героями на трудовом фронте, показать всем пример, как надо восстанавливать

и возрождать Украину. Пусть к партизанской славе Литвиновичей прибавится слава трудовая!

Да здравствует наша дорогая, непобедимая Родина! Да здравствует Коммунистическая партия!

1946 г.

Встречи во время Славянского конгресса

На протяжении двух недель нашего пребывания в Югославии во время Славянского конгресса мы встречались с большим количеством людей. Мне, старому партизану, прошедшему не один километр по лесам Украины, Югославия и ее народ были особенно близки. С жадным интересом смотрел я на здешних людей, которые не склонили гордой головы перед лютым врагом и подняли знамя Сопротивления везде, где были гитлеровцы. Поэтому понятен тот особый интерес, который я и другие наши делегаты проявляли к югославским партизанам.

Мы видели этих людей на каждой станции. Многие из них еще были в зеленых куртках бойцов национально-освободительной армии. Они приходили к поезду, чтобы высказать нам самое заветное, что было у них на сердце.

На небольшой станции, находившейся в двух часах езды до Белграда, к нашему вагону подошел какой-то человек.

— О, Ковпак! — воскликнул он и схватил меня за руку.

— Откуда вы знаете меня? — спросил я, внимательно оглядывая его, — не встречались ли мы на партизанских дорогах Украины. Но нет, его лицо мне было совсем незнакомо. Да и разговаривал он только на сербском языке, да так быстро, что понять его было довольно-таки трудно. Он что-то пытался объяснить, восторженно глядя то на меня, то на моих товарищей.

Тем временем паровоз дал гудок и поезд двинулся. На лице серба вдруг появилось выражение такого отчаяния, что я решил пригласить его ехать с нами. Наш неизвестный друг в мгновение очутился в вагоне.

Оказалось, что он учитель из горного села, в войну — командир небольшого партизанского отряда. Меня он знал по фотографиям. Придя на станцию и случайно узнав, что в Белград на конгресс едут советские делегаты, он остался ждать нас.

История этого учителя обычная. Когда гитлеровцы пришли в его село, все мужчины ушли в горы. Учитель возглавил отряд, который не имел ни оружия, ни военного опыта. Фашисты спалили село, расстреляли нескольких стариков и женщин, но никто из жителей не выдал партизан. Они воевали четыре года, и когда партизанские отряды стали вливаться в народно-освободительную армию, старый учитель привел целый полк хорошо вооруженных воинов.

— Чем вы занимаетесь теперь? — спросил я.

— Теперь? — удивился он. — Учю детей в школе...

Мирный труд, созидательная, творческая деятельность пронизывает все в Югославии. Мы были на заводах и фабриках Белграда, ездили в Загреб и Любляны, и всюду — то ли в горном селе, то ли в столице — восстановление страны является главной заботой и молодых и стариков.

Помню, как-то в дни работы конгресса вечером ко мне в гостиницу «Москва», узнав, что я немного приболел, пришла группа молодых партизан. Они называли меня «Дедом», и мне было приятно, что здесь, далеко от Родины, молодые друзья зовут меня моим старым партизанским прозвищем.

Эти молодые хлопцы сражались в Хорватии и Сербии, на полях Воеводины и в серых скалистых горах Черногории, топили вражеские баржи у берегов Далмации. Теперь они учатся, работают, строят — напряженно, с утра до позднего вечера, чтобы сделать как можно больше. «Трудно?» — спросил я. Они рассмеялись. «Смолоду не плачут», — ответили пословицей.

Вспоминаю нашу поездку в Загреб. Город встретил нас человеческим морем. На домах, над головами людей — всюду были длинные транспаранты с теплыми словами приветствий на разных славянских языках.

Нас встречали рабочие заводов, крестьяне близлежащих сел, интеллигенция. Многие из них преодолели десятки километров, чтобы приветствовать нас.

— И каждый второй — партизан, а потом и боец народной армии, — сказали нам.

Мы много рассказывали о том, как отстраняется Советская страна, как она залечивает раны, нанесенные войной. Наши рассказы слушали, затанув дыхание: ведь все это так близко и понятно в Югославии!

Можно без преувеличения сказать, что делегация СССР была в центре внимания везде, куда бы мы ни приезжали. Мы рассказывали о Москве и Киеве, о Донбассе, о Днепрострое. Казалось, слушатели считали это своим кровным делом — так подробно они расспрашивали про Украину, Белоруссию, про весь Советский Союз. И всюду провозглашались пылкие речи об единстве славян и сотрудничестве, о борьбе за прочный мир.

Эти встречи, многочисленные митинги с огромным количеством участников ярко доказывали, что конгресс — жизненное, кровное дело всего славянства. Он проходил не только в стенах Белградского университета, где мы собирались, а, по сути, по всей стране. Высокие, благородные идеи славянского послевоенного веча охватили самые широкие массы простых людей. И каждый выступавший подчеркивал, что теперь необходимо мирное и дружеское сотрудничество всех народов, что славяне никому не угрожают, что наша цель — обеспечить прочный и справедливый мир. Нельзя не вспомнить выступление пожилой женщины, матери троих детей,

меткие пули которой отправили на тот свет не одного гитлеровца. Она сказала:

— Наше единство нерушимо и вечно. Оно никому не угрожает. Если же кто-нибудь попытается разжечь новую войну, он почувствует, что такое гнев свободолюбивых славян. Это единство необходимо для счастья наших детей и детей остальных народов.

Возвращаясь на Родину, мы проезжали через Софию. И здесь на вокзале нас ожидала огромная толпа. Снова звучали дорогие сердцу слова о братстве и единстве, о том, что славянство всегда будет стоять на страже мира и демократии.

С вокзала мы поехали на встречу с болгарскими партизанами. Нас принимали, как самых родных.

Меня поразили выступления рядовых партизан. Прежде всего меня попросили поделиться боевым опытом.

— Мы строим новую Болгарию и стремимся к миру и дружбе со всеми народами,— говорили они.— Но тот не стоит свободы, кто забывает, как она добыта. Сам болгарский народ никогда не был сателлитом гитлеровской Германии. Он боролся против гитлеровцев, проливая кровь лучших своих сыновей и дочерей, как боролся и борется против внутренней реакции. И опыт вчерашней борьбы он не может и не имеет права забывать.

Один болгарский партизан с возмущением говорил о том, что греческие монархо-фашисты прибегают к провокациям против миролюбивого болгарского народа.

— Они распространяют слухи,— рассказывал этот партизан,— будто греческие партизаны собираются на нашей территории, будто здесь находится их база. И они заявляют, что это будто бы дает им право вторгнуться на болгарскую землю и «проучить нас». Такие же обвинения фашистские отбросы выдвигают против югославского народа и албанцев.

Но весь мир знает, что это подлая ложь. Кстати, следует вспомнить, что если болгарский демократический народ смог разгромить на своей территории гитлеровцев, то он сможет сладить и с греко-фашистскими недоносками, если они попытаются протянуть свои грязные руки к священным границам нашей земли.

— Мы хотим быть в мире со всеми соседями, развивать с ними добрые отношения, чтобы повышалось благосостояние как наших людей, так и трудящихся других стран,— закончил свое выступление партизан.

Знаменательные слова! И над ними следует призадуматься каждому, кто до сих пор посматривает жадными глазами на земли славян и других свободолюбивых народов.

Конгресс показал, что в великом деле установления прочного мира и дружбы народов, их тесного сотрудничества можно целиком положиться на такую необоримую силу, спаянную идеями самого последовательного демократизма, как единство славянства.

1947 г.

В гостях у итальянских партизан

1. Рим

В начале декабря 1947 года в Риме состоялся съезд Национальной ассоциации итальянских партизан (АНПИ), на который руководство ассоциации пригласило представителей партизан нескольких европейских стран. Советские партизаны также приняли приглашение АНПИ и делегировали в Италию четырех своих представителей: Троян, Батрушевича, Тагунова и меня.

Партизаны нашей страны знают о смелой и самоотверженной борьбе итальянских трудящихся против фашистского режима, об их мужественных и героических действиях против немецких и итальянских фашистских войск, которые превратили Италию в вотчину Гитлера. Уже в 1943 году почти вся страна, особенно ее пролетарский промышленный Север, была охвачена огнем партизанского движения. Это движение, все время расширяясь, привело к тому, что в 1944 году партизанские отряды и соединения стали грозной силой, которая вынуждала фашистское командование оттягивать с фронта для борьбы против партизан много дивизий. Руководящей силой и душой всенародной борьбы были итальянские коммунисты.

Героическим отрядам «гарibaldiнцев» и другим соединениям принадлежит заслуга освобождения от гитлеровцев нескольких больших городов страны. Многие железные дороги фактически целиком находились под контролем итальянских партизан, и немецкое командование не могло пользоваться ими для переброски войск против союзников.

Из разрозненных и слабых группок и отрядов выросла могучая армия Сопротивления, которая насчитывала до 500 тысяч человек. Она пользовалась всенародной поддержкой и поэтому могла наносить ощутимые удары по фашистам. За головы партизанских вожаков были назначены большие денежные вознаграждения, но подкупить народ не удавалось. В своей активной борьбе партизаны никогда не были одиноки: руководимые коммунистами рабочие саботировали на заводах заказы военного командования, срывали выпуск оружия. Крестьяне охотно прятали у себя партизан, переправляли им оружие, добывали ценные разведывательные данные о противнике.

Все эти сведения, которые поступали к нам в Советский Союз, увеличивали наше стремление встретиться лично с представителями мужественных борцов против немецкого и итальянского фашизма.

С первых часов нашего прибытия в Рим мы убедились, что итальянский народ с огромной любовью относится к СССР и прекрасно сознает, чем он обязан героической борьбе советских людей против гитлеризма.

Уже на аэродроме нас восторженно встретили итальянские партизаны. По пути в город мы видели на многих зданиях и огра-

дах огромные лозунги со словами пламенного приветия нашей Родине. Сначала мы думали, что эти надписи сделаны специально в связи с нашим приездом. Однако вскоре выяснилось, что такие надписи постоянно украшают многочисленные здания итальянской столицы.

В течение всего нашего пребывания в Риме нам было достаточно только появиться на улицах, как сотни людей спешили выразить свою симпатию к советским людям, приветствовали нас, поднимая над головой кулак или выкрикивая лозунги в честь страны социализма.

В день приезда мы были приглашены в кинотеатр «Италия», где собрались участники съезда. Советскую делегацию встречали особенно радостно. Как только мы появились в зале, более тысячи делегатов стоя приветствовали нас громкими возгласами. Мы понимали, что эта демонстрация чувств относится ко всему советскому народу, и были очень этим взволнованы.

На следующий день мы были на деловом заседании съезда.

Войдя в зал, мы увидели около 1500 представителей всех партизанских отрядов Италии. Они приехали на свой съезд в тех самых костюмах, в которых сражались: куртки цвета хаки и красные «гарibaldiйские» галстуки. Вместе с нами в зал вошли делегации партизан Югославии, Чехословакии, Венгрии, Голландии, Дании и Австрии, но мы сразу почувствовали, что в центре внимания — делегаты стран социализма. Торжественные звуки гимна Советского Союза зазвучали над куполом зала. Со всех сторон раздавались лозунги в честь нашей страны, вокруг себя мы увидели сотни возбужденных, сияющих лиц. Это была незабываемая и торжественная минута. В тот вечер мы особенно остро почувствовали международное значение нашей страны и ее заслуг перед всем прогрессивным человечеством.

Еще большее волнение охватило меня, когда я вышел на трибуну, чтобы приветствовать съезд итальянских партизан и в его лице многочисленную армию народного сопротивления. Я смотрел на бушующий зал, на десятки боевых знамен партизанских отрядов, которыми он был украшен, и никак не мог начать говорить — мешала нестихающая овация. То тут, то там слышны были дружелюбные возгласы:

— Вива партиджано советико!

Товарищи из президиума предложили, чтобы мое выступление переводили по частям. Но когда я начал говорить, то оказалось, что надобности в переводчике нет. Стоило мне назвать имена советских партизан, как меня сразу же прервали бурными аплодисментами.

Огромное впечатление произвел тот факт, что только лишь на Украине действовала грозная партизанская армия в сотни тысяч человек, которая уничтожила около 500 тысяч гитлеровских солдат и офицеров. С огромным вниманием был выслушан рассказ о рейде нашего партизанского соединения через всю Украину в район Карпат. Когда, обращаясь к истории борьбы нашего народа за

победу социализма, я напомнил, что молодая, еще неокрепшая Советская республика разгромила силы многих держав, изгнала интервентов и отстояла свою независимость, весь съезд снова устроил овации в честь нашей Родины.

Бурными аплодисментами реагировали итальянские партизаны на приведенные мною слова В. М. Молотова о том, что секрета атомной бомбы уже давно не существует. Потом делегаты съезда рассказывали нам, что простые люди в их стране с возрастающим возмущением следят, как американские поджигатели войны стремятся запугать весь мир, размахивая атомной бомбой.

Когда я сказал, что советские люди высоко ценят героическую борьбу итальянских партизан, знают и помнят о героях Милана и Туррина, Генуи и Болоньи, Флоренции и Равенны, о героях Абрुццо и Умбрии, Тосканы и Лигурии, Пьемонта, Ломбардии и Венеции и склоняют головы перед жертвами, принесенными народом Италии в борьбе против фашистского режима, в зале началась настоящая буря. Все пытались протиснуться поближе, чтобы засвидетельствовать свои чувства благодарности Советскому Союзу.

Член нашей делегации, Герой Советского Союза Надежда Троян передала горячий привет товарищам по борьбе от партизанок нашей Родины.

Сразу же после выступлений в президиум со всех сторон посыпались записки от разных делегаций с просьбами приехать в их города и провинции, чтобы встретиться с партизанами в тех районах, где они боролись. Естественно, что наша делегация охотно приняла эти добросердечные приглашения.

Как я уже упоминал, в работе съезда АНПИ принимали участие делегации семи европейских стран. Все они были приглашены на информационный совет в Дом инвалидов в Риме. Один из представителей руководства АНПИ информировал нас о работе съезда. Его задача состояла в том, чтобы обсудить вопросы, связанные с закреплением достижений (результатов) борьбы против фашизма и с улучшением материального положения партизан.

Такая повестка дня нас несколько не удивила, поскольку мы уже знали, что итальянская реакция пытается оттеснить бывших партизан от активной политической жизни, всячески уменьшить их боевые заслуги, лишить элементарной помощи, которая им положена по закону, и т. д. Чтобы достигнуть этой цели, политики правого тábора не останавливаются перед самой грязной клеветой, увольняют бывших партизан с работы, добиваются увольнения их с политических постов и вообще с политической арены.

Реакция обвиняет партизан в том, что они — «заговорщики» и «бунтовщики», что они, дескать, спекулируют своими прошлыми боевыми заслугами и т. п. И это они осмеливаются говорить прямо в лицо народным героям, которые в борьбе против фашизма потеряли только убитыми свыше 70 тысяч своих товарищей, не говоря уже о десятках тысяч партизанских бойцов, которые получили тяжелые ранения и остались инвалидами на всю жизнь.

Вместе с другими делегациями нам довелось побывать на приеме у руководителей итальянской державы. Нас принимали президент республики де Никола, премьер-министр де Гасперни и министр иностранных дел граф Сфорца. Нужно сказать, что они говорили немало о заслугах итальянских партизан. Но мы, советские люди, уже знали настоящую цену этому лицемерию. Мы уже видели партизан, уволенных за свои прогрессивные взгляды, и партизан-инвалидов, лишенных возможности не только лечиться, но даже просто существовать. Нам уже была известна позорная история, когда хотели отдать под суд народного героя, партизанского полковника Валерио — командира крупного партизанского соединения. Валерио помешал Муссолини сбежать в Швейцарию, задержал и казнил этого злейшего врага итальянского народа, тем самым приведя в исполнение приговор всех трудящихся страны. И вот, в современной «демократической» Италии пытались привлечь героя партизанской войны к ответственности за то, что он... «осмелился без суда» расправиться с самим «дуче»!

Поэтому в ответ на хвалебные слова де Гасперни в адрес итальянских партизан я выразил пожелание, чтобы его слова были в его стране осуществлены на деле.

Тепло прошел прием у председателя Установительного собрания коммуниста Террачини. Горячо поприветствовав гостей, он обратился к ним и к присутствовавшим на приеме итальянским товарищам-партизанам с речью, в которой отметил, что теперь, в момент, когда решительная борьба за демократию в Италии только начинается, как никогда необходимо объединение всех прогрессивных сил.

На том же совещании иностранных делегаций одна из них выдвинула предложение о создании международной организации партизан. Я, как глава советской делегации, высказал нашу точку зрения. Мы считали, что организации партизан всех стран должны влиться в уже существующую международную организацию помощи борцам, потерпевшим в борьбе против фашизма, поскольку это самый рациональный способ объединения всех партизанских организаций. Наше мнение поддержали другие делегации, согласившись с тем, что надо сперва обговорить советское предложение в партизанских организациях своих стран. Представитель руководства итальянских «гарibaldiйцев» в принципе также поддержал наше предложение.

Следует отметить, что прибытие делегаций из других стран вызвало большой интерес у местной и иностранной прессы. В связи с этим для журналистов была устроена специальная пресс-конференция в «Палаццо Венеция». После осмотра выставки «Партизанское движение Италии» в этом дворце мы встретились с журналистами. Нас, советских людей, корреспонденты атаковали особенно энергично. Один из них очень настойчиво допытывался, «будет ли международная организация партизан решать вопрос о ношении оружия?» Очевидно, те, кто стоит за спиной этого корреспондента, больше всего боятся собственного народа. Я объяснил

Этому журналисту, что, на мой взгляд, задачей международной организации, если она будет создана, явится помощь партизанам, потерпевшим в борьбе против фашизма, борьба против остатков фашизма, где бы они не проявлялись, и закрепление успехов, достигнутых партизанами в своей борьбе.

Вопрос же о поощении оружия, сказал я, должен решаться в каждой стране по-своему, в зависимости от обстановки. Как бы греческим партизанам не предлагали сдать оружие, они этого не сделают. А, например, в Советском Союзе война закончена, все партизаны работают, и оружие им не нужно.

Небывало успешная работа съезда рушила надежды итальянской реакции на то, что ей удастся своим наступлением деморализовать партизанские организации страны или же хотя бы вбить клин между ними. Из таких попыток ничего не получилось. Выборы Национального комитета АНПИ еще раз показали, что коммунисты, которые были наиболее энергичными, самоотверженными и героическими руководителями подполья, не только сохранили, но и укрепили свой авторитет среди партизан.

Президентом АНПИ съезд избрал «гарibaldiйца» — коммуниста Арриго Болдрини, одним из его заместителей — «гарibaldiйца» коммуниста Франческо Скотти. Среди четырех членов Исполкома двое — также члены коммунистической партии. Всего в Национальный комитет вошло 26 «гарibaldiйцев».

На приеме иностранных делегаций (советской, югославской, венгерской и чешской) в центральном комитете Коммунистической партии Италии мы имели возможность ближе познакомиться с ее руководителями. Это — настоящие, революционные, смелые вожаки своего народа, которые знают, куда и как его вести.

Во время этого приема состоялось вручение наград членам иностранных делегаций. Мы были глубоко тронуты таким вниманием. Я и глава югославской делегации полковник Неделькович удостоились высшей награды «гарibaldiйцев» — «Золотой гарibaldiйской звезды». Остальные члены делегации были награждены «Звездой гарibaldiйцев». Ордена вручал верховный командир «гарibaldiйцев» Лунджи Лонго. Перед вручением нас тепло приветствовал и поздравил Генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти.

Награда очень взволновала нас, и мы заявили, что видим в ней признание боевых заслуг сотен тысяч наших товарищей — народных мстителей, отважных борцов против гитлеризма.

2. Путешествие по Северу

13 декабря советская и югославская делегации выехали из Рима в поездку по северным пролетарским районам страны.

Эти районы Италии приводят в большой страх реакционное правительство и вызывают открытую ненависть у правых партий.

И это понятно: на Севере влияние коммунистической партии исключительно велико. В этом промышленном крае рабочий класс на всех выборах неизменно отдает свои голоса коммунистам. Здесь приобрело особый размах движение народного сопротивления, и партизаны Севера, которые не склонили головы перед гитлеровскими оккупантами, исполнены теперь решимости бороться против посяганий на независимость их родины со стороны «доброжелателей» с Уолл-стрита.

Как только попадаешь из центра Рима на его окраины, внешний вид города сразу меняется. По дороге на Остию мы увидели зрелище, которое ничем не отличается от наших дореволюционных Собачевок в Донбассе. Целые кварталы конур, которые даже нельзя назвать землянками...

Первую остановку мы сделали в Сиене. Еще в Риме мы слышали, что Сиену и всю провинцию называют «красными» и вот почему: 18 % (самый высокий процент в стране) населения города — члены коммунистической партии. Здесь впервые в истории Италии мэром города избрали рабочего-коммуниста, бывшего борца движения Сопротивления.

Толпа в три тысячи человек ожидала нас возле Народного дома в этом сравнительно небольшом городе. Десятки зданий были украшены плакатами в честь советских партизан, советско-итальянской дружбы и нашей страны. Митинг, рассчитанный его организаторами на один час, длился почти три часа. Вместе с мэром нас горячо приветствовали руководители местных организаций коммунистической и социалистической партий. Обе эти партии работают в тесном контакте и вместе оказывают сопротивление реакции...

Весть о предстоящем приезде делегаций советских и югославских партизан опережала наше прибытие. Во Флоренции в холле гостиницы нас уже ожидала большая группа представителей местной прессы. Едва выйдя из машин, мы вынуждены были отвечать на десятки вопросов: о действиях партизан во время гражданской войны и в период войны Отечества, о легендарном Сталинграде, о том, чем теперь, в мирное время, занимаются бывшие партизаны в СССР и т. д. Я и товарищ Троян рассказали о том, как наши боевые соратники отстраняют страну, руководят крупными предприятиями, районами и целыми областями, о том, что многие из них являются членами социалистического парламента и работают на больших государственных постах, учатся в вузах, академиях, командуют воинскими соединениями. Корреспонденты записывали каждое слово, и на следующий день газеты уже поместили наши сообщения.

Интересное зрелище представлял торжественный прием в честь делегаций у мэра Флоренции. Среди приглашенных было очень много итальянских партизан в своей форме и красных галстуках. Рядом с ними можно было увидеть охрану мэрии и герольдов, одетых по местной традиции в костюмы эпохи средневековья...

В Болонье на митинге трудящихся мы еще раз увидели сегодня

нышний день страны. Митинг этот оставил незабываемое впечатление. На главной площади — пьядца Маджоре собралась огромная толпа — не менее 30 тысяч человек. Почти весь город собрался здесь, чтобы встретиться с представителями советского и югославского народов. Болонья также относится к «красным» городам: шестую часть ее населения составляют члены коммунистической партии. Мэрией здесь также руководит коммунист.

Мэр Болоньи Фабiani, югославский полковник Неделькович, я и товарищ Троян выступили с балкона мэрии. Толпа отвечала могучими возгласами тысяч людей. Казалось, сам воздух наэлектризован огромной энергией и страстью грандиозного митинга. Через всю площадь звучали здравицы в честь нашей Родины...

Приближаясь к Милану, мы сделали остановку в городе Реджо Эмилия, чтобы положить цветы на могилы погибших партизан. Потом, в Милане, мы увидели сотни могил народных героев, которые дрались с фашистами. Многие нынешние руководители Италии стараются «забыть» о них, но народ помнит своих героев: на священные партизанские могилы Милана чьи-то заботливые руки все время возлагают свежие цветы...

Милан — один из известнейших центров партизанской борьбы, и мы стремились как можно ближе познакомиться с городом и его людьми, как можно больше рассказать им о нашей Отчизне. Мы побывали в областной федерации компартии, в клубе ассоциации партизан, в центральной шестимесячной женской школе ЦК ИКП, на заводе телефонного оборудования «Фаче», в мэрии, в редакции и типографии газеты «Унита». Мне, товарищам Троян, Батрушевичу и Тагунову пришлось выступать по несколько раз на день на разных митингах и собраниях. Отказываться от приглашений просто было невозможно. В Милане мы встретили нашего старого знакомого, партизанского полковника Валерио, который повел нас на то место, где партизаны казнили Муссолини.

18 декабря мы выехали в другой крупный промышленный центр Севера — Турин. Километрах в тридцати от города мы увидели на автострате большое количество автомобилей, которые мчались нам навстречу. Оказалось, что туринские партизаны выслали почетный эскорт для встречи гостей из Советского Союза. Окруженные со всех сторон мотоциклистами, мы въехали в большой и красивый город. Вид улиц потряс нас — можно было подумать, что здесь большой праздник. Здания украшены флагами и плакатами, на тротуарах множество людей, на перекрестках вместе с полицейскими стоят бойцы народного сопротивления в форме «гарибальдийцев».

— Это партизанский край, где немцы ощутили силу наших ударов, — с гордостью заявили делегаты партизан, сопровождавшие нас...

В тот день мы услышали много волнующих рассказов о подвигах погибших героев-подпольщиков и на следующий день с большим волнением положили на их могилы венки от имени советских партизан.

Навсегда останется в памяти наше пребывание в Генуе. Мы привезли оттуда не только почетный подарок партизан — красные галстуки «гарибальдийцев», но и воспоминания об исключительно теплой встрече с народом. Не стану рассказывать о приеме в местной ассоциации партизан и на общем собрании партизан города — хочется, прежде всего, вспомнить то, что произошло в генуэзском порту.

На верфи «Ансальдо», хотя мы и приехали в воскресенье, нас встречала огромная толпа в 12 тысяч человек. О нашем приезде узнали сразу, и на верфи ринулись тысячи празднично одетых людей. Нас сразу же окружили, обнимали, жали руки, пытались жестикулировать и отдельными словами высказать свои чувства. Несколькими людьми расцеловали нас. Мы слушали взволнованные, пламенные слова, обращенные к нам, и, хотя не знали языка, но интуитивно понимали их смысл... Один из рабочих, который владеет русским языком, высказал чувства своих товарищей. Волнуясь и не вытирая слез радости, он говорил, что никто не может убить в итальянских рабочих их безмерной любви к СССР, что они навеки благодарны советским людям за спасение мира от фашистского варварства. Это были незабываемые минуты!

Нас пригласили сделать на катере осмотр порта. Выйдя на рейд, катер двинулся вдоль судов, а навстречу нам звучали гудки пароходов, которые салютовали в честь советских партизан. На итальянских судах матросы жестами и возгласами приветствовали нас...

На официальном приеме в Генуе к нам было проявлено особое внимание как к почетным гостям города. В присутствии нотариуса, который в честь этого составил специальный акт, из запломбированного футляра вынули скрипку Поганини — предмет особой гордости Генуи. Профессор Барьбьеро сыграл нам на этой прославленной скрипке.

В Генуе же нам поднесли один скромный подарок, который убедительно свидетельствовал о заслугах итальянских партизан в борьбе против гитлеровцев, а именно — фоторепродукцию акта об капитуляции войск немецкого генерала Мейнгольда перед Комитетом национального освобождения Лигурии. Самоуверенный генерал вынужден был сложить перед партизанами оружие. Не только наземные, но и морские силы и войска «сектора Мейнгольд» сдались в плен отважным борцам народного сопротивления. Гитлеровскому генералу пришлось поставить собственноручно подпись под такими словами: «Немецкие войска сдаются ближайшим партизанским отрядам».

В последнем пункте нашего маршрута — в порту Ливорно повторилась та же демонстрация любви к нашей Родине. Снова были тысячные толпы людей, долгие гудки пароходов — теперь уже — и с торговых английских и американских кораблей.

В Ливорно мы впервые встретились отдельно с итальянской интеллигенцией. Писатели, врачи, артисты, музыканты — все участники встречи стремились использовать ее, чтобы как можно боль-

ше узнать о нашей стране. Нас буквально забросали вопросами... Я и мои товарищи старались отвечать подробнее. Мы рассказали, что наше правительство стремится приблизить медицинское обслуживание к каждому селу, открывает повсюду больницы, медпункты, родильные дома, ясли. На примере Путивльского района Сумской области (где я работал до войны) я показал, какой размах приобретает у нас школьное дело, народное просвещение.

Услышав, что в Советском Союзе даже в маленьких городах есть театры, что передвижные рабоче-колхозные театры приезжают в наиболее отдаленные села, аудитория была поражена. С особым вниманием она выслушала наш рассказ о том, какой любовью и заботой окружена в СССР интеллигенция, как высоко ценят народ и правительство ее труд.

22 декабря наша делегация вернулась в Рим, а на следующий день вылетела на Родину. Мы покидали Италию, сохраняя воспоминание о чудесном народе, который мужественно борется за свою независимость, за счастливое будущее, испытывает чувства горячей дружбы и благодарности к могучему Советскому Союзу, который возглавляет мировой демократический лагерь, освещает путь всему человечеству.

1948 г.

В жизни всегда есть место для подвига

Приятно сознавать, что вопрос о героизме, о подвиге так волнует юношей и девушек республики. Не случайно письмо Владимира Музыченко «Везде ли можно проявить героизм?», напечатанное в газете «Сталинское племя», нашло такой горячий отклик. Перечитывая письма молодых патриотов, помещенные в газете, еще раз убеждаешься, как прекрасна наша советская молодежь, горячо любящая свою великую Родину, готовая во имя ее счастья и процветания на дерзновенные подвиги, на беспримерный героизм.

Между читателями газеты разгорелся спор — может ли совершить подвиг простой советский человек не на войне, а, как многие говорят, «на своем рабочем месте».

По этому поводу было высказано немало интересных и верных мыслей. И большинство читателей пришло к единодушному мнению — большой трудовой подвиг может совершить и слесарь, и доярка, и лесоруб, и каменщик. В самом деле, наша жизнь, которую только слепые, лишенные фантазии люди могут назвать будничной, полна героических трудовых подвигов. Буквально каждый день мы узнаем о все новых и новых героях. Если вы внимательно следите за газетами, вы увидите, как много трудовых подвигов совершается в нашей огромной стране за один только день.

Сталевавар выдал плавку в рекордно короткий срок — это трудовой подвиг. Ведь он не просто хорошо работал. Он дерзал, творил.

И вот его стремления, искания увенчались успехом. Может быть, через некоторое время его рекорд окажется пройденным этапом, но в тот момент он не только сам достиг высоких показателей, но и увлек за собой других. А ведь умение открыть дорогу новым героям, показать пример — это, пожалуй, самое главное в подвиге. Что особенно характерно для трудового героизма советских людей? Коллективизм. Методы наших новаторов чаще всего основывались на базе рационализаторских предложений многих десятков людей. А появившись, они, в свою очередь, неоднократно дополнялись. Так создавался самый ценный трудовой подвиг — подвиг коллектива.

Другое дело, что, часто совершая эти большие и малые подвиги, советские люди не кичатся ими, не разглагольствуют о них, не гонятся за славой. Вот кое-кому и может показаться, что нет в нашей жизни ни геройских подвигов, ни славных дел.

Но ведь это неверно, товарищи. Посмотрите на нашу Прасковью Никитичну Ангелину или Степаниду Демидовну Виштак. Настоящие герои труда! Герои, которые не остановились на достигнутом, а с каждым новым днем работают все лучше и лучше. Ярким доказательством этого может служить вторая Золотая Звезда Степаниды Виштак.

А славная молодежь, работающая на покорении целины! Разве не героический подвиг совершила она вместе со своими отцами и старшими братьями, подняв в прошлом году свыше 17 миллионов гектаров залежных земель!

Но как скромны эти простые люди, эти герои! И какими будничными покажутся их замечательные дела тем, кто гонится за громкой славой. Мы же не сомневаемся в том, что герои труда в нужную минуту совершат подвиг и в бою. Мне такие случаи особенно хорошо известны. Ведь вместе со мной в Великую Отечественную войну партизанили десятки простых советских людей. И я был свидетелем героических подвигов, которые совершали эти же простые, внешне ничем не приметные люди.

Я вполне разделяю мнение многих товарищей, что героем может стать лишь человек, серьезно готовивший себя к этому, воспитавший в себе волю, мужество, настойчивость, трудолюбие. И, самое главное, этот человек знает, во имя чего он совершает подвиг. А именно такими являются наши советские люди. Они глубоко сознают, что все, совершаемое ими, делается для блага народа, во имя Отчизны. И ваши письма, мои молодые друзья, еще раз убеждают меня в этом.

Многие из вас совершенно правильно утверждают, что надо упорно и настойчиво воспитывать в себе трудолюбие, героизм, закалять себя морально и физически. Но особенно запомнились мне слова харьковского шлифовальщика Николая Девейкиса: «Героизм рождается там, где есть движение вперед». В самом деле, ведь как бы вы ни стремились развивать в себе волю, мужество, упорство, ничего у вас не получится, если вы не будете каждый час своей жизни, каждую минуту идти вперед, искать, расти, творить.

Только при этом условии вы в нужный момент сможете найти в себе силу и решимость для совершения подвига. Но стоит вам остановиться в своем развитии, застыть на месте — ваши думы о подвиге останутся пустыми мечтаниями.

Меня очень радуют письма, в которых молодые читатели резко осуждают такой, с позволения сказать, «геронизм», как ухарство и лихачество. Такие правильные выводы еще раз говорят о зрелости нашей молодежи, об умении ее разбираться в сложных жизненных вопросах.

Однако есть у меня и кое-какие возражения товарищам, принявшим участие в обсуждении письма Владимира Музыченко. Первое и самое важное: нельзя путать понятия «трудовой героизм» и «добросовестный труд», «обязанность». Студент Николай Юркевич пишет о том, что каждая пятерка — тоже подвиг. Николай, конечно, неправ. Учиться на «отлично» — обязанность студента, его долг. Этим он хоть в небольшой мере сможет отплатить своему народу, Коммунистической партии за счастливую жизнь, за отеческую заботу. Честный, добросовестный труд — священная обязанность каждого сознательного гражданина СССР. Это путь к трудовому подвигу, но еще не сам подвиг.

Герой — очень высокое, очень почетное звание, и нельзя давать его каждому, даже очень хорошо работающему человеку. Этого звания достойны лишь лучшие из лучших независимо от того, совершили они подвиг на трудовом посту или в бою.

Мне хочется пожелать вам, друзья-комсомольцы, больших успехов в труде, в жизни. Я верю, что каждый из вас, будучи героем в труде, сможет проявить беспримерный героизм и в боевой обстановке, защищая любимую Отчизну. Недаром народ поет в песне: «Когда страна прикажет быть героем — у нас героем становится любой».

1955 г.

Братство, рожденное в боях

Этим летом мне выпала честь быть руководителем делегации, которую Советский комитет ветеранов войны послал в Югославию, чтобы установить контакты в общей борьбе за мир. Я летел в Югославию с вполне понятным чувством ожидания дружеских встреч, а двое из нашей делегации — генерал-лейтенант запаса Н. В. Корнеев и А. И. Дьяченко, — воевавшие против гитлеровских оккупантов на югославской земле, еще по пути в Белград начали вспоминать немало примеров крепкой боевой дружбы.

Уже на аэродроме мы почувствовали, что наши надежды целиком оправдались: с первых минут встречи между нами и хозяевами установились очень теплые, приятные отношения.

Приходим в Белградский военный музей. Директор музея Чайван Идрис, вызвавшийся сопровождать нашу делегацию, прежде всего показал нам макет Памятника благодарности Советской Ар-

мии. Этот памятник установлен в Воеводине, около города Нови-Сад. Потом мы увидели фотографии военных лет. На одном из снимков 1943 года запечатлен член нашей делегации генерал Корнеев, который в те годы был начальником Советской военной миссии при штабе товарища Тито. Чайван Идрис, давая свои пояснения, рассказывал о героических делах советских солдат и офицеров, участвовавших в освобождении Белграда в 1944 году, а также о помощи, которую оказывали Советской Армии жители Белграда, Воеводины и других мест.

Программа нашего пребывания в Югославии оказалась весьма обширной и обстоятельной. Мы многое увидели, со многими людьми говорили. Об этом в деталях позаботились товарищи из Союза борцов. Союз борцов народно-освободительной войны Югославии, созданный десять лет тому назад, насчитывает, как нам сказали, один миллион триста тысяч человек. Информировавший нас член ЦК Союза Душан Петрович Шане пояснил, что в задачи Союза борцов входит: сбережение боевых традиций, помощь нуждающимся членам Союза, их семьям и детям, забота о семьях погибших борцов, об инвалидах войны, а также внеармейская военная подготовка молодежи.

Основной доклад о деятельности этой организации сделал для нас генеральный секретарь Союза борцов Велимир Стойнич, подчеркивший ее международные связи. Югославский Союз борцов является одним из основателей Всемирной организации бывших фронтовиков (ФМАГ). Народный герой Югославии Миле Милович — один из ее вице-президентов. ФМАГ надеется стать мировой организацией, но в нее еще не входят СССР и страны народной демократии. На ее прошлогоднем конгрессе впервые в качестве наблюдателя присутствовали представители СССР.

Нашу делегацию принял председатель ЦК Союза борцов, заместитель председателя Союзного исполнительного веча товарищ А. Ранкович. Делегация готовилась к официальному разговору, но вышло иначе. Ранкович восвал вместе с Н. Корнеевым, они обнялись, расцеловались, и мы стали невольными слушателями их воспоминаний.

Александр Ранкович поехал с нами в Приедор, расположенный близ горы Козара, где ежегодно 4 июля, в День борцов — национальный праздник Югославии, собирается митинг.

Мне рассказали историю восстания на Козаре. Это было в 1941 году. Фашистские захватчики превосходящими силами окружили жителей, взявшихся за оружие. Но никто не сдавался, в тяжелых боях восставшие прорвали кольцо окружения и пробились в партизанские районы. В праздник Дня борцов на Козаре собираются десятки тысяч бывших партизан, их семьи, которые порой приходят издалека.

Когда мы поднялись к вершине горы, то здесь на большой поляне увидели сколоченную из досок трибуну, вокруг которой сплоченными рядами стояли мужественные люди с красными звездочками на фуражках, пилотках, с пулеметными лентами на груди,

с трофейным оружием. Это были партизаны, участники восстания.

Мне довелось выступать перед ними. Правда, мою речь переводил переводчик, но и без этого мы друг друга поняли. А потом, когда кончился митинг, я очутился в кругу партизан, и начались расспросы про житье-бытье, начались танцы, и я, грешным делом, не удержался. Красив югославский танец «Козарачко коло»!

В один из дней катер повез нашу делегацию на остров Бриони, где в это время находился президент ФНРЮ И. Броз Тито. Встреча произошла на крошечном островке Ванга рядом с Бриони. Мы чудесно провели день. Наша беседа длилась более пяти часов.

...Во время поездки по стране члены нашей делегации убедились, с какой благодарностью югославский народ вспоминает о поддержке, оказанной ему советским народом в войне за освобождение. Кровь пролилась не даром. Наша давняя дружба закалилась и окрепла, она живет и будет жить вечно.

1957 г.

Люди из Спадщанского леса

Флажок над полем

«Победа» мчалась по новой, только что вымощенной дороге. За окном мелькали молодые яблоньки, убранные весенним цветом, белоногие березки. Время от времени навстречу мчались автомашины, нагруженные стройматериалами, ульями, рекордистками-симменталками, белыми породистыми поросятами.

Да, крепнут колхозные хозяйства путивлян, радовался я успехам своих земляков.

Справа от дороги, насколько хватало глаз, простирались бескрайние зеленые ковры полей.

— Это земли колхоза имени Шевченко,— объяснил мне его председатель Дмитрий Николаевич Бутов и добавил: — Зерновых мы посеяли в этом году больше, чем в прошлом и, надеемся, урожай будет хороший.

Я обратил внимание на красный флажок, трепетавший над полем. Почему-то захотелось пройтись узкой тропинкой между посевами туда, где маленьким огоньком пылал на солнце этот красный вымпел. Попросил водителя остановить машину.

На участке, где был установлен флажок, восемь молодых девчат пололи табак. Все видные, карокие смуглянки — красавицы, да и только. Одна из них, в «гуцулке», темно-синей юбке и белоснежной косынке, из-под которой выбивались непокорные русые колечки, подошла ко мне и протянула загорелую руку.

— Добро пожаловать, товарищ Ковпак,— приветливо обратилась она к нам.— Спасибо, что посетили наше звено.

— Здравствуйте. А ну, где это я видел тебя,— пытался я вспомнить, вглядываясь в красивое лицо девушки.— А может, показалось?

— Нет, мы действительно старые знакомые,— улыбнулась девушка.— Я Марийка, помните, которая носила в Спадшанский лес обезвреженные мины.

Я вспомнил. Марийка, «партизанская Красная Шапочка» — называл ее комиссар нашего отряда Семен Васильевич Руднев.

— Так вот ты теперь какая! А тогда была еще совсем маленькой. И все же тайком от полицаев ходила к партизанам...

— Десять лет мне тогда было,— сказала она задумавшись. На карие глаза девушки набежали слезы. Невеселыми были в ту минуту и мои мысли. Мы вспоминали...

Был морозный декабрь 1942 года. Преследуемые превосходящими силами противника, партизаны с боями отступали на новые, более выгодные стратегические рубежи. Вьюжным морозным утром мы направились в Хинельские леса.

В дороге к нам прибывали новые бойцы — жители окружающих сел и хуторов. Среди них мне особенно запомнились трое: высокий худощавый мужчина с непокрытой, рано поседевшей головой, заплаканная женщина и русоголовая девчушка с грустными карими глазами, слипавшимися от усталости. Это были муж и жена Соловьевы с десятилетней племянницей Марийкой Курчиной. Они рассказали нам о страшных злодеяниях оккупантов в их родном селе Спадшине.

Стояла темная непроглядная ночь. Кругом было тихо, только изредка потрескивали винтовочные выстрелы да раздавались короткие пулеметные очереди,— побаиваясь партизан, немцы стреляли в темноту.

Внезапно село осветилось пламенем пожара. Жители бросились к дверям и окнам, но гитлеровцы их предусмотрительно забили снаряжи. А хаты уже пылали. Ветер подхватывал красные языки пламени и быстро перебрасывал их дальше, на соседние крыши. Всюду слышались крики, мольбы о помощи, стон.

Соловьевым удалось выломать двери, и они вырвались из смертельного огненного пекла. Что было с остальными, они не знали; наверное, все сгорело.

— Мы решили, что у нас только одна дорога — в партизаны,— закончил невеселый рассказ Алексей Игнатьевич, пряча в полу кожаной обгоревшую левую руку.— Примите, ради бога, нас! Очень уж накипело тут,— показал он здоровой рукой на грудь.— Хочу свести счет с гитлеровцами за себя и моих односельчан.

Я позвал нашего «партизанского Пирогова» — Надежду Казимировну Маевскую и попросил помочь им.

Через час они снова пришли ко мне. Алексей Игнатьевич был в смушковой шапке — это Маевская свою отдала. Его жене дали теплую фуфайку, а Марийке — длинный, не по размеру тулуп.

— Так что, примете? — с надеждой спросил Соловьев.

Мы с Рудневым переглянулись.

— Думаю, что можно,— высказался комиссар.

— Спасибо! А я уж не подведу вас! — со слезами на глазах благодарил Соловьев.

— А что же мне делать? — вступила в разговор Екатерина Афанасьевна. — Возьмите и меня с Марийкой! Буду стирать, варить, а девочка... Думаю, сиротке тоже найдется у вас занятие.

Руднев внимательно посмотрел на нее:

— И вас в отряд принять можем. Только мы бы вот о чем вас попросили: нам, как воздух, нужна партизанская связная. Если согласны, придется вам вернуться в Сладщину.

Екатерина Афанасьевна вопросительно посмотрела на мужа и прочитала в его глазах: соглашайся, это наше общее дело.

— Я согласна, если так нужно,— уверенно ответила женщина.

В ту военную зиму наш отряд еще очень нуждался в оружии и боеприпасах. Соловьевой поручили выискивать и доставлять партизанам в Сладщанский лес мины, заложенные врагом на дорогах. Командир группы минеров Г. А. Юхновец научил ее обезвреживать их, и женщина взялась за дело.

Найденные мины Екатерина Афанасьевна тайком приносила домой и до удобного момента прятала их в погребе или на огороде. Затем в нужное время она складывала мины в кошелку, накрывала их платком и вместе с Марийкой шла в лес «по грибы». Марийка была не по годам сметлива и умела держать язык за зубами. А главное — она знала, для чего это делается.

Однажды, когда Соловьева немного задержалась с доставкой «горячих коржей» для угощения гитлеровцев, Руднев обеспокоенно сказал:

— Я думал, что-то случилось с вами, за Марийку волновался. Иди сюда, Красная Шапочка,— позвал он Марийку и прижал к груди.— У меня для тебя подарок есть,— и передал ей красный флажок.— Спрячь и сохрани на память.

— Спасибо, дядя Семен! Буду беречь его, как свои глаза,— ответила девочка и обхватила руками комиссара за шею.

...И вот теперь смуглая красавица Марийка тихо всхлипывала, вспоминая, и я ее не успокаивал — пусть выплачет свое горе.

— Жаль, что нет Семена Васильевича, он бы увидел свой подарок.— И она показала на красный флажок, трепетавший на полевом вольном ветре.

Я еще раз, теперь более внимательно осмотрел флажок. На нем были аккуратно выведены золотом слова: «Лучшему звену колхоза, победителю социалистического соревнования».

— Когда моему звену присудили первенство,— рассказывала Мария Андреевна Курчина,— и нам должны были вручить красный вымпел, я попросила, чтобы вместо вымпела был флажок, который подарил мне Семен Васильевич. Вот и надпись на нем сделали.

— Выходит, этот флажок — знак твоей боевой и трудовой доблести, дочка. Будьте же вы достойны этой награды! — пожелал я труженицам.

Вечерело. Звено дружных, как называли в колхозе подруг Марии Курчиной, возвращалось с работы в село. Впереди, высоко над головой подняв древко с красным флажком, шла звеньевая. За ней — ее звено.

В хате у Соловьевых в этот вечер было весело. Ее хозяйка — бывшие мои партизаны — колхозный сторож Алексей Игнатьевич и его жена Екатерина Афанасьевна отмечали серебряную свадьбу. Праздник этот был двойной — Марийке исполнилось двадцать пять лет.

Заиграл баян, ударил бубен, соловьем залилась скрипка. Все закружились в стремительном гопাকে, да так, что хата ходуном заходила.

В доме царили радость и счастье, завоеванные кровью и честным трудом этой скромной семьи бывших партизан.

Штурм урочища Вольница

Солнце стояло уже высоко в зените, когда мы подъезжали к колхозным угодьям села Тулиголово Глуховского района. Чтобы сократить путь, водитель въехал в небольшой лесок. Неожиданно дорога привела нас к болотистым плавням урочища Вольница.

Знакомые места. Во время войны партизанам моего отряда однажды пришлось переправляться через это топкое болото, чтобы нанести противнику неожиданный удар.

Помню, была ранняя весна. На полях таял снег и шумными ручьями стекал в урочище. И без того непроходимое болото становилось вязким. Сделаешь неосторожный шаг в сторону — не вырвешься, засосет. Но партизаны — народ бывалый. Многие из них до войны были осоавиахимовцами, изучали стрелковое и парашютное дело, ходили по пересеченной местности, учились форсировать реки и болота.

И вот теперь, в тяжкую военную пору, эти знания им пригодились. Быстро соорудив настилы и пользуясь жердями-щупальцами, мы постепенно преодолевали черное ночное болото. Правда, не всем везло. Некоторые неопытные бойцы оступались и падали в засасывающую трясиину, но тут же им на помощь приходили товарищи.

Ночь подходила к концу. Утренний туман прикрыл нас плотной белесой пеленой. Тихо и незаметно партизаны подползли к вражеским позициям и нанесли такой разительный удар, что фашисты не могли опомниться.

— Эй, подождите! Дальше дороги нет! — вдруг услышали мы чей-то далекий крик.

Я вышел из машины и направился к «болотному» регулировщику. Подойдя поближе, не поверил своим глазам — передо мною с лопатой в руке стоит бывший радист нашего соединения Антон

Иванович Щербина. Оба мы обрадовались неожиданной встрече, обнялись, расцеловались.

— Дедовский клад ищешь? — пошутил я.

— Болото всем колхозом уничтожаем. Вон нас сколько! — И Щербина протянул руку вдаль, откуда доносился грохот бульдозера и стальной перезвон лопат. Это колхозники заканчивали магистральную канаву от урочища Вольница до небольшой речушки Реть.

Болото штурмовали три бригады. Возглавляли их, как я узнал, тоже бывшие бойцы нашего соединения: председатель сельсовета Ефим Григорьевич Самойленко, заведующий сельмагом Назар Михайлович Солоха и председатель ревизионной комиссии колхоза имени Кирова Антон Иванович Щербина.

— Молодцы! Свято храните партизанскую честь. Неплохо воюете на мирном фронте, — крепко пожал их огрубевшие руки.

К нам подошел представительный, широкоплечий мужчина в гимнастерке с пестрой планкой боевых наград: два ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, медали.

Мужчина улыбался широкой белозубой улыбкой, лукаво подмаргивая. Так всегда улыбался один из моих любимых бойцов. Беря на мушку очередного гитлеровца, он обычно приговаривал: «Еще одним зверем меньше — на земле безопаснее».

— Тимченко Василий Иванович? Ты? — узнал я бывшего комиссара пятого батальона Глуховского партизанского отряда. — Вот так встреча! Как живешь, друже?

Тимченко, став по стойке «смирно», шутливо отрапортовал:

— Перед вами заместитель председателя колхоза — раз, секретарь парторганизации — два, председатель первичной организации ДОСААФ — три, член ревизионной комиссии колхоза — четыре, руководитель агитколлектива — пять! И еще муж этой молодницы, — добавил он с усмешкой и кивнул в сторону молодой загорелой женщины, стоявшей рядом. — Знакомьтесь, подруга моей жизни.

В это время на поляне появилось несколько автомашин. Это приехали соседи помочь в осушении болота.

— Нашего полку прибыло! — обрадовался председатель сельсовета Самойленко, тепло пожимая руку высокому человеку с седым ежиком волос. Я пристальнее взгляделся в прибывшего. Неужели Иван Чубун?

— Он самый, — будто угадал мой вопрос Чубун. — Здравствуйте! Рад, что встретил вас!

До войны Чубун работал на заводе в Шостке слесарем. В первый же день оккупации города пришел в Глуховский партизанский отряд Петра Леонтьевича Кульбаки, ныне Героя Советского Союза.

Внешне Иван был тихий, уравновешенный. Но когда речь шла о рискованном задании, он весь преображался: задумчивые глаза загорались задорным огоньком, лицо становилось волевым и твердым. И командир отряда знал: не послать Чубуна на это риско-

важное задание — значит нанести ему обиду. Обычно ему поручали самые опасные задания, и не было случая, чтобы Чубун не выполнил их.

Зимой 1942 года отряд Кульбаки готовил очередной удар по вражеским тылам Середино-Будского района. В морозную ночь они подошли к занятому гитлеровцами хутору Монцы. Однако дальнейшее наступление было рискованным: разведка не располагала точными данными о противнике. Нужен был язык. И захватить его, как всегда, вызвался Чубун.

Бывалый разведчик и на этот раз вернулся не с пустыми руками — доставил в штаб рыжего немецкого ефрейтора. Пленный дал ценные показания. Получив сведения о силах противника, партизаны с боем ворвались в хутор и полностью уничтожили вражеский гарнизон.

Но однажды Чубун не вернулся вовремя из разведки. Не дождавшись его, отряд выступил в Брянские леса. Командир с болью в сердце вычеркнул из списка бойцов погибшего, как он считал, разведчика. Позднее до нас дошли слухи, что в Глуховском районе действует партизанский отряд, которым командует товарищ Ч.

Выяснилось, что на Глуховщине партизанил тот самый Чубун, которого Кульбака считал погибшим. А случилось вот что.

Возвратившись из разведки и не застав на месте отряд, Чубун пытался догнать его, но безуспешно: пробиться сквозь вражеское кольцо ему не удалось. Тогда разведчик собрал в окружающих селах преданных Советской власти людей и создал новый партизанский отряд, который стал грозой для оккупантов.

— Где я приземлился после войны и чем занимаюсь? — повторил мой вопрос Иван Чубун. — Руководжу колхозом имени Девятнадцатого партсъезда в селе Семеновка.

Тем временем председатель сельсовета повел «войско» Чубуна на передовую линию, туда, где тулиголовцы заканчивали копать последние километры канала.

— Партизан партизану во всем опора, — сказал Самойленко Чубуну. — Пovoюем и здесь вместе.

— Пovoюем, — утвердительно кивнул председатель соседнего колхоза и взял в руки лопату.

Было уже поздно, но бывшие партизаны работали вдохновенно, с огоньком, так, как когда-то воевали. Метр за метром отвоевывали они у болота землю, чтобы на ней раскинулось мирное поле.

1957 г.

Чувство великое, благородное!

Редакция «Смены» обратилась ко мне с просьбой поделиться на страницах журнала своими мыслями о советском патриотизме — о том великом, благородном чувстве, которое вдохновляло миллионы советских людей на славные боевые подвиги в

грозные годы военных испытаний и которое вдохновляет их сейчас на доблестный труд.

Когда мы говорим: «Это патриот», — то имеем в виду человека, безмерно любящего свое отечество, свой народ.

Великий Ленин подчеркивал, что патриотизм — «одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств». В нашей стране, стране победившего социализма, патриотизм превратился в огромную движущую и всепобеждающую силу. Это советский патриотизм, патриотизм нового, высшего типа, который рожден нашим замечательным строем. Советский патриот — гражданин первого в мире государства, где власть принадлежит народу. Он гражданин государства, созданного Великой Октябрьской революцией, потрясшей старый мир. Октябрьская революция имела колоссальное международное значение, а государство, рожденное ею, стало оплотом мира, светочем свободы и социализма.

Вот почему советский патриот с особой гордостью говорит:

— Я — гражданин Советского Союза!

Общеизвестны всемирно-исторические победы нашей страны. Но пришли они не по мановению волшебной палочки. Пусть знает это молодежь, знает и ценит! Путь к победам невероятно тернист, извилист. И если советские люди успешно преодолели его и столь же успешно продолжают двигаться вперед, то это потому, что ими руководит любовь к Родине, своему народу, Коммунистической партии.

Нам, представителям старой гвардии большевиков, имеющим большой жизненный опыт, эта истина особенно близка и понятна. Тот, кто прошел через многие испытания, всегда лучше других чувствует радость победы: он знает, какой кровью, какими усилиями досталась эта победа.

Я уже немолод: заканчиваю седьмой десяток. Свою трудовую жизнь начал на службе у лавочника в слободе Котельва, на Полтавщине. Тогда мне было десять лет. Потом работал грузчиком в Саратовском порту. Затем был чернорабочим в трамвайном депо, служил в царской армии. В гражданскую войну мне выпала честь драться с врагами революции под командованием прославленного полководца Василия Чапаева.

Многое приходит мне на память сейчас, когда я беседую с вами.

1918 год. Идет заседание VII съезда партии. Владимир Ильич Ленин предлагает ввести в стране всеобщее военное обучение. Делегаты единодушно одобряют ленинское предложение.

Отвечая на призыв партии, трудящиеся молодой Советской Республики в те памятные дни с удесyтеренной энергией работали для фронта, для победы, одновременно овладевая и военным делом, чтобы с оружием в руках защищать власть Советов. В суровые годы Октябрьской революции и гражданской войны рождался советский патриотизм.

Говоря о патриотизме советских людей, нельзя не вспомнить замечательные по своему содержанию, глубочайшие по значению слова, сказанные Владимиром Ильичом Лениным: «Во всякой войне победа в конечном счете обуславливается состоянием духа тех масс, которые на поле брани проливают свою кровь. Убежденные в справедливости войны, сознание необходимости пожертвовать своею жизнью для блага своих братьев поднимает дух солдат и заставляет их переносить неслыханные тяжести. ...Говорят, что наши красноармейцы переносят такие тяготы, какие никогда не вынесла бы армия царского строя. Это объясняется тем, что каждый рабочий и крестьянин, взятый под ружье, знает, за что он идет, и сознательно проливает свою кровь во имя торжества справедливости и социализма»¹.

Десятки лет своей жизни я посвятил военному делу. И за это время встречался с многими людьми, жизнь и подвиги которых останутся примером для будущих поколений.

...Однажды после удачно проведенного боя среди чапаевцев пошла молва: в дивизии появилась боевая девушка по имени Маша. Вот герой! Служит она в конной разведке, и храбрости ее нет предела. Это она заменила в бою раненого пулеметчика и повела шквальный огонь по противнику. Маша — Мария Андреевна Попова — прошла с чапаевской дивизией весь ее боевой путь. Не раз проявляла она отвагу и находчивость. Подвиг ее запечатлен в фильме «Чапаев». Помните пулеметчицу Анку?

Что привело Марию Попову в ряды чапаевской дивизии? Ненависть к врагам революции, желание отстоять свою родную рабоче-крестьянскую власть.

Недавно в Москве я повстречал высокую, стройную женщину. Голова ее заметно посеребрилась: прожитые годы взяли свое. Но глаза у этой женщины изумительно молодые, взгляд бодрый, я бы сказал, задиристый. Я тут же узнал ее. Ну, конечно же, это Мария Андреевна!

И когда я взглянул на орден Красного Знамени, красовавшийся на ее строгом платье, то мысленно перенесся к событиям далекого прошлого. Вспомнил, как радовались чапаевцы, узнав, что Маша Попова удостоена высокой награды Родины за участие в бою под селом Дурасово на реке Деме, что близ Уфы.

Такие люди, как Мария Андреевна Попова, отражали натиск врагов на молодое Советское государство, укрепляли власть рабочих и крестьян. А затем они передали эстафету следующим поколениям.

Суровым испытанием стойкости нашего народа, проверкой его моральных качеств явилась Великая Отечественная война. Советские люди перенесли невероятные лишения, но ни на минуту не теряли веры в правоту своего дела — веры в победу. И поэтому в жестокой схватке с лютым врагом человечества — германским фа-

¹ Ленин В. И. // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 121.

шнзмом — они одержали верх, заставив капитулировать тех, кто хотел поработить другие народы.

В годы войны прекрасно проявила себя молодежь, воспитанная Коммунистической партией, Ленинским комсомолом. Я вспоминаю сейчас о народных мстителях — молодых бойцах нашего партизанского соединения. Их было много, они составляли большую часть соединения.

Вот комсомолец Радик Руднев — сын нашего прославленного партизанского генерала, комиссара соединения, Героя Советского Союза Семёна Васильевича Руднева. Он был бесстрашным разведчиком, отличным пулеметчиком, не раз подвергался опасностям, прошел тысячи километров, участвуя в походе от Спадчанского леса на Сумщине до Карпат. Однажды, когда мы уже подошли к Карпатским горам, на привале я услышал разговор между отцом и сыном. Семён Васильевич и Радик увлеченно говорили о том, каким будет день победы, какой они представляют себе жизнь после того, как гитлеровцы будут разбиты. За эту жизнь они боролись, но увидеть ее им не удалось: оба погибли в Карпатах.

Большой любовью и заслуженной популярностью среди партизан пользовались два неразлучных друга: Ваня Червяков и Коля Шубин. Когда началась война, каждому из них было не больше пятнадцати лет. Пришли они к нам прямо со школьной скамьи и быстро освоили военное дело. Особенно по душе им была разведка. Начальник нашего штаба Григорий Яковлевич Базыма, посылая Ваню и Колю на очередное задание, говорил всегда:

— Думаю, не подведете. Выполните, что требуется.

Говорил скорее по привычке, потому что эти ребята никогда не подводили. Всякий раз, когда соединение попадало в особенно трудное положение, а штабу необходимо было как можно быстрее связаться с разбросанными группами или с соседними отрядами, самыми надежными гонцами были Шубин и Червяков. Около десяти тысяч километров отшагали они партизанскими тропами.

Таких молодых патриотов, как Радик Руднев, Ваня Червяков и Коля Шубин, только в нашем отряде были десятки. Мы гордились ими, мы говорили другим: «Берите с них пример!».

У Ленинского комсомола славные патриотические традиции. Нынешнему поколению есть у кого учиться. Умению служить Родине комсомольцы наших дней учатся у героев Октября, у героев гражданской войны, у героев первых пятилеток, у героев Великой Отечественной войны.

И радостно становится, когда видишь, что патриотические традиции, накопленные комсомолом за десятилетия, приумножаются сейчас, в дни мирного строительства. Я горжусь успехами моих молодых соотечественников, которые по призыву Коммунистической партии осваивают целинные земли, строят новые шахты и новые заводы.

И все же мне думается, что было бы большой ошибкой, если бы я, беседуя с вами, не покритиковал бы некоторых товарищей, не дал бы им ряд советов. Не в обиду будет сказано им, но не все

они по-настоящему понимают весь глубочайший смысл слов «советский патриотизм».

Мой юный друг! Родина — это не какое-то отвлеченное, чисто символическое понятие. Родина начинается с твоего дома, где ты живешь, с твоей улицы, по которой ты ходишь, с твоей школы, где ты учишься, с твоего завода, где ты работаешь, с твоего города или села, где родились твой отец и мать. Чтобы по-настоящему любить Родину, надо ее знать. Нужно знать не только историю всей страны, но и историю своего края, знать свой завод, свой город. К сожалению, не всегда так бывает.

Есть у нас в Киеве замечательный Золоторотский сад. В глубине его — Золотые ворота, один из интереснейших памятников истории древнего Киева, сохранившийся до наших дней.

Одну молодую киевлянку, встретившуюся мне в саду, я спросил, знает ли она историю Золотых ворот. Лицо девушки покрылось краской смущения. Доселе бойкая, она певнитно пробормотала, что не так давно в школе изучала историю Древней Руси, Киева, но о воротах что-то не припомнит. А ведь эта девушка считает себя коренной киевлянкой, говорит, что любит родной город.

Летом в столице нашей Родины Москве будет проходить VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Иностранные делегации, которые примут участие в фестивале, разумеется, побывают и в других городах. Представьте себе, как почувствует себя девушка, с которой я разговаривал, если о Золотых воротах ее спросит китайский юноша или, например, итальянская девушка!

Еще пример. В Киеве, как и в любом советском городе, многие площади, улицы, заводы, институты носят имена замечательных людей — революционеров, ученых, писателей. И вот я узнал, что многие девушки, работающие на швейной фабрике имени И. Г. Смирнова-Ласточкина, не знают, кто такой Смирнов-Ласточкин. А ведь это заслуженный человек, большевик-подпольщик, один из выдающихся героев гражданской войны! Он был организатором борьбы против иностранных интервентов и контрреволюции в Одессе.

Примеров, подобных тем, что я привел, можно, к сожалению, вспомнить немало.

Любовь к Родине, к своим родным местам проявляется в разных делах — малых и больших. В Прикарпатье, в знаменитом городе нефтяников Бориславе, комсомольцы разбили на бывших пустырях чудесные парки, скверы, посадили тысячи деревьев, кустарников. И вот прошло несколько лет. Старый Борислав точно помолодел. Летом он одевается в красивый зеленый наряд. Не узнать Борислава, о котором великий украинский писатель Иван Франко писал как о городе, утопавшем в непроходимой грязи. Хорошую инициативу проявили молодые патриоты. Пример их достоин подражания!

Разве мало у нас еще городов, районных центров, где дерево в диковину, а о цветах и говорить не приходится! А молодежь этих

городов с равнодушным сердцем взирает на пустыри, где можно было бы разбить скверы, на пыльные улицы, которые хорошо было бы озеленить. Среди молодых людей порой встречаются даже и такие, которые не только не хотят посадить дерево, но готовы сломать уже посаженные. Иной юноша, стремясь сделать приятное своей любимой, залезает в парке на газоны и ломает кусты сирени для букета. Что и говорить, хорошо, когда молодой человек проявляет внимание к своей девушке. Это очень красиво. Я сам был молод. Помню, сколько радости испытывал, когда дарил девушке хоть один цветок. Но добывать букеты таким варварским методом, каким пользуются некоторые молодые люди,— это безобразие.

Наша беседа подходит к концу. Я хотел бы дать молодым читателям «Смены» еще один совет.

Мы говорили о том, что патриот должен знать свою Родину, должен быть патриотом не только на словах, а, главное, на деле. Он обязан быть готовым в любую минуту стать на защиту своей Отчизны и, если надо, пожертвовать своей жизнью в борьбе за правое дело.

Человек, который хочет совершить подвиг, должен морально готовить себя к нему. Но моральное воспитание — только одна сторона дела. А физическая подготовка?

В годы войны мы в нашем партизанском соединении уделяли много внимания физическому воспитанию молодых бойцов, их спортивной подготовке. Подавляющее большинство молодых партизан имело значки ГТО первой, а многие и второй ступени. Благодаря этому, они были отличными стрелками, лихими кавалеристами, лыжниками, умелыми пловцами. Они легко переносили многокилометровые переходы, далекие кавалерийские рейды, невзгоды, связанные с опасным трудом разведчика. Именно отличная физическая закалка большинства партизан помогла нам успешно проводить боевые операции.

Мне хочется сказать вам: занимайтесь физкультурой, овладейте различными видами спорта. Отчизне нужны люди, крепкие и морально и физически.

Желаю вам успехов в жизни, труде, учебе. Дерзайте, будьте честными и правдивыми, любите свою Родину большой, сыновней любовью! Оберегайте ее исторические завоевания, будьте готовы всегда дать отпор тем, кто попытается посягнуть на ее независимость, и тогда вы с еще большим достоинством будете носить гордое имя советских патриотов.

1957 г.

Родной наш Чапай

Давно это было, в самые первые годы Советской власти, а если хотите совсем точно, то летом грозного девятнадцатого года. Как попал я в дивизию к Чапаеву? Это целая история.

Жил я на Украине и воевал в родных местах, на Полтавщине, — в восемнадцатом году против немцев, потом против белых. Партизанский отряд, которым я тогда руководил, нанес немалый урон врагу, били мы его крепко. Однако уж больно неравны были силы, и пришлось нам оставить Котельву. Теснили нас, теснили — мимо Шостки, через Брянские леса, к Туле, а там из разрозненных партизанских отрядов и красногвардейцев уже формировались регулярные части Красной Армии.

И тут — должно же такое случиться! — я заболел. Лето, жара, а меня колотит, зуб на зуб не попадает. Должно быть, сильно болел, потому что не помню, как меня в поезд поместили, как отправили на восток.

Очутился в Саратове. Стояла там четвертая армия, которой командовал сам Михаил Васильевич Фрунзе. Ну, явился в штаб, попросил назначения. И что вы думаете — направили меня к Чапаю.

Так и сказали в штабе:

— Поедешь к Чапаю...

О делах чапаевских кто тогда не слышал! Солдат, ставший выдающимся полководцем, человек, которого лично знал и очень ценил Владимир Ильич Ленин. Легенды ходили о нем — как в черной бурке на горячем коне мчится он на врага, как рубит шашкой, как бьет из винтовки, из пулемета. Как находит неожиданное и дерзкое решение в самых, казалось бы, безвыходных положениях.

Шел август 1919 года. Дивизия Чапая громила белоказаков на огромном участке фронта, до самого Урала. И я был, конечно, очень рад, что направили меня именно туда, в Уральск.

А надо вам сказать, что незадолго до того, в июле, Уральск был освобожден именно частями дивизии Чапаева. Сам начдив Василий Иванович Чапаев и комиссар Дмитрий Андреевич Фурманов прибыли туда. Город был празднично разукрашен, там состоялся парад. И, конечно, все только и говорили о Чапаях.

Вот в эти дни я и прибыл туда. Хотел воевать, просился на фронт, но мне сказали:

— Приказ начдива: будешь помощником начальника команды по сбору оружия. Это сейчас очень важно.

Сформировали мы команду. В станицах оружия было много, а Красной Армии оно вот как нужно было. Собрали винтовки, пулеметы, боеприпасы, стали готовить к отправке... И тут пришлось нам принять бой, да еще какой! Банды, сформированные из дезертиров белогвардейских армий, попытались застать нас врасплох и отбить оружие. Команда была невелика, но бандитов мы положили, оружие не дали.

Тут-то и стало известно, что в Лбищенске, за двести километров от нас, штаб Чапаева разгромлен, а сам начдив погиб. Это казалось невероятным — ведь и занятие Лбищенска, и разгром группировки белоказачьего генерала Толстова было одним из самых дерзких замыслов Чапая, приумноживших славу нашей дивизии.

Но все было действительно так. Отрезанный от своих главных

сил, которые к тому же понесли большие потери; не имея резерва, Чапаев ничем не был защищен от набега казачьей конницы...

Тяжело переживали мы гибель нашего начдива. Он был мне ровесником, такого же примерно возраста были многие бойцы. Но нам казалось тогда, что такого опыта, как у него, такого умения нет ни у кого другого. Может, это еще потому, что видел я его в Уральске — высокий, упругий, как пружина, взгляд орлиный... Никак не верилось, что такого может взять пуля.

Однако уже тогда по частям пронесся клич: «Чапаев погиб, но 25-я Чапаевская дивизия жива!» Помню партийное собрание — я был молодым коммунистом, весной только вступил в партию. И вот мы поклялись: отомстить белякам за родного нашего Чапая, освободить землю от врага...

Вскоре после того, как опрокинули белых в Каспийское море, Чапаевская дивизия была переброшена на Украину. Направили в родные места и меня: надо было отправить оружие на Южный фронт, сражавшийся против Врангеля. Когда спрашивали, кто такие, — мы гордо отвечали:

— Чапаевцы!

И одно это вселяло доверие и уважение.

Много пришлось мне в своей жизни воевать. Но и тогда, на Украине и в Крыму, и потом, в годы Великой Отечественной войны, когда шли мы партизанскими рейдами по лесам до самых Карпат, всегда и во всем сказывалось то, что приобрел я в молодые годы в школе народного героя Василия Ивановича Чапаева.

1962 г.

О мужестве, о доблести, о славе...

Когда меня просят рассказать о мужестве и героизме, невольно вспоминаются люди, с которыми приходится или раньше приходилось встречаться. Это люди высокого гражданского долга, товарищи по оружию в годы войны, друзья по работе, просто знакомые.

Вот рядом со мною сидит миловидная женщина с усталым лицом. У нее сегодня был тяжелый день: лекции в институте, научный спор на заседании кафедры, может быть, неприятный разговор с начальством. Потом она добиралась домой в переполненном троллейбусе, и какой-то зеленый парнишка не уступил ей место, пробормотав что-то вроде: «Постоит, не развалится». Знал бы он, кто она, эта обыкновенная женщина...

Это — героиня, о которой люди легенды слагали, это — наш дорогой партизанский доктор Дина Казимировна Маевская. Пришла она к нам в отряд совсем девочкой — только за год до войны окончила институт.

В конце августа 1941 года фашистские войска прорвались к Сейму. Местность, где находился врачебный участок Дины, оказа-

лась в зоне боевых действий, а несколько позже была оккупирована гитлеровцами. Дина связалась с коммунистами-подпольщиками. Ездил по деревням, разыскивала раненых красноармейцев и командиров, укрывала их у надежных людей, а в одной из хат целый госпиталь организовала. Выздоровевшим бойцам она помогала добраться к нам — партизанам, попутно передавая с ними разведывательные данные. Потом мы назначили Дину начальником санчасти нашего отряда. В постоянных боях и рейдах рос отряд, росла и Дина. К февралю 1942 года она уже была начальником медико-санитарной службы соединения партизанских отрядов Сумской области.

Был, помню, такой случай: заболела наш доктор Дина тифом. Температура высокая. А тут привезли тяжелораненого. Девушки-медсестры быстро превратили крестьянскую хату в операционную, подготовили раненого, инструментарий, а доктор в постели лежит чуть ли не в бреду. Собралась Дина с силами, встала и сделала операцию, спасла человека.

Я иногда думаю: может, Дина Маевская какой-то особенный человек? Тогда мне в жизни крепко повезло — сотни, даже тысячи таких вот «абсолютно особенных» людей встретил я.

Массовый всенародный героизм в годы войны диктовался осознанной необходимостью, был единственно возможным поведением советских патриотов. Они не хотели умирать. Но они могли жить только свободными и ради этой свободы, ради блага Родины бились до последней капли крови.

Многие считают, что мужество нужно проявлять только на войне, что в обыденной жизни и без него проживешь. А я, смотря на своих постаревших и поседевших боевых товарищей, думаю: нет, не правильно это. Взять, к примеру, Василия Александровича Войцеховича. Отваги и мужества у него на десятерых и сегодня хватает. Начал он в партизанах с рядового, кончил начальником штаба 1-й Украинской партизанской дивизии, Героем Советского Союза.

Вернулся Василий с войны инвалидом. Несколько ранений, контузия. Кажется бы, получай свою пенсию и живи спокойно, лечись, отдыхай. Но не тот характер у человека. Жажда быть в водовороте событий вызвала жажду знаний. Превозмогая послеоперационные боли, сидел Василий ночи напролет над книгами, пока не окончил вуз. И снова в строю. Вот уже более полутора десятков лет Василий Александрович Войцехович — руководитель крупных лесхозов.

Немало пужно настоящей доблести и душевной цельности, чтобы жить так, как живет Герой Советского Союза, бывший комиссар Чехословацкой бригады имени Яна Жижки, ныне доктор исторических наук Всеволод Иванович Клоков, беспримерной смелости человек. Он не так давно защитил докторскую диссертацию. А это порой бывает потруднее, чем сложную битву выиграть.

Или наш прославленный подрывник-минер — поэт Платон Во-

рошко. Уже через неделю после прибытия в соединении партизанских отрядов Сумской области он пустил под откос свой первый вражеский эшелон. Много раз ходил в разведку, взрывал мосты, чуть ли не на глазах у гитлеровцев. Бывал в таких переплетях, что далеко не каждый выдержит. Это человек, не знающий страха в бою, умеющий ориентироваться в сложнейшей обстановке, могущий во имя спасения товарищей пойти на смертельный риск. Одним словом, это такой герой, какими народ гордится. И вот недавно Платон признался, что порой боится оставаться наедине со своим письменным столом, перед чистым листом бумаги. Понять его нетрудно: не простая это штука — единоборство со словом.

К сожалению, иногда приходится слышать высказывания, особенно от молодых людей, что время великих свершений прошло, надо жить, не задумываясь, брать от жизни все, что можно. И подвигов никаких особенных теперь не совершишь, да и не нужен, мол, никому сегодня героизм. Не верно это.

...Недавно пришлось мне узнать об одной девушке из города Днепропетровска — Валерии Балякиной. Профессия у нее самая мирная, негероическая — директор продуктового магазина. Однажды под вечер, когда Валерия подготавливала дневную выручку для сдачи в банк, в комнату ворвались трое вооруженных и потребовали отдать деньги. Девушка отказалась. Тогда один из бандитов выстрелил и ранил девушку. Заливаясь кровью, Валерия бросилась к сейфу и закрыла его своим телом. Грабители пытались оттащить ее, били пистолетом по голове, но Валерия не отступилась, пока на помощь не прибежали люди.

Возможно, кто-то скажет: стоило ли ей рисковать жизнью? Да, человеческая жизнь дороже денег, но еще дороже было для комсомолки Балякиной сознание своего гражданского долга. Если бы нагрянуло горе, такой человек, как Валерия, во имя долга, во имя Родины и под пули и на смерть пошел бы.

Много героического совершают наши советские люди ежедневно, ежечасно. Вот Люба Чубенко из Донецка, совсем еще девочка, школьница, шла из школы домой, видит — в подъезде дым, из-за закрытой двери доносится детский плач. Люба позвала соседей, сама через форточку вошла в квартиру, в дыму разыскала тронх малышей и вытащила их. Огонь погасили еще до прибытия пожарной команды.

Кажется, невелик подвиг, но после того, что сделала эта девочка, нельзя не верить, что она — верный, мужественный, настоящий человек.

Если бы у Валерии или у Любы был потребительский подход к жизни, если бы не было у них тех высоких моральных критериев, которые воспитываются комсомолом, нашей школой, всей советской действительностью, может, они и не смогли бы выйти с честью из той сложной ситуации, какую уготовил им случай. В том-то и дело, что у советских людей есть основа для мужества,

справедливости, смелости — это беззаветная любовь к Отечеству, к своему народу, к делу, которому мы служим.

Конечно, не каждый день и не на каждого нападают бандиты или возникают пожары. Но каждый день наши друзья-соотечественники, товарищи по работе совершают свои незримые подвиги во имя процветания Родины, во имя блага народа. Много лет я знаю Григория Яковлевича Царика — токаря киевского завода «Арсенал». Не раз приходилось встречаться с ним на сессиях Верховного Совета УССР, на заседаниях Президиума Верховного Совета республики, членом которого он избран. Скромный и очень славный человек. Недавно ему вручали награду — орден Ленина и Золотую Звезду Героя Социалистического Труда. Что же он сделал такого особенного, героического? Он просто работал. 42 года проработал токарем и достиг таких вершин мастерства, что ему на заводе присвоили звание «Мастер — золотые руки». Он один из первых в стране возглавил бригаду коммунистического труда и вырос в своем коллективе таких орлов, которыми теперь весь завод гордится. Много у Григория Яковлевича дел — общественных, депутатских, но самым главным, любимым его делом было и остается токарное дело, которому он посвятил всю свою жизнь. Не зря Григорий Яковлевич — заслуженный рационализатор республики. Изю дня в день совершал он свой незримый подвиг, и народ оценил его по заслугам, потому что в нашей стране труд является делом чести и доблести.

Очень трудно ответить на вопрос, который иногда задают: как стать героем? Героическое не растят в своей душе специально. Растят человеческое, гражданское. И если ты настоящий человек, гражданин, если знаешь, во имя чего живешь, тогда сумешь сделать свою жизнь прекрасной, благородной и мужественной.

1964 г.

Товарищи по оружию

В эти весенние дни почта приносит особенно много писем. Пишут пионеры и учителя, инженеры и строители, люди, разные по профессии и возрасту. Приятно читать эти сердцем написанные строчки. Особенно волнуют письма бывших партизан. Кажется, столько лет прошло, люди уже давно другими, мирными делами занимаются, а для меня они все еще партизаны.

Да, радостные это минуты, когда встречаешь друзей. И хоть изрядно поседели мы, а как сядем где-нибудь над Днепром да вспомним свои рейды и походы — будто целые десятилетия с себя сбрасываем. Нет для меня лучшего отдыха, чем встречи эти, чем эти письма.

Двадцать один год прошел с первого моего Майского праздника в Киеве. Мне тогда пришлось работать в Верховном суде республики.

А вокруг лежал в руинах родной Киев. Как ни уставали мы в суде, все же ходили на субботники и воскресники. Расчищали улицы, площади. Поднимали город из пепла.

В сорок пятом в Майский праздник и на День Победы приезжали ко мне в Киев многие друзья — те, кого партия, как и меня, оставила на освобожденной земле восстанавливать разрушенное войной хозяйство. Другие, кто воевал, с фронта письма прислали. Ну, конечно, подняли мы тогда чарки за победу, за воинов доблестных, за народ наш замечательный, а после и песни свои партизанские спели...

Великое это дело — солдатская дружба да партизанское братство. Навек в памяти друзья по оружию остались — нельзя забыть друг друга: закалку такую получили и в лесах почных, и в степях горящих, и в горах Карпатских. А пройти за войну по тылам врага боевыми рейдами пришлось немало: три области Российской Федерации, девять областей Украины, четыре — Белоруссии и два воеводства Польши — таков путь партизан нашего Сумского соединения. Потому и дружба у нас.

Недавно получаю письмо из Луганска. Пишет отец совсем юного партизана Валентина Косиченко. Пятнадцать лет было хлопцу, когда пришел он проситься в отряд. Мал ты еще, отвечали ему. А он свое: что хотите делайте, а от вас не уйду. Настырный мальчонка был, неугомонный. Взяли его — и не пожалели. Ходил Валя наравне со взрослыми и в разведку, и в атаку, и зарекомендовал себя мужественным, бесстрашным воином. За героизм, проявленный в боях, Валентин был награжден орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды. Помню, однажды я приколол к его груди медаль «Партизану Отечественной войны» II степени. Валентин Косиченко погиб в 1944 году за рекой Прут.

Теперь, когда видишь пионерню, невольно вспоминаешь Валентина и многих других ребят его возраста, которые стали солдатами и отдали все, что могли, для счастья Родины, для того, чтобы сегодня их нынешние сверстники жили счастливо, чтобы на земле был мир.

А вот еще одно письмо — от директора Наровлянской средней школы Александры Карповны Демидчик. Для меня она просто Шура или, как ее называли в соединении, Карповна. Пришла она к нам на одной из стоянок в Белоруссии, попросилась в разведку. На ее долю выпало нелегкое испытание — довелось ей идти парламентаром к командиру словацкого полка, переброшенного гитлеровцами для борьбы с партизанами. Мы знали, что словаки не хотят воевать против советских людей.

Словацкий полковник выслушал ее и говорит:

— А знаете, я ведь могу вас расстрелять...

— Знаю, но вы этого не сделаете...

— Правда, такне, как вы, должны жить. Мы очень жалеем, что не можем перейти на вашу сторону, фашисты уничтожат наши семьи. Но мы постараемся вам помочь,— заверил ее словак.

При первом же удобном случае словацкие солдаты создали видимость паники и передали партизанам две новенькие стомиллиметровые пушки с полным боекомплектом, много стрелкового оружия и боеприпасов.

Прошло немало времени, и наша Шура изменилась неузнаваемо. Теперь она пишет о школьном ремонте, о новой программе обучения, о том, какими стали ее уже взрослые дочери. Ее письма я читаю всегда с удовольствием.

Письма, письма... Вот еще одно — от полковника в отставке Василия Фомича Петрова. Свела нас с ним судьба в тяжелом 1941-м. Пришел он тогда в Спадчанский лес с группой офицеров: все в полной форме, с оружием. Пробивались они из окружения, преодолели сотни километров по тылам врага, в десятках боев участвовали. Армейские товарищи Петрова помогли нам освоить трофейное вражеское оружие.

Мне часто приходится получать письма из многих мест: из Москвы, из Омска, Новосибирска, Горького, Тбилиси... И невольно радуешься тому, как выросли наши люди. Пишет старший сержант Давид Баградзе. Начал он с рядового, кончил командиром полка, Героем Советского Союза. Теперь Давид руководит всеми геологоразведывательными работами в Грузии. Александр Тютерев, в прошлом тоже рядовой, потом командир роты, ныне возглавляет коммунальное хозяйство большого промышленного центра в Сибири — города Омска. Партизаны Иван Бережной, Юрий Колесников прислали свои книги.

А наш украинский поэт, давший народу столько замечательных песен, Платон Воронько! Он же начинал у нас. Большие, героические дела числятся за Платоном, лучшим нашим партизанским минером-подрывником.

Получил недавно письмо из Средней Азии, от министра охраны общественного порядка Киргизской республики Ушакова. Задумался, вроде бы и не было у нас такого, а ведь почти каждого по фамилии помню... Постой, постой. Да ведь это же командир действовавшего в Полесье героического комсомольско-молодежного соединения донецких шахтеров! Значит, наш брат, тоже товарищ по оружию.

Приятно сознавать, что партизаны по-прежнему идут в ногу со временем, что стоят они в первых шеренгах советского народа в борьбе за светлое будущее.

Говорят, друзей вспоминают и в беде, и в радости. Сегодня мне особенно приятно послать большой привет землякам-однополчанам, бывшим партизанам Сумщины. Хочется вспомнить Героя Советского Союза Петра Леонтьевича Кульбаку — командира Глуховского отряда, Григория Яковлевича Базыму — начальника штаба соединения, а сейчас пчеловода и виноградаря; его помощника, а потом начальника штаба 1-й Украинской партизанской дивизии, Героя Советского Союза Василия Александровича Войцеховича, ныне директора лесхоза; моего храброго адъютан-

та Николая Матвеевича Политуху. Всех вас, славные друзья партизаны!

Мирный май снова пришел к нам. Светится счастьем цветущая Украина, вся Советская страна.

Пусть же каждый из нас, садясь сегодня за праздничный стол, вспомнит добрым словом своих товарищей по оружию. Тех, с кем плечом к плечу восвал, с кем строил мирную жизнь.

1965 г.

Партизаны

В первые же дни вторжения фашистских орд в пределы нашей Родины Центральный Комитет Коммунистической партии призвал советский народ отдать все свои силы борьбе за свободу и независимость первого в мире государства рабочих и крестьян.

Выполняя указания ЦК, партийные и советские органы районов, которым угрожало нападение, создавали партизанские отряды для борьбы с частями вражеской армии.

Боевым ядром партизанских отрядов были партийные организации, которые объединили всех, кто готов был идти на смертный бой за свободу социалистической Родины. Коммунисты и комсомольцы, а их насчитывалось в рядах партизан до 40 процентов, своим примером вдохновляли партизан на героические боевые подвиги и проводили широкую массово-политическую работу среди населения оккупированных врагом районов.

Выдающуюся роль в развитии партизанского движения среди народов СССР сыграл великий русский народ. Он шел впереди и заслужил всеобщее признание. В грозный час смертельной опасности дружба советских народов проявилась во всей своей мощи и силе. В партизанских отрядах, воевавших на огромной территории от Северного Ледовитого океана до предгорий Кавказа, плечом к плечу шли представители всех наций и национальностей Советского Союза.

На Украине под руководством ЦК КП(б)У за короткий срок было организовано и оставлено в тылу врага 883 партизанских отряда и свыше 1700 диверсионных и истребительных групп. По мере того как формировались отряды, они переходили линию фронта и включались в боевую деятельность. Огромную работу по организации сопротивления немецко-фашистским оккупантам проводили подпольные обкомы и горкомы партии.

Бурный рост партизанского движения требовал централизованного руководства и координации действий партизанских отрядов и соединений в тылу врага с действиями Советской Армии на фронте: нужно было наладить снабжение партизанских подразделений оружием и надежной радиосвязью. Для осуществления этих задач

был создан Центральный штаб партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования и организованы штабы партизанского движения Украины, Белоруссии, Карело-Финской ССР, Краснодарского края, Ленинградской, Брестской, Смоленской и Крымской областей.

После первых же побед, одержанных нашей героической армией на фронтах, партизанские отряды и соединения по заданиям Ставки форсировали Десну, Сож, Днепр, Припять и двинулись в глубокие рейды по тылам врага, поднимая народные массы на вооруженную борьбу с гитлеровцами.

Осенью 1942 года соединение сумских партизанских отрядов, которым мне довелось командовать, вышло из Старой Гуты на севере Сумской области, прошло по Черниговщине, форсировало Днепр, взяло ряд городов, прошло с боями по Пинской, Волинской, Ровенской, Житомирской, Киевской, Полесской областям, уничтожило вражескую флотилию на Припяти. Одновременно соединение, возглавляемое А. Н. Сабуровым, совершило боевой рейд из Брянских лесов в Житомирскую область. Создался новый партизанский край на правобережном Полесье.

Весной 1943 года соединение черниговских партизан под командованием первого секретаря Черниговского обкома партии дважды Героя Советского Союза А. Ф. Федорова прошло рейдом из Черниговской области в междуречье Днепра и Припяти. Туда же перебазировались и другие соединения народных мстителей.

Летом 1943 года соединение партизанских отрядов Сумщины прорвалось в Карпаты и уничтожило там Биткувские и Яблуневские нефтепромыслы.

Земля всюду горела под ногами фашистских оккупантов. Только на Украине действовало более 4000 партизанских подразделений, в том числе 2198 соединений, бригад и отдельных партизанских отрядов, 1807 отдельных групп. По городам и селам республики функционировали 30 406 подпольных партийных, комсомольских и патриотических организаций. По отдельным, далеко не полным данным, на временно оккупированной врагом территории Советской Украины действовало около 200 000 партизан, подпольщиков и их активных помощников (по новым данным 500 000.— В. З.) — хозяев явочных квартир, связных, разведчиков.

Партизаны Украины не ограничились борьбой за освобождение родной земли. Когда героическая Советская Армия развернула наступление по всему фронту, отряды украинских партизан, выполняя свой интернациональный долг, двинулись по тылам врага на запад.

В конце 1944 года на территории Венгрии и Чехословакии действовали 6 партизанских бригад и 23 отряда общей численностью 18 000 человек. Эти отряды и соединения были организованы и созданы главным образом при помощи украинских партизан, которые перебрасывались для оказания братской помощи народам, попавшим под фашистское иго.

Яркий пример самоотверженной борьбы советского народа за честь и независимость своей Родины и огромный опыт советского партизанского движения вдохновляли на борьбу с ненавистными фашистскими агрессорами народные массы Польши, Чехословакии, Югославии, Венгрии, Греции, Франции, Италии и других стран.

Двадцать лет прошло со дня великой победы над фашизмом. О советских партизанах, об их подвигах поют песни, слагают легенды. Сегодня они — простые советские люди — трудятся вместе с бывшими воинами-фронтовиками, вместе со всем советским народом над созданием материальной базы коммунизма, стремясь приблизить светлый день нового, коммунистического общества.

1965 г.

Содержание

СЛОВО О НАРОДНОМ ГЕРОЕ	3
ВОСПОМИНАНИЯ	
ОТ ПУТИВЛЯ ДО КАРПАТ. <i>Лит. запись Е. Н. Герасимова</i>	19
ИЗ ДНЕВНИКА ПАРТИЗАНСКИХ ПОХОДОВ	168
ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ. <i>Лит. запись А. С. Палея</i>	311
ОЧЕРКИ, СТАТЬИ	
БОЕВАЯ ЗАКАЛКА	349
ДО ПОСЛЕДНЕГО ДЫХАНИЯ СЛУЖИТЬ НАРОДУ	350
ВСТРЕЧИ ВО ВРЕМЯ СЛАВЯНСКОГО КОНГРЕССА	352
В ГОСТЯХ У ИТАЛЬЯНСКИХ ПАРТИЗАН	355
В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО ДЛЯ ПОДВИГА	363
БРАТСТВО, РОЖДЕННОЕ В БОЯХ	365
ЛЮДИ ИЗ СПАДЩАНСКОГО ЛЕСА	367
ЧУВСТВО ВЕЛИКОЕ, БЛАГОРОДНОЕ!	372
РОДИНОЙ НАШ ЧАПАЙ	377
О МУЖЕСТВЕ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ...	379
ТОВАРИЩИ ПО ОРУЖИЮ	382
ПАРТИЗАНЫ	385

К56 Ковпак С. А.
Воспоминания, очерки, статьи /Сост. и предисл. В. А. Замлинского.— К. : Политиздат Украины, 1987.— 388 с.: ил., портр.

Сборник, посвященный 100-летию со дня рождения государственного и общественного деятеля, выдающегося организатора партизанского движения на Украине в годы Великой Отечественной войны, дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака, включает известные его произведения «От Путивля до Карпат». «Из дневника партизанских походов», «Партизанскими тропами», а также опубликованные в разные годы статьи, очерки, выступления, посвященные героическим традициям советского народа, воспитанию молодежи в духе патриотизма.

К 1304010000—053
М201(04)—87 157.87

63.3(2)722.5я44

Сидор Артемьевич
КОВПАК

*Воспоминания,
очерки,
статьи*

Составитель
*Замлинский
Владимир Александрович*

Киев
Издательство политической
литературы Украины
1987

Заведующий редакцией
В. И. Денисенко

Редактор
Л. Д. Михайлова

Младший редактор
Л. В. Ружницкая

Художник
Л. В. Демчишин

Художественный редактор
Н. И. Ткаченко

Технический редактор
М. М. Парфенюк

Корректоры
*А. Д. Бондаренко,
Г. Н. Капральская*

Информ. бланк № 4168.

Сдано в набор 21.12.86. Подписано в печать 13.03.87. БФ 21610. Формат 60×90^{1/16}. Бумага тип. № 1. Лит. гарн. Печать выс. Усл. печ. л. 24,56. Усл. кр.-отт. 24,81. Уч.-изд. л. 28,21+0,05 илл. Тираж 25 000 экз. Заказ 7—201, Цена 2 р.

Политиздат Украины, 252025, Киев-25, Десятинная, 4/6.

Головное предприятие республиканского производственного объединения «Полиграфкнига», 252057, Киев, ул. Довженко, 3.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Книги Политиздата Украины можно заказать
во всех местных книжных магазинах,
в магазинах и отделах «Книга — почтой»
облкниготоргов или облпотребсоюзов,
а также в книжных магазинах —
опорных пунктах издательства:

252000, г. Киев, ул. Красноармейская, 2,
магазин № 43;

310000, г. Харьков, Красношкольная наб., 18,
магазин № 17;

340000, г. Донецк, пр. Ильича, 2,
магазин № 142;

320000, г. Днепропетровск, ул. Ленина, 11,
магазин № 3;

244000, г. Сумы, ул. К. Маркса, 21,
магазин № 7;

263000, г. Луцк, ул. Ленина, 8,
магазин № 2;

333000, г. Симферополь, ул. Горького, 8,
магазин № 40;

270000, г. Одесса, ул. Дерибасовская, 13,
магазин № 46.